

ЛАРАРК
МАУНТ-ЭВЕРЕСТ
1996

АЛАСДЕР
ГРЕЙ

www.larark.com

**Аласдер Грей -
ЛАНАРК: Жизнь в
четырёх книгах (A
Life in Four Books)**

ЛАНАРК: Жизнь в четырёх книгах

Книга Третья. Глава 1

«Элита»

Ход в кафе «Элита» вел через лестницу из фойе кинотеатра. Одолев две ее трети, посетители попадали на площадку, где находилась дверь в сам кинотеатр, но клиенты «Элиты» следовали дальше, туда, где их ждала обширная, неопрятная на вид комната, заставленная стульями и низенькими кофейными столиками. Комната казалась грязной не потому, что там было не убрано, а из-за освещения. Пол был застелен малиновым ковром, обивка мебели была алой, завитки лепного узора на потолке — розовыми, но в свете тускло-зеленых бра все эти цвета превращались в оттенки коричневого, а лица посетителей делались серыми, как у мертвецов. Вход был расположен в углу, напротив находилась стойка из хрома и пластика, позади нее, за сверкающими ручками кофейного автомата, улыбался лысый толстяк. Одетый в черные брюки и белую рубашку с черным галстуком-бабочкой, он казался немым или необычно молчаливым. Он не произносил ни слова; посетители обращались к нему только за чашкой кофе или сигаретами, а в промежутках он сохранял такую неподвижность, что можно было подумать, будто стойка является его продолжением, вроде кольца при Сатурне. Дверца у бара вела на узенький балкон над входом кинотеатра. Там едва хватало места для трех столиков с металлической столешницей и опорой для зонта в середине. Никто не пил там кофе, потому что небо часто хмурилось, немилосердно задувал ветер, а то и лил дождь. Поверхность стола была в лужицах, повисшая мокрая ткань зонта хлопала об опору, сиденья были

сырые, и все же тут сживал обычно человек лет эдак двадцати четырех, закутанный в черный плащ с поднятым воротником. Он то взглядывал недоуменно на обложенное небо, то задумчиво покусывал сустав большого пальца. Других желающих обосноваться на балконе не находилось. Когда «Элита» бывала заполнена, тут слышалось множество языков и диалектов. Посетители были молодые люди до тридцати, и рассаживались они кликами по пятеро-шестеро. Клики существовали политические, религиозные, артистические, гомосексуальные, криминальные. В одних обсуждался спорт, в других — автомобили, в третьих — джаз. Иные имели главу; центром самой большой был Сладден. Его клика располагалась обычно на софе у балконной двери. Соседняя включала в себя прежних членов сладденовской клики, по их собственным утверждениям, ею пресытившихся, согласно же Сладдену, изгнанных из ее рядов. Клики не любили одна другую, не особенно ценили и кафе. Нередко посетители, выпив кофе, ставили чашку со словами: «Что за чертова дыра эта "Элита". Не пойму, чего ради мы сюда таскаемся. Кофе дрянной, освещение ни к черту, вокруг одни педерасты, шпана и евреи. Давайте выберем себе какое-нибудь другое место». И кто-нибудь отзывался: «Другого места нет. Чайная Галлоуэя — чересчур буржуазное заведение. Бизнесмены, стойки для зонтиков, олени головы. В "Шангрила"^[1] оглушительно орет музыкальный автомат, полно мордovorотов. Армстронгу там надавали по физиономии. Есть, конечно, пабы, но нельзя же все время наливать пиво. Нет, пусть здесь чертова дыра, но лучшего места у нас нет. Центр города, кино под боком. Не сидеть же все время дома, хочется иной раз и развеяться».

Кафе часто бывало переполнено и никогда не оставалось совсем без посетителей, хотя был случай, когда оно почти полностью опустело. Человек в черном плаще зашел с балкона в помещение и не застал там никого, кроме официанта и Сладдена, сидевшего на той же софе, что и обычно. Клиент повесил плащ на крючок и заказал кофе. Отвернувшись от стойки, он поймал на себе любопытный взгляд Сладдена. Тот спросил:

— Ну как, Ланарк, нашел?

— Что нашел? О чем ты?

— То самое, что искал на балконе. Или ты просто стараешься держаться подальше от нас? Просвети меня. Мне любопытно.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Не я один, а все мы. Его выкрикивают в службе обеспечения, а мы частенько стоим там в очереди. Садись.

Сладден похлопал по софе. Ланарк немного поколебался, потом поставил кофе и сел. Сладден продолжил:

— Скажи, зачем тебе сдался балкон.

— Я ищу дневной свет.

Сладден сморщился, словно от горечи.

— Время года для этого не самое подходящее.

— Ошибаешься. Недавно я заметил дневной свет, считал до четырехсот и более, а он все длился. Часто бывает и дольше. Ничего, что я об этом рассказываю?

— Продолжай! Многие бы не поняли, но я и сам любил выдумывать. Ты тоже пытаешься что-то выдумать, и мне это интересно. Давай, говори, что взбредет на ум.

Ланарку одновременно и нравился, и не нравился этот разговор. Как человек одинокий, он ценил возможность пообщаться, однако снисходительный тон отталкивал его. Он бросил холодно:

— Да нечего особенно говорить.

— А почему ты любишь дневной свет? Здесь хватает и обычного освещения.

— С его помощью я могу измерять время. Я насчитал тридцать дней, с тех пор как я здесь. Может, пропустил несколько, пока спал или пил кофе. Но когда нужно что-нибудь вспомнить, я говорю: «Это случилось два дня назад», или десять, или двадцать. От этого возникает чувство упорядоченности жизни.

— А как ты проводишь... проводишь дни?

— Гуляю, посещаю библиотеки и кино. Когда кончаются деньги, захожу в службу обеспечения. Но по большей части наблюдаю за небом с балкона.

— Ты счастлив?

— Нет, но я доволен. Можно жить и куда хуже.

Сладден рассмеялся:

— Не приходится удивляться твоей нездоровой заикленности на дневном свете. За то время, пока ты здесь находишься, можно было посетить десяток вечеринок, переспать с десятком женщин и десяток раз выпить, а ты отслеживал, как проходят один за другим тридцать дней. Вместо того чтобы превратить жизнь в

сплошной праздник, ты крошишь ее на дни и принимаешь их регулярно, как пилюли.

Ланарк бросил на Сладдена косой взгляд:

— А твоя жизнь — сплошной праздник?

— Я наслаждаюсь. А ты?

— Нет. Но я доволен.

— Почему ты доволен такой малостью?

— Чего мне еще ждать?

Клиенты все прибывали, и кафе почти заполнилось. Сладден сделался легкомысленней, чем в начале беседы. Он сказал беспечно:

— Жить стоит ради живых, волнующих мгновений, когда чувствуешь подъем, безграничную власть. Они даются нам с помощью наркотиков, преступлений, азартных игр, но цена уж очень высока. Другой способ — увлечения: к примеру, спорт, музыка или религия. Есть у тебя увлечения?

— Нет.

— Еще источники — работа и любовь. Работа — это не кидание угля лопатой и не уроки в школе. Я говорю о работе, которая обеспечивает человеку видное место в обществе. А любовь — это не брак и не дружба. Я имею в виду свободную любовь, которая заканчивается, когда нет больше пылких чувств. Возможно, тебя удивило, что работу и любовь я отнес к одной и той же категории, но и то и другое — это искусство управления людьми.

Ланарк задумался. Мысль Сладдена казалась логичной. Внезапно он спросил:

— Какой работой я мог бы заняться?

— Ты бывал в чайной Галлоуэя?

— Да.

— С кем-нибудь там разговаривал?

— Нет.

— Тогда бизнес тебе не по плечу. Боюсь, придется заняться искусством. Это все, что остается тем, кто непригоден к другой работе, но желает быть на виду.

— Искусство не для меня. Мне нечего поведать людям.

Сладден рассмеялся:

— Ты не понял ни слова из того, что я сказал.

Ланарк был слишком сдержан, чтобы выдать сильную обиду или гнев. Он сжал губы и нахмурился над кофейной чашкой. Сладден продолжил:

— Художник или артист ничего не говорит людям. Он выражает себя. Если он неординарная личность, его произведения удивляют или волнуют публику. В любом случае, с помощью искусства он проталкивает свою индивидуальность. Вот наконец и Гэй. Не подвинешься ли, чтобы ей хватило места?

Лавируя между обсаженных народом столиков, к ним приближалась худая хорошенькая девушка с усталым лицом. Она робко улыбнулась Ланарку, села рядом со Сладденом и произнесла взволнованно:

— Я не опоздала? Раньше мне...

— Мне пришлось ждать, — холодно буркнул Сладден.

— Ох, прости, ради бога прости. Раньше мне было никак не выйти. Я не думала...

— Принеси сигареты.

Ланарк растерянно смотрел в стол. Когда Гэй отошла к стойке, он спросил:

— А что ты делаешь?

— То есть?

— Занимаешься бизнесом? Или искусством?

— Я на редкость искусно бездельничаю.

Ланарк стал искать в лице Сладдена хотя бы след улыбки. Тот добавил:

— Работа — это способ навязать себя другим. Мне же для этого ничего делать не нужно. Я не хвастаюсь. Просто так получилось.

— Похвальная скромность, однако ты не прав, утверждая, будто ничего не делаешь. Ты очень хорошо умеешь говорить.

Сладден улыбнулся и взял сигарету, протянутую Гэй, которая кротко вернулась к нему.

— Я не часто бываю так откровенен; большинству мои идеи не по уму. Но мне кажется, я могу тебе помочь. Ты знаком с кем-нибудь из здешних женщин?

— Ни с кем.

— Я тебя познакомлю. — Сладден обернулся к Гэй и, легонько ущипнув ее за мочку уха, спросил благосклонно: — Кого бы ему дать? Фрэнки?

Гэй рассмеялась, и вид у нее тут же сделался счастливым.

— Нет-нет, Сладден, Фрэнки крикливая и вульгарная, а Ланарк из тех, кто занят своими мыслями. Только не Фрэнки.

— Тогда как насчет Нэн? Она тихая и любит изображать послушную девочку.

— Но Нэн по уши влюблена в тебя!

— В том-то и беда. Надоело: стоит тебе коснуться моей коленки, и глядь — она уже рыдает в углу. Отдадим ее Ланарку. Или нет. Я придумал кое-что получше. Я возьму Нэн, а Ланарк — тебя. Как насчет такого варианта?

Гэй наклонилась к Сладдену и изящно коснулась губами его щеки.

— Нет, — сказал он. — Мы дадим ему Риму.

Гэй нахмурилась:

— Не люблю Риму. Она хитрая.

— Не хитрая. Замкнутая.

— Но к ней равнодушен Тоул. Они держатся парой.

— Это ничего не значит. Он привязан к ней, как к сестре, а она к нему — как к брату. Просто кровосмешение какое-то. Кроме того, она его презирает. Отдадим ее Ланарку.

— Вы очень добры, — с улыбкой проговорил Ланарк.

Где-то он слышал, что Гэй и Сладден помолвлены. меховая перчатка на левой руке Гэй мешала разглядеть, надето ли на ней кольцо, но держались они со Сладденом на публике как близкие люди. Прежде Ланарк

невольно робел рядом со Сладденом, но в присутствии Гэй успокоился. Что бы там ни говорили о «свободной любви», Сладден относился к этому чувству серьезнее, чем было принято в «Элите».

Из кино прибыла клика Сладдена. Фрэнки оказалась живой толстушкой в голубой узкой юбке и с прической из пучков голубых волос. Нэн, маленькая, робкая и нечесаная, выглядела лет на шестнадцать. Рима была интересная, но некрасивая; ее черные волосы были забраны назад и связаны на затылке в конский хвост. У Тоула, приятного юноши, невысокого и тощего, пробивалась на лице остроконечная рыжая борода. Был еще большой и плотный парень по фамилии Макпейк, в форме первого лейтенанта. Пока они рассаживались вокруг, Сладден не удостоил их и взгляда, а, обнимая Гэй за талию, продолжал беседовать с Ланарком. Из всей компании одна лишь Фрэнки обратила на Ланарка внимание. Она стояла, расставив ноги и уперев руки в бедра, а когда Сладден умолк, заявила громко:

— Это человек-загадка! К нам присоединился человек-загадка! — Выпятив живот, она спросила: — Что ты думаешь о моем брюхе, человек-загадка?

— Ну, вероятно, оно выполняет свои функции.

Сладден улыбнулся краешком рта, остальные подняли брови.

— О, да он шутки шутит! — удивилась Фрэнки. — Бог ты мой. Сяду к нему поближе, пусть Макпейк ревнует.

Усевшись рядом с Ланарком, она положила руку ему на бедро. Он постарался скрыть свою растерянность, но все же выглядел смущенным. Фрэнки воскликнула:

— Бог мой! Он напрягся, прямо как... гм. Лучше мне промолчать. Расслабься, сынок, ну же. Нет, не может. Рима, давай поменяемся местами. Мне все же хочется к Макпейку. Он толстый, но он хотя бы поддается.

Они с Римой поменялись местами. Ланарк был и рад, и обижен.

Вокруг завязались разговоры, но Ланарку не хватило смелости присоединиться. Рима предложила ему сигарету.

— Спасибо. Твоя подруга навеселе?

— Фрэнки? Нет, она всегда такая. Не то чтобы мы были подруги. Ты из-за нее расстроился?

— Да.

— Привыкнешь. Она забавная, если не принимать ее выходки близко к сердцу.

Рима бормотала странным монотонным голосом, как будто ни одно слово не заслуживало того, чтобы сделать на нем ударение. Ланарк скосил взгляд на ее профиль. Он увидел блестящие черные волосы, оставлявшие свободным широкий лоб, безукоризненный разрез больших глаз, слегка обрисованный тушью, ровный длинный нос, узкие прямые губы без помады, небольшой решительный подбородок, аккуратный маленький бюст под черным свитером. Если Рима заметила взгляд Ланарка, то не выдала этого, а только откинула назад голову и выдохнула через ноздри дым. Заметив в ней сходство с маленькой девочкой, которая подражает курящей женщине, он ощутил неожиданный прилив нежности.

— О чем был фильм?

— О людях, которые почти сразу разоблачились и принялись выделывать все, что им взбрело в голову.

— Тебе нравятся такие фильмы?

— Нет, но скуки не вызывают. А у тебя?

— Я ни одного не видел.

— Почему?

— Боюсь, что мне понравится.

— А мне такие нравятся, — вмешался Сладден. — Нет ничего приятней, чем воображать, как исполнители ролей будут выглядеть во фланелевом белье и толстых твидовых юбках.

— Мне тоже нравятся, — подхватила Нэн. — Кроме самых пикантных кусков. Ничего не могу с собой поделать: закрываю глаза. Правда, глупо?

— А у меня от них одна досада, — сказала Фрэнки. — Надеюсь увидеть какое-нибудь по-настоящему удивительное извращение, но таких, наверное, не бывает.

Принялись обсуждать, как могло бы выглядеть удивительное извращение. Фрэнки, Тоул и Макпейк высказывали идеи. Гэй и Нэн вскрикивали от ужаса и веселья. Сладден вставлял иногда замечание, а Ланарк и Рима молчали. Ланарка смущала тема разговора, и он думал, что Рима тоже недовольна. Это сближало его с нею.

Потом Сладден шепнул что-то на ухо Гэй и встал.

— Мы с Гэй уходим, — объявил он. — Увидимся позже.

Нэн, беспокойно сверлившая его взглядом, внезапно скрестила руки на коленях и спрятала в них лицо. Тоул, который сидел рядом, ласково обнял ее за плечи, изобразил печально-сочувственную гримасу и ухмыльнулся компании. Сладден взглянул на Ланарка и произнес мимоходом:

— Подумаешь над моими словами?

— Да. Тут есть над чем поразмыслить.

— Обсудим позже. Пошли, Гэй.

Огибая заполненные столики, они удалились. Фрэнки насмешливо заметила:

— Похоже, Тоул, придворный фаворит теперь не ты, а человек-загадка. Хотела бы я ошибаться. А то ведь придется тебе взяться за старое ремесло придворного шута. А Рима никогда не спит с придворными шутами.

Не выпуская из рук трясущегося плеча Нэн, Тоул ухмыльнулся и произнес:

— Заткнись, Фрэнки. Это ты придворная шутиха и всегда ею будешь. — Извиняющимся тоном он бросил Ланарку: — Не обращай на нее внимания.

Рима взяла с соседнего сиденья свою сумочку и сказала:

— Ну, я пошла.

Ланарк попросил:

— погоди секунду, я тоже собираюсь на выход. Обойдя столик, он надел пальто. Остальные попрощались, а Фрэнки крикнула в спину Ланарку и Риме:

— Счастливо развлекся!

Глава 2 Рассвет и квартира

В нижнем фойе было пусто, если не считать девушки за кассой. Через стеклянные двери Ланарку были видны огни фонарей, отраженные в лужах. Временами дверь уступала особенно сильному порыву ветра и внутрь со свистом проникал сквозняк. Рима вынула из сумочки пластиковый дождевик. Ланарк помог ей одеться и спросил:

- Где останавливается твой трамвай?
- На перекрестке.
- Отлично. Мой тоже.

Снаружи им пришлось сражаться с ветром. Ланарк взял Риму за руку и, желая ощутить, что тащит ее, с усилием рванулся вперед. Перекресток располагался неподалеку, рядом с трамвайной остановкой был вход во двор. Беззвучно смеясь, они шагнули туда, чтобы укрыться от ветра. Волосы Римы, выскользнувшие из пряжек, двумя водопадами струились вдоль ее спокойного лица; большие глаза смотрели на Ланарка. Она пальцами зачесала волосы назад, морщась и повторяя: «Мешают, сил нет».

- Мне нравится такая прическа.

Они постояли молча у противоположных стен, выглядывая на улицу. Наконец Ланарк откашлялся.

- Ну и паршивка эта Фрэнки.

Рима улыбнулась.

— Она безобразно обращалась с Тоулом.

— Видишь ли, она была на взводе.

— Почему?

— У нее к Сладдену те же чувства, что и у Нэн. Когда Сладден и Гэй уходят парой, Нэн начинает рыдать, а Фрэнки грубить. Сладден объясняет это тем, что у Нэн эго негативное, а у Фрэнки — позитивное.

— Бог мой! Неужели все приятельницы Сладдена в него влюблены?

— Я — нет.

— Рад это слышать. О, гляди! Гляди!

— На что?

— Гляди!

Перекресток был местом, где сходились несколько широких улиц, и Ланарку с Римой были видны две из них, хотя даль окутывала сгустившаяся тьма. Приблизительно в миле, на вершине большого плоского холма, обе улицы упирались в жемчужно-серый небосклон. Большая часть неба оставалась черной, бледное зарево не добралось еще до крыш домов, и можно было подумать, что в концах двух улиц занимают два отдельных дня. Рима повторила:

— На что глядеть?

— Видишь? Видишь это... как же оно называется? Когда-то это обозначалось специальным словом...

Рима проследила, куда указывал его палец, и спросила холодно:

— Ты говоришь об этом зареве?

— Рассвет. Вот как это называлось. Рассвет.

— Довольно сентиментальное слово, не так ли? Он уже блекнет.

Ветер стих. Ланарк ступил на тротуар и, наклонившись, стал попеременно вглядываться в конец то одной, то другой улицы, словно собирался прыгнуть, но еще не решил куда. Рима не разделяла его волнения, и потому он на миг выбросил ее из головы. С легкой неприязнью она произнесла:

— Не знала, что ты равнодушен к таким предметам. — И добавила, помолчав: — Ладно, мой трамвай.

Миновав Ланарка, она вышла на дорогу. По шпалам пригромыхал древний-предревний, почти совсем пустой трамвай и остановился, заслонив Ланарку вид. Это был его трамвай. Рима вошла в вагон. Ланарк шагнул за ней, потом, заколебавшись, произнес:

— Слушай, мы ведь еще увидимся?

Когда трамвай тронулся с места, Рима небрежно махнула с площадки. Надеясь, что она обернется и махнет снова, Ланарк следил, как она поднялась наверх и села. Она не обернулась. Ланарк взглянул в конец одной улицы, потом другой. Тусклый размытый свет заметно померк. Внезапно Ланарк кинулся на середину самой широкой улицы и пустился бегом.

Он бежал, не отрывая взгляда от горизонта и смутно надеясь, что, если достигнуть его, пока свет окончательно не погаснет, день продлится дольше. Поднялся ветер. Порывы подталкивали Ланарка в спину, и бежать было проще, чем идти. С тех пор как Ланарк прибыл в этот город, он не знал более захватывающего

занятия, чем гонки с ветром к блекнувшему рассвету. Когда небо окончательно почернело, он остановился, перевел дыхание и поплелся на перекресток ждать трамвая.

Следующий трамвай повез его по одинаковым улицам с рядами многоквартирных домов. У остановки, где он вышел, дом стоял лишь с одной стороны, а с другой тянулась сплошная фабричная стена. Через двор он добрался до плохо освещенной лестницы, достиг верхней площадки и тихонько вошел в прихожую своей квартиры. Это была пустая комната с шестью дверьми. Одна вела в спальню Ланарка, другая — в уборную, еще одна — в кухню, где жила квартирная хозяйка. Другие соединяли прихожую с пустыми комнатами, где сквозь провалы в потолке виднелся гигантский чердак, по которому гуляли сквозняки. Когда Ланарк распахнул дверь своей спальни, хозяйка крикнула из кухни:

— Это ты, Ланарк?

— Да, миссис Флек.

— Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Кухня была чистая, но очень заставленная. Там стояли кресла, буфет, оттертый до блеска белый стол, неуклюжая газовая плита, а над ней полки с горшками. Большую часть одной из стен занимал железный стеллаж; под окном помещалась раковина и доска для сушки. Все горизонтальные поверхности были заполнены медными и фарфоровыми безделушками, а также бутылочками и банками с искусственными цветами — из пластика, подкрашенного воска и бумаги. Еще в одной стене имелась ниша с кроватью, и рядом с нею стояла

миссис Флек — невысокая женщина средних лет. Кивком подозвав Ланарка, она сказала строго:

— Посмотри!

Под стеганым одеялом лежали в ряд трое детишек с серьезными лицами и широко раскрытыми глазами. Это были худой мальчик и девочка лет восьми, а также пухлая малышка четырех-пяти лет. Ланарк узнал в них соседей по площадке. Он сказал:

— Привет, компания.

Старшие дети широко улыбнулись, младшая хихикнула и заслонила лицо руками, словно желая спрятаться. Миссис Флек проговорила сердито:

— Их мать, эта чертова кукла, исчезла.

— Исчезла? Куда это?

— Почему мне знать, куда исчезают люди? Минуту назад была, и вдруг ее не стало. Так вот, что мне делать? Я не могу оставить их без присмотра. Гляди, какие они маленькие! Но я не такая молоденькая, Ланарк, чтобы возиться с сосунками.

— Но ведь их мать, конечно, вернется?

— Она? Нет. Из тех, кто исчезает, когда гаснет свет, не возвращается никто.

— О чем это вы?

— Я стояла у раковины и мыла посуду, как вдруг погас свет. Это не был перебой с электроэнергией: фонари за окном продолжали гореть. Я подумала вначале: «Кто-то исчезнет, — а потом еще: — А что, если исчезну я?» Сердце бухало, как барабан, хотя с чего бы мне пугаться? Я ведь так устала, и спина болит, не

утихает. Часто думаешь: вот бы исчезнуть, и дело с концом. Так или иначе, свет снова загорелся, и я пошла заглянуть в твою спальню. Я знала, что ты ушел, ну а если ты потихоньку вернулся и это случилось с тобой?

— Почему? — тревожно спросил Ланарк.

— Я говорила уже: откуда мне знать, почему люди исчезают.

— Если бы я находился в спальне и... и исчез, как бы вы об этом узнали?

— О, обычно бывает какой-нибудь знак. От моего последнего жильца остался ужасный разгром, одежда была раскидана по всей комнате, платяной шкаф опрокинут, с потолка осыпалась добрая половина штукатурки — ту комнату мне с тех пор так и не сдать. А эти крики! Просто жуть. Но ты, Ланарк, так себя не поведешь — в этом я не сомневаюсь. Ты человек тихий. Так или иначе, тебя не было, и я вышла на лестничную площадку. Дверь была открыта, я сунула голову внутрь и позвала: «Сьюзи!» Я с ней всегда обращалась дружески, даром что она была уличная девка и совсем не следила за детьми. Только и делала, что пихала им сладости, и вот результат. Открой рот! — скомандовала она младшей девочке.

Та послушно раскрыла рот, показывая на верхней и нижней десне ряд коричневых заостренных обломков с провалами между ними.

— Ты только посмотри! Едва-едва из пеленок, а ни одного здорового зуба во рту.

— А что произошло дальше? — спросил Ланарк.

— Я позвала «Сьюзи!», а детишки в ответ крикнули, что их мамочка исчезла. Так ведь?

Она уставилась на детей, которые энергично закивали.

— Ну вот, Ланарк, эта квартира — жуткая помойка. Настоящий хлев. Я не могла их там оставить, так? Я привела их сюда, отмыла и положила в постель, а теперь стираю их одежду. Но если уж я за вас взялась, то вы мне смотрите! — яростно рявкнула она детям. — Я вам не мамочка, потакать не стану!

Дети улыбнулись ей, младшая хихикнула. Миссис Флек наклонилась над кроватью и, постанывая, стала подтыкать детям одеяло.

— Ох, Ланарк, видеть не могу этих поганцев!

Ланарк погрозил детям кулаком и начал строить такие уморительные грозные гримасы, что обратно в свою спальню он добирался под аккомпанемент веселых выкриков и хохота.

Спальня Ланарка была похожа на коридор с высоким потолком, дверью в одном конце и окном без занавесок в другом. Вдоль одной стены стояли стул, походная кровать и шкаф; обои и линолеум были коричневого цвета, ковра не было. О том, что комната обитаема, свидетельствовал только небольшой рюкзак на верху шкафа. Ланарк стянул с себя одновременно пиджак и плащ и повесил их на крючок за дверью, потом улегся на кровать, подложив руки под голову. Усталость, как правило, заставляла его в конце концов раздеться и забраться под одеяло, но, страдая заболеванием, делавшим сон процессом малоприятным, он старался

обычно подольше полежать и подумать о том, что пережил недавно.

Исчезновения случались. Погас свет, и не стало матери троих детей. Она была хорошо знакома Ланарку. Эта приветливая, вульгарно-привлекательная женщина частенько приводила в дом посторонних мужчин. Ланарк не находил причины, почему она должна была исчезнуть. Он выбросил это происшествие из головы и стал думать об «Элите». Теперь он пойдет туда не для того, чтобы сидеть на балконе: у него есть знакомые, которые его ждут. Эта мысль не приносила особого удовольствия. Клике Сладдена не доставало достоинства. Куда благородней — так ведь? — сидеть снаружи, наблюдать за небом и ждать света. Он вспомнил, как часто лишь делал вид, что наблюдает за небом, а сам хотел в тепло, поближе к хорошо одетым, привлекательным женщинам. «Признайся! — сказал он себе. — Ты смотрел на небо, потому что робел познакомиться с людьми».

Ему вспомнилась Рима, которая сидела с компанией, но держалась как будто особняком. Он подумал: «Нужно познакомиться с нею поближе. Что за досада: мог бы проводить ее домой, но вмешался треклятый рассвет!»

Он подумал о Сладдене. Подобно Риме, тот как будто отделял себя от страстей, бушевавших вокруг него. Любимый тремя женщинами, он хранил верность одной — Ланарк, пожалуй, видел в этом заслугу. Далее, у Сладдена были свои взгляды на жизнь, он предложил чем-нибудь заняться. Ланарк не хотел заниматься искусством, однако в нем росло стремление делать что-нибудь полезное, а писателю для начала всего-то и требовалось, что ручка и бумага. Кроме того, он имел

представление о писательском труде, поскольку, блуждая по городу, посещал публичные библиотеки и прочел достаточно рассказов и повестей, чтобы понять: все они делятся на два рода. Один — что-то вроде киносценария, где много действия и почти совсем нет мыслей. Другой — повествование о несчастном умном человеке (часто о самом авторе), который много думает, но почти ничего не делает. Согласно предположению Ланарка, хорошие авторы создавали преимущественно книги второго рода. Он подумал: «По словам Сладдена, чтобы выразить себя, мне нужно писать. Наверное, я мог бы сочинить историю о том, кто я и почему решил писать. Но есть одна трудность».

Им овладело беспокойство, и он принялся расхаживать по комнате.

Беспокоиться он начинал всякий раз, когда вставал вопрос о том, кто он есть.

— Какое имеет значение, кто я? — спросил он вслух. — Что мне в том, зачем я сюда пришел?

Он приблизился к окну и уперся лбом в стекло, надеясь, что холод прогонит затруднение. Однако произошло обратное. Окно выходило на квартал пустых строений, и разглядел он лишь темные очертания своего лица на туманном фоне комнаты. Он вспомнил другое окно, в котором не было видно ничего, кроме отражения. Его затопили отвращение и досада, сопровождавшиеся чувственными фантазиями о Риме.

Внезапно Ланарк подошел к шкафу и открыл единственный глубокий ящик внизу. Он был пуст, лишь на дне лежала побуревшая бумага. Ланарк сложил ее несколько раз и, аккуратно разрезав по сгибам, получил пачку листов в двадцать. Затем вынул ящик, поставил

его на пола рядом со стулом, положил на ящик бумагу, достал из кармана куртки ручку, сел и четкими мелкими буквами вывел на первой странице:

Первое, что я помню, — это

Добавив еще несколько слов, он вычеркнул все написанное и начал заново. Эту процедуру он проделал четырежды, поскольку всякий раз у него в памяти всплывало событие более раннее, чем то, о котором он взялся повествовать. В конце концов он придумал подходящий зачин и заполнил, не отрываясь, тринадцать страниц, но, когда стал их перечитывать, обнаружилось, что добрая половина слов не содержит в себе смысла, а добавлена только ради лучшего звучания. Ланарк вычеркнул эти слова и переписал текст на оставшиеся листки бумаги, внося попутно поправки. Впервые — пока был в этом городе — ощутив настоящую усталость, он разделся до белья, скользнул под одеяло и заснул мертвецким сном.

Глава 3 Манускрипт

Первое, что я помню, — это стук, а затем то ли я открыл глаза, то ли включился свет, но я увидел, что нахожусь в уголке старого железнодорожного купе. Судя по звуку и темноте за окном, поезд шел через тоннель. Ноги сводила судорога, но я был беззаботен и счастлив. Я встал, сделал шаг и испугался, увидев свое отражение в окне вагона. Голова у меня была большая и неуклюжая, шевелюра и брови густые, лицо обычное, но как будто незнакомое. Я решил поискать, кто еще есть в поезде.

От локомотива к хвосту поезда дул холодный ветер. Я шагал вперед, скользя взглядом по окнам купе. Там было пусто. В переднем конце коридора ветер так усилился, что мне пришлось схватиться за свисавший кусок резины в дверном проеме, который должен был бы вести в соседний вагон. Дальше путь был закрыт, поскольку там виднелась темная поверхность из деревянных планок, которая раскачивалась туда-сюда. Это был край товарной платформы. Подгоняемый ветром, я направился обратно и по открытой двери узнал свое купе. Задние купе были пусты, а дверь в торце выходила на металлическую цистерну, вроде тех, в которых перевозят нефть. Я вернулся в свое купе и, когда закрывал за собой дверь, заметил на вешалке над угловым сиденьем рюкзачок. Я насторожился. С момента пробуждения я наслаждался свободой. Мне нравилось, что я один, что вагон присоединен к грузовому составу, однако рюкзак меня испугал. Он был мой и содержал что-то плохое, но выбрасывать его в окно мне не хотелось. Я осторожно снял его с крючка, убеждая себя,

что никто меня не видит и в любом случае бояться нечего.

Сперва я пошарил в двух наружных карманах и нашел там вполне безобидные вещи: набор для бритья в пластиковом футляре, носки и неисправный магнитный компас. Открыв верхнюю застежку, я обнаружил свернутый черный дождевик, грязное белье и пижаму. Внизу лежали сложенная карта и бумажник, набитый документами. Я открыл окно, выбросил карту и бумажник и снова закрыл. Вернув себе спокойствие, я сложил вещи, водрузил рюкзак обратно на полку, а потом решил заодно обыскать и карманы одежды. Во всех до одного был песок и крохотные ракушки. Нашлись также носовой платок, ручка, ключ и карманная записная книжка. Ключ и записная книжка полетели вслед за бумажником и картой. Поезд засвистел и вышел из тоннеля.

Поезд несся по виадуку среди городских крыш. Небо было затянуто тучами; из-за сгустившейся темноты на улицах зажгли фонари. Улицы были широкие, пересекались под прямым углом; по их сторонам стояли большие каменные дома. Прохожих попадалось немного, а машин не было совсем. За крышами виднелись строительные краны, среди них — металлические каркасы. Направляясь туда, поезд пересек реку по мосту. Она была широкая, дно покрывала растрескавшаяся корка ила цвета хаки, а посередине вился узкий черный ручеек. Меня это встревожило. Я чувствовал, — и чувствую до сих пор, — что реке следовало бы быть полноводней. Я посмотрел вниз, во двор, где стояли два каркаса. Это были металлические цилиндры, увенчанные заржавевшими куполами; судя по грохоту механизмов внутри, работа над ними продолжалась. Поезд влетел в еще один тоннель, замедлил ход и, едва вынырнув,

остановился на сортировочной станции. В окнах по обе стороны я видел грузовые составы и торчавшие из них железнодорожные знаки. Небо еще больше нахмурилось.

Я немного посидел в своем теплом углу, не желая выходить навстречу ненастью. Потом погас свет, и я вскинул на плечо рюкзак, вышел в коридор, открыл дверь и спрыгнул на землю. Я стоял между двумя грузовыми составами. Моросил дождик, поэтому я опустил рюкзак и вынул плащ. Надев его, я заметил человека в черном комбинезоне и кепке, который приближался ко мне, пристально осматривая товарные платформы и делая карандашные пометки в записной книжке. Он остановился рядом со мной, сделал очередную отметку и спросил, не прибыл ли я с последним поездом. Я подтвердил. Он сказал:

— Не стоило отправлять целый вагон ради одного пассажира. Могли бы доставить вас в служебном.

Я спросил, который час. Он ответил:

— Мы здесь не особенно задумываемся о времени. Небо светлее, чем обычно, но это случайный свет, толку от него никакого.

Я спросил, знает ли он, куда мне идти. Он объяснил, что вот-вот появится человек, который обычно помогает в подобных случаях, и двинулся дальше вдоль платформ.

Навстречу нам бежала маленькая фигурка, не глядя миновавшая железнодорожника. Незнакомец остановился передо мной и с заискивающей улыбкой заглянул снизу мне в глаза. У него было красивое лицо со слабым подбородком и жирные волнистые волосы, которые заканчивались на затылке жидким локоном.

Наряд незнакомца составляли темно-бордовый галстук-бабочка, куртка до колен с бордовыми отворотами, узкие черные брюки и бордовые замшевые туфли. Голос звучал мягко, подвывая на гласных.

— Вы здесь новичок, так ведь?

Я сказал, что да.

— Я пришел вам помочь. Зовите меня Глопи. У вас, полагаю, пока нет имени. С вами кто-нибудь есть?

Я сказал, что нет.

— Пойду взгляну, просто чтобы быть уверенным. Не составите ли мне компанию?

Он настоял на том, чтобы обойти все купе и заглянуть под сиденья. Когда я помог ему спуститься, он со смешком заметил, что я очень сильный. Потом он предложил, что понесет мой рюкзак, но я перекинул ремень через плечо и спросил своего спутника, не знает ли он, где я мог бы переночевать.

— Конечно знаю! Для того я здесь и нахожусь! Я отведу вас в пансион, там мы приготовили комнату.

Я сказал, что пансион мне не годится, потому что у меня нет денег.

— Конечно нет! Мы оставим в пансионе ваш рюкзак и пойдем в службу обеспечения, там вам дадут положенные деньги.

Мы прошли скопление грузовых платформ и пересекли железнодорожные колеи. Между двух темных холмов впереди мерцали городские огни. Совсем стемнело, дождь лил как из ведра, мой проводник поднял мокрый воротник своей затейливой куртки. Моя одежда куда больше подходила к такой погоде. Я спросил, кто

платит ему за то, чтобы он встречал людей, и он отозвался обиженно:

— Никто. Я делаю свое дело, потому что люблю людей. Я верю в дружбу. Нужно заботиться друг о друге.

Мне стало его жалко. Я знал, что нельзя плохо относиться к людям лишь за то, что они не так выглядят или не так одеты, но он решительно мне не понравился. Я объяснил, что, прежде чем браться за что-либо другое, хочу получить деньги.

— А если я первым делом поведу вас в службу обеспечения, вы обещаете, что пойдете потом в пансион? — с хитрой миной проговорил он.

Я ответил, что ничего не обещаю, и прибавил шагу, стараясь его обогнать. Припустив следом, он выкрикнул:

— Хорошо! Хорошо! Я не говорил, что не провожу вас в службу обеспечения, так ведь?

Мы шли рядом, пока тропа не сделалась слишком узкой; тогда Глопи меня опередил. Дорога резко спускалась под откос между двумя холмами, похожими на мусорные кучи. На крутых поворотах я время от времени выходил вперед и чувствовал под ногами вроде бы золу и гнилое тряпье. Мы пересекли высохшее русло канала и добрались до начала улицы. Особого процветания в городе не замечалось. В дворовых проездах попадались там и сям группы подростков и стариков, но по большей части они были пусты и неосвещены. Витрины магазинов были забиты досками, за исключением лишь лавчонок, которые торговали газетами, сладостями, сигаретами и контрацептивами. Мы вышли на обширную площадь, по краям которой громыхали трамваи. Свет уличных фонарей падал только на нижние этажи зданий, но видно

было, что они большие и нарядные. У фасадов между колоннами жались люди, укрывавшиеся от дождя. Центральную колонну, верх которой терялся во тьме, окружали черные как сажа статуи. Несмотря на дождь, какой-то человек взобрался на пьедестал колонны и обращался к обозленной толпе. Мы прошли с краю, и я разглядел говорившего, его беспокойную улыбку, воротничок священнослужителя и синяк на лбу. Слова его тонули в насмешливых выкриках.

За площадью улица была застроена длинными деревянными бараками, которые соединял крытый проход. Глаз отдыхал на их освещенных окнах, в то время как окна более внушительных строений оставались темными. Глопи привел меня на крыльцо под вывеской: «СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ОТДЕЛ ПОСОБИЙ».

— Ну вот, здесь, — сказал он. Я поблагодарил, и он, переминаясь с ноги на ногу, добавил: — Мне бы нужно знать, собираетесь ли вы быть хоть чуточку дружелюбней? Я мог бы войти и подождать вас, но это чертовски долгая история, и, если вы все так же злобно настроены, я бы лучше пошел восвояси. — Я заверил, что ждать не нужно. Он печально отозвался: — Хорошо, хорошо. Я всего лишь старался помочь. Вы не знаете, что это такое — быть одиноким в большом городе. А я мог бы познакомить вас с очень интересными людьми — бизнесменами, деятелями искусства, девушками. У меня в пансионе живет несколько первоклассных красоток.

Глопи застенчиво заглянул мне в глаза. Я пожелал доброй ночи и отвернулся, но он схватил меня за руку и забормотал прямо в ухо:

— Вы правы, девушки — это не то, они коровы. Я вам не нравлюсь — ладно, но у меня есть приятели, военные...

Я высвободил рукав и шагнул через порог. Глопи за мной не последовал.

Барак был небольшой, но очень длинный и плотно заполненный народом, который теснился на скамьях. Вдоль стены шла стойка, разделенная на отсеки; в ближайшем к двери отсеке, под вывеской «СПРАВОЧНОЕ», имелся стул. Я вошел и сел. Ждать пришлось очень долго, но затем за стойку шагнул старик со щетинистыми бровями и спросил:

— Да?

Я объяснил, что только-только прибыл и у меня нет денег.

— Удостоверения личности у вас имеются?

Нет, ответил я.

— Точно? А карманы свои вы обыскали тщательно?

Да, ответил я.

— Кто вы по профессии и где работали?

Я не мог вспомнить. Он со вздохом извлек из-под стойки желтую карточку и потрепанную, без обложки, телефонную книгу.

— До медицинского осмотра мы не можем присвоить вам номер, но имя вы получите.

Старик начал наудачу листать книгу, и я заметил, что многие фамилии на ее страницах вычеркнуты красными чернилами.

— Аджеримзу? Ардир? Как насчет Бленим? Или Браун.

Передернувшись, я сказал ему, что знаю свое имя. Он уставился на меня недоверчивым взглядом. Я пошевелил языком в поисках слова или слога из прошлого, до вагонного купе, и, казалось, нащупал нечто коротенькое, начинавшееся с «Т» или «Гр», но тут же упустил. Самым ранним воспоминанием была фамилия, напечатанная под коричневой фотографией на стене купе — с горными пиками и деревьями на вершине холма. Ее я видел, когда снимал рюкзак. Я сказал, что моя фамилия Ланарк. Старик записал ее на карточку, которую протянул мне со словами:

— Идите с этим в медицинский пункт и отдайте доктору.

Я спросил о цели осмотра. Клерк, не привыкший к расспросам, отозвался:

— Нам необходимы данные для вашей идентификации. Если вы не хотите пойти нам навстречу, мы ничего не сможем сделать.

Медпункт размещался в соседнем бараке, куда нужно было идти через крытый проход. Я разделся за ширмой, и меня осмотрел невнимательный молодой врач. Насвистывая сквозь зубы, он вписал результаты в мою карточку. Рост у меня был 5 футов 7 3

/4

дюйма, вес — 9 стоунов 12 фунтов и 3 1

/2

унций^[2]. Глаза карие, волосы черные, кровь группы В (III). Особых примет не было, кроме мозолей на

мизинцах ног и твердого черного пятна на правом локте. Доктор измерил его карманной линейкой и сделал запись: «Без отклонений».

Я спросил, что это за уплотнение. Он ответил:

— Мы называем подобное «драконья кожа» — термин, наверное, скорее поэтический, чем научный, однако теория этого вопроса находится пока в зачаточном состоянии. Можете одеваться.

Я спросил, какое мне требуется лечение.

— В этом городе есть несколько врачей, которые заявляют, будто умеют лечить драконью кожу. Их объявления висят в окнах табачных лавок. Не тратьте на них деньги. Это болезнь самая обычная, вроде ртов, размягчений или судорог. У вас она проявлена очень слабо. На вашем месте я бы на нее просто не обращал внимания.

Я спросил, почему же тогда он обратил на нее внимание.

— В интересах идентификации, — весело отозвался он. — Болезни служат более верной приметой, чем такие переменные факторы, как рост, вес или цвет волос.

Он вернул мне карточку, сказав, чтобы я отнес ее обратно в справочное. Там мне предложили подождать вместе с остальными.

Среди тех, кто ждал, были люди разных возрастов, все плохо одетые и все (за исключением детей, которые играли между скамьями) ошалевшие от скуки. Иногда какой-то голос выкрикивал: «Уилл Джонс (или кто-то еще), подойдите к сорок девятому окну!» — и один из нас направлялся к названному отсеку, однако случилось

такое настолько редко, что я перестал этого ждать. Мое внимание переключилось на круглое пятно позади стойки, более светлое, чем остальная стена. Я был уверен, что там когда-то висели часы, но потом их сняли, иначе бы люди, зная, сколько прошло времени, не выдерживали бы ожидания. В моем нетерпеливом мозгу крутились мысли о том, насколько бесполезны эти раздумья, пока я окончательно не перестал думать и не впал в оцепенение, мало чем отличавшееся от сна. В таком состоянии я мог бы провести вечность, но меня пробудила женщина, усевшаяся рядом, — она только что прибыла и находилась еще в стадии беспокойства. Она вновь и вновь перекрещивала ноги, затянутые в тугие выцветшие джинсы. Поверх ее простой рубашки был накинута военный мундир; сверкали серый, ожерелья, брошки, браслеты, кольца. Вдоль спины висели спутанные волосы, густые и черные, и пахло от нее пудрой, духами и потом. Женщина вернула к жизни часть моих чувств, в том числе и чувство времени, поскольку она курила одну за другой сигареты из сумочки, где как будто лежало несколько пачек. Когда она зажгла двадцать третью сигарету, я спросил, как долго обычно заставляют ждать.

— Сколько им вздумается. Это просто безобразие.

Оглядев меня, она любезно спросила, не новичок ли я. Я подтвердил.

— Вы привыкнете. Эта система применяется намеренно. Они думают, что, проходя каждый раз через чистилище скуки, мы станем реже являться за деньгами. Ей-богу, они правы! У меня на иждивении трое малышей, один едва вышел из пеленок, и я работаю, чтобы их содержать. То есть — когда нахожу работу. Но не все

платят столько, сколько следует, и потому я снова здесь. Дурочка, вот я кто, самая настоящая дурочка.

Я спросил, какой она занимается работой. Она ответила, что нанимается к разным работодателям на неполный рабочий день, и дала мне сигарету. Потом спросила:

— Вы, наверное, ищете, где бы остановиться?

Я подтвердил.

— Могу вас устроить. То есть ненадолго. Если вам некуда податься.

Женщина бросала на меня искоса оценивающие взгляды, и меня это волновало. Мне она нравилась, нравилось находиться с ней рядом, однако она была первой женщиной, с которой я вступил в разговор, и было понятно, что вождеделение отчасти объясняется одиночеством. Я поблагодарил и сказал, что ищу постоянное жилье.

Чуть помедлив, она проговорила:

— Так или иначе, моя соседка, миссис Флек, только что потеряла жильца. Вы можете снять у нее комнату. Она старая, но довольно спокойная. То есть она очень респектабельная, но притом милая.

Я подумал, что это идея, и женщина написала на пустой сигаретной пачке адрес и как туда добраться.

Кто-то крикнул, чтобы я подошел к пятнадцатому окошку. Там меня принял все тот же старый клерк со щетинистыми бровями. Проговорив: «Ответ на ваш запрос положительный. Обратитесь в кассу за деньгами», он вернул мне карточку.

Я спросил, на какой срок рассчитано это пособие.

— Пока не найдете работу, но, если деньги закончатся раньше, эта карточка дает вам право повторно обратиться с запросом, который мы будем обязаны должным порядком удовлетворить. Рано или поздно. У вас есть еще неясности?

Поразмыслив, я спросил, не скажет ли он, как называется этот город.

— Мистер Ланарк, я клерк, а не географ, — отозвался собеседник.

Касса размещалась за дверью с закрытым окошком, в помещении, уставленном скамейками, хотя народу там было немного. Вскоре окошко раскрылось, мы выстроились в очередь. Проворная кассирша, спросив предварительно фамилию клиента, проталкивала каждому между прутьями решетки кучу бумажных денег и монет. Меня поразили величина этих куч и небрежность обращения с ними кассирши. Банкноты — разных валют — были грязными и мятыми. Среди мелочи я разглядел толстые медные пенни, стертые серебряные монеты с насечкой по краю, хрупкие пятицентовые фишки и гладкие латунные диски с дыркой посередине. Я распределил монеты по разным карманам, но так и не научился ими пользоваться, поскольку стоимость их каждый оценивал по-своему. Делая покупки, я протягивал горсть монет, чтобы официант, продавец или кондуктор сами взяли сколько, по их мнению, полагается.

Спустя тридцать один день, воспользовавшись указаниями на сигаретной пачке, я пришел в дом, где пишу эти заметки. За прошедшее время я не искал работу и не заводил знакомств, а дни считал лишь затем, чтобы насладиться их пустотой. По мнению Сладдена, у

меня слишком низкий уровень притязаний. Думаю, существуют города, где работа схожа с рабством, любовь — с ношей и постоянно приходится гнаться за временем; потому свобода имеет для меня особую ценность. Единственная моя забота — пятно на руке. Я его не чувствую, но стоит мне устать, кожа вокруг начинает зудеть, а когда я чешусь, пятно растет. Я, должно быть, чешусь во сне, потому что после сна оно каждый раз становится больше. Так что я принял на вооружение совет доктора и стараюсь выбросить это пятно из головы.

Глава 4 Вечеринка

Ланарк проснулся оттого, что кто-то барабанил по его груди. Это была маленькая девочка из соседней квартиры. Ее брат с сестрой стояли расставив ноги и размахивали шваброй с надетым на нее пальто, так что тряслись стойки шаткой кровати.

— Море, море! — кричали они. — Мы плывем под парусом!

Потирая веки, Ланарк приподнялся:

— Пошли прочь! Что вы знаете о море?

Дети запрыгали, и мальчик выкрикнул:

— Мы знаем о море все! У тебя в карманах полно морских раковин, ха-ха-ха! Мы их обшарили!

Дети с хихиканьем выбежали за порог и захлопнули дверь. Ланарк встал, чувствуя себя необычно свежим и отдохнувшим. Твердое пятно на локте не увеличилось. Он оделся, скатал рукопись в трубку и вышел.

Погода на удивление переменилась. Унылый дождь с порывами ветра уступил место пронзительной тишине и морозу, и Ланарку пришлось ускорить шаг, прихлопывая на ходу ладонями, чтобы не замерзнуть. Пока он ехал в трамвае, пальцы на ногах и руках у него жутко заоченели. Взобравшись по лестнице кинематографа, он вступил в забитую людьми «Элиту», которая поразила его теплом и уютom. В привычном уголке сидели Сладден с Гэй, Макпейк с Фрэнки, Тоул с Нэн и Рима, читавшая журнал мод. Рима кивнула и продолжала читать, но остальные удивленно заговорили: «Где ты пропадал? Что делал? Мы думали, ты исчез».

Ланарк уронил рукопись на столик рядом со Сладденом, тот поднял брови и спросил, что это.

— Да вот, накропал кое-что. Последовал твоему совету.

Рядом с Римой места не было, поэтому Ланарк втиснулся на диван между Сладденом и Фрэнки. Сладден прочел пару страниц, пробежал глазами остальное и протянул рукопись обратно со словами:

— Жвачка. Может, ты больше склонен к живописи. То есть, что ты постарался, это, конечно, хорошо. Рад за тебя, но твое сочинение — жвачка.

Ланарк вспыхнул от гнева. Любой ответ выдал бы его оскорбленное тщеславие, поэтому он промолчал и принудил себя улыбнуться.

— Боюсь, я тебя обидел.

— Нет-нет. Но мне хотелось, чтобы ты прочел внимательней, прежде чем судить.

— Нет нужды. По первым двум страницам я убедился, что твоя проза абсолютно невыразительна, это не более чем пересказ скучных фактов. Если автор не наслаждается словами самими по себе, то с чего ими станет наслаждаться читатель?

— Но я как раз наслаждаюсь словами — некоторыми словами — самими по себе! Такими, как «река», «рассвет», «день», «время». Они как будто содержательней, чем явления, которые ими обозначаются...

Фрэнки выкрикнула:

— Сладден, ты садист! Оставь человека-загадку в покое! Не обращай на него внимания, человек-загадка.

Сладден воображает себя Богом, но доказать это может, лишь мучая других. Верно, Сладден?

Сладден приподнял воображаемую шляпу и поклонился, но Фрэнки, судя по всему, раскипятилась всерьез. Она встала.

— Ну ладно, Макпейк приглашает нас на вечеринку, так что идемте, все вместе. Рима, тебе нет никакого дела до моды, поэтому брось притворяться, будто читаешь журнал, а займись лучше Ланарком. Присмотри, чтобы он не скис. Мне это не под силу.

Она двинулась к лестнице. Тоул, Макпейк и Сладден, обменявшись ухмылками, стерли со лбов воображаемый пот. Все встали. Сладден сказал Ланарку:

— Пойдем, там, наверное, будет весело.

— Кто устраивает вечеринку?

— Мы с Гэй. По случаю нашей помолвки. Но дом принадлежит одному приятелю, а выпивку выставляет армия.

— Это почему?

— Соображения престижа. Желают быть популярными.

У тротуара рядом с кинотеатром был припаркован стального цвета грузовик. Через раздвижную дверь все протиснулись на узкие сиденья. Один лишь Макпейк был одет по погоде — в перчатки и подбитую овчиной куртку. Он взялся за руль, и грузовик плавно тронулся с места. Сладден одной рукой крепко прижал к себе Гэй, а другой — Фрэнки. Фрэнки раздраженно отпрянула, но он проговорил:

— Мне нужны вы обе, девочки. А то околею от мороза.

Тоул и Нэн обнялись на заднем сиденье, однако Рима демонстративно выпрямила спину, и потому Ланарк, сидевший рядом, скрестил руки на груди и сцепил зубы, чтобы они не выбивали дробь. Благодаря обогревателю температура постепенно поднялась. На дороге было почти пусто, но, минуя трамвайные пути или пешехода, Макпейк каждый раз душераздирающе сигналил.

— Рима, на вечеринке будут танцы? — спросил Ланарк.

— Наверное.

— Будешь со мной танцевать?

— Наверное. Я не особенно разборчива.

Ланарк сжал руку в кулак и плотно прихватил зубами сустав большого пальца. Тронув его за руку, Рима произнесла спокойно:

— Прости... я не хотела сказать гадость. На самом деле я волнуюсь.

Едва не рассмеявшись от облегчения, Ланарк нежно привлек ее к себе:

— Хорошо, что ты сказала. Я уж подумывал сойти и отправиться домой.

— Не нужно все принимать всерьез.

Грузовик ехал по широким улицам вдоль заросших садов, потом свернул в изогнутую подъездную аллею, обсаженную кустарником. Там и сям среди темной листвы поблескивала в свете фар изморозь. Макпейк

посигналил и остановил грузовик перед большим зданием. Все вышли. Дом был квадратный, трехэтажный, с флигелями и теплицей. В окружении лиственниц, падуба и рододендронов он выглядел уютно и уединенно, однако в окнах горел свет, звучала музыка, на гравии у крыльца теснилось много автомобилей. Передняя дверь была распахнута, но Сладден, прежде чем повести свою компанию в холл, нажал кнопку звонка. Внутри царила тяжеловесная роскошь: пол был мозаичный, стены отделаны дубовыми панелями, подножие лестницы отделяли от остального пространства две колонны из черного мрамора. Из двери справа выглянула маленькая фигурка. Это был Глопи. Он оказался ниже и толще, чем запомнилось Ланарку, в волосах поблескивала проседь. На нем был серебристый парчовый жилет.

— Вот и ты, Сладден, — произнес он. — Оставьте пальто здесь, ладно?

Помещение было увешано натюрмортами в золоченых рамах, изображавшими фрукты и омаров. Овальный столик в центре был завален пальто и шарфами. С ухмылкой глядя на Ланарка, помогавшего Риме раздеться, Глопи сказал:

— Привет, привет! Добрались все-таки. С моей помощью у вас получилось бы быстрее.

— Так это ваш пансион?

— Не то чтобы мой собственный. Наверно, вы можете называть меня консьержем.

— Чем-чем?

— С какой стати вы мне хамите? Я вас не обижал.

— Ты не понял нашего человека-загадку, Глопи, — вмешался Сладден, поправлявший перед зеркалом галстук. — Он никогда не хамит. Он всегда очень серьезен. Где состоится сегодняшняя пирушка?

— Мы собрались в гостиной на первом этаже.

Внутренние стены и двери дома были, казалось, звуконепроницаемы: в холле царила тишина, если не считать шагов по мозаичному полу, но за противоположной дверью открылась заполненная толпой комната, где под громкий джаз танцевали пары. Публика была того же сорта, как в «Элите», только девушки наряжены более экзотично, а кроме того, Ланарку бросились в глаза несколько пожилых мужчин в темных деловых костюмах. Ланарк взял Риму за руку и повел внутрь.

Прежде Ланарк не особенно увлекался музыкой, но этот ритм захватывал, двигаться в такт было легко. Ланарк не сводил глаз с Римы. Движения ее были резкими, но грациозными. Темные волосы свободно лежали на плечах, по лицу блуждала рассеянная улыбка. Запись кончилась, и они остановились, держа друг друга за талию.

— Потом повторим? — спросил Ланарк.

— Почему бы и нет?

Внезапно он раскрыл рот и уставился в другой конец комнаты. В круглом эркере стоял стол, ломившийся от фруктов и напитков, за ним сидела девушка, которая разговаривала с плотным мужчиной в очках.

— Кто эта девушка... та высокая блондинка в белом платье? — пробормотал Ланарк.

— Не знаю. Крутится среди военных, наверное. Ты почему изменился в лице?

— Она мне знакома.

— Да?

— С прежних времен... до прибытия в этот город. Я помню ее лицо, но все другое забыл.

— Это важно?

— Как бы с ней заговорить?

— Пригласи ее танцевать.

— Ты не против, Рима?

— С чего бы?

Ланарк устремился к столу и достиг его в ту минуту, когда вновь заиграла музыка. Девушка потягивала напиток из стакана, а плотный мужчина от души смеялся тому, что она сказала. Ланарк тронул ее за плечо. Она отставила стакан и пошла за Ланарком на танцпол. У нее были живые манеры, кричащий макияж и густой загар. Сжимая ее руку, Ланарк спросил:

— Где я видел тебя раньше?

Девушка с улыбкой покачала головой:

— Понятия не имею.

— Я вроде бы хорошо тебя знаю.

— Вряд ли.

— Я убил тебя, правда?

С возгласом «О боже!» она отшатнулась. Гости останавливались и оборачивались к ним. Указав на Ланарка, девушка громко воскликнула:

— Ничего себе беседа на вечеринке! Только-только познакомились, и он спрашивает, не меня ли он как-то убил. Ничего себе приятно поболтали! — Обратившись к случайному свидетелю (им оказался Макпейк), она попросила: — Уведи меня подальше от этого ублюдка.

Они присоединились к танцующим. Проходя мимо Ланарка, Макпейк подмигнул ему. Ланарк отчаянно огляделся в поисках Римы, потом толкнул дверь, вышел и закрыл ее за собой.

В холле было совершенно пусто и тихо. А также довольно холодно. Ланарк принялся шагать из угла в угол, раздумывая, что предпринять. Он не понимал, почему у него с языка сорвался такой вопрос, но ему хотелось оказаться как можно дальше от всех свидетелей этой сцены, кроме Римы. Все же уходить он не спешил. Локоть чесался, и Ланарк подумал, не снимет ли зуд мытье. Без сомнения, в доме имелась ванная: выложенная плиткой, с чистыми полотенцами на подогреваемой сушилке, с прозрачным мылом и горячей водой к его услугам. У него в квартире ванной не было, с самого прибытия он ни разу не мылся и теперь чувствовал себя грязным и снаружи, и внутри. Освежающая ванна была его мечтой. Ланарк направился в конец холла и взобрался по устланной мягким ковром лестнице. В верхних этажах света не было, кроме того, что просачивался из холла. От второй лестничной площадки отходил коридор. В его середине на полу виднелся светлый треугольник: там была приоткрыта дверь. Бесшумно ступая по толстому ковру, Ланарк двинулся туда, остановился и глянул в узкую щель. Через нее была видна вертикальная полоса обоев, на которую

падал слегка мерцавший свет. Ланарк распахнул дверь и шагнул внутрь.

Комната оказалась библиотекой, освещенной огнем в резном камине. По стенам, над книжными шкафами, висели массивные портреты, в промежутках — старинное оружие, крест-накрест. Повсюду были расставлены кожаные кресла с высокими спинками; рядом с одним из них горел торшер под красным шелковым абажуром. Оттуда поднялся незнакомый человек, улыбнулся Ланарку и произнес:

— О, да это писатель! Входите, прошу вас.

Рост незнакомца приближался к семи футам, одет он был в свитер с вырезом поло и ладно сидевшие брюки цвета хаки; несмотря на возраст (пятьдесят или около того), фигура у него была по-юношески подтянутая. Бронзовая макушка была почти голой, за исключением пучков седых волос за ушами, под носом виднелись аккуратно подстриженные седые же усы, мальчишески живое лицо отражало добродушие. Ланарк неловко отозвался:

— Боюсь, я с вами не знаком.

— Именно-именно. Из вашей компании со мной знакомы немногие. Однако я собственник всего этого дома. Забавно, правда? Я сам часто над этим потешаюсь.

— А Сладден вас знает?

— Ну да, мы со Сладденом большие приятели. Что вы будете пить?

Он повернулся к буфету, где стояли бутылки и стаканы.

— Ничего.

— Ничего? Ладно, все равно садитесь, я хочу, чтобы вы мне что-нибудь рассказали. А я тем временем налью себе... каплю... «Смитс Гленливет Молт». Ваше здоровье.

Тепло очага, мягкий свет, спокойные манеры хозяина — все располагало к приятному отдыху. Ланарк опустился в одно из кресел.

Со стаканчиком в руке долговязый вернулся в кресло. Сел и положил ногу на ногу.

— Что побуждает вас, ребята, браться за перо? Вот вы, например, что вы получаете от труда писателя?

Ланарк попытался вспомнить.

— Это единственная дисциплинирующая работа, за которую я, как помнится, брался. После нее я лучше сплю.

— В самом деле? А какой-нибудь другой дисциплинирующий труд не помог бы вам лучше спать?

— Не знаю. Возможно.

— Вы никогда не думали пойти в армию?

— Зачем?

— Затем что в паре сжатых афористичных фраз вы связали понятия работы, дисциплины и здоровья. И я подозреваю, что, несмотря на сравнение себя с губчатым наростом или пиявкой, вы все же остаетесь представителем позвоночных. Или я не прав?

Ланарк подумал и спросил:

— Какая польза от армии?

— Вы имеете в виду пользу для общества? Оборона и занятость. Мы защищаем, и мы даем работу. Наверное,

вы снимаете комнату у женщины по фамилии Флек в многоквартирном доме у ковочного завода «Теркс-Хед».

— Откуда вы знаете?

— Ага! Нам известно почти все. Дело в том, что завод «Теркс-Хед» производит детали для наших Кью — тридцать девять. Как вы могли заметить, производство сейчас не процветает. Если бы не программа Кью — тридцать девять, завод пришлось бы закрыть, тысячи людей осталось бы без работы, были бы урезаны социальные выплаты. Подумайте об этом в следующий раз, когда захотите покритиковать армию.

— А что такое Кью — тридцать девять?

— Вы их видели. Они хранятся на открытых складах у реки.

— Вы говорите о больших металлических конструкциях, похожих на бомбы или артиллерийские снаряды?

— По-вашему, они похожи на бомбы? Отлично! Отлично! Это меня очень радует. Собственно, это укрытия для защиты гражданского населения. Каждое способно вместить до пяти сотен душ, когда бабахнет.

— О чем вы?

— Вас смутило «бабахнет»? Это фигура речи, относится к устаревшему способу боевых действий. Я имел в виду: когда будет дан знак, что начинается большое представление.

— Какое представление?

— Точно сказать затрудняюсь, поскольку формы могут быть разные. Мы можем принять на себя любой из шестидесяти восьми типов атаки, а защититься способны

— не стану от вас скрывать — лишь от трех из них. «Надежды нет! К чему суетиться?» — скажете вы и будете не правы. У другой стороны положение ничуть не лучше. Нашу подготовку к большому представлению трудно назвать адекватной, однако стоит от нее отказаться — и бабахнет. Я порчу вам настроение?

— Нет, но я запутался.

Долговязый сочувственно кивнул:

— Знаю, это трудно. Метафора — один из важнейших инструментов мысли. Она освещает области, которые иначе оставались бы под покровом тьмы. Однако свет ее бывает столь ярок, что не помогает видеть, а, наоборот, ослепляет.

Ланарка осенило, что, как бы плавно ни текла речь долговязого, он был пьян. Поблизости кто-то пробормотал несколько бессвязных слов. Обернувшись, Ланарк увидел плотного пожилого человека, сидевшего неподвижно в одном из кресел. Одет он был в темно-синий костюм и жилетку. Веки незнакомца были опущены, но он не спал — это было заметно по рукам, обхватывавшим колени. Вздвогнув, Ланарк спросил:

— Кто это?

— Один из отцов города. Бальи Додд.

— Нет, — фыркнул человек в кресле.

— Ладно, он, собственно, не просто бальи Додд. Он провост^[3] Додд. — Долговязый рассмеялся. — Да, — выдавил он из себя между взрывами смеха, — перед вами лорд провост всей этой жутко гига-гантской столицы!

Дабы успокоиться, хозяин выпил то, что оставалось в стакане, и направился к буфету за добавкой.

— Чего он хочет? — спросил провост.

Долговязый повернул голову.

— Да, Ланарк, чего вы хотите?

— Ничего.

— Он говорит «ничего», Додд.

После секундного размышления провост промолвил уныло:

— Тогда нам от него не будет никакого проку.

Возвращаясь в свое кресло, долговязый бросил:

— Во мне зарождается опасение, что вы правы. — Он улыбнулся Ланарку и сел. — Думаю, вы кончите тем, что присоединитесь к несогласным.

— Кто это такие?

— О, очень милые люди. Совершенно безвредные, ей-богу. Моя дочь — одна из них. Спорим до хрипоты. Я надеялся, что вы принадлежите к позвоночным, но вижу, что вы ракообразный. Вы найдете с несогласными общий язык: они в большинстве ракообразные. У вас вертится на языке вопрос, кто такие ракообразные. Я вам отвечу. Ракообразных, в отличие от тех же губчатых наростов или пиявок, не назовешь алчущей и чувствующей массой. У них есть четкие очертания. Но их форма определяется не позвоночником, а нечувствительной оболочкой, в которой заключено животное. В классе ракообразных вы найдете скорпиона, омара и вошь. — Он улыбнулся в стакан.

Осознав, что это оскорбление, Ланарк встал и спросил резко:

— Не скажете ли, где ванная комната?

— Третья дверь слева по пути к выходу.

Ланарк направился к двери, но на пороге обернулся:

— Вероятно, провост знает, как называется этот город?

— Конечно. Я тоже знаю. Но из соображений безопасности не скажем.

Ланарк открыл дверь, но был остановлен окликом: «Ланарк!» Обернувшись, он наткнулся на внимательный взгляд хозяина.

— Ланарк, если когда-нибудь вам захочется — как бы это сказать? — нанести удар во имя старого доброго Божественного Образа — позвоночного Образа, — дадите мне знать?

В его глазах стояли слезы. Ошеломленный, Ланарк поспешно вышел.

В коридоре было по-прежнему темно. Ланарк повернул налево и двинулся к лестнице, считая двери. За третьей оказалась не ванная, а роскошная, ярко освещенная спальня. На двуспальной кровати, поверх стеганого покрывала, катался клубок, из которого торчали головы Фрэнки, Тоула и Сладдена. Ланарк захлопнул дверь и прикрыл ладонями веки, но перед глазами стояло увиденное: клубок конечностей, три безумных пустых лица и рот Сладдена, который то открывался, то закрывался, словно бы что-то пережевывая. Ланарк сбежал по лестнице и устремился в

гардероб. Разыскивая в куче пальто на столе свой плащ, он услышал невнятный голос:

— Мне кажется, мы никогда по-настоящему друг друга не понимали.

В дверном проеме стоял, с пустой улыбкой на лице, Глопи. Ноги он держал вместе, руки по швам, жирные седые волосы и серебристая жилетка отсвечивали мокрым блеском. Ступая так, словно его бедра были склеены вместе, он сделал несколько шагов к Ланарку, затем с чавкающим звуком шлепнулся на пол, головой вперед. Он лежал в той же позе, в какой стоял, только голова резко задралась и слепо скалилась в потолок. Не двинув ни рукой, ни ногой, он внезапно заскользил по гладкому полу, приблизился к Ланарку на дюйм или два, и тут свет погас.

Темнота и тишина были настолько полными, что на мгновение Ланарка оглушило его собственное дыхание. Потом он услышал голос Глопи: «Нужно по-доброму относиться друг к другу. Почему бы нам с вами не...»

Фразу прервал холодный сквозняк, внезапно повеявший снизу и принесший с собой соленое зловоние, похожее на запах гнилых водорослей. Ланарк ощутил, что находится на краю ужасной ямы. У него закружилась голова, и он скорчился на полу, боясь упасть, если пошевелит ногой. Во все той же темноте он сидел на корточках очень долго.

Наконец в дверном проеме забрезжил свет из холла. На его фоне возникла дородная фигура, что-то пробурчала и включила свет. Это был провост Додд. Разбитый, чувствуя себя полным дураком, Ланарк встал.

— Глопи. Он исчез. Глопи исчез!

Провост оглядел комнату, словно Ланарка там не было, и пробормотал:

— Невелика потеря, сказал бы я.

Ланарк проникся ощущением, что каждый шаг в этой комнате может завести в невидимую ловушку. С трудом удерживаясь от того, чтобы побежать, он добрался до двери.

— Подождите, — окликнул его провост.

Прежде чем обернуться, Ланарк ступил в холл. Провост выпятил нижнюю губу, бросил хмурый взгляд на свои ботинки и сказал:

— Вы пришли с девушкой. Волосы у нее черные, одета была в черный свитер и юбку... юбку... Цвет забыл.

— Черную.

— Вот-вот. Не знаете ли, где она?

— Нет.

Провост посмотрел на него внимательно и отвернулся, вяло повторяя:

— Ну ладно, неважно. Неважно.

Хлопнув дверью, Ланарк поспешно выскочил на улицу.

Глава 5 Рима

Снаружи был туман. Подсвеченный из окон, он окутывал дом молочно-белым коконом, но дальше царила непроглядная тьма, и Ланарку пришлось двигаться по аллее наугад, не имея других ориентиров, кроме скрипа гравия под ногами и прикосновений к рукам и лицу заиндедевевших листьев.

По тротуару идти было проще: над головой горели уличные фонари. Шаги звучали гулко во влажном воздухе, но минут через пять Ланарк понял, что это не эхо, а стук каблуков человека, идущего следом. По спине пробежал тревожный холодок. Ланарк приблизился к ограде и стал ждать. Незвестный помедлил, но затем уверенно продолжил путь. Сквозь пелену тумана проступила тень и сгустилась до необычной черноты; в тонкой черной фигуре Ланарк узнал Риму, которая проскользнула мимо, едва коснувшись его взглядом. С обрадованным криком «Рима, это я!» он припустил следом.

— Вижу.

— Тебя ищет провост Додд.

— Кто такой провост Додд?

Вопрос был задан, казалось, с целью не поддержать беседу, а положить ей конец. Шагая за Римой, Ланарк думал о сцене в спальне с участием ее друзей. Это воспоминание больше не ужасало его. Разговор с блондинкой, исчезновение Глопи, туман — все сплелось воедино с подсмотренной сценой. От нее на

Риму падал отсвет волнующих и опасных сексуальных возможностей. Неожиданно Ланарк спросил:

— Тебе понравилась вечеринка?

— Нет.

— Чем ты занималась?

— Если тебе необходимо знать, я большую часть времени провозилась в ванной с Гэй. Ей было очень плохо.

— Отчего?

— Не хочу с тобой об этом говорить.

— Ты вообще не хочешь со мной разговаривать?

— Не хочу.

Сердце и пенис Ланарка окаменели в злом изумлении. Схватив ее за руки и повернув к себе, он мягко спросил:

— Почему?

Рима заглянула ему в глаза и прокричала:

— Потому что я тебя боюсь!

Он вздрогнул от стыда и усталости. Отпустил Риму, пожал плечами и пробормотал:

— Что ж, может, это мудро с твоей стороны.

Пройдя еще немного, Ланарк с удивлением обнаружил, что Рима шагает рядом.

— Прости.

— Не извиняйся. Наверное, я опасный человек.

Она было рассмеялась, но тут же умолкла и взяла Ланарка под руку. Легкое пожатие ее руки дало ему уверенность и силу.

Они дошли до угла. Туман был очень густой. Впереди, в нескольких футах, прогремыхал трамвай, но разглядеть его было невозможно.

— Где твой плащ? — спросила Рима. — Ты дрожишь.

— Ты тоже. Повел бы тебя попить кофе, но не знаю, где мы находимся.

— Пойдем лучше со мной. Я живу неподалеку, и еще я стащила с вечеринки бутылочку бренди.

— Не следовало этого делать.

Рима резко выдернула руку.

— Ты — долговязый, мокрый, занудистый тип!

Ланарк был задет.

— Рима, у меня нет ни особого ума, ни воображения. У меня есть только несколько жизненных правил. Умных людей, способных прожить без правил, они могут раздражать, но таков уж я есть, так что не ругай меня.

— Ладно, прости-прости-прости. Похоже, тебе достаточно дохнуть, чтобы я начала извиняться.

Они обогнули угол.

— Но я способен и напугать тебя, — произнес Ланарк. Рима молчала.

— А также насмешить.

Слегка усмехнувшись, Рима снова взяла его под руку.

Они очутились как будто в переулке, среди низеньких зданий, похожих на личные гаражи. Рима отперла дверь, поднялась с Ланарком по крутой деревянной лестнице и включила свет. Судя по ее строгим манерам и одежде, Ланарк ожидал увидеть самую простую обстановку. Но в маленькой пустоватой комнате со скошенным потолком имелось немало индивидуальных черт, отдававших печалью. Стены украшали карандашные рисунки, где неумелой детской рукой были изображены зеленые поля и голубые моря. Часы (никаких других Ланарку не вспоминалось) были вырезаны и раскрашены под бревенчатую хижину, внизу свисал маятник и золоченая гирька в форме еловой шишки. Стрелки отсутствовали. На комод лежала гитара без струн, на постели, представлявшей собой матрас на полу у стены, сидел игрушечный медвежонок. Щелкнув выключателем электрического радиатора, Рима повесила на крючок пальто и удалилась в крохотную, размером с буфет, кухоньку, где начала колдовать с чайником и газовой горелкой. Не обнаружив в комнате стульев, Ланарк уселся на пол и прислонился к постели. Радиатор так быстро нагрел воздух, что вскоре Ланарк снял с себя влажный от тумана пиджак и шерстяной джемпер. Тепло пропитало его кожу, но не достигло еще внутренностей, которые все так же трясло. Явилась Рима, неся две большие кружки черного кофе. Она уселась на постель, поджав под себя скрещенные ноги, и со словами «От этого ты, наверное, не откажешься» протянула Ланарку кружку.

Аромат кофе был заглушен вкусом сахара и бренди.

Позднее Ланарк, убаготворенный и слегка пьяный, растянулся на постели. Рима сидела с закрытыми глазами, опираясь спиной о стену и баюкая на коленях медвежонка.

— Ты была ко мне очень добра, — сказал Ланарк.

Рима погладила потрепанную игрушку по голове. Ланарк попытался придумать тему для беседы.

— Давно ты в этом городе?

— Что значит «давно»?

— Приехала сюда совсем маленькой?

Она пожала плечами.

— Помнишь время, когда дни были долгими и ясными?

Из-под сомкнутых ресниц Римы потекли слезы. Ланарк тронул ее за плечо.

— Можно, я тебя раздену?

Она разрешила. Расстегивая ее бюстгальтер, он нащупал знакомое затвердение.

— У тебя драконья кожа! На лопатках!

— Это тебя возбуждает?

— У меня она тоже есть!

Она выкрикнула резко:

— Думаешь, это нас связывает?

Чувствуя, что слова расширяют пропасть между ним и Римой, Ланарк затряс головой и приложил к губам палец. Он страстно желал подарить ей столь необходимую, хотя и отвергаемую нежность, и потому

его ласки вначале были неуклюжими, пока любовный пыл не заставил его забытья.

Потом он почувствовал облегчение и захотел спать. Он слышал, как Рима рывком поднялась и начала одеваться.

— Ну? Позабавился? — спросила она коротко.

Он попытался обдумать ответ, затем произнес вызывающе:

— Да. Очень даже.

— Рада за тебя.

В Ланарке возникло и стало усиливаться ощущение кошмара. Он слышал голос Римы:

— В сексе ты не гигант, так ведь? Лучше Сладдена мне, наверное, никто не попадался.

— Ты мне говорила, что... что ты не любишь... Сладдена.

— Не люблю, но иногда использую. А он использует меня. Мы с ним очень холодные люди.

— Почему ты меня пригласила?

— Ты так хотел быть горячим, что я подумала: а вдруг? Но ты так же холоден, как все мы, и еще больше на этом зациклен. Наверное, потому ты такой неловкий.

Он уже утонул в океане кошмара, спустился на самое его дно, но все же дышал.

— Ты хочешь убить меня, — сказал он.

— Да, но не получится. Ты ужасно крепкий. Закончив одеваться, Рима живо похлопала Ланарка по щеке.

— Давай. Не извиняться же мне перед тобой в очередной раз. Вставай и одевайся.

Пока он медленно одевался, она стояла, прислонясь спиной к комоду, и смотрела, потом неумолимым тоном произнесла:

— До свидания, Ланарк.

Оцепеневший, он ничего не чувствовал, но задержался, тупо глядя ей в ноги. Она повторила: «До свидания, Ланарк!» — схватила его за руку, отвела к порогу, вытолкала и захлопнула дверь.

Ланарк ощупью спустился. Внизу его остановил стук открывшейся двери и оклик «Ланарк!». Он оглянулся. Нечто темное, крутясь в воздухе, свалилось на его голову и окутало ее тяжелыми складками. Дверь захлопнулась. Стащив с себя упавшую вещь, Ланарк обнаружил, что это куртка из овчины. Он повесил ее на внутреннюю ручку входной двери, вышел в переулок и зашагал прочь.

Вскоре плотный ледящий туман и стальные мозг и тело Ланарка перемешались и образовали одно целое. В этой оболочке он двигался по улицам; ноги, ступавшие где-то внизу, продолжали нести вперед онемевшую душу. Единственным ясным его ощущением был зуд в правой руке, и время от времени он останавливался, чтобы через рукав поскрести ее об угол стены. Все чаще слышался грохот и мимо проплывали огни трамваев. Перейдя очередную улицу, Ланарк вздрогнул: между ним и высоким фонарем воздвиглась какая-то фигура сложных очертаний. Вблизи он различил королеву в платье со шлейфом, которая сидела боком на вставшей на дыбы лошади. Это была статуя, украшавшая обширную площадь. Ланарк подумал, не зайти ли

погреться в контору службы обеспечения, но решил, что надо бы выпить чего-нибудь горячего. Он пересек еще несколько улиц и увидел наконец над самым тротуаром красную неоновую вывеску. За дверью с колокольчиком располагалась ароматная табачная лавчонка, далее — лестница, спустившись по которой Ланарк достиг чайной Галлоуэя. Это было низкое помещение, по площади значительно превосходившее табачную лавку. Большую его часть занимали ниши, иные из которых были проходными; в каждой имелись софа, стол, стулья и оленья голова, изображенная на декоративной тарелке. Заказав чай с лимоном, Ланарк сел на краешек софы и погрузился в сон.

Проснулся он не скоро. стакан чая на столе давно остыл. Ланарк прислушивался к разговору двух бизнесменов. Толстый коричневый занавес, отделявший его софу от места, где они сидели, находился в каком-нибудь дюйме от его уха. Им, очевидно, было невдомек, что кто-то их подслушивает.

— ...Додд на нашей стороне. В конце концов, у Корпорации нет других задач, кроме как освещать улицы и обеспечивать движение трамваев, а эти услуги не окупаются. Их необходимо субсидировать, продавая муниципальную собственность, так что Додд продает, а я покупаю.

— Что же ты собираешься с нею делать?

— Передавать в субаренду. Если самое маленькое из этих помещений разделить перегородками из шпунтованных досок, можно получить шестнадцать отдельных квартир. Я измерял.

— Не сходи с ума! Думаешь, кому-то захочется снять крохотную квартирку только потому, что она на

площади? Что толку быть домовладельцем, если треть города стоит пустая.

— Пока толку никакого. Я думаю сдавать их в аренду позже.

— Не говори загадками, Эйтчесон. Мне ты можешь доверять.

— Ладно. Тебе известно, что численность населения сейчас меньше, чем прежде. Она непрерывно уменьшается — ты это осознал?

— Почему?

— Ты знаешь почему. Наступило молчание.

— Как насчет вновь прибывающих?

— Их не хватает. Ты живешь в отеле, так ведь?

— Конечно.

— Конечно. Я тоже. В отеле никто не замечает исчезновений. Обычно ждешь, что сосед за стенкой через какое-то время исчезнет. В многоквартирном доме иначе. Вдруг исчезают соседи по площадке. Чуть позже квартира выше этажом тоже оказывается пустой. Глянь — и в половине окон напротив нет света. Это заставляет волноваться! Заметь, люди до сих пор делают вид, что не замечают. Но подожди, покуда они лишатся последнего соседа. Оставшись одни-одинешеньки, они ударятся в панику! Ломанутся в центр города, как утопающие к плоту. Если комнаты в центре будут стоять пустые, народ начнет вламываться и селиться незаконно. Но они не будут пустыми, потому что я стану сдавать их в аренду.

— Очень умно, — признал после паузы второй собеседник. — Но не слишком ли ты полагаешься на

случай? Ты ставишь на тенденцию, которая может и измениться.

— Что может ее изменить?

Страшно напуганный, Ланарк поднялся на ноги. Еще недавно он говорил Сладдену, что доволен. Теперь же все, что он видел, слышал или вспоминал, усиливало панический страх. Ему отчаянно хотелось, чтобы рядом была Рима, которая бы смеялась и грустила с ним вместе; Рима, чьи страхи он помогал бы рассеять; Рима, которая бы не кидалась в него словами, подобными камням. Он заплатил за чай, вернулся к себе и разделся. Сняв пиджак и свитер, он увидел на правом рукаве рубашки запекшуюся кровь. Когда он стянул с себя рубашку, оказалось, что драконья кожа покрыла всю его руку, от плеча до запястья, и даже на тыльной стороне ладони имеются пятна. Ланарк надел пижаму, забрался в кровать и заснул. По всей видимости, больше делать было нечего.

Глава 6 Рты

Не имея желания ни видетсья с кем-либо, ни что-либо делать, Ланарк погрузился в спячку, просыпаясь для того, чтобы, глядя в стенку, ждать, пока опять заснешь. Он находил мрачное удовольствие в мысли о том, что во сне болезнь распространяется быстрее. «Пусть распространяется! — думал он. — Что еще мне остается возвращать?» Но, покрыв руку и ладонь, драконья кожа дальше не пошла. Рука, правда, удлинилась на целых шесть дюймов. Пальцы сделались толще, между ними образовалась тонкая перепонка, ногти выросли и загнулись. На суставах пальцев появились красные точки вроде розочек. Похожее пятно, длиной в полтора дюйма, на локте цеплялось за простыни, поэтому спать приходилось, свесив правую руку. Особых неприятностей она не доставляла, поскольку ничего не чувствовала, действовала же мгновенно и желания выполняла чуть ли не раньше, чем он успевал их сформулировать. Бывало, он обнаруживал у самых своих губ стакан воды и только тут осознавал, что хочет пить. В трех случаях он, еще не проснувшись, стучал по полу, и миссис Флек неслась вверх с чашкой чаю. Ланарк смущался и сказал ей, чтобы она не обращала внимания на стук.

— Нет-нет, Ланарк, — возразила миссис Флек, — то же было и с моим мужем, пока он не исчез. Не обращать внимания нельзя.

Он поблагодарил. Миссис Флек покомкала свой передник, будто вытирая об него руки, и неожиданно произнесла:

— Можно задать тебе один вопрос?

— Конечно.

— Почему бы тебе не подняться, Ланарк, и не поискать себе работу? Таким же манером, — она кивком указала на его руку, — я потеряла мужа и двух жильцов. Все они под конец залегли в постель, и все до одного были приличные тихие люди, вроде тебя.

— Зачем мне вставать?

— Не люблю об этом говорить, но у меня тоже есть болезнь — правда, не такая, как твоя, — хотя она не заходит далеко, потому что я всегда при деле. Сначала был муж, потом жильцы и, наконец, эти треклятые сосунки. Как пить дать, если ты встанешь и пойдешь на работу, руке станет лучше.

— Где мне искать работу?

— На ковочном заводе напротив требуются люди.

— Хотите, чтобы я делал детали для «Кью — тридцать девять», — с хриплым смешком отозвался Ланарк.

— Понятия не имею, что там за работа на заводе, но если люди получают деньги и занятие, то жаловаться не приходится.

— Как работать с такой рукой?

— Я скажу как. У моего мужа была та же неприятность и с той же рукой. Я связала для него толстую шерстяную перчатку и посадила на подкладку из замши. Он ее ни разу не надел. Но если ты наденешь ее с курткой, никто не заметит, а раз так, то о чем

волноваться? Таких людей, с руками вроде клешней, полным-полно.

— Я подумаю, — пообещал Ланарк.

Что-нибудь добавить ему помешала рука, подносящая к губам чайную чашку.

Иногда дети играли на полу в его комнате. Ланарку это нравилось. Они шумели, но никогда не объясняли смысл жизни, не уговаривали его чем-нибудь заняться; видя их себялюбие, он не чувствовал себя таким порочным. В их присутствии он стыдился своей большой руки и прятал ее под одеяло, но однажды, проснувшись, он обнаружил, что рука ничем не прикрыта и дети, сидя на корточках, ее рассматривают. Мальчик заметил с восхищением:

— Ты мог бы ею кого-нибудь убить.

Ланарк был пристыжен: его посещала та же мысль. Он спрятал руку и пробормотал, не очень уверенно, что иметь две человеческие руки было бы лучше.

— Да, но не в драке, — сказал мальчик.

Ланарк обнаружил, что конечность начала его зачаровывать. На самом деле она была не черная, а темно-темно-зеленая. Как часть человеческого тела она казалась пораженной болезнью, но сама по себе выглядела вполне здоровой: отливавшая холодным блеском кожа, колючие красные суставы пальцев и локоть, стальные загнутые когти. Он воображал себе, каких бед мог бы наделать с ее помощью. Ему представлялось, как он входит в «Элиту» и, пряча руку под курткой, направляется напрямиком к клике Сладдена. С кривой улыбкой их оглядев, он извлекает вдруг свою конечность. Сладден, Тоул и Макпейк вскакивают на

ноги, а он укладывает их размашистыми боковыми ударами, потом загоняет в угол орущих девиц и сдирает с них одежду. Далее образы путались, поскольку одна фантазия, не успев достигнуть кульминации, уступала место другой. После таких мечтаний он погружался в отвратительное уныние и хандру. Однажды Ланарк поймал себя на том, что поглаживает холодную правую руку пальцами левой и приговаривает: «Когда я стану таким весь...» Но, сделавшись таким целиком, он бы ничего не чувствовал, поэтому он вспоминал Риму — в те минуты, когда она бывала доброй: как в грузовике она прикоснулась к нему и попросила прощения, как они танцевали в обнимку, как она рассмеялась в тумане и взяла его под руку, как сварила кофе и даже как бросила ему куртку. Этих воспоминаний, однако, было недостаточно, чтобы вернуть себе человеческие чувства, и Ланарк вновь начинал любоваться своей драконьей конечностью и, восхищаясь ее холодной силой, засыпал.

Однажды он с громким криком пробудился от боли. В комнату вбежала миссис Флек. На боку, сквозь прореху в пижамной куртке, виднелась рваная рана, кровь из нее заливала одеяла. Прикусив, чтобы не кричать, сустав пальца на левой руке, Ланарк пожирал глазами окровавленные когти правой. Миссис Флек унеслась за бинтами и водой, но, когда она вернулась, рану уже затянуло драконьей кожей и Ланарк сидел в постели, одеваясь.

— Вы рассказывали о перчатке. Можно мне ее взять?

Миссис Флек вернулась в прихожую и вынула из шкафа перчатку мужа и старый дождевик. Надев на себя, с ее помощью, то и другое, Ланарк вышел из дома.

На улице лежал снег, но редкий дождичек превращал его в кашу. Прежде Ланарк нашел убежище в постели, поскольку его отвращали все другие возможности, теперь же сон сделался опасен и ему ничего не оставалось, как пуститься в путь по улицам, выбирая те, где меньше было снежного месива. Ноги вновь привели его на площадь. В доме, тянувшемся вдоль одной ее стороны, окна на цокольном этаже были освещены, и оттуда доносился стук молотка и скрип пилы. За распахнутой арочной дверью виднелся выложенный мрамором вестибюль, а в его центре — красная деревянная будка. Она была залеплена плакатами, гласившими: «ВРЕМЕНИ У ТЕБЯ НЕМНОГО — ПРОТЕСТУЙ СЕЙЧАС». Слова, казалось, были обращены к нему, поэтому он пересек мраморный пол и вошел в будку.

Внутри сидели за конторкой, раскладывая по конвертам какие-то брошюры, худой бородатый мужчина в воротничке священника и старуха с седыми встрепанными волосами. За столом позади них стремительно печатал на машинке молодой человек с густой шевелюрой. Присевшая на стол привлекательная девушка лениво щипала струны гитары. Когда Ланарк приблизился к конторке, старая женщина оперлась подбородком на сложенные ладони и ободряюще улыбнулась. После недолгого колебания Ланарк тихо произнес:

— Я напуган тем, что со мной происходит.

Старуха энергично закивала.

— Да! Неудивительно! Если вы оглядывались вокруг, то должны понять, что времени у нас немного.

— Что я могу сделать?

— Прежде всего, необходимо открывать другим глаза на опасность. Когда нас будет большинство, мы сможем действовать. Не возьметесь ли раздавать наши брошюры?

— От этого не будет проку. Видите ли, моя рука полностью...

— О, да, мы понимаем! И рады, что вы пришли, даже так. Не думайте, пожалуйста, что нам все равно. Нам очень даже не все равно — оттого мы и затеяли эту кампанию. Но на подобные беды личного характера существует лишь один ответ — прилежный труд ради достойного дела. Уверена, если вы спокойно сядете и будете надписывать конверты, то сами удивитесь тому, насколько это поможет.

Стянув перчатку, Ланарк продемонстрировал женщине свою правую руку. Приятное круглое лицо женщины покраснело, однако она, не отводя взгляда, улыбнулась.

— Видите ли, единственное лечение этих... личных... заболеваний — солнечный свет. Который наша партия старается восстановить. Искусственно вздутые цены на землю в центре города привели к тому, что горизонт сплошь застроен и солнце над ним едва показывается. Как только мы будем в большинстве, мы убедим власти действовать.

Пышноволосый молодой человек оторвался от машинки, чтобы скрутить себе сигарету. Он сказал:

— Чушь. Если бы даже у нас было большинство, ситуация бы не изменилась. Городом правят его владельцы. Девять десятых наших заводов и жилых

домов находятся в собственности кучки дельцов и домовладельцев, а бюрократия и органы правопорядка за деньги обслуживают их интересы. Они — меньшинство, но они у власти. Зачем же нам ждать, пока нас станет больше? Если считать по головам — мы уже в большинстве.

Девушка, оторвавшись от гитары, произнесла:

— Я думаю, что ты слишком суров к правящему классу. Они нутром чувствуют несправедливость и неповоротливость системы. У самых умных она уже сидит в печенках, и они присоединяются к нам. Я вот тоже присоединилась. Мой папа — бригадный генерал.

— У нас представлен широкий спектр взглядов, — встревоженно вмешалась седая женщина, — но все мы согласны в одном: нам нужен солнечный свет. Вам он тоже нужен, а раз так, то почему бы не вступить в наши ряды?

Она смело улыбнулась в ответ на долгий взгляд Ланарка, но потом, пожав плечами, снова занялась конвертами. Священник, ее сосед, наклонился к Ланарку и проговорил вполголоса:

— Вы на краю провала, так ведь? — Несмотря на бороду, лицо его выглядело по-детски взволнованным. Над правой бровью синело пятно, похожее на кровоподтек. — Люди в нашей организации видят провал издали, поэтому надевайте свою перчатку, мы ничем вам не поможем.

Закусив нижнюю губу, Ланарк надел перчатку. Священник добавил:

— Если выберетесь наружу, то, надеюсь, все равно присоединитесь к нам. Тогда мы не будем вам нужны. Но вы, несомненно, будете нужны нам.

— Не знаю, о чем вы, — вяло отозвался Ланарк и направился к выходу.

Он пересек площадь и зашагал к «Элите», так как не мог думать ни о каком другом месте, а кроме того, там могла быть Рима. Моменты, когда она бывала добра, сделались единственным источником тепла в холодном пространстве, где перемещался Ланарк. А еще у Римы тоже была драконья кожа, и хотелось узнать, как с ней обстоит дело. Прыгая через сточные канавки, утопая в исчерченном бороздами талом снегу, он рванулся туда, толкнул стеклянную дверь фойе, кинулся наверх — в кафе было пусто. Ланарк остановился в дверном проеме и, не веря своим глазам, обвел взглядом помещение, где не было не только посетителей, но даже приросшего к своему месту человека за стойкой. Ланарк повернулся и начал спускаться по лестнице.

С площадки между этажами он заметил внизу, в фойе, девушку, которая покупала в кассе сигареты. Это была Гэй. Окликнув ее, Ланарк поспешил вниз. Она выглядела побледневшей и исхудавшей, но откликнулась удивительно живо и быстро потянулась, чтобы поцеловать его в губы.

— Где ты пропадал, Ланарк? Что за таинственное исчезновение?

— Лежал в кровати. Пойдем со мной наверх.

— Наверх? Там теперь никто не бывает. Ужасное место. Мы ходим в нижнее кафе, где мягче освещение, — Гэй указала на толстый красный занавес — Ланарк

думал, что за ним находится вход в кинозал. Она потянула занавес со словами: — Пойдем к нам. Здесь вся старая компания.

За занавесом было черным-черно.

Ланарк заметил:

— Здесь совсем нет освещения.

— Просто у тебя глаза еще не привыкли.

— А Рима там?

Отпустив занавес, Гэй отозвалась смущенно:

— Я ее не видела как будто... со дня празднования моей помолвки.

— Значит, она дома?

— Наверное.

— Не скажешь ли, как туда добраться? Когда я там был, стоял туман, и теперь мне не найти дорогу.

Лицо Гэй внезапно постарело. Она сложила руки, наклонила голову, смерила Ланарка косым взглядом и еле слышно произнесла:

— Я могла бы тебя проводить. Но Сладден будет недоволен.

— Проводи, Гэй, будь добра! Она помогла тебе тогда, на вечеринке. Боюсь, с ней тоже что-то неладно.

Гэй скользнула по нему взглядом одновременно лукавым и испуганным.

— Сладден послал меня за сигаретами, а он терпеть не может ждать.

Ланарк заметил, что его драконья рука сжалась, чтобы ударить Гэй. Он затолкал ее в карман, где она

стала корчиться, как краб. Гэй ничего не заметила. Она протянула задумчиво:

— Ты очень сильный, Ланарк. Я могу с тобой пойти, если ты меня поддержишь. Но Сладден ни за что не простит.

Гэй ступала так неуверенно, что Ланарку пришлось поддерживать ее, обнимая за талию здоровой рукой. Вначале они шли быстро, потом давление на руку начало увеличиваться. Ноги Гэй скользили на асфальте, и с каждым шагом двигаться становилось труднее, словно ее связывала с исходной точкой резиновая веревка. Ланарк помедлил под фонарем, чтобы отдышаться. Гэй обвила рукой фонарный столб, удерживаясь на месте. Лицо ее было безмятежно. Она бросила на Ланарка косой робкий взгляд.

— У тебя на правой руке перчатка. А у меня — на левой!

— Ну и что?

— Если ты покажешь мне твою болезнь, то я покажу тебе мою!

Ланарк открыл было рот, собираясь сказать, что не интересуется ее болезнью, но Гэй поспешно стянула свою меховую перчатку. От удивления он онемел. Он ожидал увидеть драконьи когти, похожие на его собственные, но увидел только красивую маленькую ручку с белой кожей. Пальцы были слегка согнуты, и Гэй выпрямила их, показывая ладонь. Ланарк не сразу понял, что там такое. Это был рот, саркастически улыбающийся рот. Он открылся и едва слышно пропищал: «Ты пытаешься во всем разобраться, и мне это интересно».

Это был голос Сладдена. «Я в аду!» — шепнул Ланарк. Рука Гэй упала. Ланарк увидел, что ноги девушки висят в воздухе, приблизительно в дюйме от асфальта. Тело ее болталось, словно было привешено к крюку, пропущенному через мозг, губы глупо и бессмысленно улыбались, челюсть отвисла, а слова вылетали изо рта, не сопровождаемые артикуляцией. Слабое эхо, как в пещере, не помешало узнать голос Сладдена, бойко вещавший: «Пришло время нам вновь сойтись, Ланарк»; а тот же, но слабенький голосок взвизгнул в ладони: «Ты слишком беспокоишься о чем не надо».

— О-о! — пробормотал Ланарк. — Я в аду!

Он попятился, зажав себе рот обеими руками — голый и в перчатке — и не спуская глаз с болтавшейся в воздухе Гэй. Как предмет, насаженный на проволоку, она дернулась и тоже заскользила прочь, по направлению к кафе, сначала медленно, потом быстрее. Бессмысленно улыбавшееся лицо уменьшалось, пока не сделалось точкой.

Он повернулся и бросился бежать.

Он бежал не разбирая дороги, пока не поскользнулся и не шлепнулся в снежное месиво, ушибив бедро и плечо и промочив брюки. Когда он поднялся, на смену испугу пришло отчаяние. Ему страстно хотелось покинуть этот город, но при том он не сомневался, что улицы, здания и больные люди простираются бесконечно во всех направлениях. Вблизи находилась ограда, за нею виднелся не раскисший под дождем сугроб. Оттуда торчало два или три голых дерева. Деревья и снег манили свежестью, и Ланарк, не удержавшись, перебрался через ограду и побрел между стволами. В

свете оставшихся за спиной уличных фонарей слабо вырисовывался склон холма, который, как кладбище, был поделен на участки. На бледном снежном покрывале стояли черные надгробия, и Ланарк обходил их, поражаясь тому, что земля в этом месте некогда поглощала людей естественным образом. Он достиг тропы со скамьей на обочине, рукавом смахнул с сиденья снег, опустил на колени и трижды крепко приложился лбом, из самых глубин души извергая крик: «Выпусти меня! Выпусти меня! Выпусти меня!» Он тут же поднялся, оглушенный ударами, но равнодушный к промокшему платью и боли во всем теле. Странная бодрость охватила его. На вершине холма среди обелисков виднелось желтое зарево, которое выхватывало из темноты где основание, а где силуэт, и Ланарк побежал туда.

Склон наверху был необычайно крутой, и несколько раз Ланарк, взбежав, скатывался назад, пока не ухитрился между двух памятников ввалиться на плоское место. Вершина холма представляла собой круглый участок с обелисками по краю и в центре. Они были старые, высокие, с надписями, выгравированными на пьедесталах. Его ошеломил свет, который, судя по всему, исходил от устойчивого огня, не поднимался выше пяти футов от земли и не отбрасывал тени. Обойдя центральную группу памятников, Ланарк не обнаружил его источник. Наиболее ярко был освещен пьедестал, расположенный там, где Ланарк вошел в круг, — там он и стал искать разгадку. Это был мраморный блок, возведенный работниками и дирекцией ковочного завода «Теркс-роуд» как знак благодарности доктору за верность фирме и ценное сотрудничество с 1833 по 1879 год. Вторично перечитывая эту надпись, Ланарк заметил в центре камня расплывчатую тень. Обернулся

посмотреть, что за предмет ее отбрасывает, но ничего не увидел. При новом взгляде тень напомнила ему птицу с распростертыми крыльями. Однако тень сгущалась, и Ланарку стало ясно, что она принимает форму рта, шириной три фута, с ровной, спокойной линией сомкнутых губ. Его сердце возбужденно забилося — явно не от страха. Окончательно сформировавшись, губы разомкнулись и заговорили. Подобно тому как одиночный яркий луч слепит глаза, не рассеивая тьму в комнате, так и этот голос звучал пронзительно, вовсе не будучи громким. Он так раздирал уши, что Ланарк во время речи не понял ни единого слога, однако вспомнил все, когда наступила тишина. Рот произнес: «Я — выход».

— Что это значит? — спросил Ланарк.

Губы сомкнулись в линию, словно бы начерченную на камне, и быстро спустились к земле, скользнув по выступам цоколя так же непринужденно, как скользит тень чайки по поверхности водопада. Линия метнулась по снегу и остановилась, открывшись овальной ямой у ног Ланарка. Края губ лежали на снегу легкой тенью, но далее следовал крутой изгиб, а ниже виднелись превосходные зубы. Из темноты между рядами зубов повеяло холодным ветром с соленым запахом гниющих водорослей, а затем горячим, отдававшим жареным мясом. От страха голова у Ланарка пошла кругом. Ему вспомнился рот в ладони Гэй, за которым не было ничего, кроме холодного человека, говорившего гадости людям в темной комнате. Он спросил:

— Куда ты ведешь?

Рот сомкнулся и начал расплываться с уголков. Увидев, что рот сейчас исчезнет и оставит его на верхушке холма, в городе настолько бесцветном и

одиноким, что подобного ему в яме быть не должно, Ланарк крикнул:

— Стой! Я иду!

Рот снова приобрел четкую форму. Ланарк смиренно спросил:

— Как мне идти?

Последовал ответ. Когда стихла боль в ушах, Ланарк его понял:

— Обнаженным, головой вперед.

Снять плащ и пиджак оказалось непросто, потому что на его боку выросли колючки, пронзившие одежду. Сорвав ее с себя и швырнув на землю, он взглянул на рот, терпеливо лежавший открытым. Потер себе лицо здоровой рукой и сказал:

— Боюсь бросаться вниз головой. Лучше я встану спиной и опущусь на руках, а если мне будет страшно разжать руки, то, надеюсь, ты окажешь мне милость и позволишь висеть, пока не упаду.

Он всмотрелся: рот не дрогнул. Сев на рваный плащ, Ланарк снял ботинки. От страха он долго провозился и, боясь не успеть, не стал дальше раздеваться и подошел ко рту. Горячее дыхание, чередовавшееся с холодным, растопило вокруг снег до краев темного мокрого гравия. Быстрым движением, чтобы не думать, Ланарк сел, опустил ноги в рот, схватился за противоположный ряд зубов и стал скользить, пока не повис на руках. Правая была длиннее левой, поэтому он повис на ней одной и ожидал, под напором воздуха, то горячего, то холодного, пока она устанет и разожмется. Она не разжималась. Когти

вцепились в большой резец, словно бы ввинтились в него, а когда Ланарк попытался освободиться, конечность начала сокращаться, выталкивая его к овалу темного неба между зубов. На мгновение его голова и плечи высунулись наружу, но он взревел:

— Закрывайся! Закрывайся!

Темнота с шумом захлопнулась, и Ланарк упал.

Падал он недолго. Пещера подо ртом сузилась, перейдя в пищевод, по которому он покатился, стучаясь о стенки, тормозимый одеждой и колючей рукой. Стенки начали сжиматься и раздвигаться, в первом случае нагреваясь, а во втором — охлаждаясь, так что спуск превратился в чередование холодных падений и жарких задержек. Давление и жара росли, застревал он все прочнее, пока не начал брыкаться. Вдруг он свободно повалился вниз, но пролетел не больше нескольких футов. Следующая задержка сопровождалась такой удушающей теснотой, что невозможно было шевельнуть ни рукой ни ногой. Ланарк открыл рот, чтобы закричать, и туда набилась шерсть и материя — его задравшиеся фуфайка, рубашка и шерстяная кофта. Он задышался. Описался. Хватка ослабела, он заскользил вниз, а одежда — вверх, освобождая рот и нос, но затем стенки сжались еще теснее, чем прежде. Он лишился едва ли не всех своих чувств. Не осталось ни мыслей, ни воспоминаний, не ощущались ни зловоние, ни жара, ни верх, ни низ — ничего, кроме сжатия и временной протяженности. Казалось, целые города навалились на него всей тяжестью, и тяжесть эта от секунды к секунде удваивалась; время, пространство, разум кончились бы, если б он не двигался, однако прошла вечность с тех пор, как он в последний раз пошевелил пальцем или

поднял веки. И тут он почувствовал себя бесконечным червем в бесконечной тьме, который растягивался и растягивался и никак не мог отрыгнуть душивший его комок.

Далее ничто вокруг уже не было важно. Боков Ланарка касались руки, бережно мывшие их губкой и вытиравшие. Свет был слишком резкий, чтобы открыть глаза. Кто-то шепнул несколько слов, кто-то негромко рассмеялся. Наконец он едва-едва приоткрыл веки. Он лежал голый в постели; гениталии прикрывало чистое полотенце. У его ног стояли две девушки в белом и маленькими серебряными ножничками подстригали ему ногти на ногах. Между их склоненными головами он разглядел часы на стене — большой белый циферблат, на котором вращалась тоненькая алая секундная стрелка. Ланарк скосил глаза вправо. Из плеча росла самая обычная, пристойная человеческая конечность.

Глава 7 Институт

Есть давали неизменно рыхлое белое мясо, похожее на рыбу, или более плотное, похожее на куриное грудку, или бледно-желтое, похожее на паровой омлет. Еда была абсолютно безвкусная, и Ланарк обычно оставлял на тарелке половину и без того небольшой порции, но чувствовал себя необычайно хорошо и был полон сил. Стены в комнате были цвета молока, паркетный пол блестел. С одной стороны стояло пять кроватей с голубыми покрывалами, Ланарк помещался на средней, напротив другой стены, в которой было прорезано пять арок. За арками виднелся коридор с большим окном, закрытым белой венецианской шторой. Над центральной аркой висели часы с циферблатом, поделенным на двадцать пять часовых отрезков. В половину шестого включался свет, появлялись две санитарки с горячей водой и принадлежностями для бритья и заправляли постель. В шесть, двенадцать и восемнадцать они привозили еду в шкафчиках с колесиками. В девять, пятнадцать и двадцать два санитарка приносила чай, мерила Ланарку температуру и, несколько бесцеремонно хватая его руку, считала пульс. В двадцать два с половиной неоновые трубки на потолке бледнели, свет просачивался только сквозь штору в коридоре. Это был жемчужный подвижный свет из нескольких источников — все они перемещались, делаясь то бледнее, то ярче. Для уличного движения огни проплывали слишком размеренно, и можно было предположить, что источник находится очень далеко. Ланарка это зрелище успокаивало. Каждый из столбов, поддерживавших арки, отбрасывал в комнату по несколько теней разной густоты, которые двигались справа налево или слева

направо с различной, но небольшой скоростью. Смутное, ритмичное, но нерегулярное движение этих теней ободряюще контрастировало с ужасным черным давлением, которое все еще вспоминалось Ланарку, стоило ему прижаться щекою к подушке. Однажды утром он спросил санитарку, заправлявшую постель:

— Что находится там, за окном?

— Пейзаж, только и всего. Многие мили пейзажа.

— Почему шторы никогда не поднимают?

— Тебе не выдержать этого вида, Бровастик. Мы, здоровые, и то не выдерживаем.

Они начали звать его Бровастиком. Он изучил свое лицо в зеркальце для бритья, размером в каких-нибудь два квадратных дюйма, и заметил в бровях седые волоски. Задумчиво откинувшись на подушку, он спросил:

— Сколько бы вы мне дали на вид?

— Чуть за тридцать, — отозвалась одна из санитарок.

— Далек не младенец, во всяком случае, — добавила другая.

Хмуро кивнув, Ланарк произнес:

— А совсем недавно мне было на десяток лет меньше.

— Что ж, Бровастик, такова жизнь, правда?

В то утро Ланарка посетил специалист: лысый мужчина в белом халате и полукруглых очках без оправы. Он стоял у постели и изучал Ланарка с

мрачно-серьезным видом, но в глазах у него играли чертики.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Нет.

Доктор потрогал кусочек пластыря у себя на подбородке и сказал:

— Три дня назад вы стукнули меня кулаком, в это самое место. Да уж, вы отчаянно боролись при появлении. Простите, что только сейчас нашел время вас посетить. Персонала не хватает, потому мы занимаемся серьезными случаями, а совсем безнадежные и выздоравливающие, можно сказать, брошены на произвол судьбы. Вы уже способны дойти до туалета?

— Да, если держаться за кровати и стены.

— Спите вы, наверное, до сих пор беспокойно?

— Нет, более или менее.

— Вы быстро поправляетесь. Если бы вы, как полагается, разделись и прыгали головой вперед, то были бы уже на ногах. Пока вы выздоравливаете после тяжелого шока, так что избегайте волнения. Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий?

— Не дадите ли что-нибудь почитать?

Доктор скрестил руки, сунув ладони под мышки, и поджал губы, отчего сделался похож на фигурку китайского мандарина.

— Попытаюсь, но не обещаю. С начала Второй мировой войны наш институт был изолирован. Попадают сюда только одним путем, и взять с собой багаж невозможно — в этом вы убедились сами.

— Но ваши санитарки — молодые девушки!

— Ну и что?

— Вы сказали, что это место изолировано.

— Да. Мы набираем персонал из бывших пациентов. Надеюсь, вы тоже вскоре к нам присоединитесь.

— Когда мне станет лучше, я намерен отсюда уйти.

— Это легче сказать, чем сделать. Через день-два, когда вы начнете нормально ходить, мы это обсудим. Тем временем я поищу вам какое-нибудь чтиво.

Вместе с двенадцатичасовой кормежкой санитарки принесли ему детскую книжку с картинками — «Ежегодник Бедняжки Вулли» за 1938 год, криминальный роман без обложки под названием «Нет орхидей для мисс Блэндиш»^[4] и хорошо сохранившийся пухлый томик «Священная война»^[5], где вместо «s» было в большинстве случаев напечатано «f» и добрая половина страниц оставалась неразрезанной. В первую очередь Ланарк взялся за «Бедняжку Вулли». Временами книжка вызывала улыбку, но многие страницы были испорчены — разрисованы тупым коричневым мелком. Он принялся за «Орхидеи» и к вечеру успел прочитать половину, но тут в комнату вбежали санитарки и отгородили ширмами соседнюю кровать. Они притащили с собой металлические цилиндры и тележки с медицинским оборудованием и все повторяли: «Готовься, Бровастик, вот-вот придёт для тебя приятель».

Санитар-мужчина приволок каталку, и комната наполнилась хриплыми гортанными звуками дыхания. Фигура на каталке была скрыта спинами двух врачей, один из которых был доктор Ланарка. Они зашли за

ширму, и санитар убрал каталку. Ланарк не мог больше читать. Он прислушивался к звяканью инструментов, шепоту врачей, громкому хриплому дыханию. Ему принесли вечерний чай и выключили свет. Горела только лампа за ширмами; комната купалась в подвижных тенях от окна в коридоре. Дыхание успокоилось, превратившись в чередование двух музыкальных вздохов, а затем сделалось совсем неслышным. Ширмы и тележку с оборудованием укатали прочь, и все ушли, кроме доктора в очках без оправы. Он подошел к постели Ланарка и тяжело опустился на ее край, вытирая себе лоб салфеткой.

— От болезни мы его вылечили, беднягу. Но один бог знает, оправится ли он от путешествия сюда, — сказал доктор.

В свете прикроватной лампы, подпертое подушками, виднелось лицо, удивительно похожее на желтый череп; единственным указанием на возраст и пол служили седые усы с висящими кончиками. Глаза провалились так глубоко, что невозможно было их разглядеть. На покрывале лежала иссохшая рука, к забинтованному бицепсу бежала по блестящей трубке какая-то жидкость из бутылочки, которая была подвешена на держателе.

Доктор сказал со вздохом:

— Мы сделали, что могли, и по крайней мере восемь часов его ничто не будет беспокоить. Я попрошу вас об одолжении. Сон у вас, полагаю, не крепкий?

— Да.

— Он может очнуться и захотеть, чтобы кто-нибудь с ним поговорил. Я мог бы оставить санитарку, но их

профессиональный тон, чертов оптимизм — человека, погруженного в себя, это угнетает. Поговорите с ним, если он захочет, а если ему понадобится врач, вызовите меня по этому переговорному устройству.

Он вынул из кармана радиоаппарат из белой пластмассы, размером с пачку сигарет. На одной поверхности имелась круглая сеточка и красный выключатель сбоку. Доктор нажал на выключатель, и в аппарате зазвучал тихий, но отчетливый голос, отчаянно зовущий доктора Баннерджи в родильную палату Q. Доктор выключил аппарат и сунул его Ланарку под подушку.

— Он работает и на прием, и на передачу. Если вы заговорите и попросите позвать меня, мне передадут вызов. Фамилия моя Манро. Только не вздумайте бодрствовать. Он вас разбудит, если ему понадобится.

Ланарку не спалось. Он лежал на краю светового пятна, окружавшего пациента, повернувшись спиной к его костлявой голове и слушая под подушкой радио. Манро говорил, что в институте не хватает персонала, и все же численность его была немалой. За десять минут Ланарк слышал раз сорок, как того или иного врача срочно вызывали — куда и для чего, понять было невозможно. Кто-то говорил: «Доктор Гибсон, не пройдете ли вы к клоаке? На правом краю имеется сопротивление». Другой требовал: «В палате R-шестьдесят нужен остеопат. Там наблюдается катаlepsия с тремором. Освободившемуся остеопату срочно пройти в палату R-шестьдесят для ухудшившихся!» Его поставил в тупик следующий вызов: «Предупреждение инженерам от профессора Озенфанта. В одиннадцатой комнате, приблизительно в

пятнадцать-пятнадцать, ожидается разрядка саламандры». Щелкнув выключателем, Ланарк прекратил этот гам и забылся беспокойным сном.

Он пробудился от тихого выкрика и сел. Больной вытянулся на подушках и мотал головой из стороны в сторону, словно кого-то искал. Ланарк по-прежнему не мог рассмотреть его глаза, тонувшие в черных впадинах.

— Есть здесь кто-нибудь? Кто вы? — громко спросил больной.

— Я здесь. Я пациент, как и вы. Позвать доктора?

— Какого я роста?

Ланарк смерил взглядом худую фигуру под голубым одеялом.

— Высокого.

С больного катился пот.

— Какого именно? — отчаянно вскричал он.

— Около шести футов.

Больной откинулся на подушки, и его тонкий рот растянула удивительно приятная улыбка. Чуть помолчав, он пробормотал томно:

— И я перестал блестеть.

— Вы о чем?

— Я больше не усеян искрами... такими, знаете, красными, белыми, синими, зелеными.

— Конечно нет. Позвать врача?

— Нет-нет. Эти ребята наверняка уже сделали все, что могут.

Голова больного потеряла сходство с черепом. Чувство смягчило его черты, и они сделались похожи на дерзко-аскетичную скульптуру, олицетворяющую человеческое сознание. Тонкие губы слабо улыбались. Потом приоткрылись и задали вопрос:

— Что привело вас сюда?

В голове у Ланарка пронеслось несколько вариантов ответа. Он остановил выбор на самом коротком:

— Драконья кожа.

Больной, казалось, не слышал.

— А вас? — спросил наконец Ланарк.

Больной откашлялся.

— Кристаллическая гипертрофия соединительной ткани. Это медицинский термин. А профаны вроде нас с вами называют это «оцепенение».

— Судорожное оцепенение?

— У меня не было судорог. Но все равно, это наступало разом, как удар.

Он как будто задумался, и Ланарк задремал. Проснулся он от выкрика:

— Вы здесь? Я вам наскучил?

— Я здесь. Пожалуйста, продолжайте.

— Видите ли, я любил человеческий образ и ненавидел то, как люди его низводят, ради временных преимуществ раздувают одни качества и, дабы избавиться от вполне ординарных страданий, подавляют другие. Казалось, меня окружают пиявки, которые используют свою жизненную силу, чтобы красть

жизненную силу других, и губки, скрывающие в себе слишком много ртов, и ракообразные, сменившие чувства на доспехи. Я понимал, что достойная человеческая жизнь должна включать в себя дисциплину, и труд, и приключения, и заботу не только о себе. И вот я вступил в армию. Скажите, к какой организации я мог еще примкнуть? Но, хотя я пять раз рисковал жизнью в тылу врага, хотя я запустил программу Кью — тридцать девять, я вытянулся до девяти футов и сделался хрупким, как стекло. Я был способен создать фантастическое давление по вертикальной оси — вверх или вниз, но сломался бы от самого слабого бокового удара. Мы, армейские, знаете ли, иногда ломаемся.

Он подавился негодованием и замолк. Некоторое время он лежал и глубоко дышал, потом вдруг улыбнулся:

— Угадаете, что я сделал?

— Нет.

— Кое-что учудил. Я не стал ждать, пока сломаюсь и яма поглотит меня по частям, — я воззвал к яме. Я попросил о выходе, и яма пришла ко мне, и я погрузился в нее так, как приличествует мужчине.

— Я тоже.

На лице собеседника вновь выразилось негодование. Потом он спросил:

— Сколько нас в этой комнате?

— Только вы и я.

— Хорошо. Отлично. Это значит, что мы — исключительный случай. Будьте уверены, не многие способны взмолиться о таком выходе. Большинство

проводит жизнь, страшась этого. Вы потеряли сознание, когда спускались?

— Да, через некоторое время.

— Я — почти сразу. Беда в том, что я возвращаюсь туда, снова и снова. Жаль, что я не послушал их совета и не снял форму.

— Вы спускались в форме! — ужаснулся Ланарк.

— Да. Пояс, сапоги, галун, медные пуговицы — много всего. Я взял с собой даже пистолет в кобуре.

— Зачем?

— Думал сдать его здешнему командующему — символический жест, знаете ли. Но здесь нет командующего. Этот пистолет вдавило в мое правое бедро, и он проделал там борозду. Наверное, от этого я и умираю. Форму я бы еще пережил, но не револьвер.

— Вы не умираете!

— Умираю, я это чувствую.

— Но чего же ради мы прошли через эту яму, черноту, через этот пресс, даже старались остаться людьми, если нам назначено умереть? Если вы умрете, то ваши муки и борьба окажутся бесполезны!

— Я смотрю на дело не так мрачно. Хорошая жизнь — это борьба за то, чтобы, несмотря на трудности, быть человеком. Многие молодые люди знают об этом и борются вовсю, но через несколько лет жизнь становится легче и они решают, что уже сделали людьми, но это не так — они просто прекратили стараться. Я вот прекратил стараться, но моя жизнь была так переполнена трудами, что я бы этого не заметил, если бы не болезнь. Вся моя профессиональная деятельность

была не чем иным, как болезненным и отчаянным нападением на мою человечность. Осознать себя раненым и умирающим человеком — это уже достижение. Кто может превзойти умирающего царственным величием?

Вялая речь перешла в едва слышное бормотание.

— Сэр! — пылко воскликнул Ланарк. — Надеюсь, смерть вам не грозит!

Сосед улыбнулся и пробормотал:

— Спасибо, мой мальчик.

Тут же на всех видимых частях его тела заблестел пот. Сжав обеими руками одеяло, он выпрямился и произнес резким командным тоном:

— А теперь мне стало жутко холодно и очень даже страшно!

Лампа погасла. Ланарк соскочил на гладкий пол, поскользнулся, упал и на четвереньках добрался до соседней кровати. В пробежавшем по ней перламутровом луче он разглядел тело, лишь наполовину прикрытое одеялом, свесившуюся вниз голову, руку, которая касалась пола. Резиновая трубка была выдернута, и на повязке расплывалось темное пятно. Подбежав к своей кровати, Ланарк схватил радио и щелкнул выключателем.

— Дайте доктора Манро! Доктора Манро мне!

Ему отозвался отчетливый тихий голос:

— Простите, кто это говорит?

— Меня зовут Ланарк.

— Доктор Ланарк?

— Нет-нет! Я пациент, но тут человек умирает!

— В самом деле умирает?

— Да, умирает, умирает!

В радио слышалось: «Пусть доктор Манро быстро сообщит доктору Ланарку: человек умирает в самом деле. Повторяю: человек умирает в самом деле».

Через минуту в палате зажегся свет.

Ланарк сидел на кровати и рассматривал соседа, вид у которого был вызывающе мертвый. Челюсть у него отвисла, глазницы, как выяснилось, были пусты. На полу, рядом с рукой, расплывалась лужица, вытекавшая из резиновой трубки. Вошел доктор Манро и быстро шагнул к кровати. Поднял руку соседа, пощупал пульс, подтянул тело на матрас, потом закрыл кранчик у подвешенной бутылочки. Взглянув на Ланарка, который сидел на краю постели в белой ночной рубашке, он спросил:

— Не лучше ли вам будет что-нибудь на себя накинуть?

— Нет. Не лучше.

— Вы с ним разговаривали?

— Да.

— Он вспомнил, кто он?

— Да. Что вы собираетесь с ним делать?

— Похоронить. Правда, странно? Для мертвых чудовищ, сколько бы их ни было, мы находим полезное применение, а человека можем только сжечь и закопать.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ложитесь в постель, Ланарк.

- Я хочу посмотреть в окно.
- Зачем?
- Меня угнетает замкнутое пространство.
- Дойдете туда?
- Конечно.

Доктор отпер прикроватный шкафчик, достал оттуда халат и шлепанцы и протянул Ланарку. Тот оделся и пошел к окну. Ему казалось, что он не идет, а плывет над полом, но он старался этого не замечать. Удивительно, но коридор оказался едва ли длиннее комнаты; справа и слева он заканчивался голой стеной с полукруглой дверцей, занавешенной красной тканью. Перед перекладинами шторы Ланарк замешкался, но тут его догнал доктор Манро и дернул за зеленую веревочку, прицепленную наверху.

— Я подниму штору, но прежде вы должны повторить несколько слов.

— Каких?

— «Если я потеряюсь, то закрою глаза и поверну голову».

— Если я потеряюсь, то закрою глаза и поверну голову.

Манро поднял штору.

За окном виднелись дали, полные подвижного тумана; сквозь них светило солнце. Снежные цепи облаков разделяли снежные цепи гор; серебристые облака висели так низко над сверкающими океанами, что трудно было их разграничить. Казалось, институт дрейфует к солнцу между глубокими провалами

каньонов. Ланарк вытянул шею, стараясь разглядеть дно, однако, когда туман под окном сначала поредел, а потом расползся, там оказалось густо-фиолетовое пространство со звездами и лунным серпом. Голова у Ланарка пошла кругом, и он, в поисках поддержки, обратил взгляд к солнцу: пусть затуманенное дымкой, оно все же надежно сияло в центре сцены, освещая ее и объединяя вокруг себя. Но ему пришло в голову, что солнце, быть может, стоит высоко над головой, и этот сияющий круг — не более чем его отражение в море; или оно находится сзади, а впереди виднеется его отсвет на леднике в горах. Но вот скрылось все, кроме солнечного света, молочно-белого облака и одинокого пика, вздымавшегося над ними. Реки, похожие на серебряные нити, изливались через лощины на нижние склоны; белые полосы водопадов стремились с утесов в облака. Пик был, как разглядел Ланарк, не конусообразный, а многоглавый; верхушки разделялись долинами. В одной из долин имелось множество озер и пастбищ, другая щетинилась лесом, в четвертой лежал золотисто-зеленый океан, а за ним садилось солнце. Смотреть в окно было все равно что лететь. Ланарк поднял глаза к горизонту, однако за каждым морем и за каждой равниной открывался вид на острова, горы, грозовые облака, города, восход или закат очередного солнца. Чтобы спастись от этой бесконечной перспективы, он попробовал сосредоточить взгляд на небольшом холме, где лежала в рассветных лучах какая-то деревушка. Над головой проплыло облако, и от деревушки остались только отблески света в окнах и на крышах; затем эти искорки унесло, как снежные хлопья, в сторону, где они закружились на фоне серебристой голубизны, подобно чайкам над пароходом. Поменяв цвет и превратившись в

темные крапинки, они замелькали, словно аэропланы, в красных вспышках над руинами города. Ланарк закрыл руками глаза, повернулся и направился, успокоенный, в комнату.

Санитар провез мимо на каталке замотанное в одеяла тело соседа. Ланарк сложил халат и шлепанцы в шкафчик, забрался в кровать и до самого подбородка натянул на себя одеяло. Доктор Манро опустил штору и приблизился к шкафчику рядом с постелью умершего. Вынул пистолет и пристально его изучил.

— Знаете, из-за этой штуки он и умер. Взял с собой, когда отправился вниз.

— Да, он мне говорил.

— Но все же он прыгнул вниз головой. Не многие на это отваживаются.

— Где находится этот институт?

— Мы занимаем систему галерей под горой. На ее вершине находится ряд пиков и несколько городов. Думаю, вы жили в одном из них.

— Под горой?

— Да. Это не окно, а экран. На него поступают картинки от рефлектора, расположенного на одном из пиков. Эта палата оборудована экраном, потому что пациентам вроде вас иногда бывает дискомфортно в замкнутом пространстве. Если бы я показал этот вид другим пациентам, они бы свернулись, как часовая пружина.

— Как глубоко мы находимся?

— Не знаю. Я врач, а не геолог.

Получив больше впечатлений, чем мог переварить,
Ланарк заснул.

Глава 8 Доктора

На следующее утро он проснулся усталый и больной, но принесенный санитарками легкий омлет восстановил его жизненные силы. На стуле у кровати была разложена одежда, отливавшая тем же сатиновым блеском, что и еда: нижнее белье, носки, рубашка, темные брюки, пуловер и белый халат. Санитарки сказали:

— Сегодня ты присоединяешься к нам, Бровастик.

— О чем вы?

— Ты теперь доктор. Надеюсь, ты не станешь рычать на нас, бедных санитарок.

— Я не доктор!

— Только не отказывайся! Те, кто вначале отказывается, рычат потом пуще всех.

Когда санитарки ушли, Ланарк встал и надел на себя все, кроме халата. Под кроватью он обнаружил туфли из материала, похожего на замшу. Обувшись, Ланарк вышел в коридор и поднял штору: за окном высился белый флагшток в центре согретой солнцем террасы. По ровному газону сновали туда-сюда ребяташки, гонясь за мячом; у дальнего края сидели на скамейке два мальчика постарше и глядели на долину, на дне которой щетинились дымовыми трубами крыши. Справа извивалась меж полей и куч шлака река; среди городских строений она исчезала из виду, но ее путь можно было проследить по скелетообразным кранам, уходившим влево. За городом виднелась возвышенность: голый, в зелени вереска, гребень, исчерченный

каналами, еще дальше — горные вершины, похожие на выщербленный ряд зубов. Зрелище неожиданно переполнило Ланарка таким восторгом, что у него на глазах выступили слезы. Вернувшись в постель, он стал раздумывать, отчего так произошло.

«Как бы то ни было, — сказал он себе, — я там непременно побываю».

Из-за арки показался Манро, и Ланарк сел.

— Прежде чем что-либо сказать, знайте: доктором я не стану.

— Понятно. И чем же вы намерены заниматься, пока будете здесь?

— Я не задержусь. Хочу уйти.

Внезапно вспыхнув, Манро указал на окно. Снаружи вздувались и опадали серые волны, набегавшие на большой утес, вершина которого была скрыта туманом.

— Ага, идите! Идите! — с нарочитой сдержанностью кивнул он. — Я проведу вас к аварийному выходу. Выйдете наружу у подножия горы и ступайте на все четыре стороны. Такое бывало: человек покидает надежный оазис или безопасную пещеру, пересекает дикую местность и обосновывается в неизвестных краях. Конечно, эти люди владели навыками, которых у вас нет. Они умели сажать растения, охотиться, терпеть муки, от которых вы бы свихнулись. Но вы способны читать, писать, доказывать свою правоту, и где-нибудь за семью горами — если туда доберетесь — вам могут встретиться ценители ваших талантов. Вот только одно условие: они должны говорить на том же языке.

— Но минуту назад я видел там обитаемый город!

— А вы имеете понятие о скорости света? О том, как влияет на свет притяжение, как он отражается от различных поверхностей и преломляется атмосферой? Вы видели город и поместили его в будущее, которого можно достичь, пропутешествовав час, день или год, однако действительность представляет собой спираль, и не исключено, что от этого города вас отделяют века. А что, если он находится в прошлом? Истории известно множество примеров, когда человек видел город, направлялся туда и находил на том месте деревню или вековые развалины, так и не отстроенные. Последний вариант — далеко не самый худший.

— Но мне знаком этот город! Я бывал там!

— Ага, значит, он остался в прошлом. Сейчас его уже не найти.

Ланарк печально уставился в пол. Вид за окном внушил ему мечту о прекрасном, залитом солнцем мире.

— Выходит, поблизости нет ни одного цивилизованного места?

К Манро вернулось олимпийское спокойствие, и он сел на стул рядом с кроватью.

— Есть, и не одно. Но без спутника вас не примут.

— Почему?

— Медицинские нормы. Если человек покидает институт без спутника, он через некоторое время вновь заболевает.

— А я единственный здоровый, желающий отсюда выбраться?

— Одна женщина-доктор так ненавидит свою работу, что готова уйти с кем угодно, однако

остерегитесь. Отправиться с кем-либо в другой мир — это своеобразная форма брака, а этой даме ни один мир не придется по вкусу.

— Что же мне делать, доктор Манро? — спросил со стоном Ланарк.

Манро отозвался жизнерадостно:

— За все время это ваш первый разумный вопрос. Поэтому успокойтесь и слушайте. Поиски спутника вы можете вести среди трех разрядов публики: докторов, санитаров и пациентов. Из докторов покинуть институт хотят немногие, и если уж они задумают такое, то в компании с коллегой. Санитарки отбывают чаще, причем с людьми, которым полностью доверяют, а тут преимущества докторов прямо-таки вошли в пословицу. Но самый большой разряд — это пациенты, а их не узнаешь, пока с ними не поработаешь.

— Для такой работы у меня нет квалификации.

— А разве не были вы без пяти минут драконом? И не исцелились? Чтобы научиться лечить болезнь, нужно всего лишь ею переболеть. Как раз сейчас семнадцать больных изнывают под тяжестью боевого панциря, и нет ни единой здравомыслящей души, чтобы о них позаботиться. Не робейте! Вам не придется иметь дело ни с кем, чей случай не является разновидностью вашего.

Они немного посидели молча, а потом Ланарк встал и надел на себя белый халат. Манро улыбнулся и вынул больничное радио:

— Оно ваше. Вы уже знаете, как вызвать нужного человека, теперь я покажу, как будут вызывать вас.

Щелкнув переключателем, он произнес в сетку:

— Пожалуйста, через десять секунд пошлите вызов доктору Ланарку. Это не послание, так что повторять его не надо.

Он уронил радио в карман Ланарку. Спустя мгновение оттуда донеслись два звучных аккорда: плин-плон.

— Эти звуки означают, что у вашего пациента кризис или коллега нуждается в помощи. Если вам самому потребуется помощь, или вы заблудитесь в коридорах, или захотите послушать колыбельную, скажите оператору, и вас соединят с кем надо. А теперь собирайте книги, мы пойдём в вашу новую квартиру.

Заколебавшись, Ланарк спросил:

— Там есть окно?

— Насколько мне известно, видовой экран имеется только в этой комнате.

— Я предпочитаю спать здесь, доктор Манро.

Манро едва слышно вздохнул.

— Врачи обычно не спят в больничных палатах, однако эта, конечно, самая маленькая и используется не часто. Ладно, оставляйте книги. Я покажу вам институт, а потом мы отправимся к Озенфанту, вашему заведующему отделением.

Они двинулись к одной из полукруглых дверей за аркой. Занавес из гофрированного винила раскрылся перед ними, а потом сомкнулся.

Коридоры института резко отличались от комнат, которые они соединяли. Пока Ланарк, подталкиваемый в

спину порывами горячего ветра, следовал за Манро по низкому кривому тоннелю, ему закладывало уши от громких голосов, топанья, звяканья колокольчиков, глухого ритмичного гула. В высоту тоннель не превышал шести футов и был круглый в сечении, только внизу была устроена горизонтальная дорожка, которой едва хватало для проезда каталки. Яркость освещения то и дело менялась, отчего болели глаза; вместе с теплым дуновением по тоннелю проскальзывала золотистая вспышка, затем холодало и свет делался тускло-оранжевым, туманным. За наклонным переходом лежал другой тоннель, в два раза больший, за ним следующий, также удвоенной величины по сравнению с соседним. Звуки стали громче, свет — ярче, ветер задул сильнее. Ланарк с Манро шли быстро, однако то с одной стороны, то с другой их обгоняли пронесившиеся на всех парах доктора и санитарки с каталками и столиками на колесах. Никто не двигался против ветра. Не без труда поравнявшись с Манро, Ланарк спросил его об этом, однако, хотя он почти кричал, собственный голос напомнил ему отдаленный писк, а ответ и вовсе невозможно было расслышать. Притом через грохот и звон отчетливо пробивались фрагменты фраз, произносимых поблизости какими-то невидимками:

«...это пирог, который печется и съедается...»

«...это нечто, не имеющее размеров...»

«...это изучение лучших...»

«...сложная игра, требующая терпения...»

Они вошли в большой круглый зал, где голоса тонули в реве, который нарастал и опадал, как крики болельщиков на футбольном стадионе. Трубы тоннелей, извергавшие в зал толпу за толпой, чередовались с

квадратными дверьми, куда этот людской поток направлялся. Помимо белых халатов, Ланарк видел зеленые плащи, коричневые комбинезоны, голубую униформу, темно-серые деловые костюмы. Подняв глаза кверху, он пошатнулся. По стенам огромной вертикальной шахты непрерывно пробегали вверх золотые и оранжевые огоньки, описывая уменьшавшиеся, как в мишени, круги. Манро схватил Ланарка за руку и потянул к двери, которая распахнулась, а потом плавно закрылась у них за спиной.

Они оказались в лифте, с застоявшимся, как бывает в маленьких помещениях, воздухом. Подняв глаза к круглой сетке на потолке, Манро произнес:

— Клоаку, пожалуйста. Вход любой. — Послышалось слабое жужжание, однако других признаков того, что лифт движется, не замечалось. — Акустика в коридорах такая, что ничего невозможно понять. Вы о чем-то спрашивали?

— Почему народ движется только в одном направлении?

— С каждой палатой соединены два коридора: один для входа, другой для выхода. Это помогает циркуляции воздуха, а кроме того, никто не движется навстречу потоку.

— Кто были эти люди, в большом зале?

— Доктора, как вы и я.

— Но доктора составляли крохотное меньшинство.

— Вы так думаете? Вполне возможно. Нам нужны инженеры, администраторы, химики, чтобы обеспечивать освещение, синтез пищи и прочее, но с ними мы видимся

только в залах; они пользуются собственными коридорами. Странная публика. Каждый, водопроводчик то или радист, воображает, будто он с коллегами — это и есть институт, а прочие — только обслуживающий персонал. Наверное, от этого их работа кажется им более нужной, однако здравое размышление убедило бы их в том, что задача института — чистка поступлений.

— Чистка поступлений?

— Лечение пациентов.

Дверь лифта открылась, и в ноздри Ланарку ударила сильнейшая вонь — запах гнили, который он заметил впервые, когда исчез в темноте Глопи. Манро пересек платформу и, взявшись за ограждение, устремил взгляд вниз. Справа и слева платформа искривлялась, словно бы окружая громадный резервуар, однако противоположную сторону Ланарк рассмотреть не мог, хотя прожекторы на темном потолке бросали вниз косые лучи. Сверху, издалека, доносились громкие мерзкие звуки, как будто проигрывали на очень низкой скорости танцевальную музыку, а за оградой, из глубины, ползло многоголосое шипение. Не отходя от двери лифта, Ланарк спросил нетвердым голосом:

— Зачем мы сюда пришли?

Манро огляделся.

— Здесь находится наша самая большая палата для ухудшившихся. Мы держим тут безнадежных размягчившихся. Они счастливы. Идите сюда и посмотрите.

— Вы говорили, мне не придется иметь дело ни с кем, чей случай не является разновидностью моего!

— Болезни принимают различные формы, но все они порождаются одной и той же аномалией. Идите сюда и посмотрите.

— Если я перегнусь через перила, меня, наверное, стошнит.

Манро смерил его взглядом, пожал плечами и вернулся в лифт. Он сказал в сетку: «Профессор Озенфант»; дверь закрылась, и воздух тихо зажужжал. Прислонившись к стене, Манро упрятал правую ладонь в левый рукав, а левую — в правый. Секунду-другую он хмуро созерцал свои туфли, потом поднял внезапно просветлевший взгляд.

— Скажите, доктор Ланарк, как связаны ваша любовь к обширным панорамам и ваше отвращение к людским проблемам?

Ланарк молчал.

Дверь отворилась, и они вышли в еще один необъятный шумный зал, лишенный потолка. Поступавшие сверху звуковые импульсы и сгустки света вытекали через тоннели, куда устремлялся и народ из лифтов. У входа в тоннель, куда Манро повел Ланарка, висел список фамилий:

МАГИЛЛ МАКЕВОЙ

МАККУОТ МАКШИ

МАКАДАМ МАКИВОР

МАКМАТ МАРРИ

МАКАСКИ МАКИН

МАКОУЭН НОУКС

МАКВЭР МАККЕЙГ

МАКУАМ ОЗЕНФАНТ

Они поспешили мимо, сквозь шум различая отрывочные реплики невидимок:

«...рад видеть в небе свет...»

«...на стенах блестели рамы...»

«...необходимы медицинские заключения...»

«...верблюды в Аравии...»

«...уничтожая сладость...»

Манро с Ланарком достигли того места, где половина фамилий была напечатана на одной стене, а половина — на другой и где тоннель разветвлялся и сужался. Миновав три таких развилки, они вошли в низкий одиночный тоннель с надписью «ОЗЕНФАНТ». За блестящей красной занавеской виднелась тяжелая коричневая ткань. Манро отодвинул ее, и они ступили в обширные величественные покои. С изящного карниза свешивались гобелены, сотканые из красных, зеленых и золотых нитей; они касались мраморного пола в черно-белую клетку. Там и сям были беспорядочно расставлены старинные стулья, кресла, софы, в промежутках валялись струнные инструменты, похожие на лютни и скрипки. В углу, рядом с громоздкой старомодной рентгеновской установкой, виднелось большое пианино. В центре комнаты, спиной к двери, стоял, склонясь над верстаком, мужчина в черных брюках и жилетке и обрабатывал наждачной шкуркой края наполовину готовой гитары. Он выпрямился и повернулся к вошедшим, улыбаясь и вытирая руки шелковым платком с ярким рисунком. Это был плотный молодой человек со светлой бородкой клинышком. Закатанные выше локтя рукава обнажали его крепкие

волосатые предплечья, однако воротничок и галстук были в безупречном порядке; жилет, равно как и брюки со стрелками, сидел идеально, начищенные туфли сияли. Со словами: «А, Манро, вы привели моего нового помощника. Садитесь оба, побеседуем» — он подошел к гостям. Манро отозвался:

— К сожалению, мне придется уйти. Я уже наскучил доктору Ланарку, а кроме того, у меня много работы.

— Нет, дружище, останьтесь еще хоть на минуточку! Один из пациентов вот-вот превратится в саламандру — зрелище неизменно впечатляющее. Садитесь, я вам покажу. — Он указал на диван и встал перед гостями, промакивая лоб платком. — Скажите, Ланарк, на каком инструменте вы играете?

— Ни на каком.

— Но вы интересуетесь музыкой?

— Нет.

— Может, вы разбираетесь в рэгтайме, джазе, буги-вуги, рок-н-ролле?

— Нет.

Озенфант вздохнул:

— Этого я и боялся. Но ничего, есть и другие способы найти общий язык с пациентами. Сейчас я покажу вам одного.

Озенфант шагнул к ближайшему гобелену и отдернул его, обнажив круглый стеклянный экран на стене. Внизу висел небольшой микрофон. Озенфант подтянул его к дивану (за микрофоном волочился тонкий кабель), сел и произнес:

— Говорит Озенфант. Покажите мне двенадцатую комнату.

Неоновые лампы на потолке погасли, и на экране высветился расплывчатый образ, похожий на рыцаря в готической кольчуге, возлежащего на могильной плите. Картина сделалась разборчивее: скорее это был доисторический ящер на стальном столе. Кожа была черная, из бугорчатых суставов торчали розовые и пурпурные иглы, гениталии были спрятаны среди пурпурных шипов; двойной ряд шипов, направленных вниз, поддерживал тело над столом, дюймах в девяти. Шея отсутствовала, подбородок тоже; голова росла прямо из ключиц, переходя в разинутый клюв, похожий на клюв гигантской кукушки. Других черт лица не наблюдалось, кроме пустых двух выпуклостей — жалкого подобия глазных яблок. Манро заметил:

— Пасть открыта.

— Да, но воздух над ней трепещет. Скоро она захлопнется, и тогда — бум!

— Когда его доставили?

— Тому назад девять месяцев, девять дней и двадцать два часа. Прибыл он почти таким же, как сейчас: ничего человеческого, кроме рук, глотки и сосцевидного отростка. Любил как будто джаз — цеплялся за остатки саксофона. Поэтому я сказал: «Он увлекается музыкой, я сам буду его лечить». К несчастью, я совсем не разбираюсь в джазе. Попробовал Дебюсси (иногда в подобных случаях срабатывает), потом романтиков девятнадцатого века. Я окружал его Вагнером, заваливал Брамсом, развлекал Мендельсоном. Результат нулевой. В отчаянии я отступил в глубь веков, и кто же в итоге подействовал? Скарлатти. Когда я играл

«Торжественное шествие», человеческие части тела пациента становились каждый раз розовыми и нежными, как детские ягодицы.

Прикрыв глаза, Озенфант послал в потолок воздушный поцелуй.

— Ну вот, все так и шло, пока, шесть часов назад, он за пять минут не обратился полностью в дракона. Наверное, я плохо играю на клавикордах? Но кто в этом несчастном институте мог бы меня заменить?

Манро заметил:

— Вы предполагали, что он розовеет от удовольствия. Но это могла быть ярость. Может, он не любит Скарлатти. Нужно было спросить.

— Я не верю в вербальную терапию. Слова — это язык лжи и лукавства. А музыка не лжет. Музыка обращается к сердцу.

Ланарк нетерпеливо заерзал. В свете экрана была видна улыбка Озенфанта — настолько неподвижная, что в ней отсутствовало выражение; брови же непрерывно шевелились, изображая преувеличенную задумчивость, удивление или скорбь.

Озенфант произнес:

— Ланарку наскучили технические подробности. Покажу-ка я ему других пациентов.

Он бросил несколько слов в микрофон, и на экране стали сменять друг друга драконы на стальных столах. У одних кожа блестела; другие были покрыты черепашьям панцирем; третьи обросли чешуей, как рыбы или крокодилы. Большая часть имела иглы и шипы, иные носили гигантские рога — порой олени, разветвленные;

но самое чудовищное заключалось в какой-нибудь детали: человеческой ноге, ухе, груди, выступавшей из оболочки динозавра. На краю одного из столов сидел незнакомый доктор и изучал шахматную доску, уравновешенную на драконьем брюхе.

— Это Макуам, — сказал Озенфант, — он тоже ничего не смыслит в музыке. Он лечит сухие, рациональные натуры: учит их играть в шахматы и в игры, не имеющие конца. Думает, если какой-нибудь пациент его обыграет, с него тут же спадет броня, но пока он им не по зубам. Вы играете в какие-нибудь игры, Ланарк?

— Нет.

В другой комнате сидел, приблизив ухо к драконьему клюву, худосочный священник с очень несчастными глазами.

— Это монсеньор Ноукс, наш единственный врач, использующий в качестве лечебного средства религию. Прежде их было не сосчитать: лютеране, иудаисты, атеисты, мусульмане — всех не упомянуть. Теперь все тяжелые религиозные случаи достаются бедняге Ноуксу. Слава богу, их бывает не так уж много.

— У него несчастный вид.

— Да, он принимает свою работу слишком близко к сердцу. Он католик, а лечить приходится квакеров и англикан. Вы привержены религии, Ланарк?

— Нет.

— Видите ли, лечение идет успешней, если доктора и пациента что-нибудь объединяет. Как бы вы себя описали?

— Не смогу.

Озенфант рассмеялся:

— Конечно. Глупый вопрос. Лимон не чувствует горечи, он только впитывает дождь. Манро, опишите мне Ланарка.

— Упрямый и подозрительный, — отозвался Манро. — Неглуп, но не стремится мыслить широко.

— Хорошо. У меня есть для вас пациентка. Тоже упрямая, тоже подозрительная, с острым умом, который только углубляет ее бездонное, поистине бездонное отчаяние. — Озенфант сказал в микрофон: — Покажите первую палату, мы хотим посмотреть на пациентку сверху.

На экране возник отливавший серебром дракон меж парой сложенных бронзовых крыльев. Вдоль одного крыла лежала толстая конечность с семью бронзовыми когтями на конце, вдоль другого — человеческая рука, тонкая и нежная.

— Видите крылья? Явление, характерное для крайне тяжелых случаев, хотя пользоваться ими больные не могут. Но эта пациентка предается отчаянию с такой безумной энергией, что я как-то питал надежды. Она не любит музыку, и мне, музыканту, пришлось снизойти до вербальной терапии. Я обращался к ней как самый тривиальный критик и дошел до такого отчаяния, что решил отдать ее катализатору. Но вместо этого мы отдадим ее Ланарку.

«Плин-плон», — сказала радио. Озенфант вынул устройство из кармана жилетки и повернул выключатель.

Чей-то голос сообщил, что пациент двенадцать превращается в саламандру.

— Быстро! Двенадцатая палата, — распорядился Озенфант в микрофон.

В двенадцатой комнате было трудно что-либо разглядеть: из внезапно захлопнувшегося драконьего клюва, клубясь, устремлялись наружу белые испарения. Из округлостей на голове били лучи, тело корчилось.

— Не надо света, пожалуйста! — крикнул Озенфант. — Нам хватит одного нагрева, чтобы наблюдать.

Разом воцарившаяся темнота ошеломила Ланарка; он различал только искры и круги в собственных глазах. С одной стороны доносилось частое сухое дыхание Манро, с другой дышал через рот Озенфант.

Ланарк спросил:

— Что происходит?

Озенфант пояснил:

— Все его органы испускают сияющий свет, способный нас ослепить. Скоро вы его увидите благодаря тепловому излучению.

Вскоре Ланарк вздрогнул оттого, что Озенфант начал шептать ему на ухо:

— Тепло, создаваемое телом, легко перемещается в нем, переполняя — во время актов великодушия и самосохранения — поры, пенис, анус, глаза, губы, конечности и кончики пальцев. Многие, однако, боятся холода и пытаются удержать больше тепла, чем отдают. Если хотя бы один орган или конечность перестает отдавать тепло, последнее скапливается и превращает

поверхность органа в изолирующую броню. Какая часть тела у вас покрылась драконьей кожей?

— Рука с ладонью.

— Вы трогали их другой, нормальной рукой?

— Да. Они были холодные.

— Вот именно. Тепло не выходило наружу. Но не поступало также и внутрь! А поскольку человек сильнее чувствует тепло, поступающее извне, а не собственное, то при наличии брони прочим частям человеческого тела делается холодно. Заставляет ли это его снять с себя броню? Редко. Подобно стране, проигрывающей несправедливую войну, он отказывается сдаться или отступить, а вместо этого наращивает брони все больше и больше. Начинает он с того, что ограничивает, к примеру, свои привязанности, вожделения или разум, но далее коркой покрываются и сердце, и половые органы, и мозг, и руки, и кожа. Он ничего не делает, только разговаривает и питается; для того, чтобы принимать и отдавать, у него остается одно-единственное отверстие. Затем закрывается и рот, тепло не находит выхода, оно нарастает внутри организма, пока... смотрите и увидите.

Окружавшую их густую, непроглядную тьму прорезала изогнутая нить, светившаяся алым светом. Она дергалась и росла в обе стороны, пока не превратилась в вытянутый контур дракона: расставленные задние лапы, хищно вклинивающиеся в темноту передние, мотающаяся из стороны в сторону большая голова. У Ланарка возникло жуткое ощущение, будто зверь стоит рядом, перед ним. В сплошной черноте сравнивать размер было не с чем, и зверь представлялся громадным. Движения его вызывались, возможно, болью, но в них чудилось грозное ликование. Внутри контура

головы на месте глаз появились две звездочки, затем и все тело засверкало белыми и золотыми искрами. Ланарку казалось, что огромный грубый силуэт висит над ним в небе, на расстоянии многих миль; что это было созвездие, похожее на человеческую фигуру. Последняя сжалась в золотое пятнышко, а потом раздулась в ослепительный шар. Раздался удар грома, и на мгновение в комнате сделалось очень жарко. Пол дрогнул, включился свет.

Зрение не сразу обрело ясность. Гром замолк, но инструменты в комнате все еще откликались на него брэнчанием и звоном. Ланарк заметил Манро, сидевшего рядом. На лбу его виднелась испарина. Он тщательно полировал носовым платком очки. Пустой экран делила на две части трещина, однако микрофон висел внизу все так же аккуратно. Озенфант стоял поодаль, рассматривая скрипку.

— Взгляните! — вскричал он. — Струна А порвалась. А некоторые еще уверяют, будто у страдивариуса нет души.

Манро заметил:

— Я не специалист по саламандрам, но мне кажется, вибрация была уж очень сильной.

— В самом деле. В этой небольшой вспышке было больше миллиона мегатермов.

— Не может быть!

— Верно. Я это докажу. — Озенфант извлек радио. — Озенфант желает поговорить с инженером Джонсоном... Привет, Джонсон, ты получил свою саламандру, и как она?.. А, понятно. Как бы то ни было, у меня треснул видеоэкран, так что замените его поскорей,

пожалуйста. — Сунув радио в карман, Озенфант быстро проговорил: — Не совсем миллион мегатермов, но на месяц-два хватит.

Он наклонился и поднял арфу, завалившуюся на бок. Ланарк резко спросил:

— Это тепло используется?

— Конечно. Обогреться-то нам надо.

— Это отвратительно!

— Почему?

Ланарк зачастил, начал заикаться, потом принудил себя говорить медленней:

— Я знаю, больным становится хуже. Это печально, однако понятно. Но чтобы бодрые здоровые люди обращали чужое несчастье себе на пользу — это отвратительно!

— А что бы вы предпочли? Мир с выгребной ямой в глубине, куда сваливаются безнадежно испорченные, чтобы вечно там гнить? Это устаревшая модель вселенной.

— И очень нищенское существование, — добавил Манро. — Если бы мы не извлекали пользу из своих неудач, мы не смогли бы никого вылечить. Мне нужно идти. Ланарк, у персонала наших отделений клубы разные, но если вы когда-нибудь соберетесь покинуть институт, мы вновь встретимся. Теперь ваш советчик — профессор Озенфант, так что удачи вам и постарайтесь не впадать в ярость.

Ланарку так хотелось выяснить, всерьез ли было сделано последнее замечание, что он напряженно

установился на спокойное кроткое лицо Манро и не отозвался на его крепкое рукопожатие.

— Отличный совет, — пробормотал Озенфант.

Он открыл дверь, и Манро вышел.

Посмеиваясь и потирая себе руки, Озенфант вернулся на середину комнаты.

— Заметили, как у него вспотел лоб? Ему не понравилось это зрелище, он ригорист, Ланарк. Наша болезнь не будит в нем сочувствие.

— Что значит «ригорист»?

— Тот, кто торгует своим теплом. Ригористы не держат тепло в себе, но, отдавая его, желают получить в обмен свежие запасы. Это очень надежные люди; заболев, они распадаются на кристаллы, необходимые для производства линий связи, мы же с вами в подобных случаях идем другим путем. Вот почему нас так волнует взрыв саламандры. Мы нутром чувствуем справедливость такого возмездия. Вы ведь почувствовали радостное волнение, так?

— Почувствовал — и раскаиваюсь в этом.

— От вашего раскаяния никакого проку. А теперь, может быть, вы захотите встретиться с вашей пациенткой. — Озенфант поднял угол еще одного гобелена, за которым оказалась круглая низкая дверь. — Ее палата там.

— Но что я должен делать?

— Раз вы умеете только разговаривать, то этим и займитесь.

— О чем мне говорить?

— Не знаю. Хороший врач не несет больному лекарство, а узнает от больного, какое лекарство требуется. Мой пациент превратился сегодня в саламандру, так как я лучше его понимал, чем его лечить. Я часто делаю такие ошибки, потому что считаю себя больно умным. Вы же знаете, что вы невежда, и в этом ваше преимущество.

Ланарк стоял, засунув руки в карманы, покусывал нижнюю губу и притопывал одной ногой.

Озенфант проговорил:

— Если вы не пойдете, я определенно пошлю к ней катализатора.

— Кто такой «катализатор»?

— Очень важный специалист, которого вызывают в случае затяжной болезни, когда другие методы не дают результата. Катализатор провоцирует очень быстрое ухудшение. Почему вы противитесь?

— Потому что боюсь! — неистово выкрикнул Ланарк. — Вы хотите свести меня с чьим-то отчаянием, а я ненавижу отчаяние! Я хочу быть свободным, а свобода — это независимость от других людей!

Озенфант с улыбкой кивнул:

— Самое что ни на есть драконовское чувство! Но вы больше не дракон. Пора узнать другие эмоции. — Улыбка сползла с лица Озенфанта, оставив его удивительно бесстрастным. Он отпустил гобелен, подошел к верстаку и поднял лобзик. — Вы чувствуете, что я на вас нажимаю, и вам это не нравится, — сказал он резко. — Поступайте, как вам вздумается. Но у меня

есть работа, и я буду рад, если вы не станете больше занимать мое время.

Он склонился над гитарой. Ланарк разочарованным взглядом уставился на угол гобелена. На нем была изображена величественная женщина (*Correctio Conversio*, согласно надписи), попиравшая ногами простертого юношу в короне (*Tarquinius*, согласно надписи). Наконец Ланарк отдернул гобелен, перешагнул порог и углубился в коридор.

Глава 9 Дракон

Ланарк не отличался высоким ростом, но, чтобы войти в коридор, ему пришлось согнуть колени и наклонить голову. Здесь не было таких резких контрастов между ярким светом и сумраком, теплом и холодом, а голоса звучали, как шепот моря в раковине: «Сирень и ракитник... мрамор и мед... по рецепту следует разделить...»

Коридор упирался в стальную поверхность с сеточкой в центре.

Он произнес невесело:

— Пожалуйста, откройте. Меня зовут Ланарк.

Дверь спросила:

— Доктор Ланарк?

— Да-да, доктор Ланарк.

Круглая дверца, повернувшись на петлях, приоткрылась внутрь. Ланарк перебрался через порог, выпрямил шею, стукнулся головой о низкий потолок и плюхнулся на стул возле стола. Дверь бесшумно захлопнулась, сделавшись неотличимой от стены.

Минуту-другую Ланарк сидел молча, покусывал сустав большого пальца и старался не завопить, чтобы его выпустили. Прежде, наблюдая экран, он не мог оценить тесноту крохотного помещения и внушительные размеры чудовища. Поверхность стола находилась в каких-нибудь нескольких дюймах от пола, а длина пациентки, если мерить от гребня на серебряной голове до бронзовых копыт на серебряных лапах, составляла добрых восемь футов. Комната представляла собой

идеальную полусферу, длиной в девять футов, а высотой, соответственно, четыре с половиной, и, хотя Ланарк вжался плечами в изгиб потолка, ему пришлось наклониться над блестящим животом, откуда веяло ему в лицо ледяным воздухом. Молочно-белый пол и стены испускали мягкий свет; теней не было. Ланарк сравнил бы это помещение с крошечным арктическим иглу, но тут от стен шло тепло, а от компаньона — холод. Утешало лишь то, что ладонь человеческой руки чудовища постоянно сжималась и разжималась. Ланарку понравились крылья, сложенные вдоль боков дракона; кончики длинных бронзовых перьев украшал сочный радужный рисунок, какой возникает при нагревании меди. Наклонившись, он заглянул в разинутый клюв и ощутил на своем лице приветственный теплый выдох, хотя не увидел ничего, кроме темноты.

— Что вы прихватили на сей раз? — спросил голос — Волынку?

Тон был глухой, безличный, словно бы голос прошел через аппарат, слишком грубый, чтобы воспроизвести музыку обычной речи, но яростная энергия, просившаяся наружу, показалась ему знакомой.

— Я не музыкант. Меня зовут Ланарк.

— Что за мерзкие фокусы вы проделываете с больными?

— Меня просили с вами поговорить. А я не знаю о чем.

Ланарк больше не боялся. Он сел, уперев локти в колени и свесив голову. Прокашлявшись, он начал:

— Мне кажется, беседа — это способ защиты и нападения, но мне не нужно защищаться. И нападать тоже.

— Как любезно с вашей стороны!

— Ты — Рима?

— Я больше не имею дела с именами. Имя — это ошейник, который на тебя надевают, чтобы тащить, куда им вздумается.

Снова Ланарк безуспешно искал слова. Тишину нарушал только чуть слышный глухой стук, доносившийся откуда-то издалека. Наконец дракон произнес:

— Кто такая Рима?

— Девушка, которая мне нравилась. И я ей как будто немножко нравился.

— Тогда это была не я.

— У тебя красивые крылья.

— Пусть бы на их месте росли шипы, тогда бы мне не пришлось пререкаться с ублюдками вроде тебя.

— Почему ты так говоришь?

— Не делай вид, будто ты не такой, как другие. Тоже начнешь меня мучить, только другими приемами. Я беспомощна в этом ледяном гробу, так к чему же медлить?

— Озенфант тебя не мучил.

— А ты думаешь, я в восторге от этого шума? Балетная музыка! Женщины порхают и плывут в лунном свете, как лебеди и облака; взлетают из рук мужчины, как пламя свечи; женщины пренебрегают роскошными

царскими и императорскими палатами. Да, обманщик болтал языком, не оставляя пищи моему воображению. Он говорил, когда-то и я могла творить нечто подобное. «Откройте сердце музыке, — говорил он. — Рыдайте от души». Кожа моя непроницаема, так что он насилывал мои уши, как и ты.

— Я не насилывал твои уши.

— Тогда зачем ты кричал?

— Я не кричал!

— Не впадай в истерику.

— Я не впадаю в истерику.

— Как же, ты абсолютно спокоен.

— Как я могу быть спокоен? — взревел Ланарк, но его оглушило эхо под тесным сводом.

Он сложил руки на груди и нахмурился. Гром стих, сменившись слабым звоном, сопровождавшимся (или Ланарку это показалось?) отзвуками смеха. Наконец он тихо произнес:

— Мне уйти?

Она ответила неразборчивым бормотанием.

— Я не расслышал.

— Можешь рассказать мне о себе.

— Мой рост чуть больше пяти с половиной футов, вес около десяти стоунов. Глаза карие, волосы черные, группу крови я забыл. Мне было за двадцать, теперь стало за тридцать. Меня считали замкнутым и слишком серьезным, но недавно один надежный человек назвал меня проницательным, упрямым и достаточно умным. Прежде я был писателем, а теперь доктор, но не потому,

что этого хотел, — просто мне посоветовали. Я вообще если и хотел чего-то, то недолго. За исключением свободы.

Раздался смех, похожий на звяканье металла.

— Да, это смешное слово, — согласился Ланарк. — Все мы вынуждены определять это понятие своим способом, непонятным другим людям. Но для меня свобода — это... — Он задумался. — Это жизнь в городе у моря или у подножия гор, где солнце светит не меньше половины дня. В моем доме должны быть гостиная, большая кухня, ванная и по спальне на каждого члена семьи. Работа поглощает меня без остатка, так что я не задумываюсь о том, счастлив я или печален. Может, я чиновник и как следует делаю полезное дело. Может, я проектирую дома или дороги для города, где живу. К старости я куплю коттедж на острове или в горах...

— Мерзавцы, мерзавцы, мерзавцы! — Голос дрожал от ярости. — Мерзкие ублюдки, пославшие мне убийцу вместо врача!

В барабанных перепонках у Ланарка зазвенело, в кожу головы словно бы вонзились иглы. Его захлестнула волна ужаса, в которой он барахтался, пытаясь встать; затем ее сменила волна ярости, он сел, наклонился и прошептал:

— Ты не имеешь права презирать меня за мои плохие дела, если не признаешь хороших.

— Расскажи о них, много их было? Так ли они прекрасны?

— Доктор Ланарк готов к выходу! — крикнул он.

В другом конце комнаты открылась круглая панель. Осторожно переступая через тело, он помедлил, прежде чем перенести на другую сторону вторую ногу. Плечи его упирались в свод.

— Прощай! — произнес он с преднамеренной жестокостью, которая ошеломила его самого. Понаблюдав немного за сжимавшейся и разжимавшейся ладонью, он кротко спросил: — Тебе очень больно?

— Я замерзаю. Я знала, что ты уйдешь.

— От бесед пользы никакой. Что мне говорить, чтобы ты не раздражалась?

Чуть помолчав, она произнесла еле слышно:

— Ты мог бы мне почитать.

— Почитаю. В другой раз. Я принесу книги.

— Ты не вернешься.

Через отверстие Ланарк выбрался в тоннель, где мог стоять в полный рост. Просунув голову обратно в комнату, он сказал весело:

— Я удивлю тебя. Приду раньше, чем ты думаешь.

Он отвернулся, и панель закрылась.

В конце коридора за красной завесой открылся проход между большим окном и аркадой. Через арки Ланарк рассмотрел пять кроватей собственной палаты и почувствовал себя так, словно вернулся домой. Ему показалось странным, что серебряный дракон с самого начала находился в такой близости. Он подошел к своему шкафчику, вынул книги и поспешил обратно к занавеске. С другой стороны она открылась легко, одним прикосновением пальца. Ланарк знал, что это всего лишь

тонкая, как бумага, мембрана, не снабженная никакими запорами, однако она не поддалась. Он несколько раз атаковал ее плечом, но она только дрожала и гроыхала, как барабан. Раздраженный, он уже собирался лягнуть перегородку ногой, но тут его взгляд упал на окно. За ним виднелась с высокой точки тихая улица под пленкой изморози, в дальнем ее конце стояло трехэтажное красное здание из песчаника. Чистые стекла блестели на утреннем солнце; в бледном зимнем небе вился дым из труб. Из огороженного дворика при доме поднялся по ступенькам мальчик шести или семи лет, со школьной сумкой, в темно-синем плаще и шерстяном шлеме и двинулся по тротуару налево. Прямо напротив Ланарка между занавесками в окне-эркере появилась усталая женщина с худым лицом. Она наблюдала за мальчиком, который, дойдя до угла, обернулся, чтобы махнуть ей рукой, и стукнулся головой о фонарный столб. Ланарк сперва испугался, потом, вслед за матерью, усмехнулся. Печально потирая ушибленное ухо, мальчик зашел за угол. Женщина обернулась, посмотрела прямо на Ланарка и удивленно прикрыла рот рукой. Ланарк хотел помахать ей, как помахал мальчик, открыть окно и крикнуть что-нибудь ободряющее, но по улице проехала тележка молочника с запряженной в нее гнедой лошадью, а когда он вновь перевел взгляд на окно-эркер, там было пусто.

Видение тронуло Ланарка до глубины души. Чтобы сцена не сменилась какой-нибудь другой, он опустил штору и, внезапно почувствовав себя совершенно разбитым, отправился в палату. Согласно часам, он отсутствовал меньше трех часов, но ему казалось, что прошло много дней. Он положил книги и белый халат на

стул, скинул с себя туфли и лег в кровать, собираясь отдохнуть минут десять-пятнадцать.

Его разбудило радио, повторявшее «плин-плон, плин-гагон, плин-плон». Ланарк протянул руку, вынул его из кармана халата и включил. Озенфант сказал:

— Одного сна недостаточно, дружище, иногда нужно и есть. Ступайте в клуб для персонала. Белый халат оставьте в палате. Вечер — время веселья и радости.

— Как найти этот клуб?

— Идите в ближайший зал и садитесь в любой лифт. Если хорошо попросите, он привезет вас прямо туда. Сошлитесь на меня.

Ланарк обулся, сунул под мышку книги и через завесу шагнул в шумный коридор, предназначенный для выхода. На этот раз он не обращал внимания на голоса и задумался о том, как не отставать от окружающих. Обычные законы, управляющие движением тел, тут как будто не действовали. Откинуться назад, против потока, значило непременно упасть, но если склониться вперед, он подхватывал тебя и нес проворно, не роняя. Большинство довольствовалось быстрым продвижением под углом в сорок пять градусов, но один или двое попутчиков пронесли мимо, как ракета, на уровне колен Ланарка. Они наклонялись к самому полу: можно было подумать, что они ползут. В большом зале было не таклюдно, как в прошлый раз. Ланарк вошел в лифт, который, видимо, должен был наполниться, прежде чем пойти вверх. В углу болтали двое мужчин, везших с собой веху и треногу.

— Таких крупных работ мы еще не вели.

— Благородный лорд желает, чтобы все было закончено за двенадцать дней.

— Да у него крыша поехала.

— Существо посылает тунгтаниевые вакуумные экскаваторы через группу «Алголагникс».

— Где мы возьмем для них энергию?

— У Озенфанта. Озенфанта и его малютки-катализатора.

— А он обещал?

— Нет, но он не может противопоставить себя президенту совета.

— А я сомневаюсь, что президент совета может противопоставить себя Озенфанту.

Лифт заполнился, и дверь закрылась. Голоса объявляли: «Гостиные», «Лекарский дортуар Q», «Клуб губкоотстойника».

— Клуб персонала, — сказал Ланарк.

— Который? — спросил лифт.

— Профессора Озенфанта.

Лифт загудел. Ближайшие соседи Ланарка молчали, но те, кто стоял поодаль, зашептались, бросая на него взгляды. Дверь открылась, впуская в себя звуки венского вальса. «Ваша остановка, доктор Ланарк», — сказал лифт.

Ланарк вошел в залитый неярким светом ресторан с низким синим потолком и толстым синим ковром. Пустые столики стояли без скатертей, за исключением дальнего, за которым сидел Озенфант. На нем был светло-серый костюм с желтым жилетом и галстуком; за пуговицу

жилета была заткнута белая салфетка. Он с видимым удовольствием разрезал на тарелке какое-то лакомое блюдо, но, подняв глаза, сделал Ланарку знак подойти. Свет исходил от двух свечей на столе и от низких арок в стенах. За этими арками мавританского рисунка находились, судя по всему, ярко освещенные комнаты, расположенные ниже. Через ближайшую Ланарку был виден танцпол, где вальсировали ноги в черных брюках и длинных юбках.

Озенфант позвал:

— Присоединяйтесь ко мне. Остальные уже давно покончили с едой, но мне не так легко оторваться от кормушки.

Обогнув погруженные в тень столики, подошла официантка, отодвинула стул и предложила Ланарку меню. Блюда были обозначены на незнакомом языке. Вернув меню, Ланарк попросил Озенфанта:

— Вы не могли бы сделать за меня заказ?

— Конечно. Попробуйте «энигма де филе конгалез». После размазни, которую дают больным, вам должно прийти по вкусу твердое мясное блюдо. — Озенфант глотнул из бокала в форме тюльпана, и уголки его губ опустились. — К сожалению, не могу порекомендовать вино. В этой области успехи синтетической химии оставляют пока желать лучшего.

Официантка поставила перед Ланарком тарелку с кубиком серого желе. Он срезал с поверхности тонкий кусок и обнаружил, что на вкус блюдо напоминает упругий лед. Он быстро глотнул, и ноздри его наполнились запахом горячей резины, но, как ни странно, язык почувствовал приятное тепло. Ланарк

расслабился и в то же время ощутил в себе могучие силы. Он принялся за другой кусок — запах сделался еще противней. Положив нож и вилку, Ланарк сказал:

— Больше не могу.

Озенфант поднес к губам салфетку.

— Неважно. С одним глотком вы получаете все нужное питание. Когда вы привыкнете к запаху, то сможете есть больше, а через несколько лет начнете, как все мы, переедать.

— Через несколько лет меня здесь не будет.

— Да?

— Я собираюсь уйти, как только найду подходящего спутника.

— Почему?

— Мне нужно солнце.

Озенфант разразился смехом:

— Прошу прощения, но услышать, что вполне здоровый человек питает такое странное пристрастие, было несколько неожиданно. Почему именно солнце?

Ланарк едва сдержал раздражение.

— Я хочу любить, видеться с друзьями, работать под солнцем.

— Но вы же не афинянин и не флорентиец — вы современный человек! В условиях современной цивилизации под солнцем работает презируемое, исчезающее меньшинство. Даже фермеры трудятся в четырех стенах. Что же до любви и дружбы, человечество всегда предпочитало наслаждаться тем и

другим по ночам. Если бы вы предпочитали луну, я бы еще понял, но Аполлон нынче окончательно развенчан.

— Вы говорите как Сладден.

— Кто это?

— Человек из города, откуда я сюда поступил. Солнце светит там две-три минуты в день, и он считает, что это не имеет значения.

Прикрыв глаза руками, Озенфант произнес мечтательно:

— Город на берегу пересохшей реки. Город с площадью девятнадцатого века, уставленной безобразными скульптурами. Я прав?

— Да.

— Простите, но не могу устоять перед искушением. — Озенфант взял тарелку Ланарка, поставил на свою пустую и принялся неспешно есть, не переставая при этом говорить. — Этот город называется Унтанк. Календарь в нем основан на солнечном свете, но им никто не пользуется, кроме администрации. Большинство жителей забыли о солнце; более того, они отказались от часов. Они не отмеряют время и не планируют; их жизнью управляет элементарный аппетит, зависящий от случайных импульсов. Не удивительно, что счастливых среди них нет. В отношении политики у них процветает коррупция, и они бы не выжили без субсидий от более благополучных континентов. Но не связывайте эти беды с нехваткой солнечного света. В институте совсем нет солнца, однако он обеспечивает себя, и работники получают в достатке здоровую пищу и моцион. Наше существование отрегулировано по часам.

— Есть у вас библиотека?

— Даже две: фильмов и музыки. Последней заведу я.

— А как насчет книг?

— Книг?

— Я хочу почитать своей пациентке, а у меня только эти три.

— Читать! Как по-викториански! Покажите. Хм. Подборка вроде бы хорошо сбалансированная. Не знаю, чем можно ее дополнить, разве что обратиться к бедному монсеньору Ноуксу. У него всегда при себе какой-то пухленький томик. Может, Библия. В ней ведь полно забавных баек.

— Где его найти? — спросил Ланарк.

— Не торопитесь так — я бы не советовал покидать нас столь поспешно. Подумайте, сколько времени вы потеряете.

— Что вы имеете в виду?

— В этой вселенной каждый континент измеряет время по своему особому календарю, так что в промежутках оно не меряется ничем. Когда путешественник отправляется из института на соседний континент — Унтанк, например, или Прован, — ему приходится пересечь зону, где время является чисто субъективным переживанием. Иные осуществляют переход, ничего не заметив, но сколько лет пожертвовали вы, чтобы добраться сюда?

Чтобы скрыть охвативший его ужас, Ланарк встал и произнес коротко:

— Спасибо за предупреждение, но меня ждет пациентка.

— Где монсеньор Ноукс?

— В это время дня он обычно бывает в курительной комнате, наблюдает за купальщиками. Пройдете под арками у меня за спиной и никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до третьей комнаты. Там поверните налево и прямо под аркой увидите его.

Покинув ресторан, Ланарк оказался в сияющей огнями комнате, где несколько стариков играли в бридж. В следующем помещении царил сумрак; там, под низко висевшими светильниками, виднелось множество столов для бильярда. Далее, в третьем зале, помещался плавательный бассейн. В гулком пространстве ныряли, плавали наперегонки или беседовали на краю бассейна мужчины и женщины с ровным коричневым загаром, какой получается под ультрафиолетовыми лучами. Ланарк пошел налево по скользкому, вымощенному плиткой помосту и добрался до стены с обычной аркадой. Поднявшись на две или три ступени, он очутился в комнате с мягким освещением, толстыми коврами и множеством кожаных кресел. Ноукс сидел вблизи ступеней, курил тонкую сигару и бросал иногда беглый взгляд на коричневые тела, отражавшиеся в голубовато-зеленой воде. Ланарк уселся напротив и начал:

— Я доктор Ланарк.

— Да-да.

— Моей пациентке требуется чтение, поэтому я собираю книги. По словам профессора Озенфанта, у вас можно позаимствовать книгу.

Ноукс вел себя так, словно не замечал Ланарка. Переводя взгляд то на купальщиков, то на свою сигару, он заговорил спокойно и безразлично:

— Профессор Озенфант — известный шутник. Он прекрасно знает, что у меня нет ничего, кроме требника. Если бы ваша пациентка интересовалась молитвами, она была бы моей пациенткой.

— Он думал, у вас есть Библия.

— Тоже шутка. У меня есть Новый Завет на греческом, но, наверное, пациентка так же мало разбирается в греческом, как вы. Что вам уже удалось собрать? — Он просмотрел протянутые Ланарком книги и вялым жестом указал на «Священную войну». — Две другие — ерунда, но эта местами ничего. То есть главная мысль верная. Мне немного знаком автор. В одной из своих книг он вывел меня в качестве персонажа — не в этой, в другой. Описал недоброжелательно, правда коротко. Озенфанта он тоже изобразил, но более верно и пространно. Не обращайтесь внимания на мои слова. Озенфант предупреждал вас насчет меня.

— Озенфант не сказал о вас ничего плохого.

Уставив глаза в пол, Ноукс прошептал:

— Значит, презирал меня окончательно. — Он поднял подбородок и заговорил почти в полный голос: — Знаете, он мне обязан своим постом. Именно я его вылечил. Он был очень трудным больным — наполовину пиявкой, наполовину драконом. Сегодня он заявляет, будто был чистым драконом. Я знаю, что это неправда. Я думал, что его вылечили литургия, мои молитвы и проповеди, но ему помогла музыка. О, как мы упивались музыкой в те поры! Обнаружив, что священный трепет

ему внушает только музыка, я сделал его нашим органистом. С тех пор он рос, а я — я умаялся. Вы замечаете, наверное, в моем голосе раздраженную, сварливую ноту?

— Да.

— Тогда попытайтесь понять почему. Все эти профессора, мастера искусств и начальники отделений обязаны своей силой тому, что отщипывали кусочки от религии, которая их излечила, и создавали из них свою собственную религию. Теперь их объединяет не Бог, а союзничество, основанное на корысти. Где был прежде наместник Христа на земле, там заседает нынче лорд Монбоддо, председатель совета! — Он говорил обличающим тоном, выплевывая слова в лицо собеседника.

Ланарк начал оправдываться:

— Я здесь новичок. Я вас не понимаю.

Склонив голову, Ноукс прошептал:

— Вам нравится ваша работа?

— Нет.

— Тогда она вам понравится потом.

— Нет. Когда я вылечу эту пациентку, я покину институт вместе с ней, если она согласится.

— Бред! — выкрикнул Ноукс, рывком выпрямившись. Потом он склонился вперед, схватил Ланарка за руки и принялся бессвязно сыпать слова: — Нет, нет, нет, дитя мое, простите меня, простите, это не бред! Вы должны вылечить пациентку, должны покинуть с нею институт, и, если — то есть я хотел сказать когда

— этот час придет, вы ведь не откажетесь выполнить мою просьбу? Обещаете сделать для меня кое-что?

Ланарк высвободил руки и раздраженно спросил:

— Что?

— Скажите людям, чтобы не стремились сюда. Скажите, пусть ноги их не будет в этом институте. Чуть больше веры, надежды и сострадания — и они самостоятельно избавятся от своих болезней. Если нет веры и надежды, достаточно одного сострадания.

— Почему я должен отговаривать людей от решения, которое вернуло мне здоровье?

— Тогда скажите им, пусть приходят сознательно, тысячами! Пусть явятся как армия людей, а не ждут, пока будут проглочены, как стадо жертв. Представьте себе институт, в котором на каждого пациента приходится по двадцать человек персонала! Тогда, если мы не вылечим пациента, нам нечем будет оправдаться! Мы будем похожи, — в его голосе появились мечтательные нотки, — на собор с конгрегацией священников. Институт мгновенно распахнетя к небесам.

Ланарк возразил:

— Не думаю, что от слов людям будет польза. И если вы так долго здесь работаете, значит, вы не такого уж плохого мнения об институте.

— Вы ошибаетесь. Во всех здешних коридорах слышатся звуки, все более настойчивые и мощные, а фоном служит звук, похожий на дыхание голодного зверя. Уверяю, институт готовится проглотить весь мир. Я не стараюсь вас запугать.

Ланарк был скорее растерян, чем испуган. Встав, он спросил:

— Здесь есть поблизости лифт?

— Вижу, вы не собираетесь спасти других. Молитесь Господу, чтобы спастись самому. Лифт в дальнем углу.

Пролавирав меж стульев, Ланарк нашел в стене между двумя арками открытый лифт.

— Первая камера сгорания, — сказал он, войдя.

— Чье отделение?

— Профессора Озенфанта.

Напротив открывшейся двери была знакомая коричневая материя. Раздвинув ее, Ланарк ступил в высокую, увешанную гобеленами студию. Ему казалось, что там будет темно, однако помещение было освещено, как в прошлый раз, и в центре он увидел со спины знакомую фигуру в черных брюках и жилетке, склонившуюся над верстаком. Смущенный Ланарк на цыпочках прошелся вдоль стен, разыскивая скульптуру *Correctio Conversio*. Время от времени он скашивал глаза на Озенфанта. Прилаживая на гитару кобылку, профессор ушел с головой в это ответственное занятие, и ему нельзя было мешать. Когда Ланарк отодвинул в сторону гобелен и вошел в низкий тоннель, он почувствовал облегчение.

Он сидел в крохотной палате, прижимаясь спиной к теплой закругленной стене. Все было неподвижно, кроме сжимавшейся и разжимавшейся руки зверя, и тихо, если не считать отдаленного размеренного стука. Откашлявшись, Ланарк сказал:

— Прошу прощения, что опоздал, но я принес книгу, которую похвалил один человек, знакомый с ее автором.

Ответа не последовало, и он начал читать:

— Я отказываюсь слушать вранье! — Голос разбудил вокруг гулкое эхо. — Думаешь, я жила не в той же самой Вселенной? Думаешь, мне не известно, какая это отвратная ловушка?

— Мой собственный опыт говорит о том, что права скорее ты, чем автор, — осторожно отозвался Ланарк, — но вспомни его слова: «большей частью — судя по тем местам, где мне довелось побывать». Честно говоря, если бы я чувствовал, что подобных мест не существует и нам туда ни за что не добраться, я бы сейчас не читал тебе книгу.

— Тогда почитай что-нибудь другое.

— Тут есть история про мальчика по имени Бедняжка Вулли; она в картинках. На первой изображено, как он выходит с отцом из парадной двери, которую отделяет от тротуара всего одна ступенька. Волосы его причесаны, башмаки начищены до блеска. Его мать смотрит им вслед и говорит: «Раз сегодня воскресенье, позволяю тебе немного прогулять Вулли перед обедом, но смотри, отец, чтобы он не перепачкал свое красивенькое платьице». Отец, высокий, худощавый, в шляпе с низкой тульей, отвечает: «Положись на меня, мать!» Вулли думает: «Здорово! Прогулка удастся на славу!» На следующей картинке они идут вдоль ограды, которая сделана из плотно

пригнанных деревяшек. Не могу прочесть, что говорит Вулли, потому что его слова вычеркнуты мелком, но его отец...

— Это что, должно развлекать?

— Я бы хотел, чтобы ты видела картинки. Они такие забавные, без претензий — приятно смотреть.

— А другой книги у тебя нет?

— Только одна.

Он открыл «Орхидей для мисс Блэндиш не будет» и прочитал:

Читал он долго. Раз или два он спрашивал: «Тебе нравится?» и она отвечала: «Дальше».

Наконец она прервала его хриплым хохотом:

— Да, эта книга мне по вкусу! Безрассудные надежды на шикарную, богатую, яркую жизнь и потом похищение, насилие, рабство. Эта книга, по крайней мере, правдива.

— Она не правдива. Это мужские сексуальные фантазии.

— А у большинства женщин жизнь как раз и сводится к участию в мужских сексуальных фантазиях. Глупые этого не замечают, их к такой роли готовили с детства, и они счастливы. Конечно, автор этой книги ускорил события, чем придал им наглядность. То, что с

этой Блэндиш случилось за несколько недель, у прочих женщин длится всю жизнь.

— Я не согласен! — вскипел Ланарк. — Не согласен с тем, что жизнь — ловушка для женщин, а для мужчин нет. Я знаю, что многим женщинам приходится работать по дому, потому что они возвращают новых людей, но домашняя работа больше похожа на свободу, чем работа в конторе или на фабрике; а кроме того...

Его слова заглушило эхо. Чтобы его перекричать, он повысил голос и разбудил гром, не умолкавший несколько минут. Потом он сидел и злобно пялился в никуда, пока она не произнесла:

— Читай дальше.

Глава 10 Взрывы

Он посещал ее палату дважды в день и читал, пока не охрипнет. Вскоре он потерял счет, в который раз перечитывает «Орхидей для мисс Блэндиш не будет». Однажды, чтобы разжиться для пациентки новой историей, он посмотрел в клубе для персонала ковбойский фильм, но упоминание об этом вызвало у нее приступ холодной ярости. Она верила только в повторявшиеся рассказы о жестоких мужчинах и униженных женщинах, а все остальное рассматривала как намеренное издевательство. Всякий раз Ланарк удалялся с першением в горле, не собираясь возвращаться, и так бы и поступил, если ему было бы куда пойти, кроме клуба для персонала. Комнаты с ярким, но мягким освещением, теплым воздухом и удобной мебелью вызывали у него гнетущее ощущение замкнутого пространства. Члены клуба были вежливы и дружелюбны, но разговаривали так, словно за пределами клуба ничего важного не существовало, и Ланарк опасался, что в конце концов им поверит. В иные времена он подозревал, что недолюбливает любезных людей, так как сам не отличается любезностью. Большую часть свободного времени он проводил в своей палате, в постели. Вид в окне перестал увлекать, потому что там мелькали теперь только тесные комнатенки с озабоченными жильцами. Однажды ему почудилась миссис Флек, его прежняя квартирная хозяйка, которая укладывала детей в кровать на кухне. После этого он предпочитал наблюдать таинственное движение огня меж пластинами полуоткрытых штор и лениво прислушиваться к радио. Он заметил, что между

обращениями к докторам вклинивается все больше посланий иного рода:

«Внимание, прошу внимания! Внимание, прошу внимания! Комитет по экспансии объявляет, что после сто восьмидесятого всякий тремор должен рассматриваться как признак безнадежности».

«Внимание, прошу внимания! Внимание, прошу внимания! Комитет по экспансии объявляет, что после сто восьмидесятого в клоаку больше не будут приниматься размягченные. Все безнадежные мягкие будут сливаться через воронки в компрессионные шлюзы под главными палатами».

Однако эти безотлагательные приказания никак не сказывались на клубе для персонала, разве что во время трапез наблюдалось повышенное веселье. Народ за столиками улыбался, собравшись по четыре, громко разговаривал. В хоре выделялся раскатистый смех Озенфанта; одетый в легкий костюм, он был всегда на месте, неумолчно болтал и поглощал чудовищные количества еды. Только трое сидели тихо и поодиночке: сам Ланарк, монсеньор Ноукс и крупная, поразительно угрюмая девушка в комбинезоне цвета хаки, которая аппетитом почти не уступала Озенфанту.

Однажды вечером, когда Ланарк обосновался за столиком, к нему подсел Озенфант и весело произнес:

— Дважды сегодня, за завтраком и за ланчем, я делал вам знак подойти, и оба раза вы ничего не заметили. И вот, — он погладил желтую округлость своей жилетки, — гора приходит к Магомету. Хочу вам сказать, что я доволен — действительно очень доволен.

— Чем?

— Я человек занятой, даже за едой не перестаю работать, так что смог понаблюдать подробно лишь два ваших лечебных сеанса, но, поверьте, вы очень неплохо справляетесь.

— Вы не правы, как раз плохо. Она мерзнет, мне не удается ее согреть, и все мои слова только увеличивают ее муку.

— Ну, вам достался, конечно, крайне тяжелый случай. Я отнес бы его к безнадежным, но вам нужно было на ком-нибудь попрактиковаться. Однако вы проявили такт, терпимость и выдержку, каких я меньше всего ждал от новичка. Теперь я хочу перевести вас с этого случая на более важный.

Перегнувшись через столик, Ланарк сказал:

— То есть все долгие часы, потраченные на чтение этой треклятой книги, пошли коту под хвост?

— Нет-нет, дружище, они были весьма плодотворны; я изучил вас как врача и понял, каких пациентов вы можете успешно лечить. У вас имеется неисчерпаемый запас флегматичности и выдержки; вы — превосходный буфер для тех умных, трагически настроенных пациенток, над которыми берет верх их собственное воображение. В тридцать девятой палате мы держим как раз такую больную; вылечившись, она замечательно дополнит нашу команду. Голова и конечности у нее свободны от брони. Если вам хочется по-прежнему посещать первую палату, то пожалуйста, хотя большую часть времени вы должны отдавать пациентке из тридцать девятой.

— А что, если моя первая пациентка пойдет на поправку и пожелает покинуть институт вместе со мной? Можно ли мне будет оставить вторую?

Озенфант сделал нетерпеливый жест.

— Такие сомнения характерны для новичков. Первая пациентка не поправится, и вам нет смысла уходить. Предположим, вы уйдете и доберетесь — что маловероятно — до континента, где больше солнечного света, но чем вы станете зарабатывать себе на хлеб? Будете собирать мусор в общественных парках?

Ланарк тихо проговорил:

— Я буду посещать свою первую пациентку, и только ее, пока она от меня не откажется.

Озенфант забарабанил пальцами по скатерти. Лицо его ничего не выражало.

— Доктор Ланарк, что вы будете делать, когда убедитесь в невозможности вернуть свою Эвридику?

— Я не такой ученый, чтобы понимать ваши шутки, профессор Озенфант.

Ланарк встал и удалился.

Злой и расстроенный, он чувствовал, что ожесточенность пациентки прольет бальзам на его раны. Вместо того чтобы отправиться в постель, он вошел в лифт и произнес:

— Студия Озенфанта.

— Профессор Озенфант сейчас делает запись. На вашем месте я бы не стал его беспокоить.

Голос показался Ланарку знакомым.

— Это вы, Глопи?

Лифт отозвался:

— Нет. Только часть меня.

— Которая часть?

— Голос, чувства, а также ответственность. Что сделали с остальным, мне не известно.

Сказано это было с таким стоическим достоинством, что Ланарку сделалось его жалко. Положив ладонь на тепловатую стенку, он произнес смиренно:

— Мне очень жаль!

— Почему? Теперь я нужен людям. Никогда не бываю один, слышу разные интересные вещи. Если бы вы узнали, что делается в лифтах между этажами, вы бы поразились. Не далее как вчера...

— Очень рад, — проворно прервал его Ланарк. — Доставите меня на студию Озенфанта?

— Но он ведет запись.

— Этого не может быть, я только что расстался с ним в ресторане.

— Разве вы не знаете, что заведующие отделениями способны одновременно работать и принимать пищу? А когда ему мешают заниматься музыкой, он злится как черт.

— Доставьте меня в студию, Глопи.

— Хорошо, я вас предупредил.

Дверь отъехала в сторону, и до Ланарка донесся нестройный визг струнного квартета. Раздвинув гобелен, он вошел и задел плечом висевший микрофон. Напротив

находилось четыре музыкальных пульта, за ними стояли люди. Высокая костлявая женщина в красном бархатном платье сражалась с виолончелью. Трое мужчин во фраках и белых жилетках, с бабочками, пиликали на скрипках. Один из них был Озенфант. Хриплым окликом он остановил музыкантов и, засунув скрипку под мышку, а правой рукой сжимая, как хлыст, смычок, направился к Ланарку. Когда расстояние между их лицами сократилось до одного дюйма, он замер и прошептал:

— Вы знали, конечно, что я занят записью?

— Да.

Голос Озенфанта, вначале спокойный, постепенно перешел в оглушительный крик:

— Доктор Ланарк, вам были предоставлены особые привилегии! Вы используете в качестве личной квартиры больничную палату! Вы ссылаетесь на меня в лифтах, и вас доставляют куда угодно прямым путем! Вы пренебрегаете моими советами, отвергаете мою дружбу, смеетесь над моей едой, а теперь!.. Теперь вы намеренно срываете запись бессмертной гармонии, способной спасти тысячи душ! Какие еще оскорбления вы собираетесь мне нанести?

Ланарк отозвался:

— Вы не на того расходуете гнев. Сперва вы подтолкнули меня к тому, чтобы я взялся за трудный случай, а теперь мешаете мне попадать в палату пациентки. Если не хотите меня видеть, обратитесь к инженерам. Пусть перестроят дверь в моей палате, чтобы я мог ходить через нее в обратную сторону, и нам не придется больше встречаться.

Налитые гневом черты Озенфанта от удивления разгладились.

— Так вы хотите ради этого обратить вспять потоки всего института? — спросил он слабым голосом. Он обтер лицо платком и добавил вяло: — Убирайтесь.

Ланарк проворно поднял гобелен и шагнул в коридор.

Скорчившись, Ланарк пробрался в камеру сгорания. Он был слишком расстроен, чтобы взять книгу там, где в прошлый раз ее оставил. На изящной человеческой руке он заметил у локтя серебряные пятна и стал вспоминать, видел ли их прежде. Он попытался накрыть ладонью эту движущуюся руку, но она сжалась в кулак. Голос произнес:

— Да, я здесь беззащитна. Почему не прибегнуть к силе?!

— Рима!

— Я не твоя Рима. Читай дальше.

— Мне до смерти надоела эта книга. Почему бы нам не поговорить? Тебе, наверное, одиноко. Мне вот одиноко.

Ответа не последовало.

— Расскажи мне о мире, откуда ты пришла, — попросил он.

— Он был похож на этот.

— Ну уж нет.

— Осторожно! Ты боишься прошлого. Если бы я рассказала, что знаю, ты бы спятил.

— Мрачными намеками меня теперь не напугаешь. Меня не заботят прошлое и будущее. Мне не нужно ничего, кроме нескольких обычных дружелюбных слов.

— Я знаю тебя, Тоу, знаю как облупленного: истеричный ребенок, увлекающийся подросток, безумный насильник, мудрый пожилой папаша — я испробовала на себе все твои фокусы и знаю, что им грош цена, так что не надо слез! Не смей плакать. Печаль — это самый дрянной из фокусов.

Ланарк был слишком взбудоражен, чтобы заметить слезы у себя на щеках. Он отвечал:

— Ты меня не знаешь. Моя фамилия не Тоу. Ничего подобного со мною не было. Я некая банальность, которая все время страдает.

— Я тоже, но у меня есть мужество — мужество на все наплевать и ни за что не цепляться. Иди прочь! Разве ты не видишь, что происходит?

От плеча до запястья ее рука была усеяна серебристыми пятнами и звездочками. Ланарк не мог отделаться от ужасного чувства, что каждое его слово превратилось в такую отметину. «Доктор Ланарк уходит», — шепнул он. Панель открылась, и он пробрался в отверстие.

Кто-то поднял в палате штору, и в окне была видна грязная стена, с которой местами осыпалась штукатурка, обнажив кирпичную кладку. У Ланарка закружилась голова, и он едва не упал, но тут вспомнил, что покинул клуб, не съев ни крошки. Единственным утешением для него в институте оставалась здешняя противная, но подкрепляющая еда, потому он вернулся в ресторан. Там было почти пусто, лишь Озенфант сидел за своим

обычным столиком, погруженный в беседу с двумя другими профессорами. Ланарк прошел к дальнему столику и дождался официантки.

— Есть у вас что-нибудь коричневое, сухое и рассыпчатое?

— Нет, сэр, но есть розовое, влажное и рассыпчатое.

— Мне четверть тарелки, пожалуйста.

Он приступил к еде, но тут у него под ухом раздался грубоватый, слегка неуверенный голос:

— Здесь свободно?

Ланарк поднял взгляд и увидел высокую девушку в комбинезоне цвета хаки. Она стояла, держа руки в карманах, и ела его глазами.

— Да-да, — отозвался он с облегчением.

Она села напротив. Рот, нос, брови девушки были ровными и красиво очерченными, как у греческих статуй; впечатление портил только тяжелый, выдающийся вперед подбородок. Вместо того чтобы развернуть свои стройные плечи, она сутулилась. Каштановые волосы были заплетены в неплотную толстую косу, которая свешивалась на левую грудь. Пальцы девушки то и дело проходились по косе резким движением. Она спросила отрывисто:

— Вы тоже ненавидите это место?

— Да.

— А что вам ненавистно больше всего?

Ланарк задумался.

— Манеры персонала. Знаю, им нужно быть профессионалами, нужна опрятность и порядок, но кажется, что они даже шутят и улыбаются, имея в виду профессиональные цели. А вам что не нравится?

— Лицемерие. То, как они изображают заботу о пациентах, а сами их используют.

— Но если они не будут пользоваться своими неудачами, они не смогут никому помочь.

Девушка низко склонила голову, так что Ланарк увидел ее макушку.

— Если вы так говорите, значит, вы не так уж ненавидите это место.

— Ненавижу. И собираюсь отчалить, как только найду спутника.

Она подняла взгляд:

— Я пойду с вами. Я тоже хочу отчалить.

Ланарк смутился.

— Спасибо, конечно, но... но... у меня есть пациентка, не очень обнадеживающий случай, но я не могу ее оставить, пока не вылечу или не буду знать, что потерпел неудачу.

Девушка произнесла недовольно:

— А известно ли вам, что здесь никого не вылечивают, только поддерживают тела в свежем состоянии, пока не понадобится топливо, одежда или еда.

— Еда? — встрепенулся Ланарк и уронил ложку на тарелку.

— Конечно! А чем, по-вашему, вы питались? Вы никогда не заглядывали в клоаку? Вам кто-нибудь показывал стоки под палатами губок?

Ланарк потер глаза стиснутыми кулаками. Ему хотелось, чтобы его стошнило, но розовая субстанция хорошо его подкрепила: он чувствовал в себе необычайные силы.

— Ни к чему здесь больше не прикаснись! — горячо сказал он сам себе.

— Так как насчет того, чтобы уйти отсюда вместе?

Пустыми глазами он смотрел сквозь нее. Девушка вздохнула:

— Я вас пугаю, я пугаю большинство мужчин. Но я умею быть и очень нежной — недолго. Смотрите.

Отсутствующим взглядом Ланарк обвел комнату в поисках выхода. Потом, когда больше смотреть было некуда, вернулся к ее лицу и обнаружил на нем такое выражение, что вытянул шею, стараясь получше его разглядеть. По лицу девушки блуждала пренебрежительная усмешка, но в дерзких глазах читалась досада, а еще глубже — безбрежная покорность и готовность сделаться на время всем, чего он только пожелает. Заглянув в эти глаза, он словно бы совершил стремительный полет над переменчивыми мирами, полными секса, и после полета ему сделалось ясно, что улыбка ее была робкой, а за резкостью скрывалась мольба. Осознав свою головокружительную власть, Ланарк задрожал всем телом. Взмолнованно-вопросительным тоном она повторила:

— Я могу быть и очень нежной.

— Куда мы пойдём? — шепнул он, кивая.

— В мою комнату.

Они встали вместе и направились к выходу; Ланарк шагал неуклюже, поскольку его пенис упирался в брюки. Когда они шли мимо столика Озенфанта, профессор вскричал в комической тревоге:

— О, доктор Ланарк, только не уводите у нас нашего катализатора!

В лифте девушка распорядилась:

— Квартиры специалистов.

Лифт завибрировал.

Они обнялись, и Ланарк, ощутив ее крепкое женское тело, пробормотал:

— Давай остановим лифт между этажами.

— Это глупо.

— Огляди меня с презрительной улыбкой, как ты умеешь. Она так и сделала и в ответ получила пламенный поцелуй.

Она отвернулась со словами:

— Открой глаза, ты должен смотреть на меня, пока мы целуемся.

— Почему?

— Я сделаю все, что ты захочешь, но ты должен на меня смотреть.

Дверь скользнула в сторону, и девушка за руку вывела Ланарка в один из залов. Как все залы, он представлял собой гигантское круглое пространство, однако казался пустым и безмолвным, пока Ланарк не

опознал тишину, какая наступает, когда вслушиваются. Несколько мужчин и женщин в комбинезонах стояли у стен, обратив глаза кверху. Ланарк тоже поднял взгляд и увидел перспективу из бегущих вниз золотых и оранжевых колец; в центре же качался, вырастая, черный треугольник. Можно было предположить, что это основание какой-то машины, которую спускали с верхнего этажа. По площади оно было, вероятно, сравнимо с самой шахтой, поскольку его металлический угол то и дело терся о стены, о чем свидетельствовал скрип. От пола его отделяло, наверное, больше мили: выглядело оно совсем маленьким. Ланарк стиснул руку девушки.

— Что это?

— Вакуумный экскаватор. Существо одолжило несколько для проекта экспансии.

Они разговаривали шепотом.

— Откуда берут энергию, чтобы передвигать такие штуки?

— Из потока, конечно.

— А чем питается поток?

— Пожалуйста, не надо о технических подробностях. Пойдем в мою комнату. Тебе там понравится. Я сама ее украсила.

Пока девушка вела его через зал, Ланарк старался не думать о том, что будет, если необъятная машина грохнется на пол. От этого зала не отходили коридоры. Между дверьми лифта помещались маленькие дверцы. Обращаясь к одной из них, девушка шепнула: «Я дома», и дверца открылась внутрь.

В кубической формы комнате стены, потолок и пол представляли собой сплошное зеркало. В центре стояла низкая двуспальная кровать с бархатными подушками, прожектор, укрепленный на одной из стен, бросал на нее луч света — и этим обстановка ограничивалась. Ланарк прирос к месту: казалось, его окружают сотни сверкающих стеклянных коробок, каждая из которых содержала кровать, девушку и его самого. Опустив глаза, он увидел, что его ноги стоят на подошвах его двойника, который, покачиваясь, смотрит вверх. Он шагнул к кровати, заставив фигуры по обе стороны двинуться навстречу другому ряду фигур, видневшемуся спереди. Ланарк встал коленями на покрывало и попытался видеть только девушку, которая наблюдала за ним, откинувшись на кучу подушек.

— Тебе нравится? — спросила она робко.

Он помотал головой.

— Значит, ты думаешь, что я грубая и бесстыдная?

Он вспомнил о серебряном драконе и ощутил прилив нежности к девушке, которая не имела других средств, чтобы защитить себя, кроме резких манер и небольшого набора вызывающих фраз.

— Я знаю, что ты не такая. Скажи, как тебя зовут.

— Давай не будем пока переходить на личности. Ланарк быстро разделся. Сочувствие к девушке, а также множество двойников, повторявших его движения, несколько умили его похоть. Ласковым движением он расстегнул ее комбинезон и спустил его к бедрам. Она шепнула:

— Как мне выглядеть?

— Улыбайся, как будто мы увиделись после долгой разлуки.

Она улыбнулась так мило, что он наклонился и стал целовать ее плечи. Большими пальцами она приподняла ему веки.

— Ты должен глядеть на меня, я теряюсь, когда на меня не смотрят.

— Плин-плон, плин-плон, плин-плон, — зазвенело радио.

Она пробормотала:

— Не обращай внимания.

— Дай я его отключу.

— Не получится, его можно только включать.

Пронзительные звуки не умолкали, и Ланарк, дотянувшись до своего халата, вынул радио из кармана. Он повернул выключатель и услышал веселый голос Озенфанта:

— Простите, если помешал, но думаю, вас заинтересует известие, что ваша пациентка вот-вот превратится в саламандру.

— Что?

— Сделать, конечно, ничего нельзя, но поспешите, если желаете насладиться зрелищем. Захватите вашу подругу.

Уронив радио, Ланарк прикусил зубами свой большой палец, потом встал и, как автомат, начал одеваться. Девушка смотрела, не поднимаясь с постели.

— Ты покидаешь меня, чтобы наблюдать за этим?

— За чем наблюдать? — Бросив на нее затравленный взгляд, он добавил: — Извини, — и принялся натягивать через голову рубашку. Торопливо одеваясь, он несколько раз повторил: — Прости, пожалуйста. — Он схватил с постели радио и принялся искать выход, но блестящее стекло было совершенно гладким. Он сказал: — Доктор Ланарк желает выйти.

Ничего не произошло. Тогда он закричал. Девушка сказала:

— Это мой дом.

— Пожалуйста, выпусти меня.

В ее лице ничто не дрогнуло. Ланарк опустился на колени рядом с кроватью, схватил ее за плечи и взмолился:

— Видишь ли, одна знакомая собирается... собирается сгореть; ты должна меня выпустить.

Она дала ему увесистую пощечину. Он нетерпеливо потряхнул головой.

— Да-да, ты права, но только ты должна меня выпустить.

— Откройте ему! — крикнула девушка. — И захлопните потом, да со всего маху!

Дверь открылась, и со словами «Прости меня, прости!» Ланарк выбежал наружу.

Если дверь и хлопнула за спиной у Ланарка, он этого не слышал: слишком уж шумно было снаружи. В центре зала имелась яма, в которую было опущено сверху два мощных каната. Они вибрировали, порождая звуки, подобные грому. Ланарк обежал вокруг зала, разыскивая лифт, но на всех дверях были повешены

таблички «НЕ РАБОТАЕТ». Наконец он обнаружил небольшой тоннель, откуда импульсами поступали тепло и свет, и сунулся туда, против потока. Передвигаться так было почти невозможно, но он догадался лечь на пол и отталкиваться руками и ногами от тесных стен. Предельным напряжением он за несколько минут продвинулся примерно на три ярда. «Рима!» — крикнул он и, плача от бессилия, начал биться головой об пол, и тут сопротивление воздуха исчезло. Ланарк сел и выпрямился. Тоннель, светившийся и сзади, и спереди тусклым оранжевым светом, внезапно сделался совершенно черен. Стало холодно, шум стих, хотя издали еще доносился щебет и разрозненные отчаянные выкрики:

«Тку мне стрее!»

«Трос! Трос тни, чтоб ео!»

«Дастьмне ктон накнец вертку!»

Обрадованный, Ланарк поднялся на ноги и бежал в темноте, пока не наткнулся на поверхность, которая загремела под его напором. Это была одна из завес. Он сделал шаг назад, чтобы навалиться на нее с размаху, но она открылась сама. Послышался оглушительный шум, словно многочисленные стаи скворцов бились в толстое оконное стекло. В ярком круге дверей стояли, глядя на Ланарка, трое людей с бледными лицами — двое в комбинезонах, а один в халате врача.

— Вы шли навстречу потоку! — закричали они.

— Другого пути не было.

— Но вы оставили без света клубы! Из-за вас застряли вакуумные экскаваторы!

Вмешался доктор:

— На это все мне наплевать, но вы вызвали эпидемию нервного тремора и бог знает сколько переломов. Если бы это случилось после стовосьмидесятого, вы оказались бы убийцей! Массовым убийцей!

— Простите, но мне необходимо добраться до студии Озенфанта.

Мужчины в комбинезонах переглянулись.

— Озенфант, конечно, большой человек, но если он будет позволять своим сотрудникам блокировать поток, ему несдобровать.

Доктор отвернулся и пошел прочь. Ланарк собирался последовать за ним, но один из мужчин в комбинезонах потянул его за рукав:

— Нет-нет, парень, ты уже достаточно наделал бед. Пойдем-ка туда, откуда ты явился.

Пока Ланарк, сопровождаемый двумя спутниками (один шел спереди, другой сзади), двигался к выходу, нормальное перемещение света и воздуха возобновилось. Когда они приблизились к залу, в тоннеле зазвучал обычный шум. Человек, шедший первым, ключом открыл один из лифтов, впустил всех внутрь и произнес:

— К профессору Озенфанту, потом к клоаке. — Кинув осуждающий взгляд на Ланарка, он добавил: — Клоаку затянуло льдом.

— Прошу прощения.

Дверь открылась. Ланарка вытолкнули в студию; спутники за ним не последовали.

Перед экраном сидели четверо, прихлебывали из стаканов и перебрасывались фразами. Озенфант, оглянувшись, воскликнул с улыбкой:

— Ага, вы как раз успели! Когда вырубилось электричество, мы испугались, что вам не добраться вовремя. Но постойте, дружище, у вас на лбу кровь!

На экране испускала сияние серебряная фигура, воздух чуть колыхался над ее разинутым клювом. Когда Ланарк перевел взгляд с нее на уютно расположившуюся группу, в нем вспыхнул гнев. Он быстро пересек студию, прошел между Озенфантом и музыкантшей, игравшей на виолончели, задрал правую ногу и всадил каблук в центр экрана. Экран треснул и погас. В полной тишине Ланарк направился к стене, отодвинул гобелен и шагнул в тоннель.

Наклонившись, он просунул плечи в открытый проем. Все ее конечности сейчас были покрыты металлом; она выросла и упиралась головой в одну стену и копытами в другую; крылья были простерты в стороны, и перья касались стен; пола совсем не было видно. Воздух обжигал, из клюва устремлялась вверх белая полоска, похожая на сигаретный дымок.

Он позвал:

— Рима.

Голос отозвался с восторженным трепетом:

— Это ты, малыш Тоу? Пришел попрощаться? Мне теперь не холодно, Тоу, мне тепло, а скоро я засияю.

— Я не малыш и пришел не затем, чтобы попрощаться.

Он забрался в проем, перешагнул подрагивавшие медные крылья, сел, расставив ноги, на серебряную грудную клетку и шумно выдохнул. Комнату заполняли клубы пара. С ликующим смешком она произнесла:

— Ты все еще здесь? Я тебе рада. Теперь, когда я удаляюсь, ты мне начал нравиться, но тебе нельзя здесь больше оставаться.

— Послушай! Послушай меня! — выкрикнул Ланарк и смолк, не зная, что добавить.

Он склонился и в отчаянии толкнулся головой в ее челюсти. Лицо обдало жаром, волосы встали дыбом. Раздался треск, и голос Озенфанта произнес резко:

— У вас остается десять секунд, чтобы покинуть помещение, купол вот-вот запечатают, его больше не откроют, у вас остается семь секунд.

Она снова рассмеялась; ее смех звучал прямо у его уха.

— Ты что, досадуешь, что некому будет больше читать, Тоу? Но я расправила крылья, полечу, куда захочу, а тебе со мною нельзя: взметнусь на пламени кудрей и, словно воздух, пожру людей.

— Ее челюсти вот-вот закроются, — проговорил Озенфант. — Слушайте, вы меня не любите, но я даю вам пять дополнительных секунд, пять секунд сверх положенного. Отсчет пошел.

Послышалось слабое шипение, и изо рта рванулось такое облако пара, что Ланарк с воплем отдернул голову.

— Ты еще здесь? — спросила она.

— Да, я здесь.

— Но я тебя убью.

— Пусть.

— Я не хочу тебя убивать.

Снизу проникла сквозь ледяной металл теплая волна; клюв захлопнулся с треском, похожим на пистолетный выстрел. Треск повторился, потом раздался щелчок. Пар начал рассеиваться, но Ланарк не сразу разглядел клюв, потому что голова отвалилась. Между плечами зияла черная дыра, из которой исходил слабо светившийся поток. Это были волосы. С новым щелчком лопнула грудная клетка. Ланарк свалился на крыло и прислушивался к грохоту, какой могли бы издавать катившиеся вниз по лестнице ведра и котлы. Серебряное тело, конечности трескались и распадались на куски, усеивая пол причудливыми металлическими обломками.

Нагая девушка с плачем выбралась на середину и стала тереть себе щеки. Она была высокая и светловолосая, но это была Рима, потому что она кивнула Ланарку и сказала:

— Нужно было тебе тогда взять куртку. Я не хотела, чтобы ты простыл.

Раздался треск, и голос Озенфанта произнес:

— Что происходит? Что происходит? Без экрана я ничего не вижу.

Ланарк был слишком ошеломлен, чтобы о чем-нибудь думать или испытывать какие-нибудь чувства: он просто смотрел на нее разинув рот и вытаращив глаза. Кожа Римы казалась влажной; она

дрожала, обняв свои колени. Ланарк стянул с себя халат и вязаную кофту, откинул в сторону несколько обломков брони и пробрался к Риме.

— Надень-ка лучше вот это.

— Пожалуйста, накинь это на меня.

— Прекратите шептаться! — рявкнул Озенфант, — Я желаю знать, что произошло!

— Думаю, с нами все в порядке, — отозвался Ланарк.

После недолгой паузы Озенфант проговорил без выражения:

— Что касается вас двоих, я умываю руки.

Ланарк накинул одежду на плечи Риме и, обняв ее за талию, сел рядом. Она склонила голову ему на плечо и сонно заметила:

— Вид у тебя, Ланарк, словно только что из битвы.

— Скоро я приду в себя.

— Не знаю, прощу ли я тебя когда-нибудь за то, что ты сломал мои крылья. Конечно, хорошо снова стать человеком, но они были такие красивые.

Она как будто заснула, а он впал в оцепенение.

Потом она поцеловала его в ухо и пробормотала:

— Не попробовать ли нам выбраться отсюда?

Поднявшись на ноги, он сказал:

— Доктор Ланарк готов к выходу.

Камера сжигания ответила сурово:

— Вам позволено выйти, но вы больше не доктор.

В полукруглом помещении появилась линия, разделившая его пополам, и обе половины упали на пол. Ланарк с Римой сидели на корточках в небольшой комнатке с выходами в обе стороны. По низкому тоннелю из студии бежала, сутулясь, санитарка с метлой, за ней следовала другая, толкавшая носилки. Первая санитарка смела в сторону металлические обломки, другая протянула Риме белую ночную рубашку и помогла ей одеться. Санитарки непрерывно смеялись и возбужденно болтали.

— Бедный Бровастик стоит как громом пораженный.

— Он нашел себе подружку, но теперь ему нужно вымыться.

— Ты можешь встать, дорогая? Ложись на каталку, мы потихоньку доставим вас обоих в славную тихую палату.

— Профессор зол на тебя, Бровастик. Говорит, что ты саботируешь проект экспансии.

Они повезли Риму по коридору в палату; Ланарк шел следом. Штора была поднята. В темно-зеленом небе виднелись две звезды и кроваво-красные перистые облака. Санитарки принесли полотенца и тазы и вымыли Риму прямо в кровати. Ланарк взял свой домашний халат и вымылся в туалете при палате. Вернувшись, он увидел, что санитарки расставляют вокруг кровати ширмы.

— Пожалуйста, оставьте просвет, чтобы мы видели окно.

Они выполнили его просьбу; одна санитарка погладила его по щеке, а другая сказала:

— Желаю приятно провести время, Бровастик!

Обе, прижав палец к губам, преувеличенно осторожно, на цыпочках удалились. Ланарк подошел к постели. Рима казалась спящей. Он осторожно скользнул под одеяло, устроился рядом с ней и тоже заснул.

Ланарку почудилось, будто кто-то светит факелом ему в глаза. Он поднял веки. В палате парила темнота, но небо за аркой было утыкано звездами. Возшла полная почти луна, и ее бледный, но яркий свет заливал кровать и Риму, которая, опершись на локоть, с серьезной полуулыбкой наблюдала за Ланарком и покусывала кончик серебристо-золотой пряди.

— Неужели помочь мне мог только ты, Ланарк? А не кто-нибудь особенный? Великий и прекрасный?

— Много тебе попадалось особенных людей?

— Одни обманщики. Но меня посещали фантастические сны.

— Я не представляю себе никого прекрасней тебя.

— Берегись, это придает мне силы. Может, я не встречу человека лучше тебя, но всегда смогу такого вообразить.

— А это как раз придает силы мне.

— Помолчи.

Они не заснули, пока он поочередно не исследовал все чудесные впадинки ее тела.

Глава 11 Пицца и оракул

Они пролежали в постели три дня, потому что Рима была слаба, а Ланарку нравилось быть рядом с ней. В окне виднелись голубые небеса; вдали то ли летали птицы, то ли менялись перед бурей облака, попеременно темнея и вспыхивая на солнце. Ланарк читал «Священную войну» и смотрел на Риму, которая по большей части спала. Он бывал прежде рядом с красавицами, но никогда не надеялся их коснуться; ответные касания и ласки были так великолепны, что он чувствовал, как его внутренности обращаются в золото. А поскольку Рима, восхищая его, также и восхищалась им, то восхищение множилось, отражаясь, и сияло вокруг, как ореол. Ее красивое светлое тело даже в поту светилось изнутри, словно в нем нежно дышало серебро, когда-то заключавшее его в себе. Когда Ланарк сказал Риме об этом, она проговорила с печальной улыбкой:

— Да, мне кажется, красота и деньги в чем-то родственны. Они дают нам уверенность в себе, но мы начинаем подозревать в корысти тех, кто нас желает.

— Ты мне не доверяешь? Я хотел сказать комплимент.

Кончиками пальцев Рима погладила его по щеке и заметила рассеянно:

— Мне нравится делать тебя счастливым, но как я могу доверять человеку, которого не понимаю?

Удивленно воззрившись на нее, Ланарк вскричал:

— Мы любим друг друга! К чему нам еще и понимание? Мы не понимаем даже самих себя, как же

нам понять других? Для понимания доступны карты или математика, а мы, я надеюсь, сделаны из более плотного теста.

— Берегись! Ты становишься умником.

— Рима, кто из нас вышел наружу, когда треснула скорлупа? Мои мысли выросли, я их боюсь. Держи меня.

— Мне нравятся большие мужчины. Лучше ты меня держи.

В первый день Ланарк отказывался от пищи, объясняя это тем, что переел накануне. На следующее утро за завтраком, пока Рима ела, он разрезал бледную колбасу у себя на тарелке на тонкие ломтики, а потом попытался их спрятать, поставив сверху пустую тарелку Римы.

— Что с тобой? Ты заболел? — спросила она.

— Через день-два буду в порядке.

— Позовем лучше доктора.

— Нет необходимости. Как только мы покинем институт, я буду здоров.

— Ты говоришь загадками. Что ты скрываешь?

Рима допрашивала его полтора часа, умоляла, угрожала и, наконец, отчаявшись, вцепилась ему в волосы. Он оборонялся, и схватка перешла в любовное сражение. Позднее, когда он лежал спокойно и ни о чем не думал, она пробормотала:

— А лучше бы ты все-таки признался.

Новый спор катился на него, как тяжелый валун.

— Я скажу, если ты пообещаешь, что не перестанешь есть.

— Конечно, не перестану.

— Тебе известно, что свет и тепло институт вырабатывает из таких больных, какой была ты. Ну вот, а пищу получают из пациентов с другим заболеванием.

Ланарк тревожно следил за Римой, опасаясь, что она вскрикнет. Она спросила с задумчивым видом:

— Этих людей не убивают намеренно?

Он вспомнил девушку-катализатора, но решил о ней не упоминать.

— Нет, но медработники вылечивают не так много народу, как утверждают.

— Но без них больным все равно пришлось бы плохо.

— Наверное. Думаю, да.

— Как бы то ни было, если я откажусь от пищи, я умру, а вылеченных не прибавится. Так почему я не должна питаться?

— Я хочу, чтобы ты питалась! И взял с тебя такое обещание.

— А почему ты не хочешь есть?

— Этому нет логического объяснения. Меня останавливают инстинкты, предрассудки. Но не беспокойся, я вполне могу продержаться без пищи еще два или три дня.

— А я нет! — глядя ему в глаза, выкрикнула Рима.

— Но я хочу, чтобы ты ела.

— И тогда ты будешь меня презирать.

Ланарк смутился.

— Нет, не то чтобы я тебя презирал...

Отвернувшись, она сказала холодно:

— Правильно. Я тоже не буду есть.

В течение долгих часов Рима лежала молча и неподвижно. Когда санитарка принесла ланч, она от него отказалась.

После полудня в окне виднелись густой жемчужный туман и крохотное ярко-белое солнце. Ланарк чувствовал, что Рима не спит. Он попытался ее обнять, но она стряхнула его руку.

Ланарк резко спросил:

— Ты понимаешь, что согласиться есть эту пищу для меня значит потерпеть поражение, которое я никогда не забуду?

Рима молчала. Вынув радио, Ланарк сказал ему:

— Доктору Ланарку требуется переговорить с доктором Манро.

— Прошу прощения. В списке персонала отсутствует доктор по фамилии Ланарк.

— Но доктор Манро меня спас. Я отчаянно нуждаюсь в его совете.

— Прошу прощения, мистер Ланарк, у доктора как раз закончился рабочий день. Утром после завтрака я обязательно передам ему вашу просьбу.

Ланарк положил радио и начал покусывать сустав большого пальца. Когда санитарка принесла ужин, он

стал уговаривать Риму, чтобы она поела без него, но она снова попросила унести еду. Ланарк встал и долго бродил по палате, потом вернулся в кровать и устало лег на спину.

— Не волнуйся. Я буду есть.

Вскоре ее рука обвилась вокруг его талии. Рима нежно поцеловала его между лопаток и прижалась грудью к его спине, животом — к его ягодицам и ногами — к его ногам. Так, в тесном соединении, как пара ложек в ящике, они пролежали до утра.

Их разбудила санитарка, которая привела в порядок постель и помогла Риме вымыться. Ланарк, успокоенный и счастливый, побрился и вымылся в туалете. Проголодав два дня, он очень хотел есть и был рад предложению нарушить обещание, данное самому себе, тем более что Рима не держалась победительницей, а проявляла нежность и благодарность. Когда он вернулся к перестеленной кровати, санитарка принесла завтрак и поставила у его коленей тарелку с маленькой и прозрачной розовой полусферой. Ланарк посмотрел на еду, схватил нож и вилку, потом взглянул на Риму, которая ждала, не сводя с него глаз. Ощувив холод и одиночество, Ланарк вернул тарелку со словами:

— Не могу. Я собирался поесть и хотел, но нет, не могу.

Рима тоже отдала санитарке тарелку, потом отвернулась и заплакала.

Санитарка сказала:

— Ну прямо как дети малые. Как вы поправитесь, если не будете есть?

Она увезла тележку, и тут ожило радио. Ланарк повернул выключатель.

— Это вы, Ланарк? — быстро спросил Манро.

— Да. Когда мы можем отбыть, доктор Манро?

— Как только ваша спутница окрепнет и сможет ходить. Для этого достаточно еще четыре дня отдыхать и усиленно питаться. Что я слышу? Рыдания?

— Да, видите ли, мы не можем есть больничную пищу. Вернее, я не могу, а она не хочет.

— Вот незадача. Что вы собираетесь делать?

— Нельзя ли где-нибудь достать приличную еду?

В голосе Манро послышались сердитые ноты:

— На каком основании вы требуете себе лучшую еду, чем та, которой довольствуемся мы все, в том числе даже лорд директор? Как я уже говорил, институт изолирован.

— Тем не менее некое существо шлет сюда тонны дорогостоящего оборудования.

— Это другое дело, оборудование предназначено для проекта экспансии. Не говорите о том, чего не понимаете. Если вы с вашей спутницей желаете покинуть институт, придется есть, что дают, и не идти против потока.

Радио замолкло. У Ланарка снова, еще сильнее, чем прежде, засосало под ложечкой. От голода, а вдобавок от огорчения из-за слез Римы он почувствовал себя совсем несчастным. Сложив руки на груди, Ланарк громко сказал:

— Пусть все остается как есть, пока дела не сдвинутся или в лучшую, или в худшую сторону.

Рима обратилась к нему с криком: «Что ты за дурак!» — и прошлась ногтями по его лицу. Он спрыгнул с кровати и яростно бросил:

— Лучше я уйду, тогда ты сможешь есть! Скажи только слово — и избавишься от меня навсегда!

Рима натянула на голову покрывало. Ланарк надел халат, вышел из-за ширм и стал бесцельно мерить шагами палату. Потом он вернулся и сказал спокойно:

— Рима, прости, что я на тебя накричал. Я повел себя грубо и эгоистично. И все же, если бы меня не было, ты бы, наверное, смогла нормально питаться. Что, если я удалюсь на пару дней? Обещаю вернуться.

Она оставалась под покрывалом, словно ничего не слышала. Ланарк присоединился к ней и задремал.

Ланарк проснулся оттого, что кто-то пихнул его в голень. Рима все так же не высывала головы из-под покрывала, однако на кровати сидела высокая прямая фигура в черной сутане. Ланарк поднялся. Это был монсеньор Ноукс. Покусав нижнюю губу, он произнес:

— Извините за вторжение, но, кажется, дело не терпит отлагательств. — Голос его звучал спокойно и безразлично, и можно было подумать, что обращается он к коричневому чемодану, стоявшему у него на коленях. Прежде чем Ланарк придумал, что ответить, Ноукс продолжил: — Некто — имен называть не буду — рассказывал вам, конечно, о том, что я пользовался здесь в свое время немалой властью. Фактически я был директором института, хотя тогда должности назывались иначе. Но неважно. От прежнего статуса я сохранил

лишь одну привилегию: посещать церковные конференции на тех континентах, где связь между кормлением и убийством людей не столь очевидна. Благодаря этому у меня оказался небольшой набор деликатесов, который может вам пригодиться. Я слышал, что вы отказываетесь от нашей еды.

Рима, поднявшись, оперлась на плечо Ланарка, и оба наблюдали, как Ноукс раскрыл свой чемодан и выложил на покрывало:

картонную коробочку сыра с красными коровами и зелеными лугами на наклейке большую плитку шоколада в золотой фольге пакет с финиками колбасу салями длиной фута в два жестянку равиоли четыре пузатых бутылочки крепкого портера жестянку абрикосов ломтиками бутылочку вишневого ликера банку сгущенки жестяную банку копченых устриц большой бумажный пакет с сушеным инжиром столовые приборы тарелки консервный нож.

— Как вы добры! — вскричала Рима и тут же принялась за инжир.

— Вы порядочный человек, — горячо подхватил Ланарк, открывая коробочку сыра.

Ноукс, наблюдая за ними с чуть заметной задумчивой усмешкой, проговорил:

— Каннибализм всегда был главной проблемой человечества. Когда у церкви была власть, мы старались умерить аппетиты прожорливых классов, регулярно подкармливая паству кровью и плотью Христовой. Не стану уверять, будто духовное сословие всегда придерживалось аскетизма, однако многие из нас некоторое время кормились исключительно от

доброхотных даяний. С тех пор как институт объединился с советом, можно подумать, что половина континентов питается другой половиной. Человек — это пирог, сам себя выпекает и поглощает, и рецепт этого блюда — разделение.

— Вы очень к нам добры. Мне хотелось бы хоть чем-нибудь вас отблагодарить.

— Вы можете. Однажды я обратился к вам с просьбой, но вы не захотели.

— Вы просили, чтобы я предостерегал людей против института.

— Я просил, чтобы вы всех и каждого предостерегали против института.

— Но, монсеньор Ноукс, мне это не под силу, я слишком слаб. Когда я покину институт, я, конечно же, стану разоблачать его в частных беседах и голосовать на выборах за партии ему оппозиционные, но чтобы вести какую-либо работу, у меня не хватит времени. Мне придется зарабатывать себе на хлеб. Простите меня.

Ноукс печально отозвался:

— Не извиняйтесь. Обязанность священника состоит в том, чтобы призывать паству быть лучшими людьми, чем он сам.

Перестав жевать, Рима спросила:

— А что не так с институтом? Я здесь вылечилась, а как остальные?

Ланарк отрывисто заметил:

— Чтобы тебя вылечить, пришлось нарушить инструкции моего отделения. Институт — это машина, убивающая людей.

Ноукс покачал головой и вздохнул.

— Ах, если бы он был всего лишь машиной убийства, разрушить его было бы проще простого. Подобно всем машинам, он служит интересам своих владельцев, а сегодня многие его подразделения находятся в руках людей добрых и беспомощных, которые не знают, что они каннибалы, а если им сказать, не поверят. Институт также удивительно терпим к тем, кого здесь признают человеком, и лечит больше больных, чем вы думаете. Даже те сообщества, которые ведут против него борьбу, в большинстве своем без него бы не выжили: ведь он является важным источником знаний и энергии. Потому-то директор института возглавляет также и совет, хотя две трети членов совета его на дух не переносят.

— От одного специалиста я слышал, что здесь не лечат никого.

Краем глаза взглянув на Риму, Ноукс отозвался приглушенным голосом:

— Этот человек занимается такими ситуациями, какие прочий персонал старается предотвратить. Ее взгляд на наши медицинские достижения неизбежно пессимистичен.

— Если все это верно, то зачем вообще нужно предостерегать народ?

Ноукс выпрямился и произнес с нажимом:

— Потому что институт обезумел от жадности и расползается подобно раку, потому что он загрязняет континенты и безобразит творение Божье! Страшное признание для священнослужителя, однако временами меня больше заботят растения, животные, чистый воздух и вода, которые институт губит, чем люди, которых он съедает. В кошмарах мне снится мир, где нет ничего, кроме наших коридоров, и никого, кроме персонала. Мы едим червей, выросших в бутылках. Между трапезами мы часами исполняем бетховенскую симфонию с хором под управлением Озенфанта, а экраны показывают старые цветные фильмы с нагими юнцами и девицами, танцующими среди цветов под солнцем, которого больше не существует. Рима перестала жевать, Ланарк бросил боязливый взгляд в окно. Ослепительное солнце висело над морем облаков, которое стремительно пересекал орел. Указав на окно, он спросил:

— А это не?.. Это не?..

Ноукс вытер себе лоб.

— Это не фильм. То, чего я страшусь, пока не произошло. — Он захлопнул чемодан и поднялся на ноги. — Здоровье у меня никуда не годится. Вас сбиваю с толку и сам запутываюсь. Благослови вас Бог, дети мои.

Большим и указательным пальцами он начертал в воздухе крест над их головами и поспешил к двери. По виду он настолько напоминал человека, спасающегося бегством, что было бы жестоко кричать ему в спину «спасибо» или «до свидания».

— Как ты думаешь, он сумасшедший? — спросила Рима.

— Нет. Он проявил себя слишком порядочным человеком.

— Да, он милый, но держу пари, что он ни разу никого не вылечил.

Санитаркам, принесшим ланч, было сказано, чтобы они убрали еду и больше не приносили. Ланарк с Римой съели четверть салями, немного сыра и несколько инжирин; потом он помог ей дойти до туалета, где она приняла ванну, а он потер ей спину. Вернувшись в кровать, они пили вишневый ликер и сонно целовались. Когда под кожей Римы начало светиться серебро, Ланарк задумался и проговорил:

— Рима, в камере сгорания ты временами называла меня Тоу.

Поразмыслив, она отозвалась:

— Да, в этой броне мне снилось немало странных снов. Тебя звали Тоу или Коултер, мы стояли ночью на мосту под луной, и из-за деревьев выглядывал какой-то старик. Ты хотел меня убить. Дальше не помню.

— Интересно, как бы я мог узнать об этом побольше?

— К чему? Разве мы не счастливы, когда не ссоримся?

— Да, но скоро мне придется работать, а я забыл, что умею делать. Нужно было спросить Ноукса, есть ли способ узнать, как ты жил до Унтанка.

— Вызови его по радио.

— Нет, я позову Манро. На него я больше рассчитываю.

С Манро его соединили на удивление быстро.

— Я звоню, чтобы сказать: все в порядке, мы сами раздобыли еду.

— Очень хорошо. Вы только за этим позвонили?

— Нет. Я заинтересовался прошлым, но, видите ли, ничего не могу вспомнить...

Раздался треск, и ровный голос произнес:

— Архив слушает. Чем могу вам помочь?

— Я интересуюсь своим прошлым. Меня зовут Ланарк... Раздалось громкое жужжание, затем голос быстро и монотонно стал читать:

— Вы прибыли в Унтанк третьего числа десятого месяца тысяча девятьсот пятьдесят шестого солнечного года по назарейскому календарю. Назвали себя Ланарком, явились в центральную контору службы социального обеспечения, были зарегистрированы в качестве дракона и получили восемь фунтов, девятнадцать шиллингов и шесть пенсов. Устроились на квартиру к Белле Флек, Ашфилд-стрит, семьсот тридцать восемь, Унтанк номер два, а через тридцать дней запросили допуск в институт. Были доставлены в человеческой форме в семьдесят пятый день четыре тысячи девятьсот девяносто девятого децимального года от основания, а на восьмидесятый день сделались младшим ассистентом профессора Озенфанта, отдел энергетике. Развитию вашего таланта воспрепятствовали бессмысленные буйные выходки. Восемьдесят пятого числа вы прервали сеанс звукозаписи, оскорбили катализатора, заблокировали поток и разбили видеоэкран. Ваше перемещение назначено на восемьдесят восьмое число, что должно быть одобрено

лордом Монбоддо, директором института, координатором проекта экспансии и президентом совета».

Неожиданно громко затрубили фанфары, но очень скоро музыка оборвалась.

Ланарк буркнул раздраженно:

— Это мне известно. Я хочу знать, что было до того, как я явился в Унтанк.

Вы явились в Унтанк по воде, а она вне юрисдикции совета. Желаете проконсультироваться с оракулом?

Конечно, если от этого будет польза.

Холодный белый пластик малюсенького приемопередатчика раскалился докрасна. Ланарк уронил его на покрывало; Рима вскрикнула, Ланарк рукавом смахнул аппарат на пол, где он с громким хлопком взорвался.

Вокруг кровати клубился едкий голубой дым, щипавший глаза. Рима, не вставая, смотрела на Ланарка. Он вынул изо рта обожженные пальцы и спросил, в порядке ли она. Его оглушило взрывом, поэтому ответ донесся как бы издалека. К нему примешивался отдаленный голос, повторявший: Помогите, помогите, кто-нибудь меня слышит?

Рима спросила, кто там, и тут голос заговорил прямо в ухо Ланарку. Не мужской и не женский, взволнованный, он держал странную невыразительную ноту, словно произносимые слова при печати не следовало выделять как прямую речь.

Голос сказал Я рад, что вы позвонили.

Ланарк энергично потряс головой и твердым тоном попросил:

— Пожалуйста, не могли бы вы рассказать мне о моем прошлом? Начиная с детства.

Голос сказал Мне очень нравится подобная работа, но вам придется дать мне зацепку. Сохранился ли у вас какой-нибудь предмет из прошлого?

— Нет, ничего.

Одежда, например?

— Моя одежда растворилась на пути сюда. Может, в карманах было что-нибудь нерастворимое?

— Разве что... одну минуту.

Ланарку вспомнилось, как Манро доставал пистолет из выдвижного ящика в шкафчике его умершего соседа. Он открыл свой собственный ящик и заглянул туда. По большей части он был заполнен едой, но в уголке нашлись крохотная волнистая раковина и кварцевый голыш с серыми и кремовыми прожилками.

— Я нашел морскую ракушку и камешек.

Возьмите по предмету в каждую руку. Да, я вижу теперь, откуда вы пришли. Вас звали Тоу. С какого возраста начинать рассказ: с пяти лет, пятнадцати или десяти?

— С пяти, пожалуйста.

Ланарк лег поудобней, и оракул, голосом не по летам развитого ребенка, начал Дункан Тоу провел синюю линию в верхней части листа и коричневую внизу. Нарисовал великана, который бежал по коричневой линии с плененной принцессой, но принцесса никак не

выходила красивой, и потому в руках у великана он изобразил мешок. Принцесса была внутри. Отец...

— Простите, — перебил оракула Ланарк. — Вы рванули с места в карьер. Не могли бы вы для начала описать географическое и социальное окружение?

После недолгого молчания голос заговорил сухим тоном ученого. Река Клайд впадает в Ирландское море. Вблизи ее устья расположено множество островов и полуостров, принадлежащие Британии. Невдалеке от места впадения на Клайде расположен Глазго — промышленный город, где живет в наши дни множество людей, но где никто не представляет себе жизни. Помимо собора, университетской караульни и примитивной средневековой башни с часами, почти все постройки возведены в этом и прошлом веке...

— Простите, что опять перебиваю, но откуда вам это известно? И вообще, кто вы?

Голос, помогающий вам увидеть себя.

— Но я слышал слишком много таких голосов. Это не были голоса лжецов, даже Сладден и Озенфант во многих случаях говорили правду, но только ту правду, которая не противоречила их замыслам. А какие замыслы у вас? Какие сведения вы намерены опустить?

Голос сказал мрачно У меня вообще нет замыслов. Опустить я постараюсь только повторы, но навряд ли получится. С тех пор как я превратился в ничто, я просто помешался на подробностях.

— Не понимаю.

Тогда, прежде чем взяться за вашу историю, я расскажу свою. Она не так занимательна, но в ней

отсутствуют подробности! поэтому она короче, а поскольку я некогда жил в вашей стране, вы получите некоторое представление об ее экономике.

Оракул заговорил мужским голосом, пожилым и напыщенным. Ланарк уселся поудобнее. Рима, зевнув, прижалась к его спине. Через пять минут Ланарк заметил, что она спит.

ПРОЛОГ

Текст на верхних колонтитулах ПРОЛОГА

Сызмальства мне хотелось иметь дело только с чем-то неоспоримым, и, подобно всем мыслителям, вскоре я перестал доверять тому, что можно было только видеть или осязать. Большинство полагает, будто полы, потолки, тела ближних, солнце и тому подобное — самое несомненное из существующего, однако я, по поступлении в школу, осознал, насколько окружающий мир недостоверен по сравнению с числами. Возьмите простейший вид цифр — какой-нибудь телефонный номер: к примеру, 339-6286. Он существует вне нас,

поскольку содержится в телефонном справочнике, но в наших головах сохраняется в точности таким, каков есть, так как сама цифра и наше представление о ней полностью идентичны. Наш ближайший друг, по сравнению с его телефонным номером, изменчив и ненадежен. Он тоже, безусловно, существует вне нас, и благодаря тому, что мы о нем помним, он также в некотором роде существует и в наших головах, хотя опыт показывает, что наше представление о человеке совпадает с ним самим лишь отчасти. Неважно, насколько хорошо мы его знаем, как часто с ним встречаемся, насколько устойчивы его привычки: он постоянно будет попирать созданный нами образ новым костюмом, переменной в мыслях, старением, болезнью и даже кончиной. Более того: мое представление о человеке никогда не совпадет с представлениями о нем других людей. Многие разборы возникают из столкновения противоречивых суждений о чужом характере, однако никто не затеет спор относительно его телефонного номера, и если бы мы довольствовались численным описанием друг друга, указывая рост, вес, дату рождения, размер семьи, домашний и служебный адрес, а также — наиболее содержательный показатель — величину годового дохода, то за пределами разноречивых мнений было бы достигнуто полнейшее согласие о реальных сущностях.

Школьные учителя прочили меня, выпускника, в физики, но я эту идею отверг. Наука действительно держит физический мир под контролем посредством математического его описания, однако выше я уже упоминал о моем недоверии к физическим предметам. Они слишком далеко отстоят от умственной сферы. Я предпочел отдаться цифрам, которые в наиболее чистом

виде представляют собой умственный продукт и потому оказывают на нее самое сильное влияние, а именно — деньгам. Я сделался бухгалтером, а позднее биржевым маклером. Меня озадачивает, почему люди, обладающие или ворочающие большими суммами, обычно именуются материалистами: ведь финансы — это сугубо интеллектуальная, предельно духовная деятельность, поскольку они гораздо более связаны со значимостью материальных объектов, нежели с ними самими. Разумеется, финансовая сторона не обходится без реальных предметов как таковых, ибо деньги являются выражением их ценности и не могут существовать без них (так и сознание неотделимо от телесной оболочки), и все же действительность по отношению к деньгам вторична. Если вы в этом сомневаетесь, задумайтесь, чем вы предпочли бы владеть: пятьюдесятью тысячами фунтов или же земельным участком стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов. Земельный участок охотнее приобретут только финансисты, которым известно, каким образом приумножить его стоимость — сдачей в аренду или перепродажей, и посему любой выбор доказывает предпочтительности обладания именно деньгами. Вы, вероятно, возразите, что при некоторых обстоятельствах миллионер отдаст все свое состояние за чашку воды, но подобные ситуации возникают куда чаще в дискуссиях, нежели в обыденной жизни, и лучшим индикатором подлинного отношения людей к деньгам служит инстинктивное почтение, какое испытывают к богачам все, кроме невежественных дикарей. Многие с этим не согласны, однако подведите этих несогласных к действительно состоятельному человеку — и вы убедитесь в их неспособности обращаться с ним без должной предупредительности.

Когда и я стал по-настоящему состоятельным человеком, мне было тридцать пять, хотя уже довольно долго я жил в квартире с гостиничным обслуживанием, водил «хамбер», на уикэндах играл в гольф, а по вечерам — в бридж. Чуждые финансовым отчетам считали мою жизнь монотонной: им неведом был крутой целеустремленный подъем с одного уровня преуспевания на другой, более высокий; они не понимали острого волнения при мысли о том, каких потерь чудом удалось избежать; не разделяли ликования от внезапно хлынувшей на тебя прибыли. Риск лежал всецело в эмоциональной области: материальная обеспеченность была мне гарантирована. Я опасался алчности трудящихся классов и некомпетентности правительств, но только потому, что они угрожали кое-каким цифрам в моих счетах: бояться холода или голода мне было незачем. Мои знакомые жили, подобно мне, в мире цифр, а не в путанице зримых и осязаемых вещей, привычно называемой реальной действительностью, однако у них были жены, и это означало, что по мере роста богатства им приходилось переселяться в более просторные дома, покупать новые автомобили и обзаводиться кабинетами со старинными гравюрами для вечеринок с коктейлями. Все эти темы, естественно, возникали у них в разговорах, но я слышал также, как они упивались и прочими пустяками с тем большим восторгом, чем бесполезнее были эти пустяки. «Смотрите-ка, нарциссы снова с нами!» — восклицали они, или: «Вот те на! Харрисон сбрил усы». Я видел просто лист, для них он был «чудесным зеленым листком». В новой гидроэлектростанции они усматривали «технологический прогресс» или «промышленность, губительную для сельской местности». Однажды на вечеринке парочка

учинила потасовку. Я что-то объяснял заказчику, из-за шума пришлось повысить голос, а прочие гости принялись перешептываться, плюясь словечками вроде «позор», «дикость», «стыдобище», «ужас», «мерзость». Мне стало ясно, что большинство людей распирает от эмоций и они избавляются от них, вкладывая их в объекты, которые не могут использовать. Я избытком эмоций не страдал, работа поглощала меня целиком, но теперь понимаю, что эти случайные вложения приносили выгоду. Подобно тщеславным женщинам, объекты позировали перед своими поклонниками во всем блеске, переливаясь красками, которые мне так и не позволено было увидеть. Они демонстрировали мне себя ровно настолько, чтобы дать знать о своем существовании. А однажды перестали делать и это.

Однажды я изучал какой-то документ, и вдруг мое внимание переключилось на перемену, происшедшую за пределами печатной страницы. Я всмотрелся в столешницу. Она была изготовлена из полированного дерева с едва заметными волнистыми прожилками, но теперь прожилки исчезли, и поверхность сделалась пустой, будто пластик. Я оглядел офис, обставленный по-современному, поскольку питал неприязнь к аляповатым излишествам. Белые стены и простой ковер выглядели как обычно, однако вид за окном изменился. По обеим сторонам прежней стандартной улицы в деловом центре старомодного промышленного города с колоннами и искусной резьбой на фасадах домов тянулись теперь ровные поверхности с проделанными в них прямоугольными отверстиями. Я тотчас понял, что происходит. Действительность, не довольствуясь тем, что представляла передо мной воплощенной в значительно более скудном материале, нежели перед другими,

принялась за дальнейшую экономию. Если раньше мне виделись излишние подробности или оттенки, то теперь они исчезли вовсе. Дерево, камень, любая узорчатая поверхность — все сделалось гладким и ровным. Переплетение нитей в ткани перестало различаться, все двери до одной казались изготовленными из плоской филенки.

Однако ущемленным я себя не чувствовал: внешней действительности все еще хватало для дальнейшего освоения; с иными задачами я справлялся даже лучше, чем прежде. Раньше, входя в комнату, где сидели служащие, я обычно вынужден был оглядеть присутствующих, прежде чем найти среди них нужного мне человека; время тратилось попусту, особенно когда я считал долгом кивнуть или улыбнуться тем, кого заметал в первую очередь. Позднее я стал видеть только того, кого искал, остальные были невидимы, если только никто не бездельничал или не желал со мной заговорить; в таком случае они представляли достаточно вещественными для общения. Вы спросите, почему я никогда не сталкивался ни с кем из окружающих. Что ж, у меня в офисе о том, кому посторониться, должны были заботиться подчиненные, а за рулем я обращал внимание на дорожные знаки и соседние автомобили, не замечая ни прохожих, ни местности. Но вот однажды я, привычно припарковав машину на боковой улочке, открыл дверцу, чтобы направиться в офис, однако не увидел ни улицы, ни мостовой, а только сплошную серую пелену, сквозь которую к смутно различимому силуэту моей конторы (прочие здания вокруг отсутствовали) вели прочные, под цвет мостовой, камешки, каждый размером с мою подошву и одинаковый с ней по форме. Выйдя из машины, я мог ступать только по ним: едва я отрывал

ногу от камешка, как он исчезал. Я начал испытывать приступы головокружения, охваченный ужасом перед тем, что произойдет, если я шагну между этими камешками. Дойдя до дверей конторы (я видел ее совершенно ясно), я присел на корточки и, в порядке эксперимента, приложил ладонь к пустоте. Там, соответствуя по форме моей руке, появился крохотный участок мостовой. Одновременно вокруг меня материализовались трое служащих, обеспокоенных моим самочувствием. Я притворился, не слишком убедительно, будто завязываю шнурок.

Позже я сидел во вращающемся кресле над фатомами пустоты, и всюду вокруг меня простиралась серая пустота: только в шести футах справа по наклоненному блокноту двигался кончик карандаша, который заносил на бумагу слова, диктуемые мной секретарше. В моей правой руке было такое ощущение, словно она опирается о колено, но я видел только один часовой циферблат. В половине шестого возникшие передо мной камешки, окрашенные под цвет ковра, выманили меня из кресла, но ступать по ним было сложно, поскольку ног своих я не видел, а дойдя до конца, вместо камешков под цвет линолеума, которым был покрыт пол в лифте, вообще ничего не увидел: пустота впереди и за спиной была полной и абсолютной. Я ничего не видел, не слышал и не чувствовал, кроме подошв, ступавших по полу. Внезапно меня охватили усталость и злоба. Я шагнул вперед: ничего не стряслось, однако сопротивление пола прекратилось. Я не рухнул и не воспарил, а сделался бесплотным в бесплотном мире. Мое существование свелось к череде мыслей посреди беспредельной серости.

Поначалу я испытал огромное облегчение. Одиночества я никогда не боялся, а предшествовавший стресс оказался более сильным, чем я позволял себе думать. Заснул я почти мгновенно: просто мысли отключились, и серое вокруг меня сделалось черным. Через какое-то время вновь посветлело, и я, впервые в жизни, ощутил себя праздным. У всякого выпадают пустые минуты: когда стоишь на автобусной остановке или поджидаешь приятеля, заняться нечем — и ты принимаешься размышлять. Прежде я заполнял такие паузы подсчетами, как внезапная война или выборы повлияют на доверенный мне капитал, но теперь вычисления нимало меня не занимали. Для придания могущества деньгам, даже воображаемым, требуется будущее. Без будущего деньги — ничто, даже не чернильная запись в гроссбухе, не бумага в кошельке. Будущее исчезло вместе с моим телом. Остались только воспоминания, и я подавленно осознал, что работа, придававшая моей жизни цель и благопристойную упорядоченность, выглядела ныне арифметическим умственным заболеванием — калькуляцией доходов и убытков, длившейся не один год без всякого результата. Память сохранила перечень вещей, которые я игнорировал и обесценил. Я не знал ни подлинной дружбы, ни подлинной любви, не питал ни пылкой ненависти, ни пылкой страсти: моя жизнь представляла собой каменистую почву, на которой произрастали только цифры, и теперь оставалось одно: перебирать камни в надежде, что среди них обнаружатся два-три драгоценных. Более одинокого и беспомощного человека на свете нельзя было сыскать. Я был близок к отчаянию, как вдруг в воздухе передо мной возникло нечто чудесное.

Это была стена кремового цвета с узором из коричневатых роз. Стену и меня заливал светом луч раннего летнего утра. Я сидел на кровати между стеной с одной стороны и двумя стульями — с другой. Кровать казалась очень большой, хотя и была обыкновенной односпальной, а стулья придвинули к ней, чтобы я не свалился на пол. Мои ноги были прикрыты стеганым одеялом, на котором лежали курительная трубка со сломанным черенком, домашний тапочек и книга с яркими страницами в матерчатом переплете. Донельзя счастливый, я тянул песню на одной ноте: «уу-луу-луу-луу-луу». Утомившись, я переходил на «да-да-да-да-да»: меня увлекала подмеченная разница между «луу» и «да». Потом, когда петь надоедало, брал тапочек и колотил им по стене, пока не приходила мать. По Утрам она лежала в постели за стеной с худощавым важным юношей. Ее тепло проникало ко мне через стену, и потому я никогда не ощущал холода или одиночества. Не думаю, что рост моей матери превышал средний, но мне она представлялась вдвое выше других, с каштановыми волосами, царственно стройной выше бедер. Ниже она выглядела совсем иначе — из-за частых беременностей. Помню, как верхняя часть ее туловища возвышалась над изгибом живота, будто великанша, наполовину скрытая за линией горизонта над ровной морской гладью. Помню, как устраивался на этом изгибе, прислонившись затылком между ее грудями, зная, что голова ее где-то там, наверху, и чувствуя себя в полной безопасности. Черты ее лица из моей памяти изгладились совершенно. Они темнели или излучали свет в зависимости от ее настроения: уверен, что это не просто детская фантазия. Помню, как мать сидела не шелохнувшись в комнате, набитой посторонними людьми,

которые постепенно снижали голос до шепота, почувствовав исходившую от нее зловещую безмолвную ярость. В равной степени мать заражала и своей веселостью, заставляя даже самое унылое сборище оживиться и проникнуться духом галантной любезности. Она никогда не выказывала счастья и не вешала нос: либо радовалась, либо хмурилась — и притягивала к себе скромных надежных мужчин. Все те, кого я называл отцами, были именно такого сорта. Помимо любви к ней, ничем особенным они не отличались. По-видимому, привлекательной казалась в ней неумеренная порочность, поскольку хозяйкой она была никудышной: сойдясь с мужчиной, она пыталась взяться за готовку и наводить чистоту, однако хватало ее ненадолго. Самый первый дом, который мне вспоминается, был, пожалуй, и самым счастливым: мы занимали всего две маленьких комнаты, и мой первый отец не отличался привередливостью. Работал он, по-моему, механиком в гараже: возле моей кровати хранился автомобильный мотор, а под шкафом в кухне — несколько громадных покрышек. Когда я подрос, мать стала являться на мой стук менее охотно, и я научился ковылять до двери или добираться до нее ползком, а дальше меня втягивали внутрь, на кровать. Мать обычно читала газеты лежа и курила сигареты; отец же, согнув ноги в коленях, превращал одеяло в подобие холма, который вдруг обрушивался, едва я успевал на него вскарабкаться. Потом отец вставал и приносил нам завтрак: яичницу с гренками и чай.

Мы жили в многоквартирном доме, который выходил на узкую оживленную улочку; задний двор был покрыт растрескавшимся асфальтом. По солнечным дням мать втаскивала меня на насыпь возле канала позади

двора за постромки, прикрепленные к моей груди, и мы устраивали себе гнездышко в высокой траве у поросшей мхом береговой полосы. Канал зарос камышами и водорослями с листьями; мимо проходили только старик с борзой или мальчишки, пропускавшие уроки. Я играл с трубкой и тапком: сам я понарошку был матерью, трубка — мной, а тапок — кроватью, или же тапок становился автомобилем, а трубка — шофером. Мать читала или предавалась мечтаньям, как обычно делала это дома, и я теперь понимаю, что ее власть бралась из этих мечтаний, иначе откуда еще эта молчунья, лишенная всяких способностей, могла усвоить очарование плененной принцессы, властность изгнанной королевы? Наше гнездышко находилось вровень с кухонным окном, и отец по возвращении с работы звал нас к приготовленному им обеду. Он выглядел довольным жизнью, и я не сомневаюсь, что ссоры возникали не по его вине. Однажды ночью я проснулся от шума, исходившего от темной стены возле моего уха: голос матери набегал высокими волнами на протестующее бормотание. Потом все стихло, мать вошла в комнату, легла рядом и жадно меня обняла. Это повторилось несколько раз: ночи наполнялись предвкушением и восторгом, весь день я проводил в ошеломлении; ее оглушительные поцелуи взрывались у меня в ушах подобно фейерверку и надолго изгоняли любые мысли. Я толком не заметил, когда мать меня одела, упаковала чемодан и увела из этого дома. Не помню, ехали мы поездом или автобусом: помню только, что с наступлением ночи шли по тропинке между деревьями, ветви которых с шумом сплетались от ветра у нас над головами, а тропинка привела нас к фермерскому дому, где мы прожили больше года. Моя сестра родилась вскоре после нашего прибытия.

Устрашающая притягательность моей матери сказалась и в том, что даже при очевидных признаках беременности, с двухлетним сыном на руках, ее нанял в экономки бережливый фермер, оставшийся вдовцом. Первые несколько недель я был счастлив. Спали мы вместе в комнатке с низким потолком в задней части дома, ели отдельно. Помню, как мы тихонько сидели вдвоем в углу уютной гостиной, пока фермер обедал со своими детьми у огня. Мать чуть слышно напевала мне в ухо:

Вскоре мы стали усаживаться за стол все вместе, и я ночевал в маленькой комнатке один. Мать почти всегда оставалась наверху, куда мне доступа не было, а домашнюю работу выполняла приходившая каждый день пожилая женщина. Сначала, видимо, ее наняли временно, когда родился ребенок, однако она продолжала готовить и делать уборку не один месяц, а также подавать наверх поднос с яйцами и гренками; я же в обществе фермера и его детей завтракал за кухонным столом овсянкой. Все мои воспоминания о ферме так или иначе связаны с яйцами. Как-то, обследуя скотный двор, я обнаружил в зарослях крапивы за старой телегой большую кладку коричневатых яиц. Это меня удивило, поскольку яйца мы брали обычно из деревянных курятников на близлежащем поле. Я вприпрыжку

помчался на кухню — сообщить о находке. Оказавшийся там хозяин объяснил мне, что курицы иногда кладут яйца на стороне с намерением их высидеть. Я повел его к найденным яйцам; он собрал их себе в шапку, похвалил меня и дал мне мятную лепешку. С тех пор, если мне становилось одиноко, я пролезал в курятник через какую-нибудь крохотную дверцу для кур, крал яйцо прямо из-под наседки, потом пробирался на гумно или в коровник и притворялся, будто нашел яйцо в сене или среди навозных куч. Беря яйцо, фермер неизменно трепал меня по макушке и вручал мятную лепешку. Думаю, он прекрасно понимал, откуда берутся эти яйца, но из-за доброго отношения ко мне виду не подавал. Возможно, я ему нравился.

А вот его детям — нет. Теплыми летними вечерами я играл в саду позади дома; там росли спутанная трава и чахлые фруктовые деревца, и я строил гнезда в побегах плюща, обвивавших окна моей спальни. Однажды вечером ко мне подошла дочь хозяина и спросила:

— Что ты там, по-твоему, делаешь?

Ей не было еще и двенадцати, но мне она казалась взрослой женщиной. Я ответил, что строю гнездо для птички, которая отложит там яйца.

— Птичка-невеличка? — переспросила она. — Чепуха. А где ты взял солому?

— Она лежала во дворе.

— Значит, она папина, а ты ее украл. Поди и положи ее на место.

Так как я продолжал постройку, она схватила меня за руки и начала их выкручивать до тех пор, пока я не лягнул ее в лодыжку; она кинулась прочь с воплями,

обещая все рассказать моей матери, чтобы меня отсюда прогнали. Я заплакал и побежал в поле, на четвереньках протиснулся через дверцу курятника и, согнувшись в три погибели, затаился в уголке на усыпанном зерном полу до самой темноты. Я собирался умереть там от голода, но услышал далекий голос матери, которая меня окликнула, то приближаясь, то удаляясь, и в конце концов почувствовал, что ее грудь разрывается точно от такой же муки, как и моя. Я выбрался через дверцу обратно и поплелся мимо черных курятников под высоким звездным потолком. Ухала сова. Вдруг я наткнулся на мать и обхватил руками ее большой живот, а она меня приласкала. Спустя несколько ночей меня разбудил страшный шум: мать вошла ко мне в комнатку и легла под одеяло. Это было менее приятно, чем в городе: здесь прибавилась еще сестренка, и кровать оказалась тесной. Любовное тепло, которым мать меня окутывала, по-прежнему волновало безумно, однако теперь сознание не теряло трезвости. Меня точило беспокойство, потому что ферма кое в чем была мне по душе. Через неделю в тележке, запряженной пони, фермер отвез нас на железнодорожную станцию, сунул мне кулек с мятными лепешками и, не сказав ни слова, оставил нас на платформе.

Теперь я понимаю свою мать. Она ждала великолепия. Все мы по большей части его ожидаем, а приближение старости учит нас без него обходиться. Моя мать не могла этому научиться и потому меняла жизнь единственным способом, ей известным, — переезжая от одного мужчины к другому. Она переезжала беременной, потому что беременность вселяла в нее больше надежд, чем обычно, или же из-за боязни, как бы вынашивание ребенка в соседстве отца не привязало ее к одному

мужчине навсегда. Если это так, то своего настоящего отца я так и не видел. Третьим заменителем стал банковский управляющий, который жил с овдовевшей сестрой в отдельном доме в маленьком рыболовецком порту. Это был тихий, грустный, добрый человек; его сестра — резкая в обращении, несчастная женщина с язвинкой; моя мать (с четырехлетним сыном, годовалой дочерью и пятимесячным эмбрионом) зачаровала и приручила их обоих. Однако троих для комплекта достаточно, и власть надо мной она утратила. Возможно, больше ее и не желала. Так или иначе, она оставила меня у банковского управляющего. Моя жизнь сделалась спокойной и надежной. Я ходил в школу, хорошо учился, и управляющий с сестрой каждый вечер играли со мной в бридж на небольшие ставки, чем развили мои способности концентрировать внимание. Игра продолжалась с половины седьмого до времени, когда пора было отправляться в постель. Вот так я научился страшиться тела и любить церкви.

Оживив эти воспоминания, я увидел, что тропа от залитых солнцем роз к серой пустоте неизбежна, но это меня не удовлетворило. Меня ужасала перспектива не делать ничего другого, как только вспоминать жизнь, подобную этой. Мне хотелось, чтобы безумие уничтожило память, залил ее яркими цветами и тонами иллюзии, пускай самой чудовищной. Я разделял романтическое представление о том, что безумие — выход из невыносимого существования. Но безумие подобно раку или бронхиту — не каждый на него способен, и, когда большинство из нас говорит: «Мне этого не вынести», это звучит доказательством обратного. Смерть — единственный надежный выход, но смерть зависит от тела, а тело я отверг. Я был обречен

снова и снова проигрывать в будущем нудное прошлое, прошлое, прошлое. Я попал в ад. Без глаз я пытался плакать, без губ — кричать и всеми силами моего пренебреженного сердца звать на помощь.

Ответ пришел. Мрачный непреклонный голос — твой голос — попросил меня описать его прошлое. Мой опыт пустоты наделил меня умением мысленно видеть вещи благодаря самым ничтожным подсказкам, и голос позволил мне увидеть тебя таким, каким ты был. По голышу и ракушке в твоих руках я восстановил берег, на котором ты их подобрал, а оттуда я увидел тропу, тянущуюся через горы и города к дому, где ты родился. Тебе понятно теперь, почему я — оракул. Описывая твою жизнь, я уберегусь от собственной ловушки. С моей точки в небытии все сущее — всё, что не я — выглядит стоящим и великолепным: даже то, что почти все считают заурядным или отвратительным. Со мной твое прошлое в безопасности. Могу поручиться за точность.

Ланарк немного подумал, потом сказал:

— В твоей истории есть противоречие.

— Да?

— Ты сказал, что деньги так же не могут существовать помимо предметов, как и сознание без тела. Однако твое существование бестелесно.

Это и меня озадачивает. Порой мне думается, что мое тело находится в мире там, где я его покинул: лежит на койке где-нибудь в больнице, и жизнь в нем поддерживается с помощью внутривенных вливаний. Если так, то у меня есть надежда вернуться однажды к жизни или умереть окончательно. А теперь я расскажу тебе о Дункане Тоу.

Рима слегка пошевелилась и пробормотала:

— Да, продолжай.

Оракул заговорил. Его голос доносился внутри головы так издалека, что казалось, повествование не столько развертывается, сколько вспоминается. Рассказ не прерывался ни едой, ни посещением уборной, ни сном: по ночам Ланарку снилось то, чего он не мог слышать, и при пробуждении у него не возникало ощущения паузы. Все это время они видели через окно людей, которые передвигались по комнатам и городским улицам, хотя иногда мелькали горные и морские пейзажи, а под конец возникли огромные волны, медленно разбивавшиеся о подножие утеса.

Книга Первая. Глава 12

Война начинается

Дункан Тоу провел синюю линию в верхней части листа и коричневую внизу. Нарисовал великана, который бежал по коричневой линии с плененной принцессой, но принцесса никак не выходила красивой, и потому в руках у великана он изобразил мешок. Принцесса была внутри. Отец заглянул через плечо Дункана и спросил:

— Что это ты там рисуешь?

— Мельник бежит на мельницу с мешком зерна, — встрепенувшись, ответил Тоу.

— А что обозначает эта голубая линия?

— Небо.

— Ты хочешь сказать, горизонт?

Тоу молча уставился на рисунок.

— Горизонт — это линия, где небо на вид сходится с землей. Разве это горизонт?

— Это небо.

— Но ведь небо — вовсе не прямая линия, Дункан!

— Если посмотреть сбоку, то прямая.

Мистер Тоу взял мячик для гольфа, подвинул настольную лампу и пояснил, что земля подобна мячику, а солнце — лампе. Сбитому с толку Тоу сделалось скучно. Он спросил:

— А люди падают с боков?

— Нет. Их удерживает земное притяжение.

— А что такое... про... протяжение?

— Прриитяжение — это сила, которая удерживает нас на земле. Без нее мы летали бы по воздуху.

— И долетели бы до неба?

— Нет. Нет. Небо — это всего лишь пространство у нас над головой. Без силы притяжения мы вечно летели бы кверху.

— И попали бы на другую сторону?

— Дункан, никакой другой стороны нет. Вообще никакой.

Тоу наклонился над рисунком и с нажимом провел голубым карандашом по линии неба. Ночью ему приснилось, будто он взмывает ввысь сквозь пустоту и натывается на плоское небо из голубого картона. Он повисел там, словно воздушный шарик под самым потолком, но с беспокойством подумал: а что же находится по другую сторону; проделал дырку и снова поднимался вверх сквозь пустоту, пока не встревожился, что будет парить вечно. Потом наткнулся на еще одно картонное небо и немного передохнул, однако опять заволновался при мысли о другой стороне. И так далее.

Тоу жил на среднем этаже муниципального многоквартирного дома, фасад которого был сложен из красного песчаника, а задняя сторона — из кирпича. Поросшие травой задворки делились ограждениями с острыми шипами на зеленые участки, в каждом из которых имелась помойка. На помойки совершали набеги оборванцы, являвшиеся из Блэкхилла, с той стороны канала. Тоу слышал, будто жители Блэкхилла — католики, с живностью в волосах. Однажды на участки пришли двое мужчин с прибором, изрыгавшим голубое

пламя и сыпавшим тучи искр. Пламенем они срезали с ограждений шипы, сложили в мешок и унесли — на военные нужды. Миссис Гилкрест с нижнего этажа сердито проворчала: «Теперь любой сопляк из Блэкхилла сможет копаться в нашем мусоре». Другие рабочие построили на участках бомбоубежища; самое большое было построено на школьной площадке для игр — и Тоу, услышав по дороге в школу сигнал воздушной тревоги, должен был бежать к ближайшему из убежищ. Взбираясь как-то утром по крутому проулку, Тоу услышал в голубом небе вой сирены. Он уже почти дошел до школы, но повернулся и побежал домой, где мать ждала его в убежище вместе с соседями. По ночам на всех окнах опускались темно-зеленые шторы. Мистер Тоу, с нарукавной повязкой и в стальном шлеме, обходил улицу, выскивая окна, сквозь которые просачивались противозаконные полоски света.

Кто-то сказал миссис Тоу, что прежние обитатели квартиры покончили с собой, сунув голову в духовку и пустив газ. Миссис Тоу немедленно отправила в муниципалитет просьбу о том, чтобы газовую плиту ей сменили на электрическую, но, поскольку мистеру Тоу по возвращении с работы нужна была еда, она готовила ему картофельную запеканку с мясом, однако при этом поджимала губы плотнее обычного.

Сын миссис Тоу всегда отказывался от картофельной запеканки с мясом и от любой другой еды, вид которой вызывал у него отвращение: губчатый белый рубец, мягкие пенисоподобные сосиски, фаршированные овечьи сердца с сосудами и мелкими артериями. Нерешительно потыкав подобное кушанье вилкой, он говорил:

— Я этого не хочу.

— Почему?

— Вид какой-то странный.

— Да ведь ты даже не попробовал! Возьми хоть кусочек. Ну ради меня.

— Нет.

— Китайские дети голодают, но о такой еде и мечтать не смеют.

— Вот и отправь ее им.

После недолгих пререканий мать, повысив голос, грозила: «Не выйдешь из-за стола, пока не подберешь все до последней крошки!» — или: «Ну погоди, дорогуша, я обо всем расскажу отцу!» Дункан клал кусочек в рот, с усилием глотал, даже не распробовав, и тут же его рвало прямо на тарелку. Тогда его запирали в дальней спальне. Иногда мать подходила к двери и начинала упрашивать: «Ну пожалуйста, съешь хоть капельку! Ради твоей мамы, а?» Тоу, сознавая собственную безжалостность, выкрикивал: «Нет!» — и, подойдя к окну, смотрел вниз, на зеленый двор. Там играли его друзья, бродяги рылись в мусоре; соседи, бывало, развешивали белье, и Тоу охватывало такое чувство величественного одиночества, что он подумывал, не выброситься ли ему из окна. Горько и весело было представить, как его труп тяжело шлепнется о землю у всех на глазах. Под конец сердце его замирало от ужаса, когда до слуха доносилось глухое топанье отца, взбиравшегося с велосипедом по лестнице. Обычно Тоу выбегал ему навстречу. Теперь же он слушал, как мать отпирает дверь, как заговорщически переговариваются

два голоса, как шаги приближаются к двери, а мать шепчет им вслед: «Не делай ему слишком больно».

Мистер Тоу входил и, кривя губы в мрачной улыбке, начинал:

— Дункан! Ты, по словам мамы, опять плохо себя сегодня вел. Она хлопочет, тратится, чтобы приготовить хороший обед, а ты не желаешь к нему притронуться. И тебе не стыдно?

Тоу, понурившись, молчал.

— Я хочу, чтобы ты принес ей свои извинения.

— Чего принести?

— Попроси у нее прощения и пообещай, что съешь все, что тебе дадут.

Тоу огрызался: «Нет, ни за что!» — и получал порку.

Во время наказания он вопил будто резаный, а когда его отпускали, топал ногами, визжал, рвал на себе волосы и бился головой об стену, пугая родителей так, что мистер Тоу не выдерживал и орал:

— Замолчи — или я тебе зубы вышибу!

Тоу принимался колотить кулаками по своему лицу, выкрикивая:

— Вот так вот так вот так?

Утихомирить его могло бы только признание того, что кара была несправедлива. По совету соседа, родители однажды раздели яростно брыкавшегося мальчика и погрузили в ванну с холодной водой. Внезапный ледяной ожог парализовал всякий протест, поэтому эта лечебная мера применялась и позже с тем

же успехом. Дрожавшего мелкой дрожью Тоу обтирали мягким полотенцем перед очагом в гостиной и укладывали в постель с куклой. Пока мать перед сном подтыкала ему одеяло, он лежал оглушенный, бесчувственный. В иные разы он помышлял уклониться от поцелуя на ночь, но так и не сумел.

После трепки за отказ от какого-то блюда Тоу получал вместо него только вареное яйцо. Однако, услышав о способе, каким прежние обитатели квартиры воспользовались духовкой, он задумчиво взгляделся в картофельную запеканку с мясом, как только она появилась на столе, и указал на нее пальцем:

— Можно мне немножко?

Миссис Тоу переглянулась с мужем, потом взяла ложку и плюхнула кусок запеканки на тарелку сына. При виде кашеобразного пюре с вкраплениями моркови, капусты и фарша Тоу задался вопросом, не выглядят ли точно так же и мозги. Он со страхом положил кусочек в рот и растер его языком. Оказалось вкусно: он съел всё, что было на тарелке, и попросил добавки. После ужина мать спросила:

— Ну вот. Тебе понравилось. И не совестно тебе было так бузить из-за пустяка?

— Можно, я погуляю во дворе?

— Погуляй, но только возвращайся сразу, как я тебя позову, время уже позднее.

Тоу промчался через прихожую, захлопнул за собой дверь и сбежал вниз по лестнице, взволнованный и полный сил, которые придавала ему тяжесть в желудке. В теплых лучах вечернего солнца он припал лбом к траве и несколько раз перекувырнулся по зеленому склону,

пока голова у него не закружилась, и тогда он растянулся плашмя на земле, наблюдая, как дом и голубое небо ходят вокруг него ходуном. Тоу всмотрелся между стеблей щавеля и маргариток возле помойки — трехстороннего кирпичного сооружения с мусорными баками внутри. Сквозь заросли травы до него донеслись невнятные голоса, шарканье кованого носка о железное ограждение и грохот поднимаемой крышки мусорного бака. Он сел и прислушался.

Двое мальчишек, чуть постарше Тоу, наклонившись над мусорными баками, вышвыривали оттуда обноски, пустые бутылки, колеса от детских колясок, циновки, а большой мальчуган лет десяти-одиннадцати складывал добычу в мешок. Одному из мальчишек попала шляпа с птичьим крылом. Подражая манерам надменной дамы, он нахлобучил шляпу на голову и спросил:

— Глянь, Боуб, важная я птица, нет?

Старший мальчишка буркнул:

— Ты кончай с этим. Вот увидишь, старухня за нами точно увяжется.

Он перекинул мешок через ограждение на соседний участок, и все трое перелезли туда же. Тоу протиснулся вслед за ними между прутьями и снова залег в траве. Он слышал, как мальчишки пошептались между собой, и старший сказал:

— Нечего на него внимание обращать.

Тоу понимал, что его опасаются, и потому смелее перебрался за ними на следующий участок, хотя и держался на расстоянии. Он вздрогнул, когда старший мальчишка вдруг обернулся к нему и процедил:

— Чего тебе надо, сосунок?

Тоу ответил:

— Я пойду с вами.

Кожа на затылке у него напряглась, сердце колотилось в ребра, однако ведь этот парень в жизни не пробовал того, что съел он. Мальчишка в шляпе сказал:

— Врежь ему хорошенько, Боуб!

Боуб спросил:

— А на кой тебе с нами?

— Потому.

— Почему?

— Нипочему. Просто так.

— Если пойдешь с нами, займешься делом. Будешь собирать книги?

— Угу.

— Тогда пошли.

Теперь все журналы и комиксы поручались Тоу, который быстро наловчился выбирать из мусора что-то стоящее. Они обошли все участки на задворках, везде оставляя за собой разный сор, а из последнего их выгнала женщина, на ходу выкрикивая, запыхавшись, угрозы позвать полицию.

На улице их поджидала девочка лет двенадцати, держась за ручку детской коляски на трех колесах. Она ткнула в сторону Тоу пальцем и спросила:

— Где это вы такое чудо раздобыли?

Боуб со словами «Наплюй на него!» скинул мешок в коляску, и без того набитую до отказа. Оба мальчика

впряглись в нее, накинув на себя веревки, привязанные к передней оси, и все вместе двинулись с места: Боуб с девочкой толкали коляску сзади, а Тоу бежал рядом. Миновали сдвоенные домики с живыми заборами из бирючины; гудевшую за осинами небольшую электростанцию; огороды с грядками салата, похожего на зеленые розы; теплицы, стекла которых сверкали в лучах заката. Проникли через калитку в ржавом заборе и сквозь крапивные дебри начали карабкаться по голубой от шлака дорожке. В воздухе стоял густой запах растений; мальцы кряхтели от натуга: под тяжестью коляски земля, казалось, глухо вибрирует. Добравшись до конца дорожки, они оказались на краю глубокой ложбины. Один ее край запирали двойные ворота из громадных гниющих бревен. Вода сверкающей аркой соскальзывала через них и шумно рушилась вниз, разливалась по ложбине и стекала через открытые ворота в озерцо, окаймленное лилиями и тростником. Тоу сообразил, что это, должно быть канал — опасное запретное место, где тонули дети. Он не отставал от компаньонов, шагая между строениями: вода здесь переплескивалась через край и просачивалась сквозь трещины; на свободном пространстве посередине стоячих прудов, заросших камышами, плескались лебеди. Они перешли через дощатый мост под сенью оглушительно шумевшего мощного водопада. Пересекли каменистую площадку, перешли через еще один мост, и тут издали смутно послышался звук рожка, который словно передразнивал боевой сигнал.

— Пили Уолли, — сказал Боуб.

Они быстро спустились по шлаковой дорожке и вернулись через калитку на улицу.

Тоу увидел, что эта улица — совсем иная. Фасады домов облицованы серым камнем вместо красного, стекла окон на лестничных площадках в трещинах, а то и выбиты; кое-где отсутствовали даже оконные рамы, и прямоугольные проемы до половины заложены кирпичом, чтобы дети не вывалились наружу. Рабочие, забравшие из Риддри (где жил Тоу) железные шипы на военные нужды, здесь сняли все ограждения, и пространство между тротуаром и домом (в Риддри занятое аккуратными садиками) представляло собой утоптанную площадку, на которой карапузы, еще не умеющие ходить, ковыряли землю гнутыми ложками или пускали кусочки дерева по лужам, оставшимся от дождя на прошлой неделе. Посреди улицы в тележке, запряженной осликом, сидел, улыбаясь одними губами, бледный молодой человек с рожком на коленях. В тележке лежали коробки с цветными игрушками, которые можно было получить в обмен на тряпки, бутылки и жестянки из-под джема; и продавца уже окружила толпа детей в картонных сомбреро: они улюлюкали, свистели в свистки и размахивали вертушками и яркими флажками. Заметив Боуба и детскую коляску, продавец закричал:

— Дорогу! Дорогу! Смотрите-ка, кто к нам пожаловал!

Во время торга Тоу с мальцами стояли возле ослика, восторгаясь его кротостью, твердым лбом и белыми волосками внутри ушных раструбов. Тоу заспорил с мальчишкой в шляпе о том, сколько ослику лет.

— Фунт ставлю, он тебя постарше будет! — заявил мальчишка.

— А я ставлю, что нет.

— С чего ты взял?

— А ты с чего взял?

— Пили! — крикнул мальчишка. — Твоему ослику сколько лет?

— Сто! — громко отозвался Пили.

— Ну что, съел? Вышло по-моему! Давай сюда фунт! — Мальчишка протянул ладонь, приговаривая: — Давай плати, живо! Раскошеливайся!

Дети, слышавшие спор, принялись шептаться и хихикать, а кое-кто поманил приятелей подойти ближе. Тоу испуганно промямлил:

— У меня нет фунта.

— Но ты же бился об заклад! Разве нет?

— Точно, бился, — раздались голоса. — Держал пари на целый фунт.

— Давай рассчитывайся.

— Я не верю, будто ослику сто лет, — сказал Тоу.

— Думаешь, больно умный, да? — съязвила худенькая девчурка, а издевательские голоса подхватили: — Мапочка, мамочка, ух, до чего ж я башковитый сынишка!

— И почему башковитый сынишка не верит, будто ослику сто лет?

— Потому что прочитал об этом в ЭНЦИКЛОПЕДИИ, — парировал Тоу.

Читать он до сих пор не научился, но однажды потешил родительское тщеславие тем, что правильно произнес это слово без предварительной тренировки, и

оно запало ему в душу. Использованное для подкрепления лжи, оно произвело немедленный эффект. Кто-то в толпе запрыгал на месте и, хлопая в ладоши над головой, завопил: «Ого, хвастун, хвастун!» — грянул хохот, и насмешки посыпались со всех сторон. Размахивая флажками и дуя в свистки, орава принялась бесноваться и топтать ногами вокруг окаменевшего Тоу, пока губы у него не задрожали, а из левого глаза не выдавилась капля влаги.

— Гляньте-ка! — орали в толпе. — Он и разнюнился! Плакса! Плакса!

— Трус, неженка, нюхни-ка горчички!

— Щенок из Риддри, мигом поджал хвост!

— Катись домой и пожалуйся мамочке!

Вне себя от слепого гнева, Тоу взвизгнул: «Дряни! Мерзкие дряни!» — и бросился бежать по темнеющей улице. За спиной он слышал топот преследователей, похожий на кукареканье, смех Пили Уолли и возгласы Боуба: «Не троньте его! Оставьте его в покое!»

Тоу завернул за угол и побежал по другой улице, мимо равнодушно глазевших на него мужчин и детей, потом пересек небольшой парк с прудом, в котором плескалась вода, и оказался в изрытом канавами переулке, где сбавил скорость, поскольку за ним больше никто не гнался, и всхлипывания его стали реже. Он опустился на обломок каменной кладки и жадно глотал воздух до тех пор, пока не стих бешеный стук сердца.

Перед глазами Тоу через пустую площадку далеко протягивались тени зданий. Цвета сделались оттенками серого с черными прямоугольниками подворотен многоквартирных домов. Небо застлала серовато-сизая

туча, но местами ее разгонял ветер — и сквозь просветы кое-где проглядывал отливающий зеленью закатный небосвод. Через самый обширный просвет пять лебедей летели к нижней части канала или к пруду в городском парке.

Тоу пустился в обратный путь, всхлипывая и утирая слезы со щек. В темноте парка слышался только слабый плеск воды. На улицы опустилась ночь. Тоу радовало отсутствие детей и взрослых, а также компаний подростков, обычно собиравшихся к вечеру на углах. По краям тротуара, на большом расстоянии друг от друга, темнели фонарные столбы. Окна домов зияли чернотой, будто пустые глазницы. Два дальних конца улицы перешли молчаливые дежурные в стальных касках, которые обследовали зашторенные окна в поисках противозаконных полосок света. Темным, неотличимым одна от другой улицам, казалось, конца не будет, и Тоу, отчаявшись добраться домой, сел на обочину и, закрыв лицо руками, громко заревел. В забытии он чувствовал только, как врежется в спину угол тротуара, но вдруг очнулся от глухого шума в ушах. На миг Тоу почудилось, будто мать напевает ему песенку, однако он сообразил, что это шумят водопады. Небо очистилось, взошла поразительная луна. Она была неполной, но светила так ярко, что Тоу сразу увидел через дорогу набережную канала, калитку и шлаковую дорожку. С облегчением, хотя и не без опаски, он подбежал к калитке и стал подниматься по ней: шум потока в ушах у него все нарастал, пока не превратился в настоящий грохот. Внизу, в темной воде, задрожало отражение редких звезд.

Не успел Тоу сойти с моста, как луна, казалось, взвыла — прямо ему в спину. Эта была сирена. Ее

зловещий рев, разносившийся над крышами, угрожал ему, единственному живому здесь существу. Он ринулся по дорожке сквозь крапиву — через калитку, мимо темных огородов. Сирена смолкла, и чуть позже донесся (Тоу слышал его впервые) монотонный металлический гул «грон-грон-грон-грон», а над головой промчались темные тени. Затем раздалось отрывистое буханье, словно какой-то великан колотил кулаками по железному потолку над городом. Световые лучи расширились, потом сузились и зашарили по небу, а между двумя зданиями Тоу увидел, как горизонт запылал от оранжево-алых вспышек. В зареве кружили подобия черных мух. За электростанцией Тоу на бегу врезался головой в живот встречного дежурного.

— Дункан!

Кто-то вскинул Тоу в воздух и основательно встряхнул.

— Где ты был? Где ты был? Где ты был? — бессмысленно повторял дежурный, и Тоу, полный любви и благодарности, вскричал:

— Папочка!

Мистер Тоу подхватил сына под мышку и широкими шагами устремился домой. На ходу Тоу снова слышал металлический гул. Они поднялись по ступенькам к подворотне, и отец поставил Тоу на ноги. Оба стояли в темноте, тяжело дыша, а потом мистер Тоу спросил слабым голосом, который Тоу едва узнал:

— Надеюсь, ты понимаешь, что мы с матерью места себе не находили?

Раздался пронзительный крик, удар — и в лицо Тоу полетели комья грязи.

Наутро из окна гостиной Тоу увидел на противоположной стороне улицы воронку в тротуаре. От взрыва сажа из дымохода просыпалась на пол гостиной, и миссис Тоу занялась уборкой, время от времени отвлекаясь на то, чтобы обсудить с заглядывавшими соседями вчерашний налет. Все соглашались, что могло быть куда хуже, однако на душе у Тоу все равно кошки скребли. На фоне преступных походов в обществе грабителей помоек отказ от еды выглядел сущей ерундой, и наказания он ожидал совершенно неслыханного. Весь день не спуская глаз с матери, он старался подметить что-нибудь особенное в том, как она подметала пол, напевая себе под нос; как задумчиво разгибалась, чтобы слегка передохнуть; как корила его за тупость, пытаясь научить узнавать время по циферблату, — но в конце концов уверился, что наказывать его не собираются, и от этого ему стало не по себе. Тоу боялся боли, однако заслуживал ее — и вот на тебе... Дом, куда он вернулся, стал другим.

Глава 13 Хостел

В доме назревали перемены. Смутно ощущалась некая безотлагательность; по ночам, лежа в постели, Тоу слышал споры вполголоса: что-то готовилось. Возвращаясь домой с лужайки приятеля, Тоу застрял между прутьями ограждения. Чтобы его выволить, родители смазали ему уши маслом и стали тянуть его за ноги — каждый за одну, непрерывно при этом смеясь. Освободившись, Тоу кинулся с ревом на траву, но они щекотали ему под мышками, напевая: «Идет коза рогатая», пока он не выдержал и расхохотался. И вот настал день, когда все жители спустились по лестнице вниз, а дом заперли на замок. На руках у матери была его сестра Рут, отец нес какую-то поклажу; с плеча у Тоу свисала перехваченная лямкой картонная коробка с противоголозом. Все направились к школе по боковым переулкам, залитым солнцем и полным птичьего щебета. Недовольные мамы собрались на площадке для игр, маленькие дети жались к их ногам. Отцы выражали недовольство громче, дети постарше несмело принимались куролесить.

Тоу заскучал и направился к ограде. Он решил, что они едут на отдых, а это значило — к морю. С края высокой площадки для игр он смотрел вдаль: там, за каналом и домами Блэкхилла виднелись холмы с впадиной посередине. Позади него — за низиной, полной крыш и дымовых труб, тоже вырисовывались холмы. Эти холмы казались ближе и зеленее и вырисовывались так отчетливо, что сквозь стволы деревьев, росших подобием живой изгороди на мягко изогнутой линии верхушек, просвечивало небо. Тоу пришла в голову мысль, что море

расстиляется именно там: если оказаться под теми деревьями на вершине холма, то внизу будут искриться серые волны. Тоу окликнула мать, и он медленно поплелся к ней, делая вид, что не слышал зова, а идет обратно сам по себе. Мать поправила на нем лямку от противогаза, которая съехала с воротника и врезалась в шею; пока она резкими движениями одергивала куртку у него на плечах, голова Тоу болталась из стороны в сторону.

— А море там, позади?

— Позади чего?

— Позади вон тех деревьев.

— С чего ты взял? Там Кэткин-Брэс. За холмами только поля и фермы. Потом Англия.

Искрящиеся серые волны представились Тоу так живо, что разуверяться не хотелось. В его воображении боролись две картины, пока поля и фермы не затопило приливом. Тоу показал пальцем на Блэкхилл и спросил:

— Море там?

— Нет, там Лох-Ломонд и горы.

Миссис Тоу бросила прихорашивать Тоу, вскинула Рут на левую руку, выпрямилась и, посмотрев в сторону Кэткин-Брэс, задумчиво проговорила:

— Когда я была маленькой, эти деревья напоминали мне караван, бредущий на горизонте.

— Что такое караван?

— Вереница верблюдов. В Аравии.

— А что такое вереница?

Неожиданно на площадке для игр появились красные одноэтажные автобусы — и все собравшиеся, за исключением отцов, расселись по ним. Родители Тоу помахали друг другу через окно, и после долгой задержки автобусы двинулись с места и покатали по Камбернолд-роуд.

Потянулись смутные разорванные часы, когда автобусы неслись в темноте по неразличимой местности: Тоу сидел рядом с матерью, а она держала Рут на коленях. Освещение в автобусах было всегда скудным из-за того, что окна затемняли шторы из сине-голубой клеенки, чтобы никто не выглядывал наружу. Таких поездок, вероятно, насчитывалось немало, но в памяти у Тоу они слились в одно, длившееся месяцами ночное путешествие с голодными, измученными людьми; впрочем, равномерное движение вперед прерывалось неотчетливым пребыванием в каких-то непонятных местах: внутри деревянной церкви, в комнате над портновской мастерской, в кухне с каменным полом, по которому ползали тараканы. Спать случалось на непривычных постелях, где перехватывало дыхание, и Тоу просыпался с криком ужаса: ему казалось, что он уже умер. От долгого сидения он натер себе мошонку до крови, и автобус заехал в Королевский лазарет, где седые профессора, осмотрев промежность, смазали ее жгучей коричневой мазью, которая пахла дегтем. Автобус всегда был набит до отказа; Рут хныкала, мать изнемогала от усталости, а Тоу — от скуки; только однажды с места вскочил какой-то подвыпивший мужчина и привел всех в замешательство, предложив хором затянуть песню. Однажды вечером автобус остановился, все пассажиры из него вышли, а навстречу Тоу шагнул отец, сопроводивший семью на судно. Все

вместе они стояли в темноте возле воронкообразной трубы, источавшей приятное тепло. Между аспидно-черными тучами и беспокойным аспидно-синеватым морем властвовал холод. Волны плескались о риф, протянувшийся подобно длинному черному бревну, на одном конце которого железный треножник вздымал горящий желтый шар. Судно двинулось в открытое море.

Они поселились в одноэтажном домике посреди низких зданий из бетона, где обитали рабочие с фабрики, выпускавшей снаряжение для армии. При хостеле имелись столовая, кинотеатр и больница, а вся территория, расположенная между морским побережьем и вересковыми полями, была обнесена высоким заграждением из колючей проволоки; входные ворота на ночь запирались. Каждое утро Тоу и Рут отвозили в машине по дороге, идущей вдоль побережья, в сельскую школу. В школе было две классных комнаты, на кухне деревенская домохозяйка готовила безвкусную еду. Со старшими учениками занимался директор Макрей, с младшими — женщина, которую звали Ингрэм. Все ученики, кроме детей, эвакуированных из Глазго, были детьми арендаторов небольших ферм.

При первом появлении Тоу в школе мальчишки, толкаясь, старались подсесть к нему поближе, а на площадке для игр сгрудились вокруг него и забросали вопросами, откуда он и чем занимается его отец. Сначала Тоу отвечал честно, но потом принялся лгать, желая поддержать в слушателях интерес. Он заявил, что говорит на нескольких языках, однако в доказательство сумел сказать только одно слово — французское «oui» вместо «да». Большая часть мальчишек тут же разбежалась, а на следующий день его аудиторию

составили лишь двое. Чтобы удержать хотя бы этих, Тоу вызвался показать им территорию хостела; тогда к нему втроем-вчетвером стали подходить и другие мальчишки с просьбой взять их тоже. Отказавшись поехать домой в машине вместе с Рут, Тоу потащился по дороге вдоль берега во главе компании из тридцати или сорока человек, которые весело перешучивались между собой и не обращали на него почти никакого внимания, лишь изредка задавая тот или иной вопрос. Тоу это не задевало. Ему хотелось казаться загадочной фигурой — не имеющим возраста, обладающим диковинной властью, но он натер себе мозоли, опаздывал к чаю боялся выговора за приглашение такой оравы. Так оно и вышло. Впустить его спутников сторож отказался наотрез. Чего ради им было тащиться за ним две мили, да еще к тому же пропустить чай? Хотя Тоу еще долго не отставал от рассерженных мальчишек, бормоча извинения, они ничего не желали слушать, а кое-кто из детей эвакуированных начал швырять в него камни. Тоу побежал обратно к хостелу, где его ожидали холодный ужин и головомойка за «бахвальство».

На следующее утро Тоу притворился больным, но, к несчастью, симптомы астмы и воспаление в промежности особых опасений не вызывали, и в школу идти все-таки пришлось. Никто его не замечал, и на перемене он нервно забился в самый дальний угол площадки. Когда после перемены ученики гурьбой столпились у дверей классной комнаты, мальчишка из семьи эвакуированных, по имени Коултер, толкнул его в бок. Тоу дал сдачи. Коултер пихнул Тоу под ребра, Тоу ответил тем же, и Коултер процедил сквозь зубы:

— Поговорим после уроков.

— После уроков отец велел мне сразу домой.

— Ладно. Завтра увидимся.

За столом Тоу отодвинул тарелку от себя:

— У меня болит.

— На больного ты не похож, — заметила миссис Тоу. — Где у тебя болит?

— Везде.

— А как болит?

— Не знаю, но в школу завтра я не пойду.

— Разберись с этим ты, Дункан, — обратилась миссис Тоу к мужу. — Мне не под силу.

Мистер Тоу отвел сына в спальню и произнес:

— Дункан, ты что-то от нас скрываешь.

Тоу залился слезами и рассказал, в чем дело. Отец, прижав его к груди, спросил:

— Он больше тебя?

— Да. — (Это было неправдой.)

— Гораздо больше?

— Не очень, — поборовшись с совестью, признался Тоу.

— Хочешь, я попрошу мистера Макрея, чтобы он запретил тебя бить?

— Нет. — Тоу хотел одного: не идти в школу.

— Я знал, что ты так скажешь, Дункан. Дункан, тебе придется подраться с этим мальчишкой. Если ты сейчас начнешь уваливать, то никогда не научишься смотреть жизни в лицо. Я покажу тебе, как надо драться

— это нетрудно: нужно только левой рукой прикрывать нос...

Отец втолковывал Тоу правила драки до тех пор, пока ему не стала чудиться картина победы над Коултером. Вечер Тоу провел, отрабатывая различные приемы. Поначалу он боксировал с отцом, но наличие реального противника не оставляло места для фантазии, поэтому он потренировался с подушкой и после плотного ужина отправился спать со спокойной душой. Утром спокойствия у него убавилось, и завтракал он, не проронив ни слова. Миссис Тоу поцеловала его на прощание и сказала:

— Не волнуйся. Ты надаешь ему по башке, вот увидишь.

Она ободряюще помахала вслед двинувшейся машине.

Утром на площадке для игр Тоу одиноко забился в угол, боязливо ожидая, когда к нему подойдет Коултер, который играл с друзьями в футбол. Стал накрапывать дождь, и ученики мало-помалу сгрудились под навесом на углу здания. Тоу присоединился к ним последним. Помертвев от ужаса, он приблизился к Коултеру, показал ему язык и ткнул в плечо. Оба тут же принялись драться — неумело, как все малолетки: молотя руками и стараясь лягнуть противника в лодыжку; потом, сцепившись, упали на землю. Тоу оказался внизу, однако Коултер ударился носом об его лоб: в крови выпачкались и тот и другой — и, посчитав себя ранеными, оба ослабили хватку и в страхе вскочили на ноги. Теперь, несмотря на подначивание своих сторонников (Тоу с удивлением обнаружил у себя за спиной подбадривавшую его ватагу), драчуны довольствовались оскорбительными

выкриками до тех пор, пока не появилась мисс Ингрэм и не отвела их к директору. Дородный, с лицом розового поросенка, мистер Макрей провозгласил:

— Так, отлично. Из-за чего у вас произошла потасовка?

Тоу скороговоркой пустился в объяснения, то и дело спотыкаясь и судорожно сглатывая, и умолк, только когда почувствовал, что к горлу подступают рыдания. Коултер не проронил ни слова. Мистер Макрей вынул из стола двухвостый ремень и приказал им протянуть руки.

Подчинившись, оба по очереди содрогнулись от адски жгучего первого удара. Мистер Макрей приговаривал: «Так, еще! Еще! Еще!» — а под конец объявил:

— Если только я хоть раз услышу, что вы опять подрались, то угощения получите больше, гораздо больше. Идите в класс.

Пряча искаженные гримасой лица и посасывая увечные руки, Тоу и Коултер поплелись к соседней двери. В то утро мисс Ингрэм больше не давала им никаких заданий.

После этой драки перерывы между уроками наводили на Тоу не столько страх, сколько скуку. Обычно он забивался в пустующий угол площадки с мальчишкой по имени Макласки, который не играл с другими мальчишками из-за своего слабоумия. Тоу рассказывал ему длинные истории, где он выступал героем, а Макласки помогал ему изображать в лицах годные для этого эпизоды. Жизнь Тоу начала разрисовываться воображением. С сестрой они спали в смежных комнатах, и по вечерам Тоу через дверной проем развешивал

перед ней нескончаемые повествования, полные приключений на фоне ландшафтов, вычитанных им за день из книг. Время от времени он прерывал рассказ вопросами: «Ты еще не спишь? Продолжать?» — а Рут отвечала: «Нет, Дункан, не сплю, пожалуйста, продолжай», но в конце концов все-таки засыпала. На следующий вечер она обращалась к Тоу с просьбой:

— Расскажи дальше, Дункан.

— Ладно. А на чем я вчера остановился?

— Они... они высадились на Венере.

— Да нет. Они перебрались с Венеры на Меркурий.

— Я... я этого не помню, Дункан.

— Конечно, не помнишь. Заснула. Знаешь, я не стану тебе ничего рассказывать, раз ты не желаешь слушать.

— Но я не могла удержаться, Дункан, и уснула.

— Тогда почему не предупредила, что засыпаешь? Чего ради я сам себе все это рассказывал?

Еще немного попугав сестру, Тоу возобновлял рассказ, к которому каждый день подолгу готовился.

Он запугивал Рут и на другой лад. Ей запрещалось играть с мячом в комнате. Однажды Тоу поймал ее на этом и неделями изводил угрозами доложить обо всем матери. Как-то миссис Тоу обвинила детей в том, что они воруют сахар из буфета в гостиной. Оба отнекивались, а потом Рут сказала брату:

— Это ты стащил сахар.

— Я, — согласился Тоу. — Но если ты наябедничаешь маме, что я сознался, я обзову тебя лгуньей, и она не будет знать, кому верить.

Рут немедленно пожаловалась матери, Тоу обозвал сестру лгуньей, и миссис Тоу не знала, кому верить.

В первые же недели занятий Тоу старательно приглядывался к девочкам, выбирая, с кем делить воображаемые приключения, однако все они слишком явно были сделаны из того же грубого теста, что и он сам. Почти год он вменял себе в обязанность любовь к мисс Ингрэм: она не была лишена привлекательности, а ее полномочия некоторым образом ее возвышали. Но потом, зайдя в сельский магазин, Тоу увидел в окне плакат с рекламой липучих подошв «Амазонка». На плакате была изображена блондинка в скупых древнегреческих доспехах — с копьем, щитом и шлемом на голове. Наверху красовалась надпись «КРАСОТА И С Т О Й К О С Т Ь», и в сравнении с обворожительно-печальной блондинкой мисс Ингрэм стала казаться заурядностью. В перерывах на обед Тоу шел к магазину и рассматривал блондинку секунд десять. Он понимал, что если вглядываться слишком часто и чересчур пристально, то даже она может превратиться в заурядность.

Глава 14 Бен-Руа

Мистер Тоу хотел душевной близости с сыном, и он любил разнообразные занятия на свежем воздухе. Недалеко от хостела были красивые горы — ближайшая, Бен-Руа, чуть больше полутора тысяч футов высотой: для необременительных экскурсий отец купил Тоу крепкие альпинистские ботинки. Вышла незадача: Тоу упорно держался за свои сандалии.

— Мне нравится шевелить пальцами, — объяснил он.

— Что ты мелешь?

— Мне плохо, когда ноги закованы в кожаные кандалы. Они там мертвеют. И лодыжки не сгибаются.

— Да к чему тебе их сгибать? Если поскользнешься — растянуть лодыжку легче легкого. А эти ботинки изготовлены специально, чтобы поддерживать лодыжки: стоит одному шипу закрепиться, ботинок удержит и лодыжку, и ногу, и все тело.

— Меньше устойчивости, зато быстрее движешься.

— Понятно. Понятно. Альпинисты уже сто лет совершают восхождения на Альпы, Гималаи и Грампианские горы в ботинках с шипами. Похоже, они в этом кое-что смыслят. Но нет: Дункан Тоу знает лучше. Им следовало бы пользоваться сандалиями.

— Им, может, сандалии не подходят, а мне они в самый раз.

— О господи! — закричал мистер Тоу. — Что за диво я породил на свет? Чем я такое заслужил? Если бы мы жили, руководствуясь только собственным опытом, то

не было бы ни науки, ни цивилизации, ни прогресса! Человек развивается благодаря способности учиться у других, а эти ботинки, между прочим, обошлись мне в четыре фунта и восемь шиллингов.

— Не было бы никакой науки, цивилизации и всего прочего, если бы все только подражали друг другу, — возразил Тоу.

Пререкания кончились тем, что мистер Тоу вышел из себя, Тоу закатил истерику, и его окунули в холодную ванну. Ботинки хранились в шкафу и достались Рут, когда она подросла. Лазить по горам отец Тоу больше не предлагал.

Однажды летним днем Тоу быстро шагал по прибрежной дороге до тех пор, пока территория хостела не скрылась за зеленым мысом. Стоял солнечный полдень. Облака были раскиданы по небу, словно белоснежные сорочки по голубому полу. Тоу сбежал с дороги вниз по склону к морю; ноги его с хрустом тонули в гальке и мелких раковинах. Уверенный в себе, Тоу был полон решимости: сейчас он читал книгу «Юный натуралист» и намеревался заносить на бумагу свои наблюдения, если попадет что-то интересное. Галечник сменился отлогой каменистой полосой с большими валунами и стоячими лужицами между ними. Тоу присел на корточки возле одной, размером с суповую тарелку, и, сдвинув брови, внимательно вгляделся. Под кристально-прозрачной водой лежали три голыша, актиния цвета сырой печенки, пучок зеленых водорослей и несколько моллюсков. Окраска моллюсков была оливковой и тускло-пурпурной; Тоу решил, что подметил склонность бледных моллюсков располагаться по краям лужицы, а темных — посередине. Вытащив из кармана

блокнот и карандаш, он зарисовал на первой чистой странице расположение моллюсков, на обороте проставил дату и, поразмыслив, добавил следующую надпись:

ЫВИЛСУРТ ИКСЮЛЛОМ ЕЫНРУПРУП

До публикации свои открытия ему хотелось держать в зашифрованном виде. Сунув блокнот в карман, Тоу побрел к прибрежной песчаной полосе, на которую накатывались сверкающие волны. Утомленный деятельностью естествоиспытателя, он подобрал выброшенную на берег корягу и принялся чертить на песке план замка. Замок имел сложнейшее устройство — со множеством тайных выходов, с подземными темницами и камерами пыток.

За спиной у Тоу раздался чей-то голос:

— И что это такое будет?

Тоу обернулся и увидел Коултера. Стиснув в руке корягу, он пробормотал:

— Да так, кое-какой план.

Коултер обошел вокруг чертежа и поинтересовался:

— План чего?

— Просто план.

— Ну что ж, наверное, умно делаешь, что мне не рассказываешь. Кто его знает, может, я — немецкий шпион.

— Какой из тебя немецкий шпион?

— Почему бы нет?

— Мал еще!

— А может, немцы придумали секретную жидкость, которая не дает взрослеть, и обычным с виду мальчишкам на самом деле лет двадцать — тридцать, и может, меня высадили сюда с подводной лодки, и я только прикидываюсь эвакуированным, а на самом деле все это время шпионю на территории хостела, которым заведует твой папаша.

Тоу впился взглядом в Коултера, который, расставив ноги и засунув руки в карманы, тоже смотрел на него в упор.

— Так ты что, вправду немецкий шпион?

— Да.

Коултер произнес это с таким безразличным видом, что все сомнения, вправду ли он немецкий шпион, у Тоу развеялись. И одновременно, сам того не заметив, он перестал Коултера бояться.

— Если на то пошло, то я — британский шпион, — объявил Тоу.

— Брось.

— Точно.

— Докажи.

— Докажи ты, что ты — немецкий шпион.

— Не хочу. Я докажу — а из-за тебя меня арестуют и повесят.

Тоу не нашелся с ответом. Он призадумался, как заставить Коултера поверить, что он — британский шпион, но Коултер спросил:

— Ты из Глазго?

— Да!

— Я тоже.

— Из какого места?

— Из Гарнгэда. А ты откуда?

— Из Риддри.

— Хм! Это совсем рядом. И Гарнгэд, и Риддри расположены у канала.

Коултер снова всмотрелся в чертеж и спросил:

— Это план какого-то укрытия?

— Ну... вроде того.

— Я знаю несколько шикарных укрытий...

— Я тоже! — поспешно перебил Тоу. — У меня есть укрытие внутри...

— А у меня укрытие в настоящей тайной пещере! — заявил Коултер с торжеством.

Тоу подавленно замолчал и после паузы продолжил:

— А мое укрытие находится внутри куста. Снаружи — куст как куст, ничего особенного, зато внутри пусто. Куст стоит у дороги к хостелу, можно в нем затаиться и понаблюдать за этими дурами девчонками с фабрики, что идут мимо и ни о чем не подозревают. Сложность в том, — добавил он неохотно, не желая скрывать истину, — сложность в том, что дождь проникает внутрь.

— Вечная морока с этими укрытиями, — откликнулся Коултер. — Либо они тайные — и пропускают дождь, либо незамаскированные — и тогда в

них сухо. Моя пещера от дождя хорошо защищает, но в прошлый раз, когда я там был, везде на полу валялась грязная солома. Наверное, жестянки попользовались. Можно обзавестись просторной пещерой — вот только помощника бы найти.

— А как?

— Обещай, что никому не скажешь.

— Могила.

— Это возле гостиницы.

Они выбрались с побережья на дорогу и, дружески болтая, зашагали вперед.

Не дойдя до деревни, Тоу и Коултер свернули на крутую дорожку, которая вела к высоким чугунным воротам гостиницы «Кинлохруа», окруженной тисами. Возле гостиницы дорожка сужалась и превращалась в тропку, наполовину заросшую папоротником-орляком. Прихотливо извиваясь, она вела их между валунами сквозь кустарник все выше и выше. Там Коултер остановился и победным голосом провозгласил:

— Здесь!

Они стояли на краю оврага, по которому протекал ручей. Овраг использовали как свалку, и там валялись целые груды консервных банок, битой посуды, шлака и гниющего тряпья. Тоу оглядел все это с довольным видом и сказал:

— Ага, тут для укрытия много чего найдется.

— Давай сначала натаскаем жестяных коробок, какие побольше, — предложил Коултер.

С трудом пробираясь по кучам мусора, они выискали подходящие строительные материалы и перенесли их на ровную площадку между двумя высокими скалами. Стены укрытия они соорудили из канистр для бензина, а крышей послужил кусок линолеума, уложенный на деревянные перекладины. Затыкая дыры мешковиной. Тоу услышал шаги и огляделся. Слева, с холма, по пояс в зарослях, спускался пастух, который их поприветствовал.

Тоу замедлил работу. До того он восторженно болтал без остановки, теперь замолк и на вопросы отвечал односложно. Наконец Коултер бросил на землю кусок трубы, который старался приладить в качестве дымохода, и спросил:

— Что это с тобой стряслось?

— Это не укрытие. Рядом тропинка. Увидят все кому не лень. Все без толку.

Коултер смерил Тоу взглядом, потом содрал кусок линолеума, служивший крышей, и зашвырнул его далеко в овраг.

— Ты что делаешь? — завопил Тоу.

— Все без толку? Ты сам сказал! Значит, долой!

Коултер обрушил стены и пинками погнал канистры в сторону оврага. Тоу молча следил за ним, пока от укрытия не осталось ничего, кроме нескольких перекладин; издали слышалось звяканье катившихся по склону оврага канистр. Потом сказал:

— Не стоило этого делать. Можно было замаскировать укрытие ветками — и ничего не было бы видно.

Коултер, продравшись сквозь кустарник, выбрался на тропку и начал по ней спускаться. Пройдя несколько шагов, он обернулся и выкрикнул:

— Ублюдок! Ублюдок поганый!

— Сам ублюдок! Мразь вонючая!

— А ты рожа, говнюк хренов! — проорал Коултер и исчез за деревьями.

Мрачно размышляя о бывшем укрытии — совсем неплохом, Тоу побрел в противоположную сторону.

В ложбину, возле самой горловины, укрытой листвой, с шумом и клекотом, по валунам, стекали все потоки с торфяников, но Тоу, не слыша пения черных дроздов, мало что замечал вокруг себя. Его мысли избрали приятное направление. Лицо его попеременно выражало то суровость, то насмешливость, то оживление; время от времени он повелительно взмахивал рукой, а один раз с сардонической улыбкой процедил: «Прошу прощения, мадам, но вы, по-видимому, не вполне осознаете ситуацию, в которой оказались. Вы — моя пленница».

Тоу не сразу заметил, что ложбина осталась далеко позади, а безмолвие открывшейся перед ним вересковой пустоши внушало беспокойство, и никакие мечтания не могли его потеснить. Слышалось только журчание прозрачных ручейков — шириной в ладонь, зажигающихся золотом там, куда падал солнечный луч. Местами вереск перекинул через них свои побеги и пустил корешки; вслед за мелодичным журчанием можно было подняться по неровному пурпурно-зеленому ковру к глыбистой Бен-Руа. Тоу вдруг увидел себя сверху: крошечное пятнышко, перемещавшееся по пустоши,

словно вошь по одеялу. Тоу остановился и вгляделся в гору. На зеленовато-серой вершине ему померещилась чья-то продолговато-белая фигура, которая, казалось, двигалась и жестикулировала, хотя эти движения могли быть и оптическим обманом, вызванным колыханием теплого воздуха между ним и вершиной горы. Тоу вообразил, будто это машет и манит к себе женщина в белом платье. Ему даже представилось ее лицо — лицо девушки с рекламного плаката липучих подошв. Он немедленно поверил, что далекая женщина делает призывные знаки ему, — не то чтобы совсем поверил, но все же... Взбираться на гору он и не собирался, а просто решил: «Дойду-ка вот до этого изгиба ручейка», потом: «Дойду вон до той скалы». Поднявшись на холм, Тоу видел за ним другой, повыше, и гора становилась все ближе. Временами он замирал на месте, прислушиваясь к доносившимся с разных сторон неясным звукам: то ли овцы стучали копытами о камень, то ли поспешно удирал кролик, то ли просто в его барабанной перепонке гудела кровь. С пьедесталов, которые Тоу одолевал, вершина Руа казалась пустой, но в сердце у него кольнуло, когда он вновь завидел на ней колыхавшуюся белую фигуру. Он приблизился к склону горы вплотную, и вершина ее исчезла из виду.

Нижняя часть склона состояла преимущественно из полос гранита: расположенные вровень с вересковыми зарослями, они походили на растрескавшуюся мостовую заброшенного города. Дальше вереск сменился мягким дерном, где трещали кузнечики и росли цветы не выше дюйма с бутончиками наподобие булавочных головок. Тоу захотелось пить, и он задержался у небольшой впадины, сохранявшей влагу от дождя, прошедшего неделю назад. Губами он ощутил твердость гранита, а на

языке остался теплый кисловатый вкус. Крутые выступы поросли дерном. Около получаса Тоу карабкался вверх ползком при помощи рук и ног, протискиваясь через извилистые трещины, преодолевая узкие провалы, и, лежа навзничь на выступах в тени вершины, давал себе передышку, пока не высыхала взмокшая от пота рубашка. Наверху до него доносились звуки, которые нельзя было услышать на пустоши: лай собаки на какой-то ферме, хлопанье дверей в хостеле, песня жаворонка над полем за деревней, крики детворы на берегу и плеск морского прибоя. В голове у Тоу уживались два различных представления: душу тихо грела мысль, что на вершине его поджидает робкая и страстная блондинка в белом платье; слегка расхолаживало и сознание того, что такая встреча маловероятна, а вся польза от предпринятой затеи в том, чтобы размяться и посмотреть вокруг с верхотуры. Оба представления друг другу не противоречили: Тоу спокойно предавался им поочередно, однако, когда он разогнулся для последнего подъема, мысль о девушке перевешивала всё.

Теперь Тоу предстояло взобраться на гранитную скалу, раза в четыре превышавшую его рост, по крутому отвесному склону. Страх перед высотой обострял взбудораженное чувство опасности. Гранитная поверхность откоса, разрушенная временем, была усеяна мелким гравием, и от каждого его движения вниз с шумом осыпался дождь мелких камешков, летя в пространстве за краем уступа. Постепенно опора под ногами сузилась до нескольких дюймов. Тоу, прижавшись грудью к граниту, привстал на цыпочки и вытянутыми руками зацепился за выступ возле самой вершины. «Черт, черт, черт», — огорченно бормотал он, глядя на

край темной скалы, за которым белел клочок облака. Вдруг над этим краем показалось чье-то лицо, и Тоу ощутил на себе внимательный взгляд. Лицо было круглым, в морщинах, мало отличимое от женского, однако от его внезапного появления Тоу чуть не сорвался вниз. Не сразу, но он узнал мистера Макфедрона, деревенского священника. Мистер Макфедрон спросил:

— Ты что, застрял?

— Нет, могу спуститься обратно.

— Хорошо. Наверх лучше всего взбираться с другой стороны. Погоди секундочку.

Лицо исчезло, и вместо него Тоу увидел протянутую к нему какую-то черную палку с закорючкой на конце. Это была ручка зонтика. Сглотнув тошнотный страх, подступивший к горлу, Тоу ухватился за ручку левой рукой и потянул на себя. Ручка не поддалась. Укрепив носок сандалии в небольшой выемке, он покрепче ухватит ручку, подтянулся изо всей силы, и сильная рука втащила его на вершину. Тоу сел и сказал:

— Спасибо.

Вершина горы представляла собой наклонную скалистую площадку размером с комнату: один ее конец был выше другого. Там стоял приземистый бетонный столб, напоминавший крутую пирамиду со срезанной верхушкой. Не без горечи Тоу убедился, что именно этот столб он и принимал за манящую к себе женскую фигуру в белом. Священник — суховатый лысый человек в мятом черном облачении — сидел с выпрямленной спиной, будто в кресле, свесив ноги с

обрыва и упершись кулаками в бедра. Зонтик лежал у него за спиной. Обернувшись к Тоу, он сказал:

— Если отдышался, осмотрись по сторонам.

Тоу поднялся на ноги. Внизу расстилалась вересковая пустошь с белыми точками пасшихся на ней овец, виднелись лощины, заросшие кустарником, а вдалеке зеленела полоска морского побережья. Деревня пряталась за деревьями, но ее расположение легко было определить по крышам хостела среди хвойных верхушек и по оконечности мола, выдвинутого в Атлантику. Налево, между берегом и белой дорогой, аккуратные прямоугольные здания хостела напоминали фигурки на шахматной доске, по ровным дорожкам сновали крошечные человечки. Еще дальше дорога — по ней, словно насекомое, двигался автобус — поворачивала от побережья к поросшему вереском простору с небольшими озерами и серо-голубыми горами, уходившими рядами вдаль подобно волнам каменного моря. Поверхность океана, однако, своим гладким блеском напоминала слегка измятый шелк. Океан простирался к темным горным вершинам острова Скай на горизонте, а солнце висело над ними на уровне самого Тоу. Отуманенное оранжевой дымкой, оно выбрасывало из середины золотые снопы света. Тоу смотрел на солнце с несчастным видом. Именно священника он старался избегать. По приезде в хостел мать, ходившая в церковь, отправила его в воскресную школу, которую доктор Макфедрон вел по окончании утренней службы. Ожидалось, что Тоу будет петь короткие гимны и делать рисунки к библейским сюжетам; вместо того ему было велено выучить наизусть катехизис с тем, чтобы на вопрос доктора Макфедрона вроде: «Почему Бог создал человека?» — Тоу мог, например, ответить: «Бог создал

человека, чтобы тот прославлял Его имя и вечно наслаждался Его творениями». После первого же занятия Тоу расхотелось посещать воскресную школу, и отец, бывший атеистом, сказал, что и не надо, раз ему там не нравится. Позже Тоу несколько раз слышал, как родители обсуждали священника. Мать заявила, что в его проповедях слишком много ада. Она видела пользу от церкви в том, что та возвышает человека и дает ему надежду, однако в ад не верила и считала, что пугать им детей незачем. Мистер Тоу заявил: не вижу оснований, почему бы людям не верить в то, во что им хочется, а Макфедрон принадлежит к типу священников, слишком распространенному в горной Шотландии и на близлежащих островах: это рьяные фанатики, обрекающие на муки преисподней всех, кто отвергает их узкие взгляды.

Стараясь скрыть замешательство, Тоу повернулся к столбу и стал пристально его изучать.

— Тебе интересно, что это такое, правда? — слышался негромкий, но отчетливый голос священника.

— Да.

— Это триангуляционный пункт. Ты все еще в списке учеников моей воскресной школы. Что, вычеркнуть тебя оттуда?

Тоу хмуро поводит пальцем вокруг странного углубления на верхушке столба. Священник пояснил:

— Сюда картографы ставят свой инструмент. Я заметил, вы с матерью больше не приходите в церковь. Почему?

— Отец сказал, если в смысле образования я там ничего не получаю, то могу не ходить, раз мне не нравится, — проямлил Тоу.

Священник сочувственно хмыкнул:

— Восхищаюсь твоим отцом. Его понятие об образовании всеобъемлюще, исключая только смысл жизни и людскую судьбу. Ты веришь во Вседержителя?

— Не знаю, — набрался храбрости Тоу. — Но в ад не верю.

Священник снова засмеялся:

— Когда вот поднаберешься жизненного опыта, то, может, это твое неверие и убавится. Ты из Глазго?

— Да.

— Я шесть лет учился там богословию. И получил о преисподней наглядное представление.

Издали до их слуха донесся приглушенный взрыв. Из впадины на торфяниках вверх поднялось белое облачко и скоро исчезло, разорванное на клочья ветром. Эхо бегло прокатилось между гор и затихло в дальних лощинах.

— М-да, — произнес священник. — Это проводят испытания боеприпасов с фабрики. Страну следует уберечь любой адской ценой.

В Тоу закипел подавленный гнев. Он впился зубами в дивный полуденный плод и обломал их о жесткую сердцевину пустых словес.

— Я, пожалуй, домой пойду, — пробормотал он.

— Ага-ага, — поддакнул священник. — Время не детское, малышу давно пора баиньки.

Он встал и повел Тоу с вершины по спускавшимся вниз обширным гранитным уступам, напоминавшим широкие ступени гигантской лестницы: священник ловко прыгал с одного на другой, в затруднительных случаях поддерживая равновесие с помощью зонтика. Тоу угрюмо, без лишней спешки, следовал за ним. На более пологих, поросших травой участках Тоу начал понемногу отставать, а когда священник скрылся из виду за одним из крупных валунов, свернул налево, кое-как перекарабкался на противоположный склон и, убедившись, что окончательно оторвался от спутника, направился в сторону хостела.

К тому времени, когда Тоу выбрался на дорогу, солнце уже село и землю окутали сумерки, однако небо еще переливалось разными цветами. Прихрамывая на твердом гудроне, он пошел по прямой дорожке к домику управляющего. Мать, сидя на складном стульчике посреди газона, вязала. Отец, не слишком усердно, с помощью лопаты удалял сорняки с клумбы поблизости. Завидев сына, миссис Тоу укоризненно произнесла:

— А мы уже начали о тебе беспокоиться.

Тоу сначала собирался умолчать о своем восхождении, которое совершил в сандалиях, но, стоя между родителями, не удержался:

— Спорим, что не угадаете, где я был!

— Так-так, ну и где же?

— Вон там!

За низкими ровными крышами домов хостела Руа казалась черным клином, вбитым в зеленовато-округлое

небо. Между перистыми кроваво-алыми облачками тихо мигали звезды.

— Ты был на Бен-Руа?

— Ну.

— Один?

— Угу.

— Но ведь это опасно, Дункан, — мягко проговорила мать.

Отец взглянул на его сандалии и заметил:

— Если соберешься пойти снова, то сначала кого-нибудь предупреди, чтобы мы знали, где тебя искать в случае чего. Но сейчас мы тебя не упрекаем, не упрекаем — нет-нет.

Глава 15 Норма

Семейство Тоу возвратилось в Глазго в последний год войны. Прибыли они туда поздним вечером, когда моросил мелкий дождь; взяли у вокзала такси и, забравшись внутрь, ехали молча. Тоу следил за чередой пустынных улиц, освещенных призрачно-тусклым светом фонарей. Когда-то Глазго состоял для него из жилого дома, школы и отрезка канала; теперь это был громадный мрачный лабиринт, из которого и за год не выбраться. В квартире было холодно, всюду царил беспорядок. Во время войны здесь жили чужие люди; постельные принадлежности и настенные украшения хранились под замком в дальней спальне. Пока родители распаковывали и раскладывали вещи, Тоу перелистал свои старые книжки: они показались ему скучными и ребяческими.

— А скоро мы войдем в норму? — спросил он у матери, вытиравшей пыль.

— Что ты понимаешь под нормой?

— Ну, устроимся.

— Недели через две.

Тоу пошел в гостиную, где отец просматривал письма, и повторил вопрос:

— А сколько нам понадобится, чтобы войти в норму?

— Если повезет, месяца два-три.

Эти месяцы мистер Тоу провел за своим бюро в гостиной, печатая письма. С каждой почтой приходили ответы с грифом наверху листа, и он отдавал их Тоу,

который рисовал на чистой оборотной стороне. Тоу часами просиживал за своим крошечным столом в дальней спальне, в халате и шапочке деда. Он редко интересовался текстом писем, но однажды его внимание привлекло название фабрики, на которой его отец работал до войны. В письме говорилось:

Как-то за обедом мистер Тоу сообщил жене:

— Утром я прошелся пешком до Хогганфилда. Там, согласно новому жилищному плану, строят водохранилище. — Он проглотил кусок и добавил: — Я сделал запрос и получил работу. Выхожу завтра.

— А что нужно делать?

— Стены водохранилища возводятся из бетона, который заливают в опалубку. Я должен скреплять металлический каркас и убирать его, когда бетон застынет.

— Это лучше, чем ничего, — хмуро отозвалась миссис Тоу.

— Я тоже так подумал.

Теперь мистер Тоу каждое утро, в потертой куртке и плисовых штанах, заправленных в длинные носки, седлал велосипед и отправлялся на работу. Тоу, если не надо было идти в школу, марал бумагу за отцовским

бюро или ложился навзничь на коврик у очага, радуясь близкому присутствию матери, занятой делами по дому.

Однажды мистер Тоу подозвал сына к себе:

— Дункан, через шесть недель у тебя выпускной экзамен, верно?

— Да.

— Ты понимаешь, насколько он важен? Если сдашь его успешно, то попадешь в полную среднюю школу, а там, при условии, что будешь учиться хорошо и выдержишь какие нужно экзамены, по ее окончании получишь аттестат зрелости — и тогда сможешь работать, где тебе захочется. Можно даже будет проучиться еще четыре года в университете. Если провалишься, дорога одна — в обычную среднюю школу, и в четырнадцать лет будешь зарабатывать чем придется. Посмотри на меня. Я учился в полной средней школе, однако в четырнадцать мне пришлось ее бросить, чтобы содержать мать и сестру. Наверное, я мог бы в жизни преуспеть, но для этого нужны аттестаты, свидетельства, а у меня ничего этого не было. Помощник мастера на картонажной фабрике Лэрда — вот самое большее, на что я мог рассчитывать. Во время войны работников с аттестатами, конечно же, не хватало, и я получил место только благодаря своим способностям. Но видишь, чем я занят сейчас? А у тебя есть какие-то планы, кем бы ты хотел стать?

Тоу призадумался. Раньше ему хотелось стать королем, волшебником, путешественником-исследователем, археологом, астрономом, изобретателем и пилотом космических кораблей. Не так давно, когда он черкал на бумаге в

дальней спальне, у него появилось желание сделаться писателем или художником. Поколебавшись, он ответил:

— Врачом.

— Врачом? Что ж, неплохо. Врач посвящает жизнь тому, чтобы помогать другим. Врач всегда был и будет необходимым и уважаемым членом общества, вне зависимости от любых социальных перемен. Итак, твой первый шаг — это выпускной экзамен. Не думай ни о чем другом — только об этом. По английскому и по общеобразовательным предметам оценки у тебя хорошие, а вот с арифметикой ты не в ладах, поэтому надо подтянуться по арифметике. — Мистер Тоу похлопал сына по спине. — Иди-ка, позанимайся!

Тоу пошел к себе в спальню, запер дверь, бросился на постель и расплакался. Будущее, обрисованное отцом, представлялось ему невыносимо отвратительным.

Уайтхиллская полная средняя школа помещалась в высоком мрачном здании из бордового песчаника: позади него было устроено футбольное поле, а по обеим сторонам располагались площадки для игр — девочкам и мальчикам отдельно, — обнесенные оградой из металлических остроконечных прутьев. Здание было возведено в восьмидесятые годы девятнадцатого века, но рост Глазго заставил делать к нему пристройки. На рубеже столетий к старому зданию присоединили сооружение, по внешнему виду от него неотличимое, но состоявшее внутри из крутых лестниц и множества крохотных классных комнат. После Первой мировой войны добавили длинное деревянное крыло — в качестве временной меры, до постройки новой школы, а после Второй мировой войны, опять-таки вроде бы ненадолго, на футбольном поле построили из сборных блоков семь

домиков по две классных комнаты в каждом. Однажды пасмурным утром у входных ворот с потерянным видом толпились новички. В начальной школе на площадке для игр они казались себе великанами. А теперь выглядели карликами среди верзил, которые были чуть ли не на двадцать дюймов повыше. Кучка выходцев из Риддри под шумок жалась вместе, стараясь щегольнуть опытностью. Один из них спросил у Тоу:

— Ты что выберешь, латинский или французский?

— Французский.

— А я — латинский. Латынь нужна для поступления в университет.

— Но латынь — это мертвый язык! — заявил Тоу. — Мать хочет, чтобы я учил латынь, а я говорю, что на французском гораздо больше хороших книг. И потом, французский пригодится для путешествий.

— Это да, но для поступления в университет нужна латынь.

Продребезжал электрический звонок, и на ступеньках главного входа показался лысый толстяк в черной одежде. Расставив ноги и глубоко засунув руки в карманы, он занялся изучением пуговиц на своем жилете, пока старшие ученики торопливо выстраивались рядами перед несколькими входными дверьми. Там-сям ученики беспокойно перешептывались и переступали с ноги на ногу; толстяк кинул в ту сторону суровый взгляд, и возня немедленно прекратилась. Указательным пальцем правой руки толстяк поочередно подавал каждому классу знак войти внутрь школы. Потом поманил немногих оставшихся у ворот к подножию лестницы, выстроил их в ряд, сделал перекличку по

списку и повел в здание. Миновав сумрачный вход, они пересекли темноватый гулкий зал и вступили в залитую холодным светом классную комнату.

Тоу вошел последним и обнаружил, что единственное свободное место — совсем не там, где ему хотелось бы: в первом ряду, перед самым носом у учителя, который сидел за высокой конторкой, сцепив руки на крышке. Когда все расселись, он обвел взглядом ряды лиц слева направо, словно стараясь запомнить каждое, потом подался вперед и заговорил:

— Сейчас мы поделим вас на классы. В первый год обучения единственное различие будет проведено между теми, кто выберет латинский, и теми, кто выберет... э-э... какой-либо современный язык. В конце третьего года обучения вам придется выбирать между другими предметами: например, между географией и историей или между естественными науками и искусством, ибо к тому времени у вас начнется специализация для вашей будущей карьеры. Поднимите руки, кто не знает, что такое специализация. Все знают? Хорошо. Сегодняшний ваш выбор достаточно прост, однако последствия его скажутся в дальнейшем. Всем вам известно, что для поступления в университет необходим латинский язык. Кое-какие благожелатели считают это несправедливым и пытаются это правило отменить. Но что касается университета Глазго, там они до сего дня не преуспели. — Учитель улыбнулся сам себе и откинулся на стуле, устремив глаза почти что в потолок. — Зовут меня Уокеншоу. Я старший преподаватель классических языков. Классические языки — под этим мы подразумеваем изучение латинского и древнегреческого. Вероятно, вы уже слышали это слово? Кто ничего не слышал о классической музыке? Кто не слышал —

поднимите руки. Все слышали? Хорошо. Классическая музыка, знаете ли, — это лучшая разновидность музыки — музыка, сочиненная лучшими композиторами. Аналогичным образом, изучение классических языков есть изучение всего самого лучшего. Ты, кажется, что-то жуешь?

Тоу, то и дело сглатывавший от волнения слюну, с ужасом осознал, что вопрос обращен к нему. Не смея оторвать глаз от лица учителя, он медленно встал и помотал головой.

— Отвечай.

— Нет, сэр.

— Открой рот. Шире. Высунь язык.

Тоу повиновался. Мистер Уокеншоу перегнулся вперед, внимательно взгляделся, потом мягко спросил:

— Фамилия?

— Тоу, сэр.

— Очень хорошо, Тоу. Можешь сесть. И всегда говори правду. Тоу. — Мистер Уокеншоу снова откинулся на спинку стула и продолжал: — Классические языки. Или, как мы именуем это в университете, гуманитарные науки. Я не имею ничего против изучения современных языков. Половина из вас, естественно, выберет французский. Однако в Уайтхиллской полной средней школе существует традиция — славная традиция обучения классическим языкам, и я надеюсь, что многие из вас ее поддержат. Тем же, кто не ставит цели поступить в университет и не видит прока в овладении латынью, я могу только повторить слова Роберта Бернса: «Не хлебом единым жив человек». Да, и с вашей стороны

будет очень умно, если вы эти слова запомните. Сейчас я снова перечислю ваши имена, а вы крикнете «Современные!» или «Классические!» — смотря что выберете. Мистер Уокеншоу снова начал читать список учеников. Тоу, подавленный, слышал, как все, с кем он был знаком, выбирали латынь. Он тоже выбрал латынь.

Ученики, выбравшие латынь, по очереди входили из зала в другую классную комнату. Девочки, также выбравшие латинский, уже рассаживались здесь по местам, перешептываясь и хихикая. Тоу вмиг определил, кто из них самая красивая, и сразу в нее влюбился. Она была в светлом платье, с белокурыми волосами, и Тоу огляделся по сторонам с рассеяннo-хмурым видом в надежде, что его надменное безразличие бросится ей в глаза. Помещение смахивало на аквариум, свет косыми полосами падал из окон в потолок. На стене висела мраморная табличка, изображавшая римского легионера; ниже перечислялись имена учеников, павших во время Первой мировой войны. В пространстве между дверьми располагались фотографии директоров школы: косматые бороды постепенно сменялись ровными усиками, все лица — с сурово сдвинутыми бровями и поджатыми губами. С открытого на верхнем этаже балкона доносились жуткие хлопки кожаного ремня о чью-то руку. Из распахнутой в коридоре двери слышался раздраженный голос: — *Marcellus animadverit*, Марцелл заметил это и немедленно выстроил войска в боевом порядке, и не без готовности... э-э... не без готовности не упустил возможности напомнить им о том, сколь часто в прошлом они проявляли... э-э... храбрость...

Сухощавый молодой учитель ввел их в классную комнату. Девочки сели за парты справа, мальчики — слева, а учитель, подбоченившись, встал перед ними.

— Меня зовут Максвелл. Я ваш классный наставник. Каждый день перед началом занятий подходите ко мне, чтобы отметить в классном журнале, кто отсутствует и кто опоздал. Желательно, чтобы причины для того и для другого были уважительными. Я буду также преподавать вам латинский. — Помолчав, он добавил: — В преподавании я новичок. Я — ваш первый учитель полной средней школы, вы — мой первый класс полной средней школы. Начинаем мы, как видите, вместе, и лучше будет, я считаю, сделать начало добрым. Вы со мной хорошо — и я с вами хорошо. Но если из-за чего-то поссоримся — худо придется вам. Не мне.

Ослабившись, Максвелл впился глазами в учеников, а они испуганно уставились на учителя. Лицо у него было грубое, в морщинах, с массивным носом, аккуратно подстриженные усики красовались над толстыми губами. Тоу разглядел, что нижние волоски усов были скрупулезно выровнены по линии верхней губы. Эта деталь утратила его даже больше, чем зловеще-отрывистые фразы, брошенные учителем.

На протяжении всего утра Тоу физически ощущал уныние, давившее голову и грудь свинцовой тяжестью. Каждые сорок минут дребезжал звонок, и соклассники гурьбой переходили в другой кабинет, где их приветствовали сухо и коротко. Низенькая энергичная математичка предупредила, что старательным постарается помочь всей душой, но глазеть в потолок не позволит. Соням у нее в классе делать нечего. Она раздала учебники по алгебре и геометрии, где земля и

предметы обстановки не имели цвета, а мысли вели символические переговоры только между собой. В кабинете химии стоял едкий запах, а на полках лежали странные приспособления, возбуждавшие в Тоу тягу к волшебству, но по виду учителя — сердитого здоровяка с шевелюрой, похожей на звериную шерсть, — Тоу понял, что никакие полученные им здесь знания не прибавят ему силы и не дадут свободы. Пожилой тихий учитель рисования толковал о законах перспективы, без усвоения которых нечего и помышлять о настоящем искусстве. Раздав карандаши, он велел срисовать на листке бумаги деревянный куб. В каждом кабинете Тоу сидел в переднем ряду и не сводил глаз с лица учителя. Он оказался в мире, где ничем не мог отличиться, и поэтому старался изобразить готовность к беспрекословному послушанию, которая побудила бы вышестоящих относиться к нему снисходительно. И постоянно Тоу ощущал слева за собой слабое сияние девочки с белокурыми волосами. Раза два он ронял книгу, чтобы, пользуясь случаем, искоса бросить на нее взгляд. Она казалась беспокойной егозой: то и дело передергивала плечами, мотала головой, откидывая назад волосы, улыбалась и стреляла глазами по сторонам. Тоу не без удивления заметил, что нижняя челюсть ее овального лица несколько неуклюже выдвинута вперед. Красива она была не сама по себе, а тем, что непрерывно находилась в движении: вот почему, должно быть, ей и не сиделось на месте.

Возвращаясь домой в полдень, мальчики из Риддри, весело болтая, сгрудились на трамвайной остановке.

— Этот дылда Максвелл — вот образина. Сбрендит окончательно — и пришибет тебя как муху.

— Да ну, брось, все будет о'кей, ходи только по струнке. Кого я побаиваюсь, так это химика. Попадет ему вожжа под хвост — и тебе кранты.

— Угу, сегодня все они сговорились нас запугать. По их понятиям, если сразу нас застращать, то потом мы будем как шелковые. Надейтесь, надейтесь.

Все помолчали, раздумывая, потом кто-то спросил:

— А как насчет хорошеньких?

— Одна малышка-блондиночка очень даже ничего.

— А, ты ее заметил? Вот непоседа! Я бы не отказался где-нибудь в темном углу ее пощупать.

Все, кроме Тоу, загоготали, и его толкнули локтем:

— А ты, чудила, что о ней скажешь?

— Обезьяньи челюсти не в моем вкусе.

— Даже так? Ну-ну. Но если бы мне ее подарили, я бы не отказался. Кто-нибудь знает, как ее зовут?

— Я знаю. Ее зовут Кейт Колдуэлл.

Легче стало после обеда — на уроке английского, который вел молодой человек, утешавший своим сходством с кинокомиком Бобом Хоупом. Без всякого вступления он заговорил:

— Сегодня последний день для представления рукописей в школьный литературный журнал. Я дам вам бумагу, а вы попытайтесь что-нибудь написать. Все, что вздумается, — прозу, стихи, серьезное или шуточное, вымышленную историю или действительно происшедший случай. Какой получится результат — не суть важно, но, может статься, кто-то и напишет что-нибудь стоящее.

Тоу склонился над листом, воодушевленный закипевшими в голове мыслями. Сердце у него забилось, и он принялся строчить. Быстро накатал две страницы, потом аккуратно переписал черновик, проверяя трудные слова по словарю. Учитель собрал сочинения, и звонок возвестил о конце урока.

На следующий день была геометрия. Математичка давала толковые и ясные объяснения, рисовала на доске четкие схемы, и Тоу внимательно следил за ней, стараясь преувеличенно сосредоточенным выражением лица замаскировать свое полное непонимание. В дверь заглянула девочка:

— Прошу прощения, мисс, но мистер Микл хотел бы видеть Дункана Тоу в пятьдесят четвертой комнате.

Когда они шли через площадку для игр к деревянной пристройке, Тоу спросил:

— Кто это такой — мистер Микл?

— Старший учитель английского.

— Зачем я ему понадобился?

— А я почему знаю?

В 54-й комнате сидевший за столом перед пустыми рядами парт мрачный человек в профессорской мантии обратил к Тоу длинное морщинистое лицо. Его лысеющий череп казался овальным, верхнюю губу украшали черные усики, брови были иронически вздернуты. Взяв со стола два листа бумаги, он спросил:

— Это ты написал?

— Да, сэр.

— Что тебя натолкнуло на эту мысль?

— Ничего, сэр.

— Хм. Ты, наверное, много читаешь?

— Довольно много.

— И что читаешь сейчас?

— Пьесу под названием «Династы».

— «Династы» Гарди?

— Не помню, кто это написал. Я взял книгу в библиотеке.

— И что ты о ней думаешь?

— Хоры, пожалуй, скучноваты, но сценические ремарки мне нравятся. Нравится бегство из Москвы, когда тела солдат поджаривались огнем спереди и застывали, как лед, сзади. Понравился взгляд на Европу сверху, сквозь облака, где она походит на больного человека с Альпами вместо позвоночника.

— Ты что-нибудь пишешь дома?

— О да, сэр.

— Над чем-то сейчас трудишься?

— Да. Пишу о том мальчике, который слышит цвета.

— Слышит цвета?

— Да, сэр. Если он видит огонь, то каждый язык пламени для него словно скрипка, наигрывающая жигу, и как-то несколько ночей ему не давал уснуть визг полной луны, а когда восходит солнце в оранжевой дымке, ему слышатся раскаты труб. Беда в том, что цвета вокруг него по большей части издают самые ужасные звуки: к

примеру, автобусы оранжевые и зеленые, светофоры, огни рекламы и всякое такое.

— А ты сам тоже слышишь цвета? — спросил мистер Микл, как-то странно приглядываясь к Тоу.

— О нет, — с улыбкой ответил Тоу. — Я взял эту мысль из примечания Эдгара Аллана По к одному из его стихотворений. По говорит, что иногда ему казалось, будто он слышит, как сумрак распространяется над землей, подобно звону колокола.

— Понятно. Что ж, Дункан, нынче пригодных материалов для школьного литературного журнала набралось маловато. Не мог бы ты для нас еще что-нибудь написать, как ты считаешь? Несколько в ином плане, так сказать?

— Да, конечно.

— Не пиши о мальчике, который слышит цвета. Идея хорошая — вероятно, даже слишком хорошая для школьного журнала. Напиши о чем-нибудь более обычном. Когда бы ты смог закончить?

— Завтра, сэр.

— Давай послезавтра.

— Я принесу завтра.

Постучав по зубам кончиком карандаша, мистер Микл заключил:

— Каждую вторую среду по вечерам у нас в школе собирается дискуссионный клуб. Тебе стоит туда заглянуть. У тебя наверняка найдется что сказать.

Тоу вприпрыжку перебежал через пустую площадку для игр. У дверей кабинета математики он помедлил,

согнал с лица широкую улыбку, нахмурил брови, скривил рот в легкой усмешке, открыл дверь и прошел к своей парте, провожаемый глазами всех соклассников. Кейт Колдуэлл, сидевшая напротив через проход между рядами, улыбнулась и с вопросительным видом заерзала на месте. Тоу с напускной сосредоточенностью склонился над страницей с аксиомами, мысленно разрабатывая новый сюжет. Замирание в груди навело его на воспоминания о вершине Руа. В памяти возникли залитая солнцем вересковая пустошь и манящая к себе белая фигура; не вставить ли, подумалось Тоу, все это в рассказ: его прочтает Кейт Колдуэлл и будет потрясена. Украдкой он начал набрасывать на обложке книги крутой горный склон.

— Что такое точка?

Тоу, вскинув голову, заморгал.

— Встань, Тоу! Расскажи-ка мне, что такое точка.

Вопрос казался бессмысленным.

— Точкой является то, что не имеет измерений. Тебе, по-видимому, эта аксиома неизвестна, хотя она и стоит в учебнике первой. А это — это что такое? Ты рисуешь на обложке!

Тоу неотрывно глядел на рот учительницы, который то открывался, то закрывался, и силился понять, почему исходящие из него слова могут ранить более камней. Он старался высвободить слух, переключив его на шуршание за окном шин медленно двигавшегося по улице автомобиля и на тихое шарканье неумных подошв Кейт Колдуэлл. Рот математички перестал шевелиться. Тоу пробормотал: «Да, мисс» — и с пылающими щеками опустился на сиденье.

Отделка нового рассказа заняла у Тоу четыре вечера. Он вручил рукопись мистеру Миклу, раз десять извинившись за задержку; мистер Микл прочитал рассказ и отверг его, сославшись на то, что Тоу попытался соединить реализм с фантазией, а это, мол, даже и взрослому вряд ли под силу. Тоу бы ошеломлен и глубоко задет отказом. Не совсем довольный новым сочинением, он все же знал, что это лучшее из того, что он до сих пор написал; слова «даже и взрослому» особенно ранили его гордость намеком на то, что его произведения представляют интерес только благодаря его юному возрасту; а самое главное — он уже успел шепнуть кое-кому из приятелей о просьбе мистера Микла в надежде, что слух об этом дойдет до ушей Кейт Колдуэлл.

Глава 16 Нижние миры

И для удовольствия, и экономии ради Тоу каждое утро шел в школу пешком через Александра-парк, ошибочно принимая извилистую тропу между цветочными клумбами за кратчайший путь в сравнении с прямой дорогой, перегруженной транспортом. Тропа пересекала склон холма: выше располагались площадки для гольфа, а внизу — футбольные поля. Небо обычно бывало бесцветно-бледным — и за футбольными полями деловито-серый свет падал на крыши жилых домов и фабрик, отчего их очертания не делались ни более ни менее четкими. По другую сторону холма среди каштанов и зарослей боярышника находился пруд, где катались на лодках. За ночь на ровную поверхность пруда нередко оседал слой сажи — и тогда только что отплывшая с острова утка оставляла за собой на воде след, похожий на след пальца на пыльном стекле. Перейдя магистраль, где звенел и грохотал поток грузовиков и трамваев, Тоу пробирался сквозь частую сеть улочек мимо двух кинотеатров с увеличенными фотоснимками у входа и трех магазинов с выставленными на витринах яркими журналами. Изображения женщин на обложках придавали его мечтаниям эротическую окраску.

Как-то утром Тоу, перебравшись через магистраль, спускался по короткой улочке, и вдруг прямо перед ним из тесной подворотни вынырнула Кейт Колдуэлл; она тоже направлялась в школу: ее школьная сумка (где в военное время помещался противогаз) хлопала ее по бедру. Тоу взволнованно поспешил вниз, намереваясь ее догнать, но на это у него не хватало смелости. Что он ей скажет? Он представил себе, как, запинаясь, несет

нудную и неловкую чушь об уроках, о погоде, и не в силах был вообразить, что она ответит, кроме самых стандартных фраз. Почему бы ей не оглянуться с улыбкой и не поманить за собой? Ведь наверняка она чувствует, что он идет позади? Если бы Кейт ему махнула, он бы приблизился к ней с легкой улыбкой, вопросительно подняв брови. Она бы сказала: «Тебе не противно мое общество?», или: «Я рада, что нам по пути, а то плестись по утрам в школу — такая скука», или: «Мне понравилось то, что ты написал для школьного журнала, расскажи о себе». Тоу свирепо буравил взглядом ее танцующие плечики, страстно желая, чтобы она обернулась и подозвала к себе, но она так этого и не сделала, и вплоть до самой школы дистанция между ними сохранилась неизменной. После этой встречи Тоу всякий раз упорно надеялся, что Кейт выскочит из подворотни именно в тот момент, когда он будет проходить мимо, и тогда он сможет заговорить с ней не уронив достоинства, однако она либо совсем не попадалась ему на глаза, либо появлялась уже впереди, и ему приходилось тащиться за ней следом, будто на невидимом канате. Однажды утром Тоу, едва миновав подворотню, вдруг слышал у себя за спиной легкие быстрые шажки. Его охватило смятение — надежда и отчаяние одновременно, кожу лица больно закололо иголками. Пока шажки его не нагнали, Тоу быстро перебежал на противоположную сторону улочки с чувством безысходного одиночества, к которому примешивались упрямство и жалость к себе. А глянув через дорогу, увидел на тротуаре напротив не презрительный танец острых лопаток Кейт Колдуэлл, но крохотную шустрю старушку с хозяйственной сумкой. Ступив на площадку для игр, Тоу испытывал

растерянность и разочарование и впредь избирал себе другой маршрут, менее досаждавший ему эмоциональными встрясками.

Неплохо успевая по некоторым предметам и научившись кое-как справляться с другими, лишь бы не раздражать учителей, Тоу стал воспринимать школу наравне с плохой погодой, ограничиваясь только привычными жалобами. С соклассниками отношения сложились приятельские, но друзей у него не было, да он и не очень-то пытался их заводить. Внешняя жизнь превратилась в череду унылых привычных занятий: он механически выполнял положенное, сопротивляясь, однако, требованиям выказывать к чему-либо интерес. Вся его энергия переключилась на воображаемые миры: на реальность сил не оставалось.

На дне воронки, образовавшейся после взрыва атомной бомбы, неприметно уютилась небольшая страна с плодоносной почвой. Тоу был там премьер-министром. Он жил в старинном дворце, окруженном лужайками и купами дерев, на берегу озера, где там и сям красовались островки. В просторном дворце царили тишина и полумрак. Залы были увешаны полотнами кисти Тоу, библиотеку переполняли его стихи и романы; в многочисленных кабинетах и лабораториях трудились гостившие у премьера лучшие умы современности. Снаружи сияло теплое солнце, над цветами среди фонтанов гудели пчелы, время года застопорилось на переходе лета к осени, когда листва отливает густой зеленью, а краснеют только клены. Политическая деятельность много времени у Тоу не отнимала: население питало к нему такое доверие, что для осуществления какой-нибудь реформы ему достаточно было только ее предложить. Основная проблема

заклучалась в сохранении демократического строя: Тоу давно бы взошел на престол, если бы коронации не препятствовали его социалистические принципы. Для премьер-министра Тоу выглядел молодо — мальчиком, едва вступающим в пору отрочества; тем не менее он правил страной уже не одно столетие. Ему удалось пережить Третью мировую войну. Смертельная радиация, сгубившая большую часть человечества, по счастливой случайности подарила Тоу вечную молодость. За двести — триста лет скитаний по опустошенной земле Тоу возглавил кучку людей, покоренных его добротой и мудростью. Он привел их на дно воронки, внутри которой нечего было бояться посягательств со стороны обездоленных и завистливых соседей, и основал там республику, где не стало болезней, бедности и бремени ненавистного принудительного труда. К несчастью, республику Тоу окружали варварские государства, правители которых — тираны и королевы — постоянно чинили всяческие козни, дабы ее завоевать, но враждебные умыслы неизменно рушились только благодаря отваге и хитроумию Тоу. В результате он нередко оказывался втянутым в битвы, спасение пленников, побеги, поединки с чудовищами посреди обширных арен; в вопиюще безвкусных триумфальных процессиях ему приходилось участвовать единственно из нежелания задеть чувства принцесс и королев, спасенных им от верной гибели. По окончании всех этих бурных приключений Тоу приглашал к себе во дворец главных действующих лиц, поскольку он присваивал сюжеты каждой книги и каждого фильма из числа тех, что ему нравились. Дворец у озера наводняли толпы знаменитостей всевозможнейших народов и рас из самых различных исторических эпох. В непритязательно

обставленных просторных покоях дворца гостей потрясали спокойное дружелюбие и образ жизни хозяина — куда более цивилизованный, нежели их собственный; и там они усваивали истинный долг правителя, видя, как Тоу посвящает дневные часы чертежам нового водохранилища или же университета. Женщины обычно в него влюблялись, хотя иные представительницы полудиких краев проникались к Тоу ненавистью ввиду его внешне приветливой бесстрастности, за которой на самом деле таилась глубочайшая застенчивость. Близость к женщинам Тоу ощущал, только когда вызволял их из плена, — и порой завидовал злодеям, которые могли их мучить и унижать. Занимаемое им положение не позволяло и помыслить о чем-то подобном. Однако на обратном пути из школы или из публичной библиотеки все эти похождения так кружили Тоу голову и такие пьянящие переживания бурлили у него в груди, что он пускался рысью, желая от них избавиться; потом ему нередко случалось обнаружить, что он пробежал не одну улицу, не запомнив никого из встречных, не заметив ни единого дома и не обратив внимания на снующий транспорт.

Другой воображаемый мир Тоу приносил наслаждение гениталиям. На потайном золотом прииске в Аризоне шайка бандитов использовала рабский труд. Главарь банды — Тоу занимался изобретением пыток, которым подвергал рабов. Прииск получал внешний стимул не от библиотечных полок, но, скрытным образом, от американских комиксов. Тоу никогда их не покупал и отваживался глянуть на заманчивые обложки, только если в витрине было выставлено что-то другое, и тогда он делал вид, будто внимательно это изучает. Иногда он одалживал какой-нибудь комикс в школе и,

уединившись в дальней спальне, срисовывал картинки со сценами порки или выжигания клейма. Эти рисунки Тоу прятал между страницами «Французской революции» Карлейля — в книгу, которую точно никому больше в голову бы не пришло раскрыть.

Однажды вечером Тоу стоял у своей постели на коленках, разложив картинки поверх одеяла. Гениталии его, по обыкновению, напряглись, и теперь, благодаря случайно выбранной позе, его отвердевший пенис соприкоснулся с основанием кровати, на котором лежал матрац. От этого прикосновения по телу Тоу ослепительно-ледяной вспышкой пробежал нервный электрический разряд такой пронзительной остроты, что он вынужден был изо всей силы прижиматься и прижиматься к его источнику до тех пор, пока что-то не изверглось и не брызнуло струйками; выстрелившее устройство после отдачи сникло, съежилось и увяло, а самого Тоу охватило ощущение чудовищной подавленности и опустошенности. Все это время Тоу пребывал в смутном ошеломлении, остатками сил пытаясь уяснить, что же с ним происходит. Он с отвращением взглянул на рисунки, отнес их в уборную, бросил в унитаз и спустил воду, а потом расстегнул штаны.

На животе, чуть ниже пупка, Тоу обнаружил серовато-студенистый сгусток, формой походивший на слизняка. Внутри прозрачного сгустка волокнами вились крохотные млечные пути и галактики, и отдавал он запахом рыбы. Тоу начисто обтерся и вернулся в спальню, не понимая случившегося, однако ничуть не сомневаясь, что оно связано со смешками, намеками и внезапными паузами в разговорах соклассников, игнорировать которые его побуждала инстинктивная

брезгливость. Испытывая тупое оцепенение и ненависть к самому себе, Тоу поклялся больше не думать о том, что привело его к этому состоянию. Спустя два дня прежние мысли явились снова — и он уступил их напору без особого сопротивления.

Теперь течение воображаемой жизни за неделю прерывалось у Тоу тремя-четырьмя оргазмами. Раньше удовольствие приносимое золотым прииском, длилось неопределенно долго, ни разу не достигая кульминации. От созерцания рисунков он постоянно отвлекался: то его звали обедать, то надо было делать уроки — или же он отправлялся гулять и возвращался домой человеколюбивым победоносным премьер-министром своей республики. А теперь, стоило Тоу сосредоточиться на мыслях о прииске, через минуту-другую его пенис жаждал прикосновений — и если в этой помощи ему отказывали, часто разряжался по собственной воле, оставляя в штанах липкое пятно и внушая Тоу столь безмерное презрение к самому себе, что оно распространялось и на все его воображаемые миры. Отчужденность Тоу от воображения сравнялась с его отчужденностью от действительности.

Астма вернулась с возросшей силой: днем она лежала на груди тяжким камнем; по ночам набрасывалась, точно хищный зверь. Как-то раз Тоу проснулся оттого, что звериная лапа мощно сдавила ему горло: страх мгновенно вытеснила отчаянная паника; он выскочил из постели, придушенно каркнув, бросился на шатких ногах к окну и судорожно отдернул занавеску. Над печными трубами напротив висел золотой осколок луны, чуть затененный призрачным клочковатым облачком. Тоу жадно всмотрелся в них, как в неразборчивые слова, и попытался снова крикнуть.

Появились отец с матерью и ласково уговорили его вернуться в постель. Мистер Тоу прижимал сына к себе, а мать дала ему таблетку эфедрина, принесла сначала горячее молоко, потом горячий виски и держала чашку возле его губ, пока он пил. Тревожное kloкотание в груди пошло на убыль. Родители закутали Тоу в халат и оставили сидеть по-турецки с горой подушек за спиной.

Когда панический страх достиг предела, Тоу, глядя на никчемную луну, думал только о том, что в аду, без сомнения, еще хуже. Его не воспитывали в религиозном духе, и, хотя условно он верил в Бога (вместо «Аминь» заканчивая молитву словами «Если Ты существуешь»), в ад он не верил. Теперь Тоу стало ясно, что ад — это та единственная истина, а боль — тот единственный непреложный факт, которые сводят к нулю все прочее. Сносное самочувствие походило на тонкий слой льда над бездонной пучиной боли. Любовь, работа, искусство, наука, законы — всего лишь опасные игры, разыгрываемые на льду; на льду возведены все дома и все города. Лед был хрупкий. Небольшое сужение мелких бронхов, думал Тоу, способно отправить меня под лед, а один-единственный расщепленный атом потопит целый город. Все религии существуют для оправдания ада — и все церковники этому служат. Как они могут разгуливать с кроткими добродушными лицами, притворяясь, будто принадлежат к верхней, земной поверхности жизни? Их черепные коробки должны быть горнилами, в которых пылает адское пламя, а кожа на лицах — сухой и сморщенной, как опаленные листья. Внезапно перед глазами Тоу возникло лицо доктора Макфедрона — как тогда, из-за края скалы. Ища поддержки, Тоу протянул руку к книжной этажерке возле кровати. На ней стояли книги подержанные, ценой не дороже шиллинга —

главным образом сказки и фантастика, а также кое-какая беллетристика и научная литература для взрослых. Но теперь все фантазии стали легкомысленным вздором, поэзия — призывным свистом во тьме, романы изображали попытки жизни одолеть собственную агонию, а биографии описывали борьбу, либо прерывавшуюся насильственно, либо кончавшуюся старческой дряхлостью; история же представлялась пораженным неизлечимой болезнью червем без головы и хвоста, без конца и начала. На полке стояли отцовские книги — Ленин и Уэббы; «История рабочего класса в Шотландии», «Человечество выигрывает от неверия», Хармсвортовская энциклопедия и брошюры по альпинизму. Наобум Тоу вытащил «Общую историю философии», раскрыл том наугад и прочел:

Тоу продолжал читать с возрастающим облегчением, все более и более углубляясь в мир, который хотя и состоял из слов вместо цифр, был тем не менее почти математичен в своей ясности и бесстрастности. Оторвавшись от книги спустя долгое время, он увидел между спутанными занавесками побледневшее небо и услышал доносившуюся издали еле различимую музыку — мелодическое брэнчание, которое становилось все громче и громче до тех пор, пока не раздалось прямо-таки у него над головой, а затем растаяло на расстоянии. Для птичьего пения оно было слишком размеренно, для звука самолета — слишком гармонично. Тоу был озадачен, но странным образом успокоился и забылся мирным сном.

В семь часов зазвонил будильник в гостиной, где на раскладном диване спали родители. Мистер Тоу позавтракал и спустился вниз по лестнице с велосипедом. Миссис Тоу внесла в спальню поднос с овсянкой, яичницей, сосиской, ломтиком хлеба из непросеянной муки с мармеладом и чашкой чая. Глядя на Тоу, пока он ел, она спросила:

— Тебе получше, сынок?

— Немножко.

— Ну, станет совсем хорошо, когда отправишься в школу.

— Угу.

— Прими еще таблетку.

— Уже принял. Но толку нет.

— Ты это себе вообразил, будто толку нет! Если бы ты того захотел, таблетка бы подействовала!

— Может, и подействовала бы. — Помолчав, Тоу добавил: — Так или не так, а в школу сегодня мне идти не хочется.

— Но, Дункан, до экзаменов осталось всего две недели.

— Я устал. И не выспался.

Миссис Тоу холодно произнесла:

— Ты стараешься мне внушить, будто не можешь идти в школу? Вчера ты неважно себя чувствовал, однако это не помешало тебе пойти в библиотеку. На то, чего тебе хочется, дыхания у тебя хватает, а на другое, поважнее, нет.

Тоу через силу оделся и умылся. Миссис Тоу помогла ему натянуть пальто, приговаривая:

— Иди по дороге, не торопись. Сначала будет церковный урок, так что не страшно, если чуточку и опоздаешь. Учителя поймут. И держись прямо, не горбись. А то ходишь, будто наполовину сложенный перочинный нож. Смотри миру в лицо, как если бы он тебе принадлежал весь.

— Мне в нем ничего не принадлежит.

— Тебе принадлежит столько, сколько и всякому другому! А может принадлежать больше, если пораскинешь мозгами и как следует подготовишься к экзаменам. Голова у тебя хорошая. И учителя твои так говорят. Они готовы тебе помочь. Почему же ты не желаешь, чтобы тебе помогли?

Для молитвы особой позы не требовалось. Можно было сидеть скрестив ноги или их вытянув, складывать руки на груди, переплестать пальцы или сжимать в кулак, однако все без исключения в знак сосредоточенности закрывали глаза и почтительно склоняли головы. Тоу давным-давно перестал закрывать глаза, но вскинуть голову все же не отваживался. Сегодня, явившись с опозданием и едва переводя дыхание, он был настроен безразлично и во время затяжной молитвы от нетерпения вздернул подбородок. Тоу сидел на той стороне галереи, откуда хорошо были видны склоненные головы молящихся, хор, священник внутри восьмиугольной башенки кафедры и директор у ее подножия. Священник с толстыми щеками, кивая головой в такт каждой фразе и увлеченно зажмурил глаза, что придавало его лицу невидящее выражение, походил на воздушный шар, увлекаемый сквозняком. Тоу вдруг

почувствовал на себе чей-то взгляд. Среди сидевших со склоненными головами на галерее напротив кто-то, выпрямившись несколько неуклюже, почти бесстрастно наблюдал за ним (а может быть, и нет) с едва заметной саркастической улыбкой. Что-то в этом лице показалось Тоу знакомым. В тот же день новичка представили классу как Роберта Коултера, переведенного в Уайтхиллскую среднюю школу из Гарнгадской начальной школы. Коултер легко сошелся с соклассниками, без труда обзавелся друзьями и отличался по предметам, которые Тоу не давались. Они обменивались неловкими кивками, когда случайно оказывались рядом, но в остальном старались друг друга не замечать. Как-то раз, в кабинете естествознания, ученики переговаривались у своих парт, стоя в ожидании учителя. Коултер подошел к Тоу и сказал:

— Привет.

— Привет.

— Как дела?

— Неплохо. Как у тебя?

— Тоже ничего.

После паузы Коултер спросил:

— Не хочешь поменяться местами?

— Чего ради?

— Да вот, хочу поближе разглядывать... — Коултер указал на Кейт Колдуэлл. — Тебе ведь всякое такое без интереса.

Тоу перенес свои учебники на место Коултера в полном расстройстве чувств, внутренне кипя от

негодования. Однако ничто на свете не заставило бы его признаться, что Кейт Колдуэлл ему небезразлична.

Как-то после экзамена, пока учителя проверяли письменные работы, ученики читали комиксы, играли в шахматы и в карты или потихоньку болтали, собравшись кучками. Коултер, сидевший впереди Тоу, обернулся и спросил:

— Что ты читаешь?

Тоу показал ему сборник критических эссе о литературе и искусстве. Коултер тоном прокурора заявил:

— Ты это читаешь не ради удовольствия.

— Именно ради удовольствия.

— В нашем возрасте такие книги ради удовольствия не читают. Их читают, чтобы показаться умнее всех.

— Но ведь я читаю такие книги, когда меня никто не видит.

— Значит, ты стараешься показаться умнее всех не нам, ты стараешься показаться умнее всех самому себе.

Тоу, почесав макушку, признался:

— Ловко подмечено, но это неправда. А ты что читаешь?

Коултер показал ему журнал под названием «Чудеса научной фантастики», на обложке которого были изображены снабженные щупальцами существа, которые что-то делали с механическим устройством на прогалине в джунглях. Из устройства в небо вырывалась зеленая молния, раскалывавшая планету, очень похожую на Землю. Тоу покачал головой:

— Не очень-то люблю научную фантастику. Сплошной пессимизм.

Коултер ухмыльнулся:

— Как раз это мне в ней и нравится. Читал на днях потрясающий рассказ «Полковник Джонсон исполняет свой долг». Так вот, этот американский полковник находится в укрытии на несколько миль под землей. Он один из тех, кому поручено вести Третью мировую войну: нужно только нажимать на кнопки. Все люди на земле, конечно, погибли — даже почти все убежища для армейских подразделений уничтожены ракетами, проникающими под землю. И вот, слушай: у этого самого полковника Джонсона уже не один месяц нарушена связь со своим командованием, потому что по радиосигналу особые ракеты мигом вычислят, где твое укрытие, и враз тебя прихлопнут. Однако полковник Джонсон изобретает прибор, способный отыскивать людей по их мысленным излучениям. Он направляет прибор на Америку. Бесполезно. В Америке никого в живых не осталось. Он пробует Европу, Африку, Австралию. Там тоже везде одни мертвецы. Тогда он запрашивает Азию — и там живым оказывается один-единственный человек, в каком-то российском городе. Джонсон садится в самолет и летит в Россию. Видит по пути, что ничего живого нигде нет — ни растений, ни животных, вообще ничего. Приземляется в этом русском городе, выходит из самолета. Повсюду, конечно, развалины; он пробирается через разрушенные здания и слышит, как внутри движется тот самый второй человек. Джонсон уже целых восемь лет не видел ни единого человеческого существа, он с ума сходит от одиночества, понимаешь, и надеется перед смертью с тем человеком поговорить. Русский

выходит из здания наружу — и полковник Джонсон в него стреляет.

— Но почему? — изумился Тоу.

— А потому, что он был обучен убивать русских. Как тебе эта история — нравится?

— По-моему, мерзость.

— Может, и так. Но она очень жизненная. Что ты делаешь после школы?

— Пойду в библиотеку или прогуляюсь.

— А я в город вместе с Мердоком Мьюиром и верзилой Сэмом Лэнгом. Мы провоцируем беспорядки.

— Как это?

— Знаешь Вест-Энд-парк?

— Парк возле Галереи изобразительного искусства?

— Ну да. Так вот, на ночь этот парк, в отличие от других, не запирают, и там можно свободно прогуливаться. Фонари есть, но их немного. Так вот, верзила Сэм становится возле кустика и закуривает, а если кто-то появится, мы выскакиваем из засады и понарошку двигаем Сэму под дых, он начинает тужить нас почем зря, все валимся с ног и катаемся по земле с руганью. Друг друга и не трогаем, но в темноте один черт разберет. Девчонки разбегаются с визгом, зовут полицию.

— И полицейские приходят?

— Мы успеваем улепетнуть. У Мердока Мьюира папаша полицейский. Когда мы ему об этом рассказываем, он хохочет во всю глотку и объясняет, что бы он с нами сделал, если бы поймал.

— Это нарушение общественного порядка, — сказал Тоу.

— Пускай, зато весело. Куда веселее, чем одному слоняться. Давай обещаю, что как-нибудь вечером пойдешь с нами.

— Нет, не пойду.

— Тогда признайся, что тебе интереснее этот комикс, чем твои статьи об искусстве.

Коултер ткнул пальцем в обложку комикса, лежавшего на столе у соседа. Блондинку в купальном костюме обвинил кольцами гигантский змей. Тоу открыл было рот, желая сказать «нет», но нахмурился и промолчал.

— Ну-ну, — не отставал Коултер, — твой дружок от этой картинки вскакивает, верно? Признайся, что ты такой же, как и мы все.

Тоу пошел в соседнюю классную комнату, смущенный и растерянный. «Твой дружок вскакивает от этой картинки. Признайся, что ты такой же, как и мы все». В памяти всплыли слова, слышанные им давным-давно, которые он старательно изгонял из памяти: «Я бы не отказался где-нибудь в темном углу ее пощупать».

Тоу знал лет с четырех, что младенцы вылупливаются из маминых животов. Мистер Тоу детально описал ему развитие зародыша, и Тоу сделал вывод, что данный процесс по достижении определенного возраста у большинства женщин происходит спонтанно. Он воспринял это сообщение наравне с другими рассказами отца — о происхождении видов и о строении Солнечной системы: это было

любопытное, механическое, не слишком загадочное дело, о котором мужчины могли знать, но влиять на него не могли. В том, что он слышал и что читал впоследствии, нигде ни словом не упоминалось о неизбежной связи между любовью, сексом и рождением, и потому он даже не подозревал о существовании таковой. Секс он открыл, сидя скорчившись на полу спальни. Это было так омерзительно, что предаваться ему следовало только втайне и ни в коем случае не посвящать в это других. Секс питался мечтами о жестоком насилии и достигал кульминации, разрешаясь выбросом слизи и оставляя чувство расслабленности и одиночества. С любовью секс не имел ничего общего. Любовь — это то, что он испытывал к Кейт Колдуэлл, желая быть поблизости от нее и делать то, что заставило бы ее им восхищаться. Тоу прятал свою любовь: если бы все о ней узнали, он оказался бы в униженном положении по сравнению с другими и с самой Кейт. Тоу стыдился своей любви, но она не внушала ему отвращения. И вот теперь, судорожными толчками, под воздействием реплики Коултера, разрозненные картинки любви, секса и деторождения начали сливаться для Тоу воедино.

Взбираясь на холм в парке. Тоу слышал в небе ритмичное кликанье. Над головой у него буквой «V» пролетели пятеро лебедей: хлопанье крыльев и гогот сливались в одну мелодию. Вытянув лапки, они исчезли из виду за деревьями, которые загораживали пруд с лодками. В последующие дни Тоу собирал оставшиеся после завтрака куски хлеба и по пути в школу бросал их лебедям в пруд. Увиденное однажды утром заставило его задержаться на берегу пруда дольше обычного. У островка два лебедя застыли друг против друга с таким видом, что Тоу показалось, будто они намерены

подражаться. С расправленными крыльями они взмыли над водой, едва окуная в нее хвосты, прижались друг к дружке грудью, потом головами, потом клювами. Воздев головы к небу, лебеди переплелись шеями, потом разомкнули их и откинули назад, причем оба повторяли движения друг друга, точно в зеркале. Вместе они изображали своими телами формы то греческой лиры, то ренессансного столового серебра. Вдруг один из них оторвался от второго, ловко скользнул позади подруги, надел ей на хвост и задергался вверх и вниз, тогда как она нырнула под воду, хлопая крыльями и взбивая вокруг себя пену. Когда они проплывали мимо, Тоу увидел, как самец клювом пригнул голову самки — вероятно, добиваясь от нее большей покорности. У края озера лебеди разъединились, распрямили шеи и равнодушно поплыли в разные стороны. Самка, выглядевшая более взъерошенной, управляла перья, а самец, в дальней бухточке, принялся лениво выискивать в воде плотву.

Спустя десять минут Тоу, мрачный и подавленный, стоял с соклассниками на площадке для игр. На уроках он сурово поглядывал на учеников, на учителя и на Кейт Колдуэлл в особенности. Все они составляли часть обманчивой внешней жизни, внушавшей ему сейчас ужас не потому, что ледяная поверхность была тонкой и не могла защитить от преисподней, а потому, что была прозрачной и не могла скрыть таившейся под ней мерзости. Вечером, идя с Коултером по берегу канала, Тоу рассказал ему про лебедей. Коултер спросил:

— А ты видел, как это делают слизняки?

— Слизняки?

— Да, слизняки. Как-то на ферме Мактаггарта в Кинлохруа я вышел из дома утром после дождя — и повсюду в траве слизняки лежали парочками. Я их разнимал, а потом складывал вместе снова, чтобы посмотреть, как они это делают. Они здорово походили на людей. Гораздо больше, чем твои лебеди.

Тоу на мгновение замер, а потом разразился криками:

— Господи, сделай так, чтобы я сроду не пожелал за всю жизнь другого человеческого существа! Господи, сделай так... — Он умолк. На ум ему пришло слово из недавнего задания по ботанике. — Господи, пошли мне самооплодотворение! Господи Вседержитель, Творец и Властитель всего сущего, пошли мне самооплодотворение! Если Ты существуешь.

Коултер, в глазах которого при взгляде на Тоу мелькнуло что-то вроде благоговейного страха, проговорил:

— Ты иногда пугаешь меня, Дункан. Речи твои не совсем как у нормального. А все оттого, что ты хочешь стоять выше обыкновенной жизни.

Глава 17 Ключ

Мистер Тоу занимался сначала неквалифицированной работой, а потом устроился клерком по начислению жалованья в строительной фирме, возводившей жилые массивы на городских окраинах. С началом войны в Корее стоимость жизни возросла, и миссис Тоу пошла продавщицей в дневную смену. Она очень уставала и чувствовала упадок сил: по мнению доктора, это было вызвано переменой привычного образа жизни. По вечерам, убрав чайную посуду, она шила или вязала, поглядывая на Тоу, который хмуро смотрел в учебник, растирая пальцами то лоб, то щеки. Видя его рассеянность, миссис Тоу не выдерживала:

— Ты не занимаешься.

— Знаю.

— Ты должен заниматься. Экзамены на носу. Если ты решил провалиться, так оно и будет.

— Знаю.

— А ведь если захочешь, то сдашь. Учителя в один голос говорят, что сможешь. А ты сидишь сложа руки — и нам всем придется за тебя краснеть.

— Боюсь, что придется.

— Так не бездельничай! И перестань чесаться! Мнешь себе лицо, будто кусок сырого мяса. Подумай о своей сестре Рут, если не желаешь подумать о себе или обо мне. Ей и без того стыдно за брата, который бродит по школе, согнувшись в три погибели, словно горбун какой-то.

— Астму куда я дену?

— Куда-куда! Если бы ты делал гимнастику, которую предписал тебе физиотерапевт, то ходил бы как все люди. Тебе велено было каждое утро и каждый вечер заниматься гимнастикой по пять минут. И сколько раз ты ее делал? Один раз?

— Два.

— Два. А почему? Почему ты не хочешь поправиться?

— Лень, наверное.

— М-да!

Тоу притворился, будто вникает в задачник, однако вспомнил разговор со старшим преподавателем английского о школьном расписании. Тоу заявил, что большинство предметов либо неинтересны сами по себе, либо бесполезны на практике. Мистер Микл задумчиво оглядел склоненные спины и головы учеников и сказал:

— Запомни, Дункан: по окончании школы почти всем вам придется зарабатывать на жизнь способами, которые сами по себе вряд ли кому могут нравиться, а практический смысл этой деятельности им недоступен. Если они не научатся покорно трудиться по единственной причине — только потому, что им так велено, — для человеческого общества они окажутся непригодны.

Тоу вздохнул, придвинул к себе задачник и прочитал:

От ярости Тоу впал в истерику. Выронив книгу, он вцепился в волосы, рвал их, мял и трепал до тех пор, пока мать не выкрикнула:

— Прекрати!

— Но это же полный абсурд! Это курам на смех! Это не-не-не-не... — он поперхнулся, — невыносимо! Я ничего в этом не смыслю, не в состоянии выучить, на кой ляд мне все это сдалось?

— Зато ты сумеешь сдать экзамены! Вот для чего это и нужно! А когда получишь аттестат, можешь выкинуть это из головы!

— С какой стати меня будут экзаменовать, умею ли я стоять на голове и ногами удерживать в равновесии стулья? Домашнее задание вроде этого поправило бы мне здоровье.

— А ты и вправду думаешь, будто знаешь, что тебе полезней, лучше, чем твои учителя и наставники, которые всю жизнь изучали свой предмет?

— Да. Да. О том, что мне действительно нужно, мне известно лучше.

Миссис Тоу приложила руку к животу и странным голосом проговорила:

— Да пошло оно все к чертям собачьим! — И, заплакав, простонала: — И зачем только я детей нарожала?

Тоу встревожился. Мать раньше никогда не бранилась, и он ни разу не видел ее плачущей, поэтому попытался придать своим словам спокойствие и рассудительность:

— Мама, если я и завалю экзамены, какая разница? После школы подыщу себе работу — и тебе не придется так надрываться.

Миссис Тоу вытерла слезы и вновь принялась за шитье, плотно сжав губы. Помолчав, она спросила:

— И какую работу ты себе найдешь? Мальчика на побегушках?

— Есть ведь и другие занятия.

— Например?

— Не знаю, но должны быть!

Мать хмыкнула.

Тоу захлопнул учебники и сказал:

— Пойду прогуляюсь.

— Вот и правильно, беги-беги. Мужчины вечно бегают от работы. У женщин не получается.

На небе было светло как днем, но на темных улицах зажглись фонари. По тротуарам расхаживали ровесники Тоу втроем-вчетвером, девочки держались парами, смешанные компании болтали и хихикали у дверей кафе. Тоу казалось, что его ничтожество бросается всем в глаза. В шепотках за спиной ему чудилось глумление над отсутствующим видом, которым он надеялся обезоружить насмешников; внезапный хохот, думал он, вызван его взъерошенными волосами (он их никогда не причесывал). Он проворно сворачивал в переулки, где магазинов почти не было и прохожие двигались навстречу не поодиночке, а загадочными компаниями. По мере того, как темнело, его уверенность в себе росла. Тоу придавал лицу решительное, слегка хищное выражение; твердыми шагами он шел мимо

парочек, обнимавшихся в подворотнях, чувствуя свою обособленность ввиду неколебимой цели, которая ставила его выше заурядных человеческих радостей. Цель эту Тоу, пожалуй, затруднился бы определить (собственно, вышел он попросту прогуляться туда-сюда), но временами на него накатывала мысль о том, что он занят поисками ключа.

Крошечный ключ точно подходил к замку, хотя применение его было предельно универсальным и предельно конкретным. Владелец его мог разрешить любую проблему — астмы, домашних заданий, робости в присутствии Кейт Колдуэлл, страха атомной войны; этот ключ превратил бы любые муки, беды и любую бессмыслицу в нечто прекрасное, радостное и гармоничное. Вообразив, что такой ключ мог состоять всего из одной или двух фраз, Тоу искал его в публичных библиотеках, но только не на полках с научной или философской литературой. Ключ следовало распознать мгновенно и интуитивно, без наводки дедукции и рациональных выкладок. Ничего общего ключ не имел и с религией, ибо, будь он обнаружен, церкви и духовенство сделались бы ненужными. Не годилась и поэзия: стихи были слишком упорядоченны и совершенны, чтобы вносить порядок и совершенство во что-то иное помимо себя. Ключ был настолько прост и очевиден, что его никогда не замечали; он менее всего походил на торжествующий вывод знатока: скорее он мог случайно сорваться с уст ребенка или тупицы, поэтому Тоу перелопачивал биографии и автобиографии, переписку, исторические труды и отчеты путешественников, рылся в примечаниях к устаревшим медицинским трактатам и в указателях к томам естественной истории, изданным в Викторианскую эпоху.

С недавних пор Тоу полагал, что вернее всего наткнется на ключ, блуждая вечерами по улицам: тот будет напечатан на клочке бумаги, принесенной порывом ветра с развалин разбомбленной фабрики, или же он услышит слова, которые кто-то прошепчет в темноте, высунувшись из окна.

Сегодня Тоу забрел на пустырь, расположенный на холме между домами, которые двадцать лет тому назад считались пригородом. Темный контур холма неровно вырисовывался на фоне еще не погасшего неба; где-то у самой вершины мигала желтая искорка костра. С улицы, бледно освещенной газом, Тоу начал взбираться по склону, чувствуя у себя под подошвами жесткую траву и обломки кирпичей. Оказавшись у костра, он обнаружил только слабые язычки пламени в куче обгорелых коряг и тряпья. Оглядевшись вокруг, Тоу нашел несколько кусков картона и обрывки газет, а потом бросил их в костер вместе с охапкой вырванной с корнем пожухлой травы. Вспыхнуло пламя, на которое Тоу смотрел издали. Он представил себе, как к огню подходят люди — один за другим — и становятся в круг. Когда наберется человек десять-двенадцать, послышится тяжелое хлопанье крыл; над головами пронесется черная тень и опустится на темную вершину холма, откуда к ним спустится посланец и вручит ключ. Когда костер догорел, Тоу повернулся и стал смотреть вниз, на Глазго. Во тьме виднелись только огоньки: уличные фонари, похожие на рассыпанные бусины ожерелья и разорванные браслеты, неоновая реклама кинематографов, напоминавшая серебряные и рубиновые брошки; рубинами, изумрудами и янтарем переливались уличные светофоры — все это казалось бесценным кладом, раскиданным во мраке.

Спустившись с холма, Тоу пошел по одной из самых неприглядных и грязных улиц, свернул во двор многоквартирного дома и стал подниматься по узкой и тускло освещенной лестнице, провонявшей кошачьей мочой. На одной из площадок, перед дверью уборной, он перешагнул через двух детишек, ползавших по циновке за заводной игрушкой. На верхней площадке было три двери, на одной из которых за стеклом, среди золотых виноградных листьев, красовалась выведенная готическим шрифтом надпись «ФОРБС КОУЛТЕР»: за годы ее покрыла плесень. Дверь отворила маленькая женщина с сердито всклокоченной шапкой седых кудряшек и жалобным голосом произнесла:

— Роберт спустился в уборную, Дункан, входи — придется тебе его подождать.

Через прихожую размерами с буфет Тоу прошел в чистенькую, уютно заставленную мебелью комнату. Между гардеробом, сервантом, столом и стульями едва можно было протиснуться. Перед высоким окном располагалась раковина, сбоку — газовая плита. С крюка в потолке свисало сушившееся белье, затенявшее очаг, на столе были разбросаны остатки еды.

Миссис Коултер принялась собирать посуду в раковину, а Тоу сел у огня и всмотрелся в нишу возле двери, где помещалась кровать. На ней, с подушками за спиной, лежал отец Коултера, обратив невидящий терпеливый взгляд в сторону комнаты. Черты его массивного лица сохраняли суровость.

Тоу спросил:

— Вам лучше, мистер Коултер?

— И да, Дункан, отчасти, и нет. Как дела в школе?

— Хорошо по английскому и изобразительному искусству.

— Значит, искусство — твой предмет, так? Я когда-то и сам рисовал. В тридцатые годы мы — а мы в то время были безработными, ты знаешь — собирались по четвергам в комнатке у Брайтон-Кросс и приглашали из художественной школы преподавателя или натурщицу. И называли себя Брайтонским клубом социалистического искусства. Ты слышал что-нибудь о Юане Кеннеди? Скульпторе?

— Не уверен, мистер Коултер. Возможно. Имя вроде бы знакомое, но точно не скажу.

— Он был одним из нас. Он уехал в Лондон и довольно-таки преуспел. Год назад... Нет. Погоди.

Тоу смотрел на большую грубую руку мистера Коултера, спокойно лежавшую поверх одеяла: кончик сигареты, зажатой между двух пальцев, обуглился.

— Это было три года назад. Его имя упоминалось в «Буллетен». Он лепил бюст Уинстона Черчилля для какого-то английского города. Когда читал, то подумал: знавал я тебя, знавал, — Тихонько помурлыкав, мистер Коултер продолжил: — Мой отец занимался изготовлением рам для картин. Делал тогда все сам: вырезал раму из дерева, наносил позолоту, иногда даже вешал картины. Его работы до сих пор, должно быть, есть в художественных галереях. Я обычно помогал ему развешивать картины. Это тоже само по себе искусство. И вот что я хотел тебе сказать: однажды я развешивал картины в доме по Ментейс-Роуон-зе-Грин. Теперь там трущобы, а раньше в тех домах жили самые состоятельные люди в Глазго: я их там еще застал, и дом, о котором я говорю, принадлежал судостроительной

фирме «Джардин из Джардина и Битти». Молодой Джардин был юристом и сделался лордом-провостом, а из сыночка его вышел порядочный жулик, но не в этом дело. Я развешивал картины в главном холле: мраморный пол, стены обшиты дубовыми панелями. Рамы были изготовлены из орехового дерева и покрыты золотой фольгой, однако в холле из-за отсутствия окон стояла темнота: крохотное окошечко в потолке света не пропускало, потому что стекло было цветное. Закончив работу, я открыл парадную дверь и сошел со ступеней на тротуар, чтобы поглядеть через распахнутую дверь внутрь. Утро ранней весной выдалось холодное, но солнце сияло ярко. Мимо проходила девушка и спросила меня: «Ты что там увидел?» Я показал на дверь и говорю: «Взгляни. Это все равно как миллион долларов». Солнечные лучи проникали в холл, и рамы на стенах отливали золотом. В самом деле, вид этот стоил целый миллион долларов.

Мистер Коултер слегка усмехнулся.

В комнату вошел Коултер:

— Привет, Дункан. Привет, Форбс. Форбс, у тебя сигарета погасла. Зажечь?

— Ну, зажги.

Коултер чиркнул спичкой и зажег сигарету, потом шагнул к раковине, обнял мать за талию и сказал:

— Мамулечка моя милая, как насчет сигаретки? Папе ты дала, дай же мне.

Миссис Коултер извлекла пачку сигарет из кармана фартука и, протянув ее сыну, проворчала:

— Мал еще, чтобы покуривать.

— Так-то оно так, но разве мамулечка мне в чем-нибудь откажет? А эта парочка толковала об искусстве?

— Да, говорили об ихнем искусстве.

— Ну что, Тоу, мыслящий мой друг, чем займемся? В шахматишки сразимся или погуляем вдоль канала?

— Лучше погуляем.

Они брели по береговой полосе, беседуя о женщинах. Коултер отбросил натянутую веселость, какую напускал на себя дома.

Тоу сказал:

— Я вхожу с ними в контакт, только когда выступаю в дискуссионном клубе. Даже Кейт Колдуэлл обращает там на меня внимание. Вчера вечером она сидела в переднем ряду и глядела на меня во все глаза, широко раскрыв рот. Я чувствовал себя в ударе — умницей, остряком. Будто я король или что-то в этом роде. На уроках математики она сидит теперь позади меня. Я написал об этом стихи.

Тоу умолк в надежде, что Коултер попросит его прочитать стихотворение, но Коултер заявил:

— В наши годы стихи о девчонках кто только не пишет. Это так называемый переходный возраст. Даже верзила Сэм Лэнг сочиняет про девчонок стихи. И даже я как-то...

— Неважно. Мне мой стишок нравится. Слушай, Боб, если я задам тебе вопрос, ты можешь пообещать, что ответишь мне честно?

— Валяй.

— Кейт Колдуэлл ко мне равнодушна?

— Кейт? К тебе? Куда там.

— Мне кажется, что капельку равнодушна.

— Да ее всю щупают, — сказал Коултер.

— Что?

— Щупают. Обжимают. Лайл Крейг из пятого класса, говорят, постоянно с ней упражняется, а в прошлую пятницу, я сам видел, какой-то дылда тискал ее на задворках у Денистаун-Пале.

— Тискал?

— Обжимал. Щупал. Она всего-навсего маленькая...

— Молчи! Забудь это слово! — выкрикнул Тоу.

Они молча шли дальше, потом Коултер проронил:

— Зря я тебе все это рассказал, Дункан.

— Да нет, я рад. Спасибо.

— Жаль, напрасно я проговорился.

— А мне не жаль. Я хочу знать о всех препятствиях — всех до единого, какие только существуют. Я и без того непривлекателен, и денег у меня нет, чтобы повести ее погулять, и о чем говорить с ней, я не знаю, а теперь еще оказывается, что она вертихвостка. Если я когда-нибудь до нее дотянусь, она увернется и вечно будет увертываться.

— Может, не стоит начинать с Кейт Колдуэлл. Тебе сначала надо попрактиковаться на ком-то еще. Попробуй-ка с моей девушкой — Толстушкой Джун Хейг.

— С твоей девушкой?

— Ну, я с ней только разок погулял. Она идет нарасхват.

— И как она?

— У нее спина как у борца. Руки толще, чем у меня бедра, а бедра потолще тебя самого. Тонешь в ней, будто в мягком диване.

— По твоим рассказам не очень-то она соблазнительна.

— Да ты что, Толстушка Джун — из девчонок самая симпатичная. С ней уютно — и она так тебя заводит. Пригласи ее потанцевать на вечере третьеклассников.

Тоу вспомнилась Джун Хейг. Выглядела она туповатой и вовсе не была такой полнотелой, какой ее описал Коултер; со вторым годом обучения она не справилась, и Толстушкой Джун ее прозвали, чтобы отличать от менее физически развитых соклассниц. Тоу почувствовал к ней интерес.

— Но Толстушка Джун не пойдет со мной танцевать.

— Почему бы нет? Ты не в ее вкусе, но она заинтригована твоей репутацией.

— У меня есть репутация?

— И даже две. Одни говорят, будто ты рассеянный профессор, для которого секса вообще не существует; другие считают, что это просто маска, а на самом деле ты разнузданный маньяк каких поискать.

Тоу замер и, схватившись за голову, закричал:

— Где же выход, где выход? Я хочу быть рядом с Кейт, хочу, чтобы она мной дорожила, хочу, наверное, на

ней жениться. Но что толку, черт побери, в этом бесполезном хотении?

— Не думай, что женитьбой на Кейт решишь все свои проблемы.

— Но почему нет?

— Трахаться — это не просто вставить и потыкать. Нужно так рассчитать, чтобы самый сильный толчок пришелся точно вовремя, когда она к этому готова. Если упustiшь момент, она разозлится и будет в тебе разочарована. Тут нужна долгая практика.

— Экзамены! — воскликнул Тоу. — Везде и всюду экзамены! Неужели все, что мы делаем, еще не зная что почем, делается только для того, чтобы кто-то остался доволен? А то, что доставляет удовольствие нам самим, никчемно и эгоистично? Начальная школа, средняя школа, университет: первые двадцать с лишним лет нашей жизни расчислены за нас, и для каждого шага вперед требуется сдать экзамен. Все делается в угоду экзаменатору, никогда ради собственного удовольствия. Единственное, что дозволено, — это предвкушать: «То-то славно будет после экзамена». Ложь. Ничего славного после экзамена. Можно было подумать, любовь — что-то другое. Да нет, куда там. Любовь тоже надо изучать, проходить практику, усваивать — и все равно промахнешься.

— Ты сегодня в ударе, — отозвался Коултер. — Едва и мне не задурил голову. Но пока не совсем. Видишь ли, нет никакой связи между...

— Что это?

— Это? Девчонка поет.

Тоу и Коултер стояли у штакетника из старых железнодорожных шпал, воткнутых стоймя на краю береговой полосы. С противоположного берега доносился чистый голосок, не в лад напевавший:

Они глянули в щель между шпалами на узкую полосу набережной канала, где высился склад с черными зарешеченными окнами. Внутри светлого круга, отбрасываемого фонарем, через скакалку прыгала и напевала маленькая девочка.

— Такой крохе давно пора баиньки, — сказал Коултер. — Чему это ты ухмыляешься?

— Я вдруг подумал, что ключ может быть именно в ее словах.

— Что за ключ?

Тоу объяснил, ожидая раздраженной реакции Коултера, обычной, когда тот выслушивал его завиральные теории. Но Коултер нахмурился:

— А это непременно должны быть слова?

— Что же еще?

— Когда во время войны я жил у старика Мактаггарта в Кинлохруа, помню, что две-три ночи подолгу смотрел на звезды. За городом звезд всегда видно больше, особенно если воздух морозный, а в те ночи небо звездами просто кишело. Я чувствовал, как

это... это ко мне все приближается и приближается — приблизилось почти вплотную, но только я попытался вдуматься, что это такое, — оно исчезло. И было это со мной не один раз.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. На что это походило? Оно объединяло все, во что ты веришь? Им можно было поверять вещи?

— Ничего оно не могло поверять. Пожалуй, скорее это было некое чувство. Умиротворенное, неизменное, дружественнее всего на свете.

Тоу не помнил, испытывал ли что-то подобное, и ощутил зависть.

— Звучит слегка сентиментально. А ты чувствовал это, только когда глядел на звезды?

— Потом уже нет.

Тоу посмотрел на небо. Сначала оно показалось сплошь черным, потом глаза его приноровились, и он начал различать коричневато-пурпурный оттенок, над центром города тускло-оранжевый.

— Откуда такой цвет? — спросил он у Коултера.

— Наверное, электрический свет отражается от газа и копоти в воздухе.

На равном расстоянии от своих домов они попрощались. Пройдя несколько шагов, Тоу услышал за спиной возглас. Обернувшись, он увидел, что Коултер машет ему и кричит:

— Не переживай! Не сходи с ума! К черту Кейт Колдуэлл!

Тоу шагал вперед, видя внутри себя крохотный совершенный образ Кейт Колдуэлл, которая улыбалась и манила его к себе. Образ ее окутывала дымка такого отчаяния, что Тоу пришлось остановиться и жадно ловить ртом воздух. На дальнем берегу канала виднелись громадные корпуса Блохейрнского металлургического завода. Оттуда доносился лязг и скрежет, небосвод озаряли оранжевые сполохи, черная вода канала булькала, над ее поверхностью плясали струйки пара, повисая облаком над береговой полосой. За высокой оградой простирался Александра-парк. Набрал в легкие побольше воздуха, Тоу ринулся к ограде, ухватился за два штыря, подтянулся и перескочил через нее на площадку для гольфа. Чувствуя себя преступником, он торопливо побежал по дорожкам к декоративному фонтану в форме пагоды, вокруг которого росли деревья. Серые лужайки со смутно различимыми созвездиями маргариток, контуры деревьев и фонтана волновали своей непохожестью на то, что он видел, возвращаясь из школы всего несколько часов назад. Перешагнув через табличку «По газону не ходить!», Тоу подошел к дереву, на которое ему давно хотелось взобраться. Снизу — футов с двенадцать — ветви отсутствовали, но, цепляясь за выступы и наросты, Тоу взбирался все выше и выше, пока порыв, заставивший его перемахнуть через ограду, в нем не увял, и тогда он оседлал толстую ветку, обхватив руками ствол. Ему вспомнились греческие мифы о женщинах-духах, обитающих внутри деревьев. Легко было принять ствол, который он держал в объятиях, заместилище женского тела. Тоу прижался к нему, припал щекой к коре и прошептал: «Я здесь. Здесь. Появись!» Он вообразил, как к изнанке ствола льнет женщина, губами ищет его губы, но ствол был шершавым; Тоу

отстранился от него и полез выше по качавшимся под ногами веткам. Над головой у него мерцали две-три звездочки. Тоу попытался вызвать в себе чувство умиротворенности, неизменности и дружественного к себе внимания с их стороны, однако скоро почувствовал себя глупо, спустился с дерева и направился домой.

Открыв дверь, миссис Тоу ахнула:

— Дункан, где это ты перемазался?

— А что такое?

— Да у тебя все лицо черным-черно!

Тоу пошел в ванную и взглянул в зеркало. Лицо у него, особенно вокруг рта, было выпачкано в саже.

Глава 18 Природа

Управляющая гостиницей «Кинлохруа» — подруга миссис Тоу — пригласила ее детей провести летние каникулы на севере. Однажды утром в гараже в Брумилуоу они сели в автобус, который вскоре вырвался из тени складов и жилых кварталов на солнечный простор широкой, окаймленной деревьями Грейт-Вестерн-роуд. Автобус несся мимо рядов викторианских домиков, мимо садов и отелей, мимо вилл торговцев и зданий муниципального строительства в район, который (несмотря на открытый горизонт) назвать сельским было трудно. На участках, заросших сорняками и чертополохом, высились новые фабрики, по склонам холмов взбирались столбы, колючая проволока ограждала травянистые купола, соединенные металлическими трубами. Клайд расширялся слева к своему устью, центральный канал обозначали бакены и небольшие маяки. Длинный нефтяной танкер медленно продвигался между буксирами в сторону моря, навстречу ему плыло грузовое судно. Холмы по правую руку обступали дорогу все теснее и становились круче; сузившийся путь пролегал между берегом реки и лесистой скалой; потом впереди показался Дамбартонский утес, вознесший над городскими крышами старинную крепость. Автобус свернул к Вэйл-оф-Ливен: миновав поля и промышленные поселки с извилистыми улочками, он выбрался к обширной сверкающей поверхности Лох-Ломонд и покатил по западному берегу озера. Острова украшала зелень, поля и домики на них казались разрозненными клочками окружающей суши, а вдали перед глазами возникли громадная голова и плечи Бен-Ломонда. Поля сменились вересковой пустошью,

островки уменьшились, сделались каменистыми. Залив превратился в водный коридор между высокими горными вершинами, а дорога вилась меж их лесистых подножий с большими валунами.

Автобус был набит отпускниками. На задних местах скалолазы распевали непристойные песни, и Тоу уныло прижался лбом к холодному стеклу. Перед отъездом он принял таблетку эфедрина и, когда садился в автобус, чувствовал себя прилично, но после Дамбартона дыхание его ухудшилось, и теперь он пытался отвлечься от удушья болью, причиняемой лбу вибрирующим стеклом. За окном мелькали яркая зелень и мертвенная серость: серые дороги, скалы и стволы деревьев; зеленые листья, трава, папоротник-орляк и вереск. Глаза Тоу устали от этого сочетания. Желтые или пурпурные пятнышки редких придорожных цветов врывались подобием диссонансов в звучание оркестра, где каждый инструмент беспрерывно повторяет одни и те же две ноты.

— Что, брат мой, неможется? — спросила Рут.

— Так себе. Неважно.

— Взбодрись! Приедем — с тобой все будет в порядке.

— Как сказать.

— Ну, ты ведь пессимист. Если бы не это, наверняка был бы хоть куда.

На склоне холма в Гленко автобус сделал остановку: скалолазы на ней сошли, а пассажирам предложили минут пять поразмяться. Тоу с трудом выбрался наружу и присел на нагретый солнцем придорожный дерн. Рут помогала скалолазам вынимать рюкзаки из багажника и разговаривала с какими-то

знакомыми по восхождениям в обществе отца. Прочие пассажиры обменивались репликами, поглядывая на горные пики — кто с удовлетворенным видом, кто растерянно-неприятно. Пожилой мужчина обратился к соседу:

— Да, вид замечательный, просто замечательный.

— Вы правы. Если бы эти камни заговорили, то многое могли бы рассказать, верно? Держу пари, немало историй мы бы услышали.

— Да, подобные зрелища и порождают величие древней Шотландии.

Тоу поднял глаза и увидел гигантские глыбы необработанного материала, превращенные в руины временем и непогодой. Из расселин на вершине по поросшим вереском склонам осыпалась каменная крошка, словно руда по желобу штольни. Мимо Тоу по дороге прошли парень с девушкой в шортах и альпинистской обуви; на плечах у парня болтался рюкзак. Скалолазы возле автобуса приветствовали их возгласами и свистом: те, взявшись за руки, без тени смущения улыбались им в ответ. Уверенная повадка парня, непритязательная красота девушки, раскованность обоих вызвали у Тоу такой прилив негодования и зависти, что он едва не задохнулся. Он всмотрелся в гранитную плиту рядом на дерне. Пятна лишайника цветом, формой и толщиной походили на коросты, которые он содрал с ноги накануне. Ему представились микроскопические корешки, которые лишайник пустил в не приметные поры на вид монолитной плиты, расширяя их и углубляя. «Болезнь камня, — думал Тоу. — Болезнь материи, присущая нам всем».

По возвращении в автобус Рут сказала:

— Это был Харри Логан с Шейлой. Они хотят подняться на Бьюкэйл и переночевать в хижине у Камерона. Я бы не прочь на сегодняшний день поменяться с Шейлой местами. Но только на день, а не на ночь. — Рассмеявшись, она спросила: — Тебе очень плохо, Дункан? Может, примешь еще таблетку?

— Уже принял.

Минут через десять Тоу стало ясно, что астма пересилила таблетки, и он применил против нее другое, единственное оружие. Углубившись в себя, он начал вспоминать картинки с витрин книжных лавок и из американских комиксов: почти совсем голую блондинку, улыбающуюся с таким видом, будто ее: тело — это шутка, которую она предлагает разделить; съезжившуюся растрепанную девушку с широко раскрытыми глазами и разинутым ртом; полногрудую женщину с расставленными ногами: уперев руки в бедра, она устремляла перед собой пустой эгоистичный взгляд, словно призывая к не менее эгоистичному насилию. Пенис у Тоу отвердел, дышать стало легче. Он сосредоточился воображением на третьей женщине и придал ее лицу сходство с Джун Хейг. Представил встречу с ней в дикой гористой местности, через которую мчался автобус. На Джун были белые шорты и рубашка, однако вместо альпинистских ботинок — туфли на высоких каблуках, и он долго ее насиловал, подвергая различным физическим и психологическим унижениям. Желая избежать кульминационной точки мастурбации, Тоу переключал мысли на другое, поражаясь силе фантазии, способной вызывать в теле подобные перемены. Если пенис увядал, астма наваливалась на

грудь и тисками сдавливала горло; тогда он снова хватался за мысленный женский образ, и кровь разносила по сосудам трепетное химическое волнение, расширяя все протоки, отчего пенис вновь набухал, а дыхательные пути обретали свободу. Но за всем этим неисполненной угрозой маячило удушье.

Автобус остановился на улице с невзрачными домами поблизости от озера. Подруга матери поджидала Тоу и Рут в машине. Рут села на переднее сиденье рядом с ней. Это была маленькая женщина: плотно сжав губы, она резко дергала переключатель скоростей. Тоу, полный сексуальных мечтаний, молча опустился на заднее сиденье, слушая их разговор вполуха.

— Мэри по-прежнему работает в галантерее?

— Да, мисс Маклаглан.

— Жаль. Жаль, что ваш отец не может подыскать себе лучшую работу. Интересно, эти туристические организации, для которых он так старается, платят ему хоть что-то?

— Не думаю. Он работает на них только в свободное время.

— Хм. Надеюсь, вы помогаете матери по дому. Она ведь, как ты знаешь, не очень здорова.

Рут и Тоу смущенно уставились в окошко. Извилистая дорога шла через освещенную косыми лучами солнца обширную заболоченную местность с попадавшимися кое-где озерцами. За изгибом горизонта показалась конусообразная вершина горы, в которой Тоу с неудовольствием узнал Бен-Руа. Для поддержания сексуального возбуждения ему приходилось измышлять все более извращенные картины, и любой сигнал из

внешнего мира, заставлявший вспоминать что-то из пережитого, вызывал у него раздражение своей неуместностью. С болотистой возвышенности они спустились к узкому морскому заливу, на противоположном берегу которого виднелся Кинлохруа — испещренная домиками полоска земли у подножия серо-зеленой горы. Был час отлива, и прозрачное мелководье, отражавшее голубое небо над желтым песком, сверкало изумрудами. Внезапно в уши ворвался приглушенный грохот.

— Это испытания на фабрике боеприпасов, — пояснила миссис Маклаглан. — Будем надеяться, не атомной бомбы.

— Разве после войны фабрику боеприпасов не закрыли? — спросила Рут.

— Закрыли, почти на год, а потом она перешла в ведение Военно-морского министерства. Хостел они тоже прибрали к рукам, но жаль, до сих пор не открыли. Хостел — это лучшее из того, что здесь имелось: он капельку освежил им мозги. До того в Кинлохруа была сплошная мертвечина, и сейчас тут то же самое. А знаете, Мэри Тоу — единственная, с кем я здесь подружилась! Какие подруги из женщин, которые боятся вязать по воскресеньям: что-то скажет священник? Да что общего между этим носатым старикашкой Макфедроном и их вязанием? Твоему брату нехорошо, так?

Рут бросила на Тоу многозначительный взгляд: мол, возьми себя в руки, а вслух произнесла:

— У него приступ одышки, но он запасся таблетками.

— Ладно, как только приедем в гостиницу — отправим его в постель.

В гостинице мисс Маклаглан провела их наверх в небольшую чистенькую спальню с обоями в цветочек. Тоу раздевался медленно: сняв один ботинок, долго смотрел в окно, чтобы оттянуть момент, когда понадобится новое усилие для второго. Крыло здания отделяло заросший мхом запущенный сад от ухоженного сада за окном. Сад окаймляли темно-зеленые сосны и кипарисы. Вокруг квадратного стоячего пруда со сломанными солнечными часами посерединке располагались тропинки и живые изгороди. При виде этого пейзажа Тоу пробрало ощущение медленно творившейся здесь злокозненности. Живые изгороди вытесняла прораставшая сквозь них сорная трава; в тени сорняки становились вялыми и болезненными. Волокнистыми корешками, не уступая многоножкам, различные растения укреплялись в скудной почве, со слепым ожесточением стремясь задушить и удавить друг друга. Между корнями копошились насекомые, личинки и крошечные ракообразные; членистые с жалом и клещами, раздутые и дряблые с жесткими прожорливыми челюстями, длинноногие с твердым панцирем и множеством глаз и щупалец; все они прогрызали ходы, откладывали яйца и впускали яд в растения или в соседей. В разложении природы Тоу чувствовал нечто родственное его собственным низменным фантазиям. Судорожными рывками он сбросил с себя второй ботинок, разделся и забрался в постель. Мисс Маклаглан принесла грелку и спросила, не хочет ли он чего-нибудь почитать. Тоу отказался, книги у него были свои. Рут подала ему еду на подносе. Тоу поужинал, потом занялся

мастурбацией. Спустя десять минут — снова. После этого оружия против астмы у него больше не осталось.

В сад позади гостиницы выходила пыльная веранда, где стоял массивный стол и несколько старых стульев, непригодных для использования в помещении. На следующий день Тоу устроился там с книгами и рисовальными принадлежностями. Тяжело дыша, он сделал карандашные наброски, обвел наиболее удачные тушью и подкрасил акварелью. За работой астма донимала его меньше; проведя почти всю ночь без сна, Тоу закрыл глаза и опустил голову на сжатые кулаки. Он слышал легкий шелест листвы, время от времени доносился птичий щебет, где-то в углу веранды жужжала пчела, но Тоу старательно вслушивался в невнятный говор у себя в голове: смутный отдаленный гул походил на чей-то разговор в соседней комнате. Один из собеседников в запальчивости настолько повысил голос, заглушив монотонное бормотание другого, что Тоу разобрал слова: «...папоротники и трава... самое удивительное насчет травы...»

Посторонний шорох заставил его поднять голову. На залитой солнцем дорожке, вне тени, отбрасываемой верандой, стоял священник, с любопытством за ним наблюдавший. Его фигура в наглухо застегнутом облачении была такой же, какой она запомнилась Тоу, но меньше, а лицо казалось добрее.

— Мне сказали, что ты неважно себя чувствуешь.

— Сегодня с утра мне гораздо лучше, спасибо. Священник поднялся на веранду и взглянул на рисунок:

— Это кто такой?

— Моисей на Синае.

— Каким крошечным дикарем он выглядит среди этих скал под раскатами грома. Значит, ты иллюстрируешь Библию.

— Нет. — Тоу говорил нарочито равнодушным голосом, стараясь не выказать гордости. — Я иллюстрирую доклад, с которым должен выступить в школьном дискуссионном клубе. Название: «Личный взгляд на историю». Картинки будут проецироваться на экран с помощью эпидиаскопа.

— И какое место в твоём взгляде на историю занимает Моисей?

— Он — первый законовед.

Священник рассмеялся:

— В определенном смысле, да, Дункан, несомненно; но опять же, с другой стороны, и нет. Что это ты читаешь? — Он взял со стола брошюру в глянцевой обложке.

— Лекции профессора Хойла о непрерывном творении.

Священник сел на стул, положил руки на ручку зонта и оперся на них подбородком.

— И что профессор Хойл сообщает нам о творении?

— Видите ли, по мнению большинства астрономов, вся материя во Вселенной была некогда сконцентрирована в одном-единственном гигантском атоме, который взорвался, и все созвездия и галактики являются частицами этого давнего атома. Вам известно, что галактики во Вселенной разбегаются, не правда ли?

— Кое-какие слухи до меня дошли.

— Это не просто слухи, доктор Макфедрон, это доказанный факт. Так вот, профессор Хойл полагает, что вся материя во Вселенной состоит из водорода, поскольку атом водорода — простейший по своему строению; далее, он считает, что атомы водорода постоянно возникают в увеличивающемся пространстве между звездами и образуют все новые и новые созвездия и галактики.

— Господи Боже! Это ли не чудо? И ты этому веришь?

— Ну, окончательно эта теория не доказана, но мне она нравится больше других. Она более оптимистична.

— Почему?

— Если верна первая теория, то, согласно ей, когда-нибудь все звезды погаснут, и во Вселенной не останется ничего, кроме пустого пространства и остывших черных обломков. Но если прав профессор Хойл, то вместо умерших звезд всегда будут появляться новые.

— Я счастливым образом вызволен из гибнущей Вселенной, как раз когда надо мной нависла эта угроза, — вежливо откликнулся священник.

Уловив смысл этой фразы, Тоу разозлился и приуныл.

— Доктор Макфедрон, вы говорите — и улыбаетесь, словно я порю сплошную чушь. Во что такое вы верите, что дает вам чувствовать свое превосходство? В Бога?

— Я верю в Бога, — серьезно произнес священник.

— И что Он добр? И сотворил все сущее? И любит все Им сотворенное?

— Я верю и в это.

— Так почему же Он создал кукушат такими, что они могут существовать, только убивая дроздов-птенцов? Где здесь любовь? Почему Он создал хищных зверей, промысляющих лишь убийством? Почему Он вложил в нас потребности, которые можно удовлетворить единственным образом — причиняя зло другим?

— Силы небесные! — улыбнулся священник. — Думаю, сам Господь устрасился бы подобного экзамена. Однако постараюсь ответить. Ты, Дункан, исходишь из допущения, будто я верю, что мир — таков, каков он есть, — творение рук Божьих. Это неверно. Мир был сотворен Господом — и сотворен прекрасным. Бог передал мир человеку, чтобы тот о нем заботился и сохранял его красоту, а человек отдал мир Сатане. С тех пор мир сделался владением дьявола — придатком ада, и каждый, кто в нем рожден, проклят. Мы вынуждены либо зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего, либо воровать его у ближних. В любом случае мы живем в смятении — и чем мы разумнее, тем острее чувствуем наше проклятие, а от этого наше смятение только возрастает. Ты, Дункан, умен. Возможно, ты ищешь знак того, что Бог существует. Если так, то все, что ты обнаружил, — это свидетельство Его отсутствия; или же, как минимум, сделал вывод о том, что дух, управляющий материальным миром, жесток и злобен. Единственное доказательство того, что наш Создатель добр, заключается в нашем недовольстве этим миром (если бы нас создала природа, то жизнь природы вполне бы нас устраивала) — и кроме того, в словах и деяниях Иисуса Христа, о ком ты, вероятно, что-то читал. В твоём взгляде на историю отведено место Христу?

— Да, — с вызовом ответил Тоу. — Я считаю его первым человеком, создавшим религию, согласно которой все индивидуумы обладают одинаковой ценностью.

— Я рад, что ты изображаешь Его достойным уважения, однако Он выше этого. Он — путь, истина, жизнь. Чтобы найти Бога, ты должен поверить в то, что Христос был Богом, и отбросить всякое другое знание как напрасное и бесполезное. И тогда ты должен молиться о ниспослании благодати.

Слушая священника, Тоу в замешательстве ерзал на месте, к тому же глаза у него слипались. Поняв, что от него ждут ответа, он спросил:

— Какой благодати?

— О Царстве Божьем в твоём сердце. Уверенности, что ты избавлен от проклятия. Свободы от смятения. Бог посылает благодать не всем верующим, и лишь немногим — надолго.

— Вы хотите сказать, что, даже если я стану христианином, я никогда не смогу быть уверен в... в...

— Спасении. Господи, конечно же, нет. Бог — не расчетливый делец, наподобие бакалейщика или управляющего банком, дающий унцию спасения за унцию веры. Заключать с ним сделки нельзя. Он не даёт никаких гарантий. Вижу, я утомил тебя, Дункан, извини, хотя и не сказал ничего такого, что почти каждый шотландец не считал бы само собой разумеющимся со времен Джона Нокса^[6] вплоть до двух-трех предшествовавших нам поколений, когда люди поверили, будто мир можно изменить к лучшему.

Тоу стиснул голову руками, отупевший и подавленный. Ответ священника оказался, вопреки ожиданиям, более основательным, и он чувствовал себя пойманным в ловушку. Хотя можно было выставить немало веских контраргументов, он подыскал только один: — А как насчет кукушат? Священник смотрел на него озадаченно.

— Почему Бог создал кукушат такими, что они могут существовать, только убивая дроздов-птенцов? Они тоже вверили мир Сатане? Или виноваты дрозды?

Священник поднялся со стула.

— Жизнь хищных животных, Дункан, настолько отлична от нашей, что испытываемые по отношению к ним сильные чувства неизбежно ведут к тщеславию и самообману. Даже твой отец-атеист в данном случае со мной согласился бы. Ты, как я понимаю, пробудешь здесь недельку-другую. Может быть, обсудим с тобой эти вопросы в следующий раз. Тем временем, надеюсь, ты поправишься.

— Спасибо, — сказал Тоу.

Он притворялся, что чиркает на бумаге, пока священник не удалился, а потом скрестил руки на краю стола и положил на них голову. Его одолевала усталость, однако он знал, что, стоит хоть ненадолго забыться, хищное удушье прыгнет ему на грудь, и потому он попытался отдохнуть, не засыпая. Это оказалось непросто. Он встал, собрал свои вещи и потащился в постель.

В тот день Тоу почти не в силах был вспомнить, что значит хорошо себя чувствовать, погасла и надежда на улучшение. Будущее он мог представить себе только как

повторение настоящего, которое свелось к короткому мучительному действию — частым болезненным глоткам из безбрежного океана воздуха. Он оставил эротические фантазии (ставшие, подобно таблеткам, бесполезными от злоупотребления), но неспешный и упорный жизненный процесс в саду изнурял его, как сама эта жизнь изнуряла питавшую ее почву. Ему представлялось, что природный мир простирается от стен гостиницы на все четыре стороны света необозримыми пространствами бугристой земной поверхности, густо населенной живностью — составом, отдельные части которого возобновлялись через пожирание соседних. В двух-трех сотнях миль к югу располагалась выемка в земле, заполненная камнем и металлом, — Глазго. В Глазго Тоу слегка подбадривала мысль, что, если поднапрячь голос, его крик кто-то услышит и придет ему на помощь. Посреди этих гор кричать не имело смысла: его муки были так же неуместны, как муки дрозда, умерщвленного кукушкой, муки улитки, раздавленной дроздом. Тоу попытался крикнуть, но тут же оборвал себя. Принялся было думать, однако мысли его были скованы словами священника. Неужели существование мира оправдано только тем, что он послан в наказание? В наказание за что?

Вечером мисс Маклаглан позвонила врачу. Врач, войдя в комнату Тоу, сел возле его постели. Это был еще не совсем пожилой человек — лет пятидесяти, с черными усами и квадратной головой, так глубоко ушедшей в плечи, что казалось, он неспособен ее поворачивать без участия всего туловища. Он сосчитал у Тоу пульс, измерил температуру, спросил, давно ли с ним такое, и с недовольным видом что-то пробурчал. Мисс Маклаглан внесла мисочку с кипятком, в которой лежала металлическая ванночка. Врач вынул из нее стеклянные

и металлические детали, соорудил из них шприц для подкожных инъекций, наполнил его жидкостью из пузырька с резиновой пробкой и попросил Тоу закатать рукав пижамы. Тоу устремил взгляд в потолок, стараясь сосредоточить все свое внимание на трещине в углу. Кожу выше локтя протерли чем-то холодным и проткнули иглой. Стальное острие, разрывавшее мышечную ткань, заставило его стиснуть зубы. От вливания жидкости в мышцу возникла легкая боль, потом иглу убрали — и с Тоу начало твориться нечто удивительное. От руки по всему его телу, на сей раз без всякого умственного усилия, разлился покалывающий освободительный ток, вызывавшийся ранее только эротическими средствами. Конечности, нервы, мускулы, суставы — все без исключения — расслабились, легкие досыта наполнились воздухом; Тоу дважды чихнул и откинулся на подушку в совершенном блаженстве. Астма больше не угрожала возвратом. Нельзя было и вообразить, что ему снова станет плохо. Тоу посмотрел на сад под теплым солнцем. Разросшийся у пруда розовый куст покрылся белыми бутонами, над одним из них черной точкой шевелилась пчела. Наверняка она наслаждается? Наверняка куст вырос ради собственного удовольствия? Все растения в саду, казалось, достигли своих положенных размеров и теперь покоились в янтарном свете закатного солнца. Сад выглядел здоровым. Тоу в приливе рабской благодарности повернул голову к обычному на вид невеселому человеку, который свершил эту перемену. Доктор, слегка нахмутив брови, рассматривал лежавшие на прикроватном столике книги и рисунки.

— Получше теперь? — спросил он.

— Да, спасибо. Спасибо огромное. Мне гораздо лучше. Теперь я смогу заснуть.

— М-м. Думаю, тебе известно, что твоя разновидность астмы отчасти вызвана психологическими причинами.

— Да.

— Ты много читаешь, так ведь?

— Да.

— Даешь волю рукам?

— Нет, разве кто очень напрашивается.

— Я не о том. Онанизмом занимаешься?

Тоу залился краской и уставился на одеяло.

— Да.

— Как часто?

— Четыре-пять раз в неделю.

— М-м. Довольно-таки часто. Мнения на этот счет до сих пор расходятся, однако есть свидетельства того, что в результате мастурбации нервные заболевания обостряются. Пациенты психиатрических клиник, к примеру, и вправду много мастурбируют. На твоем месте я постарался бы от этого отказаться.

— Да. Да-да, я постараюсь, непременно.

— Вот тебе таблетки изопреналина. Если станет хуже, разломи одну и рассоси половинку под языком. Думаю, это тебе должно помочь.

После ухода доктора на душе у Тоу было не очень спокойно, однако заснул он сразу же.

Тоу очнулся глубокой ночью: ему было так плохо, как никогда. Таблетки изопреналина не подействовали: образ Джун Хейг встал у него перед глазами — неотвязный, прожигающий насквозь раскаленной кочергой. «Если я стану думать о ней просто так, — сказал себе Тоу, — все будет хорошо. Мастурбировать незачем». Он принялся думать о Джун просто так — и через десять минут не удержался. Хищное удушье набросилось на него вновь. Тоу прижал к груди стиснутые кулаки и с усилием втянул в себя воздух: в горле у него клокотало. Страх разросся до панического, в голове завертелись обрывки бессвязных мыслей: Не могу ты не нет не буду оно придет тону нет нет нет тону в нет нет нет нечем дышать не могу вы не оно есть...

В мозгу загудело. Подступал обморок, но от внезапно оформившейся мысли — Если я заслужил это, то это благо — сознание начало возвращаться, наполняя его ликованием. Глядя на лампочку ночника, Тоу усмехнулся. Мука вытеснила страх. Хрипло дыша, он взял с прикроватного столика блокнот и карандаш — и крупными неровными буквами записал:

Господи Боже Ты существуешь Ты существуешь мое наказание — тому подтверждение. Мое наказание не выше того что я могу вынести страдаю я справедливо боль уже меньше оттого что я понял это справедливо я никогда больше не буду этого делать борьба будет нелегкой но с Твоей помощью я к ней готов я никогда больше не буду этого делать.

На следующий день он проделал это трижды. Мисс Маклаглан отправила матери Тоу телеграмму, и та через день приехала. Стоя возле его постели и с печальной

улыбкой глядя на него сверху вниз, она покачала головой:

— Что, сынок, расклеился? — Тоу улыбнулся в ответ. — Бедняжечка мой. Поправишься чуть-чуть — и я с тобой останусь, побуду немножко. Вот и повод для отпуска.

Тоу переместили в большую комнату с низким потолком, где стояли две кровати. Одна была отведена ему, на другой расположились Рут с матерью. Ночью, когда потушили свет, Рут попросила:

— Спой нам, мамочка. Ты уже сто лет нам не пела.

Миссис Тоу спела несколько колыбельных, потом разные сентиментальные песенки равнинной Шотландии — «Лови овец», «Тише, пташечка, пой», «Не тартан мой». Когда-то миссис Тоу получала премии на музыкальных фестивалях, а сейчас могла брать высокие ноты только вполголоса, почти что шепотом. Она запела было «Красавчика Джорджа Кэмпбелла», который начинается с пронзительно-жалобной ноты, но голос у нее сорвался, начал фальшивить, она умолкла и рассмеялась:

— Ах, теперь это не для меня. Я уже состарилась.

— Нет! Не состарилась! — хором запротестовали Рут и Тоу.

Эти слова их встревожили.

Миссис Тоу заметила:

— Давайте лучше попробуем поспать.

Тоу, тяжело дыша, откинулся на подушки. Когда он закашлялся, миссис Тоу с надеждой сказала:

— Хорошо, сынок, хорошо, откашляйся как следует, сплюнь мокроту. — И потом: — Ну вот, теперь тебе лучше, правда?

Откашляться как следует и сплюнуть мокроту Тоу не удалось, и лучше ему не стало, а сознание того, что мать не спит, озабоченная его болезненной одышкой, только ухудшало его самочувствие. Он постарался лежать как можно спокойней, накапливая в горле комки слизи; с соседней кровати не доносилось ни звука, и он решил, что мать заснула, однако стоило ему разок украдкой кашлянуть, раздавался скрип: конечно же, мать не спала и чутко вслушивалась.

Вдруг Тоу резко сел в постели и расхохотался в темноте. Он долго размышлял о ключе — носился с ним в мечтах, а теперь разом увидел все мироздание, проник в суть вещей. Выразить увиденное словами было трудно, но ему хотелось с кем-то поделиться открытием.

— Все есть ненависть, — сонно забормотал он. — Мы целиком состоим из ненависти, мы — огромные шары, надутые ненавистью. Связанные вместе ленточками, которые Рут носит в волосах.

Обе женщины вскрикнули.

— Теперь ясно, — проговорила миссис Тоу звенящим голосом. — Мы едем домой. Едем домой завтра же. Должен же найтись кто-нибудь, кто знает, как его вылечить.

— Ты эгоист, законченный эгоист! Тебе ни до кого нет дела, кроме себя! — взвизгнула Рут и разрыдалась.

Тоу испытывал растерянность; он понимал: его слова совсем не выражали того, что он хотел ими сказать. Он сделал новую попытку.

— Люди — это пироги, сами себя выпекают и поглощают, и рецепт этого блюда — ненависть. Мне кажется, я похоронен в этом саду с каменными горками... — Он смутно различал очертания спальни и знал, где лежат мать и сестра, однако чувствовал себя заваленным по самые подмышки грудой каменных обломков.

— Замолчи! Замолчи! — выкрикнула миссис Тоу.

Наутро Тоу с матерью возвратились в Глазго. Рут получила разрешение остаться. В тот день в Кинлохруа заходило пассажирское судно: мисс Маклаглан доставила их на берег и махала с причала, пока они отплывали в море. Солнце сияло так же ярко, как и пять дней назад, но Тоу впервые со времени приезда увидел громадный зеленый склон Бен-Руа. Дул свежий крепкий ветер. Один из моряков — худой мальчик того же возраста, что и Тоу, — прислонившись к трубе, играл на губной гармонике. Чайки зависали с распростертыми крыльями в воздушных потоках. Тоу сел на вентилятор, выпиравший из палубы наподобие алюминиевой поганки; мать рядом с ним махала фигурке, которая виднелась на удалявшемся пирсе. На вершине горы различалась белая точка триангуляционного пункта. Тоу задумался о минувшей ночи, стараясь вызволить из путаницы выкриков в темноте явленное ему видение ключа. Он склонялся к мысли, что как водород служит материальной основой Вселенной, так и ненависть — основа сознания. При ярком блеске солнца эта идея не выглядела убедительной. Тоу чувствовал себя на

удивление слабым, но и освобожденным: оставаясь неподвижным, он и не вспоминал об астме.

Спустя два дня Тоу беспечной походкой отправился вместе с Коултером в художественную галерею. По дороге он рассказал Коултеру о своей поездке в Кинлохруа и беседе с доктором. Коултер разозлился:

— Глупость! В нашем возрасте онанизмом занимаются все. Это естественно. Эта штука вырабатывается — и как еще от нее избавляться? По мне, пять раз в неделю вполне нормально.

— Но доктор сказал, что пациенты в психиатрических больницах только этим и занимаются.

— Верю. Психи такие же, как и мы. Другие способы секса им недоступны. И куда еще им девать время?

— Но сейчас стоит мне только это сделать, как у меня начинается приступ.

— Допускаю. Доктор заставил тебя думать, что у тебя будет приступ астмы после мастурбации, вот он и происходит. Любого можно заставить поверить во что угодно, если только как следует постараться. Помнишь, я внушил тебе, будто я немецкий шпион?

Тоу заулыбался:

— Самое забавное, что доктор склонил меня и к вере в Бога.

— Каким это образом? Да нет, не говори, я и сам догадываюсь, — отмахнулся Коултер, поморщившись. — Спорим, ты чувствовал себя особо важной персоной, наказанной Богом за то, что другим Он легко спускает с рук. Не хочется тебя разочаровывать, но лучше выброси

из головы и Бога, и мастурбацию и будь нормальным астматиком.

Глава 19 Миссис Тоу исчезает

Тоу раскрыл дневник и записал:

Они вошли в просторную палату Королевского лазарета. Сквозь высокие окна с неба лился сумрачный свет. Миссис Тоу лежала в подушках: вид у нее был изможденный и болезненный, но до странности моложавый. Анестезия стерла с ее лица следы многих забот. Она казалась печальнее, чем обычно, — и все же спокойней. Тоу подошел к кровати со стороны изголовья и начал прилежно расчесывать спутанные волосы. Держа каждую прядь в левой руке и расчесывая ее правой, он заметил, что пробившаяся седина придала прежнему темному цвету волос матери какой-то пыльный оттенок. О чем заговорить, придумать Тоу не удавалось, а это занятие их сближало без помощи неловких слов. Поглаживая руку жены и глядя в окно, мистер Тоу сказал:

— Вид отсюда просто замечательный.

Невдалеке, над плоскими черными надгробиями, стоял старинный, покрытый копотью готический кафедральный собор. За ним, на холме, громоздился некрополь — со ступенями искусно выполненных мавзолеев, — на вершине которого торчали острия памятников и обелисков. Над всеми ними возвышалась

колонна с большой каменной фигурой Джона Нокса — бородатого, в шляпе и римской тоге; в правой руке он держал раскрытую гранитную книгу. Деревья между могилами были голые; осень подходила к концу. Миссис Тоу улыбнулась и грустно прошептала:

— Сегодня утром я видела там похоронную процессию. Нет, отсюда вид не самый бодрящий.

Мистер Тоу втолковал детям, что матери на то, чтобы достаточно окрепнуть, понадобятся недели, а после того она еще не один месяц должна будет провести в постели. Ведение домашнего хозяйства придется реорганизовать — и все обязанности распределить между ними тремя. Из этой реорганизации ничего толкового не вышло. Тоу и Рут постоянно пререкались, кому что делать; нередко Тоу из-за болезни вообще переставал работать по дому; Рут считала это хитрой уловкой, придуманной с целью взвалить все на ее плечи, и уличала брата в лени и притворстве. В конечном счете вся работа доставалась мистеру Тоу: по субботам он стирал и гладил белье, готовил завтрак и кое-как наводил чистоту. Между тем на мебели, на линолеуме и на оконных стеклах слой грязи становился все заметнее.

Школьные занятия утомляли Тоу теперь гораздо меньше. Кульминационная точка пятилетней учебы — экзамен на получение аттестата — предстояла через несколько месяцев, и все соклассники Тоу корпели над книгами и тетрадями, роясь в них, будто кроты. Тоу наблюдал за ними спокойно, с легким сожалением — точно таким же, когда они играли в футбол или шли на танцы: сами эти занятия не очень его интересовали, но возможность принять в них участие сделала бы его менее

отверженным. Учителя с отличников и безнадежно отстающих переключились на середнячков, и Тоу мог теперь изучать в свое удовольствие только те предметы, которые ему нравились (искусство, английский, историю); на уроках латинского или математики он, устроившись подальше от преподавателя, писал или рисовал в блокноте. После Рождества он узнал о том, что освобожден от выпускного экзамена по латинскому, и это высвободило для него еще шесть часов в неделю. Это время он посвящал рисованию. Отделение изобразительного искусства размещалось в беленых комнатках с низкими потолками на верхнем этаже здания, и там Тоу подолгу просиживал за иллюстрациями к Книге пророка Ионы. Учитель — добродушный старичок, — заглянув к нему через плечо, иногда что-нибудь спрашивал:

— Э-э... тут предполагается юмор, Дункан?

— Нет, сэр.

— Для чего же тогда котелок и зонтик?

— А что юмористического в котелках и зонтиках?

— Ровно ничего! Я сам в сырую погоду хожу под зонтиком... у тебя есть какой-то план, что сделать с готовой работой?

— Не знаю, — промямлил Тоу.

Он собирался вручить рисунки Кейт Колдуэлл.

— Что ж, думаю, особенно изощряться не стоит, лучше поскорее закончить. Экзаменатор, конечно, без внимания не оставит, но большее впечатление на него произвели бы очередной натюрморт или эскиз гипсового слепка.

Иногда в перемену Тоу выходил на балкончик и смотрел вниз в зал, где капитан футбольной команды, школьный чемпион по плаванию и несколько старост обычно весело болтали с Кейт Колдуэлл, которая сидела с подругой на краю стола под военным мемориалом. До него волнами доносились ее смех и негромкий, с придыханием, голос; Тоу подумывал, не присоединиться ли ему к их компании, но при его появлении наступила бы выжидательная пауза, и снова пошли бы слухи о его влюбленности.

Однажды Тоу вышел на балкончик и увидел Кейт на балкончике напротив. Она улыбнулась и помахала ему: Тоу инстинктивно бросил на нее ответный робкий взгляд, открыл дверь и жестом пригласил ее войти. Кейт обошла кругом галерею и, широко улыбаясь, появилась у входа. Тоу спросил:

— Хочешь посмотреть, что я делаю? В смысле — что рисую?

— О, Дункан, с удовольствием.

В комнате, кроме них, сидел еще староста класса по имени Макгрегор Росс, копировавший прямой шрифт. Тоу вынул из шкафчика папку и разложил перед Кейт свои рисунки один за одним.

— Христос разубеждает знахарей в храме. Жерло преисподней. А это фантастический пейзаж. Безумные цветы. Все эти иллюстрации я делал для доклада в дискуссионном клубе...

Кейт встречала каждый рисунок возгласами удивленного восхищения. Тоу показал ей неоконченную серию иллюстраций к Книге пророка Ионы.

— Это чудесно, Дункан! — воскликнула Кейт. — Но зачем Ионе зонтик и котелок?

— Потому что он был таким человеком. Единственным из пророков, пророком быть не желавшим. Господь навязал ему эту судьбу. Я представляю его себе пожилым толстяком — служащим страховой компании, от природы рохлей и посредственностью, которого Бог заставляет проявить отвагу и обрести величие.

Кейт кивнула с сомнением:

— Понимаю. А куда ты это денешь, когда закончишь?

Сердце Дункана глухо забилося о ребра.

— Может, подарю тебе. Если тебе нравится.

Кейт просияла:

— О, спасибо, Дункан, мне очень хочется иметь это у себя. Ты замечательно придумал. Это ведь и вправду... А чем ты занимаешься? — повернулась она в сторону Макгрегора Росса.

Она придвинула стул к его столу и близко склонила голову к голове Макгрегора Росса, который минут двадцать показывал ей, как правильно писать тушью.

Миссис Тоу выписали из больницы в начале года. Миссис Гилкрест с нижнего этажа и две-три другие соседки навели перед ее возвращением чистоту: вымыли полы и стерли пыль, добравшись до самых дальних уголков.

— Теперь вы должны вести себя особенно хорошо, помогать маме во всем, — услышали дети строгий

наказ. — Помните, что ей еще долго нельзя будет вставать с постели.

— Суют нос куда не надо, старые ведьмы, — проворчала Рут.

— Они хотят как лучше, — примирительно заметил Тоу. — Просто не умеют выбрать слова.

Миссис Тоу доставили домой на санитарной машине и уложили на просторную кровать в передней спальне. Ей разрешили по вечерам сидеть у камина, и вскоре она настолько окрепла, что дети начали с ней пререкаться, не испытывая чувства особой вины. Тоу принес законченную «Книгу пророка Ионы». Миссис Тоу положила папку на колени, задумчиво просмотрела рисунки, попросила кое-что объяснить, а потом с серьезным видом сказала:

— Знаешь, Дункан, из тебя выйдет хороший священник.

— Священник? С какой стати?

— Ты рассуждаешь как священник. Что ты собираешься сделать с этими рисунками?

— Отдам их Кейт Колдуэлл.

— Кейт Колдуэлл! Но почему? Почему?

— Потому что я ее люблю.

— Не глупи, Дункан. Что ты понимаешь в любви? Да она твой подарок наверняка и не оценит. Рут говорит, что она просто-напросто обыкновенная вертихвостка.

— Я отдам ей рисунки не для того, чтобы она их оценила. Я отдам их потому, что я ее люблю.

— Дурь. Чистейшая дурь. Над тобой вся школа станет потешаться.

— Какое мне до этого дело?

— Тогда ты еще больший дурень, чем я думала. У тебя нет ни самолюбия, ни гордости — ни капли; вот женишься на первой же пустышке, которая на тебя обратит внимание, и тогда наплачешься.

— Может, и твоя правда.

— Но этого не должно быть! Тебе нельзя это допустить! Ну, почему же ты, почему... Ох, ладно, ладно, пусть будет по-твоему.

Кожное заболевание возобновилось: горло у Тоу выглядело так, словно он неудачно пытался его перерезать. По утрам он подходил к постели матери, и та туго обматывала ему шею до самого подбородка шелковым шарфом, закрепляя его английскими булавками, что придавало Тоу скованный вид. Войдя как-то в классную комнату, он поймал на себе взгляд Кейт Колдуэлл. Возможно, она ожидала чьего-то появления или же просто скользнула глазами по двери в рассеянной задумчивости, но на лице у нее выразилась невольная жалость, и это возбудило в Тоу острейшую ненависть. Его черты исказились непримиримой яростью, с которой он не сразу сумел совладать. Кейт озадаченно замерла, потом, потрянув головой, принялась судачить с подружками. Вечером, не испытывая никаких чувств, Тоу отдал «Книгу пророка Ионы» Рут и угрюмо подсел к матери.

— Знаешь что, Дункан? — сказала миссис Тоу. — Рут оценит твой подарок в тысячу раз лучше, чем Кейт Колдуэлл.

— Я знаю. Знаю, — отозвался Тоу.

Где-то под сердцем у него болело, будто оттуда что-то вынули.

— Ах, сыночек, сыночек, — вздохнула миссис Тоу, протягивая к нему руки, — забудь об этой Кейт Колдуэлл. Твоя старая мама всегда с тобой.

— Да, мамочка, я знаю, — рассмеялся Тоу, обнимая мать. — Но только это не одно и то же, не одно и то же.

Начались выпускные экзамены, но особенного события Тоу в этом не усматривал. В настороженной тишине экзаменационной комнаты он взглянул на листок с заданием по математике и усмехнулся, не сомневаясь, что провалится. Выглядело бы слишком вызывающе, если бы он встал и вышел за дверь немедленно, поэтому Тоу развлечения ради попытался решить две-три задачи, используя вместо чисел слова и выписывая уравнения наподобие логических доказательств, но очень скоро это ему наскучило: заметив осуждающе приподнятые брови классного наставника, он с отсутствующим видом поднялся с места, вручил ему листки и поднялся наверх в кабинет изобразительного искусства. Остальные экзамены оказались, как он и ожидал, пустяковыми.

Миссис Тоу постепенно окрепла, однако во время экзаменов подхватила простуду, что вызвало рецидив болезни. Теперь она вставала только в уборную.

— Может, лучше пользоваться подкладным судном? — спросил мистер Тоу.

Миссис Тоу рассмеялась:

— Если я не смогу дойти до уборной сама — значит, мне конец.

Как-то вечером, когда они с Тоу остались в доме одни, миссис Тоу спросила:

— Дункан, а что в гостиной?

— Там довольно тепло. Огонь что надо. И не такой уж беспорядок.

— Я, пожалуй, встану и посижу у огонька, погреюсь немного.

Миссис Тоу откинула одеяло и спустила ноги с кровати. Тоу с беспокойством увидел, насколько они исхудали. Толстые шерстяные чулки, которые он помог ей натянуть, обвисли на; лодыжках складками.

— Точь-в-точь две палочки, — сказала миссис Тоу с улыбкой. — Узница концлагеря.

— Не пори чушь! — оборвал ее Тоу. — Месяц-другой — и все наладится.

— Я понимаю, сынок, понимаю. Дело долгое.

Теперь Тоу делил с отцом раскладной диван. Спал он плохо: в середке матраца было углубление, где мистер Тоу, будучи потяжелее, естественным образом и помещался, а Тоу с трудом удерживался, чтобы на него не скатиться. Однажды ночью, когда свет уже потушили, он заметил, как хорошо будет всем вернуться на свои спальные места, как только матери станет лучше. Мистер Тоу, помолчав, странным голосом спросил:

— Дункан, я думаю, ты... ты не питаешь чрезмерных надежд на то, что маме станет лучше?

— Пока человек живет, то и надеется, — беспечно откликнулся Тоу.

— Дункан, надеяться не на что. Операцию, видишь ли, сделали слишком поздно. Мама поправляется после операции, но это ненадолго. Печень у нее поражена неизлечимо.

— И она умрет... а когда?

— Через месяц. Может быть, через два. Зависит от того, как долго выдержит сердце. Печень не справляется с очищением крови, и тело не получает достаточного питания.

— Она об этом знает?

— Нет. Пока нет.

Тоу отвернулся и в темноте поплакал. Слезы не лились бурными ручьями, просто тихо катились из глаз.

Тоу проснулся от грохота и громкого крика. Мать корчилась на полу в коридоре. Попыталась дойти до уборной — и не смогла.

— Ах, папочка, мне конец. Мне конец. Со мной все, — повторяла она, пока мистер Тоу помогал ей добраться до постели.

Тоу недвижно застыл у дверей гостиной: в голове у него все еще отдавался материнский крик. В момент пробуждения он не казался ему внезапным: этот крик он уже слышал давным-давно — и потом дожидался всю жизнь, чтобы услышать снова.

Два дня спустя Тоу и Рут вернулись из школы вместе. Дверь им открыл мистер Тоу со словами:

— Ваша мама хочет вам что-то сказать.

Они вошли в спальню. Мистер Тоу остался у дверей наблюдателем. Кровать была передвинута к окну, чтобы

больная могла глядеть на улицу. Миссис Тоу, обратив к вошедшим лицо, робко проговорила:

— Рут, Дункан, я знаю, что очень скоро я... я просто усну и больше не проснусь.

Рут, всхлипнув, бросилась из комнаты, мистер Тоу последовал за ней. Тоу подошел к постели и прилег на нее между матерью и окном. Нащупал под покрывалом ее руку и сжал своей. После короткого молчания миссис Тоу спросила:

— Дункан, как ты думаешь, будет что-то потом?

Тоу ответил:

— Нет, не думаю. Только сон. — Печаль, прозвучавшая в голосе матери, заставила его добавить: — Учти, многие поумнее меня верят, что потом начинается новая жизнь. Если это так, она не будет хуже, чем эта.

Несколько дней по возвращении из школы Тоу снимал ботинки и ложился бок о бок с матерью, держа ее за руку. Подавленности, говоря по правде, он не испытывал. В эти минуты он почти ни о чем не думал и мало что чувствовал, да и не произносил ни слова: разговаривать миссис Тоу становилось уже не под силу. Обычно он смотрел за окно. Улочка, хотя и примыкавшая к шоссе, была тихой, залитой, как правило, холодным весенним солнцем. Напротив стояли сдвоенные домики с садиками, где росли лилии и ракитник. Если Тоу что-то и ощущал, то только покой и уединенность, близкие к довольству. Все это время Рут, мало интересовавшаяся хозяйством, неустанно хлопотала по дому: делала уборку и возилась на кухне, готовила для матери легкие блюда и пекла разные сладости, однако скоро миссис Тоу

пришлось перевести исключительно на жидкую пищу: от слабости она лишь шептала что-то невнятное и едва приоткрывала глаза. Разговоры в доме почти прекратились; как-то Тоу обратился к сестре, начав фразу словами:

— Когда мама умрет...

— Она не умрет, — перебила Рут.

— Но, Рут...

— Нет, она не умрет. Ей становится лучше, — с победным видом заявила Рут.

В школе устные экзамены должны были подкрепить результаты письменных. Учитель английского велел выучить наизусть какой-нибудь прозаический отрывок для декламации вслух — предпочтительно из Библии. Тоу решил шокировать экзаменатора чтением эротических стихов из Песни песней Соломона, которые начинались так: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!» Утром, перед устным экзаменом по английскому, он заглянул после завтрака проведать мать. Она бессильно лежала на подушках, между едва раскрытыми ресницами виднелась узкая полоска белка.

— Я умраю, умраю, — невнятно повторяла она в отчаянии.

— Все хорошо, Мэри, все хорошо, — приговаривал мистер Тоу. — Ты не умрешь. Ты не умрешь.

— О-о, я умраю, умраю.

— Успокойся, ты поправишься, ты поправишься.

Впервые за две недели миссис Тоу вздрогнула всем телом и с усилием села в постели. Глаза ее расширились, она с трудом разлепила губы и, пронзительно выкрикнув:

«Я хочу умереть! Я хочу умереть!», упала на подушки. Тоу рухнул в кресло, стиснул голову руками и громко зарыдал. Через десять минут он уже мчался стремглав через залитый солнцем парк, выкрикивая строки из Песни песней.

Когда он вернулся домой, миссис Тоу лежала недвижно — спокойная, как никогда прежде, дыхание ее было слабым, с еле слышной хрипотцой.

Тоу приложился губами к ее уху и жарко прошептал:

— Мама! Мама! Я сдал английский. Сдал экзамен на аттестат.

По губам миссис Тоу скользнула слабая улыбка и растворилась в чертах лица, как вода уходит в песок. На следующее утро, когда миссис Гилкрест с нижнего этажа пришла вымыть больную и отодвинула штору у изголовья кровати, ей послышался тихий шепот: «Назавтра». Однако днем известие о том, что Тоу успешно сдал экзамены по рисованию и истории, не достигло ее сознания, или она сделалась равнодушной ко всему.

Миссис Тоу умерла через три дня, ранним субботним утром. Накануне вечером миссис Гилкрест и миссис Уишоу из соседней на площадке квартиры дежурили в гостиной и никуда не ушли, когда Тоу начал там укладываться на ночлег. Мистер Тоу сидел в спальне у постели жены, держа ее за руку. Проснувшись, Тоу увидел просачивающийся сквозь шторы рассвет: соседок в комнате не было — и он понял, что мать умерла. Он встал, оделся, съел тарелку кукурузных хлопьев и включил радио, чтобы послушать юмористическую

программу. Войдя в гостиную, мистер Тоу растерянно попросил:

— Дункан, сделай, пожалуйста, чуточку потише! Соседки будут недовольны, если услышат.

Тоу выключил радио и отправился прогуляться вдоль канала. Стоя на краю глубокого каменного русла, он бездумно следил за пенистыми водоворотами вокруг гниющих бревен.

Днем он зашел к Коултеру, как давно уже собирался. Миссис Коултер была с мужем на прогулке, и Тоу сидел у очага, пока Коултер, в сорочке и штанах, умывался у раковины.

— Кстати, Боб, этой ночью мать у меня умерла, — неловко выговорил Тоу.

Коултер неторопливо обернулся к нему:

— Ты шутишь, Дункан.

— Нет.

— Но я видел ее две недели назад. Она со мной разговаривала. Выглядела нормально.

— Угу.

Коултер вытер руки полотенцем, пристально глядя на Тоу.

— Не надо держать это в себе, Дункан. Потом будет хуже.

— Я ничего в себе не держу.

Коултер натянул на себя рубашку и пуловер и озабоченно сказал:

— Досадно, но я договорился в три встретиться с Сэмом Лэнгом на спортивной площадке. Собираемся потренироваться в беге. Может, ты не против, если мы пойдем вместе?

— Не против.

По возвращении домой Тоу застал агента похоронного бюро. В спальне, на подстилке возле камина, на козлах лежал гроб. В верхней части крышки имелось квадратное отверстие, через которое было видно лицо миссис Тоу. Тоу растерянно с неприязнью всмотрелся. Черты материнского лица не изменились, однако всякое сходство с ее живым лицом исчезло. В этом предмете не было даже мнимой жизни произведения искусства, а его субстанции недоставало целостности глины или бронзы. Он тронул лоб матери пальцем и ощутил холодную кость под холодной кожей. Эта компактная масса мертвой материи не была лицом матери. Это было ничье лицо.

В дни до похорон спальню наполнял затхлый сладковатый запах, проникавший во все уголки дома. Под гробом поместили дезодоранты — того сорта, что используют в уборных, — но они мало что меняли. Во вторник священник из церкви миссис Тоу отслужил в гостиной короткую службу, после чего гроб туго завинтили и осторожно спустили вниз по лестнице к катафалку. В гостиной толпились соседи, старые друзья и родственники, о которых Тоу слышал от родителей, однако раньше и в глаза не видел. Во время службы дверь порой украдкой приоткрывалась, чтобы впустить запыхавшихся пожилых людей. Тоу стоял у буфета в костюме с иголки. Ему подумалось, что священник за последние недели ни разу не навестил мать — и вовсе не

из-за небрежения долгом (это был энергичный добросовестный юноша), но потому, что его приход был бы неуместным вторжением. Для миссис Тоу и ее подруг церковь являлась местом собраний. По воскресеньям они посещали службу, по четвергам — общественный клуб при церкви, однако никого из них нельзя было заподозрить в набожности. Миссис Тоу была потрясена, когда несколько лет тому назад Тоу объявил себя атеистом, и не менее потрясена вторично, когда вскорости он причислил себя к христианам и стал кротко подставлять вторую щеку в ссорах с Рут. На ум Тоу пришла фраза: «Утешения религии». Насколько он понимал, его мать жила и умерла, не дождавшись никакого утешения.

По окончании службы Тоу с отцом, священником и несколькими сопровождающими спустились вниз к машинам. Это были лакированные черные «роллс-ройсы» с бесшумными двигателями — и, когда они неслись через улицы северных пригородов, Тоу, с комфортом расположившись у окошка, чувствовал себя важной персоной. День был пасмурный: Глазго накрыла серая крышка, из которой сочился мелкий дождь. Муниципальное кладбище находилось на самой окраине, и с трех сторон его окружали открытые поля. У ворот произошла задержка. Автомобили выстроились в цепочку за предыдущей похоронной процессией. Постепенно пробка рассосалась — и, поднявшись по извилистой дорожке между мокрыми рододендронами, они остановились у маленькой церкви в викторианско-готическом стиле с дымовой трубой. Остальные соседи и родственники ожидали у входа и проследовали за Тоу и его отцом внутрь. Тоу с отцом остановились у переднего ряда скамей, все прочие

столпились позади. Прямо перед ними возвышалась кафедра, а по правую сторону от нее на низком помосте стоял гроб. И помост, и гроб были накрыты тяжелой алой тканью. Все молчали, и Тоу начал недоумевать, почему никто не садится. Та же мысль, очевидно, пришла в голову и отцу, поскольку он сел, — все последовали его примеру. Священник в черном облачении с двумя белыми полосками ткани, спускавшимся с воротника — знаками доктора богословия, взошел на кафедру, прочитал молитву и назвал гимн. Все снова встали, спели гимн и снова сели. Священник достал лист бумаги и произнес:

— Прежде чем мы продолжим службу, я, как меня попросили, прочитаю вам следующее: «В последние месяцы болезни Мэри Тоу была прикована к постели. Я желал бы поблагодарить многих добрых друзей и соседей, по мере сил облегчивших ей это трудное время. Ей приносили фрукты и печенье, но гораздо более драгоценным подарком было их общество. Мне хотелось бы сказать от имени Мэри, как высоко ценила она эти знаки внимания, и выразить всем благодарность, которую сама она сегодня выразить не в состоянии».

На задних скамьях кто-то засопел и высморкался. Тоу покосился на отца и шепнул: «Отлично». Служба продолжилась. При словах «Прах возвратится к праху» послышалось тяжелое приглушенное гремяние, и алая ткань начала оседать по мере того, как гроб под ней опускался вниз. На мгновение ткань вздулась от напора воздуха, потом провисла с сохранившимся на месте гроба прямоугольным углублением. Сердце Тоу остро кольнуло чувство утраты, но его тут же вытеснило воспоминание о фокуснике, взмахом руки заставившего ячменную лепешку исчезнуть из-под носового платка.

По выходе из церкви собравшиеся расправили плечи и начали громко и весело переговариваться.

— Ну как, все прошло неплохо, правда?

— Прекрасная служба, прекрасная.

— Привет, привет! Давненько не виделись. Как поживаешь, Джим?

— Сносно. Прекрасная служба, согласен?

— Еще бы! Мне понравилось то, что прочитал священник.

— О добрых соседях славно было сказано.

— Как же, разве она их не заслужила? И сама была доброй соседкой.

— Кто это там маячит у ворот? Неужто старина Нейл Баннерман?

— Он самый. Нейл Баннерман и есть.

— Господи боже, да он совсем развалина. Сущя развалина. Подумать только, пережил Мэри Тоу. Последний раз я видел его на похоронах ее отца лет десять тому назад.

— Точно, а... э-э... послушай, где-то тут вроде бы закуска выставлена?

— Знаешь, чай накрыт в «Гранд-отеле» на Чаринг-Кросс. Садись ко мне в машину.

Мужская половина родственников собралась в отдельном кабинете гостиницы на Сочихолл-стрит на плотный ужин с чаем, холодной ветчиной и тушеными овощами. Болтали о старых знакомых, о футболе и о тех временах, когда местные церкви имели собственные футбольные команды. Тоу сидел молча. Случайно был

упомянут Бернارد Шоу, и Тоу попросили рассказать какой-нибудь связанный с ним случай. Рассказ приняли на ура. Возвращался Тоу с отцом в чьей-то машине. Дождь разошелся вовсю. Тоу подумалось, как приятно было бы оказаться дома у камина в спальне и выпить чаю с матерью, но потом вспомнил, что этому теперь не бывать.

Мистер Тоу пожелал развеять прах жены на склоне холма с видом на Лох-Ломонд: там они гуляли вдвоем до свадьбы. Солнечным и ветреным весенним утром семейство отправилось к Лох-Ломонд поездом. Тоу держал продолговатую деревянную коробочку с прахом на коленях. Крышка ничем не была закреплена, и Тоу раза два ее приподнимал, чтобы с любопытством взглянуть на мягкий серый порошок внутри, который ничем не отличался от сигаретного пепла.

— Осторожнее, Дункан, — предостерег его мистер Тоу.

— Не волнуйся, раньше времени мы ее не рассыплем, — отозвался Тоу и не без удивления заметил, как у отца вытянулось лицо.

Они взобрались на холм по каменной дорожке, утонувшей в зарослях кустарника и цветущих живых изгородей. Выше через зеленое поле пролегла проселочная дорога, дальше они пролезли через пролом в невысокой земляной ограде и выбрались на песчаную тропу посреди вересковой пустоши, где вокруг них слышались крики кроншнепов. У тропы лежал плоский камень с отверстием посередине: сюда, готовясь к сражению, клан Колкухуна водрузил свой стяг.

— Думаю, место вполне подходящее, — заметил мистер Тоу.

Они присели отдохнуть, глядя вниз на озеро с зелеными островками. На севере отчетливо вырисовывалась неровная стена горных пиков: казалось, о них можно постучать костяшками пальцев. Выждав, пока удалится молодая пара, заглядевшаяся на пейзаж, они открыли коробочку и горстями раскидали прах по воздуху. Ветерок унес его на вересковую пустошь легким дымком.

Спустя две недели мистер Тоу, сидя за своим рабочим столом в гостиной, подозвал к себе Тоу:

— Послушай, Дункан. Вот, взгляни-ка сюда. Это счет за похороны матери. Цифра фантастическая, не правда ли? Все думают, будто кремация обходится намного дешевле похорон, но это не так. Расценки практически одинаковые.

— Да, сумма непомерная, — согласился Тоу, взглянув на счет.

— Что ж, тратить на себя такую прорву денег я не намерен и потому заключаю договор на использование моего тела для научных целей. Ты подпишешь эту бумагу? Нужно подтвердить, что ты, как ближайший родственник, против этого не возражаешь.

Тоу поставил свою подпись.

— Отлично. Согласно договору, ты должен известить о моей смерти медицинский факультет университета: они приедут и заберут меня в железном гробу. Если ты известишь их в течение суток, ты и Рут

получите на двоих десять фунтов. Как видишь, это не только экономно, но и выгодно.

— Я потрачу деньги на выпивку за здоровье твоей памяти, — сказал Тоу.

— Если в голове у тебя не пусто, потратить их иначе.

Примерно через год Тоу обнаружил в ящике комода письмо, написанное рукой матери карандашом. Это был с трудом различимый черновик письма, которое она, по-видимому, так и не собралась отправить. Адресовано оно было в отдел писем дешевого женского журнала.

Мне очень понравились письма ваших читательниц о забавных ошибках, которые иногда делают дети. Интересно, напечатаете ли вы мою историю. Когда моему малышу было лет шесть или семь, мы однажды вышли погулять довольно поздно и смотрели в небо, на звезды. Вдруг Дункан спросил: «А где черпак?» Отец учил его различать созвездия, и он перепутал названия (надо было сказать «ковш»). Последнее время я неважно себя чувствую и вынуждена целые дни проводить в постели. Самое большое удовольствие мне доставляют такие вот воспоминания.

Тоу помедлил, держа письмо в руке. Он вспомнил ту ночь. Это было возле хостела в Кинлохруа перед Рождеством. Они собирались всей семьей на концерт в главном здании, и вопрос этот задала Рут. У миссис Тоу он всегда был любимчиком, и вопрос она невольно приписала ему. Тоу положил письмо обратно в ящик. Печаль защемила болью какой-то дальний уголок его сознания: так щенок пытается привлечь внимание хозяина, ухватив зубами край его пальто.

Глава 20 Работодатели

Результаты выпускных экзаменов еще не были оглашены, но почти каждый знал, хорошо или плохо он их сдал, и в школе взволнованно рассуждали о максимальных жалованьях и минимальном уровне квалификации. Агенты по найму рассказывали, как сделать карьеру в бухгалтерском и банковском деле, на государственной гражданской службе. Юрист говорил о правоведении, инженер — об инженерном искусстве, майор — о военной службе. Шотландец из Канады толковал о преимуществах эмиграции. Ученики, сбившись кучками, спорили, что лучше: пройти в школе шестой год обучения и набрать побольше баллов — или же сразу поступать в университет, в коммерческие и технические колледжи. Мистер Тоу обратился к сыну с вопросом:

— Итак, какие у тебя планы?

— Не знаю.

— Чем ты собираешься заняться?

— Да какая разница?

— Взгляни на вещи трезво, Дункан. Если ты не сможешь обеспечивать себя любимым делом, ты должен выбрать что-то родственное ему.

— Я хочу написать современную «Божественную комедию» с иллюстрациями в духе Уильяма Блейка.

— Похоже, можно бы попытаться стать коммерческим художником?

— Для этого мне нужно проучиться в художественной школе еще четыре года, но у тебя не будет на это средств.

Мистер Тоу задумался.

— Когда я работал у Лэрда, изготовителя коробок, у меня завязались дружеские отношения с Арчи Таллохом, возглавлявшим художественный отдел. Тогда они принимали на работу шестнадцати-семнадцатилетних. Они рисовали ярлыки для упаковок и картонных ящиков, придумывали узоры для оберточной бумаги. Это, вероятно, не очень согласуется с твоим богемным складом, но важно начать. Если я черкну Арчи Таллоху, он, думаю, посмотрит твои наброски.

Освободившись от занятий после полудня, Тоу направился в Бриджтон — в свежеччищенном пальто, держа под мышкой папку с рисунками. Фабрика располагалась возле реки, и Тоу спустился к берегу по узким улочкам, где между жилыми домами и свалками ютилось множество мелких предприятий. Серое небо над крышами Кэткин-Брэс казалось плоским и темным: оно стеной замыкало город, хотя вдали, на горизонте, и различимы были силуэты деревьев. Ему вспомнились слова матери, сказанные ему, когда он был совсем маленьким. Эти деревья напоминали ей караван верблюдов, бредущий по пустыне. Потолок облачности, придавив город, исторг из себя туманную морось. Улицы заблестели, отразив бледное небо; проскользнувшая над улицей чайка, казалось, задевала крыльями облака. Город словно бы завис в сером пространстве; жильцы поднимали оконные рамы и выставляли на подоконники растения в горшках для поливки. При виде дождя на

душе у Тоу стало легче. Он почувствовал уверенность в себе и начал воображать, как будет часто проходить этой дорогой к заведению Лэрда. Даже разбогатеет, он с такой пунктуальностью будет появляться на этих улицах, что окрестные жители станут проверять по нему часы. Он войдет в их жизнь неотъемлемой частью. Тоу подошел к фабрике — огромному кирпичному кубу на скрещении двух улиц. Он поправил галстук, пригладил волосы, крепче прижал к себе папку и толкнул вращающуюся дверь из меди, стекла и резного красного дерева.

В пустом вестибюле виднелась дверь с надписью «СПРАВКИ» — Тоу повернул ручку и вошел в клинообразную комнату с коммутатором: в углу, за конторкой из желтого полированного дерева, сидела немолодая дама, вопросительно на него взглянувшая.

— У меня есть договоренность, — робко проговорил Тоу. — То есть меня ждут. Мистер Таллох меня ждет.

— Ваше имя, простите?

— Я — Дункан Тоу.

Дама пощелкала кнопками:

— Мистер Таллох? Вас хочет видеть какой-то мистер Тоу. Говорит, есть договоренность... Очень хорошо. — Она ловко переключила еще несколько кнопок. — Вы пришлете сюда младшую сотрудницу? Провести мистера Тоу в комнату для посетителей?... Очень хорошо... Не могли бы вы немного подождать, сэр?

— Да, конечно, — откликнулся Тоу, пришибленный тем, что его называли сэром.

Он подошел к низкому столику, на котором аккуратными стопками были разложены журналы. Не

осмеливаясь нарушить их порядок, он довольствовался разглядыванием обложек:

Тонкие глянцевые обложки журналов напоминали обложки непристойных бульварных романов, изображены на них были главным образом люди в дорогих костюмах за письменными столами.

— Мистер Тоу? — обратилась к нему вошедшая невысокая миловидная девушка. — Пройдите, пожалуйста, сюда!

Тоу последовал за ней через пустой вестибюль, потом они поднялись по широким металлическим ступеням. Девушка спешила впереди него через коридоры из стекла и металла кремового цвета, улыбаясь с опущенной головой, словно посвящала вырез своего платья в какой-то щекотливый секрет; наконец они подошли к двери с надписью «ЗАЛ ОЖИДАНИЯ», где девушка оставила его одного. Внутри за круглым столом сидело четверо мужчин, один из которых говорил на среднеанглийском диалекте:

— Да, но мне непонятно вот что...

— Вы нас простите? — резко повернулся к Тоу один из собеседников.

Тоу, усевшись в удобном кресле, отозвался:

— Конечно-конечно. Пожалуйста, продолжайте. Я готов подождать.

— Тогда, может быть, подождете в коридоре? — Тот же самый человек вскочил с места и распахнул дверь.

Тоу, чувствуя себя оскорбленным, устроился на диванчике у стены коридора. Ему подумалось, что в комнате заседают капиталисты, разрабатывающие какой-то заговор. На этом этаже предприятия служебные кабинки разделялись стеклянными перегородками, поддерживаемыми металлическими плитами. Поверхность стекла была волнистой, и сквозь нее различались только тени; неприветливость, холод и металлическая безликость окружения многократно усиливали шаги, стрекотание пишущих машинок, телефонные звонки и гул официальных переговоров. Двое высоких мужчин в очках на минуту задержались в углу:

— Я думаю, лучше бы проверить этого банковского кассира.

— Нет-нет. Ни малейшей необходимости.

— И однако, если цифры неточны...

— Ничего страшного. Даже если они превышают сто процентов, мне это годится.

В коридоре возник, как Тоу догадался, мистер Таллох усталый человек с брюшком.

— Дункан Тоу? — спросил он и уселся рядом. — Так-так... Времени у меня в обрез. Покажи-ка, что принес.

Тоу внезапно ощутил прилив деловитости. Он раскрыл папку и с видом знатока пустился в пояснения:

— Это серия акварелей, изображающих деяния Господа. Потоп. Вавилонская башня. Разрушение стен Иерихона.

— Хм-м. Дальше!

— Пенелопа распускает пряжу. Цирцея. Сцилла и Харибда. Это наименее удачная: в то время на меня в равной степени влияли Блейк и Бердсли, а два разных стиля...

— Так. А это?

— Наскальный художник. Моисей на Синае. Греческая цивилизация. Римская империя. Нагорная проповедь. Вандалы. Город с кафедральным собором. Джон Нокс проповедует перед Марией Стюарт. Промышленный город. Это...

Мистер Таллох откинулся на спинку диванчика, а Тоу, растянув рот в улыбке, стал засовывать рисунки обратно в наполовину опустевшую папку.

— ...мы принимаем их с интервалом в пять лет, — говорил мистер Таллах, — так что, как видишь, места для тебя нет. Твои работы, впрочем, обещают многое. Да. Вероятно, что-нибудь в плане иллюстраций. Ты обращался к Маклеллану, издателю?

— Да, но...

— Ну, да-да, конечно, ха-ха, конечно, эта область бизнеса сейчас перенасыщена... А что сказали Блоккрафты, на Бат-стрит? Попробуй обратиться к ним. Спроси мистера Гранта и добавь, что тебя послал я... —

Оба они поднялись с диванчика. — Кроме этого, как видишь, я сделать для тебя ничего не могу.

— Да, — сказал Тоу. — Спасибо вам большое.

Он улыбнулся. Улыбка, наверное, вышла горькой? Горечь Тоу чувствовал. Мистер Таллох проводил его до лестницы и, устало улыбнувшись, неожиданно крепко пожал руку:

— До свидания. Мне очень жаль.

Тоу заторопился на скучную улицу, раздавленный и униженный. Его больно кольнуло воспоминание, что мистер Таллох ни разу не спросил про его отца.

Через неделю Тоу с отцом посетили седоусого директора Уайтхиллской школы. Приветливо глядя на них из-за письменного стола, он сказал:

— Мистер Тоу, у Дункана необычайно развито воображение. Несомненный талант. Но вещи он видит, к несчастью по-своему. Я говорю «к несчастью», — продолжал он с улыбкой, — поскольку из-за этого таким копушам-посредственностям, как мы с вами, труднее ему помогать. Вы согласны?

Мистер Тоу рассмеялся:

— Разумеется, согласен. Но мы тем не менее должны постараться.

— Но мы тем не менее должны постараться. Думаю, для Дункана больше всего подойдет такое занятие, где особой ответственности не требуется, а свободного времени хоть отбавляй: тогда он сможет вволю развивать свои таланты. Я вижу его в должности библиотекаря. Он знает толк в книгах. Вполне представляю его библиотекарем в каком-нибудь

маленьком городке в горах вроде Обана или Форт-Уильяма. Как вы на это смотрите, мистер Тоу?

— На мой взгляд, мистер Макьюэн, идея весьма удачная. Но насколько она осуществима?

— Осуществима. Для поступления в библиотеку необходимо иметь два высших и два средних балла. Высшие баллы по изобразительному искусству и английскому, а также средний балл по истории Дункану гарантированы. Остается математика, результаты по которой еще не объявлены. Как по-вашему, он с ней справился?

— Как, Дункан? — повернулся к сыну мистер Тоу.

Слушая уверенные веские голоса, всерьез обсуждавшие его будущее, Тоу замер в оцепенении перед его неотвратимостью и не сразу заметил, что к нему обращаются.

— По математике я провалился.

— Почему ты в этом уверен?

— Нужны отличные оценки по всем задачам, а я написал в основном чепуху.

— С какой стати после четырех лет обучения ты, с твоими способностями, пишешь чепуху?

— Из-за лени, наверное.

Директор вскинул брови:

— Неужто? Тогда проблема состоит в том, будешь ли ты продолжать лениться, если твой отец согласится на дополнительный год твоего пребывания в школе?

— Другими словами, Дункан, — вмешался мистер Тоу, — готов ли ты потрудиться ради получения

хорошего балла по математике, если мистер Макьюэн позволит тебе остаться в школе еще на год?

По лицу Тоу, пока он размышлял над ответом, расплылась улыбка: он старался ее спрятать, но безуспешно. Директор тоже улыбнулся и пояснил мистеру Тоу:

— Он предвкушает, сколько всего прочитает и нарисует за все то время, пока над ним практически не будет никакого контроля. Ведь так, Дункан?

— И может быть, я смогу еще посещать вечерние занятия в художественной школе.

Директор хлопнул рукой по столешнице и перегнулся через нее.

— Да! — сказал он серьезным тоном. — Год свободы! Но его нужно купить. Цена не очень-то высока, но ты готов ее заплатить? Ты искренне обещаешь отцу учиться как следует и подтянуться по тригонометрии, геометрии и алгебре? Ты обещаешь присутствовать на уроках математики не только телом, но и умом?

Тоу, опустив голову, пробормотал:

— Да, сэр.

— Ну хорошо. Мистер Тоу, думаю, на слово вашего сына вы можете положиться.

На следующий день Тоу, пересекая холл, столкнулся с учительницей математики. Торжествующе глядя на него, она спросила:

— Что с тобой случилось, Тоу?

Тоу растерянно молчал. Учительница улыбнулась:

— Ты всем встречным и поперечным докладывал, что провалился по математике?

— Да, мисс.

— Так вот, официальные результаты объявлены. Ты сдал экзамен. Поздравляю.

Тоу уставился на нее в ужасе.

В конце недели Тоу вошел в беломраморный вестибюль Митчелловской библиотеки. Он часто ходил сюда посмотреть факсимильные издания пророческих книг Блейка, и, когда тучный библиотекарь провел его по лестнице наверх, мирная атмосфера учености и предупредительности вызвала у него чувство облегчения. Было бы неплохо работать в таком месте. Тоу провели к двери в конце коридора с мраморным полом в клетку и низким белым сводом. Комната была устлана коврами, на мраморной каминной полке стояла ваза с цветами, на столике у окна — вторая. За письменным столом седой человек читал какую-то бумагу.

— Мистер Тоу? — невнятно осведомился он. — Прошу вас, задитезь. Зейчаз я вами займузь.

Тоу неловко сел. У человека отсутствовала правая щека, и потому лицо было перекошено. Правый глаз сместился ниже левого, и, когда человек мигал, а это случалось часто, веко его не прикрывало. Человек отложил документ и сказал:

— Итак, вы зобираетезь стать библиотекарем.

Язык у человека шевелился с трудом, и брызги слюны то и дело вылетали прямо на стол. Тоу

завороженно следил за ними, кивая и согласно хмыкая в нужные моменты.

— ...график работы будет непременно зоставлен. Вы будете работать два вечера в неделю до половины девятого, зато будете звободны по утрам. В другие дни вы должны будете позещать вечерние курсы.

— Курсы чего? — выдавил из себя Тоу.

— Зчетоводства и каталогизации. Зуществует незколко зистем каталогизации, каждая из которых предзташтает зобой огромную область. Ежегодно вам предстоит здавать экзамен для зоответствующего повышения, и по прошезтвии пяти лет вы получите квалификационное звидетельзтво, удозтоверяющее, что вы дозтойны занять должность зтаршего библиотекаря в любой точке Зоединенного Королевзтва.

— О, замечательно, — слабым голосом проговорил Тоу.

— Разумеется, замечательно. Даже везьма. Боюзь. однако, вам придется еще шезть недель подождать. Принять вас на злужбу имеет право только главный библиотекарь, который зейчас находится в Зоединенных Штатах Америки. Но он вернетзя через шезть недель, и тогда вы, безузловно, зможете призтупить к работе.

Выйдя из здания, Тоу почувствовал в себе перемену. На все тело навалилась тяжесть, пульс замедлился, воздух загустевал в легких. Мысли текли вяло, неповоротливо. Дома за чаем он рассказал отцу о разговоре. Мистер Тоу вздохнул с облегчением:

— Слава Богу!

— Да. Да, слава Богу. Слава Богу. Вот именно: возблагодарим Господа.

— Дункан, в чем дело? Что случилось?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Все устроилось как нельзя лучше — а как еще в таком мире может все устроиться? Хвала Творцу неба и земли. Вседержителю. Да! Да! Да! Да! Да! Да!

— Хватит! Ты что, рехнулся? Если не в состоянии объяснить толком, лучше помолчи!

Дункан замолчал. Через минуту-другую мистер Тоу просительным тоном произнес:

— Дункан, расскажи, что произошло!

— Я хотел стать художником. Разве это не безумие? Хотел создать произведение искусства, не спрашивай какое — я и сам не знаю; возможно, что-нибудь эпическое, со множеством реальных фактов и свободной фантазией — и представить это в образах, в странном болезненном свете, пусть это будет гигантская фреска, или книга с иллюстрациями, или даже фильм. Я не знал, что именно, но знал, с какой стороны к этому приступить. Я должен был читать стихи, слушать музыку, изучать философию, писать, рисовать, работать кистью. Я должен был узнать о вещах, о людях, как все устроено, каким образом движется, мне надо изучить человеческое тело, внешний вид, пропорции, позы в различных ситуациях. Короче, взобраться на Луну!

— Дункан, вспомни, что сказал директор! Через четыре года ты станешь главным библиотекарем в небольшом городке и тогда посвятишь себя искусству.

Неужели настоящий художник не может подождать четыре года?

— Не уверен, что может. Уверен, что не ждал никто. У шотландцев забавные представления об искусстве. Они думают, что художником можно быть в свободное время, хотя никто не ожидает, будто на досуге можно работать мусорщиком, инженером, юристом или нейрохирургом. Библиотека в тихом захолустном городке? Звучит дьявольски заманчиво: чем не рай небесный, или тысяча фунтов в банке, или коттедж с розами у входа, или прочие воображаемые морковки, которыми двуногих ослов увлекают во всякие поганые мерзости?

Мистер Тоу, упершись локтями о стол, сдавил голову руками. Помолчав, он заговорил:

— Дункан, чего ты от меня хочешь? Я хочу тебе помочь. Я твой отец, хотя ты разглагольствуешь так, будто я в ответе за общественное устройство. Будь я миллионером, я с радостью обеспечил бы тебе свободу, чтобы ты мог развить свои таланты, но я всего лишь клерк по начислению заработной платы, мне пятьдесят семь, и мой долг — сделать тебя самостоятельным. Назови мне альтернативу библиотеке — и я охотно тебе помогу.

По застывшему лицу Тоу текли слезы.

— Не назову, — резко ответил он. — Альтернативы нет. Выбор один — подтолкнуть себя в пропасть.

— Перестань разыгрывать мелодраму.

— Я разыгрываю мелодраму? Я просто по возможности сухо излагаю свои мысли.

Ужин прошел в молчании. Наконец мистер Тоу произнес:

— Дункан, иди сегодня в художественную школу. На вечерние занятия.

— Зачем?

— Работа в библиотеке у тебя начинается через шесть недель. Используй это время так, как тебе больше всего нравится.

— Понятно. Испробовать вкус этой жизни перед тем, как отказаться от нее навсегда. Нет, спасибо.

— Дункан, иди на вечерние занятия.

— Нет, спасибо.

Вечером Тоу в коридоре художественной школы в числе других претендентов ждал своей очереди у дверей регистрационной конторы. Дождавшись вызова, он вошел в просторную комнату и направился к письменному столу в углу, боковым зрением отмечая картины и скульптуру по обеим сторонам. Человек за письменным столом вглядывался в него издали. На его массивном лице блестели очки, в углах широкого рта пряталась усмешка. Говорил он протяжно, с отчетливым выговором англичанина:

— Добрый вечер. Чем могу быть полезен?

Тоу сел на стул и положил на стол заполненную анкету. Секретарь, просмотрев ее, спросил:

— Хочешь посещать занятия по рисунку с натуры, так? Тоу, а сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Учишься в школе?

— Только что окончил.

— Боюсь, для этих занятий ты еще слишком молод. Ты должен убедить нас в том, что достаточно для этого подготовлен.

— Я принес с собой кое-какие работы.

Тоу выложил на стол папку. Секретарь внимательно просмотрел все рисунки.

— Наклеенные на картон входят в серию?

— Это иллюстрации к докладу, который я когда-то делал. Секретарь отложил несколько рисунков в сторону и снова их просмотрел.

— Может, тебе стоит поступить к нам на дневное отделение?

— Мой отец не сможет за меня платить.

— Мы могли бы добиться гранта от муниципальных властей. Что ты вообще собираешься делать?

— Работать в библиотеке.

— Тебе это нравится?

— У меня нет выбора.

— Честно говоря, мне кажется, в библиотеке ты растратишь себя попусту. Рисунки у тебя удивительные. Совершенно удивительные. Я так понимаю, что ты предпочел бы заниматься в художественной школе полный день?

— Да.

— Твой адрес в анкете, конечно, указан... Какую школу ты посещал?

— Уайтхиллскую полную среднюю школу.

— У вас есть телефон?

— Нет.

— А на работе у отца?

— Есть. Гарнгаш девять-три-один-три.

— Ну что ж, Тоу, еще увидимся. Эти рисунки, если можно, я оставлю у себя. Хочу показать их директору.

Тоу прикрыл за собой дверь. Он вошел в здание подавленным и во время разговора с секретарем оставался вялым, почти безразличным. Теперь он с волнением разглядывал коридор. По обе стороны были выстроены в ряд гипсовые слепки ренессансной знати, обнаженные статуи богов и богинь. Дверь посреди них распахнулась, из нее выскочила толпа девушек, и Тоу на мгновение оказался в водовороте юбок, причесок, аромата духов, болтовни, бедер в широких разноцветных брюках и сладостно-чуждых округлых грудок.

«...уголь уголь уголь только уголь...»

«Ты видела, как он поставил модель?..»

«Малыш Дейви — вот ужас так ужас...»

Тоу сбежал вниз по лестнице и ринулся через вестибюль на улицу. Не в силах от возбуждения дожидаться трамвая, он отправился домой пешком через Сочихолл-стрит, соборную площадь и по берегу канала. Он воображал себя в школе искусств — художником, почитаемым всеми другими собратями: знаменитым, обожаемым, желанным. Он шествовал мимо строя ослепительных красавиц, тотчас умолкших при его появлении: они несмело взирали на него и украдкой перешептывались между собой, прикрывая рот ладошкой. Он делал вид, что никого не замечает, но если

взгляд его случайно падал на какую-нибудь девушку, та заливалась краской или бледнела. Тоу упивался мечтами о головокружительных приключениях, неизменно связанных тем или иным образом с искусством, но все они достигали высшей точки в сцене, венчавшей все его дневные фантазии. Тоу представлялся залитый светом люстр просторный зал с мраморным полом; из дальнего конца зала огромная лестница уводила наверх, во тьму беззвездного неба. По обе стороны зала стояли все женщины, любившие его и любимые некогда им; все мужчины, которых любили эти женщины и за которых выходили замуж; все, кто блистал пороками, добродетелями, мудростью, славой и красотой, — все в великолепных одеяниях. И тогда он, Тоу, одинокий, буднично одетый, выходил на середину зала и неспешно начинал подниматься по ступеням лестницы навстречу ожидавшей там чудовищной последней угрозе. Эта угроза нависла над всем человечеством, однако только он один способен был ей противостоять, хотя после этого столкновения ему и не суждено было возвратиться. Тоу поднимался по ступеням, сопровождаемый трагическим крещендо, в котором гул органов, голоса соло и звучание оркестров сливались в горестной жалобе, вобравшей в себя наиболее впечатляющие эффекты Бетховена, Берлиоза, Вагнера и Пуччини.

Тоу вернулся домой, когда уже стемнело.

— Почему задержался? — спросил мистер Тоу.

— Шел пешком.

— Тебе разрешили посещать занятия по рисунку с натуры?

— Точно не знаю. Секретарь о многом меня расспрашивал. Он считает, что мне следует поступить на

дневное отделение. Я ему сказал, что это невозможно. Он попросил твой рабочий телефон.

Тоу говорил нарочито равнодушным голосом.

— Так-так, — отозвался мистер Тоу.

Ужинали они молча.

На следующий день мистер Тоу пришел домой раньше обычного, слегка запыхавшись. Усевшись напротив Тоу у камина, он сказал:

— Он мне позвонил утром — я имею в виду, этот секретарь, Пил. Спрашивал, не смогу ли я к нему зайти поговорить. Я поделился с Джо Маквином, и Джо сказал: «Дункан, после обеда ты свободен». Вот я и пошел и повидался с этим Пилом. — Мистер Тоу извлек из кармана трубку и кисет и принялся набивать трубку табаком. — Похоже, ты произвел на него впечатление. Говорит, твои работы необычайно хороши. Добавил, что начальство художественной школы крайне редко уговаривает кого-нибудь к ним поступить. За последние десять лет; это произошло лишь однажды. Сказал, что директор того же мнения: став библиотекарем, ты растратишь себя впустую — и что ты можешь рассчитывать на грант от муниципалитета в сумме ста пятидесяти фунтов в год. Я ответил: «Мистер Пил, в искусстве я ничего не понимаю. Работы сына оценить не в состоянии. Но могу поручиться за его искренность и вполне полагаюсь на ваше суждение специалиста относительно его способностей. Однако скажите мне одно: какие перед ним откроются перспективы после окончания вашего четырехлетнего курса?» Он помялся с ответом, потом сказал, что с твоим талантом есть хороший шанс получить должность преподавателя в художественной школе. «Учтите, мистер Тоу, —

продолжил он, — в любом другом месте мальчику везде будет не по себе. Пускай по истечении четырех лет он сам решит, что ему делать. Не подталкивайте его сейчас к будущему, которое он сразу возненавидит». Я ответил, что подумаю как следует и завтра обо всем ему сообщу. Из художественной школы я отправился напрямик в Уайтхилл к твоему директору. И знаешь, что выяснилось? Оказывается, Пил уже переговорил с ним по телефону. И мистер Макьюэн сказал мне: «Мистер Тоу, у этого человека гораздо больше оснований для того, чтобы решать будущее Дункана, чем у нас с вами». Поэтому я позвонил в художественную школу и сказал, что ты можешь к ним поступить.

— Спасибо, — сказал Тоу и вышел из комнаты.

Через минуту мистер Тоу заглянул к нему в переднюю спальню и увидел, что сын стоит у постели на коленях, зарывшись лицом в одеяло. Приглушенные рыдания судорожно сотрясали его спину.

— Что стряслось, Дункан? — встревожился мистер Тоу. — Ты не хочешь посещать художественную школу? Не рад?

— Наоборот. Очень.

— Тогда чего разревелся?

Тоу встал и обтер лицо носовым платком:

— Не знаю. Может, от облегчения.

Мистер Тоу шутливо потыкал сына кулаком в подбородок:

— Выше нос! А если не станешь вторым Пикассо, смотри у меня — башку прошибу!

Жарким днем Тоу и Коултер шли по лесной тропинке, пронизанной жилками корней и испещренной веснушками солнечного света. В зеленой гуще над их головами перекликались птицы. Коултер рассказывал о своей работе:

— В новинку поначалу было не так уж и плохо. По-другому, чем в школе, и потом, тебе платят, чувствуешь себя мужчиной: вскакиваешь в семь, натягиваешь шмотки и покуливаешь первую за день сигаретку, пока мать готовит тебе завтрак, потом припустишь к трамваю с пакетиком сэндвичей, сидишь в комбинезоне бок о бок с другими работягами, толпойходишь в ворота точно вовремя — и в машинный цех: «Привет! Привет, явился не запылится!» — «Опять, так его растак!» — и со всех сторон лязг, грохот, и чувство опасности...

— Опасности?

— Еще какой! Ты колотишь по какой-нибудь железяке, а народ вокруг тебя ни с того ни с сего начинает орать. В чем дело, кому они орут на этот раз? Крики все громче, и ты вдруг соображаешь: «Господи, уж не мне ли?» Оборачиваешься, глядь, а у тебя над макушкой со стрелы подъемного крана нависла десятитонная чугунная чушка.

— Ужас! А что, мер предосторожности разве не принимают?

— Полагается посреди цеха держать проход свободным, но у Макхаргза это не так-то просто. — Коултер хмыкнул. — На днях произошла жуткая вещь. Этот парень следил за тем, как крановщик опускает стальную балку: то есть он стоял внизу и показывал руками, куда ее направлять (в таком грохоте не

докричишься) — ниже, ниже, чуточку левее, так, хорошо, теперь опускай. Самое забавное, что он, не спуская глаз с крановщика, совсем не заметил, что в последний момент направил балку прямоком себе на ногу. Завизжал как резаный — будто певичка сопрано, взявшая самую верхнюю ноту. Глядим на него — и не можем понять, что, собственно, случилось. Стоит, как и раньше, вместе с нами, только вот ногу у него придавило балкой. Он и упасть-то даже не мог!

Тоу, поперхнувшись потрясенным смешком, сказал:

— Знаешь ли, это, конечно, очень забавно, однако...

— Ага. Но чувство счастья оттого, что ты — мужчина, держится в тебе, может, с неделю, а потом снова наступает понедельник — и тебе в голову вдруг ударяет мысль. По правде говоря, она зрела в тебе еще и в воскресенье, но по-настоящему она ударяет в голову в понедельник: мне надо идти туда-то и снова делать то-то, вставать тогда-то, сидеть в таком-то трамвае, в том же комбинеzone, посасывать окуроч, точно в определенный час толпиться у ворот. «Привет, явился не запылел!» — «Опять, так его растак!» — и снова в машинный цех. Тебе становится ясно, что большую часть жизни ты проводишь там — ну, может, за исключением постели. Это похуже школы. К школе тебя принудили: ты был всего-навсего мальчишкой, относиться к ней всерьез не стоило, можно было денек и прогулять, если мамочка раздобритя и напишет записку. Но к машиностроению меня никто не принуждал — я сам его выбрал. И я теперь мужчина. Должен относиться к делу всерьез, должен тащить на себе воз. — Коултер помолчал. — Но учти, это чувство быстро проходит. Ты перестаешь думать. Жизнь

превращается в привычку. Встаешь, одеваешься, завтракаешь, идешь на работу, делаешь то-то и то-то автоматически — и не думаешь ни о чем, кроме конверта с жалованьем по пятницам и субботней попойки. Живется легко, если ты робот. Потом что-то случается — и ты задумываешься снова. Помнишь визит королевской семьи на прошлой неделе?

— Помню.

— Так вот, позади завода проходит железнодорожная линия, королевский поезд должен был проехать по ней в три часа дня, и у всех рабочих было время, чтобы на него поглядеть. Показывается состав, а все мы — четыреста или пятьсот человек — выстроились в ряд в наших замасленных комбинезонах. Королева в первом вагоне — чертовски приветлива, изящно машет ручкой; посередине — множество всякого старичья вроде лордов-провостов с цепями на шеях, все нам машут как сумасшедшие, а в хвосте поезда — будто в вагоне осмотрщика путей — посиживает сам герцог в шапчонке яхтсмена. На столике у него бокал с чем-то, он тоже нам помахал, но как-то небрежно. А мы все стоим столбом и пялимся.

Тоу засмеялся:

— И никто не помахал в ответ? Я бы точно помахал. Просто из вежливости.

— При полном составе профсоюза? Да тебя бы мигом вздернули. Ты вот смеешься, Дункан, а меня вид этого герцога оглушил на добрых три недели. Я до сих пор еще не прочухался. С какой стати он прохлаждается в уютном вагоне за рюмкой, тогда как я... Фу! — Коултер с отвращением сплюнул. — Поневоле пойдешь грабить банк. Я крепко теперь об этом задумался. Будь у меня

хоть ничтожный шанс, точно бы попытался. В футбольные лотереи я не верю.

— Ты пока что ученик, — сказал Тоу. — Не останешься же в машинном цехе на всю жизнь.

— Ну. Полгода в машинном цехе, полгода в чертежном бюро, два вечера в неделю в техническом колледже — и если сдам экзамены, то через три года сделаюсь дипломированным инженером-чертежником.

— Разве это так уж плохо?

— По-твоему, нет? А каково тебе было представлять себя библиотекарем?

Они перешли через ручей по дощатому мосту и оказались на ровной дерновой площадке с белым флагштоком посередине. В тени на опушке сидели влюбленные, там же расположились и компании на пикнике, вокруг сломя голову гонялись дети, играя с мячом. По другую сторону зеленого пространства на скамейках, любуясь небом, сидели две-три пожилые пары. Тоу с Коултером заняли одну из скамеек. Они сидели на краю плато у вершины Кэткин-Брэс, под ногами у них каменистый утес нависал над другой площадкой, окаймленной деревьями, откуда доносился детский гомон. Дальше крутые, поросшие лесом террасы вели в долину, выложенную крышами домов, над которыми торчали заводские трубы. На востоке — между фермами, полями, надшахтными постройками и шлаковыми отвалами — виднелась извилистая лента Клайда, потом ее прятал Глазго, но дальнейший ее путь можно было проследить по цепочке скелетообразных подъемных кранов, протянутой к западу. За городом различался горный хребет Кэмпсай-Феллз, местами оголенный, местами зеленый от вереска, изрезанный

потоками, и с этой высоты можно было увидеть и пики, похожие на ряд выщербленных зубов. Зрению все представлялось необычайно четким: во время двухнедельной ярмарки крупные литейные заводы прекращали производство, давая воздуху очиститься от дыма.

— Ты видишь Риддри? — спросил Тоу. — Вон то красноватое пятно? Посмотри, вон там с одной стороны моя начальная школа, а с другой — Александра-парк. А где твой дом?

— Гарнгад расположен гораздо ниже, отсюда не увидишь. Я стараюсь разглядеть завод Макхаргза. Он должен быть возле вон тех подъемных кранов за Иброксом. Ага, вон там! Там! Крыша машинного цеха видна над жилыми зданиями.

— Я сумею, наверное, увидеть и художественную школу, она на вершине холма за Сочихолл-стрит: весь Глазго, похоже, построен на холмах. Почему мы их не замечаем, когда находимся в самом городе?

— Потому что все главные дороги их обходят. Главные дороги идут на восток и на запад, а все холмы — между ними.

На траве у подножия скалы между двумя кучками свитеров стояла рослая, крепко сложенная девочка лет четырнадцати в голубом платье, расставив ноги и положив руки на бедра. Она нетерпеливо понукала своих младших братьев, которые на небольшом расстоянии от нее готовились пнуть мяч к импровизированным воротам.

— Она просто чудо, — заглядевшись на девочку, восхищенно сказал Тоу. — Мне бы хотелось ее нарисовать.

— Обнаженной?

— Как угодно.

— Для масляной живописи она не очень подходит. Это тебе не Кейт Колдуэлл.

— К черту Кейт Колдуэлл.

Они встали со скамейки и пошли дальше.

— Да, — угрюмо заметил Коултер. — Ты знаешь, чего хочешь, и попал туда, где тебе помогут этого добиться.

— Это случайность, — словно оправдываясь, отозвался Тоу. — Если бы главный библиотекарь не отправился в Америку, а отец не настоял, чтобы я записался на вечерние занятия, и если бы секретарь не оказался англичанином, а мои работы ему бы не понравились...

— Ну да, это случайность, которая могла выпасть тебе. Но не мне. Никакая случайность, кроме атомной бомбы, не избавит меня от инженерства. У меня нет амбиций, Дункан. Я похож на персонажа из рассказа Хемингуэя: я не хочу ничем выделяться, я хочу только чувствовать, что мне хорошо. А то дело, которым я занят, можно вынести, только если вообще отключить чувства.

— Через четыре месяца ты переберешься в чертежное бюро — и займешься чем-нибудь более творческим.

— Творческим? Что творческого в конструировании корпусов машин? Я буду более благополучен, но только потому, что чистый костюм лучше грязной спецовки. Буду получать больше денег. Но чувствовать, что мне хорошо, я все равно не смогу.

— Прежде чем я начну зарабатывать деньги, пройдут годы.

— Возможно. Но ты будешь делать то, чего тебе хочется.

— Точно, — сказал Тоу. — Я буду делать то, чего мне хочется. Наверное, — он обернулся и помахал в сторону города, — наверное, мало кто из здешних жителей счастливее меня.

Они снова вошли в лес и очутились на полянке с железным каркасом детских качелей. Тоу разбежался, вспрыгнул на деревянное сиденье, ухватился за цепи по бокам и яростно принялся раскачиваться.

— Ага — ага-а — ага-а-а-а! — кричал он. — Я буду делать то, чего мне хочется. Разве не так?

Коултер, прислонившись к стволу дерева, следил за ним слегка ироническим взглядом.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Качели с Тоу взмыли высоко вверх и замерли, оставив его в нелепой позе с коленями выше откинутой назад головы. Листва на деревьях больше не шевелилась. Ветки и каждый листик в одно-единственное мгновение замерли и, как всегда на старых фотографиях, выцвели до буроватой однотонности. Ланарк, глядя на это через окно палаты, задумчиво произнес:

— Тоу не очень-то умел быть счастливым.

Совсем не умел, отозвался оракул.

— Однако это почти что счастливый конец.

Развязка истории всегда счастлива, если она прекращается в радостную минуту. Разумеется, в природе конец всему кладет только смерть, однако смерть редко настигает людей на взлете. Вот почему нам по душе трагедии. Они изображают людей, принимающих конец в полном разуме и заслуживающих это.

— Тоу кончил трагически?

Нет. Он сплоховал со своим концом. Примером не стал — даже отрицательным. Он был неприемлем для бесконечной яркой пустоты, безграничной ясности, которой опасается только эгоистичность. Конец швырнул его в железнодорожный вагон второго класса, создав тебя.

Ланарк намазал сыр на ломтик ржаного хлеба и сказал:

— Я этого не понимаю.

Голова Римы с волнами белокурых волос зашевелилась на подушке. Не открывая глаз, она пробормотала:

— Рассказывай дальше.

Книга Вторая. Глава 21

Дерево

В пыльной передней спальне висели грязные занавески, книги и газеты валялись на туалетном столике поверх черепаховых гребней и лоточков со шпильками. На стене возле кровати фотография покойного короля в черной рамке соседствовала с той картиной Тоу, которая нравилась матери больше других: еще в детстве он нарисовал дерево, роняющее листья от порыва осеннего ветра. Вещи оставались на своих местах: их отсутствие сильнее напоминало бы о том, что нет и миссис Тоу.

В первое утро занятий в художественной школе Тоу проснулся от сладковатого запаха гнили, возникшего в доме, когда тело лежало в гробу перед камином. Запах держался недели две-три, и Тоу все еще иногда его чувствовал, когда неожиданно входил в комнату, хотя и понимал, что ощущение это чисто субъективное. В просвете штор виднелась полоска бесцветного неба с темными обрывками туч, скользивших дымными тенями. Фабричные гудки без десяти минут восемь траурно взвыли над городскими крышами, и Тоу, свернувшись калачиком, поплотнее вжался в теплую ямку матраца: как всем, кто плохо спит, постель казалась ему уютнее всего перед вставанием. Из кухни, где отец готовил завтрак, доносилось глухое позвякивание. Сотни тысяч мужчин в грязных робах и тяжелых сапогах грузно шагали по серым улицам к кузницам и машинным цехам. Тоу с благоговейным страхом подумал об энергии, необходимой для поддержания цивилизации, о неумолимой рутине, высасывающей эту энергию из

рабочих ежедневно с восьми утра, из чиновников и торговцев — с девяти. А что, если однажды утром всем взять да и остаться в постели? Цивилизации пришел бы конец, однако, несмотря на две мировые войны, он все еще являлся абстракцией, тогда как постель была теплым и сиюминутным фактом. Заслышав шаги отца, Тоу зажмурил глаза. Мистер Тоу тихо вошел в спальню, раздернул шторы, подошел к кровати и положил руку на лоб Тоу. Тоу улыбнулся и открыл глаза. Отец с улыбкой спросил:

— Ты и вправду спал?

— Не совсем.

За завтраком разговор шел о деньгах.

— Сколько тебе нужно на учебные принадлежности?

— Не знаю. Не знаю даже еще, что именно мне понадобится. Можно взять в кредит в школьном магазине.

— Никуда не годная мысль. Это слишком просто. Представляю, как ты что-то покупаешь, потом теряешь и покупаешь снова.

— У тебя сомнения насчет моей честности? — сухо спросил Тоу.

— Насчет честности — нет, а вот насчет твоей памяти — есть. Если берешь товары в кредит, будь любезен — сохранять чеки. Сколько тебе потребуется на обед?

— Два шиллинга.

— Десять шиллингов в неделю на еду. Твои расходы на трамвай не превысят пяти шиллингов — вот тебе фунт.

— Это слишком много.

— Считаю излишек карманными деньгами. Тебе, конечно же, захочется время от времени выпить с приятелем чашечку кофе.

Тоу рассчитывал на большую сумму карманных расходов.

— Спасибо большое — произнес он безразличным тоном.

— Пять шиллингов в неделю, Дункан, не ахти какое богатство для юноши, которому скоро стукнет восемнадцать. Если тебе захочется угостить девушку, скажи мне — и я дам больше.

Гарнетхилл был одним из холмов в форме кита, расположенных параллельно Клайду, а школа находилась на тихой улице, пролегавшей по его хребту. Главное, красивое на вид здание было спроектировано Макинтошем в восьмидесятых годах девятнадцатого века, но Тоу направился через дорогу к дополнительным корпусам — ряду старых домов, среди которых попадались и недавно построенные. Извилистый коридор изобиловал поворотами и неожиданными спусками: иногда казалось, будто попал под землю. Студию в конце коридора заливал ясный свет серого утра, проникавший через окна в потолке на балках. Среди высоких мольбертов, гипсовых статуй и ширм в промежутке, похожем на лесную поляну, толпилось несколько девушек; юноши сидели, болтая, попарно на скамейках. Кое-кто курил, и Тоу им позавидовал: сигарета помогла

бы занять руки. Можно было раскрыть книгу и углубиться в сторонке в чтение, но он устал от репутации книжного червя-отшельника и задумал предстать в новом образе загадочно-язвительного умника, поэтому прислонился к стене, нахмурившись и притворившись, будто никого не видит, хотя украдкой и поглядывал на одну из девушек. Она сидела, скрестив ноги, на пьедестале дискобола, разговаривая с соседками и по временам вскидывая голову, чтобы выпустить дым из ноздрей. На ней была замшевая куртка и узкая юбка, белокурый локон слегка прикрывал ее левый глаз. Тоу загородил рукой глаза, словно защищаясь от света, и рассматривал между пальцами других девушек. Все вместе они создавали впечатление брызжущей весельем сексуальности, но привлекательность каждой по отдельности снижалась либо школьным покроем платья, либо характерными черточками лица. Из общего гама явственно до него доносился только голос блондинки. Его низкое звучание ласкало ухо, словно бархат кончики пальцев.

— Я, как ни странно, рада, что меня не сумели послать в университет: зато в художественной школе не перетрудишься...

Появилась подвижная седовласая женщина и сделала перекличку. Разъяснила учебный план, продиктовала список необходимых учебных принадлежностей и назвала номера шкафчиков, где они должны храниться.

— Каждый месяц вы будете рисовать в свободное время по картине, которая будет выставляться в общем зале. Мы, преподаватели, ожидаем эти выставки с огромным интересом и даже волнением: они покажут, насколько хорошо вы усвоили то, чему мы учим вас на

классных занятиях. Тема первой картины, — женщина вынула из журнала листок бумаги и сверилась с ним, — тема первой картины «Большая стирка», с тремя фигурами как минимум.

Затем преподавательница велела принести из школьного магазина бумагу и чертежные доски, усадила студентов попарно перед узкими столиками на высоких ножках и обошла ряды с корзинкой перегоревших электрических лампочек, положив на каждый столик по одной. Нужно было нарисовать лампочку со всей тщательностью. Преподавательница поочередно подходила к рисующим, тихонько подбадривала, указывала на недостатки и наносила сбоку легкие штрихи, показывая, как именно следует изобразить лампочку. Тоу работал, стараясь сохранять бесстрастность, однако скрыть озадаченность не всегда удавалось из-за нараставших в нем чувств негодования и отвращения. Наклонившись к сидевшему рядом хорошо одетому молодому человеку с квадратным лицом и светлыми усиками, он пробормотал:

— Это непостижимо.

— Что именно?

— Искусство и перегоревшая лампочка.

— Не слишком вдохновляет, согласен, но нам, вероятно, прежде чем бегать, надо научиться ходить.

Говорил он с приторными школьными интонациями платного студента, и Тоу проникся к нему ненавистью.

Ближе к полудню прозвонил колокольчик, и вся компания побрела по коридору в столовую — просторное помещение с низким потолком, где толпились студенты, явно чувствовавшие себя здесь как дома. Тоу постоял

минут десять в конце беспорядочной очереди. Передние отходили в сторону с кофе и печеньем, другие присоединялись к друзьям в середине, и Тоу вернулся в студию. В углу сидели двое юношей, попивая чай из термосов и обсуждая квартирных хозяек на приграничном диалекте, слова которого казались вырубленными из грубого гранита. При появлении Тоу они умолкли. Кивнув на термосы, Тоу сказал:

— Хорошая мысль. В столовой просто не протолкнуться.

— Да, и еще там цены кусаются. На нашу стипендию не разгуляешься, приходится экономить.

— Судя по твоей физиономии, — неодобрительно заметил второй, — от урока ты не в восторге.

— Не в восторге. Пакость, не правда ли?

— Пакость? Но разве не нужно овладеть техникой, прежде чем пускать ее в ход?

— Техника и практика — это одно и то же! Если тебе неинтересно, хорошо не нарисуешь; хорошо рисовать учишься постепенно, вначале рисуя плохо, а рисовать то, от чего бесишься от скуки, — это не способ. Учиться рисовать по перегоревшим лампочкам и коробкам — все равно что учиться заниматься любовью на трупах.

Один из юношей ухмыльнулся и пробормотал, что это зависит от того, какой труп. Другой строго спросил:

— Ты коммунист?

— Нет.

— Сторонник Бевана?

— Я согласен с Беваном, что Британия не должна производить атомные бомбы.

— Я так и думал.

Вошла преподавательница, и Тоу вернулся на свое место с ощущением, что каким-то образом себя выдал.

В полдень Тоу запер свои учебные принадлежности в шкафчик, вышел из здания школы и смешался на Сочихолл-стрит с толпой, в гуще которой мог чувствовать себя инкогнито. Он купил в молочном магазине пирожок и, задумчиво откусывая по кусочку, свернул в Сочихолл-лейн: там тишину нарушало только воркование голубей, клевавших что-то между булыжниками. Утро мало чем отличалось от первого утра в любой школе. Осталось смутное беспокойство, ощущение скученности, унылости учебного расписания, мыслей, загоняемых в тесную колею. Ничего нового и отрадного — разве что та девушка, но воспоминание о ней не грело, а скорее жгло какой-то непривычной тревогой. Но понемногу Тоу становилось легче: здесь, в этом темноватом проходе между задами жилых домов, он испытывал утешение, которое подчас обретал на кладбищах, возле канала и в других заброшенных уголках города. Каменные стены, скрепленные железными трубами, казалось, таили в себе что-то более удивительное и величественное, превосходившее замысел архитекторов. Тоу посмотрел вперед и увидел огромное больное дерево. Оно росло на голом участке между бледно-зеленой травой, похожей на ремень; у основания оно разделялось на два ободранных ствола: один стелился по земле, другой же достигал третьего этажа: оба они почти не ветвились, оба заканчивались пышной, но увядшей кроной. Тоу вгляделся, пережевывая пирожок, потом пошел дальше,

с торжествующим чувством. Этого чувства он и сам не понимал. Возможно, он отождествлял себя с деревом, с тесными стенами — или же с тем и с другим.

Днем они занимались на кафедре лепки, изготавливая глиняную копию гипсовой губы. В половине пятого Тоу подошел к своему шкафчику и обнаружил, что он пуст.

Он спокойно рассматривал эту пустоту, зная, что потрясение наступит не сразу, а немного погодя. Заранее к нему готовясь, он произнес:

— Я свалял дурака.

Студент возле соседнего шкафчика отозвался:

— Все мы валяем, время от времени.

— Я дал себя обворовать на вещи стоимостью в три фунта. Студент подошел ближе и заглянул в пустой шкафчик:

— Надо было завести висячий замок, прежде чем оставлять здесь что-либо ценное. Довольно приличные продаются за два-три шиллинга у Вулворта.

Тоу узнал в советчике утреннего соседа со светлыми усиками, который хотел сначала научиться ходить, а потом уже бегать. Внутреннее чувство, вне всякой логики и при отсутствии улик, подсказало ему, что вор — именно он.

— Ты прав, — отрывисто сказал Тоу и выскочил за дверь.

Дома за чаем мистер Тоу весело осведомился:

— Ну, как дела?

— Все хорошо.

— Говоришь ты не очень уверенно.

— Я устал.

— Что раздобыл из учебных принадлежностей?

— Чертежную доску, папку, копировку, металлическую линейку. У меня... у меня все это украли.

— Господи! Как так?

Тоу объяснил.

— И сколько это стоило?

Тоу сунул руку в карман и стиснул в ней смятый чек.

— Почти фунт.

— Почти фунт? Почти? А сколько в точности?

— Пятнадцать шиллингов.

Мистер Тоу посмотрел на сына с отвращением, потом сказал:

— Ничего страшного. Купи завтра новый набор.

Ночью в постели Тоу сообразил, что отец рассчитывает компенсировать украденное пятнадцатью шиллингами, и потому, чтобы замаскировать свою ложь, ему придется сэкономить три фунта за вычетом пятнадцати шиллингов, помноженных на два. Он подумал, что если бы в виске у него был ключ и можно было бы умереть, попросту его повернув, он сделал бы это с радостью.

На следующее утро Тоу поднялся в семь утра, из экономии отправился в школу пешком, а не на трамвае, и пообедал дешевым пирожком. Голод он этим не утолил, но через два-три дня аппетит притупился, и пирожок он

заменял чашкой молока. С каждым днем желудок требовал все меньше. Мысленно Тоу собрался в комок, а внешность его выражала теперь готовность противостоять окружающему. Обычные для него дрожание голоса и неуверенность в движениях исчезли. В голове у него то и дело звучало: четкость жесткость точность строгость суровость непреклонность. Тоу иногда шептал эти слова, словно тело его должно было подчиняться их ритму. Идя по улицам или коридорам, он ступал необычайно твердо и размеренно. Все звуки и даже голоса тех, кто находился рядом, доносились как будто из-за стеклянной преграды. Люди за стеклом виделись отчетливо, но странно. Тоу недоумевал, что они видят в горгульях, масках и старинных дверных молотках из того, чего не видели бы друг в друге. Каждый носил у себя на плечах гротескный предмет искусства, изначально им унаследованный, неустанно его изменяя и подновляя. Но, взирая на людей с холодным интересом, какой вызывали у него вещи, Тоу начал испытывать и удивительные эмоции от мира вещей. Платформа с гигантским ярко-желтым механизмом наполняла его сердце нежностью, а пенис наливался похотью. Грязная поверхность жилого дома, где на местах облупившейся штукатурки проглядывала кирпичная кладка, внушала ему мистическое убеждение, что он видит перед собой некую плоть. Стены и мостовые — в особенности слегка выщербленные — Тоу принимал за живое тело, мимо которого он проходит или даже попирает его ногами. Его походка не утрачивала прежней твердости, однако при каждом шаге внутри него что-то вздрагивало.

Отдохнуть Тоу мог только за настоящей работой. После срисовывания электрических лампочек и коробок

классу были предложены растения, окаменелости и чучела мелких тропических птиц. Тоу глазом насекомого обследовал спиралевидную архитектуру крохотной раковины, острием карандаша заносая на бумагу зрительные наблюдения. Преподавательница попыталась его отрезвить:

— Дункан, ты как будто стараешься изобразить какой-то узор. Не стоит. Просто рисуй то, что видишь.

— Именно это я и делаю, мисс Макензи.

— Тогда оставь эту непрерывную черную линию. Держи карандаш легко, а не как гаечный ключ. Эта раковина — вещь простая, изящная, премиленькая. А твой рисунок напоминает чертеж какого-то механизма.

— Но, мисс Макензи, раковина кажется нам простой и изящной только потому, что она меньше нас. Для моллюска это — доспехи, жилище, передвижная крепость.

— Дункан, будь я биологом-специалистом по морской живности, меня могло бы интересовать, каким образом эта раковина использовалась. Как художника меня интересует только ее внешний вид. Я настаиваю на том, что выглядит она красивой и изящной — и изобразить ее нужно соответственно. Нет необходимости показывать эти трещинки. Они случайны. Не обращай на них внимания.

— Но, мисс Макензи, в этих трещинках — сущность этой раковины: только она могла потрескаться именно так, а не иначе. Все равно что бородавка на губе Кромвеля. Если ее убрать, портрет перестанет быть портретом Кромвеля.

— Хорошо, но не делай бородавку важнее самой губы. Ты нарисовал эти трещинки столь же тщательно, как и края самой раковины.

За спиной преподавательницы несколько соклассников жестикулировали, подобно зрителям на боксерском матче, а после урока к Тоу подошел Макбет с вопросом:

— Куда ты обычно ходишь после занятий?

— Как правило, домой.

— А почему не к Брауну? Мы там собираемся. Отводим душу после концлагеря.

Тоу загорелся. Макбет был единственным из первокурсников, кто походил на художника. Двигался он вразвалку, носил берет, скручивал сигарки, к вечеру от него пахло виски. Его часто видели присоседившимся к группам старшекурсников — элегантных девушек в туго обтягивающих брюках и высоких бородачей, громко смеявшихся в общественных местах. На занятиях Макбет выполнял требования наставников с легкостью, отдававшей презрением, однако наибольшее впечатление на Тоу произвело его близкое знакомство с Молли Тирни, кудрявой блондинкой с бархатистым голосом. Макбет сидел в классе рядом с ней, подавал ей сигареты и переносил с места на место чертежную доску. Лицо Макбета сохраняло тревожно-детское выражение.

В кондитерской Брауна на Сочихолл-стрит узкая лестница вела вниз, в просторный зал с низким потолком. Табачный дым и увядшая роскошь подействовали на Тоу так сильно, что у него, словно у ныряльщика, попавшего в салон затонувшего лайнера, заложило уши. В нише по правую руку, небрежно

опершись спиной о спинку дивана, сидела Молли Тирни: она с улыбкой крутила пальцем локон, свисавший ей на лоб. Другие соклассники Тоу расположились возле нее за столом, со скучающим видом прихлебывая кофе. Тоу тихонько присел на стул возле Макбета, не обратив на себя особого внимания. Голоса и звуки, доносившиеся от соседних столиков, сливались в неразборчивый приглушенный гул; ближайšie звуки (дыхание Макбета, звяканье ложечки о блюде) слышались с преувеличенной отчетливостью. Молли Тирни оказалась для Тоу в центре фокуса. Оттенки ее волос, кожи, губ и платья сделались яркими, как у фигуры на подсвеченном витраже. С каждым мгновением ее тело приобретало для него выразительность сирен на скалах или Клеопатры на барке.

— Кто-нибудь начал ежемесячную картину? Я пока еще и не думал, — услышал Тоу чей-то голос.

— Я начала вчера вечером, — отозвалась Молли. — Собиралась, во всяком случае, но мамочка хотела, чтобы я смотрела телевизор, и мы поцапались. Кончилось тем, что меня вытолкали за дверь в хо-о-ло-одную те-е-емную но-очь. — Молли хихикнула. — Это меня-то! В высоких туфлях на каблуках.

Кто-то ядовито прошипел:

— Предки не дают жить, как нам хочется...

Его поддержали:

— Отец мне не разрешает...

— Мать постоянно твердит...

— На прошлой неделе мать...

— А мой отец в прошлом году...

Тоу хотел было ввязаться в разговор, припомнив свои раздоры с матерью, но подробности помнились смутно: в памяти сохранилось только сознание их неизбежности.

— Думаю пойти в монахини, — со вздохом сказала Молли Тирни.

— А я стану, пожалуй, смотрителем маяка, — признался Тоу. После небольшой паузы кто-то поинтересовался почему.

— Тогда я смогу ходить по спирали.

Молли захихикала, и Тоу продвинулся к ней поближе. Он раскритиковал тему ежемесячной картины, цитируя Блейка и Шоу и рисуя линии в воздухе. Посыпались возражения, и Тоу привел примеры из народных сказок разных стран в доказательство того, что реальность и фантазия, география и легенды взаимосвязаны. Молли явно к нему прислушивалась. Спустив ноги с дивана, она наклонилась к Тоу:

— Ты знаешь много волшебных сказок.

— Да. Это было мое любимое чтение.

— Мое тоже, — хихикнула она с хрипотцой. — По сути, до сих пор. Больше всего мне нравятся русские сказки. Ты заметил, что многие из них о детях?

Они заговорили об уродливых и прекрасных колдуньях, заколдованных горах, чудесных подарках, чудищах, принцессах и удачливых младших сыновьях. С чувством удивления и раскрепощенности Тоу обнаружил, что Молли любит и помнит многое из того, что он любит сам. Внезапно она снова забралась с ногами на диван и обратилась к Макбету:

— Дай мне сигарету, Джимми.

Макбет скрутил сигарку и поднес к ее кончику спичку, пока Молли прикуривала.

— Джимми, а ты не окажешь мне услугу? Очень-очень большую — ну, Джимми, пожалуйста.

— Что за услугу?

Голос Молли зазвучал по-детски жалобно и вместе с тем развратно.

— Джимми, это мое домашнее задание по архитектуре. Ну, образец кафедрального собора, который мы должны приготовить. Я пробовала, но у меня ничего не получается, я даже не знаю, с чего начать, это мне не по уму, а работу нужно сдавать в пятницу. Ты не сделаешь ее для меня? Материалы я, конечно же, оплачу.

Никто за столом не смел взглянуть друг на друга. Внутренне Тоу орал на Макбета: «Плюнь ей в глаза! Давай плюнь ей в глаза!»

Макбет с легкой улыбкой посмотрел на сигарету и ответил:

— Хорошо.

— Джимми, ты лапочка!

Тоу встал и, выйдя из кондитерской, направился домой. Солнце уже село. В прохладе Тоу чувствовал себя невесомым: улицы, казалось, перетекали сквозь него потоком темного воздуха. Часовые циферблаты горели, словно искусственные луны на невидимых башнях. На Александра-Парейд у некрополя мимо него прошел пьяный, пошатываясь и бормоча:

— Без толку.

— Верно, — поддакнул Тоу. — Без толку.

Ночью Тоу часто просыпался оттого, что ноги его со скрипом терлись одна о другую, а ногти впивались в здоровые участки кожи. Утром на простыне расплылись пятна крови, а тело налилось такой тяжестью, что он с трудом выбрался из постели. На занятиях все движения он проделывал механически, как лунатик. В полдень Тоу пошел в столовую и, стиснутый со всех сторон, выпил чашку черного кофе. Девушка по соседству окликнула его:

— Привет, Тоу!

Он слабо улыбнулся в ответ.

— Как дела, Тоу?

— Ничего.

— Доволен жизнью?

— Вполне.

К девушке наклонился парень и что-то зашептал ей на ухо.

— Тоу, этот парень говорит о тебе всякие гадости.

— Ничего подобного, — быстро отозвался парень.

— Верю, — вяло проговорил Тоу.

Он поглядел на эту пару и увидел, что с их лицами что-то неладно. Кожа сползала с черепов и скручивалась, как незагустевший клейстер. Под углом его зрения все головы выглядели неровными комьями, похожими на картофелины, лишеными, однако, их неподвижности: поверхности картофелин были испещрены отверстиями, которые то открывались, то закрывались; отверстия

загораживались цветным желе или обрамлялись костяными пеньками; через эластичные отверстия всасывался или вырывался струйками воздух; отверстия выделяли соль, воск, слюну и слизь. Тоу стиснул карандаш в кармане брюк: ему хотелось, чтобы это был нож, которым он мог бы пропороть себе щеку и располосовать лицо до голой, чистой кости. Это было глупостью. Ничего чистого там не было. Он подумал о мозговых срезах, глазных яблоках и ушах, виденных им на медицинских схемах и в лавках мясников. Подумал об эластичных мускулах, пульсирующих сосудах, мешочках с железами, наполненных теплой жидкостью, слоях ячеистой, волокнистой и гранулированной ткани внутри головы. То, что воспринималось как вкусовые ощущения, как ласки, мечты и мысли, являлось глазу хитроумно сочлененной массой отбросов. Тоу поспешно покинул столовую, стараясь не видеть ничего, кроме пола под ногами.

Дома, после ужина, Тоу стоял в кухне, время от времени убирая со стола тарелку, но тут же опять застывал недвижно с открытым ртом и потерянными выражением на лице. Вошедший мистер Тоу нетерпеливо спросил:

— Ты еще не закончил? Ты здесь уже битый час. Тебе так неприятно мое общество, что не хочешь посидеть вместе?

— Нет, просто я думаю о разном неприятном и не могу бросить.

— О чем неприятном?

— Главным образом о болезнях. О кожных заболеваниях, о раке и паразитах, живущих внутри

организма. Некоторые болезни существуют на самом деле, но я выдумываю и новые. Никак не остановиться.

— Ради бога, кончай с уроками и пойдй прогуляйся. В любом случае, делай хоть что-нибудь.

— Как, если в голове одно и то же?

— Тогда иди спать.

— Стоит закрыть глаза, вижу это опять. Нет покоя. Грызет меня изнутри и грызет. Вот так люди с ума и сходят.

Мистер Тоу посмотрел на сына с раздражением и беспокойством.

— Что же, позвать доктора?

— Чем он поможет? «Доктор Таннахил, я думаю о том, о чем мне не нравится думать!» И чем он поможет?

— Вероятно, направит тебя к психиатру.

— Когда? Я уже сейчас в таком состоянии.

— Отчего у тебя эти мысли?

— Очень просто. Я без психиатра это знаю. Неудовлетворенность. Если человек умен и честен, а сексуальной привлекательности лишен, тогда он — медь звенящая и кимвал бряцающий.

— Ты в истерике.

— Да. Не повезло, верно?

— Иди спать, Дункан, а я принесу тебе стаканчик тодди.

Тоу сидел в постели, обложенный подушками, чтобы не заснуть. Он выдумал паразита по имени Блоховошь. Личинка была белой и бесформенной, только

брюшко ее состояло сплошь из ртов. Блоховошь зарождалась в соединительных тканях и продвигалась вперед, проедавая траншею в поверхностях, на которых обитала. Она внедрялась в тела поначалу незаметно, поскольку источала сок, который действовал на нервы подобно наркотику: больные люди выглядели поздоровевшими, прибавляли в весе, цвет лица улучшался, настроение у них поднималось, возрастала активность. Потом Блоховошь добиралась до мозга. Жертвы радовались жизни по-прежнему, однако их действия становились механическими и заторможенными, слова — стертыми, избитыми. Далее вши, двигавшиеся до тех пор медленно и постепенно, внезапно набрасывались на основные жизненные органы и, внедряясь в них, увеличивались в размерах. Зараженные люди бледнели, падали без чувств прямо на улице, раздувались и лопались, будто прогнившие мешки с рисом, и каждое зернышко было извивавшейся в корчах вошью. Затем трескались и сами вши, а из их нутра вырывались на волю крылатые насекомые — столь крошечные, что могли проникать в любое тело через мельчайшие поры в коже. Не прошло и ста лет, как Блоховошь поразила и сожрала все живое на свете. Земля превратилась в голый камень, над которым колыхался покров из вшей разной величины — от нескольких дюймов до пятисот футов. Вши принялись пожирать друг друга. В конце концов осталась только одна гигантская личинка, свернувшаяся вокруг экватора, как червяк вокруг камешка. Тело последней Блоховши вмещало в себе плоть всего жившего прежде. Блоховошь была удовлетворена.

Развертывая эту фантазию, Тоу несколько раз засыпал и продолжал развивать ее во сне, временами

становясь жертвой Блоховши, а временами — ею самой. Сны были настолько подробными, что ужас заставлял его судорожно просыпаться и широко раскрытыми глазами долго смотреть на электрический свет в надежде, что резь в глазах заставит его бодрствовать. Меж тем уголок его сознания стремился высвободиться с отчаянной решимостью крысы, которую поджаривают во вращающейся клетке.

— Хватит! Хватит! Хватит!

— Не могу.

— Почему? Почему? Почему?

— Твой разум гниет. Разум, лишенный любви, всегда плодит этих червей.

— Как мне обрести любовь?

— Никак. Никак.

Вскоре после пяти утра что-то произошло. Тоу боролся с мыслями о вшах и со сном, наделявшим их осязаемой плотью, как вдруг явился образ Молли Тирни, словно прохлада коснулась его разгоряченного лба. Тоу лег, чувствуя, как его медленно наполняет облегчение. Наутро он отправится к Молли и спокойно, без пафоса, объяснит, что только она может спасти его от сумасшествия. Если она откажется его полюбить, то за все, что случится дальше, ответственность понесет она, а не он. И она, наверное, поможет. Мы живем в мире вероятностей, а не достоверностей, поэтому прекрасные восхитительные случаи должны иногда происходить. Блоховошь покинула мысли Тоу. Он заснул безмятежным сном без сновидений.

Тоу проснулся, когда отец раздвигал шторы.

— Как у тебя сегодня с головой?

— Сейчас все в порядке. Отлично.

— Надолго?

— Думаю, да.

— Доктор не нужен?

— Точно нет.

— Ладно. Три недели назад, Дункан, ты сказал мне, что тебя ограбили на пятнадцать шиллингов. Ты солгал. Теперь я хочу знать правду.

— Принадлежности стоили три фунта.

— Знаю. Я шарил в твоих карманах — хотел постирать носовые платки — и наткнулся на чек. Собирался наколоть его на штырь в чулане и вдруг заметил точную сумму.

Мистер Тоу подошел к окну и, сунув руки в карманы, выглянул на улицу. В спальне отчетливо слышалось ожесточенное поскребывание, словно мышь грызла дерево или острие пера царапало бумагу.

— Ради бога, перестань чесаться! — воскликнул мистер Тоу. — Неужели мало пятен крови на простынях?

— Извини.

— Не понимаю, зачем тебе нужно было лгать, разве что из любви к вранью. Достаточно было просто промолчать.

— Я сказал столько правды, сколько посмел.

— Посмел? А что тебе грозило? Думал, я тебя отлуплю?

— Я это заслужил.

— Но, Дункан, я тебя и пальцем не тронул с тех пор, как ты попросил!

— Верно, — подумав, подтвердил Тоу.

— И потом, как это ты собирался скрыть от меня точную сумму? Рано или поздно мне пришлось бы оплачивать счет.

— Я оплачиваю его сам. Сэкономил уже тридцать пять шиллингов.

— Тридцать пять шиллингов за три недели! Ты урезал себе рацион. Не удивительно, что и заболел. Откуда ждать здоровья, если ты моришь себя голодом? Откуда? Откуда?

— Пожалуйста, не наускаивай на меня.

— А что мне еще делать? — жалобно проговорил мистер Тоу. — Маленького тебя можно было выпороть, но сейчас ты уже мужчина. Как иначе мне тебе внушить, что ты не прав, если не долдонить и не долдонить одно и то же? — Помолчав, мистер Тоу спокойно добавил: — Буду рад, если в будущем ты поделишься со мной истинным положением твоих дел, насколько катастрофично они бы ни обстояли.

— Постараюсь.

— Тогда вставай и иди завтракать, сынок.

— Мне хочется полежать. Слабость.

Оглядев сына, мистер Тоу вышел со словами:

— Я принесу тебе завтрак в постель.

Лежа в постели, Тоу вспоминал вчерашний вечер. Просить любви у Молли Тирни казалось теперь занятием дурацким и ненужным, но решимость совершить такой

поступок избавила его от страха перед болезнью и распадом. Если подобные мысли придут снова, он разберется с ними хладнокровно и переключится на что-то другое.

Два дня отец Тоу, перед уходом на работу, приносил ему завтрак в постель. В полдень миссис Кохун с нижнего этажа подавала ему на подносе обед. В промежутках между едой Тоу испытывал телесное наслаждение от досуга, когда не надо никуда спешить: можно было чиркать в блокноте, читать или просто лежать в задумчивости. Хорошо было чувствовать себя свободным от напряжения, связанного с занятиями в художественной школе, однако школа не выходила у него из головы. Он сделался частью студенческой жизни, его голос среди других голосов слышали привлекательные девушки, его лицо сливалось с окружающими их лицами. Тоу записал:

Перо Тоу замерло над страницей, потом, коснувшись бумага, набросало дерево на Сочихолл-лейн — крупное, лишенное листьев, среди жилых домов и зеленых дворигов Риддри. Возле дерева три карликовые домохозяйки натягивали между железными шестами бельевые веревки: Тоу изобразил их, скопировав по памяти домработницу, которая приходила помогать по хозяйству во время последней болезни матери. Косынки, мужские сапоги, широкие фартуки, прикрывавшие груди и бедра, придавали им бесполой, хирургический вид. В верхней части картины самая высокая ветка на дереве упиралась в полоску неба между дымоходами. Тоу вспомнилась гравюра Блейка: серая океанская пучина, из

волны высовывается рука, пытается уцепиться за пустое небо. На другой гравюре Блейка пара крошечных любовников наблюдает за фигуркой, дерзко ставящей ногу на ступеньку лестницы — шаткой и такой высокой, что верх ее упирается в серп луны. Надпись гласила: «Хочу! Хочу!» В небе над вершиной дерева Тоу нарисовал луну.

Утром Тоу встал после завтрака с постели и уселся в толстом халате перед камином, делая из наброска картину. Вечером Рут крикнула ему из кухни, где готовила чай:

— Если у тебя хватает сил рисовать, то хватит, наверное, и на то, чтобы помочь мне по дому!

— Твоя правда, — отозвался Тоу.

— Тогда будь любезен, накрой на стол.

— Я занят.

— Надо же! На пять минут не оторваться?

— Если я оторвусь, то потом работа пойдет кое-как.

— По-твоему, выходит, твоя дрянная картина важнее всего остального?

Рут встала в дверном проеме, держа в руках молочный кувшин. Взглянув на нее, Тоу спокойно ответил:

— Да. То, что я делаю сейчас, важнее всего происходящего в городе.

— Ты сдурел!

— Возможно.

Тоу вернулся к картине. Рут подошла вплотную и подняла над картиной кувшин, полный молока.

— А как тебе понравится грязная лужа в самой середине твоей важной картины?

— За твои действия я не отвечаю, — заметил Тоу, продолжая работать.

Рут медленно наклонила кувшин и плеснула из него на картину, в центре которой растеклась лужица. Тоу встал и направился в кухню со словами:

— Глупое и неуместное ребячество.

Он принес из кухни чистую салфетку, стер с картины молоко и вновь взялся за работу. Рут, не выпуская кувшина из рук, угрожающе смотрела на него, потом проговорила негромким прерывистым голосом:

— Господи, как я тебя ненавижу! Как я тебя ненавижу!

— В данный момент, вероятно, да, но это ненадолго. Ненависть очень утомляет.

— Ничего, я потерплю! Не волнуйся!

Рут с грохотом швырнула кувшин в огонь и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Минут через пять вернулась с тетрадками для домашних заданий и, плотно сжав губы, расположилась заниматься у камина.

Вдруг Тоу резко вскочил с места, выкрикивая все громче:

— О! О! О-о!

Он рисовал на твердой бумаге водостойкой тушью. Ему показалось, что молоко попало на сухой участок, однако он еще не совсем высох, и теперь, когда влага

испарилась, в центре картины проступило серое пятно. Этого Тоу не ожидал. Наклонив голову и поводя подбородком, он подступил к Рут со стиснутыми кулаками и свистящим шепотом процедил:

— Ну, милочка, клянусь, ты у меня за это поплатишься.

Рут, попятившись, укрылась в эркере. Раньше, когда между ними случались драки, нападала обычно она, а Тоу хладнокровно или яростно оборонялся. Сейчас она осела на пол, защищая голову руками; Тоу, нагнувшись, дважды двинул ей кулаком в живот, после чего вернулся на место и уставился на картину. В нем поднялась новая волна негодования, и он вновь с мстительным видом обернулся к Рут. Рут лежала, свернувшись, на полу с закрытыми глазами и, белая как мел, дышала часто и прерывисто. Тоу пошел в переднюю спальню и лег на кровать, испытывая чувство безразличия и опустошенности и не воспринимая ничего, кроме угасающего дневного света и редких выкриков детей, игравших на улице. Вскоре он услышал, как Рут направилась в уборную: донесся плеск воды из открытого крана и шум наполнявшегося бачка. Мимоходом Рут заглянула в спальню и, всхлипывая, проговорила:

— Ты сделал мне больно, Дункан. Ты сам не понимаешь, что ты мне сделал.

— Извини, — сухо отозвался Тоу.

Он мог думать только о кляксе на картине, ни о чем другом. Холодность и равнодушие расползались по нему похожим пятном. Позже явился отец, слышался

невнятный разговор в гостиной. Мистер Тоу распахнул дверь спальни и резким тоном спросил:

— Дункан! Ты двинул Рут в живот?

— Да. Мы подрались.

— Послушай, Дункан, мне приятно, что ты готов себя защищать, но запомни: бить женщину в живот нельзя.

— Прости. Я все еще не знаю, как надо правильно бить женщину.

Отец вышел, а Тоу долго лежал недвижно, думая о картине. «Я не могу сделать все заново», — заключил он и сел в постели, пораженный новой идеей. Примерно за час до того, как Рут испортила картину, та уже перестала ему нравиться, и теперь он понял почему. Луна была не к месту. В такой картине она была не нужна — как сентиментальное излишество, вроде певца с гитарой, исполняющего серенаду. Картину следует увеличить, а небо исключить совсем.

Вечером чай заваривал мистер Тоу, семейный ужин прошел в молчании. Тоу скрывал внутреннее ликование, поскольку разделить его было не с кем. Потом он вновь взялся за картину и закончил ее через три дня.

Тоу принес свою картину в художественную школу: ее повесили в общем зале, где он прохаживался среди прочих студентов — одни оживленно болтали, другие хранили молчание. Картиной он уже пресытился, она казалась ему вымученной и скучной; он ожидал, что затмит всех остальных, но был подавлен наличием двух картин, которые были ничуть не хуже. На них был показан обычный кухонный интерьер. Тщательно наложенные краски изображали фигуры и пространство

между ними, а глубина перспективы, ощущение света и воздуха отличались большей тонкостью передачи в сравнении с угрюмой жесткостью его композиции. Прочие картины останавливали внимание своей причудливостью. Молли Тирни представила тропический пейзаж, где два-три десятка похожих на нее блондинок полоскали волосы в водопаде. Картина Макбета смахивала на поддельное полотно Ван Гога. В зале появился полный седовласый и седоусый наставник и стал прохаживаться перед картинами: величественно рассуждая о задачах искусства, он указывал пухлой белой рукой на те работы, достоинства и недостатки которых иллюстрировали его тезисы. Раза два он умолкал, задумчиво изучая дерево Тоу, а потом переходил к другим картинам, взвинчивая нервы Тоу, в груди которого ожидание вытеснялось возмущением. В итоге о работе Тоу не сказано было ни слова, и разочарование еще долго жгло ему душу едкой крупницей щелочи.

Глава 22 Кеннет Макалпин

Раз в неделю студенты гуртом устремлялись в лекционную аудиторию на беседу по истории искусства. Настроение у всех было приподнятое, со всех сторон слышался обмен дружескими репликами: в потоке взаимных симпатий Тоу казался себе грубым недвижимым осколком скалы. Однажды он запоздал: возле двери было пусто, но лектор еще не появился. Помедлив у входа, он придал лицу выражение безразличия, сдвинул брови — как бы в легкой задумчивости — и вошел в зал. Его встретили взрывом смеха, кто-то крикнул: «Это был благороднейший из римлян!» На него глазели все: одни хохотали, другие ухмылялись. Раковину одинокой сосредоточенности, в которой он замкнулся, подхватила волна всеобщего веселья. Улыбнувшись, Тоу спросил: «У меня что, нос зеленый?» — и опустился рядом со светлоусым студентом, к которому ранее проникся инстинктивной антипатией.

— Да нет, просто ты был похож на Цезаря, размышляющего над головой Помпея.

После лекции они вместе отправились в столовую. Студента со светлыми усиками звали Кеннет Макалпин.

— Кому только нравится пить здесь кофе? — проронил Тоу.

— Я заметил, что ты почти сюда не заглядываешь.

— Не знаю, где приткнуться. Мир кажется иногда шахматной доской, на которой фигуры передвигаются сами по себе. Сроду не понимаю, на какую клетку

ступить. Но вообще-то игра вроде бы не слишком трудная: многие действуют в ней интуитивно.

— Правила довольно простые, — сказал Макалпин. — Держись возле себе подобных и не отставай от них. Вон те, за соседним столиком, — состоят в школьном хоре. А вон там — клан горцев. Эти четверо в углу — убежденные католики. По окончании второго курса твоя компания обычно определяется предметом, в котором ты решил специализироваться.

— А у тебя есть своя?

Макалпин поджал губы:

— Да. Я отношу себя к снобам. Мое семейство было довольно зажиточным, и я вырос с сознанием собственного превосходства над большинством. Поэтому мне несколько не по себе, если я оказываюсь среди тех, кому это чуждо. Думаю, те, с кем я вожусь, тоже снобы. Они скоро придут, можешь сам решить.

Тоу улыбнулся:

— Я тогда уйду. Не хочу ставить тебя в неловкое положение.

— Но я буду рад, если ты останешься. С тобой мне интереснее разговаривать, чем с ними. За исключением Джуди, конечно.

— Джуди?

— Это моя подружка. Пойми меня правильно: это отличные люди, да ты и сам кое с кем из них уже знаком. Однако временами мне думается, что держит нас вместе снобизм.

Появились Джуди и Рашфорд. Джуди оказалась миловидной, крепко сложенной девушкой с выражением

легкого недовольства на лице. Рашфорд носил вышитый жилет, скопированный с жилета Бенджамина Дизраэли.

— Викторианцы вовсе не были теми нудными монстрами, какими мы их себе представляем, — заявил он тонким нравоучительным голосом.

Затем пришла Молли Тирни в сопровождении Макбета и компании, и вскоре все были в сборе. У Макбета был потерянный несчастный вид: Молли его не замечала, но Тоу чувствовал себя на высоте. Разговор вертелся вокруг личностей, о которых он понятия не имел, и о вечеринках, на которых не присутствовал, однако его редкие реплики выслушивали с вежливым вниманием.

После этого Тоу и Макалпин работали в студии бок о бок, пили кофе вместе, приносили в школу полюбившиеся книги и вслух читали друг другу лучшие отрывки. Тоу предпочитал поэзию и драматургию, Макалпин — музыку и философию. Они обсуждали и то и другое, избегая касаться политики, когда мнения у них расходились. Раза два они были друг у друга в гостях и пили чай. Макалпин жил в небольшом элитном пригороде Бирсдене. Их дом был окружен садом, полы в комнатах устилали толстые ковры. Массивную мебель украшали индийские ларчики и китайские орнаменты. Миниатюрная миссис Макалпин отличалась живостью и веселым нравом.

— Это самый маленький из домов, которыми мы владели после смерти отца Кеннета, — вздохнула она, разливая чай по чашкам из тонкого фарфора. — Нет, других мне не надо, даже если бы для этого нашлись средства. Когда-то мы и в самом деле процветали. У Кеннета, к примеру, в детстве была нянюшка...

— Мы храним ее чучело в шкафу под лестницей, — пробормотал Макалпин.

— ...у нас был и шофер, Страуд, восхитительный персонаж, настоящий кокни. Автомобиля мне очень не хватает. Если бы он у меня был, я бы, наверное, из него не вылезала — я от природы жутко ленивая. Беготня по магазинам, думаю, помогает мне сохранять молодость. И еще в чем пришлось себя ограничить — это в развлечениях. Впрочем, на день рождения Кеннета, когда ему исполнится двадцать один год, мне хочется устроить для него вечеринку, которая бы ему понравилась. Вы, Дункан, надеюсь, придете? Кеннет о вас часто рассказывает.

— С удовольствием, — отозвался Тоу.

Он с ногами утонул в мягком диване и, прихлебывая чай, гадал, почему ему здесь уютно, как дома. Возможно, в детстве их дом казался ему таким же просторным и надежным.

Сидя в столовой, Тоу частенько слышал о намечавшихся вечеринках и экскурсиях. Макалпин почти не принимал участия в обсуждавшихся планах: в их компании вся практическая сторона дела поручалась девушкам, но Джуди вовлекала его в разговор вопросами: «А ты, Кеннет, что думаешь?» или «Какие у тебя будут соображения?» — а Тоу томился в это время надеждой, что пригласят и его, недоумевая, почему неизменно приглашают Эйткена Драммонда. Эйткен Драммонд в эту компанию не входил. Ростом он был выше шести футов, обычно носил зеленые брюки трамвайного кондуктора, красный шарф и армейскую шинель. Темная кожа, большой нос с горбинкой, сверкающие глазки, курчавые черные волосы и

остроконечная борода настолько полно составляли привычный образ дьявола, что при первом знакомстве всякому казалось, будто он близко общался с ним не один год. Драммонда всегда звали на вечеринки, а на следующий день о нем рассказывались разные истории, сопровождаемые насмешками не без оттенка ужаса. Тоу завидовал Драммонду, однако спросить: «Кеннет, а можно мне прийти на вечеринку?» (вопрос постоянно вертелся у него в голове) — не решался. Тоу был уверен, что Макалпин ответит: «Да, почему бы нет?» — с болезненной для него холодностью. Хотя холодность была именно тем качеством, которым он в Макалпине восхищался больше всего. Утонченную невозмутимость Макалпина, его спокойную уравновешенность, казалось, никто и ничто не могло поколебать. Уверенностью в себе дышало его сильное здоровое тело, о ней же свидетельствовали безупречные манеры, отличный костюм и аккуратно сложенный зонтик, который Макалпин с естественной непринужденностью носил под мышкой в пасмурные дни. Наглядней всего его хладнокровие проявлялось в тех редких случаях, когда он заговаривал о своей частной жизни, словно она была развлекательным зрелищем, которое он с ироническим сочувствием наблюдал издали.

Однажды Макалпин признался Тоу:

— Вчера вечером я неважно себя повел.

— А что такое?

— Пригласил Джуди на вечеринку. Изрядно перепил и начал целовать дочь хозяина на полу за диваном. Она тоже была под хмельком. Джуди нас обнаружила и взъярилась. Беда в том, что я очень уж увлекся и даже не сумел притвориться, будто

раскаиваюсь. — Нахмурившись, Макалпин добавил: — Это очень плохо, правда?

— Если Джуди тебя любит, то да, это очень плохо.

Макалпин мрачно поглядел на Тоу, потом откинул голову назад и громко расхохотался.

Однажды утром Тоу и Макалпин отправились в Каукаденс — бедный район за холмом, на котором была расположена художественная школа. Они делали эскизы на заасфальтированной игровой площадке до тех пор, пока назойливые приставаания мальчишек («Что вы пишете, мистер? Вы рисуете фото этого здания, мистер? Мистер, напишите мое фото!») не заставили их уйти по выложенной булыжником улице в сторону канала. Они прошли под низкой аркой деревянного моста и взобрались мимо каких-то складов на холм со скудной растительностью. Стоя под опорой высоковольтной сети, они стали рассматривать сверху городской центр. Ветер, шевеливший полы их пальто, гнал по небу над долиной к востоку горы серых облаков. Пятна светотени перемещались с одного холма на другой, обливая блеском груды жилых кварталов, за которыми темнели здания городских учреждений и силуэты куполов Королевского лазарета, а далее — отливающий глянцем могильной плиты хребет некрополя.

— Глазго — величественный город, — заметал Макалпин. — Почему мы этого почти никогда не замечаем?

— Потому что никто не думает, что в нем живет, — ответил Тоу.

Макалпин закурил сигарету.

— Если соизволишь объяснить, я слушаю.

— Возьмем Флоренцию, Париж, Лондон, Нью-Йорк. Всякий, кто туда попадает, не чувствует себя чужаком, потому что уже посещал эти города, знакомясь с ними по картинам, романам, историческим книгам и фильмам. Но если какой-то город художники обошли вниманием, то даже его обитатели не в состоянии его вообразить. Что такое Глазго для большинства из нас? Дом, место работы, футбольное поле или площадка для гольфа, пабы, близлежащие улицы. Вот и все. Нет, ошибаюсь: есть еще кино и библиотеки. Когда нам хочется пофантазировать, мы навещаем мысленно Лондон, Париж, Рим под властью Цезарей, американский Запад на рубеже столетий — бываем где угодно, только не здесь и не сейчас. Воображаемый Глазго существует только в песенке для мюзик-холла и в нескольких скверных романах. Мы предъявили миру только это. И только это предъявляем себе.

— Мне казалось, что не только — еще корабли и, к примеру, станки.

— О да, когда-то мы были главнейшими создателями многих полезных вещей. В начале века у нас действовало наиболее организованное лейбористское движение в Соединенных Штатах Британии. У нас был Джон Маклин — единственный шотландский школьный учитель, который говорил ученикам, что с ними делают. Он устроил здесь, в Клайдсайте, забастовку домашних хозяек против повышения квартирной платы, что заставило правительство запретить домовладельцам во время Первой мировой войны взимать дополнительные деньги. Мало кому из премьер-министров это удавалось. Ленин ожидал, что британская революция вспыхнет в

Глазго. Не вышло. В дня всеобщей стачки вон там, над городскими учреждениями, развевалось красное знамя, толпа столкнула трамвайный вагон с рельсов, армия послала танки на Джордж-сквер, однако никто серьезно ранен не был. Никто не погиб — разве что от мизерной платы, от плохого жилья, от скудной еды. Маклина убили негодные условия жизни — в тюрьме Барлинни. Поэтому в тридцатых годах, когда четверть трудоспособных мужчин оставалась без работы, только протестанты и католики полосовали друг друга бритвами. Что ж, легче сражаться с соседями, чем с плохим правительством. Это до начала Второй мировой войны вносило в безысходную жизнь надежду. Вот Глазго и не попал в исторические труды — только в статистические сводки: исчезни он завтра — недостаток в производстве кораблей, ковров и унитазов за считанные месяцы будет восполнен в сверхурочные часы благодарными рабочими Англии, Германии и Японии. Разумеется, наша промышленность обеспечивает занятостью чуть ли не половину населения Шотландии, тут проживающего. Они позволяют нам существовать. Но скажи, пожалуйста, кому в наше время достаточно просто существовать?

— Мне. В данный момент, — заявил Макалпин, следя за перемещением светотени по крышам домов.

— Мне тоже, — согласился Тоу, гадая, как был воспринят его монолог.

Помолчав, Макалпин сказал:

— Итак, ты рисуешь Глазго, чтобы хоть как-то воплотить его мысленный образ.

— Нет. Это моя отговорка. Я рисую потому, что иначе чувствую себя никчемным ничтожеством.

— Завидую твоей целеустремленности.

— А я завидую твоей уверенности в себе.

— Почему?

— Благодаря ей ты желанный гость на вечеринках. Благодаря ей можешь спяну целоваться с дочкой хозяина за диваном.

— Это пустяки, Дункан.

— Только когда ты на них способен.

— Десять недель — это очень длинные каникулы, — заметил мистер Тоу летом. — А что поделявает твой друг Кеннет?

— Работает кондуктором в трамвае. Почти все мои знакомые нашли себе какую-то работу.

— А ты чем думаешь заняться?

— Рисовать, если позволишь. Осенью состоится выставка, где будет проведен конкурс картин на тему «Тайная вечеря». Приз — тридцать фунтов. Я надеюсь выйти победителем.

Тоу шагал по улицам, вглядываясь в прохожих. Потом спустился в метро, где пассажиры сидели напротив друг друга и можно было рассматривать их лица без опасения показаться назойливым. Прибрежные жители обычно были более худыми, на полголовы ниже и одеты дешевле, чем жители пригородов. Связи между физическим трудом, бедностью и плохим питанием Тоу раньше не замечал как выходец из Риддри — промежуточного района, где жили торговцы и мелкие клерки вроде его отца. Он подметил также, что губы и у гладколицых канцелярских клерков, и у рабочих с обветренными лицами были сжаты одинаково плотно.

Почти все сохраняли напряженно-озабоченный или неприступно-мрачный вид. Такие лица могли быть у апостолов, выбранных из среды работников и торговцев, но для Иисуса они не годились. Тоу начал оглядываться по сторонам в поисках невозмутимо-мирных, безмятежных лиц. Такое выражение было на лицах детей, когда они сидели спокойно, однако с повзрослением оно сохранялось, как правило, только у женщин, имевших кроткий, таинственный, всепонимающий вид. Тоу подумалось, что так мог бы выглядеть Бог во плоти: это знали Леонардо и восточные резчики по камню, ваявшие Будд. Однажды Тоу увидел такое выражение на лице эмбриона длиной в три дюйма из медицинского университетского музея. Раздутая головка клонилась к согнутым коленям, большие закрытые глаза и едва заметная улыбка на губах словно бы свидетельствовали об известной зародышу исчерпывающей тайне — громадностью равной всему мирозданию. Но Тоу стало ясно, что такое выражение неприемлемо для Христа, который смотрел на окружающих его с неизменно ровным спокойствием. Ему нужно было лицо взрослого, разумного человека, во взгляде которого мягкая любовь снимала всякое превосходство над ближним, в лице которого не было бы и тени торжества или упрека, ибо торжество — это самодовольство, а осуждение — дело рук дьявола. В поисках внешности Христа Тоу перерыл свои старые рисунки. Коултер смотрел с наброска невозмутимо и дружелюбно, однако был слишком задумчив; Макалпин выглядел спокойным и мужественным, но из-под ресниц сквозило высокомерие. Тоу решил заимствовать лицо Христа с какого-нибудь шедевра, однако в художественной галерее Глазго Иисус изображался

хорошо только младенцем, кроме полотна Джорджоне «Христос и блудница», на котором скромность художника или трусость реставратора поместила святое лицо в тень. Тоу потратил день на поездку в Национальную галерею в Эдинбург, где наконец нашел нужное лицо на изображавшем Троицу холсте Гуго ван дер Гуса. Картина датировалась пятнадцатым столетием, когда фламандские мастера открыли масляные краски и сделали коричневый цвет самым мягким из всех цветов, сохранив при этом четкую яркость темперы. Господь восседал на неуклюжем престоле из золота и хрустала среди пестрых клубившихся туч. На Нем было простое алое одеяние с зеленой подкладкой: подхватив под мышки измученного, изможденного, мертвого, почти нагого Христа, Он не давал Ему соскользнуть с соседнего престола. Над головами Бога Отца и Бога Сына парил белый голубь. У Бога было такое же обыкновенное худое смуглое лицо, как и у Его Сына, и выражало оно только печаль, без всякой примеси ожесточения или упрека. Невзирая на золотой престол, нельзя было сказать, что и тому, и другому хорошо платят. Оба выглядели усталыми кормильцами, но не собственниками или начальниками. И сочувствие у Тоу вызывал не умерший Сын, а страдающий Отец. Его Христос был именно таким, и Тоу признавал, что никогда не сможет его изобразить. Невозможно придать лицу выражение, которое тебе несвойственно даже потенциально, и лицо этого Бога было для Тоу недостижимо.

В итоге Тоу решил вообразить трапезу такой, какой видел ее Иисус, сидевший во главе стола. По обе стороны столешницы апостолы — охваченные тревогой, надеждой, сомнениями, восторгом, голодные и насытившиеся — вытягивали шеи, подавшись вперед и

стараясь поймать взгляд смотревшего на них. На скатерти были видны только руки Иисуса, протянутые из-за нижнего края картины (натурой Тоу послужили руки отца). Подготовительная работа заняла столько времени, что для написания самой картины времени у Тоу уже не оставалось, и он представил черно-белый картон.

Премии картина не получила, но ее легко было сфотографировать, и «Буллетен» поместил снимок, на котором перед ней стояли Молли Тирни и Эйткен Драммонд. Подпись гласила: «Будущие художники обсуждают версию "Тайной вечери" Дугласа Шоу на открытии летней выставки художественной школы в Глазго». Тоу укрылся с газетой в кабинке школьной уборной, чтобы жадно ее рассмотреть. Картина ему опротивела, но опубликованный снимок вызвал у него короткий прилив наслаждения, близкого к сексуальному. Он направился в столовую довольный собой, как никогда, и подсел к Джуди, которая участливо его спросила:

— Дункан, тебе не тошно было рисовать эти отталкивающие физиономии? Или картина тебя шокирует так же, как нас?

Проявленный Джуди интерес захлестнул Тоу радостью.

— Нет, — пустился он в объяснения, — я вовсе не стремился изобразить кого-то отталкивающим. Собственно говоря, Христос выбирал себе учеников наугад, как жюри присяжных; они и должны были быть обыкновенными заурядными представителями. Я мог бы подчеркнуть их гротескность. Немногие из нас таковы, какими должны быть, даже в собственной оценке,

поэтому как же нам не выглядеть гротескно? Но отталкивающими мы бываем нечасто.

— Дункан, нарисуй мой портрет вот здесь, на столе, — попросила Джуди и держала голову неподвижно, пока Тоу чертил на огнеупорном пластике.

— Ну вот, готово, только у меня плохо вышло.

— Знаешь, — сказала Джуди, — ты меня выставил злоюкой. Показал все мои дурные качества.

Тоу взгляделся в рисунок. Ему-то казалось, что он просто сделал абрис лица, причем неважно.

— Я знаю, что во мне больше плохого, чем хорошего... — добавила Джуди.

Тоу собрался было запротестовать, но тут Джуди воскликнула:

— Глянь-ка на Кеннета! — Тоу повернулся в сторону Макалпина, который запрокинул голову, хохоча над какой-то шуткой. За время каникул он отрастил бороду: ее рыжеватый кончик, задранный к потолку, слегка колыхался. — У Кеннета дурных качеств нет. Если он и причинит кому-нибудь неприятность, то только по глупости, а не намеренно.

— Он джентльмен, — заметил Тоу. — Знакомство с ним цивилизует.

Тем вечером в трамвайном вагоне Тоу словно впервые увидел себя со стороны: ниже пояса — рабочий в заляпанных краской брюках, выше — клерк с белым воротничком и галстуком. Когда они проезжали мимо парка, кто-то потянул его за рукав. Он обернулся: перед ним стояла симпатичная полная девушка.

— Привет! — услышал он. — Как дела?

— Спасибо, отлично. А у тебя?

— Тоже неплохо. Ты живешь здесь?

— Да. Напротив церкви.

— Я навещаю тетушку. Увидимся.

Девушка шагнула на ступеньку, а Тоу терялся в догадках, кто это такая. И вдруг вспомнил: это же Толстушка Джун Хейг, учившаяся в Уайтхиллской школе. Он спустился за ней вслед, и теперь они оказались рядом.

— О, и ты сюда?

— Обычно я схожу дальше, на холме. — Тоу словно пытался что-то объяснить.

— Твой дом смотрит окнами на церковь?

Трамвай остановился, и они вышли из вагона.

— Нет, он стоит на улице, перпендикулярной дороге, — как раз напротив церкви.

Тоу, стоя на месте, показывал жестами расположение дома. Джун, взявшись за отворот его пиджака, оттянула Тоу с проезжей части дороги на мостовую со словами:

— Не хочу, чтобы меня задержали как свидетельницу дорожного происшествия.

— Где ты сейчас работаешь?

— У Брауна. Официанткой в столовой.

— О, я иногда туда заглядываю, только вниз, в курительную комнату.

Тоу подробно описал, как и чем привык питаться; Джун, казалось, слушала его со вниманием. Он показал ей снимок в газете, который ожидаемого впечатления на нее не произвел. В разговоре случались паузы, когда Тоу думал, что Джун попрощается, однако она никуда не двигалась, ожидая, пока он скажет что-то еще. Наконец Тоу предложил: «Давай я провожу тебя до дома тетушки», и они зашагали вперед бок о бок. Джун, со вскинутым подбородком и выразительным ртом, держалась надменно, словно отвергала толпы поклонников, а сердце Тоу глухо билось о ребра. Они обогнули несколько углов и остановились у подворотни. Джун пояснила, что навешает тетушку дважды в неделю: старушка недавно перенесла операцию. Тоу со всей прямоотой высоко оценил ее отзывчивость. Снова помолчали, и Тоу, набравшись храбрости, спросил:

— Послушай, можно будет как-нибудь с тобой увидеться?

— Ну конечно.

— Где ты сейчас живешь?

— Лэнгсайд, возле памятника.

— Хм... Где же мы встретимся?

Подумав, Джун назвала угол дома Пейсли у Джамайка-стрит-бридж.

— Прекрасно! — скрепил Тоу, потом добавил: — Но когда именно, мы не договорились, — вечером, в котором часу?

— Да, не договорились, — подтвердила Джун и после короткой паузы предложила: — В четверг вечером, в семь часов.

— Замечательно! — снова поддакнул Тоу. — Вот тогда и увидимся.

— Да.

— Ну, пока!

— Пока, Дункан.

Вечером работа Тоу не давалась, и он расхаживал по гостиной, напевая и тихо посмеиваясь. Мистер Тоу поинтересовался:

— Что это с тобой? Девчонка стрельнула в тебя глазками?

— Моя живопись вызвала определенный интерес.

Наутро в школьной библиотеке Тоу рассказал о Джун Макалпину. Тот не сразу оторвался от глянцевого журнала:

— Чем от нее несет — пекарней, пивоварней или борделем?

Потрясенный Тоу, почувствовав себя ничтожным, проклинал себя за то, что проговорился. Макалпин, глянув на него искоса, продолжал:

— Пойми, все женщины чем-нибудь да пахнут. Поклонники дезодорантов зажимают носы, но это все чушь собачья. Если девушка чистоплотна, то запах у нее очень привлекателен. Джуди благоухает.

— Я рад.

— Что тебе нужно, Дункан, так это добрую, опытную женщину постарше, а не глупую малышку.

— Но я не выношу снисходительности.

— Допустим, она будет обращаться с тобой по-умному. В борделях на континенте уйма сообразительных особ. Бордели в Шотландии своего наименования не заслуживают. Чертовски бедная страна.

— Сегодня у тебя что-то одни бордели на уме.

— Да... Как ты считаешь, что с тобой будет по окончании художественной школы?

— Не знаю. Но учить детей я не смогу и в Лондон не поеду.

— У меня тоже нет желания преподавать, — проговорил Макалпин, — но, вероятно, придется. Мне бы хотелось попутешествовать, насладиться свободой, прежде чем осесть, навестить Париж, Вену, Флоренцию. В Италии множество тихих городков, где есть церкви с фресками не столь знаменитых мастеров, а домашнее вино там подают прямо на площадях под навесом. Хотелось бы там побродить с девушкой — не обязательно будущей невестой. Представь! После заката воздух там такой теплый, как здесь в чудный летний полдень... Но я не могу надолго оставить матушку. Во всяком случае, тогда придется жениться на Джуди, а это — в рассуждении свободы — все равно что угодить из огня да в полымя. А я между тем старею.

— Вздор.

— Ход времени тебя не волнует?

— Нет. Меня волнуют только ощущения, а время неощутимо.

— А я его ощущаю.

Помолчав, Макалпин недоуменным тоном добавил:

— Подозреваю, что, если бы я поселился в трущобе с проституткой и ходил исключительно в леопардовой шкуре, мать и Джуди четыре раза в неделю притаскивали бы мне корзины с едой.

— Завидую тебе.

— Не завидуй.

Днем в лекционном зале тело Тоу достигло нелегкого компромисса с деревянной скамьей, и он задремал. Позже до него донеслись слова лектора:

— ...кем-то вроде головореза. Однажды, когда оба были молоды, он в драке сломал Микеланджело нос. Отрадно вспомнить, что умер он в безрадостных обстоятельствах, буйнопомешанным в испанской тюрьме, ха-ха. Впрочем, на сегодня достаточно.

Свет погас, и слушатели столпились у выхода. Впереди себя Тоу заметил Макалпина и Джуди: взявшись за руки, они перебежали через улицу к дополнительным корпусам, и он медленно побрел следом. В столовой их не оказалось. Тоу сел за столик рядом с Драммондом и Макбетом.

— Не понимаю, почему меня позвали, — говорил Драммонд. — Кеннета я почти не знаю.

— А когда это будет? — спросил Макбет.

— Завтра вечером. Сначала пойдем к нему — поужинать и выпить, а потом на костюмированную вечеринку в отель.

— Сколько ему? — любопытствовал Макбет.

— Двадцать один.

Тоу почувствовал себя так, будто его изнутри ошпарили кипятком. Он немного посидел, отделяваясь короткими репликами, потом сходил к стойке за едой. Оставшись наедине с Макбетом, Тоу догадался по его позе, насколько тот расстроен тем, что его не пригласили на вечеринку.

— Ты, Дункан, сегодня не очень-то разговорчив, — заметил Макбет.

— Прости, задумался.

— Ты, конечно, приглашен завтра на вечеринку к Кеннету?

— Нет.

Макбет ободрился.

— Нет? Странно. Вы с Кеннетом не разлей вода. Я думал, вы друзья.

— Я тоже так думал.

Вечером Тоу долго блуждал по улицам и явился домой уже после полуночи.

— Это ты, Дункан? — окликнул его отец с кушетки в гостиной.

— Вроде бы да.

— Что-то неладно?

— Никак не пойму, в чем дело, — объяснял Тоу. — Я к подобному не привык. Знакомый становится другом постепенно, делается все ближе. Обратный процесс — это ужасно.

— Что это за стук?

— Перебираю безделушки на столике у входа. Господи, как я с ним завтра встречусь? Что скажу?

— Много говорить не надо, Дункан. Поздравь спокойно и вежливо.

— Хорошая мысль, папа. Спокойной ночи.

— Иди сразу спать, не тяни. И никакой писанины.

Тоу лег в постель, задохнулся, принял две пилюли эфедрина, проспал около часа и проснулся возбужденным. Он раскрыл блокнот и записал:

Вычеркнул эти строки и написал новые:

Тоу хмыкнул и швырнул блокнот к потолку, откуда он срикошетил на верхушку платяного шкафа, вызвав обвал книг и газет. Тоу лежал, радуясь переменам в жизни, потом, после мастурбации, заснул. По пробуждении радости он уже не испытывал.

В тот день Макалпин на занятиях отсутствовал. В перерыве для чаепития Джуди, Молли Тирни и Рашфорд обсуждали свои маскарадные костюмы. Тоу не мог решить, как себя вести. Криво ухмыляясь, он рисовал на поверхности стола.

— Ты должен посмотреть на мой костюм! — весело крикнула Молли. — Жуть. Сплошь розовый, под двадцатые годы девятнадцатого века, мундштук длиной в три фута. Стой, дайка мне сюда карандаш.

Молли выхватила карандаш из пальцев Тоу и нарисовала костюм на столешнице. Вечером Тоу отправился на свидание с Джун и долго стоял у входа в магазин готового платья, разглядывая учтивые манекены во фраках и спортивной одежде. Сумерки превратились в темную ночь. Вход в магазин был традиционным местом встреч, и рядом с Тоу постоянно толклись поджидавшие подружек или ухажеров. Дольше пятнадцати минут никто не задерживался. Когда стало ясно, что ждать прихода Джун бессмысленно, Тоу пошел домой, чувствуя себя глубоко оскорбленным.

На следующее утро Макалпин ворвался в аудиторию, держа в руке книгу. Он подвесил аккуратно сложенный зонтик на батарею отопления, положил пальто и сумку на подставку и порывисто обернулся к Тоу.

— Слушай! — воскликнул он и прочитал вслух первый абзац «Обломова».

Тоу выслушал его в некоторой растерянности и со словами «Очень хорошо» удалился в угол заточить карандаш. В это утро он и Макалпин работали по отдельности. В обеденный перерыв Тоу отправился в главное здание для разговора с секретарем. Он осторожно заявил, что, полагая школьный курс анатомии для себя недостаточным, намерен просить разрешения делать зарисовки в прозекторской университета и потому будет признателен за письменное согласие от имени

секретаря с указанием полезности подобных занятий в целях усовершенствования мастерства.

— Не уверен, Тоу, не уверен, — проговорил секретарь, задумчиво раскачиваясь в кресле на шарнирах. — Патологическая анатомия действительно числилась в нашем расписании после войны четырнадцатого года. Я сам в ней практиковался. Не думаю, что извлек из нее много пользы, но, разумеется, я и не был таким прирожденным художником, как ты. Но подействует ли на тебя такая практика благотворно в психологическом плане? Откровенно говоря, мне кажется, что она причинит только вред.

— Я не... — Тоу, откашлявшись, опустился на колени перед электрическим камином возле письменного стола мистера Пила. Глядя на раскаленный докрасна змеевик, он машинально выдергивал волокна из циновки, изготовленной из кокосовой мочалки. — До совершенства мне далеко. Когда-нибудь, возможно, я и сделаюсь неплохим художником, но только не полноценным человеком. Поэтому моя работа так важна для меня. Если мне суждено развиваться, я должен знать телесное устройство.

— Твоя «Тайная вечеря» демонстрирует основательное владение анатомией — приобретенное, полагаю, обычными методами?

— Да ну, это чистейший блеф. Я дополнил известные мне подробности посредством воображения и картинок в книжках. Но теперь для дальнейшей работы моему воображению требуются более детальные сведения.

— Не убежден, что патологическая анатомия пойдет тебе на пользу. Тоу, но, видимо, ты должен себя

в этом убедить. Я отдаленно знаком с деканом медицинского факультета — и постараюсь с ним связаться.

— Спасибо, сэр, — сказал Тоу, выпрямляясь. — Зарисовки из вивисекторской мне действительно сейчас необходимы.

— Прозекторской.

— Простите?

— Ты сказал — «вивисекторской».

— Разве? Извините, пожалуйста, — смутился Тоу.

Желая снять радостное возбуждение, Тоу вернулся в аудиторию бегом. Макалпин стоял у двери за мольбертом. Тоу, задержавшись возле него, пробормотал:

— Пил дает мне разрешение делать эскизы в университетской прозекторской.

— Отлично! Отлично!

— Я еще ни разу не был так счастлив с тех пор, как изобрел бактро-хлориновую бомбу.

Макалпин, согнувшись пополам, издал сдавленно-невнятный смешок. Тоу сел на свое место с мыслью о том, насколько впустую тратится время без дружеских отношений. По дороге в столовую он спросил Макалпина:

— Почему ты не позвал меня на вечеринку?

— У нас было всего лишь несколько билетов на бал-маскарад — и надо было вручить их тем, кто приглашал нас с Джуди на свои вечеринки раньше. Мне хотелось тебя пригласить, но... это было попросту

невозможно. Я подумал, что тебе все равно: ты ведь гулял с той девушкой, которую недавно подцепил. Ну, и как вы поладили?

Глава 23 Встречи

Как-то вечером Тоу шел по Сочихолл-стрит: погода была теплой, фонари еще не горели. За крышами домов на западе простиралось такое чудесное озеро желтого неба, что он долго шагал ему навстречу вспять от дома. У Чаринг-Кросс его догнал Эйткен Драммонд:

— Дункан, обычно ты тут не появляешься.

— Я просто гуляю.

— Наверное, ждешь, когда начнется сегодняшней танцевальный бал?

— Сегодня? Нет, у меня нет денег на билет.

— Деньги — штука полезная, согласен, но о билете не беспокойся. Пошли вместе.

Они прошли мимо «Гранд-отеля», потом из короткого темного переулочка свернули в захламленный дворик. Тоу различил там груды кокса и угля, переполненные мусорные ящики, нагромождения упаковок для молока, рыбы и пива. Драммонд распахнул дверь.

На них пахло таким горячим воздухом, что у Тоу ненадолго перехватило дыхание. Под слабой электрической лампочкой у печной дверцы сидел старик в спецовке, куривший трубку.

— Это Дункан Тоу, па. Мы с ним идем на танцевальный бал в художественной школе.

Мистер Драммонд, вынув трубку изо рта, черенком указал Тоу на пустой стул. Его запавший беззубый рот кривился усмешке; нос — побольше, чем у сына, — был

сморщен; дужки очков, вздернутых на лоб, замотаны изоляционной лентой.

— Идете на танцы? Зряшная трата времени, Дуглас, совсем зряшная.

— Его зовут Дункан! — крикнул Драммонд.

— Это неважно, все равно зряшная.

— Кто сегодня на кухне?

— На кухне? Луиджи.

— Может, добудешь что-нибудь мне и Дункану перекусить? Он голоден.

— Нет, я не голоден, — сказал Тоу.

Мистер Драммонд вышел из комнаты. Драммонд подтащил отцовское кресло к печной дверце и открыл ее: над раскаленными докрасна углями гудело пламя. Драммонд уселся поближе и подставил ладони огню:

— Я похож на дьявола и люблю, чтоб пожарче, но это чистое совпадение. Придвигайся сюда, Дункан.

Мистер Драммонд вернулся с большой тарелкой сэндвичей и поставил ее на пол между Тоу и Драммондом со словами:

— Вот сыр, вот яйца, вот лососина и мясной паштет. Угощайтесь. — Притащив из угла еще один стул, он сел и подобрал с пола библиотечную книгу. — Читаешь этого автора, Дункан? — Он ткнул пальцем в заглавие романа Олдоса Хаксли.

— Да, но он меня раздражает. В изображаемом им мире почти не во что верить, почти нечему радоваться.

— Почти нечему? — Мистер Драммонд залихватски закричал, — Он не оставляет тебе ничего, Дункан. Решительно ничего. Ничего вообще. И он прав.

Мистер Драммонд раскрыл книгу и, пока Тоу и Драммонд ели, не отрывался от чтения.

— Сегодня расчетный день! — вдруг громко заявил Драммонд. Мистер Драммонд поднял на него глаза. — Я говорю, пара тебе раскошелиться. Дашь мне денег?

— Муниципалитет Глазго, Дункан, выплачивает этому субъекту сто двадцать фунтов в год. Эта сумма уходит на одежду и на карманные деньги. Он живет...

— И на учебные принадлежности, — вставил Драммонд.

— И на принадлежности для рисования. Он живет у себя дома — в двадцать четыре года, не тратясь ни на плату за жилье, ни на налоги, не платит также за отопление и электричество, питается...

— Питается! — торжественно воскликнул Драммонд. — Я рад, что ты упомянул про питание! Знаешь, Дункан, что мой отец предложил сегодня на обед? Жареную рыбу. Жаренную, заметь, вместе с головой и хвостом.

— Что ж, если тебе это не нравится, ты знаешь, что нужно делать, — кротко отозвался мистер Драммонд, сунув трубку в рот.

— Дай мне десять шиллингов, — сказал Драммонд.

Мистер Драммонд выудил из кармана спецовки четыре полукроны и передал их сыну, потом, увидев, что тарелки опустели, поднялся с места.

— Еще сэндвичей? — обратился он к Дункану.

— Нет, мистер Драммонд, спасибо. Этого было вполне достаточно.

— Повар, знаете ли, мой приятель. Мне они обходятся даром, но я их не краду. Может, еще немного?

— Нет, спасибо, мистер Драммонд.

— Дункан должен идти, па. У нас назначена встреча. Принести еще угля?

— Если не опоздаешь на неотложную встречу.

Уголь хранился в деревянном ящике снаружи. Открыв крышку, Тоу и Драммонд подтащили комья угля к котельной с помощью неуклюжих деревянных граблей. Драммонд запихнул их в топку, и, вымыв руки под краном во дворе, где уже темнело, они двинулись дальше.

Дойдя до Каукадденс, они попали через двор на лестницу многоквартирного дома, узкие ступеньки которой стерлись настолько, что подниматься по ним было боязно. Тоу, запыхавшись, прислонился на минуту к подоконнику. За оконной рамой, внутри которой над зарослями сорняков чахли три покрытых копотью венчика цветной капусты, виднелась плоская задняя сторона мрачной церкви. На самой верхней лестничной площадке Драммонд распахнул выкрашенную в ярко-желтый цвет дверь (замок был сломан), просунул в нее голову и окликнул:

— Ма! — Потом, чуть погодя, обратился к Тоу: — Входи, Дункан. В случае, если мать дома, нужно остеречься. Если она кого-то невзлюбит, может удалиться в спальню и сжечь перо из хвоста фазана.

— Зачем?

— Подумать страшно.

Более странного дома Тоу в жизни не видывал. Кое-где помещение смахивало на жилое, но эти участки походили на просеки между грудями мебели и кучами всевозможных предметов, набранных со свалок, помоек и из лавок старьевщиков. Протиснувшись в кухню, он со страхом увидел готовые вот-вот рухнуть нагромождения пустых картинных рам, музыкальных инструментов без струн и старых радиоприемников. Потолки здесь были выше, чем у него в доме, но какая-либо планировка начисто отсутствовала, да и повернуться было негде.

— Извини за беспорядок, — бросил Драммонд. — Прибираться некогда. Надеюсь скоро снять мастерскую поближе к художественной школе. Что же нам сгодится? — Он принялся раскидывать вещи, лежавшие на полу перед гардеробом. Тоу наклонился, чтобы ему помочь, но Драммонд его отстранил: — Предоставь это мне, Дункан. Если ты что-то переложишь куда-нибудь не туда, я потом ничего не смогу найти.

Когда дверцу гардероба удалось немного приотворить, Драммонд, просунув внутрь руку, поочередно извлек оттуда цилиндр, римский шлем, тропический шлем, охотничью войлочную шляпу, академический головной убор с квадратным верхом, а также индийский тюрбан с пером: все эти предметы имели на себе ярлык, обозначающий их принадлежность к ателье проката «Акме».

— Я одно время там работал, — пояснил Драммонд. — Они хранили свои лучшие экземпляры с преступной небрежностью.

Драммонд нахлобучил на голову цилиндр, надел фрак, натянул гетры. Вырезал из куска блестящего картона пластрон, воротничок и манжеты, приладил их с помощью булавок и клея, затем вынул из ящика пару длинных зеленых резиновых клыков и осторожно вставил их между зубами и верхней губой. Втер в щеки примерную мазь зеленого цвета и, зловеще ослабившись, с трудом прошепелявил:

— Дракула?

— Точно, — кивнул Тоу.

Выплюнув резиновые клыки, Драммонд спрятал их в карман и спросил:

— А кем хочешь быть ты?

— Чародеем. Согласен и на ученого.

Тоу надел себе на голову академическую шапочку.

— Этого мало, — заметил Драммонд. — Пошли вон туда.

Он отставил в сторону портновский манекен и открыл следующую дверь. Тоу вошел в опрятную комнатку, явно принадлежавшую женщине. На окнах висели занавески с цветами, стены были оклеены обоями в полоску, на кровати лежало розовое атласное одеяло. Здесь же были витая позолоченная клетка для птиц, пепельница в форме черепа, в ящичке для растений у окна цвел душистый горошек.

— Открой шкаф, — донесся из-за двери голос Драммонда.

— Я думаю, мне тут не место.

— Делай что тебе говорят.

Дверца шкафа была чуть приоткрыта, и, когда Тоу потянул ее на себя, оттуда неторопливо выпрыгнула рыжая кошка.

— Там, направо, есть черное шелковое платье? — крикнул Драммонд.

— Есть.

— Неси его сюда. Больше ничего не трогай.

Тоу вернулся в кухонный хаос. Драммонд сказал:

— Извини, я взял бы это платье и сам, но мать заставила меня дать слово не входить в ее спальню. Надевай. Чем тебе не профессорская мантия?

— А если твоя мать его схватится?

— Нет-нет. Она содержит кафе-кондитерскую в Ларгсе и бывает дома раз в сто лет, если не реже.

Драммонд зажал в руке трость с набалдашником, и они отправились на бал.

На улице горели фонари, трамваи звенели и пускали снопы искр. В городе, казалось, разворачивалась загадочная драма. На перекрестке тихо спорили мужчина со старухой: за ними наблюдали две маленькие девочки, выглядывавшие из-за угла ярко освещенной фруктовой лавки. В окне нижнего этажа виднелся мужчина, стоявший с полотенцем на шее — он, очевидно, брился. Недалеко от школы Тоу и Драммонд заглянули в шумную, набитую людьми комнату, полную табачного дыма. Драммонд протиснулся к стойке, Тоу следовал за ним, прокладывая путь между спинами. Драммонд вручил ему большой стакан виски и велел опрокинуть его залпом. К Тоу с улыбками прильнули блондинка и брюнетка, и блондинка спросила:

— Твоя мама знает о том, что ты здесь?

— Может, и знает. Она умерла, — ответил Тоу и отвернулся, довольный своей резкостью.

Драммонд купил две сигары. Они закурили, вышли за дверь и зашагали по Сочихолл-стрит, дымя, как трубы. Тоу с удивлением отметил иронические взгляды, которые бросали на них прохожие. Он громко расхохотался, но тут же дико раскашлялся.

— Ради бога, Дункан, не затягивайся! — Драммонд принялся хлопать его по спине.

— Выглядеть нелепо в твоей компании, Эйткен, престижно.

У входа в дополнительный корпус толпились желающие приобрести билеты или проникнуть внутрь за взятку. Драммонд и Тоу поднялись по ступенькам лестницы бок о бок: Драммонд прокладывал себе путь своим огромным острым носом, Тоу — склоненным наперевес головным щитком. Распорядители в экзотических костюмах с веселыми возгласами «Это же Драммонд!», «Да это ведь Тоу!» пропустили их внутрь. Привратник, схватив Тоу за рукав, отвел его в сторону, указал на Драммонда и предупредил:

— Берегись этого парня. От него, когда он пьяный, лучше держаться подальше.

Победное чувство от появления в зале схлынуло. Тоу сидел в углу танцевального зала, с мрачной усмешкой наблюдая за кружившимися парами, которые порой задевали его колени: глаза его жадно впитывали контуры ног и бедер; он подмечал колыхание груди, пульсацию жилок на шее, обмен быстрыми взглядами. Молли Тирни, наряженная восточной танцовщицей,

беззаботно вертелась в объятиях араба в белом одеянии: это был Макалпин, который поприветствовал Тоу воздетым указательным пальцем.

Неожиданно к нему подсели две девицы.

— Привет! Вы нас не узнаете? — спросила меньшая, сидевшая слева.

— Простите, у меня плохая память на лица.

— Мы виделись в пабе, неужели не помните?

— Вы те самые девушки, что задали мне тот вопрос? Нет ваши лица я не запомнил.

— Это почему? — спросила девушка справа. — Показались вам неприятными или слишком опытными?

— Вовсе нет, — поспешно сказал Тоу. — Вы учитесь в университете?

— Нет, в художественной школе.

— На первом курсе?

Они засмеялись.

— Нет, на четвертом.

Светловолосая девушка пояснила темненькой:

— В самом деле, это ужасно старит. А почему вы не танцуете? — обратилась она к Тоу.

— Нет чувства ритма.

— Ну, мы вас этому научим, — сказала темненькая, вскакивая с места.

Отведя Тоу в сторону, она показала ему, как нужно переставлять ноги; потом потянула его в гущу танцующих как партнера, где он, чувствуя себя неуклюжим и постоянно извиняясь, мучительно желал,

чтобы с ним была другая — светловолосая; наконец они вернулись на место, и темненькая передала его своей подруге. Разницу Тоу ощутил мгновенно. Ее тело было плотным и гибким, без признаков хрупкости; светло-золотые волосы гладко зачесаны на затылок. Сережки с крошечными камушками держались на тонких цепочках; черное платье имело квадратный вырез. Порой она роняла указания, как надо двигаться; порой ободряла похвалами. Тоу смотрел прямо ей в глаза, воображая, будто они женаты, и думал о Молли Тирни без капли сожаления. Он думал: я делаюсь смешным, но не сводил с нее взгляда; ее темные зрачки сделались прозрачными, а лицо расплылось вокруг них в неясное белое с золотом пятно. Она похожа на мрамор и мед, подумал он и молча проговорил эти слова. Музыка смолкла, и Тоу пришлось снова танцевать с девушкой, которая была меньше ростом. Он смотрел ей куда-то через плечо и говорил о живописи и занятиях в художественной школе.

— Твой отец священник? — спросила девушка.

— Нет, мой отец — набожный атеист. А что, я похож на сына священника?

— Ты похож на двенадцатилетнего мальчугана. Но говоришь, будто старый священник с высокогорья.

Потом Тоу снова танцевал со светловолосой девушкой в молчании, которое становилось невыносимым: он понимал, что оно скоро должно кончиться. Поэтому он сказал:

— Ты похожа на мрамор и мед.

— Что?

— Ты похожа на мрамор и мед.

— О, правда? Спасибо. — Взглянув на Тоу без улыбки, девушка добавила: — Тебе нужно почаще танцевать.

— Нет, я никак не могу.

— Если будешь приходить на вечера, я буду танцевать с тобой.

Тоу помрачнел, сознавая, что она не может танцевать с ним весь вечер, и строил догадки, когда и как они расстанутся. Музыка смолкла, и он, извинившись, поспешил из зала.

Тоу поднялся вверх. В голове вертелось: «Я люблю ее» и «Ты идиот». Интересно, есть ли у нее поклонник и почему его не видно? Как бы то ни было, она танцевала с ним просто по доброте; ровней они быть не могут. Он представил себе ее приятелей, которые начнут потешаться над его потерянным видом, когда они танцевали. Она рассмеется и скажет: «Да он сущий ребенок!» Где бы спрятаться? Отовсюду из полутемных уголков слышался жаркий шепот, поэтому Тоу отворил дверь на балкончик над танцевальным залом: в этом укромном месте складывались стулья. Кто-то там сидел, тяжело опершись на перила и положив голову на руки. Это был Драммонд. Тоу никогда раньше не видел его в одиночестве, да еще таким подавленным. Драммонд со слабой улыбкой указал ему на стул:

— Как ты, Дункан? Почему не танцуешь?

— Не могу.

Сверху танцующие пары с шапками волос и мельканием вытягивающихся рук и ног казались

подобиями морских звезд. Они подергивались и колыхались, словно их качали струи музыки. Когда музыка умолкла, они прибились к стене мелкими частицами, собирающимися в сгусток.

— Они отвратительны, Дункан, — со вздохом сказал Драммонд, — совершенно отвратительны, отвратительны абсолютно.

— Кто?

— Женщины. — Драммонд, глядя вниз, продолжал: — Одна ходила сегодня за мной по пятам и не сводила глаз... а десять минут назад ушла с другим. Наверное, мог бы ее поиметь, если бы только захотел. Но увидел Молли — и сразу как отрезало. Не знаю почему. Лучшее время ее позади, она помолвлена с ирландским ветеринаром, кокетничает напропалую...

— Молли Тирни?

— Я одно время за ней ухаживал. Она ведь хорошенькая, согласись. А теперь она меня избегает.

— Почему?

— Полагаю, из-за родителей: у нее — приличные, у меня — нет. Моя мать сказала ей: свинья тебе не пара. Это вынудило меня к незавидному выводу, что парой свинья ей все-таки была.

Оба помолчали, разглядывая танцующих. Потом Драммонд сказал:

— Я пытался излечить себя, воображая, как она писает, испражняется и менструирует, однако в сочетании с ней даже эти акты казались мне прекрасными.

— А как женщины менструируют? Регулярно в определенные дни?

— В возрасте Молли они на это способны, даже когда догоняют трамвай или стоят за мольбертом, обедают или спокойно разговаривают с подругой, — в точности как мы. Иногда она позволяла мне понаблюдать.

— Что?!

— У нас было много совместных маленьких тайн вроде этой, — угрюмо проговорил Драммонд.

Подобная сторона любви была для Тоу за пределами любых фантазий. В полном расстройстве он потерял лоб.

— Тебе больше повезет с женщинами, когда прославишься: мало кого из них не возбуждает успех, — продолжал Драммонд. — Джанет Уир гуляла с президентом студенческого представительского совета, но стоило Джимми Макбету прогреметь тем, что упился до полусмерти, как она дня на два переметнулась к нему. Потом, когда после фильма «Сирано де Бержерак» в моду вошли длинные носы, она положила глаз на меня. Я нравлюсь многим девушкам, как якобы некий символ. Отчасти это унизительно, но в некотором смысле выигрышно. Что ты думаешь о Джанет?

— Я ее не знаю.

— Она выглядит как Мона Лиза, однако ноги у нее симпатичнее. Вчера вечером она зазвала меня к себе в комнату и призналась в любви.

— О господи! — простонал Тоу, колотя себя по лбу. Перед ним словно захлопнулись ворота, а потом их намертво заварили.

Драммонд потянулся и зевнул:

— Да, я тоже малость растерялся. Девушки, которые признаются в любви, ждут от тебя всякого безрассудства — требуют, например, в обмен искренности. Тем не менее ночь мы провели приятную. Знаешь, она оказалась девственницей. Я видел вокруг нее столько ухажеров, что никак этого не ожидал. Постарался не лишить ее невинности. Я чту целомудрие: жаль отнимать его забавы ради. Думаю, в конце концов она меня до этого доведет. Девственницы — народ ужасно целеустремленный.

— Мне надо в уборную.

Два часа спустя Тоу стоял у входа, в унынии опираясь о перила, и провожал глазами последних участников вечера, которые расходились и поодиночке, и попарно. Мантию и квадратную шапочку он запер в шкафчике. Драммонд, все еще в костюме Дракулы, резвился на тротуаре среди хохочущих друзей.

— Я должен проводить женщину домой! — кричал он. — Я должен проводить домой какую-нибудь женщину. Лорна, Лорна, Лорна!

Он попытался обнять девушку, которая со смехом выскользнула у него из рук:

— Не сегодня, Эйткен, не сегодня!

Из двери вышла девушка в синем пальто и замешкалась, растерянно оглядываясь по сторонам. Драммонд учтиво взял ее за руку:

— Позвольте нам проводить вас домой, Марджори. Лицо девушки сморщилось в застенчивой улыбке.

— Извини, Эйткен. За мной должен приехать отец.

— Позвони ему — быть может, он еще не выехал. Скажи, что мы прогуляемся с тобой до самого дома. Я буду держать тебя за одну руку, Дункан — за другую. Двойной эскорт обеспечит тебе полную безопасность. — Девушка заколебалась. — Сейчас только половина двенадцатого. И вечер теплый, — мягко настаивал Драммонд.

— Ладно, — согласилась девушка и, мельком улыбнувшись Тоу, вернулась в здание позвонить.

— Марджори чудная девушка, и вправду чудная девушка, — пропел Драммонд. — Не понимаю, почему думают, будто мне не могут нравиться чудные девушки.

Тоу, глядя в небо, зевнул. В небе показались две-три звездочки.

— Спокойной ночи, Эйткен, — сказал он.

— Не уходи, — торопливо отозвался Драммонд. — Тебе что, не нравится Марджори?

— Не в этом дело, — проговорил Тоу, однако появилась Марджори, и Драммонд взял ее за правую руку, а Тоу — за левую: бережно и осторожно. Рука была маленькой, чуть теплой, не сухая и не влажная, и все мысли Тоу сосредоточились на этом ощущении.

Они прошли, разговаривая о пустяках, по холму, по стальным трамвайным путям, отражавшим свет фонарей, через Келвин-ривер, а потом углубились в обсаженные деревьями улицы с рядами стандартных домов. Откуда-то со стороны университета послышался громкий лай, и

навстречу им выскочила из-за угла на тротуар черная собачка.

— Это Джибби! — воскликнула Марджори и, присев на корточки, подставила колени под собачью голову. — Ну как ты, Джибби? А, Джибби? Хороший песик, Джибби, хороший, — приговаривала она, трепля собачку за мордочку.

Собачка, высунув язык, жмурилась от восторга. Марджори выпрямилась, и собачка бегом пустилась в обратном направлении. У калитки близ живой изгороди стояла высокая, чуть неуклюжая женщина. Ласково улыбнувшись, она поочередно подала руку всем троим.

— О, Эйткен, мы, конечно, уже встречались. А это, значит, Дункан. Как поживаете, Дункан? Спасибо вам обоим, что доставили мою дочурку домой в целости и сохранности. Муж сейчас заведет машину, чтобы отвезти вас в центр. Вы ведь не здесь живете?

Машина медленно подъехала к ним и остановилась на обочине, открылась задняя дверца. Драммонд и Тоу попрощались с Марджори и ее матерью и забрались внутрь.

Хотя Марджори приветливо на него взглянула всего лишь два-три раза и сжала руку, Тоу в субботу оттер пятна краски с одежды и начал чистить зубы перед сном. В понедельник, когда он стоял с друзьями на лестнице главного здания, Марджори быстро прошла мимо. Тоу бросился за ней следом к главному холлу, потом через улицу в дополнительный корпус, где она, напевая, делала неожиданные повороты. Голос Марджори разнесся эхом по невидимому коридору, вдалеке хлопнула дверь — и все смолкло. Тоу постоял немного, словно все еще прислушиваясь. Марджори напевала

что-то лишенное определенной мелодии, похожее на переливчатые трели птиц. Мельком увидев ее скользящий мимо силуэт, он подметил, что горло Марджори трепетало, как тронутая струна. В замешательстве Тоу не знал, чувствовать ли себя обиженным. Наверняка Марджори догадывалась, что он идет за ней, так почему же не остановилась? Хотя и он мог бы догнать ее, ускорив шаг, так почему же он этого не сделал?

Днем Марджори, стоявшая в очереди в столовой немного впереди Тоу, помахала ему рукой. Тоу кивнул, рассеянно осмотрелся по сторонам и потихоньку, как бы ненароком, подошел ближе с выжидающим видом. Она, заметив его, улыбнулась:

— Привет, Дункан. Как дела?

— Отлично. А у тебя как?

— Отлично.

Смешок Марджори, вызванный не его ответом, а тем, что ее забавлял их разговор здесь, в столовой, наполнил Тоу радостью.

— Я с таким удовольствием вспоминаю нашу прогулку в пятницу, — сказал он.

— Мне она тоже ужасно понравилась.

— С Эйткеном всегда хорошо.

— С тобой, Дункан, тоже.

Опасная пауза ширилась разделявшей их полынью. Тоу, набрав в грудь воздуха, перепрыгнул через нее на другой берег.

— Можно мне... сесть за твой столик?

— Ну конечно же, Дункан.

Марджори улыбалась так ласково, что Тоу успокоился: он не сказал ничего такого. Они поставили свои тарелки на столик, за которым обедали Джанет Уир и еще пара симпатичных веселых девушек. Тоу чувствовал себя за едой раскованно: обращаться к нескольким девушкам было легче, чем к одной, но, когда Джанет ушла за сигаретами, он, подавшись к Марджори, густо покраснел.

— Можно мне... ты не против, если я как-нибудь приглашу тебя в кино?

— Ну конечно же, нет, Дункан.

— Может, завтра вечером?

— Ладно... да-да, пожалуй.

— Я зайду около семи, хорошо?

Марджори наморщила лоб:

— Да, Дункан, пожалуй... Да.

На следующий вечер, после чая, Тоу вынул из шифоньера двубортный костюм в полоску — подарок соседа, сыну которого этот костюм сделался мал. Тоу обозлил мать заявлением, что в жизни его не наденет: такие костюмы носят, мол, только бизнесмены и американские гангстеры. Сегодня он облачился в этот костюм, сунул в нагрудный кармашек аккуратно сложенный белоснежный носовой платок и отправился к дому Марджори, купив по пути коробку шоколадных конфет. В автобусе у него громко стучало сердце и дрожали колени, но, оказавшись в нужном районе, он заплутал. Дом Марджори стоял в конце изогнутой улицы, но таких улиц набралось немало. Тоу стал искать

телефонную будку, чтобы выяснить адрес по справочнику, нашел ее у доков, однако, уже раскрыв книгу, обнаружил, что не знает фамилии Марджори. В раздумье он яростно тер себе лоб, потом позвонил Макалпину, который сказал:

— Ее отец — профессор Лейдло, преподает биохимию в Гилморхилле. Найду для тебя адрес, так и быть. По голосу слышу, ты здорово... не в себе.

Спустя полчаса Тоу позвонил в дверь, которую открыла миссис Лейдло со словами:

— Входи, Дункан.

Тоу, уже отчаявшийся попасть в этот дом, воспринимал свой приход почти нереальным.

— Простите за опоздание. Сбился с дороги.

— Опоздание? Да Марджори еще не готова.

В вестибюле поблескивала темная мебель, на стенах в позолоченных рамах висели темные пейзажи. В огромной голубой керамической вазе лежали клюшка для гольфа и зонтик, на полированном полу к резиновому коврику был привязан шнуром мячик для гольфа. Миссис Лейдло провела Тоу в комнату, освещенную только пламенем камина, и включила свет. Из кресла навстречу Тоу поднялся крупный человек и любезно обменялся с ним приветствиями.

— Это отец Марджори — о, да вы ведь виделись в пятницу. Посидите немного вместе, а я пойду попытаюсь поторопить дочку.

Тоу, стараясь держаться непринужденно, сел. Профессор за рулем казался тихим, скромным книжником, сейчас его негромкий предупредительный

голос только подчеркивал массивность его фигуры. Наклонившись вперед, он пощекотал за ухом у Джибби, растянувшегося на коврике у огня.

— Вы играете в гольф? — мягко спросил мистер Лейдло.

— Нет. Но мой отец играет — вернее, играл во время войны. Но он больше увлекается альпинизмом.

— А-а.

Тоу, откашлявшись, продолжал:

— Я немного учился гольфу в школе, но игра требовала большего внимания, сосредоточенности и точности, а я к этому не был готов.

— Да, верно, — заметил профессор. — Игра непростая, для нее необходимо... терпение.

Они помолчали, но тут маленький желтый волнистый попугайчик шумно опустился на плечо Тоу с криком:

— Скорее, Марджори! Добрый мистер Черчилль! Скорее, Марджори!

— А, это волнистый попугайчик! — воскликнул Тоу.

— Именно. Мы зовем его Джоуи. Я уверен, что видел вас в университете.

— Я иногда делаю эскизы в здании медицинского факультета.

— Для чего?

— Чтобы изучить человеческие внутренности. И конечно, смерть.

— Зачем?

— Глупо делиться с миром тем, на что ты боишься взглянуть. Мне хочется любить мир, жизнь, Бога, природу и так далее — но мне мешает боль.

— От боли вреда нет. Она предупреждает организм о неполадке.

— О да, я знаю, что боль обычно благо для нас, — возразил Тоу, — но какое благо она несет женщине, вынашивающей плод без рук и ног, с лицом на макушке? В чем ее благо для младенца?

— Я рассматриваю жизнь на клеточном уровне, — заметил профессор.

После паузы оба вдруг заговорили одновременно:

— Как у Марджори?..

— Расскажите мне о гольфе...

— Прошу прощения, — извинился Тоу. — Как у Марджори — что?

— Как у Марджори идут дела в школе?

— Я... я не знаю. На каком она курсе?

— Полагаю, на втором.

— Тогда, по всей видимости, успешно, — сказал Тоу. — Второй курс почти никто не проваливает, — добавил он.

— Я думал, вы с ней сокурсники, — проговорил профессор слегка неприязненно.

— Вовсе нет, — сухо пояснил Тоу.

В комнату вместе с матерью вошла Марджори. На ней было платье в цветочек, в ушах — длинные серьги,

груди обрисовывались заметнее обычного. Волнистый попугайчик, порхнув ей на плечо, прощебетал:

— Скорее, скорее, Марджори! Добрый мистер Черчилль!

Марджори, покраснев, улыбнулась.

— Проказник Джоуи выдает наши секреты, — проговорила миссис Лейдло.

— Извини, что заставила тебя ждать, Дункан.

— Я сам сильно опоздал, — сказал Тоу.

— Давайте-ка отправляйтесь, — добродушно поторопила их миссис Лейдло.

Стоя на пороге, она проводила парочку взглядом. У Тоу было ощущение, будто он ребенком идет в школу вместе с сестрой. На тротуаре Марджори, нервно замявшись, выпалила:

— Дункан, надеюсь, ты не очень на меня рассердишься, но, когда я согласилась пойти с тобой сегодня в кино, я совсем забыла, что договорилась встретиться с подругой... она очень славная... Ничего, если она пойдет с нами? Она живет тут, рядом.

— Конечно! — воскликнул Тоу и с жаром заговорил о чем-то, желая скрыть, что подавляет внутреннее недовольство.

У ворот в густой живой изгороди Марджори шепнула, что долго не задержится, и оставила его одного. Вечер был холодным: блески инея сверкали на мостовой в свете уличного фонаря. Тоу услышал, как открылась дверь, донесся высокий голосок Марджори и еще чей-то, тоном ниже. Наконец дверь захлопнулась, и

перед ним появилась Марджори: между ее сдвинутыми бровями пролегла легкая складочка.

— Извини, Дункан, но подруга не может с нами пойти. Скорее всего, она простужена.

— Ну что ж поделаешь, ничего страшного.

Марджори послала ему благосклонную улыбку. Тоу обеспокоили образовавшиеся при этом складочки в углах ее рта. Если она будет часто улыбаться так, то лет через десять-двенадцать там пролягут морщины.

На сеанс они опоздали. Любовные сцены на экране заставляли Тоу острее ощущать близкое присутствие Марджори. Он придвигался к ней поближе, но она сидела, неподвижно выпрямившись, и напряженно смотрела перед собой, так что Тоу, удрученно достав коробку шоколадных конфет, время от времени покорно вкладывал их по одной в рот Марджори. После сеанса у ближайших кафе стояли очереди, и они поехали домой. Сидя на верхней площадке автобуса, Тоу не сводил глаз с профиля Марджори на черном фоне окна. Вид Марджори исполнял его ужасом и восторгом: ему нужно было приблизиться к ней, а времени почти не оставалось. В отчаянии Тоу пытался придумать, что можно сделать одной силой взгляда. Глаза Марджори под темными тонкими бровями были опущены; на лице, несмотря на упрямый подбородок, застыло потерянно-отстраненное выражение; каштановые волосы были стянуты в плоский узел на затылке, а мочка уха выглядывала сквозь них изысканным срезом морской раковины. Повернув голову, Марджори поглядела на него вопросительно. На лбу у Тоу выступил пот.

— Можно мне... взять тебя за руку?

— Конечно, Дункан.

— Странно. Когда я обращаюсь к тебе с просьбой, то обычно уверен, что ты ее исполнишь, однако дрожу так, будто мне заведомо отказано.

На горле у Марджори забились жилка от едва сдерживаемого смеха.

— Неужели, Дункан?

Держать руку Марджори в своей Тоу было приятно скорее тем, что это имело символический смысл, но стоило им соприкоснуться плечами, как его затопило чувство безмолвного освобождения, и все мысли исчезли бесследно, а заодно с ними и грызущее беспокойство, что же делать дальше, когда они доберутся до ее дома.

Они помедлили у ворот сада. Марджори, вдруг прикрыв глаза, подняла невидящее лицо вверх. Тоу приложил свои губы к ее губам. Марджори тут же выскользнула со словами:

— Спокойной ночи, Дункан.

— Спокойной ночи, но мы завтра увидимся, да?

— Да, до завтра. Спокойной ночи.

Тоу в задумчивости отправился домой пешком: последний трамвай уже ушел. Мороз сковал поверхность тротуара сверкающей льдистой корочкой, которая похрустывала при каждом его шаге. На холме возле университета его поразила кристальная яркость небесных созвездий. Они казались не огоньками, рассыпанными по внутренней поверхности купола, но галактическими канделябрами, подвешенными в черном воздухе на разных уровнях. Тоу испытывал смутное счастье — и вместе с тем смутное замешательство и

подавленность, и ему было очень холодно. Поцелуй ничего не означал — ничего из того, что заставляли его ожидать книги, фильмы, разговоры. Он в этом виноват? Или Марджори? Это существенно? Дома Тоу забрался в постель и уснул.

Вскоре после рассвета Тоу стоял на площадке для гольфа в Александра-парке, вслушиваясь в пение жаворонка в пасмурной вышине. Пение оборвалось, и птичье тельце с глухим стуком упало на дерн к его ногам. Тоу устремился вниз по склону к воротам, ступая по раскиданным на дорожках мертвым воробьям и дроздам. Мимо светофора со скрипом проползал трамвайный вагон для рабочих, явно пустой. Тоу проследил, как красный свет сменился на желтый, потом на зеленый, потом зеленый опять сменился желтым — и погас. Трамвай замер на месте.

Не все умерло сразу: самые скромные растения напоследок буйно пошли в рост. Плющ обвил густыми побегами памятник Скотту на Джордж-сквер, добравшись до молниеотвода, установленного на голове поэта; когда листья опали, его фигура оказалась оплетенной сетью волокон — белых и твердых, как кость. Мох, устлавший тротуары, рассыпался в порошок под ногами Тоу, который блуждал по городу в одиночестве. Тоу был счастлив. Он глазел на витрины порнографических лавочек, не опасаясь, что кто-то его заметит; катался на велосипеде по залам художественных галерей и, напевая, скакал на нем вниз по входным ступеням. Он устанавливал мольберты в общественных местах и рисовал громадные полотна с изображением зданий и засохших деревьев. По окончании работы он оставлял ее напротив запечатленной им действительности. Умерла и

погода. Дождь не шел, не дул ветер. Небо всегда было пасмурным, тепло не убывало, не кончался полдень.

Тоу сидел во дворике Холируд-Паласа в Эдинбурге, зарисовывая вид, открывавшийся на Артурз-Сит. Чей-то резкий голос, словно из птичьего клюва, проскрипел ему в левое ухо:

— Королеве Марии именно так все и запомнилось, очень похоже.

Высоко на скалах появилось белое пятнышко и двинулось по тропе к южным воротам дворика. Тяжкое предчувствие сдавило сердце Тоу. Он подался почти вплотную к холсту и продолжал работать, решившись никого не видеть. Но все тело его; пронизал ледяной холод: это, как он знал, она положила руку ему на затылок. Тоу попытался ее не замечать, но работа из-за ее страдающих глаз сделалась невыносимой, поэтому он жестом предложил ей встать перед мольбертом. Она послушалась, вообразив, что он хочет вставить ее в картину. Тоу схватил ружье и выстрелил в нее. Она поглядела на него с упреком, потом рухнула, сжалась, смялась, превратившись в коровью лепешку.

Появились огромные жуки. Они заполонили город. Они были пять футов длиной и формой походили на гребные шлюпки с усиками, с ротовыми отверстиями на животе. Они проникали в каждое жилище и выкидывали из окон мебель и трупы. Они опасались открытых пространств и преодолевали их торопливыми перебежками. Тоу, скорчившись, забился в угол между двумя жуками, которые равнодушно ощупали его своими колыхавшимися в воздухе усиками. Лишенные глаз, они приняли Тоу за своего, поскольку он, подражая им, пригнулся к земле и передвигался на корточках.

Наутро Тоу проснулся больным и провалялся с простудой в постели целую неделю.

Глава 24 Марджори Лейдло

Выздоровливая, Тоу утешался мыслями о Марджори и вернулся на занятия, полный тревожных надежд. И опять, когда он стоял на лестнице, разговаривая с Макалпином и Драммондом, Марджори прошла мимо, словно не заметив его и не помахав рукой. Тоу изумленно смотрел ей вслед, думая, не догнать ли ее, чтобы ударить. Ведь она наверняка его видела! Зачем же притворилась, будто нет? Или он сам виноват? Быть может, в тот вечер, что они провели вместе, он ей наскучил или разочаровал совершенно непростительно. Часом позже Марджори весело поздоровалась с ним в школьной лавке, глядя в глаза с застенчивой открытой улыбкой.

— Привет! — отозвался Тоу, не в силах скрыть радости.

— Ты болел, Дункан?

— Немного.

— И не стыдно тебе?

Марджори продолжала улыбаться, но в голосе ее слышалось сочувствие.

В последующие недели Марджори была для Тоу источником нараставшего беспокойства и одновременно восторга. Он Рассказал ей о мастерской, которую снимал в складчину возле Келвингроув-парка.

— Это огромная мансарда, но каждому из нас обходится всего несколько шиллингов в неделю. По

пятницам мы собираемся там после занятий и по очереди готовим какое-нибудь знатное угощение. Почти всем помогают подружки, зато Кеннет — настоящий шеф-повар. Прошлый раз он приготовил испанский луковый суп с гренками — объеденье. В ближайшую пятницу моя очередь, я хочу сварить хаггис^[7]. В магазинчике на Аргайл-стрит продаются большие и вкусные, особенно они хороши с репой и приправами. После ужина мы выключаем свет и у огня слушаем пластинки — джаз и классику. Тебе стоит прийти.

— Это замечательно. — Марджори вздохнула. — Мне бы очень хотелось.

— Что же мешает?

— Видишь ли... у меня есть подруга, с которой мне непременно нужно встречаться по пятницам.

В перерывах на обед и чай Тоу и Марджори сидели в столовой вместе или отправлялись в кафе и возвращались, держась за руки и разговаривая. Тоу записался в школьный хор, потому что Марджори там пела, и после поздних спевок провожал ее до дома. У калитки сада оба, внезапно умолкнув, соединяли губы в привычном ритуале, потом Марджори ускользала, ласково пожелав спокойной ночи, а Тоу оставался в том же замешательстве, что и после первого поцелуя. После занятий Марджори со словами «Извини, я на минутку» исчезала в женском туалете, и Тоу приходилось дожидаться ее минут пятнадцать. Если Тоу был в компании друзей, Марджори его не узнавала. Эти обиды копились в душе Тоу, перерастая в негодование, которое мгновенно улетучивалось, стоило Марджори ему улыбнуться. Если их тела случайно соприкасались, Тоу заливал поток безмолвной умиротворенности: он

чувствовал, что до прикосновения к Марджори покой был ему неизвестен. Даже в самом мирном состоянии его осаждали страхи и воспоминания, надежда и вожделение, создавая сумятицу мыслей и слов. От соприкосновения с Марджори все это умолкало: в сознании оставалось только ощущение руки или колена, близкого присутствия Марджори, солнечного света на крышах домов или облака в оконной раме. Такое случалось нечасто. Самое частое удовольствие заключалось для Тоу в утреннем пробуждении: слушая гульканье голубей возле дымоходов, он воодушевлялся мыслью о том, что скоро увидится с Марджори. Являвшимся в это время словам помогало гармонично сочетаться воспоминание о ней. Тоу писал стихи и на ходу совал листки в руку Марджори, когда они сталкивались в школьных коридорах. Тоу завел привычку причесываться, чистить зубы, полировать ботинки, менять белье дважды в неделю, а рубашки (к неудовольствию мистера Тоу, занимавшегося стиркой) — четыре раза. Костюм в полоску он надевал и в школу, удаляя пятна краски скипидаром, от которого на коже ненадолго выступала сыпь. Тоу усвоил манеру шутливо обращаться с другими девушками. Ему казалось, что он вызывает у них интерес к себе.

Как-то после занятий Тоу увидел Марджори в компании у корпуса пристройки. Марджори улыбнулась и помахала ему рукой. Тоу спросил:

— Марджори, ты не забыла про сегодняшний вечер?

Та с расстроенным видом замялась:

— Нет, Дункан... Дункан, знаешь, я... Видишь ли, я сегодня вечером точно занята... Это не увертка — у меня и в самом деле полно работы.

— Ничего страшного, — с улыбкой успокоил ее Тоу.

В столовой он увидел Макалпина, который сидел за столиком в одиночестве. Тоу сел рядом и, уронив голову на стол, стиснул ее руками.

— Будь она проклята, — глухо промычал он. — Проклята. Проклята. Проклята.

— Что на этот раз?

Выслушав объяснение, Макалпин заметил:

— Она тебя боится.

— Исключено. Я не агрессивен. Даже при мастурбации я никогда не воображаю жестокостей к каким-либо невыдуманым девушкам.

Помолчав, Макалпин пояснил:

— Представь себя на месте тихой, застенчивой девушки, не свободной от условностей, которая недавно окончила платную школу, где гордятся юными благовоспитанными выпускницами. За тобой приударил неглупый юноша, во многом непохожий на других. Он держится учтиво, но и одежда, и волосы у него выпачканы в краске, дыхание у него неровное, а кожа... кожа частенько... м-м-м... представляет интерес для медиков. Как бы ты к нему отнесся? Учти, что тебя приучили держаться с людьми тактично.

— Я думал об этом, — проговорил Тоу. — При новой встрече я сдержанно ей кивну, и она будет особенно внимательна, начнет участливо расспрашивать.

Предложит выпить по чашечке кофе вместе. Да нет, она меня хочет. Слегка. Иногда.

— Возможно, она ледышка.

— Конечно, ледышка. Я тоже. Но все до единого меняются: даже куски льда точно растают, если их тереть друг о друга достаточно долго. Быть может, она и не ледышка. Быть может, любит кого-то другого.

— Она прямодушна, Дункан. Сомневаюсь, что у нее кто-то есть.

— Сомневаешься? Но всякий раз, как мы встречаемся, она становится все оживленней, и я чувствую, что, наверное, она в кого-то влюблена.

Макалпин хмыкнул и окинул Тоу взглядом из-под сонных век.

Возвращаясь домой на верхней площадке трамвая, Тоу все больше распалял в себе гнев против Марджори, по мере того как расстояние между ними возрастало.

Кто-то окликнул его по имени. Он не сразу узнал Джун Хейг, которая спускалась на нижнюю площадку. Тоу, вскочив с места, последовал за ней:

— Привет, Джун. Ты скверная девочка.

— Ой, почему?

— В прошлом году заставила меня зря прождать тебя целый час на углу у магазина Пейсли.

На губах у Джун мелькнула озадаченная улыбка.

— Неужели? Ах да. У меня тогда кое-что стряслось.

Тоу понял, что она обо всем забыла. Усмехнувшись, он продолжал:

— Не расстраивайся. Вот что... — Трамвай остановился, и они сошли на тротуар. — Вот что, если мы снова назначим свидание, ты снова о нем забудешь?

— Нет-нет.

— Забудешь, если отложим встречу. Что, если нам увидаться на том же месте завтра вечером? Около семи?

— Ладно, давай завтра.

— Отлично. Буду ждать.

Тоу быстро зашагал домой. Джун взволновала его как эротическая фантазия, и однако он ни разу не покраснел и не начал заикаться. Интересно, почему это возбуждение сделало его ровней Джун, тогда как чувство к Марджори вызывало в нем комплекс подчиненности? Тоу некоторое время расхаживал по гостиной, потом обратился к отцу:

— Па, завтра вечером я буду гулять с девушкой. Дай мне, пожалуйста, пять фунтов.

Мистер Тоу медленно поднял на него глаза:

— Что это за девушка?

— Что она такое — тебя не касается. Мне надо быть свободным и не скупиться. Если в кармане у меня будет лишь несколько шиллингов, придется экономить и осторожничать, и в итоге — ноль удовольствия. А мне нужно получить удовольствие.

— И как часто ты предполагаешь его получать?

— Неважно. Не знаю. Пока думаю только о завтрашнем вечере.

Мистер Тоу почесал затылок:

— Твоя стипендия — это сто двадцать фунтов в год. На эту сумму я должен тебя одевать, обувать, платить за жилье, кормить, обеспечивать учебными принадлежностями и снабжать карманными деньгами. Во время каникул ты не работаешь, поскольку это препятствует твоему артистическому самовыражению...

— Не говори мне ничего о самовыражении! — яростно выкрикнул Тоу. — Ты думаешь, я стал бы рисовать, если бы мне нечего было выражать, кроме вонючего себя? Если бы сам я состоял из достойного материала, я бы на этом успокоился, но самоомерзение толкает меня на поиски истины, истины, истины!

— Я в этом ни черта не понимаю, — заявил мистер Тоу, — но мне известен результат. А результат заключается в том, что я должен трудиться таким образом, чтобы ты мог рисовать. А сейчас ты требуешь от меня четверть моего недельного жалованья ради удовольствия. За какого идиота ты меня принимаешь?

После паузы Тоу проговорил:

— В будущем постараюсь распорядиться своей стипендией самостоятельно. Знаю, ночевать дома ты мне позволишь, а я постараюсь ничем другим больше не одалживаться.

— Все твои старания пойдут прахом — ты чертовски непрактичен. Но хорошо, пускай. Так или иначе, попробуй.

— Спасибо. Следующую стипендию я получу через два месяца. Пожалуйста, па, дай мне пять фунтов.

Отец, сурово оглядев Тоу, вынул бумажник и отсчитал пять фунтов.

У входа в магазин Пейсли Тоу на следующий вечер уже через десять минут понял, что Джун не придет, однако охватившая его апатия заставила его простоять на месте еще час. К нему подошел хромой старик в грязном пальто и попросил милостыню. Тоу с отвращением взгляделся в его налитые кровью глаза, беспомощно перекошенный рот и спутанную обслюнявленную бороду. Не в состоянии взять в толк, почему он должен обладать пятью фунтами, а этот человек — нет, он сунул старику купюру и быстрыми шагами удалился. Душу его, он чувствовал, намеренно расплющивают, но винить в этом было некого. Видеть отца он был не в силах. Он направился к Каукадденс, взобрался по лестнице в доме Драммонда и толкнул дверь кухни.

По обе стороны кухонной плиты сидели Драммонд и Джанет Уир, глядя на деревянный ящик, стоявший на коврике у камина. Поверх куска стекла, прикрывавшего ящик, разлегся рыжий кот, который не сводил глаз с двух белых мышей: те возились на дне ящика между корок сыра.

— Привет, Дункан, — сказал Драммонд. — Рыжик смотрит телевизор.

— Как это?

— Вчера к нам приходила мать. Принесла мышей для кота — подарок ко дню рождения, ему девять лет исполнилось. Мы с отцом их и отобрали.

— Вот Рыжик и лишился своей законной добычи, — вмешался мистер Драммонд.

Он лежал на кровати в нише, с очками на бугристом носу, в плоской шапочке; коленями он

поддерживал перед собой на одеяле раскрытую библиотечную книгу.

Джанет, передернув плечами, сказала:

— Нет, это все-таки жестоко заставлять мышей снизу смотреть на кота.

— Что? — отозвался Драммонд. — Завари-ка чаю, Дункан выглядит усталым. Эти мыши, Дункан, почти что слепые. Если кто-то и страдает, так только Рыжик.

Драммонд вышел из комнаты и вернулся с автопортретом, на котором он натирал кий мелом возле бильярдного стола. Он прислонил картину к буфету, взял кисти и краски и начал исправлять количество и расположение шаров. В воздухе разнесся приятный запах льняного масла и скипидара. Временами, отступая на несколько шагов назад, Драммонд осведомлялся:

— Ну как, Дункан?

Джанет подала Тоу чашку чаю и сэндвич с ветчиной; насытившись, он принялся ее рисовать. Джанет присела на корточки у огня, взяв кота на колени; густые волосы занавешивали ее нежное лицо. Она походила на Марджори, но Марджори держалась по-детски беспечно, а Джанет, казалось, чувствовала на себе взгляды, проникавшие в самые тайные ее уголки.

— Который час? — спросил Тоу.

— Не знаю, — ответил Драммонд. — Ни на одни часы в этом доме полагаться нельзя — и меньше всего на те, которые идут. Жаль, мамы здесь нет. Она умеет определять время по самолетам, например. Разве нет, па?

— Что?

— Я сказал, что ма всегда знает точное время.

— О да! Бывало, утром в постели трясет меня за плечо: «Гектор! Гектор! Уже десять минут пятого. Вон миссис Стюарт уже направилась на работу в пекарню — ее походку я ни с чьей не спутаю». Или: «Без четверти восемь — слышу, как лошадь Элиота везет тележку с молоком, это от нас через две улицы».

— А вы не скажете, который час, мистер Драммонд? — спросил Тоу.

Мистер Драммонд взял будильник, лежавший циферблатом вниз на стопке книг возле кровати, поднес его к уху, встряхнул и осторожно положил на место со словами:

— Стрелки перестали двигаться, и доверять им не стоит. — Опустив веки, он с открытым ртом откинулся на подушку и наконец уверенно произнес: — Мы в районе полуночи.

— Трамваи уже не ходят, тебе придется у нас переночевать, — заметил Драммонд.

— Трамваи ходят. Я их слышу, — вмешалась Джанет.

— А язык придержать ты не можешь? — свирепо огрызнулся Драммонд. — Не понимаю, как я тебя терплю... Ты — экстракт всего... всего... Дункан! Ты ведь не позволишь этой женщине выставить себя из моего дома?

— Нет, не позволю. Я иду домой, в постель. Спокойной ночи.

Драммонд пошел за Тоу следом:

— Давай разберемся здраво, Дункан. Зачем тебе идти в постель?

— Спать.

Драммонд выпрямился, скрестил руки на груди и, сдвинув брови на переносице, тихо и твердо проговорил:

— Я заявляю тебе, Дункан: из этой двери ты не выйдешь.

— Еще чего! Слушай, тебе не поздоровится, если ты начнешь командовать, — сказал Тоу, но, не двигаясь дальше, жалобно протянул: — Это почему же я отсюда не выйду?

— Потому что потому, — отрезал Драммонд, вталкивая его обратно в кухню.

— Я уступчив, — сказал Тоу, садясь в кресло у огня. — Нет, черт подери! — Он тут же вскочил с места. — Да с какой стати мной будут распоряжаться — хоть ты, хоть кто? Спокойной ночи.

— Джанет, скажи ему, чтобы он остался! — приказал Драммонд. — Втолкуй ему, что глупо тащиться в Риддри на ночь глядя.

— Думаю, тебе лучше остаться, Дункан, — отозвалась Джанет.

— Ну хорошо, если вас не переубедишь... — Тоу снова устроился в кресле.

Впервые после напрасного ожидания Джун он почувствовал себя легко и раскрепощено.

Тоу рисовал, Драммонд писал маслом; они болтали и перебрасывались шуточками, подолгу хихикая. Пока Джанет готовила чай, оба впадали в апатию. С каждым

штрихом рука Тоу обретала большую свободу, комната изображалась все детальнее. Тело Джанет словно излучало свет, проясняло окружающую обстановку и объединяло тесно нагроможденную мебель, Драммонда за работой у буфета, дремлющего за книгой мистера Драммонда, даже хлебные крошки на столе некоей причудливой гармоничной связью. Под пристальным взглядом Тоу Джанет держалась по-прежнему непринужденно. Порой глаза их встречались, и тогда Джанет украдкой бросала робкий взгляд на Драммонда.

— Ты цветок под ногой, Джанет, — сказал Тоу.

— О чем ты, Дункан?

— Ты прекрасна, но оставлена без внимания, а волосы у тебя всклокочены.

— Не потакай ей, — угрюмо вмешался Драммонд. — Ты что, не понимаешь, что она это нарочно? Ей, наверное, хочется внушить сокурсникам, что я ее бью.

— Почему ты всегда меня оскорбляешь? — спросила Джанет.

— Почему я?.. А почему ты всегда меня оскорбляешь? Глупо! — проговорил Драммонд скорее добродушно: он рассматривал свою картину, на которой оставил только один шар. — Ну и как? — обратился он к Дункану.

— Хорошо. Но, по-моему, с несколькими шарами было бы лучше.

Нахмурившись, Драммонд извлек из ящика комода пилку и отпилил часть холста с изображением бильярдного стола. Поместив автопортрет на каминную полку, он опять спросил:

— Ну как, Дункан, на этот раз?

— Законченной, но жалко трудов.

Драммонд сказал:

— Завари чаю, Джанет.

Он достал из-под буфета небольшую позолоченную рамку, смерил ее, отпилит от портрета голову и вставил картину в рамку. Потом повесил холст на стену, отступил назад и, скрестив руки на груди и склонив голову набок, пристально в него всмотрелся:

— Законченной, говоришь? Да, Дункан, ты прав, теперь портрет законченной. Что ж, я собой доволен, неплохо нынче поработал.

— Чушь, сплошная чушь! — фыркнул мистер Драммонд с кровати.

— Да, нынче я неплохо поработал, — взяв чашку чая у Джанет, подтвердил Драммонд.

Темнота за окном начала бледнеть, и в небе за выступами обшарпанной церквушки разлился слабый розовый свет. Драммонд поднял раму, и в комнату потянуло прохладой. Над серыми крышами домов слева вздымался ложноготический шпиль университета, далее простирались холмы Килпатрика, местами поросшие лесом, а вдали за восточным склоном четко вырисовывалась вершина Бен-Ломонда. Тоу показалась занятой мысль, что человек, стоя на этой вершине над глубокими озерами, окруженной горными пиками, через подзорную трубу может разглядеть в дымке окно вот этой самой кухни. Тусклое небо расколосось на айсберги облаков с ослепительно-серебряной полоской между

ними. Мистер Драммонд, откинувшись на подушку, храпел с открытым ртом.

— Молочная скоро откроется, — сказал Драммонд. — Джанет, вот тебе полукрона. Пойди купи что-нибудь повкуснее на завтрак. Мы с Дунканом будем ложиться.

Тоу и Драммонд перешли в комнату с раскрытым диваном посередине. Раздевшись до белья и сняв носки, они забрались под грубые одеяла. Слышно было, как Джанет вернулась; повозившись на кухне, она вошла к ним с тремя тарелками, на которых лежали тушеные груши со сливками. Присев на край постели, она съела свою порцию, а потом завернулась в пальто защитного цвета и легла поперек их ног с котом, свернувшимся в клубок у нее на животе.

— Дома я сейчас бы уже вставал, если бы... — Вдруг в голове у Тоу мелькнул женский образ — но не Джун Хейг, а Марджори. Вообразив, как ее груди трепещут от прикосновения умелых рук, он вскочил: — Джанет! Ты ведь подруга Марджори. Скажи, она крутит с кем-нибудь любовь или нет?

— Не думаю, Дункан.

— Тогда что с ней неладно? Что с ней неладно?

— Мне кажется, ей просто слишком хорошо дома, Дункан. Она счастлива быть вместе с отцом и матерью.

— Понимаю. Она влюблена в родителей. Не желая учиться быть взрослой и учить тем самым меня становиться взрослым она наслаждается домашним уютom. О Боже, если только Ты существуешь, покарай ее, покарай! Господи, пусть она не найдет утешения нигде, кроме меня; пускай жизнь терзает ее так, как терзает она

меня. О Эйткен! Эйткен! Как смеет она быть счастливой без меня?

Тоу упал навзничь, уставившись в потолок. Драммонд горько заметил:

— Мне понятны твои чувства, Дункан.

— На тот случай, если ты не в курсе, Дункан, — насмешливо заговорила Джанет, — он имеет в виду Молли... ой!

Драммонд лягнул ее под одеялом в подбородок. Джанет закрыла лицо руками и тихо расплакалась. Все трое замолкли, мучительно раздумывая каждый о своем, пока мало-помалу не задремали.

Тоу приснилось, будто он неуклюже прелюбодействует с Марджори, которая стоит недвижно, вытянувшись наподобие кариатиды. Он оседлал ее бедра и висел над землей, стиснув их коленями и вцепившись в них руками. Холодное неподатливое тело поначалу оставалось безответным, затем постепенно стало раскачиваться. По телу Тоу прошло слабое ощущение неразделенного торжества.

Тоу проснулся поздно. Медленно высвободил ноги из-под Джанет, стараясь ее не потревожить, направился в кухню, захватив с собой одежду, умылся над раковиной, оделся, дал воды и сыра мышам в ящике и скатал в трубку рисунки, сделанные накануне. По дороге к выходу заглянул в спальню. Джанет уже не лежала в изножье кровати, под одеялами что-то шевелилось. Во дворе Тоу встретил мистера Драммонда, который возвращался из отеля: высокий, в очках и плоской шапочке, в плаще, распахнутом поверх спецовки.

— Привет, Дункан. Ты что, уходишь? А я собираюсь готовить обед. Здесь тресковая икра. — Он указал на бумажный пакет, который держал под мышкой.

— Нет, мистер Драммонд, спасибо.

— Смотри, это презент от шеф-повара. Не своровал и не платил. Точно не будешь пробовать?

— Нет, спасибо. Если я к вам вернусь, то, боюсь, так навсегда и застряну.

Мистер Драммонд расхохотался и принялся набивать табаком короткую трубку.

— Ты ведь книгочей, верно?

— Да, я читаю книги.

— Я тоже не прочь почитать. Попытался приохотить к чтению Эйткена, да все напрасно. Ты знаешь, каким образом он сдал экзамен по английскому?

— Нет.

— Я прочитал книги, включенные в школьную программу. — Скотта, Джейн Остин и прочее, — а потом пересказал ему сюжеты. Со слуха он запоминает решительно все, а вот сам в жизни не прочитал до конца ни одной книги, разве что по искусству. Поэтому кругозор у него ограниченный, знает он мало и не питает сочувствия к ближнему своему. Успеха ему не видать. В отличие от тебя, Дункан.

— Хотелось бы надеяться, мистер Драммонд.

— Да-да, Дункан, ты непременно добьешься успеха.

Ободренный этим пророчеством, Тоу быстро зашагал по склону холма в школу и в вестибюле

встретился с Марджори. Он сухо ее поприветствовал, но она остановила его и с улыбкой спросила:

— Где ты был, Дункан?

— Спал.

— Пошли пить кофе?

Тоу почувствовал себя свободным и счастливым. По дороге в столовую Марджори дала ему руку.

«Интересен этот мир», — подумалось Тоу.

Глава 25 Разрыв

Тоу взял с отцовской книжной полки «Британский географический справочник по Шотландии», изданный в 1875 году, и прочитал:

Судоходство по каналу прекратилось еще до рождения Тоу. Из торговой артерии, протянутой в глубь страны, канал превратился в дикую тропу, по которой в сердце города проникали тростники, ивняк, лебеди и кулики. Тоу озадачила фраза о воздвигнутых «величественных сооружениях». Единственным величественным сооружением, известным ему на восточной окраине города, был сам канал — произведение искусства длиной в десять миль, воздвигнутое из камня и дерева, земли и воды. Тоу отправился делать эскизы в Блэкхиллские шлюзы.

Задача была нелегкой. Тоу знал, каким образом две гигантские водные лестницы огибали холм, однако с какого-то одного уровня нельзя было увидеть остальные. Более того, мощь архитектуры нагляднее всего представала с основания, а ее размах — с верхушки; Тоу же хотелось показать и то и другое с тем, чтобы глаза могли окинуть весь вид целиком с легкостью гимнаста, который взялся бы облазить шлюзы снизу доверху. Тоу изобрел ракурс, изображающий шлюзы с нижней точки слева направо и с верхней точки — справа налево; он нарисовал их так, как видел бы их лежащий на боку великан глазами, разнесенными на сотню футов и

скошенными под углом в 45 градусов. С помощью карт, фотографий, набросков и с опорой на память Тоу почти что собрал свои любимые виды воедино, однако возникла новая проблема.

Тоу намеревался населить холст фигурами людей, занятых обычными воскресными делами: ребятишки ловят плотву в банки; женщина подстригает живую изгородь вокруг дома старого начальника шлюза; пенсионер прогуливает собаку возле причала. Но шлюзы выглядели настолько внушительно, что Тоу захотелось заключить в их рамки нечто более грандиозное. В последней книге Библии он читал о пророчествах и предостережениях, о войне и голоде, о наживе и смерти, об огненных телах, низринутых с неба на пагубу целым народам. Политическое содержание книги звучало столь же современно, что и в дни апостола Иоанна и Альбрехта Дюрера. Итоговое разделение людей на добрых и злых и вечная жизнь праведников в роскошном новом мире не убеждали, но чем это отличалось от обычных речей политиков в кризисные времена? Тоу переменял полдень на сумерки и нарисовал высоко в небе, между луной и крышей своей начальной школы, черную стрелу. Стрела не могла низринуться с неба, но и толпы, над которыми она нависала, не могли спастись бегством. Толпы заполняли причалы, мосты, толклись на возвышенностях, однако их смятенное бегство не сопровождалось жестокостями: матери прижимали к себе детей, отцы их обороняли, на открытых участках одинокие фигуры указывали на двери в склоне холма. Для должного изображения толпы Тоу кардинально поменял ландшафт и уже почти закончил работу, как вдруг осознал новую необходимость. В этом громадном множестве были представлены только типы, а здесь на

переднем плане нужна была фигура в натуральную величину — человек, чей растерянный взгляд был бы устремлен на зрителей картины в упор, заставляя их чувствовать себя частями этого множества.

Тоу прервал работу: следовало обдумать, как заново перестроить всю композицию, чтобы новая фигура гармонировала с ней, а не была просто-напросто в нее втиснута. Преподаватель по рисунку, человек добросовестный, поинтересовался у Тоу:

— Как долго ты еще будешь тянуть? В этом семестре ты ничего другого не сделал. Другие закончили уже по три-четыре картины.

— Моя по размеру гораздо больше, сэр.

— Верно, больше. До нелепости больше. Когда же ты ее закончишь?

— Быть может, на следующей неделе, мистер Уотт. Она выглядит почти готовой.

— Именно. Она выглядела почти готовой и три недели тому назад. Она выглядела готовой и двумя неделями раньше. И всякий раз ты внезапно закрашивал ее почти целиком и начинал писать собственно другую картину.

— У меня появлялись мысли, как ее улучшить.

— Вот именно. Если такие мысли снова у тебя появятся, выкинь их из головы. Я хочу, чтобы на следующей неделе картина была закончена.

Потупившись, Тоу тихо проговорил:

— Я постараюсь закончить картину на следующей неделе, сэр, но если мне снова явится какая-нибудь хорошая мысль, я не обещаю, что выкину ее из

головы. — Его вдруг обуяла веселость, и он едва сдерживал улыбку. — Если я это сделаю, Господь не пошлет мне новых.

Помолчав, мистер Уотт велел Тоу показать ему папку с набросками и не спеша их пересмотрел.

— К чему все эти уродливые искажения?

— Я, возможно, утрировал некоторые формы с целью их подчеркнуть, но не думаете же вы, сэр, что вся моя работа к ним сводится?

Мистер Уотт, слегка нахмурившись, снова перебрал все эскизы и отложил в сторону карандашный набросок рук:

— Вот это мне нравится. Хорошо подмечено и старательно выписано.

Тоу порылся в папке и вытащил рисунок женщины, изображенной в укороченной перспективе — с ног.

— Вам не кажется, что эта фигура прекрасна?

— Нет. Говоря откровенно, ты ее изуродовал — у тебя ее словно бы пытаются.

Тоу зачихнул рисунки обратно в папку и смущенно сказал:

— Простите, но я с вами не согласен.

— Мы обсудим это позже, — глухо заключил преподаватель и вышел из класса.

Макалпин, работавший рядом, поднял голову:

— Я просто упивался. Только гадал, кто из вас расплатится первым.

— Я едва удерживался.

— Хорошо, что твои работы нравятся секретарю.

— Почему хорошо?

— Слишком долго объяснять.

Они работали молча, потом Тоу жалобным голосом спросил:

— Кеннет, я что, нахал?

— О нет, напротив. Тебе явно не по душе ранить их чувства.

Когда Тоу шел на следующее утро в классную комнату, мистер Уотт встретил его словами:

— Минуточку, Тоу! Мне нужно с тобой поговорить.

Они уселись на скамейку в оконной нише. Мистер Уотт, с мрачным видом покусав нижнюю губу, заявил:

— Я только что говорил о тебе с мистером Пилом. Сказал, что, раз ты не принимаешь мои советы и отрицательно влияешь на других студентов, я не желаю видеть тебя в своем классе. Сердце у Тоу забилося тяжело и гулко.

— Я охотно выслушиваю ваши советы, сэр, и готов принять совет от кого угодно, но если совет нельзя отвергнуть, то это уже не совет. Кроме того...

— Нам нечего обсуждать. Макалпин говорит, что вы снимаете мастерскую возле парка.

— Да.

— Я попросил у мистера Пила разрешения для тебя заниматься рисованием там. Будешь приходить на лекции в школу, как обычно, а в остальное время будешь

работать сам по себе. В конце семестра посмотрим, что ты нам предъявишь.

Тоу не сразу уяснил услышанное, но через мгновение во взгляде его выразился такой восторг, смешанный с жалостью и признательностью, что мистер Уотт поспешил добавить:

— Буду признателен за ответ на сугубо неофициальный вопрос, Тоу. Имеешь ли ты хотя бы отдаленное понятие о том, что пытаешься сделать?

— Нет, сэр, но думаю, новое расписание мне поможет это выяснить. Можно сегодня начать переносить вещи?

— Начинай когда хочешь.

Вечером дома Тоу паковал книги и бумаги, которые еще не успел перенести в мастерскую.

— Можно мне взять с собой свободный матрац? — спросил он у помогавшего отца.

— Значит, теперь я буду видеть тебя еще меньше, чем обычно?

— Полезно просыпаться по утрам в той комнате, где работаешь.

— Хорошо. Бери матрац. И простыни. И одеяла. А почему бы не присоединить и кровать?

— Нет. Матрац и спальные принадлежности легко убрать с глаз долой. А кровать займет много места.

— Ладно, ладно. Сочту за милость, если заглянешь повидаться, а не только когда понадобятся деньги.

Эти слова прозвучали так горько и приниженно, что у Тоу непривычно кольнуло в сердце.

— Я уважаю тебя и восхищаюсь тобой, па, — проговорил он опечаленно. — Даже люблю. Но я тебя побаиваюсь, почему — сам не знаю.

— Может, потому, что мы чрезмерно тебя наказывали, когда ты был маленьким.

— Наказывали?

— Пороли.

— И часто?

— Довольно часто. Ты протестовал. Приходилось окунать тебя в холодную ванну, чтобы прекратить истерику.

Странный способ обращения с малышом, подумал Тоу.

— Уверен, что доставалось мне по заслугам, — стараясь скрыть растерянность, охотно признал он.

Утром в субботу Тоу ждал Марджори на Центральном вокзале: она согласилась с ним позавтракать, а потом помочь прибраться в мастерской. Тоу был в приподнятом настроении, хотя и знал, что Марджори откликнулась на его деловую просьбу, а не на предложение вместе провести досуг. Они впервые останутся наедине не в общественном месте: если когда-нибудь речь пойдет о браке, по работе Марджори в мастерской можно будет судить о ее хозяйственных способностях. Марджори опоздала на час и пять минут, но Тоу не в состоянии был бросить на нее суровый взгляд: после почти что безнадежного ожидания ее явление показалось ослепительным сюрпризом. Марджори объяснила, что накануне допоздна заработалась и мать сочла за лучшее ее не будить, а

будильник подвел. В ресторане официанткой оказалась Джун Хейг.

— Давненько не виделись, Джун, — заметил Тоу, пока Марджори изучала меню.

— Привет, Дункан. Ты все еще учишься в художественной школе? — спросила Джун, постукивая карандашом по накрашенной нижней губе. Она теперь растягивала слова на англо-шотландский манер.

— Эта девчонка меня дважды провела, — сказал Тоу, когда Джун удалилась с заказом.

— Когда это было, Дункан? — Марджори явно заинтересовалась.

— Расскажу как-нибудь. История пренеприятная, — весело отозвался Тоу. Ему нравилось представлять себя искушенным мужчиной, способным шутить над тем, что его обманула официантка.

За едой Марджори раза два взглядывала на Тоу и, заметив, что он не сводит с нее глаз, натянуто улыбалась. Тоу вспомнилось, что когда-то эта улыбка казалась ему некрасивой. Теперь она его зачаровывала: он не сомневался, что и через двенадцать лет морщинки, появлявшиеся при улыбке в углах ее рта, тоже будут казаться ему очаровательными.

— Дункан, — проговорила Марджори, — ты не против, если... если мне, возможно, придется уйти сегодня пораньше.

Тоу ответил не сразу и сухо:

— Что ж, раз так, то ничего не попишешь.

— Ну ладно, посмотрим, — неуверенно сказала Марджори.

Мастерская располагалась в белой мансарде. Из двух окон открывался вид на деревья, дорожки и лужайки, простиравшиеся по склону до Парк-Террас. С одной стороны вокруг камина стояли стол, диван, газовая плита и несколько стульев. Другой угол занимал растянутый на стене холст с первыми набросками расширенного варианта «Блэкхиллских шлюзов». Посредине комнаты валялся мусор, обычный там, где живут неряшливые молодые люди. Здесь же помещались мольберты, постель Тоу и громоздкий старый шкаф, заполненный красками и прочими принадлежностями. На каминной полке красовалась статуэтка танцующего фавна, а на наклонном потолке было написано несколько цитат:

Тоу разжег огонь, скатал ковер, подмел пол, вынес коробки с мусором, вытряхнул пыль из циновок и вымыл окна. Марджори отчистила проржавевшую газовую плиту, перемыла посуду и вымыла пол. Уборку они

закончили к шести часам. Комната выглядела на диво чистой и опрятной.

— Умойся, и будем пить чай, — сказал Тоу, вытаскивая из буфета свертки. — Мясо. Лук. Пирожные. Хлеб. Натуральное масло. Джем.

— О, Дункан! Это замечательно! Но... но мамочка ждет меня к чаю...

— Сбегай к телефону-автомату на углу и скажи ей, что будешь пить чай здесь. Вот тебе три пенса на звонок.

К возвращению Марджори ужин был почти готов. Они с жадностью поели и вымыли посуду, потом Марджори села на диван у огня. Тоу время от времени приносил с другого конца комнаты папки и раскладывал у ее ног их содержимое — рисунки, наброски и эскизы, репродукции и фотографии, вырезанные из газет и журналов.

— Господи, Дункан, сколько чудесных работ! Я поневоле чувствую себя бездельницей.

Тоу убрал папки на место и вернулся к камину. За окнами уже почти стемнело, и комнату освещали только живые огоньки, плясавшие над углями. Марджори подняла глаза на Тоу и улыбнулась. Ее руки были сложены на коленях. Затянувшееся молчание заставило Тоу ощутить себя учеником, когда на уроке математики он не мог ответить на заданный учителем вопрос.

— Знаешь, Марджори, я тебя боюсь, — выпалил он.

— Почему, Дункан?

— Наверное, потому что я... Ты мне очень нравишься.

— Ты мне тоже нравишься, Дункан.

Повисла новая пауза. Тоу вздумал разрядить напряжение шуткой.

— А ты знаешь, — заговорил он с усмешкой, — еще недавно я был уверен, что ты увлечена другим...

— Ох, Дункан, — тотчас перебила его Марджори, — я собиралась тебе об этом рассказать. Я познакомилась с молодым человеком из университета, он... он иногда приглашает меня на танцы и так далее, но... не знаю, как это выразить, чтобы не показаться тщеславной... мне кажется, я... я нравлюсь ему больше, чем он мне.

— Все хорошо, — рассеянно проронил Тоу. Он опустился на циновку у ног Марджори и прижался лбом к ее колену. — Я... я... — пробормотал он.

Мысли его расплылись до полной неотчетливости. Он шевелил губами, но произнес всего два-три слова: сначала «мама», потом «мир», но не понимал, о чем говорит, и позднее не мог вспомнить, о чем думал.

— И все же ты... — начал он, протянув руку и с любопытством коснувшись щеки Марджори. Девушка слегка пошевелилась.

— Думаю, мне пора домой, — сказала она, вставая с дивана.

— Да, конечно, — согласился Тоу, тоже поднимаясь. — Я замечтался. Я тебя провожу.

Он помог Марджори надеть пальто, и они вместе спустились вниз.

Тоу остановился возле подворотни и указал напротив, на вздыхающий силуэт деревьев:

— Давай пойдём через парк.

— Но, Дункан, ведь вход заперт.

— В ограде выломаны прутья. Пошли. Срежем путь.

Тоу помог Марджори протиснуться через узкий просвет, откуда они спустились по насыпи на другую сторону. Под ногами шуршали сухие листья. Пройдя по темным ровным лужайкам, они обогнули плещущий фонтан между приземистых падубов. Два лебедя сонно плыли по черной воде декоративного пруда, с островка посередине слышался негромкий гусиный гогот. Через Келвин был переброшен широкий мостик с незажженными железными канделябрами на обоих концах. Тоу облокотился на парапет и сказал Марджори:

— Слушай.

Вблизи почти полную луну испещряли листья на верхушке вяза. В глинистых берегах слабо журчала река, звенел вдали фонтан.

— Чудесно, — отозвалась Марджори.

— Раз или два, — проговорил Тоу, — мне приходилось переживать моменты, когда безмятежность, гармония и... и великолепии казались сутью вещей. Ты когда-нибудь испытывала подобное?

— Думаю, что да, Дункан. Однажды я отправилась с друзьями в Кэмпсиз и отстала от них. Стоял чудесный тёплый день. Мне кажется, я тогда чувствовала что-то такое.

— Но неужели при этом всегда нужно быть одному? Разве любовь не позволяет нам разделить это наслаждение с кем-то ещё?

— Не знаю, Дункан.

Тоу посмотрел на нее.

— Да. Пойдем, — ласково предложил он. — И пожалуйста, возьми меня под руку.

За мостом дорога разделялась надвое: на развилке стоял памятник Карлейлю. Неотшлифованный гранитный столб завершался бюстом пророка. Лунный свет инеем ложился на его лоб, бороду и плечи, оставляя худые щеки и запавшие глазницы во мраке. Тоу, воздев свободную руку, потряс в воздухе кулаком и прокричал:

— Убирайся, ты, соглядатай! Убирайся прочь, предатель Демократии!.. Он меня всюду преследует, — пояснил он Марджори и помог ей перебраться через запертые ворота на освещенную улицу.

Когда они проходили мимо университета, Марджори спросила:

— Дункан, ты много общался с девушками?

— Не очень и всегда на один лад.

Он весело, в шутливых тонах рассказал о Кейт Колдуэлл, Молли Тирни и Джун Хейг. Марджори перемежала его рассказ тихими вздохами: «Ох, Дункан, Дункан».

— Вот, о девушках я все тебе выложил, — заключил он.

— Ох, Дункан.

В голосе Марджори звучала такая сочувственная жалость, что Тоу начал подозревать, не сваял ли он дурака.

— Знаешь, Дункан, — сказала Марджори, — мне кажется, ты слишком боязлив. Помнишь, когда мы возвращались из кино, ты спросил, можно ли взять меня за руку?

— Помню.

— Не надо было спрашивать. Я знала, что тебе этого хочется. Любая девушка позволила бы это без всякого спроса.

— Понятно.

— С поцелуями почти то же самое. Если девушка чувствует, что ты испуган и встревожен, ей это передается.

— Как натурщица, которая смущается, когда ее рисует смущенный студент.

— Да, похоже.

Тоу остановился и схватил Марджори за руку:

— Марджори, ты будешь мне позировать? Обнаженной. — Марджори взглянула на него большими глазами. — Я не буду смущаться, — торопливо продолжал Тоу, — но ты необходима для моей картины. Профессиональные натурщицы хороши для практики, но выглядят киноактрисами. А мне нужна красавица, но далекая от модных стандартов.

— Но, Дункан... Я вовсе не красавица.

— Красавица. Убедишься сама, если я тебя нарисую.

— Но, Дункан... Я... Я... У меня на боку уродливое родимое пятно.

Тоу нетерпеливо замотал головой:

— Кожная пигментация не имеет никакого значения. — Беспомощно хохотнув, он добавил: — Ты должна это сделать, чтобы мы сравнялись. Я только что перед тобой разделся догола — словесно.

— Ох, Дункан! — Марджори улыбнулась с ласковым сочувствием и вздохнула: — Дункан, я согласна.

Они двинулись дальше.

— Хорошо. А когда? На следующей неделе?

— Нет, через две. Я сейчас очень занята.

— В понедельник?

— Нет. Давай... в пятницу.

— Ладно. Около семи?

— Да.

— Я должен буду тебе напомнить?

— Нет, я... Я точно не забуду, Дункан.

— Хорошо.

У калитки в сад Марджори подняла лицо. Тоу скользнул щекой по ее щеке и пробормотал:

— Мы еще не созрели для губ. Мои застывают, когда я касаюсь твоих. Обними меня, пожалуйста.

Они прижались друг к другу, и щекочущее прикосновение уха Марджори к его щеке током пробежало по телу Тоу. Он учащенно задышал. Марджори прошептала:

— Ты счастлив, Дункан?

— Ага.

У обочины тротуара остановился автомобиль. Бросив на него взгляд искоса, Тоу и Марджори увидели недвижимый профиль сидевшего за рулем профессора. Со смехом они разжали объятия.

На расширенном варианте картины должны были предстать Блэкхилл, Риддри, Кэмпсай-Феллз и Кэткин-Брэс, а в центре с обеих сторон — толпы вокруг шлюзов. На ста пяти квадратных футах холста Тоу проводил, переплетал, стирал и заново проводил сеть голубых, серых и коричневых линий. Как-то вечером, когда он хмуро вглядывался в картину, появился Макалпин.

— Что не так?

— Мне бы хотелось большего спокойствия.

— Пейзаж, изображенный одновременно сверху и снизу и включающий в себя север, юг и восток, вряд ли будет походить на мирный оазис. Тем более если там идет война.

— Верно, но на переднем плане я помещу точку спокойствия: Марджори смотрит прямо на нас.

— С каким выражением?

— Обычным. Надеюсь, ты помнишь, что завтра она мне позировала. Не хочу, чтобы мне помешали.

— Не волнуйся, никто тебя не потревожит. Чего именно ты ожидаешь от завтрашнего вечера? Похоже, возлагаешь на него немалые надежды.

— Я ожидаю, что удастся весь вечер хорошо, успешно поработать. Хотел бы добиться большего, но не особенно на это рассчитываю, поэтому не буду особенно разочарован. Мне нравится в Марджори ее наивный

взгляд. Она как будто не ощущает, что у нее есть груди, и это делает их только заметнее. Она симпатичная, не правда ли?

— Да. Заметь, она может одеться так, чтобы это подчеркнуть.

— То есть?

— На ней платье как у школьницы, ты не находишь?

— Нет, мне так не кажется.

— Нет? Понятно.

— Мой виноград не зелен, проныра-плутократ.

— Не зелен? Ах ты, лис-социалист!

Оба расхохотались.

На следующее утро Тоу подготовил чертежную доску, принес бутылку вина и старательно сложил в камине дрова, чтобы они могли вспыхнуть от одной спички; но на месте ему не сиделось, и он отправился в школу выпить кофе. В столовой ему повстречалась Джанет Уир, и он спросил ее, не видела ли она Марджори.

— Нет, Дункан. Она сегодня не пришла на занятия.

— А как она выглядела — вчера, я хочу сказать — усталой, нездоровой?

— Нет, Дункан, непохоже.

Тоу вернулся в мастерскую, в половине седьмого разжег огонь в камине и попытался взяться за чтение. Без десяти восемь раздался звонок. Удерживаясь, чтобы не броситься к двери бегом, он не спеша спустился вниз и повернул ручку. Прошло несколько секунд, прежде чем

он осознал, что девушка, которая стояла на пороге, — это Джанет.

— Дункан, Марджори послала меня сказать тебе, что она ужасно извиняется. Вчера вечером она много поработала и сейчас неважно себя чувствует.

После паузы Тоу с трудом выговорил:

— Передай ей, что это меня не удивляет.

Закрыв дверь, он поднялся наверх, откупорил вино с намерением напиться, но отупел от первого же стакана, развернул свой матрац и уснул.

Над парком свистел ветер, визгливо перебранивались чайки. Тоу, очнувшийся в солнечном квадрате, увидел в оконной раме белоснежные облака на голубом небе. Повернувшись к окну спиной, он, свернувшись клубком, вжался в матрац и медленно перебрал в памяти всю историю дружбы с Марджори — начиная с первой встречи на лестнице вплоть до вчерашнего вечера. Вся эта история представилась ему сплошным оскорблением: от ярости он кусал себе пальцы, а под конец глаза его наполнились слезами. Он успокоился, только когда взошел на кафедру в лекционном зале и заговорил внятными спокойным голосом:

— ...художественная школа без обязательных занятий, где рисунки с натуры, патологоанатомия, орудия, материалы и информация будут свободно предоставляться всем желающим. Я готов изложить эти планы директору и совету попечителей, однако без вашей поддержки я окажусь бессилён.

Ее лицо виднелось в приветственно оживленной толпе, перед ним расступившейся. Тоу слегка ей кивнул,

озабоченный вещами куда более важными. Правительство лейбористов назначило его министром по делам Шотландии, и, выступая в палате общин, он выдвинул проект создания отдельного шотландского парламента: «Совершенно очевидно, что чем обширнее общественное образование, тем менее возможна в нем подлинная демократия».

Слушатели потрясенно молчали, и в тишине раздался голос премьер-министра, заклеившего Тоу как изменника. Тоу уверенными шагами направился к выходу, и тут произошло небывалое. Члены парламента от Шотландии (семьдесят один человек) — лейбористы, консерваторы и либералы, все до единого — покинули зал вслед за Тоу. Стоя на набережной Темзы, Тоу собирался обратиться к ним с речью, но тут к нему подошел Макалпин с вопросом:

— Привет. Что, нагрели тебя?

— Она не пришла.

— Сука! Слушай, погода отличная, пойдём на этюды вместе.

— Не хочется шевелиться.

— Возьми себя в руки. Будь выше этого.

— Не могу.

Макалпин развернул бумагу на чертежной доске.

— С ней все кончено, — отрубил Тоу.

— Очень умно.

— Но я еще не знаю, как попрощаться.

— Не беспокойся. Просто больше не здоровайся.

— Нет. Мне нужна определенность.

— Незачем ломать голову, Дункан. Через три-четыре часа солнце уйдет. Пошли на этюды.

— Нет.

Макалпин ушел, и после гражданской войны Тоу возглавил комитет по реконструкции. На месте снесенных банков были разбиты скверы с журчащими фонтанами. На задних дворах установили скамейки и шашечные столы под открытым небом для пожилых людей; устроили пруды для гребли и песочницы для малышей; открыли некоммерческие общественные прачечные для домохозяек. Увеселительные судна с небольшими оркестрами курсировали по каналу от Риддри до островов на Клайде. Марджори встречала имя Тоу в газетах, слышала его голос по радио, видела его лицо в кинохронике; она была им окружена со всех сторон, он формировал ее мир, но коснуться его она не могла. Затем Тоу, задремав, увидел во сне пугающую сумрачную страну с нескончаемыми дождями. Тоу пытался бежать оттуда с маленькой девочкой, которая оскорбила его и предала. Став взрослой, она воссела в бриллиантах на трон в темном старинном доме. Она послала в погоню за ним своего косолапого дворецкого. Крошечный Тоу метался из комнаты в комнату, захлопывая за собой одну дверь за другой, но неторопливые прихрамывающие шаги неумолимо приближались. Наконец Тоу забрался в буфет, откуда выйти было уже некуда, и изо всех сил вцепился в ручку. К ногам его подступила ледяная вода.

Тоу проснулся в темноте; постель наполовину сползла на пол. На небе через окно виднелись три звезды, со стороны пруда доносился нестройный гусиный

гогот. Плотнее завернувшись в одеяло, Тоу облегчил себе дыхание с помощью таблетки эфедрина и принялся вообразить Марджори рабыней в роскошном борделе, где он пытками принуждал ее к бесстыдным любовным актам. При повторной мастурбации Марджори превратилась в Джун Хейг, на третий раз — в мальчика. Испытывая к себе омерзение, Тоу тупо глазел на потолок вплоть до рассвета, потом снова заснул. Было воскресенье, поэтому в мастерскую пришли студенты — рисовать и болтать за чашкой кофе. Тоу делал вид, что читает лежа; на самом же деле он мысленно сочинял обращенные к Марджори прощальные речи — шутливые, патетические, стоические, холодно-оскорбительные и гневно-безумные. Вечером явился Макбет. Его исключили из художественной школы за пьянство; обессиленно рухнув в кресло, он поинтересовался:

— Что это творится с Дунканом? Лежит бревно бревном.

— Ш-ш. Он порывает с Марджори, — прошептал Макалпин.

— А с какой стати, Дункан? Никак под юбку не залезть? Не дает тебе вставить?

— Да нет. Может, и так. Не знаю.

— Послушай меня, Дункан. Слушай, слушай внимательно. Вставить — еще не главное. Я с семнадцати лет постоянно вставляю. Если Молли от меня воротит нос, не думай, что я без этого обхожусь. Просто иду на Бат-стрит. За неделю вставляю два, три, четыре раза, но это еще не самое главное. — Макбет прищелкнул пальцами. — Марджори — славная, держись за нее, дает она тебе или нет.

— Она меня не любит, — пробормотал Тоу из-под одеяла.

— А вот это тяжело, согласен. Не дает, да к тому же еще и не любит — куда уж хуже.

В понедельник Тоу встретил Марджори на школьной лестнице. Мысленно он настолько отделил ее от себя, что вид хорошенькой улыбающейся девушки поверг его в замешательство, словно она воскресла из мертвых.

— Привет, Дункан! Прости меня за пятницу. Джанет сказала тебе, почему я не смогла прийти?

— Да, сказала.

— Сегодня после завтрака у нас спевка. Ты в столовую?

— Вроде бы.

Марджори улыбалась так ослепительно, что это не могло не отразиться на лице Тоу, однако в столовой он сидел рядом с ней и Джанет Уир молча, рисуя на столешнице.

— Вечером мы с Джанет идем в оперу, — сообщила Марджори.

— Прекрасно.

— Места мы не забронировали, придется постоять в очереди за билетами на балкон.

— Прекрасно.

Джанет отправилась за сигаретами.

— Эйткен с нами не идет — он ненавидит оперу. А ты, Дункан, ведь ее любишь?

— Да.

Марджори придвинулась к нему поближе:

— Дункан, знаешь, я готова тебе позировать, когда тебе захочется.

— Марджори, давай прекратим это. — Нажимая на карандаш, Тоу сгустил тень под глазом и добавил: — Нам лучше избавиться друг от друга.

Он бросил на нее взгляд искоса. Марджори спокойно разглядывала рисунок.

— Сигарет «Голуаз» нет! — воскликнула Джанет, вернувшись. — Почему они не продают «Голуаз»?

— То, как обстоят дела сейчас, не утешает, — проговорил Тоу.

— Так мы пойдем на спевку — ладно, Дункан? — спросила Марджори. Когда они переходили улицу, Марджори проронила: — Прости меня, Дункан.

— Пустяки. Эти два дня я приучался обходиться без тебя — и вот привык. — Они постояли у входа в театр, где проходили спевки. — Ничего не поделаешь, — добавил Тоу.

— Ясно. Ох, Дункан, мне жаль, что я тебе так нравилась. И мне очень жаль, Дункан, что я...

— Не надо жалеть, — сказал Тоу, взяв Марджори за руки и прижавшись к ним лбом. — Не жалею ни о чем! Ты подарила мне дружбу, и я долгое время был тебе благодарен.

— Но, Дункан, разве мы не можем остаться друзьями? Может быть, не сейчас, но позже?

Они потерлись щеками, и Тоу пробормотал:

— Позже, наверное, когда я заведу себе настоящую девушку, я смогу... может быть...

— Да. Тогда.

Марджори обхватила Тоу за пояс, и он стал легонько ее ласкать, касаясь губами нежной шеи.

— Ого! Ага! Поторопитесь, опаздываем, — слышались возгласы проходивших мимо Джанет и двух ее подружек.

Тоу недоумевал, почему раньше он ни разу не делал с Марджори ничего подобного. Коридор заполнялся, и они разъединили объятия.

— Я ухожу из хора, — сказал Дункан. — Так что ступай туда, до свидания.

Улыбнувшись, Марджори скользнула в дверь. Тоу быстро зашагал в мастерскую, намереваясь тотчас же взяться за работу. Прощание с Марджори оказалось таким сердечным, что минуты три он чувствовал себя почти счастливым, но время шло, Марджори становилась все дальше, и в нем вновь закипело чувство обиды. Прохожие на Сочихолл-стрит кидали на Тоу удивленные взгляды, и он не сразу сообразил, что напевает вслух: «Если Ты существуешь, позволь мне убить ее; если Ты существуешь, позволь мне убить ее».

В мастерской Тоу не увидел на своей картине ничего, кроме путаницы уродливых линий. Он сел перед холстом и не сводил с него глаз, пока не стемнело.

Глава 26 Хаос

Наутро Тоу долго пролежал в постели в ожидании стимула подняться, но потом протащился в кладовую, в уборную и снова забрался под одеяло. Он лежал трупом, предаваясь гнусным мстительным мечтаниям. В сексуальных фантазиях он подвергал Марджори пыткам; без конца переделывал и развивал прощальные речи, с которыми так и не обратился к ней при расставании; кипя гневом, до мельчайших подробностей восстанавливал в памяти каждую проведенную вместе с ней минуту. Он не мог взять в толк, почему из головы у него никак не выходит девушка, давшая ему так мало. Мучительные переживания постепенно вызвали судорожное напряжение мышц; неподвижность помогала экономить дыхание. Тоу по-прежнему хотелось, чтобы Марджори вошла в эту темную, пыльную, захлавленную комнату и, включив свет, с улыбкой огляделась. В его лице не дрогнет и мускул, но она снимет пальто, пригладит волосы и примется за уборку. Приготовит теплое питье, сядет рядом на матрац и, придерживая чашку, даст ему отхлебнуть, как маленькому. Он с язвительной усмешкой подчинится, однако все-таки возьмет ее руки и приложит к своей груди, чтобы она почувствовала, как его сердце стучит о ребра. Они прильнут друг к другу. Пот на его лбу высохнет, тело расслабится, и он забудется сном. Теперь Тоу боялся уснуть и сидел в постели, выпрямившись.

Как-то во время летних каникул Макалпин, рисовавший в углу, сказал Тоу:

— Я понимаю, что советовать всегда бессмысленно, но не лучше ли было бы для тебя взяться и закончить свою картину?

— Нелепо полагать, будто кто-нибудь в Глазго способен нарисовать хорошую картину.

— Шел бы ты домой, Дункан.

— Боюсь шевельнуться.

Потом Макалпин ушел и привел Рут. Тоу воззрился на нее в испуге: она часто называла его болезнь омерзительным способом привлекать к себе внимание. Рут ласково спросила: «Ну как ты, бедняжка Дункан?» — кротко помогла ему одеться и спуститься вниз к такси. В дороге она рассказывала о своем педагогическом институте в Абердине, Рут проучилась там год, ее шумный напор был лишен всякой агрессивности, и Тоу почувствовал, что больше никогда не будет ее бояться. Мистер Тоу накрыл стол к чаю. Когда они расселись по местам, Рут продолжала рассказывать:

— Мне нравится Абердин, у меня там масса поклонников! Хожу в бассейн вместе с Гарри Дохерти — он был чемпионом Шотландии по плаванию брассом среди юниоров, танцую с Джо Стюартом и бываю на вечеринках с кем хочу — то есть с теми, кто мне нравится. Девушки в институте считают меня гетерой, но я думаю, они просто идиотки. Почти у всех только один ухажер, а говорят они только о замужестве. Я не собираюсь замуж еще лет пять, и, скажу вам, чем больше выбор — тем оно надежнее.

— Правильно, — подтвердил мистер Тоу, — Не стоит ни к кому прочно привязываться, пока не станешь

вполне самостоятельной. Ты еще молода. Наслаждайся жизнью.

— По воскресеньям я прогуливаюсь с Тони Гау, он студент-медик. Тебе, Дункан, он бы понравился. Он знает решительно все о животных, о цветах, народные песни знает наизуток. На последнем ряду в кино толку от него мало, но поговорить с ним и вправду интересно. Гулять с ним, правда, сейчас не очень приятно — из-за болезни кроликов, которая недавно распространилась по фермам. На сельских дорогах всюду валяются эти бедняжки — еле-еле дышат, глаза у них выкачены. Тони берет их за задние лапы и расшибает им голову о землю. А я не могу. Знаю, что дело это для них доброе, но мне даже видеть это не под силу. Тони...

— Прекрати! — выкрикнул Тоу.

После паузы мистер Тоу сказал:

— Пойди, сынок, ляг в постель. Я позову доктора.

Доктор предписал покой и назначил новые таблетки. Тоу сидел в постели, не в состоянии сосредоточиться на чтении, но ему хотелось поспорить.

— Вот бы стать уткой.

— Что?

— Вот бы стать уткой в Александра-парке. Я мог бы плавать, летать, разгуливать, иметь трех жен — делать что угодно. Но я человек. У меня есть ум, я записан в три библиотеки, и все мои желания неисполнимы.

— Господи, о чем ты толкуешь? Кого я породил на свет! Вспомни про пенициллин, про национальную систему здравоохранения, взгляни на книги, на картины,

которыми ты так увлечен! И хочешь превратиться в птицу!

— А ты вспомни Бельзен! — закричал Тоу. — И Нагасаки, и русских в Венгрии, и янки в Южной Америке, и французов в Алжире, и англичан, которые бомбили Египет без объявления войны! Половина населения на планете умирает от недоедания, не доживая до тридцати лет, к концу столетия нас станет вдвое больше, однако те правительства, которые обладают властью и умением сделать мир достойным для людей обиталищем, грабят соседей и готовятся забросать друг друга атомными бомбами. Мы сплываемся в миллионы, когда речь заходит об убийстве, а ради благородной прекрасной деятельности едва набираются сотни или десятки...

Мистер Тоу потер щеку:

— Ты прочитал больше книг, чем я. Каков возраст человечества?

— Примерно триста тысяч лет.

— А когда появились города?

— Около шести тысяч лет тому назад.

— А как долго существуют правительства, обладающие властью во всемирном масштабе? Ответ мне известен. Чуть больше столетия.

— И что же?

— Дункан, современная история только начинается. Дайте нам еще пару столетий — и мы построим настоящую цивилизацию! Не тревожься, сынок, этого хотят и другие. Не ты один. В мире нет страны, где люди не искали бы и не боролись. Не поддавайся лживым политикам. Не горлопаны на трибунах, а незаметные

труженики — вот кто меняет ход вещей. Даже если в ближайшие десять — двадцать лет кучка оголтелых правителей развяжет атомную войну, человечество все равно выживет. Возможно, понадобятся столетия, чтобы устранить последствия радиации, однако простые люди с этим справятся и вновь начнут взбираться к вершинам.

— Угу, мне тошно от способности простых людей питаться дерьмом и выживать. Животные куда благороднее. Разъяренный зверь погибнет, сражаясь против обидчиков, которые посягают на его природу, а безропотный уморит себя голодом. Только человеческие существа умеют чудовищно многообразными способами применяться к бездушному гнету — и жить, жить, жить, пока их эксплуатируют и всячески притесняют им подобные. В одной книге о детях в годы войны я прочитал рассказ маленькой девочки. Ее дом разбомбили. Она написала; «Я — ничто и никто. Мою кошку прижало к стене. Я хотела её вытащить, но ее взяли и выкинули». За последние четверть миллиона лет с детьми ежедневно случалось и худшее. Никакое светлое будущее не искупит такого гнусного прошлого, какое было у нас, и даже если образовать мировое демократическое социалистическое государство, долго оно не продержится. Все достойное гибнет. Неустранимо только это месиво войны и страдания — а я против! Против! Против!

— Хватит себя жалеть.

Тоу открыл рот, желая протестовать, но, осознав правоту этих слов, замолчал.

Мистер Тоу со вздохом проговорил:

— Ладно, согласимся, мир — это чертова клоака. Что же, по-твоему, может его улучшить?

— Память и совесть. Мне ненавистно бездумное отношение людей к жизни, когда ни о чем не думают и не заботятся: так подгнивший плод покрывается плесенью.

— Но, Дункан, память и совесть — разве это не свойства человека?

— К несчастью, да.

— Тебе нужен Бог?

— Да. Да, мне нужен великий неизменно любящий человек, разделяющий боль своего народа. Я хочу невозможного.

Мистер Тоу пригладил остатки волос на голове и сказал:

— Мой отец был пресвитером конгрегионалистской церкви в Бриджтоне — дыра дырой, а тогда еще худшее захолустье. Однажды зажиточные члены общины собрали по подписке деньги на приобретение для церкви нового престола, органа и цветных витражей. У отца — трудолюбивого кузнеца, обремененного большой семьей, — таких денег не было, поэтому он десять лет работал церковным служителем: подметал пол, вытирал пыль, полировал медные ручки и звонил в колокол перед службой. В литейном цехе с возрастом ему платили все меньше, но мать пополняла семейный бюджет, вышивая скатерти и салфетки. Ее заветной мечтой было накопить сотню фунтов. Она слыла хорошей швеей, но накопить сто фунтов ей так и не удалось. Заболевал сосед или нуждался в отпуске, сыну подруги для устройства на работу требовался новый костюм — она безропотно

отдавала деньги, словно это было самым обыденным делом. Большое утешение мать находила в молитве. Каждый вечер перед сном все мы становились в гостиной на колени помолиться. Никакой театральности в этом не было. Родители ясно ощущали, что разговаривают с другом, который находится здесь же, в комнате. Я ничего подобного не испытывал и потому полагал, что со мной что-то неладно. Потом началась война тысяча девятьсот четырнадцатого года, я пошел в армию — и там услышал совершенно иные молитвы. Священники с обеих сторон молились о победе. Они внушали нам, что Бог желает нашим властям военной удачи и находится за нами, с нашими генералами, подталкивая нас в спину. Многие из нас, будучи в окопах, выкинули тогда Бога из головы. Но, Дункан, все эти иллюзии и обещания блаженства на небесах — не что иное, как средства заставить нас действовать именно так, как мы хотим сами. Моим родителям христианство помогало достойно вести себя в трудной жизни. Другие используют веру для оправдания войны или собственности. Однако, Дункан, важно не то, во что люди верят: наша правота или неправота зависит от наших поступков. Если Бог приносит тебе утешение, прими Его. Он тебе не повредит.

— Не повредит? — угрюмо переспросил Тоу. — Тот единственный Бог, какого я могу себе вообразить, слишком похож на Сталина и вряд ли меня утешит.

— Я, конечно же, никоим образом не оправдываю методов Сталина, но не сомневаюсь, что любой, кто правил бы Россией в тридцатые годы, должен был бы действовать именно так, как он.

Новые таблетки перестали помогать, и доктор выписал другие, которые также оказались бесполезными.

По ночам, когда было особенно плохо, мистер Тоу просиживал у постели сына, стирая с его лица струйки пота и подставляя тазик для сплевывания тягучей желтой мокроты. Тоу был теперь целиком поглощен болезнью. Он воспринимал ее развитие как ход гражданской войны, саботирующей дыхание и впускающей минимум кислорода ради того, чтобы он мог испытывать муки беспомощности и отвращения к себе. Как-то после полуночи он выговорил:

— Доктор считает... эта болезнь... психическая.

— Да, сынок, он на это намекал.

— Наполни ванну.

— Что?

— Наполни ванну. Холодной водой.

Не без труда Тоу объяснил: может быть (так при вторжении извне страна забывает о внутренних раздорах), суженные дыхательные пути расширятся, если всю кожу подвергнуть действию холодной воды. Мистер Тоу неохотно наполнил ванну и помог Тоу подойти к ней. Тоу сбросил пижаму, погрузил правую ногу в воду и замер, тяжело дыша. Потом залез в ванну и судорожно опустился на одно колено.

— Поскорее, Дункан. Опускайся же! — поторопил мистер Тоу, намереваясь столкнуть его в воду.

— Нет! — выкрикнул Тоу и постепенно простерся навзничь, выставив из воды только нос и губы. Одышка не уменьшалась. После ванны мистер Тоу обтер сына полотенцем и помог добраться до постели.

— Следовало окунуться в воду разом, Дункан. Если рассчитывать на эффект шоковой терапии, то она и должна быть шоком.

Посидев молча, Тоу сказал:

— Ты прав. Ударь меня.

— Что?

— Ударь меня. По лицу.

— Дункан! Я... не могу.

Прошло несколько минут, и Тоу, задыхаясь, выкрикнул:

— Ударь, прошу тебя!

— Но, Дункан...

— Я больше не могу это терпеть... не могу. Невыносимо.

Мистер Тоу шлепнул его по лицу ладонью.

— Без толку. Я мог бы ударить... сам себя... посильнее. Еще!

Мистер Тоу снова нанес удар — со всего размаху. Тоу покачнулся, выпрямился. Щека горела, но боль в груди побеждала.

— Черт возьми, бесполезно! — пробормотал он.

Сидевший на краю постели мистер Тоу поник головой и заплакал. Тоу обнял его:

— Прости, папа. Прости. — Он чувствовал, как тело отца сотрясают идущие изнутри рыдания. Тело на ощупь казалось щедедушным: глядя на редкие седины на веснушчатой макушке, Тоу осознал, что отец стареет; не без удивления он ощутил себя, в эту минуту, сильнее и

крепче его. — Иди, папа, отдохни, — проговорил он. — Мне сейчас лучше.

В груди у него действительно сделалось легче.

— Господи, Дункан, если бы только я мог болеть вместо тебя! С радостью! С радостью!

— И что в этом было бы хорошего? Кто бы нас тогда содержал? Нет, все устроилось как надо.

Мистер Тоу отправился в постель, и дыхание у Тоу опять ухудшилось. Когда он пытался отвлечься, всматриваясь в окружающие предметы, они делались зыбкими, словно стены, мебель и безделушки являлись посланцами враждебной разрушительной силы, которая одна только и способна была сохранять их очертания. Глазурованный керамический кувшин перед окном, казалось, готов был вот-вот взорваться. Его гладкая зеленая поверхность таила в себе угрозу. Все, что Тоу видел возле себя, было пропитано паническим страхом. Уставившись в потолок, Тоу слил все свои мысли в один безмолвный истошный крик: «Ты существуешь! Я сдаюсь! Я верю! Прошу, помоги мне!»

Удушье нарастало. Тоу испуганно простонал, потом собрался с духом и, усмехнувшись, произнес:

— Никого. Там. Вообще никого.

Тоу повторил эти слова громче, но они звучали лживо. В этом мучительном состоянии он чувствовал себя обреченным на веру, которая никогда больше не позволит ему заключать молитву фразой «Если Ты существуешь».

Глядя в потолок, он вновь направил туда все свои мысли: «Эта вера проистекает не из Твоего величия, а из

моей трусости. Ты вытянул ее из меня пыткой. Но добровольного согласия от меня Тебе не дожидаться. Я больше никогда, никогда, никогда, никогда не буду Тебе молиться».

Наутро доктор заявил:

— Дело слишком затягивается. Ему нужно в больницу. У ваших соседей есть телефон?

Рут с отцом помогли Тоу одеться. Когда работники «скорой помощи» спускали его вниз, соседи выглядывали из дверей.

— Веселые у тебя выдались каникулы, — хмуро проговорила миссис Гилкрест.

Было свежее июльское утро. Тоу, вцепившись в край скамьи внутри машины, смотрел, как мистер Тоу, сидевший напротив, ворча себе под нос, пытается открыть с помощью карандаша запертый чемодан.

— В чем дело? — спросил Тоу.

— Да вот, заело проклятый замок.

— В больнице чемодан мне не понадобится.

— Конечно не понадобится. Но я должен забрать твою одежду.

Матовое стекло было слегка опущено, и через щель наверху виднелись улицы Блэкхилла. Сияло солнце, слышались крики детей.

— Быстро приехали, — заметил Тоу.

— Да, — отозвался отец, опуская чемодан на пол. — На душе как-то легче. Совершая подъем в Церматте, мы с Рут будем знать, что о тебе лучше позаботятся, чем если бы ты оставался дома.

— Не думаю, что застряну надолго.

— На твоём месте, Дункан, я бы не торопился с выпиской. Разумно сообщить лечащему врачу, что вне больницы ухаживать за тобой некому. Пусть они, не торопясь, выявят коренную причину твоего заболевания.

— Нет никакой коренной причины.

— Не спеши с выводами. Современные больницы располагают всеми ресурсами, а Стобхилл — крупнейшая больница в Британии. Я сам лежал там в тысяча девятьсот восемнадцатом с ранением шрапнелью в живот. Будь спокоен, книгами я тебя завалю. Я много читал в Стобхилле, авторов, которых сейчас и не раскрою, — Карлейля, Дарвина, Маркса... Правда, пришлось проваляться на спине целых пять месяцев. — Поглядев в окно, мистер Тоу продолжал: — Под башней есть железнодорожный путь, упирающийся в подобие подземной станции. Армия посылала нас туда в поездах. Хочешь, я принесу тебе «Введение в диалектический материализм» Ленина?

— Не надо.

— Недальновидно с твоей стороны, Дункан. Полмира под властью этой философии.

Палата была вытянута в длину, и на обходе профессор со свитой только спустя час с лишним добирался до Тоу, который лежал в конце второго ряда кроватей, у самой двери. Профессор — крепкого сложения, лысый — стоял со скрещенными на груди руками и, вскинув голову, словно бы изучал угол потолка. Негромкую речь он обращал как бы в равной степени ко всем присутствующим — к пациенту, лечащему врачу, сестре, дежурной нянечке и к

студентам-медикам, порой выделяя какие-то свои вопросы или замечания брошенным на кого-либо выразительным взглядом.

— Мы имеем здесь четко выраженную бронхиальную инфекцию, в основе которой хроническая слабость — возможно, наследственная, поскольку от нее умерла сестра его отца... Нет, вы от этого не умрете. От астмы не умирают, разве что при сердечной недостаточности, а ваш мотор при щадящем режиме обеспечит вам еще лет пятьдесят нормальной жизни. Нельзя исключить и психологический фактор: болезнь впервые проявилась в возрасте шести лет, когда семью разделила война.

— Мать была с нами, — заявил Тоу.

— А отец — нет. Обратите внимание: экзема на мошонке, за коленными и локтевыми суставами. Типичное явление.

— Кожные пробы делались? — спросил студент-медик.

— Да. Резко выраженная аллергия на всякого рода пыльцу, на шерсть, мех, перья, на мясо, рыбу, молоко и пыль любого происхождения. Но это только раздражители. Будь они причиной, пациент провел бы всю свою жизнь в постели, однако приступы астмы случаются с ним лишь периодически... Ведь так?

— Так, — подтвердил Тоу.

— Лечение: пенициллин для подавления инфекции, курс аминофиллиновых суппозиторий для долговременной стабилизации, для временного облегчения — изопреналин. Физиотерапия для активизации дыхания, что весьма существенно в молодом

возрасте, позднее назначим курс противоаллергических инъекций с целью устранить раздражение. Деготь на кожу. Дopotопное средство, пачкается, но, пока мы не располагаем новейшей американской кортизоновой мазью, лучшего не придумать. Успокоительное для снятия напряжения... Как у вас с нервной системой?

— Не знаю.

— Склонны ли к мечтаниям, вздрагиваете ли от повседневного шума?

— Иногда.

Профессор поднес к глазам лежавший на тумбочке Тоу рисунок крылатой женщины.

— К тому же артистическая натура. Вы не против того, чтобы побеседовать с психиатром?

— Не против.

— Хорошо. Знаю, что вы не сумасшедший, но беседы о семье, о сексе, о деньгах и тому подобном подавляют чувства, которые способны помешать более непосредственным способам терапии. Вам следует заняться и зубами. Вы не слишком часто их чистите, правда?

— Правда, — сознался Тоу.

В палате стоял нестройный гул разговоров, которые раза два в неделю выливались в спор о политике, когда пространными высказываниями перебрасывались на расстоянии из угла в угол. Иногда по утрам издали доносилось лязганье: оно приближалось, и мимо ковылял, согнувшись, громадный человек, опираясь на миниатюрный замысловатый костыль. Лицо его было сморщено, взгляд горел животным огнем, кривой рот

выказывал беззубые десны. Он непрерывно бормотал: «Одному Богу известно, как я до такого дошел», «Я всю жизнь работал как вол», «Все мои деньги были честным трудом заработаны», «Ох, ненавижу я больницы».

Соседи по койкам были больше погружены в себя. Лежавший слева мистер Кларк задумчиво хмурился, медленно описывая в воздухе поясняющие жесты и по-разному разглаживая одеяло. Днем он издавал хриплые звуки, которые нянечки истолковывали как просьбу подать утку, подкладное судно или принести сигарету: мистеру Кларку разрешалось курить при условии, что кто-то проследит, не устроит ли он пожар. Его лицо и шея были изрезаны морщинами, как у черепахи; нос с горбинкой выражал властность. С подушками за спиной он порой погружался в дремоту, голова его соскальзывала набок, и, внезапно очнувшись, он тихо вскрикивал: «Агнес!» Никто его не навещал. Мистер Макдейд, лежавший слева от Тоу, был тщедушного сложения, однако грудь его выпячивалась, будто толстый живот, упираясь в подбородок. У него были жесткие рыжие волосы и строгое лицо; сходство с клерком ему придавали стальные очки без стекол, к которым были прикреплены резиновые трубки от кислородного баллона позади кровати. Перед сном он их снимал, а ночью иногда становился в постели на четвереньки, как собака, производя многоголосый шум, будто его дыхание вырывалось наружу через множество крохотных флейт и свистков. Нянечки переворачивали его на спину и вновь укрепляли на носу очки. К мистеру Макдейду регулярно приходили маленькая подвижная жена и высоченные сыновья: перед часами свиданий ему делали укол, позволявший ему тихим и глухим голосом толково рассуждать о внуках и соревнованиях по боксу.

Мистер Макдейд и Тоу часто обменивались легкими понимающими кивками; однажды, когда его родственники запаздывали, мистер Макдейд спросил:

— Есть дело, верно?

— Угу.

— А вон тот — мудака.

— Кто?

— Кларк.

Тоу посмотрел в сторону мистера Кларка, который, приподняв верхний край простыни, изучал ее, словно газету.

— Видели? — шепнул мистер Макдейд. — Стоит нянечкам его укрыть и подоткнуть одеяло как следует, он тотчас распаивается и просит утку. На воле за это ему дали бы шесть месяцев. Там это называется непристойным поведением.

— Но он ведь старик.

— Верно, старик. Когда старики доживают до такого состояния, тут им самое место.

Дважды в неделю Тоу — в халате и шлепанцах — везли в кресле-коляске в психиатрическое отделение; при хорошем самочувствии он шел туда сам. Психиатр — хорошо одетый человек лет сорока, с незапоминающейся внешностью — сказал ему:

— Во время нашей беседы у вас по отношению ко мне могут возникнуть кое-какие непредвиденные эмоции. Не стесняйтесь их называть, даже если они будут весьма эксцентричны. Меня это ничуть не оскорбит. Все это — составная часть лечения.

Разговор шел о родителях Тоу, о его детстве, работе, о сексуальных фантазиях и о Марджори. Слова лились из Тоу потоком, раз-другой он ударился в слезы.

— Несмотря на ваше яростное неприятие женщин, — заметил психиатр, — я полагаю, что в целом вы полностью гетеросексуальны. — Позже он добавил: — Истина, знаете ли, не есть черное или белое, но черное и белое. У меня на каминной полке стоит керамическая зебра — в качестве напоминания.

Обычно же психиатр задавал вопросы: «Почему?», «Как?» — или же просил рассказать о чем-то поподробнее, и Тоу не испытывал к нему ничего, кроме равнодушия. Посещения психиатра ему скорее нравились, но в палату он возвращался слегка растревоженным и опустошенным, как актер после спектакля, на котором его не освистали, но и не проводили аплодисментами. Если дышалось неплохо, он оттягивал возвращение в палату, гуляя по территории больницы. Длинное здание из красного кирпича тянулось по склону просторного холма. Над головой всегда кружили чайки; они садились на крыши — привлеченные, вероятно, черствыми корками, которые выкидывали из окон кухни. На высокой башне часы отбивали время с металлическим скрежетом; больницу окружал сад с обсаженными кустарником аллеями, где дорожки были посыпаны гравием, а над клумбами с яркими голубыми и алыми цветами жужжали пчелы. Лето выдалось необычайно жарким. Больные в халатах тихо бродили по лужайкам или молча посиживали на скамейках. Большинство из них были старыми и одинокими; когда мимо по двое-трое пробегали сестрички в белом, шушукаясь между собой, Тоу поражался той участливости, какую эти юные красивые создания

выказывают всем тем, кто заброшен близкими, изнурен и изуродован болезнью.

Каждую неделю дыхание у Тоу ненадолго улучшалось, потом ему опять становилось хуже. Мистер Кларк бросил курить и звать Агнес; теперь он лежал совершенно неподвижно. Глубокие морщины на его лице, прорытые жизненным опытом, постепенно разглаживались: день ото дня он все больше становился похож на юношу, хотя глаза у него смотрели в разные стороны, один угол рта был приоткрыт в ухмылке, а другой — плотно сжат. Мистер Макдейд на койке справа старел на глазах. Складки кожи на щеках и на шее делались все заметней. На сновавших мимо врачей и медсестер он взирал неестественно расширенными красными глазами. Он мало теперь разговаривал с женой и сыновьями, но, поглядывая на Тоу, то и дело бормотал:

— Есть... дело... верно... а?

Ему явно хотелось заполучить товарища по несчастью, однако Тоу только мычал что-то в знак согласия, не отрываясь от тетради. Тетрадь стала теперь для него нейтральной полосой между муками сопалатников и собственным мучительным дыханием. Он через силу расставался с тетрадью на время еды и сна. По вечерам, при слабом свете лампы на столике дежурной сестры в дальнем конце палаты, когда из окна сочилось бледное сияние летнего неба, он продолжал наносить новые штрихи на страницу тетради, где были смешаны загадочные женские головки и гротескные мужские, чудища — не то птицы, не то механизмы — и гигантские города с архитектурными сооружениями всех веков и стилей. После полуночи он откладывал книги в сторону и сидел в постели, цепляясь за сознание с такой

энергией, что многие ночи, как ему казалось, он провел без сна. Потом он заметил, что хотя и слышит далекое печальное «дин-дон» часов на башне, но отбивают они только четверть часа, а полный час — нет; однажды он увидел, как две ночные сестры шепчутся возле его постели, а потом вдруг в мгновение ока одна оказалась за столиком, где читала книгу, Другая же по соседству занималась вязанием крючком. Всю ночь напролет он то нырял в сон, то выныривал обратно, сам того не осознавая. Временами он спал крепко, но тогда пробуждение оказывалось тягостным: нелегко было вновь приноравливаться к окружающей обстановке, привыкать к звукам, заново овладевать отвратительным умением дышать, когда дыхание было только формой удушья.

Как-то поздно вечером дежурная медсестра привела в палату старшую сестру, которую прежде Тоу не видел. Они задержались у постели мистера Макдейда. Тот спал с кислородными очками на носу, ежеминутно хватая воздух открытым ртом; в груди у него приглушенно гудели волынки. Пятидесятилетнее непроницаемое лицо старшей сестры под жестко накрахмаленным белоснежным колпаком смотрело со вниманием, пронизательно.

— Бедняга Макдейд! Господи, помоги ему! — негромко проговорила она с таким сдержанным состраданием, что к сердцу Тоу прихлынула теплая волна, и он не мог отвести от нее восторженного взгляда.

Старшая сестра подошла к изножью его постели и с улыбкой спросила:

— А ты, Дункан, как сегодня себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо, — прошептал он.

— Хочешь чашку какао?

— Спасибо, очень хочу.

— Вы позаботитесь об этом, сестра?

Обе они удалились, а позже дежурная сестра принесла чашку теплого сладкого какао и две розовые таблетки в чайной ложке.

Проснулся Тоу ярким солнечным утром: дышалось ему легко; в палате звенели подаваемые сестрами тазики для умывания. В первый раз со дня поступления в больницу Тоу почувствовал себя в силах побриться, однако, пощупав отросшую на подбородке щетину, просто освежил лицо и руки и откинулся на подушку, наслаждаясь светом и воздухом. Мистер Кларк выглядел значительно лучше. Его сосредоточенное лицо вновь постарело, правым указательным пальцем он дирижировал невидимым оркестром. Постель мистера Макдейда пустовала: матрац с проволочной сетки был снят. Тоу представил себе, как маленькое тело с грудкой голубя увозит невозмутимый молодой человек в черном, который менял кислородные баллоны, но переполнявшее его счастье не давало чувствовать ничего, кроме облегчения. Ему хотелось говорить с людьми, смешить их. Когда сестра принесла завтрак, Тоу, едва попробовав, заявил:

— Сестра! Я отказываюсь есть эту овсянку без наркоза!

Тоу повторил эту фразу еще раз, громче. Никто к нему не прислушался, поэтому он записал ее в тетрадь для Драммонда и Макалпина и принялся за еду.

Глава 27 Книга Бытия

Косые солнечные лучи играли в граненой стеклянной вазе с первоцветами и крупными колокольчиками на столе мистера Кларка. Тоу сидел в кресле, любуясь масляно-желтыми первоцветами на поникших бледно-зеленых стеблях, прозрачными синевато-лиловыми колокольчиками среди темных остроконечных листьев. Он шепнул: «Лилловые, лиловые» — и, произнося это, ощутил губами такую же лиловость, какую видели глаза. Сестра, заправлявшая бывшую постель мистера Макдейда, сказала:

— Веди себя сегодня хорошо, Дункан. У тебя будет новый сосед. Священник.

— Надеюсь, он не болтун.

— О, как раз наоборот. Священникам платят за болтовню.

Она обставила кровать ширмами, и за ними прошел кто-то с чемоданом. Ширмы были убраны, и на постели обнаружился маленький седой мужчина в пижаме; откинувшись на подушку, он принимал группу пожилых дам, пришедших его навестить. В торопливых приглушенных голосах дам звучали ноты утешения; священник улыбался и рассеянно кивал. Когда посетительницы удалились, он вздел на нос очки с серповидными линзами и принялся читать библиотечную книгу.

В тот день после обеда, делая в кровати наброски, Тоу услышал:

— Простите, вы художник?

— Нет. Я изучаю искусство.

— Извините. Меня сбила с толку ваша борода. Нельзя ли взглянуть на рисунок? Я люблю цветы.

Тоу протянул ему тетрадь:

— Не ахти какой удачный. Чтобы довести его до ума, требуются время и материалы.

Священник поднес тетрадь к носу и, раз или два кивнув, стал листать предыдущие страницы. Тоу обеспокоился, но не сильно. Священник обладал свойствами металла: отливающего слабым блеском, полезного, серого, забытого; выговор у него был такой, какой больше всего нравился Тоу, — выговор лавочников, школьных учителей, работяг, интересующихся политикой и религией. Священник произнес:

— Цветы у вас красивые, по-настоящему красивые, но — не обижайтесь — прежние рисунки меня немного смутили. Конечно, я вижу, что они очень умны и современны.

— Это не рисунки — так, закорючки. Я был тогда не в форме.

— Сколько времени вы здесь пробыли?

— Полтора месяца.

— Полтора месяца? — с уважением повторил священник. — Долгий срок. Сам я надеюсь ограничиться несколькими днями. Хотят проделать кое-какие исследования и посмотреть на реакцию. Сердце, знаете ли, но ничего серьезного. А скажите, мне вот часто хотелось узнать, отчего человек становится художником. Благодаря врожденному таланту?

— Конечно. Врожденный талант есть у каждого. Все дети тянутся к карандашам и краскам.

— Но не у многих он сохраняется впоследствии. Я, например, ничего бы так не желал, как набросать интересный вид или портрет друга, но под страхом смертной казни не мог бы даже провести прямую линию.

— В наши дни человеку, занимающемуся подобным ремеслом, непросто устроиться с работой, так что от родителей или учителей поощрения не дождешься.

— А ваши родители вас поощряли?

— Нет. В детстве мне разрешалось рисовать, но все же родители хотели для меня обеспеченного будущего. Отец разрешил мне поступить в художественную школу, только когда услышал, что там я смогу устроиться на работу.

— Выходит, у вас точно был врожденный талант!

Тоу ненадолго задумался.

— Есть люди, которые упорно над чем-нибудь работают не потому, что получают поощрение, — просто они не знают в жизни других радостей.

— Бог мой, как печально это слышать! Не скажете ли — исключительно чтобы сменить тему, — почему современная живопись так трудна для понимания?

— Поскольку мы в наши дни никому не нужны, приходится изобретать причины для занятия живописью. Искусство сейчас в загоне, допускаю. Но ладно, снимаются же хорошие фильмы. В киноиндустрию вкладывается столько денег, что среди работающих там есть и талантливые люди.

Священник заметил лукаво:

— Я думал, художники работают не ради денег. — Тоу молчал. Тогда священник добавил: — Я думал, они корпят у себя на чердаке, пока не умрут с голоду или не сойдут с ума, а потом их работы кто-нибудь откроет и будет продавать за тысячи фунтов.

— Был некогда строительный бум, — оживился Тоу. — В Северной Италии. Местные правители и банкиры из трех или четырех городков, размером примерно с Пейсли, стали вкладывать так много денег и забот в украшение общественных зданий, что за каких-нибудь сто лет взрастили половину из всех крупнейших живописцев Европы. Нет-нет, эти власть имущие вовсе не были альтруистами. Но они знали, что есть лишь один способ побеждать на выборах и оставаться популярными: нужно отдавать свои излишки ближним в виде красивых улиц, административных зданий, башен и соборов. И города эти обрели красоту и славу, и все с тех пор туда стремятся. Но в наше время власть имущие не живут больше среди людей, на них работающих. Избыток средств они вкладывают в научные исследования. Общественные здания имеют строго функциональный облик, города становятся все безобразней, лучшие картины выглядят как крик боли. Не удивительно! Те немногие, кто их покупает, относятся к ним как к алмазам или редким почтовым маркам — для них это не облагаемые налогом накопления.

Голос Тоу зазвенел, и он поспешно отпил воды из стакана. Священник сказал:

— Не примите меня за коммуниста, но, думаю, в России...

— В России, — выкрикнул Тоу, — правящий класс закоснел больше нашего, так что, если западному искусству дозволено быть истеричным, восточному разрешена только скука! Не удивительно! Мощное, чарующее, гармоничное искусство рождалось лишь в маленьких республиках — республиках, где народ и власть имущие встречались на общих собраниях и общих...

Он отчаянно закашлялся.

— Хорошо, хорошо, — успокоительно кивнул священник. — Мне теперь будет о чем подумать.

Он вновь взялся за книгу. Тоу перевел взгляд на цветы, но очарование и свежесть успели из них испариться.

Следующим утром Тоу сидел в кресле, а священник, сцепив руки на груди, лежал и глядел в потолок. Внезапно он заговорил:

— Я подумал, что вам, наверное, стоит побеседовать с Артуром Смейлом.

— Кто это?

— Наш секретарь церковного совета, молодой человек, очень предприимчивый, кладезь новейших идей. Будьте добры, откройте ящик в моем шкафчике. Мне запретили двигаться. Видите бумажник? Возьмите его и откройте: там вы найдете фотографии. Нет, эту положите обратно, это моя сестра. А я хочу, чтобы вы поглядели на мою церковь.

Тоу бросил взгляд на два снимка — интерьер и внешний вид обычной шотландской церкви.

— Каулэрская приходская церковь. Не особенно впечатляет, но, прослужив в ней тридцать два года, я ее полюбил. Я ее люблю. С тех пор как закрылся моторостроительный завод, округ, к сожалению, покатился под гору. И, по решению пресвитерии, в следующем году наших прихожан объединят с прихожанами Сент-Роллокса: слишком их мало, чтобы содержать две отдельные общины. Сент-Роллокс — это церковь вблизи нашей, за углом. Вы меня слушаете?

— Да.

— Прихожан тут и там примерно одинаково, и Артур Смейл подумал, что, если мы очистим церковь и обновим убранство, пресвитерия, вместо того чтобы наших прихожан отправить в церковь Сент-Роллокс, поступит наоборот. Вам не надоело слушать?

— Нет.

— Мистер Смейл работает в фирме, которая оборудует торговые помещения, и у нас имеются мистер Ренни — художник-декоратор и два электрика, так что в мастерах и добровольных помощниках недостатка не было. Я уж и не помню, когда церковь была такой чистой и нарядной. Но, к сожалению, хотя это вполне понятно, Сент-Роллокс поступил точно так же и с большим успехом. Один разбогатевший в Канаде прихожанин прислал пожертвование, которого хватило, чтобы очистить каменные фасады — нам такое не по карману. И вот мистеру Смейлу пришла в голову новая идея... Вам случалось хоть раз побывать в какой-нибудь шотландской церкви?

— Когда я был школьником.

— Тогда вам должно было броситься в глаза, что за последнее столетие в церковь были возвращены многие атрибуты, от которых отказались наши предки. Ничего вредоносного, разумеется, никаких молитвенников и епископов; всего лишь мелкие украшения: боковые кафедры, органы, витражи и даже, в редких случаях, распятия на престоле. Но абсолютным новшеством стала бы современная стенная роспись: на нас обратили бы внимание газеты, радио и даже телевидение, и это дало бы нам дополнительные козыри, когда наше дело будет рассматриваться пресвитерией. И вот мистер Смейл письменно обратился к директору художественной школы с просьбой порекомендовать студента, который взялся бы за эту работу. Потому что, видите ли, мы не сможем ему заплатить. В ответном письме директора было сказано, что недопустимо портить старое здание мазней неопытного живописца. Мистер Смейл очень досадовал. Простите, что рассказываю вам это, меня эти дела мало касаются.

Тоу уставился на фотографии. С переднего фасада церковь походила на собачью конуру из потемневшего от времени камня, с приземистой башней, не выше соседних домов. Интерьер был на удивление просторным, по тому же образцу, что и в церкви, куда водили учеников из прежней школы Тоу. Вдоль трех стен шла галерея, четвертая была прорезана высокой алтарной аркой; внутри, на задней стене, виднелись три стрельчатых окна, слева — орган. Мысленно Тоу встал под аркой, оценивая ровные оштукатуренные поверхности. Внезапно ему стало страшно: а вдруг ему не позволят отделать это здание? Он вернул фотографии, пробормотал: «Извините» — и поспешил к двери.

По дорожке среди ярких цветочных клумб он пересек газон и, задыхаясь, опустился на скамью. Прикрыв веки, он мысленно увидел интерьер церкви. По стенам плыли образы, похожие на деревья, их краски сплетались на потолке подобно ветвям. Он открыл глаза и устремил их через поля и леса на впадину в затянутом дымкой жары Кэмпсиз. От жалости к себе по его щекам потекли слезы, и он шепнул, обращаясь к голубому небу: «Что за свинство, давать идеи и не давать сил, чтобы ими воспользоваться. — Он несколько раз стукнул себя кулаком по голове. — Вот тебе за твои идеи. Вот, вот». Он захихикал, встал и вернулся в палату.

— Мне нужно кое-что объяснить, — заявил Тоу, подсаживаясь к кровати священника. — Я не христианин. По-своему я верю в Бога, но не принимаю мысли, что он сошел на землю и стал в мастерской изготавливать тачки. Учение Христа по большей части мне близко, и я предпочитаю его Будде, но только потому, что Будда в начале жизни имел исключительные социальные преимущества. И еще я очень, очень хочу расписать эти стены.

Тоу не знал, улыбается ли священник (он, поправляя очки, прикрыл лицо ладонью), но отозвался тот очень серьезным тоном:

— Если вы хотите помочь и церковный совет одобрит ваши эскизы, мы будем более чем довольны. Инквизиторов среди нас нет.

— Хорошо. Плафон алтаря разделен оштукатуренными нервюрами на шесть панелей. Тут сама собой напрашивается тема шести дней Творения: Книга Бытия, глава первая.

— Плафон?.. Мистер Смейл думал, наиболее подходящее место — стена напротив органа.

— На стене напротив органа будет показан мир на седьмой день, когда Бог посмотрел на него и увидел, что он хорош.

— На первый взгляд годится.

— Хорошо, я сделаю эскизы.

Идеи, набросанные в тетради, стремительно разрастались и требовали столько энергии, что ее не хватало для дыхания, и Тоу дважды пришлось прерываться для уколов. Самой простой частью замысла был Бог. Он выходил сильным и всемогущим, как мистер Тоу, но неожиданно позаимствовал у Эйткена Драммонда выражение беспечной веселости. На следующий вечер Тоу показал эскизы священнику.

— Я решил начать со Вселенной до Сотворения, когда дух Божий носился над водами. Это я напишу на боковой стене, вокруг трех окон.

— Бог мой, это очень большое пространство.

— Да, но я заполню его просто темной синевой с серебристой рябью. По мнению современной науки, первобытный хаос состоял из водорода. Но водород написать я не могу, поэтому прибегну к древнееврейскому представлению о Вселенной, заполненной водами. Греки тоже верили, что основа всего — вода.

— Я думал, они верили, что первобытный хаос представлял собой смесь атомов и борьбы, а вне его находится любовь. Потом любовь проложила себе путь внутрь, изгоняя вражду и соединяя атомы.

— Вы ссылаетесь на Эмпедокла. А я — на Фалеса, который жил раньше.

— Вы очень эрудированный молодой человек.

— Нам приходится. В наши дни нельзя полагаться на образованность наших патронов. По традиции на стадии хаоса дух Божий изображается в виде птицы. У меня он будет человеком, над верхушкой среднего окна. Маленький, очертаниями похожий на ныряльщика темный силуэт, так что нам не видно, приближается он или отдаляется. Он семя, оплодотворяющее хаос, слово, выстраивающее из него миры.

— Вполне ортодоксальный взгляд.

— Вот потолок. На первой панели показаны труды понедельника, сотворение света. В темных водах плавает золотое яйцо, внутри его Бог. Он наг, полностью видим и представлен, как принято, в образе мужчины средних лет, крепкого сложения.

— У него тревожное лицо.

— Я смягчу выражение. На вторник у нас приходится сотворение пространства. Создается твердь, которая отделяет воды над нею от вод под нею. Бог идет, погруженный по пояс в нижние воды, и держит над головой небо в форме шатра. Шатер наполнен светом. В среду нижние воды были раздвинуты, в середине явилась суша, и суша поросла зеленью, цветами, травами и деревьями. Древние евреи как будто были одержимы водой; у них Бог борется с нею полтора дня Творения.

— Они жили в дельте Евфрата, — заметил священник. — Там, где вода не только падает с неба, но

и в сезон паводка буквально бьет ключом из земли. Она кормила их посевами и стада, но нередко и топила их тоже.

— Понятно. Четверг: ночь и день, Солнце, Луна, звезды. Пятница: рыбы и птицы. С каждым добавлением к Вселенной Бог все больше за нею прячется; в субботу мы видим только его ноздри в облаке, вдыхающие жизнь в Адама, который пробуждается среди тварей земных. Адам похож на Бога, но грустен. Наконец, имеется стена напротив органа. У реки, выбегающей из-под древа жизни, стоят на коленях, прижавшись друг к другу, Адам и Ева. Птица на древе — феникс. Некоторые подробности еще предстоит наметить.

После долгого молчания священник сказал:

— Разумеется, я восхищаюсь вашим умением и изобретательностью, которую вы вложили в эти эскизы, и уверен, что церковный совет ко мне присоединится. Но, боюсь, они не одобряют того, как вы изобразили Бога. Нет. Видите ли, его будут бояться дети. Но все остальное просто прекрасно: свет, пространство, океаны, горы, все эти птицы и животные — все, кроме Бога. Нет, нет.

— Но без Бога мы получим чисто эволюционную картину Творения! — вскричал Тоу.

— По поводу слов Моисея, что Всемогущий Господь ближе всего тогда, когда меньше всего ожидаешь, можно рассуждать и рассуждать. Кроме того, жалко пугать детишек. — Священник закрыл глаза.

— Очень хорошо, — помолчав, отозвался Тоу. — Я уберу его с плафона. Но я должен показать его ныряющим сквозь хаос. Это существенно.

— Едва ли кто-нибудь его там заметит. Артур Смейл возражать не станет.

При врачебном обходе на следующее утро профессор задержался у кровати Тоу.

— Мистер Кларк и этот вот мистер Тоу — самые давние здешние обитатели. Остальные пациенты в этой палате либо выписывались при первой возможности, либо протягивали ноги, но у этих двоих улучшения и ухудшения все время чередуются. Мистер Кларку простиительно, ему семьдесят четыре. Иное дело вы, Дункан. Почему вы так поступаете?

— Не знаю.

— Тогда я вам скажу, — бодро продолжал профессор. — Но только не злитесь. Вы достаточно умный и сильный, чтобы меня понять, поэтому не стану шептать у вас за спиной. Этот пациент, джентльмены, страдает аккомодацией. Позвольте привести вам пример аккомодации. Трудолюбивый тридцатилетний мужчина, без всякой вины с его стороны, теряет работу. Два или три месяца он ищет себе рабочее место, но безуспешно. Государственная страховка заканчивается, он переходит на пособие. В данных обстоятельствах энергия и инициатива являются для него бременем. Они заставляют его крушить все вокруг и кидаться на людей. Инстинктивная реакция — снижение уровня метаболизма. Человек опускается, впадает в депрессию. Проходит год-другой, ему наконец предлагают работу — он отказывается. Безработица сделалась образом жизни. Наступила аккомодация. Аналогично к нам поступают люди с банальными заболеваниями, которые, после первоначального улучшения, перестают реагировать на лечебные меры. Почему? В отсутствие других факторов

нужно признать, что пациент адаптировался к самой больнице. Он вернулся в младенческое состояние, когда муки и регулярное кормление ощущаются как статус более надежный, чем здоровье. Заметьте, он не симулянт. Аккомодация произошла в области, где дух и тело неразличимы. Итак, что мы предпримем? В вашем случае, Дункан, мы сделаем вот что. Эфедрина, изопrenalина, аминофиллиновых суппозиторий, седативных и снотворных средств больше не будет. С этого дня мы не станем давать вам ничего; ничего, кроме инъекций в случае действительно серьезных приступов. И если вы не поправитесь к следующей пятнице, мы выдадим вам шприц для подкожных впрыскиваний, пузырек адреналина и вышвырнем вас на улицу. Конечно, если бы здесь была Америка и ваш отец был бы богачом, мы бы сделали себе состояние, цепляясь за вас, пока вы бы не отдали концы. Поэтому считайте, что вам повезло. А теперь мы займемся сердцем священника Каулэрской приходской церкви. Ширмы, пожалуйста.

Тоу лежал, дрожа от негодования. Когда профессор вышел, он выбрался из кровати, надел халат и поспешил наружу. Очнувшись, он обнаружил, что бежит по саду и бормочет: «Все в порядке, я уйду. Уйду прямо сейчас. Вызову такси и уеду».

Он оперся на парапет моста над железнодорожными путями вблизи часовой башни. Рельсы внизу были скрыты длинной травой и прутьями от разломанных ивовых корзин. Откосы поросли бузиной и ежевикой, но сквозь зелень он видел платформу, в трещинах, мхе и мусоре. Погруженный в мысли, он вернулся в палату.

У постели священника сидел мужчина лет тридцати, щеголеватый, со свежим цветом лица.

— Дункан, это мистер Смейл, наш секретарь церковного совета. Я показывал ему ваши рисунки, и ему очень понравилось.

— Очень впечатляюще, — добавил мистер Смейл, — хотя, конечно, я не судья в вопросах живописи. Меня заботит практическая сторона дела, и я от души рад, что оно наконец сдвинулось с мертвой точки. С вашего позволения, я в следующее воскресенье покажу эти наброски членам церковного совета. Он похлопал по глянцевиному портфелю, лежавшему у него на коленях.

— Если хотите, я могу подробнее проработать эскизы, — предложил Тоу.

— О, нет необходимости. Если священнику нравится, никто возражать не станет — вслух, во всяком случае. Вам известно, конечно, что мы небогатая церковь и не сможем вам заплатить. Тем не менее, думаю, у меня имеется достаточно связей, чтобы обеспечить вам приличную долю известности, когда работа будет завершена. Да, мы не собираемся держать ваш талант под спудом. Итак, сколько вам потребуется времени?

Тоу задумался. Об этом у него не было ни малейшего представления. Он ответил осторожно:

— Месяца три, наверное.

— А когда приступите?

— Как только поправлюсь. — Тоу внезапно почувствовал себя лучше. — Собственно, в пятницу я выписываюсь.

— Значит, к Рождеству работа будет закончена. Хорошо. У нас будет время, чтобы до новогодней всенощной убрать леса. Возможно, нам удастся соединить церемонию освящения и рождественскую службу?

— Не думаю, — проговорил священник. — Нет. Но со службой в новогоднюю ночь — да.

— Хорошо. Заново украшенная церковь к Новому году. Пресвитерии будет о чем подумать.

Внезапно Тоу встревожился.

— Площадь очень большая. Понадобятся помощники. Не профессионалы — просто те, кто может заполнить краской намеченные мелом контуры.

— О, я и сам буду помогать. Я попрактиковался на кухонном потолке. И мистер Ренни — уверен, к нему можно обратиться как за лесами, так и за помощью. В рабочих руках недостатка не будет.

Тоу вытащил из шкафчика священника маникюрные ножнички и отрезал уголок халата.

— Прежде всего, оштукатуренные поверхности в алтаре нужно покрасить в этот цвет — темно-синий лилового оттенка — хорошей масляной краской, с матовой поверхностью, по, меньшей мере в два слоя.

Мистер Смейл сделал пометку в записной книжке и сунул кусочек материи между страницами.

— Положитесь на меня. И как-нибудь на следующей неделе дайте список нужных материалов. Со своими связями я, конечно же, смогу достать их со скидкой.

Ложась в кровать. Тоу ощущал в себе наполеоновское могущество.

В пятницу он опять расхворался. Накануне вечером медсестра дала ему шприц для подкожных впрыскиваний, вату, хирургический спирт и пузырек адреналина с резиновым колпачком. Показала, как всем этим пользоваться. Затем прибыл его отец с одеждой и деньгами. В пятницу Тоу с трудом оделся, бросил несчастный взгляд на мистера Кларка (тот вновь закурил) и простился со священником. В приемном покое он по телефону вызвал такси, втиснулся на заднее сиденье и успокоился, слушая, как шипят на мокрой дороге шины (начались дожди).

Он вышел у художественной школы и медленно поднялся в зал, называвшийся «музеем», где несколько студентов писали за столами. Заполнил регистрационную карту на последний год и понес ее в конец коридора, замечая, что стены в темных панелях, боги из белого гипса и девушки в плотно облегающих брюках утратили свою волнующую объемность, сделавшись плоскими, как фотография знакомой прежде улицы. Перед дверью секретаря стояла очередь, поэтому он шагнул в пустую студию и впрыснул себе в икру шесть капель адреналина. Вскоре он вошел в кабинет секретаря, ощущая деловой настрой снаружи, но расслабленность и сонливость внутри. Протянул карту и получил приглашение сесть.

— Хорошо, Тоу, как ваши дела?

— Неплохо, сэр. Мне поручили по-настоящему большую работу. — Он рассказал про стенную роспись и добавил: — Как вы считаете, я могу поработать над нею до Рождества?

— Почему бы и нет. В следующем июне, перед выпускным экзаменом, школа сможет послать в церковь экспертов, чтобы оценили вашу работу. Поговорите об этом с мистером Уоттом.

— Можно сказать ему, что вы одобрили эту затею?

— Нет. Одобрять или не одобрять — дело не мое. Глава вашего факультета не я, а мистер Уотт.

— Он может не разрешить.

— Да? Почему?

— Он уже сделал мне существенное послабление — я говорю о возможности писать в собственной мастерской.

— Ну?

— И мне нечего теперь предъявить — ни одной готовой работы.

— Почему?

— Плохое здоровье. Но теперь я поправился. Если угодно, могу показать справку от врача.

Секретарь со вздохом потер себе лоб.

— Ступайте, Тоу, ступайте. Я поговорю с мистером Уоттом.

— Спасибо, мистер Пил. — Тоу проворно встал. — Вы очень, очень добры.

В трамвае по пути домой его соседка, дама с пакетом из магазина, долго на него косилась и наконец произнесла:

— Ты, конечно же, Дункан Тоу.

— Да.

— Ты меня не помнишь.

— Вы — приятельница моей матери?

— Я — приятельница твоей матери? Да я была лучшей подругой Мэри Нидем. Я работала с нею у Копленда и Лайза за тысячу лет до того, как на сцене появился твой отец. Обрати внимание, — задумчиво добавила она, — сколько народу считало себя лучшими друзьями Мэри. Знакомых у нее была куча, и все ей доверяли. С ней общались соседи, которые друг друга на дух не выносили. Но вот ее нет. И нет твоего дедушки, добрейшего старика.

Тоу слушал ее с раздражением. Он почти не помнил отца матери, высокого старика с седыми усами, который жил в квартале от них, в сдвоенном доме.

Женщина вздохнула:

— Конечно, твоя бабушка ушла первой. Ты ее очень любил.

— Правда? — Тоу растерялся, поскольку он вообще не помнил, что у него была бабушка.

— Да-да. Стоило тебе поругаться с матерью, а ты всегда был шалуном, ты тут же бежал в дом бабушки, а она тебя баловала вовсю, давала все, чего ни попросишь. Когда она умерла, ты очень горевал. Все ходил к ее дому, уляжешься у задней двери и ревешь.

— Может, вы меня с кем-нибудь путаете?

— С кем? Не с твоей же сестрой. Ей в ту пору не исполнилось и двух. Бесшабашная девчонка.

Чуть помолчав, женщина хихикнула:

— Знаешь, Мэри тоже была в свое время бесшабашной. Я прямо пугалась. Я-то была тихоня. Помню, двое парней из галантерейного магазина назначили нам свидание субботним вечером у памятника Скотту. Это было мое первое свидание, так что я явилась ровно к сроку, разодетая в пух и прах. Парни тоже. Ждем мы уже полчаса, и тут проплывает мимо Мэри под руку с австралийским солдатом шести футов ростом. Тем летом они в Глазго кишмя кишели. Ни слова не говорит, только украдкой мне подмигнула. На малыша Арчи Кэмпбелла больно было смотреть. На следующий день я ее спрашиваю: «Как ты можешь быть такой жестокой?» А она: «А как еще прикажешь поступать с мужчиной, который носит гетры?» В другой раз она прогуляла три вечера с тремя разными парнями. «Как ты можешь?» — спрашиваю. «На этой неделе дают оперу. Никаких денег не хватит самой покупать себе билеты на три представления подряд». Один из этих мальчиков был твой отец. Я больше всех удивлялась, когда Мэри Нидем выскочила за Дункана Тоу. Усвоила, стало быть.

— Что усвоила?

— Ничего, но я просто поразилась. Ладно бы кто другой, но Дункан Тоу? А через четыре года и ты появился на сцене.

Тоу добрался домой за три часа до того, как пришел с работы отец. Камин был готов. Тоу разжег огонь, снял со стула у пианино пачку нот и разложил их на коврик у камина: дешевые аранжировки Россини и Верди, песни Бернса, сентиментальные переводы с гэльского («Скликай овец» и «Покуда торф не гаснет в очаге»). На внутренней стороне обложек была видна бурая от времени надпись каллиграфическим почерком:

непривычное девичье имя его матери и адрес деда на Камбернолд-роуд, а также дата покупки, не раньше 1917 года и не позднее 1929-го, когда мать вышла замуж.

С внезапно проснувшимся любопытством Тоу перевел взгляд на свадебную фотографию на каминной полке. Его отец (робкий, довольный, простодушный и совсем юный) стоял под ручку со стройной смеющейся женщиной в свадебном платье до колен, по моде двадцатых годов. В туфлях на высоких каблуках она казалась выше своего мужа. Тоу не находил связи между этой веселой продавщицей, полной мелодий и сексуальной дерзости, и суровой костлявой женщиной, которую он помнил. Как одна могла превратиться в другую? Или они были как две половинки глобуса: костлявое лицо выплывает на свет, а веселое уходит в тень? Но теперь лишь немногие старики помнят ее юные годы; скоро ее молодость и весь ее век будут преданы забвению. «О нет, нет!» — вскричал он мысленно и впервые за всю свою жизнь испытал горе без примеси ярости или жалости к себе. Плакать он не мог, но на самой его поверхности плавал айсберг застывших слез, и он знал, что такой айсберг имеется в каждом, и задавал себе вопрос, все ли вспоминают об этом так же редко, как он.

Уронив голову на кипу нот, он заснул и проснулся через час таким бодрым, что выбросил в мусорную корзинку шприц и адреналин и сделал большой глоток медицинского спирта. Спирт подействовал как стаканчик виски, принятый в хорошей компании, но на вкус был так противен, что Тоу вылил остаток в пакет с ватой и швырнул его в огонь. В камине взметнулось изрядное пламя.

Глава 28 Работа

Через две с половиной недели Тоу стоял с мелком и измерительной рейкой на дощатом помосте, поднятом на сорок футов над полом алтаря. Делая отметки на синем своде, он громко пел:

Помощники, стоявшие ниже на лесах, а также на лестницах у стен, разразились хохотом. Они приходили на два вечера в неделю: мистер Смейл, декоратор мистер Ренни, молодой электромонтер и шестнадцатилетняя девушка, мечтавшая поступить в художественную школу. Больше всего толку было от мистера Ренни, шестидесятилетнего крепкого мужчины, посещавшего вечерние курсы художественной рекламы. Умелой рукой, с любовью и терпением, он покрывал темно-синюю арочную стену с окном изменчивым узором из серебряных завитушек. Другим досталась работа не столь тонкая, но не менее напряженная, за исключением девушки, которая боялась высоты. Большую часть времени она сидела в переднем ряду скамей и зарисовывала всех прочих за работой. Ее любили, потому что она была миловидной и готовила чай с сэндвичами.

В начале ноября потолок был так переполнен фигурами, что тонкий рисунок на стене с окнами стал

казаться скучным, и потому Тоу мелом наметил на ней валуны, огоньки и облака и приготовил новые жестянки с краской, чтобы все это изобразить. Тем же вечером, когда явились помощники, мистер Смейл забрался на помост и сказал:

— Боюсь, мистер Ренни обидится.

— Отчего?

— Он немало поработал над этой стеной. Гордился ею.

— Не удивительно. Она была прекрасна. Если бы он не воплотил так удачно мою первую идею, мне не пришла бы в голову вторая. И когда будут написаны огонь, облака и камни, четверть его воды останется на виду. Я спущусь и объясню.

Но когда Тоу сошел вниз, мистера Ренни уже не было, и он больше не вернулся. После этого перестали приходить и другие помощники. Тоу их не хватало: он любил работать в компании и болтать за чаем с сэндвичами. Но большая часть площади уже была заполнена, теперь можно было самостоятельно вносить изменения и улучшения.

Каждым утром его палитра, очищенная, с новыми красками, превосходила красотой любую картину. Карабкаясь на помост, он готов был пожалеть, что эти каплевидные пятна яркого тона (неаполитанский желтый и цвет ноготков, киноварь, и малиновый лак, изумрудный зеленый и два оттенка синего) нельзя перенести на стены в их тропической яркости. Чтобы изобразить расстояние и тяжесть, их следовало смешать и добавить белого, черного или умбры. И все же какое волшебство: свиная щетина, укрепленная на деревяшке, размазывает

по бледно-серой поверхности маслянистую коричневую грязь — и возникает линия холмов на фоне рассвета. Когда он накладывал краску, его сознание становилось простым связующим звеном между рукой, цветом, глазом и потолком. Спустившись, чтобы осмотреть работу, на пол церкви, Тоу иной раз восхищался собой, но, в болезненной страсти властвовать над чем-то столь же бранным, как и он сам, он был рад вновь вскарабкаться туда, где зрение, мысли, руки, краски, чувства и кисти складывались в набор инструментов, нужный картине, чтобы завершить себя. Часто, когда он с головой уходил в этот целомудренный труд, его посещали причудливые сексуальные фантазии. Несколько раз он мастурбировал наскоро, чтобы от них избавиться, и тогда дня два бывал свободен.

Когда он делал паузу и прислушивался, до него долетали обычно шум уличного движения и тиканье часов на башне. Иногда слышались шаги в задней части здания: залах собраний, кухнях, коридорах; по будням около полудня раздавалось приглушенное клацанье из зала, где обедали местные школьники. Единственным, кто регулярно посещал Тоу, был старый священник, который приходил по вечерам, после приема посетителей в ризнице. Он так тихо сидел на передней скамье, так спокойно и сосредоточенно наблюдал потолок, что Тоу часто о нем забывал и, заметив какой-нибудь изъян в туче, волне или животном, вскрикивал: «Ну нет, так не годится!» — потом бросал взгляд вниз и добавлял: «Прошу прощения», но священник только кивал с улыбкой. Однажды вечером, когда Тоу спустился, чтобы вымыть кисти, он сказал:

— Вы ведь не закончите работу к новогодней всеобщей?

— Простите. Вероятно, нет.

— Ох, жаль. Видите ли, люди начали жаловаться. А когда вы думаете закончить?

Тоу вздрогнул.

— Когда нужно показать церковь пресвитерии?

— Самое позднее, думаю, в июне. Но вы, конечно, управитесь раньше? Как насчет первого дня Пасхи? У вас, таким образом, будет лишних четыре месяца.

Тоу отозвался осторожно:

— О, ну к этому сроку я, наверное, успею.

— Это обещание? Могу я повторить его церковному совету?

— Да. Обещание, — мрачно кивнул Тоу.

Незадолго до Рождества, когда Тоу завтракал за престолом, вошла дама средних лет. Ее голову окружало облако непослушных седых завитков. Одета она была в белый рабочий халат. Оглядев Тоу, она скользнула глазами по росписи и вновь перевела их на Тоу. Тот поспешил к ней:

— Миссис Коултер!

— Да, Дункан?

— Что вы здесь делаете? Занимаетесь школьными обедами?

— Зарабатывать-то нужно.

— Как вы? Как Роберт?

— Вроде бы неплохо. Конечно, немного на тебя обижен. Мог бы, по крайней мере, прийти на венчание.

— Роберт женился? Я не знал.

— Приглашение тебе послали три недели назад.

— Меня не было дома. Я сейчас ночую здесь.

— Здесь?

— Там, за скамьей, лежит матрац. Как у Роберта с инженерной работой?

— Бросил уже год назад. Он пишет в Данди спортивную страничку для «Норт-Ист-курьер».

— Роберт — журналист?

— Ну да. Ему всегда нравилось писать.

— Он мне никогда не говорил!

— Не хотел. Когда ты начинаешь заноситься, Дункан, никому не удастся и слово вставить. Ну вот, «Томсон-пресс» опубликовала объявление, что ищет журналистов, он послал им свой рассказ. Не знаю почему — с инженерной работой у него все ладилось. Как бы то ни было, его приняли, и теперь он женат на одной из их конторских служащих.

— Я должен ему написать.

— Ты ему никогда не напишешь. Слишком уж занят собой. Но, наверное, именно таким людям удастся продвинуться в жизни — впрочем, по тебе не скажешь, что ты далеко пошел.

Она рассматривала покрытый пятнами халат, который Тоу надел поверх комбинезона. Этот комбинезон сшила его мать из серого армейского одеяла, и он был

очень теплый и непроницаемый для ветра. Тоу неловко произнес:

— Передайте Роберту, мне жаль, что я пропустил его свадьбу.

На кафедре не дуло и имелся электрический обогреватель для ног. В морозную погоду спать, свернувшись клубком на ее восьмиугольном полу, оказалось куда уютнее, чем вытянувшись на матрасе, и Тоу настолько привык, что оставался здесь и весной. От полых стальных поручней у него на ладонях выросли мозоли. Перед Пасхой был окончен плафон и сняты леса; теперь он пользовался лестницами, работая над большой стеной напротив органа. Однажды явился мистер Смейл и решительно спросил:

— Когда вы закончите, Дункан?

— Не знаю.

— Но как же так, вы просили три месяца, а работаете уже семь! В июне явится для осмотра пресвитерия, пора подготавливать общественное мнение!

Помолчав, Тоу отозвался:

— Через две недели можно будет позвать журналистов. Работа не будет закончена, но этого никто не заметит.

— Даете торжественное обещание?

— Да, даю, если вы так хотите.

Когда мистер Смейл ушел, Тоу спустился и хмуро оглядел высокую арочную панель. Наверху погружался в пламя феникс среди ветвей и желтых листьев дерева жизни, на ветвях которого устроились вороны, голуби, вьюрки и белки. Прямой и темный его ствол коренился в

лужайке на переднем плане и делил стену пополам. Кролики щипали первоцвет, крот копался в земле, косуля кормила своего олененка. Совершалось достаточно убийств, чтобы хищники были живы и травоядные не дремали: лиса волокла своим детенышам фазана, неясить на древе жизни держала в когтях полевку, в то время как другие полевки резвились в опавшей листве среди корней. В озерце, среди тростника и ирисов, виднелось четкое отражение нагих мужчины и женщины, обнимавшихся под гигантским древом познания. Из озера вытекала река, лососи хватали мошку, на зеленой от водорослей гальке личинки ручейника построили мозаичные башенки. Все это Тоу устраивало. Тревожил задний план, где на извилах и у дельты стремившейся к океану реки разыгрывалась история. Чем дальше продвигался его труд, тем чаще тут и там возникала яростная фигура Бога, которую нужно было удалять: Бог изгоняет Адама и Еву за то, что они научились отличать добро от зла; Бог предпочитает мясо растениям и натравливает первого земледельца на первого скотовода; Бог очищает мир водой, как грифельную доску, оставляя лишь несколько цифр, чтобы вновь начать умножение; Бог смешивает языки, чтобы выстроенная единым народом Вавилонская башня не достигла небес; Бог подстрекает людей вторгаться на чужие земли, изгонять и обращать в рабство другие народы, а тем позволяет отвечать той же монетой. Одно бедствие следовало за другим до самого горизонта, пока Тоу не вздумалось поставить им предел в виде холма и виселицы, где пожелал быть повешенным за свои преступления Бог, когда преисполнясь отвращения к собственной жестокости, попытался внести в мир божественную милость. Смешно было думать, что

смертного приговора он добился тем, что призыв людей любить и не обижать друг друга. Тоу вслух застонал.

— Мне не доставляет удовольствия тебя позорить, но прикрашивать факты я отказываюсь. В общем и целом я восхищаюсь твоим трудом. Не жалею даже на ледниковые эпохи, сделавшие моих предков плотоядными. Меня удивляет, как ты обратил плодovitость в бедствие и потери восполнил еще большей плодovitостью. Если бы ты был хлопотливым навозным жуком, который выталкивает солнце из-за горизонта, если бы у тебя была соколиная голова или рога и ноги козла, я понял и посочувствовал. Если бы ты возглавлял бурную сходку греческих вождей, я бы посочувствовал. Но в твоей книге сказано, что ты человек, единственный совершенный человек, а мы твои несовершенные копии. А затем ты имел глупость вмешаться в действие и показать себя с самой дурной стороны. Ты не получил домашнего воспитания. Мало кто так безобразно, как ты, обращается со своими детьми. Почему ты не дал мне оформить железнодорожную станцию? Это была бы незамысловатая роспись, прославляющая Стивенсона, Телфорда, Брунеля и четверть миллиона ирландских чернорабочих. Но вот я здесь, в бедной провинции умирающей империи, в здании, будущее которого сомнительно, средствами устаревшего искусства иллюстрирую твою скомпрометированную первую главу. Только чудо моего таланта не дает мне впасть в уныние, но при этом мою кисть тормозит теология, этот ублюдох среди наук. Позволь напомнить, что картина — это прежде всего поверхность, на которой в определенном порядке расположены красочные пятна. В этой росписи слишком много синего, и я бы не стал добавлять сюда птиц. Не

помешает еще облако — грозовая туча над Синаем, в форме колесницы, на которой стоишь ты, в строгом черном, строгий пресвитерианин. Если я сделаю тебя маленьким, мистер Смейл, возможно, тебя и не заметит, а композиция не требует здесь крупной фигуры.

Через два дня он получил телеграмму:

Здание школы выглядело, как никогда, непрочным; на пороге старой студии остальные студенты встретили Тоу ироническими приветствиями. Мистер Уотт, пробормотав: «Лучше поздно, чем никогда, Тоу», вручил ему бумагу с указанием нарисовать декоративную панель для столовой роскошного лайнера. Он взял древесноволокнистую плиту и половину утра изображал на ней тритона и сирену, которые нацеливались ножом и вилок в хвосты друг друга, а потом заявил:

— Вот все, на что я способен, мистер Уотт. А теперь мне пора в церковь.

— Погоди минутку! На этот экзамен вам дается полтора месяца. Им определяется половина оценки диплома.

— Знаю, сэр. Простите, но я должен вернуться в Каулэр. Видите ли...

— Ты не вернешься в Каулэр. Ты пойдешь сейчас со мной к секретарю.

Минут десять-пятнадцать Тоу стоял под дверью конторы и был впущен — непривычная формальность — помощницей секретаря. Мистер Пил и мистер Уотт сидели по одну сторону длинного стола, напротив, в

большом отдалении, стоял одинокий стул. Тоу опустился на него, и несколько секунд в комнате царила грозная, как в трибунале, тишина. На лицах обоих визави было написано столь глубокое неодобрение, что Тоу инстинктивно расфокусировал взгляд, сделав картинку нечеткой. Наконец секретарь произнес:

— Нет ли у тебя. Тоу, жалоб на плохое обращение с тобой в этой школе?

— Никаких. Со мной обращались очень хорошо.

— Верно. И все же ты пренебрег нашим советом, отвергал наш авторитет и вынудил нас ладно бы отступить от правил или нет, изобрести новые правила, только бы избежать твоего отчисления. Конечно, мы учитывали состояние твоего здоровья — я говорю не только о здоровье физическом.

Наступила тишина, и Тоу вставил:

— Спасибо, сэр.

— Поступая сюда, ты подписал бланк заявления о приеме. Это заявление есть не что иное, как договор — договор, который ты возобновлял в начале каждого учебного года. На договорах держится общество, Тоу. Власть, бизнес, индустрия — все это результат того, что люди берут на себя обязательства и работают, чтобы их выполнить. В обмен на постоянный денежный грант ты обещал готовиться к получению диплома живописи от Шотландского департамента образования. Эта школа существует, чтобы давать такие дипломы. По словам мистера Уотта, ты отказался выполнять экзаменационную работу.

— Но я ее сделал.

Мистер Уотт спросил:

— Что станут думать об экзамене другие студенты, если тебя пропустят на основании работы, выполненной за полдня?

— Мистер Уотт, я понимаю, что экзамены в школе нужны, и согласен, что многие студенты стараются исключительно ради бумажных свитков с печатной надписью от властей. И, мистер Пил, меня глубоко затронули ваши слова в защиту договоров и обязательств, потому что, если их не соблюдать, у нас наступит анархия. Я не отрицаю вашу правду, я только противопоставляю ей свою. Этот экзамен ставит под удар важную работу. Было бы непростительной профанацией моего таланта расходовать его на легковесные украшения для несуществующего лайнера. Но я понимаю ваши затруднения. Вы должны заботиться о художественной школе, в то время как я забочусь о искусстве. Решение простое. Не выдавайте мне этот диплом. Обещаю не протестовать. Пользы от диплома никакой, разве что тем, кто собирается заниматься преподаванием.

Тоу подался вперед, чтобы уловить в глазах секретаря огонек удовлетворения и согласия, но увидел, что лицо его съежилось и пошло морщинами, и, охваченный чувством одиночества, откинулся назад. Секретарь проговорил:

— С подобной интеллектуальной заносчивостью я сталкиваюсь впервые в жизни. Уж и не помню, когда в последний раз мне было так скверно на душе. Сидишь как ни в чем не бывало, объясняешь, что черное — это белое, и ждешь моего согласия. Не знаю, какой тебе дать совет, но скажу вот что: если ты сию же минуту не

вернешься к экзаменационной работе, твоя связь с художественной школой прерывается сегодня и навсегда.

Тоу кивнул и, едва помня себя, вышел из конторы, отправился наверх, в студию, пытаюсь думать о забавных пустячках, которыми можно было бы заполнить задний план экзаменационной панели. Он все замедлял и замедлял шаги, потом остановился и повернул назад. По пути вниз он встретил подымавшегося мистера Уотта. Они сделали вид, что не замечают друг друга.

На следующий день в церковь вошел его отец и крикнул:

— Спускайся, Дункан, и прочти это!

Тоу обтер кисть и спустился.

— Прочти это, — распорядился мистер Тоу, негнущейся рукой протягивая письмо.

— Нет необходимости.

— Черт возьми, читай!

— Нет. Оно от мистера Пила, с объяснением, почему меня отчислили.

— Боже, ты загубил свою жизнь.

— Рано делать выводы.

— На что ты собираешься дальше жить?

— У меня еще сохранился остаток гранта. И священник говорит, когда роспись будет готова, прихожане, быть может устроят для меня сбор.

— Сколько же тебе достанется? Двадцать фунтов? Четырнадцать? Восемь?

— Я сделаюсь известным, отец. Мне станут заказывать новые работы, платные, в кафе и пабах. Плафон готов. Что ты нем думаешь?

— Я не сужу о живописи, Дункан! Полагаюсь на мнение специалистов. А ты со своими специалистами расплевался.

— Ценны только два мнения: твое и мое, других специалистов тут нет. Пожалуйста, посмотри мой плафон! Тебе не нравится? Взгляни на ежика! Я скопировал его с сигаретной карточки, которую ты вложил мне в альбом, когда мне было пять. Помнишь? «Дикие животные Британии» Уилла? Так и просился в этот угол. Неужели не нравится?

Мистер Тоу сел на угол престола и спросил:

— Сынок, когда я буду сам себе хозяин?

Тоу был ошеломлен.

— Сам себе хозяин? — повторил он.

— Да. Когда я смогу жить так, как мне хочется? Мне совсем не по вкусу работать в городе счетоводом. Этим летом я собирался устроиться на работу в Ассоциацию молодежных турбаз Шотландии или в Кемпинг-клуб. Платят гроши, но я мог бы вволю ходить пешком, карабкаться в горы и общаться с теми, кто мне по душе. Мне вот-вот стукнет шестьдесят, но здоровье, слава богу, в порядке. Я ждал, что ты получишь работу в художественной школе. Четыре года назад Пил заверил меня, что это не исключено. Но ты предпочел стать социальным инвалидом. То ли дело Рут! Она живет независимо.

— Я тоже живу независимо. Если я недавно питался за твой счет и жил под твоим кровом, то это потому, что я был болен, — угрюмо буркнул Тоу.

Он расстроился, поскольку никак не ожидал, что его отец станет зарабатывать себе на жизнь любимым занятием.

— Сынок, я совсем не против помогать тебе, — мягко проговорил мистер Тоу. — Послушай, я собираюсь еще по крайней мере год платить аренду за дом, хотя я там не живу. Мы двое можем использовать его как базу, отправную точку. Конечно, я предпочел бы, чтобы ты сам оплачивал свои счета за электричество.

— Это справедливо.

— И еще одно. С твоего младенчества я ежемесячно уплачивал какие-то гроши за пару страховых полисов для тебя. Пришло время, чтобы ты делал это сам. Продолжай платить и, когда тебе исполнится шестьдесят, будешь получать пять фунтов в неделю. Конечно, если ты продашь их прямо сейчас, тебе дадут меньше пятидесяти фунтов. Тебе решать.

— Спасибо, отец.

Тоу улыбнулся краешком рта. Он не лгал, говоря, что у него сохранились остатки гранта, но это были несколько шиллингов.

Через неделю явилась группа, в том числе мистер Смейл и священник. Мистер Смейл весело проговорил:

— Пришла юная леди, Дункан, которая желает с вами побеседовать.

Тоу спустился с лестницы. В соседстве с высоким мужчиной с дорогой фотокамерой, леди выглядела

крошкой. В ее внешности и одежде замечалась некоторая небрежность, но не сразу — уж очень уверенно она двигалась и часто улыбалась. Протягивая руку, она представилась:

— Пегги Байрез из «Ивнинг ньюс».

Тоу рассмеялся:

— Вы собираетесь сделать меня знаменитым? Шесть или семь минут он рассказывал о плафоне. Журналистка взглянула на него, нацарапала что-то в блокноте и спросила:

— Вы из религиозной семьи, Дункан?

— Нет-нет. Меня не крестили.

— Тогда почему вы так религиозны?

— Я не религиозен. Никогда не бываю на службах. В воскресенье у меня выходной день.

— А почему вы бесплатно делаете роспись на религиозный сюжет?

— Профессиональные амбиции. В Ветхом Завете имеется все, что может изобразить живописец: каких там только нет пейзажей, персонажей, снов, приключений, историй! Новый Завет более однообразен. Его я не так люблю.

— Взгляните на этих кроликов у озера, мисс Байрез, — вмешался мистер Смейл. — Прямо-таки слышишь, как они жуют.

Журналистка осмотрела стену с Эдемом.

— Кто там, с ящерицей у ног, прячется за кустом ежевики?

— Бог. — Тоу бросил беспокойный взгляд на священника и мистера Смейла. — Ящерица — это та же змея, у нее только нужно убрать ноги. Бог стоит к нам спиной — его лица невидно.

— Но то, что мы видим, выглядит очень... выглядит довольно...

— Загадочно, — подсказал Тоу. — Он не просто наблюдает, как Адам и Ева занимаются любовью; ему открываются последующее изгнание и река кровавой истории, вплоть до войн апокалипсиса. В недавнее время мы были свидетелями множества этих войн. Он видит и дальний лес, видит город, предсказанный святым Иоанном, Данте и Марксом. Я не читал Маркса, но...

— Птички на древе жизни поразительно тонко исполнены, не правда ли, мисс Байрез? — заговорил стоявший поодаль мистер Смейл.

— Но почему Адам — негр?

— Он, собственно, скорее красный, чем черный, — пробормотал священник, — имя «Адам» происходит от еврейского слова, которое означает «красная земля».

— Но Ева белая!

— Жемчужно-розовая, — сказал Тоу. — Мне говорили, будто у любящих в отдельные моменты возникает чувство, что они едины. Контур передает единство, а цвета подчеркивают разницу. Старый прием. Им пользовался Рубенс.

— Еву вы рисовали с натуры?

— Да.

— С вашей подружки? — Журналистка лукаво улыбнулась.

— Нет, с приятельницы одного моего приятеля, — отозвался Тоу, моделью которому послужила Джанет Уир. Он хмуро добавил: — Большинство девушек охотно соглашаются позировать голыми живописцу — стоит только предложить.

Журналистка похлопала себя по губам карандашом и спросила:

— Что для вас жизнь — трагедия или скорее шутка?

Тоу рассмеялся:

— Это с какой стороны посмотреть.

— А чем вы займетесь, когда окончите эту работу?

— Надеюсь, у меня будут заказы на стенные росписи. Мне понадобятся деньги.

— Вам понравились картины, мисс Байрез? — спросил мистер Смейл.

— Боюсь, на роль критика я не пригодна. У «Ивнинг ньюс» нет в штате искусствоведа. Дункан, не будете ли вы так добры взобраться вверх и на минуточку сделать вид, что пишете Адама и Еву? Как бы то ни было, мы вас сфотографируем.

В субботу он купил газету и нетерпеливо поднялся с нею на кафедру. Заметка начиналась так:

От ужаса Тоу зажмурился. Потом открыл глаза и быстро пробежал конец статьи.

Тоу чувствовал себя так, словно наглотался ядов, словно из него выпустили половину крови. Он сидел неподвижно, пока не вошел священник и не спросил:

— Вы читали?..

— Да.

— Беда. Просто беда.

— Уверен, она так написала по злобе.

— Нет, не думаю. Когда я был капелланом в тюрьме Барлинни, мне приходилось часто иметь дело с репортерами; в среднем они не хуже других людей. Но, чтобы не потерять работу, им приходится писать занимательно, поэтому все у них выходит либо смешным, либо чудовищным. Если придут еще репортеры, мой вам, Дункан, совет: не рассказывайте им, что вы чувствуете или во что верите.

Тем же вечером явился журналист, пригласил Тоу выпить в пабе и признался, что и сам мечтал стать художником, но этому воспротивился его дядя. Тоу попросил:

— Пожалуйста, расскажите читателям, что я не атеист, у меня есть собственное представление о Боге, но оно не расходится со взглядами церкви, на которую я работаю.

Заметка появилась двумя днями позже под заглавием:

Впоследствии Тоу заметил, что журналисты не интересуются его мыслями, хотя они спрашивали его, каково это спать одному в огромном здании, и все фотографировали Адама и Еву. Единственным исключением был высокий мужчина в красивом костюме из «Глазго геральд». Он просидел полчаса на передней скамье, глядя на плафон, потом пересел на стул у органа и принялся рассматривать стену с Эдемом. Наконец он проговорил:

— Мне это нравится.

— Я рад.

— Разумеется, критиковать это — задача почти невыполнимая. Это не кубизм, не экспрессионизм, не сюрреализм, это не академический стиль, не натурализм и даже не примитивизм. Чутьочку похоже на Пюи де Шаванна, но кто сейчас помнит Пюи де Шаванна? Боюсь, вам предстоит поплатиться за то, что вы не вписываетесь в основные направления развития.

— То же относится к лучшим британским художникам.

— Да?

— Хогарт. Блейк. Тернер. Спенсер. Барра.

— О, вам они нравятся? Тернер, конечно, хорош. Его подход к колориту предвосхищает Одилона Редона и Джексона Поллока. Ладно, я для вас постараюсь, хотя неделя выдалась, как никогда, загруженная. Школы

Глазго и Эдинбурга организуют выставки дипломных работ, так что времени у меня в обрез.

В конце статьи о других людях «Гералд» написал следующее:

Газеты внушили ему отвращение к его работе. Месяцам он старался придать каждому образу максимум ясности и гармонии, не помещая на картину ничего, что не находил красивым и волнующим. Он понимал, что в репортажах всегда все упрощается и искажается, но чувствовал также, что и самый неверный репортаж дает все же некоторое представление о предмете, а его работа не породила ничего, кроме бесполезной болтовни. Он лежал, свернувшись клубком, на полу кафедры и до полудня то дремал, то просыпался, потом поднялся на ноги и, покусывая сустав большого пальца, стал глядеть на незаконченную стену. Теперь он не видел ничего, кроме запутанных очертаний. Громко хлопнув дверью и топая, вошли Макалпин и Драммонд, за ними Макбет. Тоу следил за приятелями удивленно и с интересом.

— Мы пришли, — начал Драммонд, — так как прочли в газетах, что ты каждый день устраиваешь службы, во время которых белые женщины насилуют негров.

— Сам понимаешь, мы самую малость приняли на грудь, — проговорил Макалпин.

— Офигеть, — сказал Драммонд.

— Чудеса, да и только, — сказал Макалпин.

— Да уж, — сказал Драммонд.

Они принялись гоняться по церкви, вдоль рядов скамей, зигзагом по нефу, вверху по галерее, останавливаясь, чтобы осмотреть роспись с новой точки, и окликая друг друга.

— Отсюда целиком видна стена с окнами.

— Боже правый, да здесь ныряльщик.

— На дерево лучше всего смотреть сверху.

— Но я вижу навозного жука, а ты не видишь.

Макбет тяжело опустился рядом с Тоу:

— Они получили дипломы. Им хорошо смеяться.

Наконец они сошли вниз, и Драммонд произнес серьезно:

— Все в порядке, Дункан, тебе не о чем беспокоиться.

— Тебе понравилось?

— Мы завидуем, — сказал Макалпин. — Я во всяком случае. Пошли выпьем.

— С удовольствием! Куда?

— Не забывайте, у меня всего полкроны, — напомнил Драммонд.

— У меня двадцать шесть фунтов, — сказал Тоу. — Но на них нужно жить до следующего заказа.

Драммонд сказал:

— Это явно ночь «Вина шестьдесят четыре».

— Что за «Вино шестьдесят четыре»?

— Ему должно исполниться шестьдесят четыре дня, раньше нельзя пить ни капли, но стоит оно всего четыре пенса за стакан. Оно такое крепкое, что я его пью только раз в году. Боюсь за свое здоровье. Торгует им только паб на Гроув-стрит, но с нами будет все в порядке, потому что нас трое.

— Четверо. — Макбет решительно поднялся на ноги.

Скользящие закатные лучи мешались с потоками дождя, такого теплого, что никто и не думал от него прятаться. Драммонд повел приятелей вокруг Сайтхиллского кладбища, через футбольные поля и вверх по кучам шлака, прозванным Джековой горой. С вершины они увидели озеро в кайме желтой пены, прозванное Вонючим океаном, сошли к подножию у скотобойни за электростанцией Пинкстон, двинулись по дороге вдоль канала, между таможенных складов, пересекли Гарскьюб-роуд и добрались наконец до паба. Посетители сидели на скамьях вдоль стен, глядя друг на друга через узкий проход, как в поезде. Все это были люди за сорок, в мятой одежде и с мятыми лицами. Соседка Тоу, пожилая дама, заметила спокойно:

— Все они дети Божьи, сынок.

Он кивнул.

— И он всех нас любит.

Тоу нахмурился. Она проговорила:

— Ничего нет страшного в том, чтобы обменяться парой слов со старухой, сынок.

— Я не боюсь. Просто задумался о том, что вы сказали.

Она взяла его за руку:

— Послушай, сынок, Господь был самым смиренным из всех людей, ступавших по земле. Ему было все равно, кто вы и что делаете, он просто сажился рядом, пил с тобой и любил тебя.

Тоу удивился. Он воображал себе Творца щедрым хозяином с переменчивым настроением, но не дружелюбным гостем, равным тебе, однако вера старухи была испытана более долгой жизнью, чем его вера, поэтому он спросил мягко:

— Он пил с вами?

Она кивнула, улыбнулась, глядя на стакан хереса на столе перед собой, и сжала ладонь Тоу.

— Да, пил, потому что это веселит сердце. Я читала «Санди пост», заметку одного доктора, который писал, что куча людей мрет от выпивки, но еще больше от забот. Теперь я могу приходить сюда вечером в субботу и выпивать полстаканчика или стаканчик; я слушаю разговоры и чувствую, что люблю всех и каждого, кто здесь есть.

Макбет наклонился к ней:

— Если Господь любит нас, почему нам так трудно приходится?

Он улыбнулся, словно бы насмешничал, но старуха не обиделась; она не только потянулась к его руке, но и погладила его по волосам.

— Потому что мы не любим Бога, мы над ним смеемся, ни во что его не ставим. Но он все равно любит нас, как бы мы ни поступали.

— Даже если мы убиваем себе подобных?

— Даже если убиваем.

— Даже если ты коммунист?

— Неважно, кто ты есть. Когда Бог встречает тебя у жемчужных врат и спрашивает, кто ты, и ты говоришь: «Господи, прости», ответ будет: «Входи. Добро пожаловать».

Тоу никогда прежде не встречал набожного человека, который бы думал, что любовь Господа так просто заслужить. Он спросил отрывисто:

— Что, если ты не можешь простить сам себя?

Старуха не поняла вопроса, и он повторил.

— Конечно, самого себя простить нельзя! Только Бог может простить человека.

— Скажите-ка вот что, — поинтересовался Макбет. — Вы католичка?

— Я из Ирландии — и я ирландка с головы до ног.

— Но вы католичка?

— Неважно, кто ты есть...

Тоу пригубил «Вино-64», по вкусу похожее на земляничный джем, разведенный водой. Когда Макбет, заговорив, подался вперед, он оставил просвет, в который было видно Макалпина. Тоу заметил ему спокойно:

— Я сегодня ушел из церкви, чтобы полностью сменить обстановку, и первый незнакомый человек, кого я встречаю, — почитательница Господа.

— Ах! — весело воскликнул Макалпин и отставил стакан. — Рассказать тебе о Боге? У меня сегодня необычно ясная голова.

За ним худой мужчина обсуждал с Драммондом возможность еще при жизни продать свое тело для медицинских исследований. Тоу спросил:

— А это долго?

— Конечно нет. Бог, видишь ли, это слово. Им обозначается все, о чем молчат, когда говорят: «Я думаю». Согласно закону обратного исключения Пропера — который позволяет блохе, заключенной в спичечном коробке, объявить себя тюремщиком Вселенной, — каждое отдельное «Я думаю» обладает сокровенным знанием поверхности того, что им не является. Но поскольку каждый, кто мыслит, отражает свою, отличную от других поверхность того, что им не является, и поскольку Бог — это слово, которым мы обозначаем целое, отсюда следует, что наша договоренность относительно Бога основана на недоразумении.

— Ты лжец! — выкрикнул Макбет, уловивший часть его речи. — Старая женщина права. Бог — это не слово, Бог — человек! Я распял его собственными руками!

Макалпин вмешался примирительным тоном:

— С тех пор как капиталистический дух соперничества отрезал нас от коллективного бессознательного, все мы более или менее распяты.

— Только не говори мне о распятии, — проворчал Макбет. — Что может знать о распятии обладатель диплома? Год назад один приятель мне сказал: «Джимми, если ты будешь продолжать в том же духе, тебя ждет

конец в сточной канаве, в сумасшедшем доме или в Клайде». С тех пор я побывал во всех трех местах.

Макалпин поднял указательный палец.

— Для чувствительного интеллигента вроде меня неправильная нота в квартете Бетховена такая же крестная мука, как для тебя пинок в зад или падение с висячего моста над Клайд-стрит.

— Воображаешь себя до черта умным, так?

Тем временем пожилая дама поднялась на ноги и стала обмениваться со всеми рукопожатиями. Когда она дошла до Драммонда, тот ухмыльнулся и на удивление мелодично пропел:

Несколько человек к нему присоединились, другие засмеялись, некоторые с хмурым видом что-то забормотали. Старая дама ласково погладила Драммонда по голове и сказала, что он похож на Христа; потом назвала себя Молли О'Мэлли и пустилась танцевать в узком проходе джигу. «Бог любит тебя, мой мальчик! Бог любит тебя, мой славненький мальчик!»

— Решил приударить за старухой? — спросил старик, сидевший недалеко.

— Я? Нет!

— Ерунда. Я в твоём возрасте трахал все, что шевелится. Приблизился плотный бармен и заявил твердо:

— Ладно, парни, повеселились, и хватит.

— Повеселились? — взъярился Макбет. — О чем это вы? Но их выпроводили.

Снаружи задувал холодный ветер, небо зажглось зеленью и золотом медленного летнего заката. Драммонд сказал, что ему известно об одной вечеринке, и повел их по Линдох-стрит, вверх по склону, который обычно бывал пологим, а в тот вечер казался почти отвесным. Чтобы не упасть, они цеплялись друг за друга; только Макбет удалился от них по боковой улочке. Вечеринка происходила в большом, нарядно обставленном доме, и Тоу был обескуражен, посмотрев на других гостей. Они были его ровесниками, но одеждой и разговорами походили на взрослых людей, ежемесячно получающих жалованье. Он забился в уголок в тускло освещенной комнате, где под звуки патефона крутились парочки. Вдруг какая-то женщина в черном громко проговорила:

— Благие небеса, никак это ты, Дункан? Не потанцуешь ли со мной?

Они пошли танцевать, и он, как зачарованный, пожирал глазами ее белокурые волосы и обнаженные плечи. Она захихикала.

— Ты меня не помнишь, а должен бы. Я та девушка, с которой ты танцевал в первый раз в жизни. Самый, самый первый.

Он благодарно осклабился:

— Очень рад.

— Помнишь, с чем ты меня тогда сравнил?

— С мрамором и медом.

— Я по-прежнему похожа на мрамор и мед?

— Да.

— Какое облегчение! Видишь ли, в следующем месяце выхожу замуж за одного адвоката. Он очень богатый и сексуальный — чего еще может желать женщина? — Она держалась напряженно и в то же время весело, и ему это было непонятно. — Я ужасная женщина, Дункан. У меня до сих пор четыре или пять поклонников, и я их сталкиваю лбами, а сейчас я положила глаз вон на ту женщину, которая разговаривает с Эйткеном. Тебе когда-нибудь нравился мужчина?

— Обниматься не хотелось.

Ее голова лежала у Тоу на плече, руками он сжимал ее ягодицы.

— Кончай лапать меня, Дункан.

— Прости, — сказал он и отошел к столу с напитками, наполнил стакан виски и проглотил залпом, как лекарство.

Ужасно невкусно. В самом его нутре звучали слова: «Кончай лапать меня, Дункан». Он не мог их вынести, но они сидели в его нутре. Он наполнил стакан хересом и опрокинул — уже вкуснее; потом стакан джина — много хуже; потом отправился наверх, в туалет.

Когда он вошел, комната заметно вращалась. Он закрыл глаза и ощутил падение, как при аварии самолета. Привалился к стене, потом сполз на пол. Обнял унитаз и лежал, дрожа и желая потерять

сознание. Когда он открывал глаза, комната вращалась, когда закрывал, она падала. Раздался стук и крики: «Откройте дверь!» — но он простонал: «Подите прочь, мне холодно», и через некоторое время голоса смолкли. Позже послышалось такое странное царапанье и постукивание, что он выпрямился. Стук сопровождался слабыми криками: «Впустите!» — и порывами ветра. В темном стекле окна появилось искаженное гримасой белое лицо, и Тоу охватил суеверный страх: он вспомнил, что туалет находится на третьем или четвертом этаже. Наконец он подполз к окну, дотянулся до него рукой и поднял шпингалет. Окно распахнулось внутрь, и в комнату, в брызгах дождя, выпрыгнул Драммонд. Со словами «Не пугайся, Дункан» он губкой обтер Тоу лицо и рубашку. Тоу сказал:

— Мне холодно, оставь меня в покое.

Двое незнакомцев помогли ему спуститься по лестнице в пустом доме. Открылась дверь, и его ввели в темный сарай с бетонным полом. Он завопил:

— Не хочу сюда, здесь холодно!

Его уложили на холодную кожаную софу, хлопнули двери, и какой-то голос спросил:

— Где вы живете?

— Каулэрская приходская церковь.

— Бога ради, где он живет?

Другой голос назвал адрес на Камбернолд-роуд, софа задрожала и понеслась. Стало ясно, что это часть автомобиля, и, когда тот остановился у подворотни в Риддри, Тоу сумел самостоятельно выйти и подняться по лестнице. К счастью, его отец там больше не жил.

Через неделю он настолько восстановил свое самоуважение, что вернулся в церковь. Роспись предстала перед ним в совершенно новом свете. Он крякнул и подпрыгнул, принялся рассматривать ее под разными углами; в голове его вспыхивали новые идеи. Он принялся накладывать краски на палитру, и тут вошел священник.

— Вы устроили себе отпуск, Дункан. Это хорошо. Вам нужно было отдохнуть... Боюсь, я принес плохие новости. Тут побывала пресвитерия Глазго, и... они видели это и не то чтобы очень обрадовались. Конечно, отзывы прессы были не слишком хороши, и цвет кожи Адама несколько неожиданный. Я сказал, что его можно поменять, но им не нравится сам принцип. Боюсь, церковь мы все-таки потеряем.

От злости по жилам Тоу побежал адреналин. Он приставил лестницу к стене и спросил:

— Когда?

— Месяцев через шесть или семь. В начале нового года.

— По крайней мере, у меня будет время закончить роспись. — Тоу стал подниматься по лестнице.

— Простите, работу придется остановить.

— Почему? — Тоу широко раскрыл глаза.

— Поступают жалобы от прихожан. Все эти лестницы, банки и капли краски на полу отвлекают их от молитвы. Церковный совет постановил прекратить работу. Даже мистер Смейл присоединился, а уж поддерживал вас, как никто другой.

— Когда?

— В следующее воскресенье.

В воскресенье священник пришел за час до начала службы и сказал:

— Что ж, Дункан.

Тоу спустился, едва передвигая ноги: он проработал всю ночь.

— Я сделал все, что смог за это время.

— Выглядит прекрасно.

— Если кто-нибудь спросит, что это за пятна, скажите, что здесь должно было быть стадо коров.

— О, никто не спросит. На вид все замечательно.

— А если скажут, небо, мол, перегружено, скажите, что я собирался его упростить.

— Все очень красиво, Дункан, но это бы продолжалось целую вечность. Целую вечность.

— А если скажут, что события на заднем плане отвлекают от простых фигур на переднем, скажите, что я и сам начал это замечать, но это мой первый опыт, я ни разу не видел, как работает художник-монументалист, я бы научился по ходу дела. Скажите, мне было не по карману нанять помощников.

Священник поколебался, а потом заявил твердо:

— Заканчивайте роспись, когда вам вздумается, Дункан. Не обращайтесь на них внимания. Работайте сколько вам будет угодно.

— О! — выдохнул Тоу и от облегчения расплакался. Священник похлопал его по плечу и ласково добавил:

— Валяйте дальше, а на них не обращайтесь
внимания.

Глава 29 Выход

Больше Тоу не мог просить, чтобы церковь оплачивала материалы. Когда у него осталось всего десять фунтов, он понял, что, истратив их, окажется в отчаянном положении; с другой стороны, если он выживет, не трогая эти деньги, то будет, вероятно, жить вечно. Запах вареной капусты, донесшийся из глубин здания, натолкнул его на идею. Вскоре после полудня он вышел в переулок за церковью, где стояли мусорные баки, и нашел вываленные остатки школьных обедов. Он стал ходить туда с тарелкой и подбирать куски хлеба и баранины, комья слипшихся макарон и клецок. Однажды он услышал крик: «Дункан Тоу!» — и встретил обвиняющий взгляд миссис Коултер. Он принялся оправдываться:

— Я не ворую. Это никому не нужно.

— Вам должно быть стыдно, такой воспитанный мальчик!

С горкой еды на тарелке он поплелся за миссис Коултер, но на следующий день она принесла в церковь большую миску с крышкой и со словами «Твой обед» поставила на краешек скамьи.

Он отозвался раздраженно:

— Не нужно этого делать, миссис Коултер.

Она фыркнула и вышла, но то же повторилось и в следующие дни недели, за исключением пятницы, когда она оставила две миски. Однажды вечером пришел декоратор, мистер Ренни, и спросил коротко:

— Вам по-прежнему нужна помощь?

— Больше, чем раньше.

— Хорошо. Я стану приходить по вечерам два раза в неделю.

Он начал натягивать на себя комбинезон, а Тоу, у которого в последнее время глаза были на мокром месте, удалился в укромный уголок церкви. Вернувшись, он спросил:

— Видите мое древо жизни, мистер Ренни? Оно большое, красивое и стоит не там, где надо. Чересчур по центру. Нужно сдвинуть его на два с четвертью дюйма влево, с плодами, птицами, белками и прочим. Понимаете почему?

— Не спрашивайте меня почему, просто покажите, как это сделать.

— Хорошо, мистер Ренни. Простите мою суетливую болтовню — я боюсь, что вы исчезнете. И не могли бы вы снова на несколько дней одолжить мне леса? Я хочу вернуться к плафону.

— Священнику это не понравится.

— Всего на несколько дней.

Помощь мистера Ренни, приходившего всего на шесть часов в неделю, была настолько кстати, что Тоу приятно было говорить с ним, даже когда он отсутствовал.

— Мы ведь работаем не на краю вселенной, а, мистер Ренни? Нет-нет, Каулэр — район исторический. В кинотеатре дальше по дороге имеется гранитная плита — в стене над заткнутым фонтанчиком для питья. Когда-то, должно быть, она лежала плашмя: надпись говорит, что под ней покоится Джеймс Нисбет, который принял

мученическую кончину в тысяча шестьсот восемьдесят четвертом году, в этих местах. Наверное, здесь тогда была дикая местность, поросшая вереском. Его расстреляли правительственные войска за то, что он молился не по молитвеннику, а сочинял слова на ходу. Злодеяние? Нет, вопрос закона и порядка. Человек, который отказывается пользоваться надлежащим образом одобренным молитвенником, может угрожать властям, молясь Богу об их смене. И вот, пиф-паф, всего хорошего, Джимми Нисбет. Но через четыре года явилась другая группа политиков, которая решила, что Шотландией вполне можно управлять и без молитвенников. Войска перестали преследовать пресвитериан, которые не желали молиться по молитвеннику, и вновь взялись за католиков, которые молились по латинским молитвенникам. И на месте нынешнего кинотеатра «Казино» (в следующем году его собираются переделать в зал бинго) кости Нисбета накрыли плитой, а на ней вырезали плохонькие стишки, которые заканчиваются вдохновенным вопросом:

Свободны ли мы, мистер Ренни? Конечно, свободны. Мы создаем собственную модель вселенной, и никто не налагает на нас за это проклятия...

Да, мистер Ренни, для мученичества места куда как хватает. Неподалеку на кладбище имеется памятник Бэрду, Харди и Уилсону, ткачам, которые в тысяча восемьсот двадцатом году едва не свергли британское правительство. Положение властей в то время было очень неустойчивым. Незадолго до этого была одержана

победа в большой войне, и в стране появилось множество безработных. Механизация обогащала классы собственников, а бедных делала еще беднее — в особенности ткачей. В городах с ткацким производством возникла тайная организация, она планировала призвать к всеобщей забастовке, поубивать министров, напасть на казармы и установить всеобщее избирательное право. Ловко, да? Детали восстания были выработаны по большей части правительственными агентами и на заре великого дня им пришлось потрудиться, чтобы сдвинуть всех с места. Как бы то ни было, в деревнях Стратхейвел и Беллсхилл нашлись энтузиасты, выступившие с красными флагами. Четверо из них водрузили один из этих флагов на Кэткин-Брэс, а потом отправились домой пить чай, так как было ясно, что ничего больше не происходит. И вот Бэрд, Харди и Уилсон были арестованы, осуждены и повешены, и кровавый прилив революции отступил. Далее, в один прекрасный день до правительства дошло, что можно дать право голоса едва ли не каждому и при этом не потерять власть. Безработным помогли перебраться в Канаду, Австралию, Азию и Африку, где они стали жить припеваючи, захватывая землю у туземцев. Британия сделалась империей, все затем зажили счастливо, и в честь Бэрда, Харди и Уилсона, умерших за нашу свободу, был воздвигнут монумент. Но не подумайте, мистер Ренни, что этот пламенный радикализм сделал нас менее религиозными. В Глазго до сих пор полно церквей, построенных за последнее столетие. Половину из них приспособили под склады. Может, мы с вами расписываем самое нарядное в Соединенном Королевстве хранилище велосипедов и телевизионного оборудования.

Позднее он сказал:

— Простите, мистер Ренни, я в это не верю. Я думаю, эту церковь снесут, но прежде нужно довести роспись до совершенства. Когда вещь совершенна, она вечна. Пусть она потом будет уничтожена или постепенно разрушится сама, но ее совершенство сохраняется в прошлом, а прошлое — единственная неизменная часть вселенной. Ни одна власть, ни одна сила, ни один бог не сделает существовавшее несуществовавшим. Прошлое вечно, и каждый день в него падают наши неудачи: разладившиеся любовные связи, нелады в семьях, дети, к которым мы не были добры. Давайте мы с вами, мистер Ренни, сделаем подарок вечности — вещь законченную, совершенную, гармоничную и абсолютно безобидную; вещь, от начала и до конца созданную сознательными, любовными стараниями; вещь, не имеющую ничего общего с орудиями разрушения, вещь, которую не продадут ради собственной выгоды какие-нибудь озабоченные благом общества бизнесмены. И вспомните, мистер Ренни, мы не делаем ничего принципиально нового. В течение пяти или шести тысячелетий египетские, этрусские и китайские художники помещали свои лучшие творения в гробницы, которые никогда не вскрывались. У древних греков и римлян было не меньше Леонардо, Рембрандтов и Сезаннов, чем у нас, но за исключением нескольких квадратных ярдов в Помпее вся их стенная живопись обратилась в прах. Мне не жалко. Слишком много существует цветных фотографий Великого Искусства Прошлого. Не будь цветных репродукций, у искусства середины двадцатого века не было бы причин вообще называть себя искусством... и не будь нас с вами, мистер Ренни.

— Бросьте этот покровительственный тон, — прозвучали слова.

Тоу дернулся и уронил кисть: было уже три часа ночи. Слабо засмеявшись, он начал спускаться по лестнице.

— Никогда больше не буду разговаривать с вами покровительственным тоном, мистер Ренни, если вы пообещаете не обращаться ко мне, когда вас здесь нет. Простите, я немного устал.

Спать ему с некоторых пор стало так же нетрудно, как работать, потому что во сне он находился внутри росписи. «Вот оно: земля, небо и солнечный свет, — сказал он Богу, своему отцу, когда они огибали ежевичный куст, а за ними извивала хвост змея. Был ясный день, в приливных лужах ликовали актинии. — Я приведу это все в порядок и верну тебе. Терпеть не могу быть в долгу. Как видишь, с разумной мерой страданий и смерти справился легко». Они подняли глаза на ястреба, державшего в когтях крольчонка, потом помедлили на верхушке утеса. Внизу, на реке, сплеталась шеями пара лебедей, на дальнем берегу первые любовники стояли рядом, преклонив колени. На западном горизонте высился гигантский обрубок Вавилонской башни, вверху размахивали флагами крохотные фигурки; к востоку, на горе Синай, в пятне плохой погоды, священник высекал триангуляционные скрижали Завета. «Секс и история — две проблемы, которые я не могу решить, поэтому возвращаю в той же форме, в какой получил от тебя, только немного уточнив их постановку. К Новому году я закончу, и тогда не буду тебе ничего должен. Хотя я был бы благодарен, если потом получу от тебя нескольких платных заказчиков: мне понадобятся деньги... Прости, я

на секунду». Он взобрался наверх и передвинул молнию над Синаем на два с четвертью дюйма вправо, делая ее повторением трещины на древе познания. Просыпаясь, он не чувствовал этого. Пока он лежал с закрытыми глазами, его ум с ленивой мощью кружил по стенам алтаря, задерживаясь на своде, чтобы выбрать участок для работы в тот день. Он даже наблюдал сверху свое тело, свернувшееся на кафедре, как червячок в орехе, и знал, что вскоре поднимет свой рабочий вес на верхушку лестницы, где тот присоединится к мыслям. Тело и ум целиком служили росписи, так что сексуальные фантазии его больше не посещали, и он знал только, когда кисть делалась неподъемно тяжелой, что должен поесть. Самые странные, сродни мечте, моменты случались не тогда, когда он работал. Однажды он сидел у престола и ел комья крема из миски миссис Коултер, а старый священник глядел на него и бормотал: «Да-да, вы настоящий художник. Настоящий».

Позднее он находился в переполненной художественной лавке в центре города, где без спешки и паники воровал краски. Еще позднее он стоял на тротуаре, договариваясь о встрече с Джун Хейг.

— Да не придешь ты! — засмеялся он ей в лицо. — Знаю я, ты не придешь.

— Не беспокойся, я там буду. Угол Пейсли, у моста. Я там буду.

— Я тоже, но ты не придешь.

Он снова засмеялся, так как почувствовал, что этот разговор не происходит сейчас, а происходил два или три года назад.

Сумерки сгустились рано, он работал, щурясь в полутьме, и тут позади раздался кашель. В боковом нефестояли мужчина и женщина, и, когда глаза Тоу привыкли к более яркому освещению на церковном полу, он обнаружил, что женщина была Марджори. Мужчина проговорил сердечно: «Привет, Дункан», а Марджори с улыбкой подняла руку. Тоу отозвался: «Привет» — и, глядя на них сверху, слегка улыбнулся. Мужчина сказал:

— Мы навещали в Лензи приятелей и подумали: старые добрые времена и все такое прочее, почему бы не заглянуть сюда и не поведать Дункана? И вот мы пришли.

Мужчина смотрел вверх меж лестничных перекладин.

— У тебя, наверное, зрение как у кошки: работать при таком освещении.

— Выключатель за дверью.

— Нет-нет. Нет-нет. Мне как раз нравится полумрак: так таинственней, если ты меня понимаешь... Впечатляет. Очень впечатляет.

Марджори что-то произнесла, но Тоу не расслышал.

— Что? — переспросил он.

— Это не твой обычный стиль работы, Дункан.

Чуть помолчав, Тоу отозвался:

— Я пытаюсь показать больше воздуха и света.

Мужчина подхватил:

— Вот именно. Вот именно. — Он отступил назад из алтарного пространства, глядя на живопись и спокойно мурлыкая что-то себе под нос — Ты почти закончил.

— До этого еще далеко.

— Мой взгляд профана почти не видит недоделок.

Тоу показал куски, которые предстояло переписать.

— Сколько тебе еще потребуется времени?

— Несколько недель.

— А чем займешься потом? Преподаванием?

— Не знаю.

Тоу отвернулся и сделал вид, что работает. Мужчина тут же кашлянул и сказал:

— Ну ладно, Марджори. — И: — Думаю, мы пойдем, Дункан.

Тоу обернулся и попрощался. Пара отошла в середину церкви. Мужчина спросил:

— Кстати, знаешь, что мы с Марджори думаем пожениться?

— Нет.

— Ну вот, думаем.

— Хорошо.

В наступившей тишине мужчина добавил:

— Ну ладно, до свидания, Дункан. Когда мы поженимся, приходи в гости. Мы по-прежнему все тебя вспоминаем.

Тоу крикнул:

— Хорошо!

Звуки загромыхали по потолку и стенам. Тоу видел, как Марджори оглянулась в дверях и подняла руку, но улыбалась она или нет — рассмотреть не смог.

Было уже слишком темно, чтобы работать. Он лег на доски; мысли, путаясь, все время возвращались к Марджори, как кончик языка так и норовит забраться в дырку от вытащенного зуба. Сомнений не было: только что он видел девушку, не выделяющуюся ни особой красотой, ни умом. Он не понимал, почему прежде она воплощала в себе все, чего он желал от женщин. Она так же отличалась от Марджори, как отличался от его матери труп миссис Тоу. Неплохо было бы вставить два-три иронических или памятных слова, но она не дала ему такой возможности.

«Это не твой обычный стиль работы, Дункан».

Его охватила дрожь, и он медленно спустился вниз. В теле чувствовалась необычная тяжесть. Он включил свет и осмотрел стенную роспись. Она выглядела ужасно. Тоу поднялся на галерею, где хранил для таких случаев большое зеркало. Иной раз когда он слишком долго трудился над росписью на слишком близком расстоянии, отражение в зеркале, где право и лево менялись местами, давало картину новую и волнующую. Теперь же она казалась еще хуже, чем то, что видел невооруженный глаз. Тоу швырнул зеркало вниз, на скамьи, и закричал:

— Не Красота! Не Красота! Ничего, кроме голода!

Он попытался прихватить ртом одновременно все суставы пальцев на руке, затем сошел вниз, поискал между скамей, подобрал самый большой осколок зеркала и поспешно стал обходить помещение, ловя новый свежий ракурс своей работы. Он стремился к гармонии нежно-голубого, коричневого и золотого, оживленной там и сям искрами чистых цветов, а видел только грубый черный с серым, кричащие красный и зеленый. Пытался

изобразить человеческие тела в глубине мягкого света, делящего пространство с облаками, холмами, растениями и животными, однако глубина его пространства едва превышала фут, а люди были втиснуты в него, как в узкий чулан. На росписи был показан мир-западня, искривленный мир неврастеничной девственницы. Он запустил в алтарь осколком зеркала.

— Это не искусство! — выкрикнул он, наклоня голову и бешено ее расчесывая, — Не искусство, а просто голодный вой. О, зачем она меня выследила? Почему не осталась? Как я могу создать для нее прекрасный мир, если она мне отказывает? О Боже, Боже, Боже, дай мне убить ее, убить ее! Мне нужно на улицу.

Он зашел в уборную при ризнице, стащил с себя халат и комбинезон и начал умываться. Наверху хор участниц Каулэрского женского благотворительного клуба завывал: «Кто ныне сокрушается?» Пока он при помощи газеты, смоченной скипидаром, оттирал краску у себя с колена, ему на глаза попала реклама какого-то фильма под названием «Летчик-испытатель». Мужское лицо, твердое, но тронутое мукой, смотрело в небо из кабины с мягкой обивкой, в окружении микрофонов, кабелей и приборных шкал. Рядом стояла в профиль женщина, спиной к летчику, но обернув к нему голову с призывной улыбкой. Темными короткими волосами и контуром губ она напоминала Джун Хейг. Она была босая, в ножных браслетах и черных газовых шароварах с разрезом от талии до щиколотки. Черная газовая рубашка без рукавов прикрывала груди, но оставляла на виду ложбинки между ними, горло и талию. Постепенно подняло голову сексуальное воображение Тоу и начало

свои игры с неспешным раздиранием одежд, но он смял газету и отбросил в сторону, говоря себе:

— Женщины такими не бывают. Или они кажутся такими, а потом: «Кончай лапать меня, Дункан». Но это моя вина. Я видел их с другими мужчинами на автобусных остановках, как они к ним жались, заглядывали в глаза, откровенно показывая, что хотят понравиться или что счастливы чувствовать себя желанными. Но я непривлекателен. Неважно. Чем бы кормились проститутки, не будь таких, как я? Мое место на Бат-стрит.

Надевая костюм, он заметил в кармане куртки две уцелевшие банкноты по пять фунтов. Он вернулся в церковь, чтобы выключить свет, и уловил там вонь — такую сильную, что на мгновение подумал, не начинается ли пожар. Потом узнал сладкий запах гниения, появившийся после смерти его матери. Невесело засмеявшись, он сказал:

— Все еще на месте, старушка? И если нос меня не обманывает, стала еще больше. Посмотрим, поможет ли Бат-стрит от тебя избавиться.

Было десять часов, и трамвай шел в город почти пустым. Тоу сел и, покусывая сустав пальца, уставился в окно. Порочно-соблазнительные видения меркли при мысли о мирном сне в объятиях женщины, делающей вид, что любит тебя. Он вышел из трамвая и отправился вдоль Уэст-Риджент-стрит. На противоположных углах Блитсвуд-сквер стояли две женщины. Он миновал их быстрым шагом, потом затормозил, ругая себя за трусость. Вспомнил, что у него уже два или три дня не было во рту и маковой росинки. Купил в магазине у Чаринг-Кросс упаковку чипсов и, хрустя ими, пошел по

Бат-стрит. На углу стояла женщина, одетая в красное пальто, с большой черной сумкой. Для проститутки она выглядела чересчур пожилой и солидной, однако даже по ту сторону улицы он вроде бы ощущал на себе ее косой взгляд. Он опирался на ограждение, доедал чипсы, и сердце у него в груди колотилось. Смял и уронил картонную упаковку и собирался уже перейти улицу, как заметил прохожего. По противоположному тротуару к женщине приближался нетвердой походкой какой-то коротышка. Она обернулась. Он замедлил шаг, пошарил в карманах и извлек пачку сигарет. Мужчина и женщина обменялись несколькими словами, потом женщина взяла сигарету, мужчина поднес огонек, и они двинулись вместе к Сочихолл-стрит. Полный гнева и облегчения, Тоу пошел дальше и завернул в кафе у театра Грина. Заказал кофе и сидел до тех пор, пока итальянец за стойкой не начал водружать стулья на столы и мести пол. Идея снять проститутку не внушала теперь ничего, кроме тоски, но отступить было некуда. Ни в церковь, ни домой ему не хотелось возвращаться никогда. Он вышел на Ренфилд-стрит.

Уже наступила полночь, но прохожие все еще попадались, шагали поспешной походкой один или два щеголя, на углу читал газету какой-то праздношатающийся в грязном пальто. На противоположной стороне дороги остановились две женщины. Они были молодые и высокие, в черных, отороченных мехом пальто нараспашку, под которыми виднелись платья. Одна отставила ногу, задрала платье до середины бедра и принялась поправлять чулок. Ее спутница надменно огляделась. Тоу остановился, живот пронзила стрела нервного возбуждения. Махнул рукой и

перешел улицу, стараясь изобразить улыбку. Обратился к женщине, которая стала одергивать платье:

— Привет. Мы, кажется, знакомы.

Другая женщина сказала:

— Ошибаетесь. Вы знакомы не с ней, а со мной, — и уставилась на него.

Он отозвался:

— Хорошо.

Вторая женщина выпрямилась.

— Увидимся позже, Грета.

— Ага, хорошо. Погоди, отойдем на минутку.

Они отошли в сторону и начали шептаться. У обеих были бронзовые волосы с одинаковой химической завивкой. На Грете было платье в обтяжку, обрисовывавшее кувшинообразный изгиб ее бедер. Спереди оно было застегнуто на пуговицы, от которых разбегались складки, похожие на параллели. Тоу был взволнован и озадачен тем, что все идет как по маслу. Девушка поменьше ростом попрощалась: «Доброй ночи, Грета. Доброй ночи, верзила» — и ушла. Другая взяла Тоу под руку. В ноздри его ударил сладкий запах дешевых духов. Он спросил:

— У тебя есть куда пойти?

— Конечно.

— Возьмем такси?

— Ага. Давай шиканем.

Он махнул приближавшемуся такси и, чувствуя себя уверенно, проследил, как оно подкатило к бордюру. Они

сели в машину, женщина назвала адрес. Тоу стало уютно, он откинулся на спинку сиденья. Женщина спросила:

— Сколько времени тебе нужно? Немного?

— Всю ночь, пожалуйста. Я чуточку устал.

— Это влетит в копеечку.

— Сколько?

— Ну-ну, не дергайся, десять фунтов.

Тоу был слегка ошарашен.

— Так дорого?.. У меня только девять фунтов, шестнадцать шиллингов и десять пенсов. Это пока я не уплатил за такси.

— Пожалуй, этого хватит.

Он заколебался, потом произнес:

— Меня будет непросто раскочегарить. Я холодный как рыба.

Она похлопала его по коленке:

— Я тебя раскочегарю. Умения мне не занимать.

Такси остановилось у белого портика церкви. Тоу расплатился с водителем и вслед за женщиной выбрался на тротуар.

— Мы что, венчаться собираемся?

— Я живу рядом, за углом.

Они вошли во двор внутри квартала, где располагалась его прежняя мастерская. По лестнице Тоу поднимался с трудом. Грета спросила:

— Тебе нехорошо?

— Чутьочку устал, вот и все.

В матовом окошке у двери имелась черная треугольная дырка. Грета сунула туда руку и вынула ключи. Открыла дверь, тщательно закрыла ее за собой и Тоу, шепнула, чтобы он не шумел. Провела его в темноте по низкой скрипучей лестнице, открыла и закрыла еще одну дверь, тронула выключатель, и Тоу увидел розоватый свет настольной лампы в розовом атласном абажуре. Они находились в уютной мансардной спальне с покатым потолком. Женщина включила электрический свет, сняла пальто и села на кровать, глядя на Тоу. Он начал раздеваться.

Немного позже она с внезапной подозрительностью спросила:

— Что это?

Тоу тяжело дышал и не отзывался.

— Стой! Что это?

— Ничего.

— И это ты называешь «ничего»?

— Это экзема, она не заразная, гляди...

— Не надо! Стой! Прекрати!

Она встала и начала одеваться.

— Мне нельзя рисковать.

Тоу глядел на нее с дурацки распахнутым ртом. Он не мог поверить в происходящее. Женщина застегнула на себе платье.

— Вставай! — грубо потребовала она.

Он медленно сел и начал одеваться. Его рот по-прежнему был открыт. Раза два он застывал, уперев взгляд в пол, и она велела ему поторапливаться. У него закружилась голова, и он попросил:

— Дай посидеть минутку. Она отозвалась уже не таким грубым тоном:

— Мне нельзя рисковать.

— Это не то, что ты подумала. Никакой заразы или инфекции.

Он вынул из кармана и положил на стол три фунтовые бумажки.

— За что это?

— За потерю времени.

— Забирай обратно.

Он глядел на деньги, не двигаясь. Она схватила их и сунула в карман его куртки. Тоу встал и надел куртку. Женщина проводила его вниз по лестнице.

Медленно переставляя ноги, он переулками доковылял до жилища Драммонда, открыл дверь со сломанным замком и тихонько пробрался в комнату, примыкавшую к прихожей. В отсвете уличного фонаря было видно кресло из искусственной кожи с китайскими узорами на сиденье. Тоу сдвинул его, сел, уперев локти в колени и склонив подбородок на костяшки пальцев; он сидел так, пока за окном, над крышами, не занялась холодная заря, а его зубы не начали выбивать дробь. Временами в снах наяву он казался себе одним из предметов обстановки, подобным часам на каминной полке или орнаменту на полу. Звуки голосов на кухне стучались в него так же, как в другие предметы.

Однажды мимо двери прошел мистер Драммонд, бормоча вслух: «Чушь собачья...», затем донеслись шумы из уборной. Чтобы согреться, Тоу обернул себя ковриком. Ему начало сниться, что он сам — коврик, ковер из плоти и крови, с дыркой. Из этой дырки должно было явиться что-то ужасное, Тоу обонял его холодное дыхание. Послышались быстрые шаги и крик: «Приживала и попрошайка!»

Открыв глаза, Тоу увидел женщину, довольно пожилую, но живую и стройную, которая уставила на него обличающий взгляд. Одну руку она упирала в бедро, в другой держала птичью клетку с чучелом канарейки на жердочке. Женщина опустила глаза на клетку, и они наполнились слезами.

— Бедненький мой Джоуи, — тихо шептала она. — Бедненький мой Джоуи. Проклятая котяра. Приживала и попрошайка! — вновь выкрикнула она. — Я этого не вынесу!

Вошел широким шагом Драммонд.

— Ма, не распускайся. О, привет, Дункан. Ма, бога ради, приготовь себе чашку крепкого черного кофе.

— Больше мне не вынести! Забил весь дом разными Молли и Джанет, мне уже бежать хочется от одного их запаха, потом твои дружки-лоботрясы пробираются потихоньку и переставляют фарфор моей дорогой сестры; больше я этого не вынесу!

— Прости, Дункан, — невесело извинился Драммонд.

Взяв мать под локоть, он вытолкнул ее из комнаты. Тоу пошел прочь.

Утро было ясное, город уже весь пропах дешевыми духами. Тоу мрачно прибрел в кондитерскую Брауна, где час или два просидел в тепле среди звяканья ложек. Голова болела. Какая-то невысокая девушка, подсев к нему, проговорила:

— Привет, Дункан, ты сегодня очень нарядный. Костюм шикарный, только что помят немного.

Тоу уставился на нее. Она продолжила:

— Помнишь, однажды ты сказал, что болеть иногда бывает полезно?

Он не отводил глаз.

— Так вот, то же самое мне сказал доктор. Знаешь, когда мне было три года, моя мать покончила с собой, отчего, наверное... и тогда я пошла жить к тете, и доктор думает, я довела себя до болезни... чтобы за мной ухаживали. Я, мол, сперва внушила себе плеврит, потом малокровие, потом простуды, так что теперь мне надо к психиатру. А как дела у тебя?

Тоу все глядел. Он улавливал ее слова, но не обнаруживал в них смысла.

— Слышал, кто-то, не помню кто, сказал, что ты гений? Не знаешь ли, кто это?

Тоу глядел.

— Фамилию я забыла, но он художник... Кажется, имя начинается на «Б». Очень известный. Так или иначе, ты должен себя чувствовать... довольно... Я жду здесь Питера, он вот-вот придет. Знаешь, что я вышла замуж?

Тоу неловко поднялся на ноги и выбрался на улицу. У ближайшего светофора остановился трамвай, идущий в Риддри, и Тоу не без труда забрался внутрь. Сиденье в

нижнем этаже показалось ему собакой. Когда Тоу глядел на него или гладил ладонью, это, безусловно, было сиденье, но когда он, ослепленный блеском, закрывал глаза, оно казалось гигантской собакой. Добираться до дома было трудно. В доме он присел на корточки на коврик у очага и прижал кулаки к ноющему лбу. Через некоторое время коврик встал, отправился в спальню и вывалил Тоу в кровать. Стянул с него одежду и ботинки и накрыл его одеялами. Подобно тонне кирпича, на Тоу обрушилось с потолка забытье.

Пробудился он в воздухе над своим телом, которое лежало с разинутым ртом и открытыми глазами, свесив голову с краю подушки. Тоу подумал, не покинуть ли его, но оно задвигалось, застонало, и он разом с ним воссоединился и сел. Его переполняло вялое спокойствие. Шоссе за окном молчало, на верхнем этаже и внизу тоже было абсолютно тихо. Воздух наполнял легкие и вытекал наружу так легко, что Тоу вообразил бы себя покойником, если бы не чувствовал голод. Откинул тяжелые одеяла, спустил ноги на пол, осторожно попытался встать и упал. Содрогаясь от смеха, полежал немного (головой под стулом), все так же лежа натянул на себя одежду и пополз в кухню. Голова его моталась из стороны в сторону, язык бормотал: «Что угодно за кусочек кожуры, что угодно за кусочек сухой кожуры». Подняв себя только что не за уши, он съел две овсяные лепешки, вымыл и сгрыз увядшую морковку, и его желудок отказался еще что-нибудь принимать. Он сел на стул и постарался расставить мысли в голове, как фигуры на шахматной доске, но их было мало, они были крохотные и все проскальзывали между пальцев, так что он засмотрелся на паука, сидевшего на электрической плите и дергавшего ногами, которых у него было в

большом избытке. Тоу стало противно, и он со всего маху обрушил на паука кулак, но, убрав руку, обнаружил, что насекомое сидит и дергается как ни в чем не бывало. Войдя в раж, он бил и бил кулаком, но так и не расплющил паука, а потом остановился, потому что ушиб руку о металлическую поверхность плиты.

Внезапно из воздуха донеслись слова, нашептанные невидимым клювом. Тоу напрягся, сказал: «Да», держа спину прямо, вышел из дома, прикрыл за собой дверь и принялся ощупывать карманы — вдруг найдутся ключи.

— Зачем столько карманов, — пробормотал он. — Часть нужно зашить. Ох.

В дверях напротив сидела кошка миссис Кохун и глядела на него. Голова и горло у нее частью отсутствовали. Правая сторона была отрезана, и он видел сечение мозга, белое с розовым и складчатое, как низ шляпки гриба. Кошка зевнула, широко открыв половину рта и раскатав язык по белым остроконечным зубам. Тоу видел его до самого корня в узком коридоре глотки. Губы у Тоу зашевелились, неразборчиво рассказывая о его ужасе. Пальцы стиснули холодную сталь ключа. Сжимая его ради спокойствия, Тоу направился к улице. Воздух был теплый, небо черное как сажа. Красная планета в его середине выпускала круги темного воздуха, похожие на круги на воде от брошенного камня. Тоу послушался шепота и повернул налево. Шептала черная ворона, летевшая у него за головой. В глубокой тишине его приказы звучали очень четко. Он сам был этой черной птицей, смотревшей сверху на Дункана Тоу и на улицу, по которой он шел. Временами он устремлялся в конец улицы, оставляя позади шагающую фигурку, или, наоборот, отставал и

следовал за нею поодаль. На перекрестках он подлетал ближе и прикивал клювом к самому уху, чтобы шепнуть: «Поверни туда, поверни сюда». Один тупик упирался в ржавые ворота, скрепленные цепью и увитые вьюнком, но он протиснулся между кривыми прутьями. Он увидел малиновую планету, окруженную растениями в форме пагод, хрупкие мясистые стволы которых выделяли белый сок. С гаревой дорожки, у него из-под ног, взлетела ворона, хлопая крыльями и отчаянно каркая:

Тоу пошатнулся, ноги его заскользили, и он взлетел. Ворона парила на сотню футов ниже. Его местоположение и скорость зависели от вороны. Они пересекли тусклую ленту заросшего канала, и Тоу заглянул в помещения, где висело белье, а под ним женщины орудовали утюгами, мужчины без пиджаков читали газеты, в темных спальнях лежали под стегаными одеялами дети и любовники. Как на трапедии, он взлетал над разрезанными сотами города. Запутанный клубок городской жизни сперва зачаровал его, потом оттолкнул. Тоу закрыл глаза. Ноги его наконец коснулись земли.

Он налег животом на балюстраду моста и сложил руки на парапете. Его тошнило. Река сжалась в узенькую струйку среди высохшего, в трещинах, ила. К востоку, под висячим мостом, галдела над мертвечиной негустая туча чаек. Подземное бормотание, зародившееся как вибрация у него под подошвами, выросло, ударило в уши

и, как громовой раскат гонга, перекаатило горизонт. Тоу поднял голову и увидел товарные склады на левом берегу. Город за ними вралал в небо. Первыми восходили башни городского управления, далее бугор Роттен-роу, где светились все окна квартир, затем низкий и толстый шпиль собора с башней и нефом и скопление куполов соседнего Королевского лазарета и еще дальше, как последняя секция телескопа, истлевающее нагромождение некрополя с колонной Джона Нокса, которая доминировала над всем остальным. Книга в руке каменного человека ударила по пульсирующей планете, от книги побежала синяя тень, достигла сердца Тоу и заморозила его. Город со всех сторон стремился в небо. Фабрика, университет, газгольдер, шлаковые кучи, крыши жилых домов, парки, переполненные деревьями, — все тянулось вверх, пока горизонт не превратился в края чаши, на дне которой стоял Тоу. На краю теснились наблюдатели. Оттого, что столь многие наблюдают всего лишь за ним одним, его охватила бешеная жалость к себе, и он ответил неприличным жестом. Одна из наблюдавших соскользнула с края и двинулась вниз, прячась за крышами. Тоу закрыл глаза и вообразил, как она спускается по улицам, подобно капле воды, стекающей по краю чаши; потом он перешел мост и встретил ее на углу Пейсли.

Она улыбунулась, взяла его под руку, и он оказался на высоте положения. Видя, как ловко он сумел на ходу примостить руку ей на талию, как она хихикает его шуточкам, он ухмыльнулся. Он хлопал крыльями и кувыркался в воздухе над головами у пары, раздражался неудержимыми криками веселья, потом приблизил клюв к уху, чтобы дать советы. Пара взбиралась по узкой дороге, сопровождаемая взглядами толпы. Время от

времени слева или справа мелькало знакомое лицо, но ему пришлось полностью сосредоточиться на Марджори, напевать ей в уши слова, от которых она улыбалась, и удерживаться от смеха. Она не замечала, что рука, сжимавшая ее ладонь, бесчувственна, как гранит, — ему стоило усилий не раздавить ее пальцы. Они перешли канал по хлипким доскам моста, миновали несколько складов и взобрались по травянистому косогору. Тоу шел первым и вел за собой Марджори, она смеялась; он потянул ее на траву и каменными руками коснулся ее туловища, шеи. Она начала сопротивляться.

— Живей-живей-живей! — крикнула ворона. — Прикончи ее живо.

Он придвинул свой каменный рот к ее горлу, в уголок, где челюсть подходит к уху, и прикончил ее живо.

Он проснулся под морозящим дождем, чувствуя корку на губах и рядом с собой нечто, чего не желал видеть. Попытался лететь домой, но дыхания хватало лишь на короткие перелеты, а в промежутках он полз по скользкой береговой полосе. Поднимаясь по лестнице, он заваливался то в одну сторону, то в другую, а в доме улегся на пол прихожей и начал хрюкать — главным образом ловя воздух, но попутно желая привлечь к себе внимание. Он хрюкал все громче, пока какой-то полисмен не взломал дверь. Тоу ждал, что его поведут в тюрьму, но рядом оказался врач, они с полисменом подняли его и уложили в постель. Доктор сделал ему укол морфия, и он сладко заснул. Очнулся он в Южной общей больнице, где провел почти две недели.

Глава 30 Капитуляция

Ланарк смотрел через окно палаты на постель, которая казалась отражением его собственной: только фигуру, на ней лежавшую, скрывали простыни.

— Тоу в самом деле убил кого-то, или же это была очередная галлюцинация?

Я могу рассказывать историю только так, как видел ее он.

— Но полиция арестовала его?

Нет. В больнице он смутно продолжал ожидать ареста, однако никто за ним не являлся, и это его беспокоило. Ему хотелось избавиться от всего того, что он знал, и арест этому бы способствовал.

— Значит, это была галлюцинация.

Вовсе не обязательно. В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году в Британии официально зафиксировано сто пятьдесят убийств, треть из них осталась нераскрытой. Тоу определенно подозревал, что совершил нечто преступное, но для того, чтобы сделать признание в полиции, требовалось усилие, поэтому он много не раздумывал и вволю отсыпался. Наяву он больше не мечтал. Его сознание спеленала тугая повязка бесчувственности.

У него обнаружили ушиб руки, истощение и бронхиальную астму и стали давать кортизоновые стероиды — новый препарат, излечивающий астму за два дня. На прочее потребовалось больше времени. Социальный работник при больнице хотел связаться с мистером Тоу, но Тоу не сообщил адреса, заявив, что

навестит отца после выписки, хотя на самом деле и не собирался.

Выписавшись из больницы, Тоу зашел к себе и собрал небольшой холщовый рюкзак: положил туда запас одежды и набор для бритья.

— Вы сказали, что он перестал бриться.

Тоу вновь начал бриться после статьи в «Ивнинг ньюс», чтобы не походить на газетную фотографию. В рюкзак он добавил и старый компас мистера Тоу. С девятью фунтами в кармане, не считая мелочи. Тоу отправился на автобусную станцию в конце Парламентэри-роуд. Он подумывал о Лондоне — с тем, чтобы скользить вниз по глобусу к шумному и многолюдному югу, однако на станции стрелка его мысленного компаса внезапно развернулась на сто восемьдесят градусов и указала на северные горы и прибрежные бухты. Тоу решил все же повидаться с отцом.

Взгляните, как Тоу едет по автобусному маршруту, описанному в начале книги первой (глава 18), только большую часть пути он дремлет и выходит из автобуса в деревне Гленко. Он шагает по узкой тропе к молодежной турбазе: дорога представляет собой тоннель в зарослях. Сейчас осень: горы переливаются пурпурными, оранжевыми и зеленовато-золотистыми красками, но яркость их приглушена серой дымкой.

— Исключите местный колорит.

Ладно.

Еще нет пяти часов, и некоторые альпинисты ждут на крыльце турбазы. Тоу, обойдя здание, останавливается у входа в дирекцию, но, прежде чем

постучать, заглядывает в окно. В чистенькой комнате на стенах развешаны небольшие акварели с изображением Лох-Ломонда, которые висели раньше в гостиной в Риддри. Тоу узнает также книжную этажерку, письменный стол и деревянную табакерку, вырезанную в форме совы. Отец сидит с книгой в мягком кресле у теплой печи. На низком столике возле его локтя — чайник под стеганым чехлом, несколько чашек, сахарница из граненого стекла, молочник и тарелка с печеньем. На диване напротив сидят две женщины. Седой идет седьмой десяток; вторая — темноволосая, лет сорока — годится ей в дочери. Женщина постарше вяжет, помоложе — читает. Спокойный уют комнаты настолько завершен, источает такую совершенную невозмутимость, что Тоу чувствует себя не вправе сюда вторгаться. Он может только разрушить идиллию, но не войти в нее составной частью, поэтому он, отыскав проход в живой изгороди, выбирается на дорогу и возвращается в деревню.

Выпив чаю в ресторане для туристов, Тоу гадает, что ему делать дальше. Вернуться в Глазго он считает невозможным — и устремляется в Форт-Уильям.

Дорога по берегу озера утомительна: возле Баллахулиша Тоу теряет дыхание и вынужден присесть на низкий каменный забор рядом с потоком автомобилей, ожидающих очереди на паром. Стоя у своей машины, дама-американка смотрит на лесистую верхушку холма, где торчит сооружение из белого камня, похожее на старинную бензоколонку.

— Вы не знаете, что это такое? — обращается она к Тоу с вопросом.

Тоу отвечает, что, по его сведениям, так обозначено место, где был убит Колин Кэмпбелл, по прозвищу Рыжий Лис. Дама улыбается:

— Я могла читать об этом в «Похищенном» Роберта Стивенсона?

Тоу говорит, что это вполне возможно.

— Вы неважно выглядите. Могу я вам чем-то помочь?

Тоу ссылается на болезнь и говорит, что это скоро пройдет.

— Мой муж тоже страдалец, — замечает дама и садится в машину. Потом выходит из нее и протягивает Тоу бумажный пакетик с несколькими голубыми и розовыми пилюлями в форме торпеды. — Примите одну, это новое средство, — предлагает дама.

Тоу проглатывает пилюлю, и спустя мгновение по его телу разливается теплое блаженство. Он смотрит на даму с обожанием.

— Не принимайте больше четырех пилюль в день, — предупреждает дама. — Это вас перевозбудит. Мы едем в Маллейг, вас подвезти?

Тоу вступает на обособленную частичку Америки. Сиденья обиты, по-видимому, мягкой бизоньей шкурой, температура на пять градусов выше температуры тела, где-то негромко играет оркестр. Шум мотора совершенно неслышен, и после переправы на пароме горы и озера мелькают за окном с огромной скоростью, подобно прокручиваемой киноленте. Водитель — немногословный человек с толстой шеей — осведомляется у Тоу, куда он

направляется. Поколебавшись, Тоу заявляет, что ему нужно попасть в Стер.

— Возможно, Генри кажется вам не слишком разговорчивым. У президента Эйзенхауэра нарушено мозговое кровообращение, и реакция на бирже неважная.

Тоу прикрывает глаза и, как сквозь туман, видит отца и сестру посреди серого поля. Мистер Тоу держит моток пряжи, которую сестра сматывает в клубок. Открыв глаза, Тоу видит, что уже стемнело и что автомобиль взбирается по крутому извилистому въезду к зданию, смахивающему на замок Балморал, однако с неоновой вывеской отеля на фасаде. Американская дама говорит:

— Мы нашли Стер на карте: сегодня вам туда никак не добраться. Мы собираемся здесь переночевать и предлагаем вам поступить так же. Тут немного дорого, но...

Дама явно намерена сделать Тоу щедрое предложение, но Тоу перебивает ее замечанием, что хороший ночлег дороже любых денег. Все покидают машину и входят в отель. У конторки портье Тоу объявляет, что не голоден и намерен немедленно лечь в постель. Ему желают спокойной ночи.

Отель громадный, и Тоу удивлен теснотой предоставленного ему номера. Он сильно задыхается, но ложится в постель, принимает две пилюли и немедленно засыпает.

Утром сквозь сон Тоу смутно слышит, как в дверь стучат раза два или три, сообщая о времени; наконец около одиннадцати он поднимается. Дышится ему легко,

но сознание притуплено, в теле тяжесть. Он пропустил завтрак и с чувством неловкости пьет кофе с тостом в углу просторного холла. Оплачивает счет у конторки портье и выходит из отеля. День ветреный, пасмурный. Нежелание возвращаться заставляет его свернуть с длинного подъездного пути; к тому же порывы ветра толкают его в другом направлении. Обогнув отель, Тоу бродит по лужайкам, ощупывая в кармане последние полукроны и остатки мелочи. Проходя мимо прямоугольного пруда с кувшинками, он швыряет монеты в воду. Дорожка ведет через заросли рододендрона к воротам. Тоу выходит на вересковую пустошь.

Вересковая пустошь полого простирается к хребту между двумя скалистыми холмами. Тропинки туда нет: порой ноги Тоу с хлюпаньем погружаются в топкие, поросшие мхом участки. До хребта он добирается часа два-три, а потом делает передышку у беспорядочной груды камней с подветренной стороны. Дальше пустошь наклонно опускается к океану, но обширный бугор загораживает берег. Перед глазами Тоу суша вдается в серый водный простор узкими полосами: кое-где видны поля, дальше скалистые участки переходят в горы. Одна из вершин, вероятно, Бен-Руа. На поверхности камня поблизости Тоу замечает вырезанную надпись:

Надпись почему-то вызывает у Тоу приступ смеха: он долго смеется, хотя ему и не очень весело. Он принимает еще одну таблетку, от которой ему становится лучше, но не намного, и остальные таблетки он выбрасывает. Ветер повеял холодом. Выпрямившись, Тоу

рассеянно смотрит на компас. Стрелка указывает к подножию холма.

Шагнув немного вперед. Тоу видит перед собой площадку, которая справа, слева и спереди обрывается, переходя в склон. Это как будто мыс, но попутный ветер, наклон почвы и инстинкт побуждают его не сворачивать. Он оказывается на краю мыса, среди покатых участков, поросших вереском, и беспорядочно нагроможденных каменных обломков. Поначалу спуститься не слишком трудно, затем приходится исхитряться, пробираясь дальше по вымоинам между осыпающимися камнями. В конце концов Тоу падает и лежит под валунами среди сохлого папоротника-орляка с мыслью: «Мне больно и плохо». На ноге кровоточит глубокая царапина, ноет плечо. Тело покрыто липким потом, сердце глухо стучит в груди. Мне нужно вымыться, думает Тоу. Он сбрасывает с плеч рюкзак, стаскивает пальто, куртку, вязаный жилет; теперь, чувствуя холод, он шагает вниз по прибрежному скату, усеянному крупной галькой, похожей на каменные яйца или картофелины. Камни разъезжаются под ногами Тоу, он неуклюже ступает по ним.

Первая волна ощущается слабо, но дно понижается круто, и вторая, накатившаяся внезапной громадой, ударяет Тоу в грудь, сшибает, затопив целиком, с ног и отшвыривает назад на мелководье, на скользкие голыши. Тоу поднимается на ноги, отфыркиваясь; намокшая рубашка неприятно прилипает к коже. Гневно хохоча, Тоу стягивает ее с себя и идет навстречу морю, выкрикнув: «Нет, ты от меня не отделаешься!» Он кидается головой в набегающие волны, с усилием разводя их руками, но чувствует, как, выпрямляясь, поднимается над поверхностью выше и выше. Ногами

Тоу упирается в затопленную гряду: по пояс в воде, он добирается до обрыва и делает шаг вперед — в текучую стихию. Он ныряет и выныривает, барахтаясь в жгучей соли, единственно стараясь избавиться от необходимости дышать. Мозг заполняет гулкое буханье, в панике Тоу открывает глаза и сквозь жгучую соль видит зеленое мерцание. И когда наконец, судорожно хватаясь, словно ногтями, соскальзывающими с уступа, за последние остатки воздуха, покидающие легкие, Тоу поневоле приходится сделать вдох, внутрь его вливается — нет, не боль, а всеуничтожающее блаженство.

Книга Четвертая. Глава

31 Нэн

Ланарк открыл глаза и задумчиво оглядел палату. Окно было снова закрыто жалюзи, кровать в углу заслоняли ширмы. Рима сидела рядом и ела инжир из коричневого бумажного пакета.

— Я очень разочарован, — сказал он, — Я мог бы еще уважать того, кто кончает с собой, после того как убил человека, и это поступок самый правильный, но утопиться по блажи? Почему оракул не объяснил, что произошло: первое или второе?

— О чем ты? — спросила Рима.

— Оракул рассказывал о моей жизни до Унтанка. Только что закончил.

— Во-первых, оракул был женщиной, а не мужчиной, — твердо заявила Рима. — Во-вторых, история была обо мне. Тебе, видно, надоело слушать, ты задремал, и тебе приснилось что-то другое.

Собираясь заспорить, Ланарк открыл было рот, но Рима сунула туда инжир.

— Жаль, что ты уснул, потому что она немало говорила о тебе. Ты был забавным, стеснительным, не особенно привлекательным мальчиком, который клеился ко мне, когда мне было девятнадцать. Мне хватило ума выйти за другого.

— А ты, — вскричал Ланарк, сердито глотая, — ты была холодной стервозной девственницей, которая одной

рукой меня отталкивала, а другой притягивала. Я убил человека, потому что не мог тебя заполучить.

— Мы, должно быть, слушали разных оракулов. Не сомневаюсь, ты все это выдумал. Осталось еще что-нибудь поесть?

— Нет. Мы умяли все подчистую.

Намеренно громко топая, в палату вторглась толпа докторов и санитарок, толкавших каталку. Первым шествовал Манро, за ним следовали лаборанты с баллонами и приборами. Они скрылись за ширмами в углу, откуда доносились только шипение и обрывки фраз, словно бы долетавшие из коридора, «...принятое, принимая при восприятии...» «...бесславный Мильтон, безвинный Кромвель...» «Почему бесславный? Почему безвинный?» «Она разделась. Это помогло».

Подошел Манро и, глядя исподлобья, встал в ногах постели.

— Я договорился через три часа встретиться с лордом Монбоддо, чтобы санкционировать ваше убийство из института. Думал, до этого времени вы будете ждать здесь, но случилось непредвиденное поступление человеческих существ. Они в хорошем состоянии, но слабы и умрут, если кто-нибудь отвратит их от пищи. Санитарка принесет ваше платье. Вы сможете одеться и подождать в клубе для персонала.

— Нет необходимости. В данном случае мы будем держать свое мнение при себе.

Манро спросил Риму:

— Вы согласны?

— Конечно, но мне бы хотелось взглянуть на клуб для персонала.

— Если на вас можно положиться, я бы предпочел, чтобы вы оставались здесь. В этой палате больше никого нет, и ваше общество поможет женщине чувствовать себя уютнее.

— Буду рада помочь вам, мистер Манро, — бодро отозвалась Рима, — но не сделаете ли и вы кое-что для нас? Попросите монсеньора Ноукса послать нам еще немного его чудесной снеди. Не упоминать о кормежке легче, если она у тебя есть.

— Ничего не обещаю, но сделаю все возможное, — мрачно кивнул Манро и вышел.

Ланарк заметил, глядя на Риму:

— Какая же ты бессовестная.

Она обиделась:

— Разве ты не рад, что я не похожа на тебя?

— Очень рад.

— Тогда докажи это, пожалуйста.

Они слышали, как удалились лаборанты со своими приборами. Когда за ширмами остались хлопотать только двое-трое докторов, к Риме и Ланарку подошла сестра, нагруженная одеждой и двумя плотно набитыми рюкзаками.

— Доктор Манро хочет, чтобы вы оделись прямо сейчас. Он сказал, в рюкзаках полно припасов для путешествия, и если вы хотите, можете тут же за них приниматься.

Схватив женскую одежду, Рима погладила ее кончиками пальцев. Ткань была светлая и шелковистая. На губах Римы заиграла возбужденная полуулыбка. Нагая, она вскочила с постели, бросив на ходу: «Оденусь в ванной». Она поспешила к двери в конце палаты, а Ланарк стал изучать содержимое рюкзаков. В каждом имелись свернутое кожаное пальто, небольшие твердые плитки прессованных фруктов и мясо в рисовой бумаге. В одном рюкзаке обнаружили красный термос с кофе и плоская стальная фляжка с бренди, в другом — походная аптечка и электрический фонарик. Расставание с этим слишком теплым, слишком изолированным местом представлялось волнующе близким. Ланарк встал и понес свою одежду в ванную комнату.

Рима стояла перед зеркалом и медленными размеренными движениями причесывала свои ниспадавшие на плечи волосы. На ней было короткое, янтарного цвета, платье с длинными рукавами и желтые кожаные сандалии. Ланарк застыл на месте, загипнотизированный ее холодно-золотой элегантной фигурой.

Она пробормотала:

— Ну?

— Неплохо.

Склонившись над тазом, Ланарк начал мыться.

— Почему ты не говоришь, что я красивая?

— Стоит мне об этом заговорить, и ты меня осаживаешь.

— Да, но, не слыша этого, я чувствую себя брошенной.

— Хорошо. Ты красивая.

Он вытерся и стал надевать серый твидовый костюм и пуловер. Она, с задумчивым и печальным видом, тщательно связала свои волосы темно-желтой лентой. Он поцеловал ее.

— Не вешай нос! Ты свет, а я тень. Разве тебя не радует, что мы такие разные?

— Трудно сиять, когда тебя никто не подбадривает. — Скорчив гримасу, она вышла.

Когда Ланарк вернулся в палату, докторов, санитарок и ширм там уже не было, и Рима, сидя на краешке постели, беседовала с пациенткой. Заметив безволосую морщинистую головку, выглядывавшую из-под покрывала, Ланарк присоединился к ним. Мать полулежала, откинувшись на груду подушек. Тело ее было хрупким, в каштановых волосах попадались седые пряди, в изможденном личике поровну смешались молодость и старость. Слабо улыбнувшись, она произнесла:

— Странно видеть тебя снова, человек-загадка.

Ланарк непонимающе уставился на нее.

— Это Нэнси, — объяснила Рима. — Помнишь Нэн?

Ошеломленный неожиданностью, он засмеялся и сел у кровати.

— Рад, что ты сбежала из «Элиты».

Улыбка не сходила с лица Ланарка. Оказавшись в институте, он забыл и думать о Сладдене и его гареме, и теперь эти запутанные любовные отношения показались

ему невероятно забавными. Он указал на детскую кроватку:

— У тебя славный малыш.

— Да! Похожа на отца, правда?

— Не говори глупостей, — мягко укорила ее Рима. — Младенцы ни на кого не похожи. Как бы то ни было, кто ее отец? Тоул?

— Конечно нет.

— Тогда кто?

— Сладден.

Рима всмотрелась в ту часть лица ребенка, которая не была скрыта одеялом.

— Ты уверена?

Нэн печально улыбнулась:

— Да-да. Я не была его невестой, как Гэй, или его вульгарной любовницей, как Фрэнки, или его умной любовницей, как ты. Я была бедной маленькой девочкой, к которой он был добр. Но меня он любил больше всех, хотя мне приходилось это скрывать. Когда мне надоело быть заброшенной и я пыталась спрятаться, Сладден проникал в мою квартиру — карабкался по трубам, залезал в окна. Он жутко ловкий и сильный. Он крепко обнимал меня и говорил, что, хотя мы много раз спали друг с другом, наши чувства до сих пор свежи, а встречи кажутся приключением, и глупо отказываться от этого ради других девушек. Повторял, все вы нужны для того, чтобы освежить его чувства ко мне. Он был первым мужчиной, которого я полюбила, и никто другой мне не

был нужен, хотя я все время думала порвать с ним, пока не обострилась моя болезнь.

— Какая болезнь?

— На мне стали вырастать рты, не на лице, а в других местах, и, когда я бывала одна, они спорили, кричали друг на друга и на меня. Сладден очень хорошо с ними ладил. Ему ничего не стоило уговорить их что-нибудь спеть хором, а когда мы спали вместе, он даже внушал мне, что в них нет ничего плохого. Говорил, что не знает другой девушки, так обильно украшенной пирсингом.

Губы Нэн тронула почти материнская улыбка, и Ланарк ощутил укол ревности, заметив у Римы тот же нежный, полный воспоминаний взгляд. Со вздохом Нэн продолжила:

— Но они, эти рты, достали в конце концов и Сладдена, потому что мне становилось хуже и я все больше в нем нуждалась, а этого он не любил. Он пошел в политику, и дел у него было по горло.

Ланарк и Рима одновременно выкрикнули:

— В политику?

Рима добавила:

— Он всегда подтрунивал над теми, кто решал заняться политикой.

— Знаю, но, когда ты исчезла, он взял на твое место бунтарку, высокую нахальную блондинку, которая играла на гитаре и повторяла, что ее отец был военный, бригадир. Мне она сильно не нравилась. Говорила, мы должны готовиться к тому, чтобы взять в свои руки бразды управления экономикой, и как важно заботиться

о других, но она вечно много болтала и никого не слушала. Когда она разглагольствовала, Сладден у нее за спиной делал нам знаки. Тогда в «Элите» было полным-полно бунтарей. Появились сотни новых клик — всех названий и значков не упомнишь. Значки нацепляли на себя даже уголовники. Однажды Сладден явился со значком, хохоча как безумный. Он отправился с белобрысой на митинг протеста и был выбран в комитет. Он заявил, что мы все должны сделаться бунтарями, так как ныне никто не доверяет провосту Додду и у нас есть реальный шанс овладеть городом. По мне, все это не имело смысла. Видишь ли, я была беременна, а Сладден не подпускал меня близко, так что рассказать ему не было возможности. Когда же я наконец улучила момент, Сладден принял это очень серьезно. Объявил, что рождать на свет детей, прежде чем мир будет спасен путем революции, — это преступление. Он хотел убить нерожденного ребенка, но я не позволила. Дай мне ее, пожалуйста.

Рима вложила ребенка в руки Нэн. Девочка открыла глаза, жалобно пискнула и снова заснула на ее груди. Нэн продолжила:

— Он называл меня эгоисткой и, наверное, был прав. До сих пор никто, кроме Сладдена, не обращал на меня внимания, а теперь и он от меня отвернулся, и мне нужен был кто-то еще, хотя, думая о будущем ребенке, я иной раз ощущала, что схожу с ума или заболеваю. Я чувствовала себя раздавленной под целой кучей женщин, на которой, смеясь, плясал увенчанный короной Сладден. Потом внутри меня начинал двигаться ребенок, и внезапно мне становилось спокойно и радостно. Мне сделалось жалко Сладдена. Я видела его ошалевшим от жадности младенцем, который готов сосать всех вокруг

матерей и никогда, никогда не насытится. А тебе, Рима, так не казалось? Рима отозвалась кратко:

— Нет.

— Почему он тебе так нравился?

— Он был умный, забавный и добрый. И единственный здоровый из всей нашей компании.

Ланарк вмешался:

— У него не было болезни, потому что он сам был болезнью. Это был рак, заражавший каждого, кто с ним общался.

Рима фыркнула:

— Ух, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Ты нравился Сладдену. Он пытался тебе помочь, но ты не позволил.

Нэн улыбнулась:

— Ты заставила Ланарка ревновать.

— Да, я ревную. Но это не значит, что я не прав.

Рима спросила:

— Как ты сюда попала, Нэнси?

— Однажды у себя на квартире я почувствовала схватки и поняла, что это рождается ребенок. Я попросила квартирохозяина помочь мне, но он испугался и указал на дверь, так что я закрылась у себя в комнате и умудрилась (не помню как) забаррикадироваться тяжелым шкафом. Я едва не умерла. Боль была такая, что я свалилась на пол и не могла пошевелиться. Я была уверена, что ребенок не выжил. Мне казалось, я ничто и никто, ничтожество, которое не ощущает ничего, кроме ужаса, комок грязи, такой же гадкий, как и весь мир.

Наверное, я крикнула, что не хочу здесь оставаться, так как рядом, на полу, открылось отверстие.

— Я едва не умер по пути вниз, — содрогнулся Ланарк. — Я знаю военного, который прыгнул туда с пистолетом и получил смертельную рану. Не могу себе представить, как беременная женщина перенесла такое и осталась жива.

— Но в этом не было ничего страшного. Словно прыгаешь в теплую темную воду, где можно дышать. Каждая клеточка во мне чувствовала поддержку. Схватки продолжались, но без боли — как обрывки мелодии, то звякнут, то умолкнут. Дочурка выбралась на свободу, подплыла к моей груди и за нее уцепилась. Нет, ее, наверное, отнесло вниз, потому что я прыгала головой вперед. С меня слетала всякая дрянь и исчезала во тьме. Эта тьма меня любила. И только когда возвратился свет, музыка вновь обернулась болью, и я потеряла сознание. Это происходило давно, и вот я здесь и разговариваю с вами в этой красивой чистой комнате.

Ланарк бросил:

— О тебе здесь позаботятся.

Встав, он шагнул под ближайшую арку. Рассказ Нэн напомнил ему о его собственном катастрофическом спуске, и теперь он жаждал увидеть залитые солнечным светом холмы и водные пространства. С надеждой он поднял жалюзи, но экрана, который он принимал за окно, больше там не было. В центре стены высилась от пола до потолка двойная дверь из темного дерева с декоративными бронзовыми вставками. Ланарк нажал на дверь, но она не сдвинулась. Ни ручки, ни замочной скважины не было. Он вернулся в палату.

Нэн кормила грудью младенца и тихонько болтала с Римой. Ланарк сел на свою кровать и попытался дочитать «Священную войну», однако книга вызвала у него раздражение. Писатель был неспособен вообразить себе честного врага, и вся добродетель, как он считал, заключалась в полном повиновении сильнейшему герою повествования. Санитарка принесла Нэнси ланч. Она съела только часть, и Рима, демонстративно поглядывая на Ланарка, доела, к его удивлению, остатки. Ланарк, притворяясь, что этого не замечает, достал из рюкзака плитку плотного черного шоколада и откусил кусочек. Кислый вкус Ланарку не понравился, он отложил шоколад и попытался уснуть, но воображение рисовало на внутренней стороне век городские виды: стадионы, фабрики, тюрьмы, скверы, бульвары, мосты. Разговор Нэнси и Римы походил на отдаленное бормотание толпы с прорывавшимися сквозь него фанфарами. Он открыл глаза. Шум ему не пригрезился. Воздух сотрясся от трубного грома. Ланарк встал, Рима тоже. Рев сделался оглушительным, потом смолк, в комнату вошел и остановился под центральной аркой человек в черном кафтане с серебряными пуговицами, черных штанах до колен и белых чулках. На нем были кружевные воротник и манжеты, туфли с серебряными пряжками и снежно-белый парик, увенчанный черной треуголкой. В левой руке он держал черную папку, а в правой — эбеновый жезл с серебряным набалдашником. Но самым удивительным в нем было его лицо, потому что это было лицо Манро.

Ланарк воскликнул:

— Доктор Манро?

— В данный момент я не доктор, а камергер.
Принесите ваши рюкзаки.

Ланарк повесил один рюкзак на плечо, а второй взял в руку. Рима попрощалась с Нэн, которая успокаивала расплакавшегося ребенка. Манро обернулся и стукнул жезлом в высокую дверь, которая с лязганьем открылась внутрь. Провел их через порог. Рима прижималась к боку Ланарка. Дверь закрылась.

Глава 32 Кулуары совета

Они оказались в круглой комнате с низким потолком, отделанной деревянными панелями. На полу лежал толстый ковер, пахло как в старом железнодорожном вагоне. Вдоль стены тянулась скамья с матерчатой обивкой, в центре, на столбе из красного дерева, покоилась бронзовая лысая голова в лавровом венке.

Манро громко произнес:

— В северную приемную.

Голова кивнула, послышалось тихое гроыхание. Ланарк сообразил, что находится в экипаже, который движется куда-то в сторону. Манро пояснил:

— Механизм, который соединяет институт с помещениями совета, несколько износился. Садитесь, мы пробудем здесь еще несколько минут.

Они сели.

Рима прошептала:

— Правда, интересно?

Ланарк кивнул. Он был уверен в своих силах и думал, что теперь-то уж не побоится лорда президента-директора. Теперь он вырос. Манро шагал вокруг пьедестала, и Ланарк выкрикнул:

— Куда мы отправимся после встречи с лордом Монбоддо?

— Сперва узнаем, что он скажет.

— Но эти рюкзаки рассчитаны на какой-то определенный способ передвижения!

— Вы убываете по собственному желанию, поэтому путешествовать будете пешком. Уже поздно это обсуждать.

Дверь открылась, и человек, одетый так же, как Манро, впустил в комнату двух толстячков в смокингах. Вскоре лифт снова остановился, и вслед за еще одним камергером внутрь вошла группа озабоченных мужчин в мятых костюмах. Трое камергеров тихонько беседовали у пьедестала, в то время как остальные, группами расположившись на скамье, также обменивались фразами.

«...нас ни в грош не ставит, уважает только существо...»

«Его секретарь связан с "Алголагниксом"».

«...но не откажется от разницы...»

«Таким образом, он откроет путь для анархии».

Подойдя к Ланарку, Манро мрачно заметил:

— Не повезло! Я надеялся, мы будем у директора одни, но он принимает еще делегацию и присваивает парочку званий. Нам он уделит только десять минут, улаживать наше дело придется втроем, так что, когда выйдем из лифта, не отставайте от меня и по возможности держите язык за зубами.

— Но от этой встречи зависит все наше будущее!

— Не беспокойтесь, я о вас позабочусь.

Дверь открылась, и камергеры вывели их на такой яркий свет, что у Ланарка екнуло сердце: он ожидал оказаться на открытом воздухе.

Они ступили на пол из цветного мрамора, выложенного геометрическим рисунком. В поперечнике он приближался к четверти мили, однако казался не таким уж громадным в сравнении с высотой потолка. Зал представлял собой перекрытый куполом восьмиугольник, центр схождения восьми больших коридоров, похожих на улицы, вдоль которых выстроились ренессансные дворцы. Вначале Ланарк не заметил там людей, но, когда глаза привыкли к гигантским масштабам, различил в коридорах множество фигурок, подобных насекомым. Атмосфера была прохладная и, если не считать гулкого эха отдаленных шагов, освежающе-тихая. Ланарк с открытым ртом принялся осматриваться. Рима вздохнула, тихонько высвободила свои пальцы из его ладони и изящно зашагала по мраморному полу. Удаляясь, она казалась все более высокой и грациозной. Цвет ее волос и одежды безупречно сочетался с окружением. Ланарк заметил, следуя за нею:

— Это место тебе идет.

— Знаю.

Рима повернулась и прошла мимо Ланарка, оглаживая янтарный бархат на бедрах. Подбородок ее был вздернут, на лице застыло мечтательное выражение. Почувствовав себя отстраненным, Ланарк снова осмотрелся. Вокруг стояло несколько скамей, обитых красной кожей, на ближайшей сидел Манро, держа на коленях жезл и папку и напряженно глядя в коридор. Немного поодаль возвышался деревянный средневековый трон на трех мраморных ступенях. Другие

камергеры подвели туда свои группы, и толстячки в смокингах, приняв молитвенную позу, бок о бок преклонили колени на нижней ступеньке. Поблизости, скрестив руки и сбившись в плотную толпу, остановились члены делегации. Камергер их фотографировал. Рима все так же бесцельно, с мечтательным видом следовала за Ланарком. Он резко бросил:

— Впечатляет, конечно, но ничего красивого. Посмотри на эти канделябры! Сотни тонн меди и стекла, изображающих золото и бриллианты, а света дают недостаточно. Настоящий свет идет от стен, из-за колонн. Держу пари, что он неоновый.

— Ты завидуешь, потому что не имеешь к этому отношения.

Задетый правотой этих слов, Ланарк тихо произнес:

— Совершенно верно.

Рима коснулась его груди и взволнованно заглянула в глаза:

— Ланарк, если бы ты захотел, мы могли бы жить здесь! Не сомневаюсь, они дали бы тебе работу, ты можешь быть очень умным, если захочешь! Скажи Манро, что не против остаться. Наверняка еще не поздно!

— Ты забываешь, что здесь нет солнечного света, а еще нам не нравится пища.

Рима тоскливо признала:

— Да, об этом я не подумала.

Она снова отошла от Ланарка.

Ланарк уселся рядом с Манро и, чтобы успокоиться, устремил взгляд на синий купол. Роспись изображала

ангелов, которые трубили в трубы и бросали цветы к ногам фигур в облаках. Внимание Ланарка привлекли четыре тяжеловесных всадника на скоплении кучевых облаков. Тела их были облачены в римские доспехи, головы венчали кудрявые парики и венки из лавра. Управлять лошадьми им приходилось с помощью коленей, так как в левой руке у каждого был меч, а в правой — каменщицкий мастерок. Напротив, на таких же облаках, стояли четыре почтенных мужа в тогах, державшие свитки и причудливого вида тросточки. И те и другие взирали на верхушку купола, где восседал на троне плотный мужчина. Решительное лицо носило отпечаток благорасположенности, однако чересчур сосредоточенный взгляд заставлял предположить, что человек этот либо близорук, либо глух. Стараясь отвлечь внимание зрителей, художник придал ему выразительные атрибуты. На коленях его лежали шар и шпага, в руках он держал весы и мастерок. Над головой парил орел с молнией в клюве, из-под подола мантии выглядывала сова. У ног преклоняли колени индеец в тюрбане, индеец, негр и китаец, принесшие дары: пряности, табак, слоновую кость и шелк.

Манро спросил Ланарка:

— Нравится?

— Не особенно. Кто эти всадники?

— Нимрод, Имхотеп, Цинь Шихуан и Август, прежние председатели совета. Разумеется, титулы тогда носили другие.

— А к чему парики и доспехи?

— Условность восемнадцатого века — именно тогда была выполнена роспись. Напротив изображены прежние

директора института: Прометей, Пифагор, Фома Аквинский и Декарт. На троне — первый лорд Монбоддо. Он был не самым известным правоведом и философом, однако в период слияния совета и института членствовал и там и там, что сделало его символической фигурой. Он был знаком с Адамом Смитом.

— Но что собой представляет институт? И совет?

— Совет — это политическая организация, цель которой — возвысить человека, дабы он приблизился к небесам. Институт — это тайный союз мыслителей, цель которого — низвести на землю свет небес, дабы он приблизился к человечеству. Некогда это были отдельные организации, между которыми возникали и конфликты, однако недолгие. Последнее великое примирение произошло в век разума, а две мировые войны сплотили нас еще больше.

— Но что такое небесный свет? Если вы говорите о солнце, то почему оно не светит здесь?

— О, в последние годы никто не путает небесный свет с реально существующим солнцем. Это метафора, символ, более не нужный. С тех пор как ушел в прошлое феодализм, мы оставили долгосрочные цели врагам. Они обманчивы. Без них общество развивается быстрее. Присмотревшись к куполу, вы увидите, что, хотя в центре художник изобразил солнце, его почти полностью скрывает корона первого Монбоддо. А вот и двадцать девятый. Встаньте.

По гладкому мраморному полу шагал высокий человек в светло-сером костюме. Его сопровождали трое мужчин в темных костюмах. Впереди шествовал герольд в средневековом камзоле, со шпагой на бархатной подушке; еще один герольд нес цветную шелковую

мантию. Процессия быстро приближалась к трону, но путь ей заступил Манро, с поклоном произнесший:

— Гектор Манро, милорд.

Лицо у Монбоддо было длинное и узкое, нос тонкий, с высокой переносицей, волосы светло-рыжие, глаза, за стеклами очков в золотой оправе, серые. Но голос оказался неожиданно мужественным — сочным и гулким.

— Помню. Я никогда не забываю лица. Да?

— Эти мужчина и женщина попросили о перемещении. Манро протянул папку одному из спутников Монбоддо, тот вынул документ и прочитал. Монбоддо перевел взгляд с Ланарка на Риму.

— Перемещение? Необычный случай. Кто их примет?

— Унтанк выразил желание.

— Ладно, если они отдают себе отчет в том, насколько это опасно, пусть отправляются. Пусть. Бумага оформлена правильно, Уилкинс?

— Безукоризненно, сэр.

Уилкинс сбоку поднес ему на папке документ. Монбоддо взглянул и пошевелил пальцами правой руки. Манро вложил в них ручку. Монбоддо склонился, чтобы подписать бумагу, но тут Ланарк выкрикнул: «Стойте!» Подняв брови, Монбоддо взглянул на него. Повернувшись к Манро, Ланарк завопил:

— Вы же знаете, что мы не хотим возвращаться в Унтанк! Там нет солнечного света! Я просил о городе, где светит солнце!

— Людям с такой репутацией не позволено выбирать.

Монбоддо спросил:

— Начальник плохо характеризовал его в отчете?

— Очень плохо.

В наступившей тишине Ланарку показалось, что у него потихоньку вытягивают жизненную силу. Он яростно бросил:

— Если отчет написан Озенфантом, ему не следует верить! Мы друг друга невзлюбили.

Манро пробормотал:

— Отчет написан Озенфантом.

Монбоддо приложил кончики пальцев ко лбу.

Уилкинс шепнул:

— Главный по драконам. Весьма энергичен.

— Знаю, знаю. Я никогда не забываю имена. Отвратительный музыкант, но превосходный администратор. Ваша ручка, Манро. Будьте добры, Аксбридж, дайте мне эту накидку.

Герольд набросил на плечи Монбоддо зеленый плащ, подбитый алым шелком, и помог расправить складки. Монбоддо проговорил:

— Нет, против Озенфанта мы не пойдём. Слушайте, Уилкинс, уладьте этот вопрос, пока я буду заниматься вот теми парнями. Вы знаете, времени у нас в обрез.

Монбоддо, в развевающейся мантии, устремился к трону. Большая часть свиты последовала за ним.

Уилкинс был темноволосый миниатюрный человечек. Он спросил:

— В чем состоит, по-вашему, суть проблемы?

Манро начал энергично:

— Мистеру Ланарку не известно, чем чревато перемещение. Он пожелал покинуть институт. Я отыскал город, власти которого согласились его принять, несмотря на плохую характеристику. Он отказывается, так как его не устраивает климат.

Ланарк упрямо повторил:

— Я хочу туда, где светит солнце.

— Прован вам подойдет? — спросил Уилкинс.

— О Проване я ничего не знаю.

— Индустриальный центр, окруженный сельскохозяйственными угодьями, недалеко горы и море. Климат мягкий и влажный. Солнце светит двенадцать часов в день — если брать в среднем за год. Население разговаривает на разновидности английского.

— Да, в Прован мы направимся с радостью.

Манро сказал:

— Прован отказывается его принять. Туда мы обратились в первую очередь.

— У Прована не будет выбора, если сперва он отправится в Унтанк.

Манро улыбнулся и потер себе подбородок:

— Конечно. Я и забыл.

Обернувшись к Ланарку, Уилкинс спокойно пояснил:

— Видите ли, в отношении промышленности Унтанк более себя не оправдывает, потому он будет списан и поглощен. По кусочкам мы его проглатываем уже долгие годы, но все оставшееся можем теперь принять *en bloc*^[8] и, признаюсь, испытываем некоторое волнение. Съесть города и деревни для нас привычное дело, но это первый крупный город со времен Карфагена, и поступление энергии будет колоссальное. Разумеется, людям вроде вас, уже у нас побывавшим, нет смысла повторять эту затруднительную процедуру. Вас ждет перемещение в Прован, где экономика бурно развивается. Поэтому отправляйтесь в Унтанк со спокойной душой. Рассматривайте это как промежуточную ступень на пути к солнцу.

— Как долго нам придется там жить?

Уилкинс взглянул на свои наручные часы:

— Через восемь дней состоится пленарный съезд депутатов, где будет дано распоряжение начинать. Еще через два дня мы приступим к работе.

— Выходит, мы с Римой пробудем в Унтанке дней двенадцать?

— Не больше. Теперь только революция может воспрепятствовать нашим планам.

— Но я слышал, что население Унтанка стало больше интересоваться политикой. Вы уверены, что там не произойдет революция?

Уилкинс усмехнулся:

— Говоря о революции, способной поломать наши планы, я имел в виду революцию здесь.

— Другого выбора у меня нет?

— Если хотите, оставайтесь с нами. Мы найдем вам работу. Или отправляйтесь в странствие. Для бесцельных блужданий места есть сколько угодно.

У Ланарка вырвался стон.

— Что ты думаешь, Рима?

Рима нетерпеливо пожала плечами.

— Меня не спрашивай! Ты прекрасно знаешь, что мне нравится здесь, но ты со мною не соглашался. Только вот странствовать я отказываюсь. Если хочешь, отправляйся один.

Ланарк вздохнул:

— Хорошо. Мы возвращаемся в Унтанк.

Уилкинс и Манро приосанились и заговорили громче. Уилкинс сунул документ в папку со словами:

— Оставь это мне, Гектор. Монбоддо подпишет.

— Им лучше не уходить без виз.

— Дай мне чернила, я поставлю на них печати.

Манро открутил со своего жезла серебряный набалдашник (в форме распростертых крыльев) и перевернул его. Уилкинс сунул в углубление большой палец и вынул — синим и блестящим на кончике. Рима склонилась, чтобы посмотреть, и Уилкинс приложился пальцем к ее лбу, оставив между бровями отметку, похожую на маленький синячок. От удивления она вскрикнула.

— Это ведь не больно, правда? А теперь вы, Ланарк.

Ланарк, чересчур подавленный, чтобы задавать вопросы, получил такую же отметку, вслед за чем

Уилкинс вновь сунул палец в набалдашник жезла и вынул его чистым. Он пояснил:

— Знак не очень заметный, однако образованные люди поймут, что вы работали на институт и находитесь под защитой совета. Это не обязательно расположит их к вам, но заставит относиться с уважением, а когда Унтанк падет, у вас не будет трудностей с транспортировкой в Прован.

Рима спросила:

— Эти знаки смоются?

— Нет, их способны стереть только яркие солнечные лучи, но это может произойти только в Проване. Прощайте.

Постепенно уменьшаясь в размерах, Уилкинс последовал к крохотному отдаленному трону, где Монбоддо, похожий на ало-зеленую куклу, изящно принимал бумаги, которые ему протягивал глава делегации пигмеев. Манро прикрутил набалдашник к жезлу и дал знак Риме с Ланарком двигаться в обратном направлении.

Коридор за северным вестибюлем был перегороден решеткой из кованого железа, высотой в десять футов. Ворота в ее центре охранял полисмен, который отдал честь Манро, когда тот проводил через них Ланарка и Риму. В коридоре стало попадаться больше народу. Черно-серебряные камергеры вели мимо небольшие группы, включавшие в себя иной раз негров и азиатов. Из окон над головой неслись отдаленные рукоплескания, отголоски оркестра и фанфар, грохот и гудение механизмов. Через двери по обе стороны входили и выходили нарядные мужчины и женщины — Ланарку,

нёсшему рюкзаки, даже сделалось неловко среди множества людей, не нагруженных ничем, кроме конвертов и папок. Если бы Рима взяла свой рюкзак, Ланарк обрел бы в ней союзника, однако она плыла вдоль коридора, как лебедь по течению. Даже Манро походил на слугу, расчищавшего для нее дорогу, и Ланарку ничего не оставалось, как взять на себя роль носильщика. Через двадцать минут они добрались до еще одного восьмиугольного зала, куда выходило несколько коридоров. Голубой купол был расписан звездами, светильник в вышине бросал белый луч на гранитный монумент в центре зала — необработанный каменный блок с выбитыми на нем гигантскими фигурами. По камню струилась вода, падая в декоративные бассейны. На ступенях вокруг монумента курила сигареты и беседовала молодежь; на гладком полу, среди кадок с апельсиновыми деревьями, были расставлены столики, за которыми пили и закусывали люди постарше. Из окон над головой в зал проникали негромкий смех и музыка, смешиваясь с голосами беседующих, звоном приборов, плеском фонтанов и пением канареек (они сидели в клетках, развешанных на деревцах).

Манро, остановившись, спросил:

— Ну, что вы об этом думаете?

Ланарк не доверял больше Манро.

— Получше, чем в клубе для персонала, — проговорил он небрежно, однако свободная атмосфера этого места пробудила в его душе столь бурный отклик, что на глазах у него выступили слезы. «Это удовольствие должно быть доступно каждому, — подумал он. — Сюда бы солнечного света, и лучшего не пришлось бы и желать».

Манро предложил:

— Поскольку выход уже близко, мы могли бы немного здесь отдохнуть, а я тем временем дам вам советы относительно путешествия. — Воткнув жезл в землю, которой была наполнена кадка, он сел за столик и подозвал официанта. Рима и Ланарк тоже сели. — Полагаю, вы не откажетесь от легкой закуски?

— Это было бы кстати, — откликнулась Рима.

Ланарк стал оглядываться в поисках выхода.

Манро заметил:

— Ланарк, кажется, сердит на меня.

Рима рассмеялась.

— Оно и понятно! Одно удовольствие было слушать его препирательства с вами, Монбоддо и секретарем Монбоддо. «Боже, — думала я, — до чего же мощный у меня покровитель!» Но вы оказались хитрее, так ведь?

— От этого он не проиграет.

Пока Манро делал заказ, у Ланарка возникло ощущение, что за ним наблюдают. За соседним столиком сидели мать с двенадцатилетним сыном и пожилая чета, игравшая в шахматы. Особого интереса к Ланарку они не проявляли, поэтому он сосредоточил внимание на ряде окон над дверьми, через которые сновали туда-сюда официанты. Затянутые белой газовой материей, окна казались пустыми, но выше, под самым куполом, выдавался в зал балкон, где стояли, опершись на парапет, несколько мужчин и женщин в вечерней одежде. Расстояние было слишком велико, чтобы различить лица, однако в центре группы выделялся плотный мужчина, которого, вероятно, все слушали. Он

размашисто жестикулировал, указывая как будто на Ланарка. Стоявшая рядом с ним женщина поднесла к лицу какой-то предмет — очевидно, бинокль. Разозленный, Ланарк схватил с соседнего стула газету и принялся читать, повернувшись к наблюдателям затылком. Газета, называвшаяся «Западное лобби», была напечатана скромными аккуратными колонками, без аршинных заголовков и крупных фотографий. Ланарк прочел:

Ниже на странице в глаза Ланарку бросилось знакомое имя.

Сложив газету, Ланарк сунул ее в карман и вновь обратил взгляд к балкону. Стоявшие там люди все так же опирались на ограждение, насмешливо-преувеличенные жесты центральной фигуры казались хорошо знакомыми. Манро угостил Риму сигаретой и поднес зажигалку.

Ланарк резко спросил:

— Это не Озенфант за нами наблюдает? Там, на балконе?

Манро поднял голову:

— Озенфант? Не знаю. Вряд ли, на восьмом этаже его не любят. Это, наверное, один из подражателей.

— Если не любят, то почему подражают?

— Из-за его успехов.

Официант поставил перед каждым полный стакан вина и тарелку с подобием омлета. Рима взяла вилку и принялась за еду. После угрюмой паузы Ланарк собрался последовать ее примеру, но вдруг его оглушили свист, взрывы смеха и иронические приветственные возгласы. Между столиками и монументом двигалась процессия волосатой молодежи, несшей плакаты:

Справа и слева шагало по полисмену, сзади двигалась платформа, нагруженная людьми и съемочным оборудованием.

— Бунтари, — заметил Манро, не поднимая взгляда. — Каждый день примерно в это время маршируют к границе.

— Кто они?

— Служащие совета или их дети.

— А чем они питаются?

— Тем же, чем и все, но это их не останавливает. Аргументы у них, конечно, смехотворные. Мы не едим людей. Мы питаемся обработанными частями некоторых живых организмов, более не принадлежащих к человеческому роду.

Ланарк заметил, что Рима отставила тарелку. Глаза у нее были полны слез. Сжав ее ладонь в своей, Ланарк ощутил ответное пожатие. Он угрюмо напомнил:

— Вы собирались дать нам советы относительно путешествия.

Манро взглянул на них, вздохнул и отложил вилку.

— Очень хорошо. Идти в Унтанк вам придется по интеркалендарной зоне. Это означает, что расход времени предсказать невозможно. Дорога хорошо различима, держитесь ее и не доверяйтесь ничему, что не можете проверить при помощи ног или рук. Скорость света в этой зоне переменная, поэтому размеры и расстояния обманчивы. Непостоянна даже гравитация.

— Выходит, путешествие может продлиться не один месяц?

— Повторяю, вам предстоит пересечь интеркалендарную зону. Такие понятия, как месяц, минута или век, там лишены смысла. Просто путешествие будет либо трудным, либо легким, либо и то и другое.

— А если у нас кончатся припасы?

— В некоторых отчетах говорится, как люди, успевшие отчаяться, в последний момент выбирались на ту сторону.

Рима слабым голосом проговорила:

— Спасибо, вы нас очень ободрили.

— Лучше наденьте пальто. Там внизу холодно.

Пальто с капюшоном и толстой шерстяной подкладкой в длину доходили до лодыжек. Ланарк с Римой надели рюкзаки, обменялись тревожными улыбками и быстрым поцелуем и последовали за Манро к монументу и вверх по ступеням. Гигантский камень нависал над ступенями, подобно валуну, уравновешенному на пирамиде. Тени от светильника

обрисовывали фигуры, которые размышляли в расщелинах, ораторствовали на уступах, выходили из пещеры в центре. Фигура на вершине изображала, видимо, скульптора. Лицо его было обращено к свету, но руки сжимали резец и молоток, работая над камнем, зажатым между коленями. Ланарк тронул Манро за плечо и спросил о сюжете монумента.

— Это еврейский пантеон: Моисей, Исайя, Христос, Марк Фрейд и Эйнштейн.

Они прошли сквозь группу молодых людей, которые, вылупив глаза, бормотали: «Куда они идут?», «К аварийному выходу?», «Ну и пальто, офонареть можно!», «Не может быть, чтобы к аварийному выходу!»

Кто-то выкрикнул:

— Случилась авария, дедуля?

Манро отозвался:

— Не авария, просто перемещение. Самое обычное перемещение.

В наступившей тишине прозвучал чей-то голос:

— Они ненормальные.

Они достигли вершины, откуда бежала вода в бассейны с золотыми рыбками. Громадный валун покоился на удивительно маленьком пьедестале, в котором имелась железная дверца. Манро стукнул в нее жезлом. Она открылась. Согнувшись, они прошли в проем.

Глава 33 Зона

В водянисто-зеленом свете, зажатые между тесными бетонными стенами, они долго спускались по металлической лестнице. Сделалось холодно. Наконец они очутились в похожем на пещеру помещении, которое при большой ширине не казалось просторным. Пол покрывали трубы всевозможных диаметров: от человеческого роста до детского мизинца; потолок тоже не просматривался из-за многочисленных кабелей и воздуховодов. Выйдя из дверцы в кирпичном столбе, путники попали на металлический настил, проложенный поперек труб. Манро двинулся первым, Ланарк и Рима не отставали. Иногда им приходилось по ступенькам карабкаться на арку, обнимавшую какую-нибудь особенно большую трубу. Долгое время они не слышали ничего, кроме пульсирующего гула, сопровождавшегося журчанием, звоном, а также эхом их шагов. Рима пожаловалась:

— От этого изгиба у меня болит спина.

— Я вижу вдали стену. Скоро мы будем снаружи.

— Ох, Ланарк, какая это тоска! Когда мы подошли к Монбоддо, я дрожала от нетерпения. Думала, впереди чарующая новая жизнь. А теперь не знаю, чего ожидать, кроме ужаса и серых красок.

Ланарк чувствовал то же самое.

— Это просто зона, которую нам надо пересечь. Завтра или послезавтра мы будем в Унтанке.

— Хотелось бы верить. По крайней мере, там у нас есть друзья.

— Какие друзья?

— Наши приятели из «Элиты».

— Надеюсь, мы найдем друзей получше.

— А ты сноб, Ланарк. Знала, что ты деревянный истукан, но что ты сноб — не думала.

За небольшой перепалкой они забыли о своих несчастьях; тем временем настил привел их на платформу. Впереди на бетонной, в подтеках, стене виднелась железная дверь. Такой двери, с петлями и замочной скважиной, они не видели уже много дней. На ней была нанесена красной краской по трафарету крупная надпись:

Манро повернул ключ и распахнул дверь. Ланарк ожидал, что там будет темно, однако его глаза были ослеплены удивительно ярким белым туманом. У самого порога начиналась тропа с желтой полосой посередине, но в пяти или шести футах она терялась из виду. Он сделал шаг, и в лицо ему ударила волна холода, заставившая его несколько раз глубоко втянуть в себя морозный воздух. От этого он воодушевился и воскликнул:

— Как здорово выйти наконец на свежий воздух! И в небе уж наверняка светит солнце!

— И не одно.

— Солнце всего одно, Манро.

— Оно светит уже долго. В такие зоны возвращается свет предыдущих дней.

— Тогда он должен быть еще ярче.

— Нет. При наложении лучей, идущих с определенной скоростью и под определенным углом, они взаимно уничтожаются.

— Я не ученый, мне это ни о чем не говорит. Пошли, Рима.

— Прощайте, Ланарк. Может, когда вы станете немного старше, вы мне поверите.

Ланарк не ответил. У него за спиной захлопнулась дверь.

Они двигались сквозь туман, держась желтой линии на тропе между ними. Ланарк проговорил:

— Мне хочется петь. Ты знаешь какие-нибудь марши?

— Нет. Этот рюкзак оттягивает мне спину, а еще у меня мерзнут руки.

Ланарк взгляделся в плотную белизну и потянул носом ветерок. Пейзаж оставался невидимым, но пахло морем, и плескали в отдалении волны. Перед путниками лежал, вероятно, крутой подъем — идти стало тяжело, поэтому Ланарк удивился, заметив, что Рима его опередила и вот-вот скроется в тумане. С усилием он ее догнал. Она не то чтобы бежала, но делала очень широкие шаги. Схватив ее за локоть, Ланарк выдохнул:

— Как ты... умудряешься... бежать во всю прыть?

Рима застыла и уставилась на него:

— Чего уж проще, вниз по склону.

— Мы идем вверх.

— Ты свихнулся.

Каждый вглядывался в другого, ища признаки того, что он шутит; наконец Рима попятилась:

— Не подходи! Ты свихнулся!

Ланарк шагнул к Риме, и голова у него пошла кругом. Его словно бы что-то толкнуло сбоку. Он пошатнулся, но устоял и застыл на месте, немного покачиваясь. Он произнес слабым голосом:

— Рима, по эту сторону линии дорога идет под гору, а по ту сторону — в гору.

— Так не бывает.

— Знаю. Но это факт. Убедись сама.

Рима подошла, нерешительно перенесла ногу через линию, потом убрала ее со словами:

— Ладно, я тебе верю.

— Но почему не попробовать самой? Держись за мою руку.

— Раз мы оба находимся на половине, идущей под гору, на ней и останемся. Быстрее будем продвигаться.

Она пошла вперед, Ланарк пустился следом.

Теперь Ланарк ощущал, что движется по крутому спуску. Шаги все удлинялись, и тут он крикнул:

— Рима! Стой! Стой!

— Я упаду, если попробую остановиться!

— Мы оба упадем, если не остановимся. Спуск слишком крутой. Дай руку.

Они схватились за руки, уперлись каблуками, по инерции проехали немного вперед и остановились в неустойчивом положении, шатаясь.

— Нам нужно идти по этой стороне. Тише едешь — дальше будешь. Я пойду первым.

Ланарк отпустил руку Римы, осторожно сделал шаг вперед и поскользнулся. Чтобы удержаться, он уцепился за Риму и потянул ее за собой. Они полетели кубарем, потом Ланарк начало крутить с боку на бок. Всякий раз, когда он перекачивался через рюкзак, слышался глухой удар. Когда падение остановилось и Ланарк смог подняться на ноги, он ощутил под собой ровную поверхность. Вокруг не было видно ничего, кроме тумана. Даже желтая линия исчезла. «Рима! Рима! Рима!» — завопил он, прислушался и различил отдаленный шум моря. На миг Ланарком овладело отчаяние. Он вынул из рюкзака фонарь, включил и на расстоянии ярда обнаружил желтую линию. Потом Ланарк сообразил, что, если Рима попала на ту сторону линии, она должна была покатиться в обратном направлении. Эта мысль его ободрила, потому что она вносила в события логику. Он повернулся и, не выпуская фонарь, стал карабкаться вверх по холму. Достигнув с большим трудом вершины, он услышал всхлипывания. Еще несколько шагов — и показалась Рима, сидевшая на корточках по ту сторону линии. Лицо она прятала в ладонях. Ланарк сел рядом и обнял Риму за плечи. Немного погодя она подняла взгляд и сказала:

— Хорошо, что это ты.

— А кто же еще?

— Не знаю.

Костяшки пальцев у Рима кровоточили. Ланарк вынул походную аптечку, промыл ссадины и залепил пластырем. Усталые, они уселись бок о бок. Каждый ожидал, пока другой что-нибудь предложит. Наконец Рима нарушила молчание:

— Что, если нам идти по разные стороны от линии, но держаться за руки? Тогда, если один начнет падать, другой его притормозит.

Ланарк воззрился на нее и вскочил:

— Гениальная идея!

Улыбнувшись, Рима поднялась на ноги:

— Давай попробуем. Куда нам идти?

— Налево.

— Ты уверен?

— Да. Ты, сама того не заметив, пересекла линию.

При новом способе передвижения большая нагрузка падала на сцепленные руки, но в целом он оказался очень эффективным. Наконец дорога по обе стороны линии сделалась плоской и впереди замаячила сквозь туман часть гигантской каменной стены. Желтая линия привела к железной двери с надписью краской:

Ланарк мрачно пнул дверь. Она стояла как скала.

— Это я пересек линию, а не ты.

Они развернулись и снова пустились в путь.

Вскоре их ушей достиг странный дребезжащий звук, который показался Ланарку знакомым. Рима проговорила:

— Кто-то плачет.

Вынув фонарь, Ланарк осветил вперед, и Рима шумно вздохнула. На дороге, пряча лицо в ладонях, сидела на корточках высокая светловолосая девушка в черном пальто, с рюкзаком за плечами. Рима шепнула:

— Это я?

Ланарк кивнул, подошел к девушке и опустился рядом с ней на колени. У Римы вырвался истерический смешок.

— Ты что, забыл? Ты это уже делал.

Но сидевшая перед ним девушка так горевала, что он забыл о той, которая стояла сзади. Взяв ее за плечи, он принялся настойчиво повторять:

— Я здесь, Рима! Все в порядке. Я здесь!

Она не обращала внимания. Прямая Рима шагала сзади, холодно приговаривая:

— Хватит жить прошлым.

— Но я не могу оставить часть тебя сидящей вот так на дороге.

— Отлично, тащи ее за собой. Похоже, рядом с беспомощной женщиной ты чувствуешь себя силачом и суперменом, но увидишь, она тебе очень скоро наскучит.

В ее голосе так явственно слышались насмешка и растерянность, что Ланарк встал. Поскольку сидевшая Рима его не замечала, ему оставалось только следовать за той, что шагала вперед.

Взявшись за руки, они долго шли молча. Глаза видели только бледный туман, до слуха не доносилось ничего, кроме вздохов моря. Щеки кусал холодный воздух, плечи, локти и пальцы сводило судорогами боли, особенно на крутых участках, когда тот, кто спускался, тянул за собой другого. Они потеряли чувствительность ко всему, кроме боли в натруженных руках и ногах. Временами они засыпали на ходу, но их будили приступы головокружения, случавшиеся, когда спящий переступал линию. Ощущение бывало ничуть не лучше, чем при ударе током, поэтому у Ланарка и Римы выработался рефлекс и во сне не отклоняться от прямого пути. Ланарк убедился в этом, когда у него на долгое время отключилось сознание, вслед за чем он больно стукнулся обо что-то коленкой. Проморгавшись, он различил впереди, в налитом белизной пространстве, какой-то гигантский предмет наклонных очертаний. Ланарк извлек фонарь и осветил нижнюю часть препятствия. Предмет, о который он стукнулся коленом, оказался ободом ржавого железного колеса, которое лежало на боку, перегораживая дорогу. Ланарк помог Риме вскарабкаться на колесо, прошел первым по спице, взобрался на ступицу и направил луч фонаря вверх. Он рассчитывал увидеть мощное индустриальное сооружение, вроде башни над заброшенной шахтой, но его ждал сюрприз. Над колесом нависало подобие половины бочонка из дерева, скрепленного железом. Рима объяснила:

— Это колесница.

— Но там внутри хватит места на два-три десятка человек! Что за лошади ее везли? Головка этого болта крупнее моей головы.

— Может, это мы ужались.

— Притом какая это древность — посмотри на ржавчину! А лежит посередине современной дороги. Придется обойти вокруг нее.

Ланарк спрыгнул в промежуток между колесницей и колесами и угодил коленями на сухой песок. Рима приземлилась рядом, скинула рюкзак и со словами «Спокойной ночи» тут же и улеглась.

— Разве можно здесь спать?

— Кликни меня, когда найдешь местечко лучше.

Ланарк заколебался, однако здесь они были защищены от холодного ветра, и песок был очень мягкий. Он тоже сбросил рюкзак, лег рядом и предложил:

— Клади голову мне на плечо.

— Спасибо. Так я и сделаю.

Немного повертевшись, чтобы поудобнее устроиться на песке, они на время замерли. Ланарк произнес:

— Спал вчера на подушках из пуха гагачьего, под одеялом с атласной изнанкой, а сегодня постель стелить мне для чего — лягу в поле с цыганкою-оборванкой.^[9]

— Что это?

— Всплыла в памяти песня. Жалеешь, что мы ушли из института?

— Я слишком вымоталась, чтобы о чем-нибудь жалеть.

После минутного молчания ее голос, словно бы долетевший издалека, добавил:

— Оно и хорошо. Если бы я не вымоталась, то не смогла бы заснуть.

Ланарка пробудил музыкальный стрекот, который зародился где-то вдали, пробежал у них над головами и растворился в безмолвии. Рима встрепенулась и села, отряхивая с плеч песок; потянулась и зевнула.

— Ох, до чего же я жирная, потная и липкая.

— Жирная?

— Да, у меня раздулся живот.

— Это от голода. Поешь лучше.

— Я не голодна.

— Может, попьешь горячего кофе? В твоём рюкзаке есть термос.

— Да, попью.

Рима расстегнула рюкзак, сунула туда руку и, морщась, извлекла наружу красный термос, звякавший и ронявший коричневые капли. Она отбросила термос в сторону и начала пятерней вычесывать из волос песок.

— Должно быть, он разбился, когда ты упала. Вынь лучше припасы, они промокли — как бы не испортились.

Как он ни уговаривал, Рима отказалась притронуться к пище, поэтому Ланарк сам вынул припасы, заменил мокрую упаковку и сложил их в свой рюкзак, рядом с фляжкой бренди. Они встали, обошли колесницу и различили переднюю часть еще одной. Вся

дорога была усеяна обломками колесниц, которые маячили в тумане, подобно затонувшей флотилии боевых кораблей; оглобли, оси, разбитые обода и голые спицы торчали меж ушедших в песок остовов, как мачты, якоря и колоссальные гребные колеса. Пробраться через это нагромождение было невозможно, поэтому Ланарк с Римой потащились в обход, часто останавливаясь, чтобы вытряхнуть из обуви песок (вскоре, однако, они смирились с этим неудобством). Прошел, казалось, не один час, прежде чем они снова ступили на асфальт. Перед тем как в последний раз вытряхнуть песок, они сели и сделали по глотку бренди, затем соединили ладони над желтой линией и вновь пустились в путь.

Кровь в их жилах побежала быстрее. В руках почти не было напряжения, туман согрелся, словно сквозь него начали проникать солнечные лучи, слух ласкали приятные звуки: песня раннего жаворонка в небесах, затем воркование голубей и мерный стук, как если бы дождь хлестал по лесной листве. Однажды до них донеслось такое громкое журчание и скрип весел, что Ланарк направил фонарь на обочину, ожидая увидеть берег широкой реки, однако, хотя плеск воды усилился, вокруг был один песок. Далее послышались шаги и голоса невидимых пешеходов, шедших в обратную сторону. Пешеходы следовали группами по двое-трое, ведя тихий, неразборчивый разговор, только одна пара вроде бы спорила.

«...Форма жизни, как мы с тобой».

«...Здесь папоротники и трава...»

«Что особенного в траве?»

Когда Ланарк с Римой проходили сквозь невидимую толпу неумолчно щебетавших детишек, им в лицо

брызнули настоящие капли дождя, туман окрасился в золото и испарился. По волнистой песчаной местности бежала к горе на горизонте совершенно ровная дорога, местами заключенная между высоких обочин. По холмам предгорья (дождь как бы присыпал его серебряным порошком) были разбросаны крохотные фермы, поля и леса; меж снежными пиками, составлявшими вершину горы, плавали, опускаясь, облака, а над всем этим царила радуга — разноцветная арка в три четверти круга, мягко сиявшая на сияющем небе. Улыбнувшись Ланарку, Рима ухватила его за обе руки:

— Ты хорошо сделал, что увел меня из той дыры. Иногда ты бываешь очень даже неглупым.

Поцеловавшись, они пошли дальше. Спустился туман, и странности земного притяжения на дороге заставили их снова взяться за руки. И снова они облегчили себе усилия, пройдя этот отрезок в полузабытьи. Наконец Рима произнесла:

— Мы уже почти пришли.

Рывком пробудившись, Ланарк увидел перед собой высокую каменную стену. Он включил фонарь, и в потоке света перед ним предстала железная дверь с надписью:

Рима села, прислонившись спиной к двери, и сложила руки. Ланарк созерцал надпись, стараясь не верить собственным глазам. Рима попросила:

— Дай мне чего-нибудь поесть.

— Но... но... но этого не может быть! Не может быть!

— Ты обогнул те колесницы, и мы вернулись той же дорогой.

— Это точно другая дверь. На ней больше ржавчины.

— Номер тот же. Дай мне рюкзак.

— Манро говорил, что дорога ясно размечена!

— Ты что, оглох? Я умираю с голоду! Дай же мне, черт возьми, рюкзак!

Ланарк сел и положил рюкзак между собой и Римой. Она открыла его и принялась за еду. По щекам ее катились слезы. Ланарк обнял ее за плечо, но она стряхнула его руку, и он тоже начал жевать. В зоне он не испытывал пока ни особого голода, ни жажды; еда показалась ему безвкусной, и он сложил ее обратно в рюкзак, но Рима бешено работала челюстями, словно это была своеобразная форма мести. Она поглощала финики, инжир, говядину, толокно и шоколад и все это время не переставала плакать. Не сводя с нее испуганного взгляда, Ланарк робко произнес:

— Ты съела уже больше половины припасов.

— Ну?

— А ведь у нас впереди долгое путешествие.

Откликнувшись то ли стоном, то ли смешком, Рима доела все остальное, откупорила фляжку с бренди, сделала два больших глотка и, пошатываясь, удалилась в туман. Сквозь муть Ланарк различил, как она опустилась на колени у дороги, и услышал, что ее рвет. Вернулась

она бледная, положила голову Ланарку на колени и тут же заснула.

Вначале Ланарку было приятно ощущать на коленях груз. Глядя на ее лицо, похожее во сне на личико ребенка, он преисполнился чувством превосходства, с примесью нежности и печали — как бывает обычно, когда смотришь на спящего. Но сидеть было жестко и неудобно, и Ланарк начал тяготиться своей позой. Мысли его были заняты дорогой, тем, куда бы с нее свернуть. Неподвижность требовала усилий, мышцы болели. Наконец он коснулся губами век Рины.

— В чем дело? — спросила она, открыв глаза.

— Рима, нам пора.

Она выпрямилась и убрала назад волосы.

— Если ты не против, я лучше останусь и подожду тебя здесь.

— Не исключено, что ждать придется долго. Я отказываюсь умирать у дверей заведения, где наломал дров.

— Наломал дров? Наломал дров? В жизни не слышала такого бреда.

Не зная, как ее успокоить, он ляпнул наобум:

— Я тебя люблю.

— Заткнись!

Его гнев вырвался наружу.

— Мне нравится, как в трудных обстоятельствах ты разом отбрасываешь прочь и мужество, и рассудок.

— Заткнись! Заткнись!

— Раз уж мы решили, что держать себя в руках не обязательно, дай мне, пожалуйста, бренди.

— Нет, бренди нужно мне.

Ланарк поднялся на ноги:

— Ну как, ты идешь?

Рима скрестила руки на груди. Он резко бросил:

— Если тебе нужна аптечка, можешь взять в рюкзаке.

Рима не пошевелилась. Он униженно взмолился:

— Пойдем, пожалуйста.

Рима не пошевелилась.

— Если погромче постучаться, кто-нибудь, может, откроет.

Рима не пошевелилась. Ланарк положил рядом с нею фонарь, пробормотал: «Прощай!» — и пошагал прочь. Вприпрыжку спускаясь с первого холма, он ощутил толчок в спину. Обернулся и увидел Риму, запыхавшуюся, всю в слезах.

— Ты хотел меня бросить! Бросить одну в тумане!

— Я думал, ты этого хочешь.

— Ты тупой негодяй.

Ланарк проговорил неловко:

— Ну ладно, давай руку.

Они взялись за руки, и Ланарк тут же обессилел. Все тело у него болело. Он не мог даже хорошенько сжать пальцы Римы. Рима сама держала его за руку и вела вперед. Ему было неприятно ее касаться. Хотелось лечь и заснуть. Стараясь выдать свою нетвердую походку

за небрежную, он думал злобно: «Скоро она устанет меня тащить», но Рима преодолела большое расстояние без единой жалобы. Наконец, настроившись беспечно, он сделал вид, что напевает себе под нос. Остановившись, Рима вскричала:

— Давай же помиримся, Ланарк! Пожалуйста, пожалуйста, ну почему бы нам не помириться?

— Я слишком устал, чтобы мириться. Спать хочу.

Всмотревшись в его лицо, она расслабилась и просияла.

— Я думала, ты меня ненавидишь и хочешь от меня отделаться.

— Так оно и было — тогда.

— Давай сядем. Я тоже устала, — проговорила Рима весело и села на дорогу.

Ланарк предпочел бы песчаную обочину, но слишком устал, чтобы возражать. Он лег рядом с Римой. Она погладила его по волосам, и он почти уже погрузился в сон, но, почувствовав что-то странное, сел.

— Рима! Асфальт в трещинах! На нем растет мох!

— Я и подумала, что сидеть стало удобней.

Ланарк с тревогой осмотрелся и увидел сквозь туман предмет, заставивший его забыть об усталости. Перед ними совершенно неподвижно стояло темное сгорбленное существо приблизительно в четыре фута высотой, безголовое, с множеством ног. Ноги были собраны в кучку и согнуты, как перед прыжком. Схватив Ланарка за плечо, Рима прошептала:

— Паук.

Ланарк почувствовал, как натянулась кожа головы. В ушах послышался шум. Он встал и тихонько попросил:

— Дай мне фонарь.

— У меня нет фонаря. Пойдем отсюда.

— Обратиться к этому спиной? Нет уж.

Сделав глубокий вздох, Ланарк шагнул вперед. Темное тело оказалось скоплением многих тел, каждое из которых имело собственную ногу. Он крикнул радостно:

— Рима, это поганки!

На желтой линии выросла куча больших поганок, причем половина их округлых шляпок смотрела налево, а другая половина — направо. Ланарк нагнулся, чтобы рассмотреть ножки. Они росли на куче гнилого тряпья, где валялись также ржавые пряжки и пупырчатый синий цилиндр. Ланарк указал:

— Смотри, термос! А эта куча старого тряпья, должно быть, твой рюкзак!

— Не трогай! Гадость какая!

— Как они сюда перебрались? Мы оставили их у колесниц. Не ползли же они по дороге нам навстречу.

— Здесь возможна любая пакость.

— Не будь дурочкой, Рима. Здесь происходили странные вещи, но не ужасные. Этот гриб — форма жизни, как мы с тобой.

— Как ты — возможно. Но не как я.

Глядя как замороженный на грибы, Ланарк обошел их вокруг и тут почувствовал легкое прикосновение к своим лодыжкам.

— Рима, да тут мох и трава.

— Что удивительного в траве?

— Это лучше, чем пустыня с грудой ржавых колес. Пошли, там впереди склон. Попробуем на него забраться.

— Зачем? У меня болит спина, а ты вроде бы до полусмерти устал.

За скопищем поганок дорога исчезала под заросшей насыпью. Ланарк стал карабкаться на нее первым, Рима, ворча, последовала за ним.

Продираясь сквозь заросли дрока, ежевики и папоротника-орляка, они радовались, что одеты в пальто. Белый туман рассеялся, и Ланарка с Римой окружила освещенная тьма, под необъятным небом, полным звезд. Они стояли на краю десятиполосной автомагистрали, которая пересекала дымку, как дамба прорезает пенный океан. Машины проносились слишком быстро, чтобы их можно было различить: крохотные звездочки в отдалении внезапно вырастали, просвистывали мимо с ураганной скоростью, на противоположной стороне горизонта вновь стягивались в звездочки и исчезали. На травянистой обочине виднелся дорожный знак, высотой в добрых тридцать футов:

— Отлично, — обрадовался Ланарк, — наконец мы на правильном пути. Пошли.

— Видно, это закономерность: когда я могу идти, ты еле передвигаешь ноги, а когда мне нужен отдых, ты тянешь меня за собой.

— Ты действительно устала, Рима?

— Нет, что ты. Ничего подобного. Я устала? Что за ерунда.

— Хорошо. Тогда пойдём.

Едва они тронулись с места, как туманный горизонт слева озарился сиянием и из-за черной зубчатой вершины на небо выплыл желтый светящийся шар. Рима сказала:

— Луна!

— Не может быть. Слишком быстро восходит.

На шаре, как на луне, имелись пятна. Он пересек Орион, миновал Полярную звезду и, опустившись, скрылся за горизонтом по ту сторону дороги. Чуть позже он, с небольшой щербинкой на боку, вновь появился из-за горы слева. Рима остановилась:

— Больше не могу. Спина болит, живот вздулся, пальто жутко жмет. — В ее голосе слышалось отчаяние.

Она яростно расстегнула пальто, и Ланарк удивленно уставился на нее. Прежде платье свисало с нее, как с вешалки, теперь же живот подпирал грудь, а янтарный бархат обтягивал его, как оболочка воздушного шара. Взволнованная какой-то мыслью, Рима опустила взгляд и проговорила слабым голосом:

— Дай мне руку.

Испуганно вглядываясь в Ланарка, она прижала его ладонь к низу своего живота. Он открыл было рот, чтобы

сказать: «Я ничего не чувствую», но тут ощутил сквозь плотную стенку странные слабые биения.

— Там кто-то есть.

Рима истерически вскрикнула:

— У меня будет ребенок!

Ланарк широко открыл глаза, она ответила обвиняющим взглядом. Он старался остаться серьезным, но не смог. По его лицу расползлась широкая счастливая улыбка.

— Ты рад! — оскалившись, взвизгнула она. — Рад!

— Прости, ничего не могу с собой поделать. Низким напряженным голосом она проговорила:

— Как ты, наверное, меня ненавидишь...

— Я тебя люблю!

— ...Ухмыляешься, узнав, что мне предстоят жуткие муки, что у меня разверзнется живот и я, быть может, умру...

— Ты не умрешь!

— ...на краю треклятой автострады, без единого треклятого доктора на треклятом горизонте.

— Мы успеем добраться в Унтанк!

— Откуда ты знаешь?

— А если не успеем, я о тебе позабочусь. Роды — процесс естественный. Обычно.

Рима опустилась на колени в траву, спрятала лицо в ладони и истерически зарыдала, на Ланарка же напал безудержный смех, поскольку он почувствовал себя свободным от ноши, которую, сам о том не подозревая,

нес на себе всю жизнь. Потом, устыдившись, он тоже встал на колени и обнял Риму. Она не сопротивлялась. Они простояли так долгое время.

Глава 34 Перекрестки

Когда Ланарк снова посмотрел на небо, по нему плыл полумесяц.

— Рима, нам нельзя застревать на месте.

Рима встала, и они с Ланарком пошли, взявшись за руки. Она жалобно проговорила:

— Нехорошо было с твоей стороны радоваться.

— Не тревожься, Рима. Слушай, когда Нэн была беременна, ей не на кого было надеяться, но она хотела ребенка и благополучно родила.

— Хватит сравнивать меня с другими женщинами. Нэн дурочка. Кроме того, она любила Сладдена. А это совсем другое дело.

Ланарк встал как вкопанный.

— Ты меня не любишь?

Рима нетерпеливо отозвалась:

— Ты мне нравишься, Ланарк, и конечно, я тебе доверяю, но надеяться на тебя трудно, так ведь?

Прижав к груди стиснутый кулак, Ланарк уставился в пространство. Он потерял силы и чувствовал себя совершенно опустошенным.

Внезапно лицо Римы оживилось. Она указала:

— Гляди!

Впереди, в полусотне ярдов, стояла у обочины автоцистерна, рядом с нею — мужчина, который, судя по всему, мочился на землю между колес. Рима предложила:

— Попроси, пусть он нас подвезет.

Ланарк не находил в себе силы двинуться с места.

— Я не люблю одалживаться у посторонних.

— Вот как? Тогда я попрошу.

С криком «Извините, можно вас на минуточку?» она кинулась к автоцистерне.

Водитель, застегивая ширинку, обернулся к ним. На нем была кожаная куртка и джинсы. Это оказался рыжеволосый, коротко стриженный молодой человек; он смерил Риму с Ланарком пустым взглядом. Рима сказала:

— Простите, не могли бы вы меня подвезти? Я ужасно устала.

Ланарк вставил:

— Мы хотим добраться до Унтанка.

— Я еду в Имбер.

Водитель смотрел на Риму. Капюшон свалился ей на спину, бледно-золотистые волосы падали на плечи, наполовину скрывая широкую улыбку. Пальто распахнулось, круглый живот натягивал короткое платье, обнажая ноги намного выше колен. Водитель добавил:

— Правда, Имбер от Унтанка в двух шагах...

Рима спросила:

— Можно сесть?

— Конечно, если хотите.

Он подошел к кабине, открыл дверцу, забрался внутрь и протянул Риму руку. «Я помогу», — пробормотал Ланарк, но Рима взялась за руку водителя, ступила на втулку колеса и скрылась прежде, чем Ланарк

успел ее коснуться. Вскарабкавшись вслед за нею, Ланарк закрыл за собой дверцу. Кабина, жаркая, скудно освещенная и пропахшая бензином, была поделена на две части двигателем, толщины не меньшей, чем круп лошади. Трясущийся механизм был накрыт клетчатым пледом, в дальнем конце сидел водитель. Ланарк предложил Риме:

— Давай я сяду посередине.

Но она взгромоздилась на плед.

— Нет, это мое место.

— Как бы от вибрации... чего не вышло.

Рима усмехнулась:

— Ничего не случится. Это хорошая вибрация.

Водитель вставил:

— Я всегда сажаю цыпочек на двигатель. Это их разогревает.

Он сунул в рот две сигареты, закурил и протянул одну Риме. Ланарк мрачно застыл на другом сиденье. Водитель спросил:

— Ну как, нормально?

Рима кивнула:

— Да, вы очень добры.

Водитель выключил свет и нажал на газ.

Разговаривать вполголоса стало невозможно: приходилось перекрикивать двигатель.

— На капустное поле? — услышал Ланарк вопль водителя.

— Вы очень наблюдательны.

— Удивительно, как некоторые цыпочки умудряются и с животом выглядеть сексуально. Зачем вас понесло в Унтанк?

— Мой бойфренд хочет там работать.

— А чем он занимается?

— Он живописец — художник.

Ланарк завопил:

— Я не живописец!

— Ах, художник? А обнаженку он рисует?

— Я не художник!

Рима подтвердила со смехом:

— Да-да. Обнаженку он очень даже любит.

— Держу пари, я догадаюсь, кто его любимая модель.

Ланарк хмуро уставился в окно. Веселость, пришедшая на смену истерическому отчаянию Римы, настораживала его еще больше, так как он не понимал, чем она вызвана. С другой стороны, хорошо было думать, что с каждым мигмом приближаешься к Унтанку. Из мчавшегося грузовика луна виделась иначе: ее тонкий серп неподвижно стоял чуть выше горизонта, внушая приятную уверенность, что время замедлилось. «Давай, дай это ему!» — услышал Ланарк громкий возглас водителя, и Рима сунула ему в руку какой-то пухлый предмет. Водитель крикнул:

— Сосчитай, что там есть, — считай давай!

Предмет оказался бумажником. Ланарк яростно швырнул его обратно через ноги Рима. Водитель взял бумажник в одну руку и проревел:

— Две сотни фунтов! За четыре дня работы. Все время перерабатываю, но существо хорошо платит за сверхурочные. Даю половину, если нарисуешь свою девушку голой, идет?

— Я не художник, и нам нужно в Унтанк.

— Брось, что ты там забыл! Имбер — вот место что надо. Яркие огни, стрип-клубы, шведский массаж, работы для художника — по горло и выше. В Имбере для каждого найдется дело. Я вам там все покажу.

— Я не художник!

— Берите, ребята, еще по сигарете и зажгите одну для меня. Беря сигаретную пачку, Рима крикнула:

— Ты в самом деле можешь себе это позволить?

— Вы видели мой бумажник. Я могу себе позволить все, что захочу, так?

— Вот бы мой бойфренд был хоть немного на тебя похож!

— Я такой человек: если чего захочу, то не забочусь, во что это обойдется. Плевать на последствия. Один раз ведь живешь, верно? Поехали в Имбер.

Рима крикнула со смехом:

— Я тоже отчасти такая!

Ланарк взревел:

— Мы едем в Унтанк! — но водитель и Рима словно бы его не слышали.

Покусывая суставы пальцев, он опять отвернулся к окну. С обеих сторон стремительно неслись потоки легковых машин и грузовиков, с загадочными трафаретными надписями: КВАНТУМ, ВОЛСТАТ, КОРТЕКСИН, АЛГОЛАГНИКС. Водителю как будто нравилось демонстрировать свою удаль, обгоняя их. Ланарк гадал, когда будет поворот на Унтанк и удастся ли уговорить водителя там остановиться. И еще: если машина остановится, ему придется выйти первым, поскольку он сидит ближе к дверце. Что, если водитель увезет Риму? Может, она только об этом и мечтает. Она вроде бы вполне счастлива. Ланарк задумался, не сошла ли она с ума из-за беременности и утомления. Он и сам был вконец измотан. Перед тем как он уснул, его последней отчетливой мыслью было: что бы ни случилось, ни в коем случае нельзя заснуть.

Проснувшись, Ланарк поразился окружавшей его тишине и не сразу понял, где находится. Грузовик стоял на обочине, и в кабине, справа от Ланарка, шел спор. Водитель рывкнул со злостью:

— Тогда выкатывайся!

Рима спросила:

— Но почему?

— Оглянуться не успеешь, а ты уже передумала, так?

— Насчет чего?

— Выкатывайся! Я вас, сучек, насквозь вижу.

Ланарк проворно распахнул дверцу:

— Да, мы выходим. Спасибо, что подбросили.

— Ты бы поберегся, приятель. С ней, того и гляди, попадешь в беду.

Ланарк выбрался на обочину и помог выйти Рима. Дверца захлопнулась, и автоцистерна с грохотом умчалась, превратившись в огонек среди других отдаленных огней. Рима сказала, хихикнув:

— Ну и чудила. Похоже, он не на шутку расстроился.

— Ничего удивительного.

— О чем это ты?

— Ты с ним заигрывала, и он принял это всерьез.

— Я не заигрывала. Я старалась быть вежливой. Он лихач.

— Как чувствует себя малютка?

Рима вспыхнула.

— Ни на минуту не дашь мне об этом забыть, да?

Она быстро зашагала вперед.

Дорога шла между двумя широкими плоскими насыпями. Внезапно Рима спросила:

— Ланарк, ты заметил, что транспорт движется не так, как раньше? Только в одну сторону.

— А раньше в обе?

— Конечно. Всего-то минуту назад. Что это за шум?

Оба прислушались. Ланарк отозвался:

— Гром, наверное. Или самолет.

— Нет, это приветственные крики толпы.

— Пойдем вперед, там узнаем.

Впереди явно творилось что-то странное: на горизонте собирались огоньки. Насыпи сделались круче, и дорога превратилась в подобие ущелья. Обочина представляла собой полосу травы вдоль темного обрыва, по верху которого рос густой плющ. Сзади завывали сирены, полицейские машины мчались туда, где горели огни и слышался шум. Зарево, казалось, перегораживало путь, и на подступах к нему машины притормаживали. Вскоре Рима и Ланарк увидели большой хвост из грузовиков и автоцистерн. Водители стояли на обочине и переговаривались с помощью криков и жестов, потому что грохот с каждым шагом усиливался. Ланарк с Римой миновали еще один дорожный знак:

и Рима наконец остановилась, зажимая ладонями уши и мимикой показывая, что дальше не пойдет. Ланарк сердито нахмурился, но в таком шуме думать было невозможно. Он напоминал звериный или даже человеческий крик, но только машины могли произвести это оглушительное урчанье и воркотанье, вопли, вздохи, рев, клекот, визг, брызжанье, жалобы. Звук переместился под землю, которая мучительно задрожала у них под ногами. По-прежнему зажимая уши, Рима повернулась и припустила обратно; Ланарк, чуть помедлив, охотно последовал за нею.

К очереди пристроилось еще множество машин, водители которых стояли на дороге, поскольку грузовики давали убежище от шума. Молодой полисмен с фонарем обращался к группе водителей, и Ланарк потянул Риму за рукав, предлагая остановиться и послушать. Полисмен говорил:

— На повороте на Унтанк автоцистерна врезалась в грузовик, перевозящий груз от «Алголагникса». Никогда ничего подобного не видел: нервная сеть, раскиданная по полосам, словно здесь играли в футбол мячами, наполненными кровью. И так отчаянно визжит, что вот-вот раскрошится асфальт. Известили совет, но когда они разберутся с этим месивом, одному богу известно. Понадобятся дни, а может, и недели. Если вам нужно в Имбер, то поезжайте кругом, через Нью-Камбернолд. А если в Унтанк, то попрощайтесь с этой мыслью. Кто-то задал вопрос о водителях.

— Откуда мне знать? Если им повезло, то погибли при столкновении. Без защитной одежды ближе чем на шестьдесят метров туда не подойти.

Полицейский пошел прочь, но Ланарк тронул его за плечо:

— Можно с вами поговорить?

Посветив им в лица фонарем, полицейский резко спросил:

— Что это у вас на лбу?

— Отпечаток большого пальца.

— Что ж, чем могу помочь, сэр? Давайте быстрее, мы сейчас очень заняты.

— Мы с этой леди направлялись в Унтанк...

— Не может быть и речи, сэр. Дорога перекрыта.

— Но мы идем пешком. Можем и в обход.

— Пешком?

Полицейский потер себе подбородок и наконец сказал:

— Существует старый пешеходный тоннель. Он не используется уже несколько лет, но, насколько мне известно, официально считается действующим. То есть не заколочен досками.

Полицейский повел их по траве к темному пятну на стене обрыва. Оказалось, что это прямоугольная дверь, в восемь футов высотой, полускрытая тяжелыми гирляндами плюща. Полисмен посветил внутрь фонарем. Пол, занесенный опавшей листвой, наклонно уходил в темноту. Рима заявила твердо:

— Я туда не пойду.

Ланарк спросил:

— Не знаете, какой он длины?

— Не могу сказать, сэр. Подождите минутку.

Лучом фонаря полисмен исследовал стенку около входа и обнаружил потускневшую надпись:

— Тоннели с такими входами очень длинными не бывают. Жаль, освещение не работает.

— Не могли бы вы одолжить мне ваш фонарь? Свой фонарь мы потеряли, а Рима — эта леди, — как видите, беременна.

— Простите, сэр, не могу.

Рима вмешалась:

— Не стоит это и обсуждать. Я отказываюсь туда идти.

— Тогда вам придется просить, чтобы кто-нибудь подвез вас в Нью-Камбернолд.

Полицейский пошел прочь. Ланарк терпеливо начал:

— Послушай, будем благоразумны. По тоннелю мы доберемся до Унтанка за четверть часа, а может, и быстрее. Там нет освещения, но есть перила, так что мы не заблудимся. До Нью-Камбернолда, быть может, не один час пути, а я хочу как можно скорее доставить тебя в больницу.

— Ненавижу темноту, ненавижу больницы и никуда не пойду!

— В темноте нет ничего плохого. В жизни я сталкивался с несколькими ужасными вещами, и каждый раз это было либо при солнечном свете, либо в хорошо освещенной комнате.

— А притворяешься, что тебе хочется солнечного света!

— Хочется, но не потому, что я боюсь его противоположности.

— Как ты мудр. Как храбр. Велик духом. И никуда не годен.

Отчаянно пререкаясь, они, чтобы спрятаться от шума, вошли в отверстие тоннеля. Внезапно Ланарк смолк, указал в темноту и шепнул:

— Смотри, выход!

Глаза уже привыкли к темноте, и Ланарк с Римой различали в самом низу крохотный, слабо светившийся прямоугольник. Внезапно Рима схватилась за перила и

стала спускаться. Ланарк догнал ее и молча взял за руку, боясь неловким словом поколебать ее решимость.

Гул за спиной постепенно смолк, шелест палой листвы под ногами тоже прекратился. Кончился и спуск. Сделалось прохладно а затем и холодно. Ланарк не сводил взгляда с тусклого прямоугольника.

— Рима, ты не отпускала перила?

— Конечно, нет.

— Странно. Когда мы входили в тоннель, огонек был виден строго по центру. И теперь он слева.

Они остановились. Ланарк продолжил:

— Думаю, мы обходим какое-то открытое пространство, вроде зала.

Рима прошептала:

— Что же нам делать?

— Шагать напрямиком к свету. Можешь застегнуть пальто?

— Нет.

— Нам нужно поскорее выбраться к теплу. Пошли. Пройдем посередине.

— А что, если... что, если там яма?

— Кто же строит пешеходный переход с ямой в середине? Бросай перила.

Они осторожно двинулись к светлому пятну, но тут Ланарк почувствовал, что скользит вниз, и с криком выпустил руку Римы. Он так сильно стукнулся головой и плечами о какую-то плотную, похожую на металл поверхность, что несколько секунд лежал на ней

оглушенный. Но хуже боли от падения был обжигающий холод. Руки и лицо такхватило морозом, что у Ланарка из глаз брызнули слезы. Он простонал:

— Рима, прости меня, Рима... Прости. Ради бога, где ты?

— Здесь.

Ланарк стал ползать кругами на четвереньках, ощупывая почву, но тут его ладонь коснулась чьей-то ноги.

— Рима?..

— Да.

— На тебе тонкие сандалии, а ведь ты стоишь на льду. Прости, Рима, я завел тебя на замерзшее озеро.

— Пустяки.

Клацая зубами, Ланарк встал и начал осматриваться.

— Где свет?

— Не знаю.

— Я его не вижу... нигде не вижу. Нам нужно вернуться к перилам.

— Ты не сумеешь. Мы пропали. — Тело ее находилось рядом, но голос, низкий и глухой, доносился, казалось, откуда-то издалека. — Я ведьма. Так мне и надо, за то, что убила его...

Решив, что она тронулась умом, Ланарк мгновенно растерял все силы.

— О чем это ты, Рима?

Чуть помолчав, она заговорила:

— На сносях, в молчании и темноте, в адском холоде, ни ты, ни я не знаем дороги, ноги отваливаются, спина болит, — так мне и надо. Он лихачил, чтобы произвести на меня впечатление. Он меня хотел, знаешь ли, и вначале меня это забавляло. Потом он мне наскучил — такой тупой и самодовольный. Когда он нас высадил, я пожелала ему смерти, он несся как сумасшедший и попал в аварию. Ничего удивительного, что ты хочешь запереть меня в больнице. Я ведьма.

Поняв, что Рима отчаянно рыдает, Ланарк попытался ее обнять.

— Во-первых, цистерна, попавшая в аварию, не обязательно та самая. Во-вторых, если человек несется сломя голову, ему некого винить, кроме самого себя. И еще, я не намерен куда бы то ни было тебя запирать.

— Не прикасайся ко мне.

— Но я тебя люблю.

— Тогда обещай не оставлять меня, когда начнутся роды. Обещай, что не спихнешь меня кому-нибудь и не сбежишь.

— Обещаю. Не тревожься.

— Ты так говоришь только потому, что нам предстоит замерзнуть до смерти. А если мы отсюда выберемся, ты тут же спихнешь меня шайке треклятых санитарок.

— Ничего подобного! Не спихну!

— Ты так говоришь сейчас, но когда начнутся настоящие мучения, сбежишь как миленький. Не выдержишь.

— Почему не выдержи? Это ведь будут твои мучения, а не мои.

Она взвизгнула:

— А ты и рад! Ты и рад! Радуется, мерзавец!

Ланарк крикнул:

— Что я ни скажу, во всем ты видишь доказательство, что я мерзавец!

— А ты и есть мерзавец! С тобой я не буду счастлива. Ты должен быть мерзавцем!

Ланарк молчал; грудь его вздымалась. Утешительные слова не шли ему на ум: он знал, что все они будут повернуты против него. Он поднял было руку, чтобы ударить Риму, но она была беременна; повернулся, чтобы убежать, но она нуждалась в нем. Тогда он опустился на четвереньки и издал вопль, который перешел в звериный рык, а затем в вой.

— Этим ты меня не напугаешь, — услышал он ее холодный негромкий голос.

Он завопил снова, и кто-то откликнулся вдалеке:

— Иду! Иду!

С трудом переводя дыхание, Ланарк встал. Ладони и колени у него застыли. Надо льдом плыл, приближаясь, огонек. Чей-то голос произнес:

— Простите, опоздал.

Когда огонек приблизился, стало видно, что его несет черная фигура, голову которой отделяла от плеч белая полоска. Наконец перед ними предстал священник. На вид он был среднего возраста, но с молодежьим лицом, гладким и энергичным. Подняв фонарь, он стал

вглядываться скорее не в лицо Ланарка, а в отметку у него на лбу. У него самого на лбу была такая же отметина.

— Ланарк, если не ошибаюсь? Отлично. Я Ритчи-Смоллет.

Они обменялись рукопожатием. Священник опустил взгляд на Риму, которая присела на корточки, устало обхватив руками живот.

— А это, значит, ваша супруга.

— Супруга, — огрызнулась Рима.

— Она устала и немного нездорова. Собственно, ей совсем скоро рожать.

Лицо священника расплылось в восторженной улыбке.

— Великолепно. Просто замечательно. Мы должны поместить ее в больницу.

Рима отчаянно выкрикнула:

— Нет!

— Она не хочет в больницу, — объяснил Ланарк.

— Нужно ее уговорить.

— По мне, пусть делает как ей вздумается.

Священник переступил с ноги на ногу и произнес:

— Здесь довольно холодно. Не пора ли нам выбираться на поверхность?

Ланарк помог Риме встать, и они двинулись вслед за Ритчи-Смоллетом по черному льду.

В пещере трудно было что-либо разглядеть, виден был только потолок, в футах или двух над их головами. Ритчи-Смоллет заметил:

— Трудолюбия этим викторианцам было не занимать. Когда участок наверху заполнился, они вырыли здесь пещеру, которая служила склепом. В следующем веке ее больше использовали пешеходы, да и теперь это удивительно удобный кратчайший путь... Пожалуйста, спрашивайте меня, о чем хотите.

— Кто вы?

— Христианин. Или стараюсь быть таковым. Наверное, вы спросите, к какой именно церкви я принадлежу, но, мне кажется, разве дело в вероисповедании? У Христа, Будды, Амона-Ра и Конфуция очень много общего. Собственно, я пресвитерианин, но работаю с верующими любых континентов и конфессий.

Ланарк слишком устал, чтобы разговаривать. Под ногами у них был уже не лед, а плиты наклонного сводчатого прохода. Ритчи-Смоллет добавил:

— Но только я против человеческих жертвоприношений, если они не добровольные, как в случае с Христом. Путешествие прошло хорошо?

— Нет.

— Ничего. Зато вы здоровы духом и телом и можете не сомневаться в сердечном приеме. Вам, конечно, предложат пост в комитете. На этом настаивал Сладден, и я тоже был за. Я уже давно не сталкивался с институтом и советом — в мои времена обстановка была

не такая напряженная. Мы очень порадовались, когда узнали, что вы решили к нам присоединиться.

— Я не решал ни к кому присоединяться. О работе комитета мне ничего не известно, и со Сладденом я не дружу.

— Ну-ну, имейте терпение. Ванна и чистая постель сделают чудеса. Вы, наверное, сами не понимаете, насколько устали.

Впереди появился светлый прямоугольник и вырос до размеров двери. Она вела к подножию металлической лестницы. Медленно, с трудом Ланарк и Рима стали одолевать залитые зеленовато-голубым светом ступени. Ритчи-Смоллет терпеливо плелся сзади, напевая себе под нос. Прошел не один час, пока они выбрались в узкую и темную комнату с каменными стенами, три из которых были украшены мраморными табличками, а четвертая представляла собой большие ворота из кованого железа. Легко открыв их, они ступили на гравиевую тропу под огромным черным небом. Ланарк увидел, что находится на вершине холма, средиobelisks знакомого кладбища.

Глава 35 Собор

Немного пройдя, Ланарк остановился и заявил:

— Это не Унтанк!

— Ошибаетесь. Это он самый.

Со склона, обстроенного остроконечными монументами, они смотрели вниз, на низкий и широкий собор. Примерно на уровне их глаз находился золоченый флюгер, но еще более Ланарка ошеломило то, что виднелось за ним. Ему помнился каменный город, состоявший из темных многоквартирных домов и нарядных общественных зданий, город с прямоугольной сеткой улиц и электрическими трамваями. Знакомый со слухами из кулуаров совета, он ожидал застать примерно ту же картину, только более темную и со следами еще большего обветшания, однако город под беззвездным небом светился холодным блеском. Тонкие фонарные столбы, высотой со шпиль собора, лили белый свет на дороги и петли эстакад. Со всех сторон высились башни из стекла и бетона, более двадцати этажей в высоту, с огнями на крыше, чтобы видели пилоты самолетов. Да, это был Унтанк, хотя старые улицы между башнями и автомагистралями доживали, казалось, последние дни, и за пятнами, расчищенными под автостоянки, зияли пустые глазницы фронтонов. Помолчав, Ланарк спросил:

— Унтанк умирает?

— Умирает? Не думаю. С тех пор как выбросили на свалку проект Кью — тридцать девять, население, конечно, уменьшилось, но зато начался грандиозный строительный бум.

— Но если в городе редееет население и останавливается промышленность, откуда берутся средства на новое строительство?

— Я слишком плохо знаком с хронологией, чтобы ответить. Мне представляется, обмен между сердцами значит больше, чем гигантский энергообмен в обществе. Разумеется, вы скажете, что это консервативный взгляд на вещи. С другой стороны, радикалы — единственные, кто желает со мной сотрудничать. Странно, не правда ли?

Ланарк раздраженно бросил:

— Вы как будто понимаете, о чем я спрашиваю, однако в ваших ответах я не нахожу никакого смысла.

— Обычная история, так ведь? Но если сердце у вас честное и вы не оставляете усилий, то для отчаяния нет причин. *Wer immer strebend sich bemiiht, der konnen wir erlosen*^[10]. О, вы будете нам очень полезны.

Внезапно Рима оперлась о камень и сказала спокойно, без ожесточенности:

— Я не могу идти дальше.

Встревоженный Ланарк, хотя его смущала мысль, что он держит не одного человека, а двух, обхватил ее за талию. Ритчи-Смоллет мягко спросил:

— Приступ головокружения?

— Нет, спина болит, а кроме того... Мысли путаются.

— Обучаясь на миссионера, я получил диплом по медицине. Давайте руку.

Он взял ее за запястье одной рукой, а другой стал отсчитывать секунды.

— Восемьдесят два. Совсем неплохо — с учетом вашего состояния. Сможете спуститься вот к тому зданию? Главное, в чем вы нуждаетесь, — это сон, но прежде я бы вас осмотрел и удостоверился, что все в порядке.

Священник указал на собор. Рима стала его рассматривать. Ланарк пробормотал:

— Что, если нам сцепить руки и понести ее?

Рима рывком выпрямилась:

— Нет, просто дай мне руку. Я пойду сама.

Священник повел их по трудноразличимым, заросшим сорняками тропам, минуя портики мавзолеев, которые были вырыты в склоне холма. В проблесках света, поступавшего снизу, вспыхивали обрывки надписей на надгробиях выдающихся людей:

«...его победоносная кампания...»

«...чья самоотверженная преданность...»

«...пользовался уважением учеников...»

«...высоко ценимый коллегами...»

«...всеми любимая...»

Они пересекли плоский участок и двинулись вдоль усыпанной галькой аллеи. Ритчи-Смоллет сказал:

— Приток бывшей реки.

В низкой каменной стенке поблизости Ланарк узнал парапет моста и оглядел сверху дорогу, зажатую меж крутых насыпей. По ней неслись к автомагистрали

машины, однако впереди, очевидно, был затор: замедлив ход и немного постояв, они разворачивались и устремлялись в обратном направлении. Тихий, но разборчивый пульсирующий звук действовал на барабанную перепонку, как сверло бормашины на зуб.

— Что это за шум?

— Похоже, затор на перекрестке: сломанный фургон, один из этих опасных монстров. Совет должен бы их запретить. Город заблокирован, и, наверное, надолго. Правда, продовольственных запасов у нас достаточно. Идемте туда, срежем путь.

Парапет сменила стена, скрытая кустами. Раздвинув их, Ритчи-Смоллет обнажил дыру и за ней лучше освещенное пространство. Ланарк помог Риме пробраться на ту сторону. Они оказались в ограде собора; вокруг лежали плоские, как плиты мостовой, надгробия. Прямо на них стояли под оградой фургоны и легковые автомобили. Рима опустилась на ступеньки подвижного грузоподъемного крана. Ритчи-Смоллет, засунув руки в карманы, смотрел вперед; на лице его играла чуть заметная удовлетворенная улыбка.

— Вот он стоит! Здесь снова находится средоточие власти.

Ланарк взглянул на собор. Яркое освещенный шпиль показался вначале чересчур тяжеловесным для своего основания — приземистого черного строения, прорезанного рядами тускло-желтых окон; затем во мраке вырисовались башня, кровля и контрфорсы массивной готической арки, лепные водостоки, разрушенные непогодой и молотками иконоборцев.

— Средоточие власти? Что вы имеете в виду? В Унтанке есть органы власти.

— Ну да, ныне мы их используем в делах, касающихся собственности. Там кипит работа, однако настоящие законодатели собираются здесь. Знаю, вам не терпится с ними встретиться, но прежде всего — сон. Я говорю сейчас не как служитель церкви, а как врач, и вы должны меня слушаться.

Надписи, по которым они ступали, были не столь пространны, как на верхнем кладбище.

«Уильям Скиннер: 5 1

/2

футов север x 2 1

/4

запад».

«Харри Флеминг, его супруга Минни, их сын Джордж, их дочь Эйми: 6 футов запад x 2 1

/2

север».

Достигнув бокового входа, они забрались на невысокое крыльцо.

На закрытой купели у самого входа сидел и читал книгу длинноволосый молодой человек в комбинезоне. Он поднял глаза и спросил:

— Где ты пропадал, Артур? Полифем просто бесится. Думает, что-то обнаружил.

Ритчи-Смоллет бодро бросил:

— Я спешу, Джек. Этим людям требуется отдых и забота. Можно найти на время свободное помещение? Я хочу сказать, в самом деле свободное?

— В кабинете искусств ничего не запланировано.

— Тогда притащи туда одеяла и подушки, чистые простыни — именно чистые — и приготовь постель.

— Да, но что я скажу Полифем? — Юноша отложил книгу и соскользнул на пол.

— Скажи, есть вещи поважнее политики.

Юноша поспешил прочь, огибая ряды стульев с плетеными сиденьями, которыми был уставлен выложенный плитами пол. Внутри собор казался обширней, чем снаружи. Центральные столбы, служившие опорой башне, заслоняли то, что находилось за ними, однако, судя по звукам органа и приглушенному пению гимнов, там шла служба. В то же время откуда-то снизу доносились четкие ритмы другой, не столь изысканной музыки.

— Недурная обстановочка в доме Божиим, не так ли? В крипте выступают «Октобер Терминус». Кое-кто этого не одобряет, но я им объясняю, что в эпоху Реформации зданием пользовались три церковные общины одновременно и что в доме Отца Моего обитателей много^[11]. Вам нужно в туалет?

— Нет, — пробормотала Рима, опустившись на стул. — Нет, нет, нет, нет.

— Тогда пойдем. Уже недалеко.

Медленно следуя по боковому приделу, Ланарк успел заметить, что здание за свою историю использовалось для разных целей. Наверху висели

потрепанные знамена; у стен теснились нарядные памятники воинам, убитым при вторжении на отдаленные континенты. У аркады под башней троица свернула влево, прошла несколько ступеней вниз, повернула вправо и, вновь спустившись, оказалась в небольшой часовне. Потолок был сводчатый, с каменными ребрами, однако побелка придавала ему вполне уютный вид. Воздух был теплый, пахло парафиновыми нагревателями, стоявшими в углах; у стены возвышалась почти до самого потолка куча пластиковых матрасов. Три из них лежали, сдвинутые вместе, на полу, и Джек застилал центральный. Когда он закончил, Рима легла и Ланарк помог ей снять пальто.

— Не засыпайте пока, я мигом, — сказал Ритчи-Смоллет и вышел.

Поправив фитили обогревателей, Джек последовал за ним. Ланарк, в свою очередь, скинул пальто и сел, положив голову Рима себе на колени. Он тоже устал, но не мог заснуть, пока липла к телу грязная одежда. Ощупал свои щеки и подбородок — они заросли спутанной бородой, макушку — волосы на ней поредели. Он явно постарел. Ланарк опустил взгляд на Риму, которая лежала с закрытыми глазами. Ее волосы вновь сделались темными, фигура, если не считать большого живота, словно бы исхудала по сравнению с тем временем, когда они гуляли по кулуарам совета. Недовольно нахмуренный лоб мог быть лбом сердитого ребенка, однако красивый и покойный изгиб губ принадлежал зрелой, довольной женщине между тридцатью и сорока. Ланарк смотрел и смотрел, но так и не смог определить ее возраст. Она пробормотала со вздохом:

— Где Сладден?

подавив злость, Ланарк мягко отозвался:

— Не знаю, Рима.

— Ты такой заботливый. Ланарк. Я всегда буду на тебя полагаться.

Ритчи-Смоллет с Джеком принесли тазы с горячей водой, полотенца, чистые ночные рубашки и сразу ушли. Рима легла на полотенца, а Ланарк мыл ее губкой и вытирал, особенно бережно прикасаясь к большому животу, который выглядел естественнее обнаженным, чем прикрытым одеждой. Рима снова забралась меж простыней. Ритчи-Смоллет вернулся с черным кожаным футляром. Встав у постели на колени, он вынул термометр, стетоскоп, стерильные перчатки в прозрачном пакете. Он сунул термометр Рима под мышку и готовился разорвать пакет, но Рима, открыв глаза, резко произнесла:

— Отвернись, Ланарк.

— Почему?

— Если ты не отвернешься, я не позволю ему ко мне притронуться.

Отвернувшись, Ланарк побрел вокруг столба, чувствуя ногами холод камня. С другой стороны столба он остановился и начал разглядывать потолок. Ребра его сходились к резным шишечкам, на одной из них был изображен в венке из роз очень жизнерадостный череп, на лбу которого сплетались две крохотные змейки. Поблизости на своде кто-то нацарапал карандашом:

— Что ж, видимо, все в порядке, — громко проговорил Ритчи-Смоллет. Обернувшись, Ланарк увидел, что он складывает инструменты в футляр. — Малыш, полагаю, лежит правильно. Если она будет настаивать на том, чтобы рожать здесь, мы, наверное, справимся.

— Здесь? — Ланарк был ошеломлен.

— То есть не в больнице. Ну ладно, пора дать вам заслуженный отдых.

Он вышел, задернув дверной проем красной занавеской.

Рима пробормотала:

— Ложись позади меня.

Ланарк повиновался, и она жадно прижала свои заледеневшие ступни к его голням. Ее спина, однако, была привычной и уютной. Вскоре оба пригрелись и заснули.

Ланарк пробудился среди шепотов и шорохов. По темным сводам, колоннам, полу и собравшейся толпе зигзагами пробежали цепочки ярких огоньков. Их отбрасывал серебристый многогранник, вращавшийся рядом с желтым фонарем. Постоянный источник света имелся теперь только над ступенями у входа. Последние были шириной в стену. Молодые люди в комбинезонах устанавливали на них какие-то электрические аппараты, временами издававшие мощные хриплые вздохи. На нижних ступенях примостились три человека постарше, с музыкальными инструментами, присоединенными к оборудованию при помощи проводов; четвертый сидел за

ударной установкой с надписью на басовой бочке: «ЛОПУХИ КАЗАНОВЫ БРАУНА». Ланарк обнаружил, что сделался частью публики: весь пол был устлан матрасами, на которых сидел на корточках, плечом к плечу, народ. По соседству хрупкая девушка в серебристом сари склонялась на плечо волосатому мужчине с голой грудью, наряженному в овчинную жилетку. Прямо перед ним девица в клетчатых шотландских штанах в обтяжку и алой короткой курточке, униформе горского полка, шептала что-то на ухо мужчине с косами и головной повязкой, одетому в оленью кожу с бахромой — как индейская скво. Здесь собрались, казалось, представители всех веков и народов, в одеждах из шелка, холста, меха, перьев, шерсти, газа, нейлона и кожи. Их волосы были завиты мелкими кудряшками, как у африканцев, стрижены ежиком, как у римлян, подобраны в высокую прическу на манер мадам Помпадур, прилизаны, как у сфинкса, или волнами спускались на плечи, как в старинном парике. Они носили всевозможные украшения и щеголяли — кто больше, кто меньше — голым телом. Ланарк уныло обзрел собственное одеяние. Он уже выспался, однако Рима не размыкала век, и потому он решил не двигаться. Другие пары вытягивались на матрасах в полный рост, кое-кто даже предавался ласкам под прикрытием спальных мешков.

Раздались аплодисменты, и на ступенях появился угрюмый человечек с большими усами.

— Рад вернуться обратно, ребята, в легендарный Унтанк, где пережил так много легендарных приключений. Начнем с новой вещи: в Трое и Трапезунде она довела публику до поросычьего визга, в Атлантиде

же провалилась, как индюшкина тушка. Посмотрим, что случится здесь. «Семьянин».

Откинув голову назад, он заорал:

Инструменты и аппаратура издали такое громкое «БУ-УМ», что на секунду у Ланарка заложило уши и спутались мысли.

Рима приподнялась и зажала себе уши; по щекам ее покатились слезы. Она что-то говорила, но расслышать слова было невозможно. Ланарк заметил Ритчи-Смоллета, который, стоя в дверном проеме позади певца, яростно делал какие-то знаки. Ланарк поставил Риму на ноги, и они, спотыкаясь, стали пробираться через толпу. Певец вопил:

Когда они проходили мимо певца, Рима так угрожающе замахнулась на ряд динамиков, что кто-то удержал ее за руку. Ланарк отвел его ладонь, и на пути к двери состоялся неловкий обмен ударами. Ритчи-Смоллет разнял дерущихся. Его голос прорывался сквозь «бумканье» как отдаленный шепот: «...полностью моя вина... беременная женщина... недоразумение...»

За дверями, в более спокойной обстановке, ждал с халатом и шлепанцами Джек. Безостановочно бормоча: «Ублюдки!» — Рима оделась.

— Понимаете, они не любят свободное пространство, а шум его наполняет, — объяснял Ритчи-Смоллет, ведя их через неф. — Вина полностью на мне. Я выходил: беседовал с человеком, который думает, что поскольку я исполнил обряд бракосочетания, то в моей власти сохранить его семью. Странная логика, что и говорить. Я его даже в лицо не помню. Не ожидал, что вы будете спать так долго, — сказал бы, проспали целую вечность, если бы у нас были часы. Схватки уже начались?

— Нет, — ответила Рима.

— Хорошо. Пока там тряска, вы можете отдохнуть и поесть в трифории. Я поместил бы вас туда сразу, но только боялся, что у вас не хватит сил одолеть подъем.

Священник открыл маленькую дверцу, и Рима с Ланарком увидели винтовую лестницу шириной не больше двух футов, помещавшуюся в толще стены. Ланарк сказал:

— Простите, но не могли бы мы получить приличную комнату в приличном доме?

— Комнату сейчас днем с огнем не сыскать. Приют в доме Божьем — самое лучшее, что я могу предложить.

— Когда я был здесь в прошлый раз, полгорода пустовало.

— А, это было до начала новой строительной программы. Может, вам предложит свободную комнату кто-нибудь из комитета. Так или иначе, вы можете подождать их в трифории — туда мы принесли вашу одежду.

Нырнув в дверь, Ритчи-Смоллет стал карабкаться по лестнице. За ним последовала Рима, потом Ланарк. Одолевать крутой подъем было трудно. Сделав несколько кругов, они через еще одну дверь вышли на внутренний подоконник большого окна. Рима хватала ртом воздух и цеплялась за перила. Далеко внизу полз по плитам мостовой человек, похожий на жука; ритмичное эхо «Семьянина» также не добавляло уверенности.

Ритчи-Смоллет пояснил:

— Это Полифем, он идет в дом капитула. Ну, скажу я вам, эти «Лопухи» совсем распоясались.

Несколько ступенек вывели их на дорожку между рядами органных труб, а еще две-три — в конец верхнего этажа, очень длинного и низкого. Наклонный потолок поднимался от пола к стене; арки в ней смотрели в неф. Следуя в другой конец, Ланарк увидел слева перегородки, которые делили галерею на скудно обставленные комнатухи. В одной сидел человек в грязном пальто и чинил поношенный ботинок. В другой лежала изможденная женщина и прикладывалась к фляжке.

— Пришли, — сказал Ритчи-Смоллет, свернул в одну из комнат и присел на корточки на ковре.

Довольно уютный вид комнаты портил только запах дезинфицирующего средства. Освещала ее лампа с розовым абажуром над низкой кроватью, которая занимала треть помещения. Сидеть можно было на стульях или подушках, имелись низенький столик, комод и крохотная раковина. Потолок между балками был оклеен обоями в незабудках; на одной из двух стенок висела на крюке вешалка с одеждой Ланарка, вычищенной и выглаженной.

— В тесноте, да не в обиде, — сказал Ритчи-Смоллет, — Потолок на голове, но зато никто нас не потревожит. Предлагаю, чтобы Рима легла в постель (там есть бутылочка с горячей водой), а вы одевайтесь. Потом Джек принесет нам еду, к вашей супруге придет компаньонка, а мы двое отправимся на собрание в доме капитула. К этому времени туда уже прибудет провост.

Ланарк сел на стул, уперев локти о колени и спрятав подбородок в ладонях.

— Вы меня переставляете, как пешку, а я не знаю зачем.

— Да, это непросто. В состоянии хронологической путаницы организовать что-либо — почти неразрешимая задача. Как секретарь я могу устроить собрание лишь одним способом: держать участников здесь, пока не придут остальные. Но Гау явился, и бедняга Скаугал, и миссис Штцнгрм, и вездесущий Полифем. А также, слава богу, председатель, Сладден.

Ланарк бросил взгляд на Риму. Ее вид его обрадовал. Она лежала, улыбаясь, на подушках; одна ладонь покоилась на полной груди. На нее снизошло спокойствие, ямочки в углах рта были глубокими, как никогда. Она проговорила ласково:

— Все в порядке, Ланарк. Не тревожься.

Он вздохнул и начал одеваться.

Явился Джек с полным подносом, и Ритчи-Смоллет, не умолкая, разлил по чашкам кофе и раздал тарелки.

— Одни консервы, конечно, но в своем роде неплохие. Кроме того, не нужно готовить, а это удобно, так как кухня крохотная — места нет. Поразительно, сколько было протестов, когда мы устраивали это маленькое убежище, — организация кабинета искусств в часовне Пресвятой Девы и то прошла спокойнее. Ведь эти галереи пустовали с тех самых пор, когда тут прогуливались монахи, перебирая четки. Того ли желал основатель собора? Вы помните, конечно, стихотворение:

— Что, черт возьми, я ем? — выкрикнул Ланарк.

— «Энигма де филе конгалез». Недожарено? Попробуйте эту розовую штуку, влажную, но рассыпчатую. Искренне рекомендую.

Ланарк застонал. Из ноздрей улетучивался запах жженой резины, и члены наполнялись знакомым бодрящим теплом. Он пробурчал:

— Это институтская еда.

— Да. «Квантум групп» не поставляет нам теперь ничего другого.

— Мы ушли из института, потому что не терпим эту еду.

— Восхищаюсь вами за это! — воскликнул Ритчи-Смоллет. — И вы двигались в правильном направлении! В наш комитет входят двое или трое милленариев, и кто их осудит? Разве не возносило человечество во все века молитвы о безгрешной и обильной пище? Это, конечно, невозможно, но *wer immer strebendsich bemiht* и так далее. Однако человек должен питаться, разве только он, заодно с мисс Вейл, видит свой священный долг в нервной анорексии.

— Да, я буду есть! — яростно вскричал Ланарк. — Но пожалуйста, хватит забрасывать меня курьезными названиями и бессмысленными цитатами!

Он опустошил все тарелки, которые оставили нетронутыми Рима и Ритчи-Смоллет, и под конец, раздувшийся и заторможенный, почувствовал себя дурак дураком.

— Рима! — слышался чей-то голос.

В комнате появилась безвкусно одетая толстушка лет сорока.

— Фрэнки! — рассмеялась Рима. Уронив на пол огромную вышитую сумку, Фрэнки сел на кровать.

— Сладден мне сказал, что ты здесь, — сам он придет позднее. Выходит, человек-загадка все-таки тебя заполучил? А ты совсем неплохо выглядишь — просто на удивление хорошенькая, ей-богу. Привет, человек-загадка, хорошо, что ты отрастил бороду. Теперь у тебя не такой беззащитный вид.

— Привет, — буркнул Ланарк.

Встреча с Фрэнки ничуть его не обрадовала.

Глава 36 Дом капитула

Ритчи-Смоллет повел их в дальний конец чердака, через кухню, где Джек мыл посуду, и вниз по еще одной винтовой лестнице в толще стены. Они очутились в квадратной комнате, перекрытой сводом, который опирался на мощную центральную колонну. Вдоль каждой стены стояли ряды встроенных каменных стульев с деревянными спинками. Неудачное устройство, подумал Ланарк: если зал заполнится, никто не увидит всех присутствующих сразу, поскольку три-четыре человека будут скрыты центральной колонной. Бодрый на вид мужчина небольшого роста, расставив ноги и держа руки в карманах, грел спину у электрокамина. Когда Ритчи-Смоллет обратился к нему, в его голосе не было привычного энтузиазма.

— А, Грант. Это Ланарк, у него есть для нас новости.

— Верно, новости о совете, — с саркастическим ударением отозвался Грант, — Я жду уже больше часа.

— Не забывай, что другие не так наострились считать время, как ты. Провост, вероятно, в крипте; пойду погляжу.

Ритчи-Смоллет вышел через дверь в углу. Грант и Ланарк уставились друг на друга. Гранту можно было дать лет тридцать, хотя его щеки и лоб прорезали глубокие вертикальные морщины. Короткие курчавые волосы были тщательно причесаны, одежда — голубой костюм, красный галстук — также отличалась аккуратностью. Грант сказал:

— Я вас знаю. Когда я был юнцом, вы показывались в старой «Элите» вместе с кодлой Сладдена.

— Недолго, — кивнул Ланарк. — Как вы следите за временем? У вас есть часы?

— У меня есть пульс.

— Вы подсчитываете сердцебиения?

— Прикидываю. Все мы в лавочках освоили это искусство, когда рухнула старая система счета времени.

— Вы владеете лавкой?

— Под лавочкой я имел в виду мастерскую. Механический цех. Я не торговец, а производитель.

Ланарк сел у огня. Голос Гранта раздражал его. Громкий и пронзительный, он выдавал привычку обращаться к толпе без посредства оборудования, которое помогает донести тихую речь до миллионов. Ланарк спросил:

— Где Полифем?

— Что?

— Я слышал, здесь находится некто по имени Полифем.

Грант ухмыльнулся:

— Да здесь я, здесь. Смоллет дал мне это прозвище.

— Почему?

— Полифем — одноглазый великан-людоед из старой сказки. Я все время напоминаю членам комитета о фактах, которые они предпочли бы забыть, поэтому они говорят, что у меня односторонний взгляд на вещи.

— Что это за факты?

— Что они не принадлежат к производителям.

— Вы хотите сказать к работникам?

— Нет, именно к производителям. Многие из тех, кто работает до седьмого пота, не производят ничего, кроме богатства. Они не вырабатывают ни продовольствия, ни топлива, ни жилищ, ни полезных идей; их труд — не более чем способ упрочить свою власть над производителями всего этого.

— А что производите вы?

— Дома. Я профсоюзный организатор в группе «Модульный дом Волстат».

Ланарк спросил задумчиво:

— Эти группы... «Волстат», «Алголагникс» и прочие... это их называют «существо»?

— Кое-кто из нас употребляет этот термин. Существо финансирует совет. Институт тоже. Так что оно само предпочитает называться базисом...

— Мне противны громкие расплывчатые названия, за которыми прячется эта сила, — нетерпеливо прервал его Ланарк.

— Так что вы не хотите о них задумываться. — Грант благожелательно кивнул. — Для интеллектуалов это типично. Институт так много раз покупал вас и продавал, что вы стыдитесь упоминать о своих хозяевах.

— У меня нет хозяев. Я ненавижу институт. Совет мне тоже не по вкусу.

— Однако он помог вам сюда добраться, так что он все еще вам бесполезен.

— Ерунда! Помогать другим людям, если тебе это почти ничего не стоит, — самое обычное дело.

— Попробуйте сигарету.

Чем больше злился Ланарк, тем дружелюбней становился Грант.

— Спасибо, не курю, — отозвался Ланарк, немного остывая.

Чуть погодя Ланарк спросил:

— Не скажете ли точно, что такое существо?

— Группа заговорщиков, которые всем владеют и управляют ради собственной выгоды.

— Вы говорите о богатых?

— Да, но не о тех, у кого в изобилии монет и банкнот; богатства такого рода — всего лишь цветные бусы, нужные, чтобы держать в повиновении производителей. Эти же владельцы и управители поступают умнее: они копят энергию. Они вознаграждают себя временем: временем, чтобы думать и планировать, временем, чтобы загодя изучать потребности.

Вошедшие в комнату старик с палкой и смуглый молодой человек в тюрбане затеяли у центрального столба тихую беседу. Грант, чей голос звучал ровно и бесстрастно, вдруг заявил:

— Что мне больше всего ненавистно, это их самомнение. Их институт делит весь народ на победителей и проигравших и называет себя «культурой». Их совет из всех способов жизни допускает только те, что выгодны им, и называет себя властью. Культура и власть якобы две высшие независимые силы,

а ведь они всего лишь перчатки, что облачают руки «Волстата» и «Квантума», «Кортексина» и «Алголагникса». А ведь они искренне считают себя базисом. Верят, что на их алчности стоят континенты. Слово «алчность» они, конечно, не употребляют, зовут это выгодой или — между своих, когда не надо притворяться — «поживой». Убеждены, что только благодаря их выгоде люди производят и питаются.

— Может, это и верно.

— Да, потому что они так устроили. Но это вовсе не обязательно. Старики помнят время, когда производители неожиданно стали обеспечивать всех всем необходимым. Не гибли урожаи, не истощались шахты, не ломались машины, однако существо выкинуло в океан горы еды, потому что голодные не могли платить за нее выгодную цену, и дети сапожников ходили без сапогов, потому что их отцы изготовили слишком много обуви. И производители смирились с этим, как будто с землетрясением! Они отказывались понимать, что могут удовлетворить нужды всех людей и наплевать на выгоду. Они бы это поняли, не могли бы не понять, однако совет затеял войну.

— И чем это помогло?

— Поскольку существу не удавалось больше обогащаться, продавая людям произведенные ими же необходимые вещи, оно стало продавать совету вредоносные вещи. Тогда началась война, и вредоносные вещи были использованы для уничтожения полезных вещей. Существо наживалось на возмещении как тех, так и других.

— С кем воевал совет?

— Он раскололся на две части и воевал сам с собой.

— Это самоубийство!

— Нет, самое обычное поведение. Более дельная половина съедает менее дельную и набирается силы. Война — это не более чем насильственный способ сделать то же самое, что в мирное время половина людей делает тихо-мирно: употребляет вторую половину, чтобы получить пищу, тепло, машины и сексуальное удовольствие. Человек — это пирог, который сам себя выпекает и съедает, и рецепт этого пирога — разобщение.

— Я отказываюсь верить, будто люди убивают других людей лишь затем, чтобы обогатить своих врагов.

— А как распознать, кто твой настоящий враг, если семья, школа и работа учат бороться друг с другом и верить, будто закон и приличия исходят от учителей?

— Моего сына этому учить не будут, — твердо заявил Ланарк.

— У вас есть сын?

— Пока нет.

Дом капитула был заполнен людьми, которые беседовали, разбившись на группки; сновавший между ними Ритчи-Смоллет собирал подписи в какую-то книгу. Полно было молодых людей в яркой одежде, старых чудаков в твиде и самого разнообразного народа промежуточной категории. Ланарк подумал, что если это и есть новое правительство Унтанка, то впечатление оно оставляет сомнительное. Одни говорили визгливым голосом и неистово жестикулировали, другие явно

изнывали от скуки. У некоторых на лбу красовался знак совета, но ни в ком не наблюдалось спокойной и сдержанной силы, как в людях, подобных Монбоддо, Озенфанту или Манро. Ланарк попросил:

— Не расскажете ли об этом комитете?

— К тому я и веду. К концу войны существо и его органы сосредоточили в своих руках еще большую власть. Конечно, пришлось восполнять немалый ущерб, но на это ушла только половина времени и энергии. Если бы промышленность и правительство повелевали нами ради всеобщего блага, а по их словам, так оно и было, континенты обратились бы в сады, полные пространства и света, где у каждого было бы время, чтобы заботиться о своих возлюбленных, детях и соседях, а не теснить их и мучить. Однако эти гигантские органы сотрудничают лишь с одной целью: убивать и сокрушать. Дабы прокормить существо, совет вновь начал раскалывать мир на две части и готовиться к войне. Но он наткнулся на неожиданную трудность...

— Стоп! Вы упрощаете, — прервал Гранта Ланарк. — Вы говорите о правительстве как о чем-то едином, меж тем как правительства есть разные, одни более жестокие, другие — менее.

— Ну да, — кивнул Грант. — Организация, включающая в себя весь земной шар, не может не дробиться на отделения. Но если вы думаете, что мир аккуратно поделен между хорошими и дурными правительствами, значит, вы сделали обычной жертвой пропаганды, которую распространяет совет.

— И что это за неожиданная трудность, с которой столкнулся совет?

— Существо заваливало его новым мощным оружием; иные виды могли бы погубить весь мир. Большая часть людей готова стойко и безропотно встретить собственную смерть, но смерть детей их угнетает. Совет пытался выдать новое оружие за дома, где всякий сможет спокойно жить, но дух протеста проник даже в кулуары совета. Многие из тех, кому даже в голову не приходило претендовать на власть, начали вслух высказывать недовольство. Этот комитет и состоит из таких людей.

— А был ли хоть какой-нибудь прок от протестов?

— Какой-то, наверное, был. Существо до сих пор вкладывает силы и средства в мощное оружие и посылает его совету, однако в недавней войне использовалось оружие малой мощности, и велась она на менее индустриально развитых континентах. Тем временем существо измыслило мирные способы отъема нашего времени и энергии. Нам, как наемным работникам, производящим необходимые товары, приходится теперь выпускать некачественную продукцию, которая быстро выходит из строя и ее приходится часто заменять. Оно подкупает совет, чтобы тот разрушал дешевые вещи, не приносящие прибыли, и заменял их новыми и дорогими, приносящими большую прибыль. Оно платит нам, чтобы мы изготавливали ненужные вещи, а состоящие у него на службе ученые, медики и художники убеждают нас, что эти вещи необходимы.

— Можете привести примеры?

— Да, но с вами желает поговорить наш провост.

Ланарк встал. Сквозь толпу к нему пробрался стройный, хорошо одетый мужчина с пышной седой

шевелюрой и стал трясти его за руку, оживленно приговаривая:

— Прости, что не застал тебя наверху, Ланарк, ты слишком проворно спустился. Не беспокойся — она в порядке.

Голос что-то ему напоминал. Ланарк всмотрелся в незнакомое исхудавшее лицо с яркими глазами. Ободряющим тоном провост добавил:

— Все в порядке — она в превосходном настроении. Я рад, что с нею рядом есть такой надежный человек, как ты. Фрэнки сообщит нам, когда начнутся схватки.

Ланарк выдохнул:

— Сладден.

— Не узнал? — захихикал провост. — Что ж, все мы не те, что прежде.

Хриплым голосом Ланарк поинтересовался:

— Как твоя невеста?

— Гэй? — Вопрос прозвучал печально. — А я надеялся узнать это от тебя. Брак не заладился. Боюсь, это моя вина: политика не способствует семейной жизни. Гэй отправилась в институт. В последний раз я слышал, что она начала работать на совет. Если она не встретила тебе в кулуарах, значит, присоединилась к одной из базисных групп — возможно, к группе «Кортексин». Коммуникации — это как раз по ней.

Ланарк почувствовал себя слабым и обманутым. Ему хотелось ненавидеть Сладдена, но он не знал за что. Обличительным тоном он произнес:

— Я видел Нэн с ребенком.

— Рима мне говорила. Рад, что у них все в порядке. — Сладден с улыбкой кивнул.

— Заседание начинается, — объявил Ритчи-Смоллет. — Прошу садиться.

Народ расселся у стен. Сладден занял стул с высокой резной спинкой и подлокотниками; Ритчи-Смоллет усадил Ланарка справа от Сладдена, а сам сел слева. Грант устроился рядом с Ланарком. Ритчи-Смоллет проговорил:

— Прошу тишины. Секретарь, к сожалению, не явился, так что мы снова будем вынуждены принять протокол предыдущей встречи без оглашения. Но неважно. Наше сегодняшнее заседание созвано по причине... но об этом я попрошу рассказать нашего председателя, провоста Сладдена.

— Нынче нас почтил присутствием, — начал Сладден, — прежний гражданин Унтанка, недавний сотрудник института, работавший под руководством известного — точнее, вероятно, будет сказать: пресловутого — Озенфанта. Ланарк — вот он, со мною рядом — решил вернуться сюда по доброй воле, что, несомненно, свидетельствует о притягательной, дружественной обстановке в Унтанке, но также и о силе его патриотического духа.

Сладден сделал паузу. С криком «Замечательно!» Ритчи-Смоллет захлопал в ладоши. Сладден продолжил:

— Если не ошибаюсь, он побывал на личном приеме у Монбоддо.

Чей-то голос из-за колонны выкрикнул:

— Позор!

— В этих стенах у Монбоддо, разумеется, нет друзей, однако информация о том, как совет относится к Унтанку, для нас тайна за семью печатями, и потому мы приветствуем любую возможность что-либо об этом узнать. Со мною рядом находится также Грант, хорошо нам всем знакомый. Голос из-за колонны выкрикнул:

— Да здравствуют производители, Поли!

— Грант считает, что у него есть для нас важные новости. Что это, я не знаю, но думаю, они подождут, а сперва мы послушаем гостя, так?

Сладден взглянул на Гранта, тот пожал плечами.

— Итак, предоставляю слово Ланарку.

Смущенный, Ланарк встал:

— Не знаю, что и сказать. Я не патриот. Унтанк мне не нравится, я люблю солнечный свет. Сюда я прибыл, так как мне сказали, что Унтанк будет в ближайшие дни списан и проглочен, а всех обладателей паспортов совета переведут в более солнечный город. — Он сел.

Наступила тишина, потом Ритчи-Смоллет спросил:

— Это вам сказал Монбоддо?

— Нет, один из его секретарей. Некто Уилкинс.

— Я решительно возражаю против тона предыдущего оратора! — выкрикнул резким (куда Гранту!) голосом здоровяк с бычьей шеей. — Открыто бахвалится тем, что не испытывает дружественных чувств к Унтанку, между тем наш провост рекомендует его как своего рода посла, и что же за новости приносит нам этот посол? Сплетни. Ничего, кроме сплетен. Гора мучается родами, а рождается гадкий грызун. Но какова же направленность речи субъекта, который провозгласил

себя врагом вскормившего его города? Он заявляет, будто за днем Страшного суда, который грядет непременно, хотя и не известно когда, обладатели паспортов совета подлежат переводу в более счастливые пределы, все же остальные будут проглочены — уж не знаю, что он под этим подразумевает. Но все же я скажу вот что. У меня, как у некоторых других членов комитета и у самого оратора, есть паспорт совета. Цель его утверждений ясна: посеять раздор между нашими братьями, разобщить наши ряды. Позвольте мне заверить этого двойного агента, претендующего на роль мессии, что номер не пройдет. Нет лучших борцов с советом, чем люди вроде Скаугала и меня. Мы любим наш народ. Готовы вместе с Унтанком хоть плыть, хоть тонуть. А деморализующее влияние разглагольствований приглашенного оратора предлагаю совету свести на нет, сделав вид, что мы их не слышали.

— Какие разглагольствования, Гау? — мягко вмешался Ритчи-Смоллет. — Ланарк всего-то и произнес, что четыре кратких фразы. Я сосчитал. Прежде чем его отпустить, надо бы узнать немного подробностей. Уилкинс сказал, что Унтанк будет списан и проглочен. А не указал ли он почему?

— Да. Он объяснил, что вы больше себя не окупаете и что списание даст некий энергетический выигрыш. Его люди, мол, привыкли поглощать городки и деревни, но Унтанк будет первым съеденным крупным городом со времен Карфагена.

Раскатистый смех взорвался в разных концах комнаты. Вдогонку за выкриком из-за колонны: «Карфаген? А как насчет. Ковентри?» — зазвучало: «Ленинград! Берлин! Варшава! Дрезден! Хиросима!»

— Я бы упомянула также, — тягучим голосом дополнила какая-то седовласая дама, — Мюнстер ф тысяча пятьсот тридцать пятом году, Константинополь ф тысяча четыреста пятьдесят третьем и тысяча двести четвертом и Иерусалим — столько раз, что и не упомнишь.

— Пожалуйста, пожалуйста! Имейте терпение! — крикнул Ритчи-Смоллет. — Эти неудачные умозаключения относятся к тому времени, когда совет был расколот на две части или когда ему угрожали фанатики-диссиденты. Уверен, Ланарк не лжет, а пересказывает то, что слышал. Не иначе как его самого ввели в заблуждение.

— Ненасильственное уничтожение современного города — это что-то новенькое, — задумчиво протянул Сладден. — Это должен быть город с неэффективной властью. И существо должно будет поставить очень много мощных новых машин. Решение о том, чтобы уничтожить город, необходимо было принять на пленарном заседании совета, заседании, где был представлен Унтанк.

— Уилкинс сказал, что одобрение будет получено на встрече делегатов совета, которая состоится через восемь дней. С тех пор прошло время. Существо поставило мощные вакуумные экскаваторы для какого-то проекта экспансии. Один я видел. Но вам, джентльмены, конечно, лучше знать.

— Полный бред! — надрывался Гау. — В Унтанке нет второго такого врага совета, как я. Как старейший и самый активный член комитета я сражался с советом с тех самых пор, как окончилась последняя мировая война, и до недавнего времени мы ни разу не добивались от

него таких крупных вложений. Еще вчера наши дороги и здания отставали от современного уровня на целый век. А теперь взгляните! Новейшие автомагистрали. Многоэтажные жилые дома. Городской центр с кварталами конторских зданий-небоскребов. Без помощи совета нам бы всего этого не видать. А по вашим словам, совет планирует нас раздавить!

— Меня эти нофшества не особенно фпечатляют, — вмешалась дама с тягучим голосом. — Прибыли от строительства наполофину уходят существу. Любой город жифет своей промышленностью, а наш — фсе еще пережифает упадок. Но чтобы поферить ф худшее, недостаточно слоф одного челофека. Нужны документальные доказательства.

— Не хотелось бы опускаться до личных выпадов, — начал Гау, — но...

— Простите, Гау, Джек хочет что-то сказать. — Сладден указал на помощника Ритчи-Смоллета, который махал ему из угла.

— Я чистил костюм приглашенного оратора, — сказал Джек, — и обнаружил в кармане газету совета. Может, она прольет свет.

Ланарк вынул газету, которую прихватил в кафе, принадлежащем совету. Взяв ее, Сладден начал читать. Гау не унимался:

— Не хотел бы переходить на язык оскорблений, но забота о благе общины меня вынуждает. Этот ваш приглашенный оратор, который разыгрывает из себя полномочного посла, — мне он знаком. Во время недавнего посещения совета в составе делегации я видел, как он, с длинноволосой подружкой и

обшарпанным рюкзачком, вынюхивал атмосферу вокруг трона Монбоддо. И впечатление, скажу я вам, он произвел на власти самое жалкое. Так вот, если бы заговор о том, чтобы убрать этот город, действительно существовал, кто бы стал посвящать в его подробности подобного субъекта?

— А ну задай ему, Гау! — донесся вопль из-за колонны.

Ланарк, зевнув, встал. Он слышал, как сидевший рядом Грант шепнул: «Осторожнее!» — но растущее беспокойство в животе Ланарка не имело никакого отношения к спору. Он резко заявил:

— Никто не посвящал меня в подробности. Уилкинс ни от кого не скрывал эти планы; он говорил, что помешать может только революция. Мне все равно, верите вы моим словам или нет.

Он направился к двери, через которую вошел.

Но его остановил выкрик Сладдена:

— Погодите, это все должны послушать! — и он замер у столба. Сладден сказал: — Это из хронологического отдела «Западного Кулуара».

— Что имеется в виду? — спросил Гау. — Затемненных областей не одна, а сотни. С какой стати мы должны думать, что они выбрали Унтанк?

— Я как раз и пришел, чтобы об этом рассказать, — проговорил Грант. — Тому назад около двух дней столкнулись на перекрестке автоцистерна «Кортексина» и грузовик «Алголагникса». Весь входящий транспорт был направлен в Имбер. Запасов пищи у нас осталось на три дня. Под «днем» я понимаю прежний солнечный день из двадцати четырех часов — приблизительно семнадцать сотен ударов сердца в час.

— Возьмите себя в руки, Грант! — воскликнул Ритчи-Смоллет. — Не думаете же вы, будто столкновение — результат преступного сговора между «Алголагниксом» и советом? Это чистейшая паранойя. Совет посылает специалистов, чтобы исправить повреждения.

— Аварии случаются на каждом шагу и без всяких заговоров. Но если это происходит у самого порога совета, с ними разбираются в момент. Почему же с нами медлят?

— Потому что порог совета там, а мы здесь. С точки зрения совета мы отдаленная, незначительная провинция, но это не значит, что они задумали сжить нас со свету. У меня был телефонный разговор с уполномоченным совета по транспорту. Его бригады очистки устраняют диспропорции на «Кортексин клоунинг плант». Это первоочередная задача, иначе половина Западной Атлантиды уйдет под океан. Но он лезет из кожи, чтобы как можно скорее послать специалистов и сюда. Так он говорит. Я его знаю. Он честный человек.

— Разве вы не замечали, как ведет себя совет в мирное время? — спросил Грант. — Он не делает ничего плохого. Не уничтожает, к примеру, городов или

деревень, а просто позволяет существу перевести на бумагу все леса. Корней не остается, ничто не удерживает воду. Внезапно разражается буря (кто ее может предвидеть?), полмиллиона людей тонут или гибнут немного спустя от голода, совет помогает тем, кто выжил, помощники восстанавливают индустрию страны так, как это выгодно существу. Ничуть не сомневаюсь, ваш уполномоченный по транспорту — честный человек и искренне намерен очистить перекресток. Не сомневаюсь, что его подчиненные — честные люди и действительно заняты на более срочной работе. И также не сомневаюсь, что через три дня, когда распадется наша администрация и улицы города заполнят орды голодных бунтовщиков, совет с самыми честными намерениями запустит программу помощи в чрезвычайных ситуациях и эвакуирует Унтанк под землю через любой пищевод, какой предложит существо.

Долгое время все молчали.

— Ферно то, — мягко произнесла дама с тягучим голосом, — что пофрежденная нерфная схема нофой модели «Алголагникса» — опасный объект, и опасность растет с каждым мгнофением. Фначале дело ограничивается фибрацией, но через дфа дня по старой фременной шкале начнут фыделяться радиоактивные испарения, чрезфычайно летучие и смертоносные.

— Почему бы самим не убрать грязь? — бросил нетерпеливо Ланарк.

— У нас не хфатает защитных костюмоф. А без них нечего и думать подойти к объектам ближе чем на шестьдесят метроф.

— А они тяжелые? — спросил Ланарк. — Что, если затопить дорогу и смыть их?

— Многоканальные шланги, — сказал Грант Сладдену. — Откройте ливневую канализацию и распорядитесь, чтобы бригада пожарников смыла грязь шлангами.

— Это невозможно! — взревел Гау. — Даже если Унтанку и угрожает та опасность, о которой вы ведете речь, хотя я ни на секунду этого не допускаю, вы не имеете права поручать неподготовленным пожарным опасную работу квалифицированным специалистам по нервным схемам — это было бы вопиющее нарушение нормального демократического порядка. Уверен, нашего провоста не собьют с пути ни иеремиады приглашенного оратора, ни демагогия брата Гранта. Обычная история: все экстремисты, что правые, что левые, сливаются в дьявольском альянсе, направленном против всего, что есть стабильного в...

— Должна пролиться кровь, — громко произнес глухой голос за колонной. — Простите, не вижу другого выхода.

— Чья кровь должна пролиться, Скаугал? — мягко спросил Ритчи-Смоллет. — Когда, где и почему, Скаугал?

— Извините, если кого-нибудь расстроило мое замечание, — продолжил глухой голос, — прошу прощения. Но должна пролиться кровь, другого средства не вижу.

Добравшись до выхода, Ланарк нырнул под притолоку и закрыл за собой дверцу.

Глава 37 Появляется Александр

Не найдя выключателя, Ланарк в темноте поднялся по узкой винтовой лестнице почти до самого чердака и стал охлопывать стену. Наконец он наткнулся на грубую деревянную задвижку. Отодвинув ее, он с силой толкнул дверь и очутился под открытым небом, откуда смотрели звезды. То ли он попал не на ту лестницу, то ли не в ту дверь, но сейчас он стоял в желобе между двумя смутно различимыми скатами крыши. Судя по кухонным шумам — журчанию воды и звяканью посуды, — чердак находился неподалеку. Желоб явно тоже использовался для прохода, поэтому Ланарк двинулся на шум и уперся в каменный парапет, за которым виднелась внизу городская площадь. Если не считать двух крохотных фигурок, ее пресекавших, там было безлюдно. На противоположной стороне стояли обычные старые дома, с лавками в первом этаже и квартирами наверху; кое-где за занавесками горел свет. От этого у Ланарка сделалось уютно и приятно на душе, и он растерялся. Других городов, кроме Унтанка, он не помнил, однако всегда стремился в более светлое место; почему же сейчас ему понравился вид этих окон? Отчетливо слышались голоса с перекрестка. Не менее отчетливо звучали кухонные шумы, которые доносились из двери в выступе крыши за спиной у Ланарка. Он постучал, и тут же дверь открыла Фрэнки. От радости Ланарк схватил ее за талию и поцеловал в удивленный рот. Чуть погодя Фрэнки отпихнула его, проговорив со смехом:

— Ну что, весь на иголках?

— Как она?

— Когда я уходила, она спала, но я все же послала на всякий случай за сестрой.

— Спасибо, Фрэнки, ты хорошая девочка.

Миновав ряд арок, Ланарк осторожно вошел в ярко освещенный отсек. Рима мягко улыбнулась ему с подушки. Ланарк бросил: «Привет» — и присел на корточки на мягкой подстилке у кровати. Рима шепнула:

— Схватки начались.

— Отлично. Скоро придет сестра.

Ланарк нащупал под одеялом ладонь Римы. В отсек деловым шагом вошла плотная особа, смерила Ланарка хмурым взглядом и, улыбаясь во весь рот, склонилась над Римой.

— Значит, мы ждем малютку? — проговорила она громко и подчеркнуто членораздельно, как обращаются к слабоумным. — Малютку вроде той, какой вы сами родились в свое время у своей мамочки! Правда, прелесть?

— Я не собираюсь с ней разговаривать, — сказала Рима Ланарку. Она судорожно втянула ноздрями воздух и словно бы о чем-то задумалась.

— Все хорошо, — просюсюкала сестра. — Вам по-настоящему еще не больно, так ведь?

— Скажи ей, у меня болит спина! — огрызнулась Рима.

— У нее болит спина, — повторил Ланарк.

— А вам в самом деле хочется, чтобы муж оставался здесь? Некоторые мужчины очень-очень тяжело такое переносят.

— Скажи ей, пусть заткнется! — Чуть помолчав, Рима добавила злобно: — Скажи, я обмочила кровать.

— Это не то, о чем вы думаете, — пояснила сестра. — Вполне естественная вещь.

Она перевернула матрас и сменила простыню, а Рима тем временем, закутавшись в одеяло, устроилась на подстилке.

— У меня будет девочка, — проговорила она.

— Вот как, — откликнулся Ланарк.

— Я не хочу мальчика.

— Тогда я хочу.

— Почему?

— Кто бы ни появился, хоть один из нас будет ему рад.

— Не можешь не выставить меня неправой при первом удобном случае?

— Прости.

Она вернулась в постель, нахмурилась, скрипнула зубами и некоторое время, держа Ланарка за руку, старательно тужилась. Потом расслабилась и отчаянно выкрикнула:

— Скажи ей, пусть уберет боль у меня в спине!

— Если совсем худо, значит, скоро будет лучше, — утешила сестра. Она прихлебывала чай из фляжки-термоса.

— А! — прорычала Рима, отбросила ладонь Ланарка, стиснула кулаки поверх одеяла и, обливаясь потом, снова принялась тужиться.

Долгое время промежутки беспокойного отдыха чередовались с немymi упорными потугами.

Наконец Рима согнула ноги в коленях, раскинула их в стороны и резко спросила:

— Что происходит?

Медсестра откинула одеяла. Ланарк прислонился к стене напротив изножья постели и устремил взгляд на красную рану, которая росла меж бедер Римы. Шумно вздохнув, Рима закричала:

— Спина! Моя спина! Что происходит?

— Он появляется. Вот уже лицо.

В глубине раны Ланарк разглядел как будто стиснутое личико, высотой в шесть дюймов и шириной в половину меньше; тонкий, как струнка, нос заканчивался нелепым пяточком, глаза тонули в вертикальных щелках. Рот представлял собой сморщенную дырочку, куда медсестра все время старалась сунуть палец — видимо, чтобы помочь дыханию. Затем рот растянулся в овальное отверстие с чем-то плоским внутри, овал стал расти, заполняя собой рану, плоская поверхность выпятилась наружу куполом, и купол оказался головой, за которую ухватилась рука сестры. Вселенная, казалось, замедлилась и смолкла. В медленной тишине на воздух было поднято крохотное рассерженное существо бледно-лилового цвета; за ним волочился канат из плоти. Существо имело пенис, суставы были согнуты, кулачки сжаты, веки плотно прикрыты, рот разевался в беззвучном крике ужаса и

ярости. Рима, с лицом, словно бы исхлестанным бурей, неспешно обратила к нему любящую, одобрительную улыбку. Крохотное существо побагровело, раскрыло один глаз, другой и, несколько раз икнув, издало злой вибрирующий вопль. Вселенная задвигалась с прежней скоростью. Сестра отдала ребенка Риме и суровым тоном приказала Ланарку:

— Пойдите в кухню и принесите две глубокие тарелки.

— Зачем?

— Делайте, что вам говорят.

Ланарк побежал мимо арок, слыша отзвуки проходившей внизу службы. Далекий голос пастыря читал нараспев: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена»^[13].

В кухне находился Джек и слушал Ритчи-Смоллета, который сидел, облокотившись о стол.

— Я бы посоветовал вести себя осторожнее, но мы сожгли за собой корабли, и теперь последствий не избежать. А, Ланарк! Как ваши дела?

— Отлично. Можно попросить две глубокие тарелки?

— Поздравляю! Мальчик или девочка? А как мать? — Ритчи-Смоллет взял из стопки две тарелки и протянул Ланарку:

— Спасибо. Мальчик. Мать вроде бы в порядке.

— Был один человек, а стало два — самое лучшее на земле чудо, правда? Надеюсь, вы удостоите меня чести окрестить малыша.

— Поговорю с его матерью, но она неверующая, — отозвался Ланарк, направляясь к двери.

— Вы уверены? Ну ладно. Возвращайтесь, как только сможете, и мы выпьем за их здоровье. В шкафу как будто хранится немного хереса — его используют для приготовления разных блюд.

Отсек, казалось, был весь заполнен женщинами. Рима кормила младенца. Фрэнки лила в таз воду из чайника, сестра выхватила у Ланарка из рук тарелки и сказала:

— Отлично, можете идти.

— Но...

— Тут и без вас негде повернуться.

Бросив еще один ревнивый взгляд на сына, Ланарк побрел прочь, но не в кухню, потому что не нуждался в компании. Внезапно ему захотелось физической нагрузки: пуститься бежать или одолеть подъем. Вблизи хоров он обнаружил винтовую лестницу и по ней быстро достиг еще одного открытого перехода под звездами. Под ледяным ветром Ланарк добрался до другой дверцы. Распахнув ее, он оказался в большой квадратной комнате, пыльной и тускло освещенной прожекторами, расположенными на полу. В центре стояла крутая железная лесенка, вдоль стены лежали в спальнях мешках и курили шестеро «Лопухов Казанов». Один из них проговорил:

— Закрой дверь, приятель, и так тут зуб на зуб не попадает.

Ланарк, извинившись, закрыл дверь и направился к лестнице. Холодные ржавые ступени на каждом шагу скрипели и шатались. Вверху, когда тень скрыла его от глаз наблюдателей, Ланарк замедлил ход, стараясь иметь одновременно не меньше трех точек опоры. Пол, куда он вышел, состоял из тонких планок с дюймовыми промежутками. В пробивавшемся снизу свете виднелось подножие еще более крутой лестницы. В стенах спереди, сзади и по сторонам располагались гигантские окна, перегороденные горизонтальными каменными плитами. Ланарк глянул вниз, на черную крышу собора, обрамленную городскими огнями. Он стоял на узких ступеньках высоко в старой каменной клетке и прислушивался к слабому посвистыванию ветерка. С каждым очередным шагом Ланарк напоминал себе, что лестница прочная и что местами она прикреплена брусьями к стене, которая простояла уже не один век и, вероятно, не обрушится просто так, без предупреждения. Наконец он добрался — нет, не до пола, а до узкого металлического моста. Над ним нависал черный механизм. Ланарк различал деревянные балки, большое колесо и колокол, край которого, когда он туда просунулся, оказался на уровне его плеч. Он осторожно потянулся к массивному языку, рассчитывая легонько коснуться стенки колокола, однако при значительном угле отклонения усилий потребовалось больше, чем Ланарк рассчитывал, язык ударился в стенку и обдал его внезапным звонким «дон». Наполовину оглушенный и наполовину опьяненный этим звуком, Ланарк громко рассмеялся, позволил языку упасть и толкнул его обеими руками, поднырнул под ним, когда он шел обратно, и

вновь потянулся, чтобы вновь толкнуть. Удары сделались неслышными. Ланарк чувствовал только гулкое дрожание колокола, моста, своих костей, башни, воздуха. Руки у него заныли от усталости. Вынырнув из-под колокола, он схватился за перила, хотя вначале ходивший в них звук ожег его ладони как электрическим током.

Гул постепенно затих. Ланарку почудились протестующие крики внизу, и он, стыдясь, что наделал шуму, взобрался по другой лестнице. Она привела его на перекрытие из деревянных планок — самый верхний этаж, где царила абсолютная тьма, если не считать полоски света под дверью. Ланарк пробрался туда, отодвинул задвижку и вышел на открытую ветрам площадку у подножия подсвеченной прожекторами колокольни. С перекрестка вновь донесся шум; он то усиливался, то стихал. Ланарк предположил, что это рев ветра, и шагнул к парапету, выходившему на некрополь, поскольку звуки шли с той стороны. На фоне пульсирующего зарева вырисовывались самые высокие монументы. Гул, напоминающий хор голосов, сменился глухим бормотанием, запнулся, кашлянул и стих. В темноте по небу поплыли величавые длинные тени, затем они внезапно стали расползаться, а зарево побледнело. Ярче всего теперь светили большие фонари вдоль шоссе. Вдали слышался и стал быстро приближаться пронзительный свист. На изогнутом мосту по дороге к перекрестку показалась цепочка красных пожарных машин с завывающими сиренами, которая устремилась в узкий проезд между некрополем и собором. Воздух начал наполняться транспортными шумами. Ланарк обошел башню и посмотрел на площадь. Ее с грохотом пересекали два грузовика, таща за собой прицепы, полные металлических обломков; потом

струйка автомобилей потекла в обратном направлении. На территорию собора въехал самоходный кран, пересек старое кладбище и остановился у стены. Ланарк внезапно ощутил, как заledenели у него уши, руки и все тело, и вернулся к дверце в башенке.

Спускаясь по лесенке, Ланарк заметил, что свет, пробивавшийся снизу, сделался ярче. Комната, где лежали «Лагуормы», была теперь освещена лампочками в импровизированных бра. У двери работали двое электриков. Один из них сказал:

— Джимми, тебя разыскивал какой-то тип.

— Кто такой?

— Молодой. Длинноволосый.

— Чего он хотел?

— Не говорил.

У знакомого отсека слышалось странное пение, тихое и монотонное. На кровати лежал Сладден и, напевая «дададада», укачивал на руках бутуза в голубом шерстяном костюмчике. Рима, в свободной кофте и юбке, сидела рядом и вязала. От этого зрелища Ланарка переполнила холодная ярость. Рима бросила на него неприветливый взгляд, Сладден весело проговорил:

— А вот и наш гуляка!

Ланарк подошел к крохотной раковине, вымыл руки, потом сказал Сладдену:

— Дай его мне.

Он взял ребенка, тот заплакал.

— Положи его, — нетерпеливо бросила Рима. — Ему нужен отдых, мне тоже.

Усевшись в ногах постели, Ланарк спокойно запел: «Дададада». Мальчик перестал плакать и устроился у него на руках. От маленького тельца веяло теплом и уютом; Ланарк даже подумал с беспокойством, полагается ли отцу испытывать такое приятное, мирное ощущение. Он уложил мальчика в коляску, стоявшую у кровати, и подоткнул вокруг него мягкое одеяльце.

Сладден встал и, простирая руки, произнес:

— Великолепно. В самом деле великолепно. Я пришел, конечно, не только ради этого, но, помимо всего, я хотел тебя поздравить с отличным выступлением. Не надо ухмыляться, Рима, из него выйдет превосходный член комитета, когда он поучится дисциплине. Он прижал Гау и дал нам возможность действовать. Теперь сессия комитета идет непрерывно. Я не хочу сказать, будто мы все не покидаем дома капитула, но некоторые, действительно, находятся там постоянно.

Ланарк сказал:

— Слушай, Сладден, мне хочется побыть с моей женой и ребенком. Ты меня понял?

— Конечно! — весело согласился Сладден. — Сейчас уйду. Вернусь за вами позже.

— Ты о чем?

— Сладден предложил нам комнату у себя в доме, — пояснила Рима.

— Мы отказываемся.

— Не хочу вам что-либо навязывать. Но здесь, мне кажется, не совсем подходящее место, чтобы растить ребенка.

— Унтанк мертв, с ним покончено, ты что, не понимаешь? — крикнул Ланарк. — Ребенок и мы с Римой отправимся в более светлый город. Уилкинс нам обещал.

— Не стоит так уж доверять твоим друзьям из совета, — серьезно отозвался Сладден. — Мы расчистили шоссе, к нам опять двинулись грузовики с продовольствием. И даже если Уилкинс говорил правду, ты забываешь о различии во временной шкале. Здесь не был введен десятичный календарь, и то, что совет называет днями, у нас может растянуться в месяцы, если не в годы. И еще, вспомни: Александр родился здесь. У тебя есть паспорт совета. У него нет.

— Кто такой Александр?

Сладден указал на коляску. Рима пояснила:

— Ритчи-Смоллет его окрестил.

Ланарк, подпрыгнув, взревел:

— Окрестил?

Александр расплакался.

— У-тю-тю, — забормотала Рима, осторожно раскачивая коляску за ручку. — У-тю-тю.

— Почему Александр? — яростно зашептал Ланарк. — Почему было не подождать меня? Что за спешка? Пожар?

— Не дождались... Почему ты не пришел, когда тебя звали?

— Не звали вы меня!

— Звали. Джек заходил, когда ты буянил в башне, кричал тебе снизу, но ты не соизволил сойти.

— Я не знал, что это Джек, — смутился Ланарк.

— Напился? — спросила Рима.

— Разумеется нет. Ты ведь никогда не видела меня пьяным.

— Может, и так, но ты частенько ведешь себя не лучше пьяного. И Ритчи-Смоллет сказал, что из кухни исчезла бутылка хереса для готовки.

— Я ухожу, — хихикнул Сладден. — Не хочу быть третьим лишним при ссоре любовников. Увидимся позже.

— Спасибо, — кивнул Ланарк. — Мы сами разберемся.

Пожав плечами, Сладден вышел. Александр постепенно заснул.

Рима, поджав губы, усиленно работала спицами. Ланарк лег на кровать, положил руки под голову и проговорил хмуро:

— Я вовсе не хотел уходить. И мне не пришло в голову, что я отсутствую слишком долго.

— Тебя не было часами — целую вечность, как мне показалось. Ты не ощущаешь времени. Совсем.

— Александр неплохое имя. Можно сократить до Алекс. Или Сэнди.

— Его имя Александр.

— Что ты вяжешь?

— Одежду. Детям нужна одежда, ты не замечал? Нельзя же вечно жить за счет Ритчи-Смоллета.

— Если Сладден прав насчет календарей, — задумчиво пробормотал Ланарк, — мы здесь пробудем долго. Придется мне поискать себе работу.

— Вижу, ты снова собрался оставить меня в одиночестве. Зачем ты звонил в колокол? Может, все же был пьян?

— Я звонил, оттого что был счастлив. Почему ты на меня наускаливаешь?

— Чтобы защитить себя.

— Прости, что накричал на тебя, Рима. Я был поражен и рассердился. Рад, что я опять с тобой.

— Да, тебя вполне устраивает жизнь в коробке, ты ведь можешь сбежать в башню или на заседание комитета — куда тебе вздумается. А я когда получу хоть немного свободы?

— Когда только захочешь.

— А ты останешься здесь и присмотришь за Алексом?

— Конечно. Так будет по-честному.

Рима вздохнула, улыбнулась и скатала вязанье. Она быстро поцеловала Ланарка в лоб, потом подошла к комоду и стала смотреться в зеркало.

— Ты уже уходишь?

— Да. Ланарк. Мне очень нужно развеяться.

Рима наредила себе губы помадой.

Ланарк спросил:

— Кто тебе это дал?

— Фрэнки. Мы пойдем потанцуем. И пусть нас закадрят двое молоденьких-премолоденьких мальчиков. Ты ведь не против.

— Нет, если дело ограничится танцами.

— Мы собираемся с ними пококетничать. Пусть полезут на стенку от желания. Женщинам средних лет иногда требуется, чтобы кто-нибудь из-за них полез на стенку.

— Ты не женщина средних лет.

— В любом случае уже не девочка. Когда проснется Алекс, поменяй ему подгузник — в верхнем ящике комода есть чистый. Грязный положи в пластиковый мешок под кроватью. Если заплачет, подогрей на кухне немного молока — но смотри, чтобы не было слишком горячим. Попробуй пальцем.

— Разве ты не кормишь его грудью?

— Кормлю, но он должен научиться пить как все нормальные люди. Впрочем, я, наверное, вернусь раньше, чем он проснется. Как я выгляжу?

Она встала в позу, прижав ладони к бедрам.

— Молоденькая, свеженькая. И очень красивая.

Нежно поцеловав Ланарка, Рима ушла. Скучая по ней, он лег обратно в постель и заснул.

Разбуженный криком Александра, Ланарк поменял ему подгузник и отнес ребенка в кухню. За столом сидели и закусывали Джек и Фрэнки. Фрэнки сказала:

— Привет, человек-порох. Как Рима?

Ланарк удивленно уставился на нее и залился краской. Он пробормотал:

— Пошла прогуляться. Ребенку нужно молоко.

— Я приготовлю ему бутылочку.

Ланарк стал мерить шагами кухню, бормоча какую-то бессмыслицу Александру, потому что почувствовал в груди странную пугающую боль и не хотел общаться с взрослыми. Фрэнки протянула ему теплую бутылочку с соской, завернутой в белую салфетку. Выдавив из себя несколько слов благодарности, Ланарк вернулся в свой отсек. Он сел на кровать и поднес соску к губам Александра, но тот отвернулся и заверещал:

— НененененеМамамамам!

— Она скоро вернется, Сэнди.

— НененененененененененеМамамамамамамамам!

Александр не умолкал, и Ланарк стал ходить с ним по комнате. Ему казалось, что он несет карлика, который молотит его по голове палкой, отнять палку невозможно, выпустить карлика из рук — тоже. В соседних отсеках начали стучать в стенки, наконец вошел мужчина и сказал:

— Слушай, Джимми, кое-кто здесь не прочь заснуть.

— Ничего не могу сделать, и зовут меня не Джимми.

Посетитель был высокого роста, лысый, щеки у него заросли седой щетиной, из верхних зубов сохранился всего один, почерневший, на плечи был наброшен грязный серый плащ. Немного поизучав Ланарка, он вытянул из кармана коричневую бутылку.

— От молока толку ноль. Дай ему глоток вот этого
— уснет как миленький.

— Нет.

— Тогда сам хлебни.

— Нет.

Посетитель со вздохом сел на стул и предложил:

— Поведай мне о своих печалях.

— У меня нет печалей! — рявкнул Ланарк, изнывающий и неспособный думать.

— Мамамамамамамамамамама! — орал Александр.

— Если дело в женщине, — продолжал посетитель, — тут я могу дать совет, ведь я однажды был женат. Что вытворяла моя жена — о том лучше помолчать при малютке. Знаешь, женщины не такие, как мы. Они на семьдесят пять процентов состоят из воды. Можешь почитать об этом у Павлова.

Александр прихватил деснами соску и начал сосать. Ланарк облегченно вздохнул. Чуть помедлив, он отозвался:

— Мужчины тоже большей частью состоят из воды.

— Да, но только на семьдесят процентов. Лишние пять процентов — это и есть разница. Понятия и чувства у них такие же, как у нас, но еще у них бывают приливы, а потому частицы человеческой сущности у них внутри, то собьет в кучу, то разнесет в разные стороны. Ими управляет лунное притяжение: можешь почитать у Ньютона. Как же им следовать правилам приличия, если их направляет луна?

Ланарк уложил Александра в коляску, рядом поместил бутылочку и принялся осторожно качать коляску за ручку. Посетитель продолжал:

— Когда я женился, я был простак простаком: Ньютона не читал, Павлова тоже, вот и прогнал сучку за порог — ты уж прости за выражение, я о жене. А теперь думаю, лучше бы я взамен того глотку себе перерезал. Сделай-ка мне одолжение, приятель. Устрой себе передых. Глотни спиртного.

Ланарк взглянул на протянутую ему коричневую бутылку, взял ее и сделал изрядный глоток. Вкус оказался чудовищным. Возвращая бутылку, Ланарк попытался сказать спасибо, но на глазах у него выступили слезы, и он мог только хватать ртом воздух и гримасничать. По внутренностям постепенно распространялась волна теплого оцепенения. Он слышал голос посетителя:

— Женщин нужно любить, но не брать в голову, то есть не задумываться об их поступках. Поступают как поступают, и никто ничего не может с этим поделать. Мы поступаем так, как велят обстоятельства.

— Что нам назначено, — вставил Ланарк, проникшийся чувством глубокого понимания, — то нас не минует.

— Сто лет пройдет, — продолжал гость, — а все будет по-прежнему.

Ланарк услышал, как Александр спросил печально:

— Когда она пидет?

— Скоро, сынок. Совсем скоро.

— Когда это скоро?

— Не сейчас, но близко к тому.

— Мне она сейчас нужна.

— Значит, ты уж слишком хочешь, чтобы она пришла. А ты постарайся хотеть прилично.

— Что такое «прилично»?

— Молча. Молчать всегда прилично. Когда я лучше это пойму, я перестану разговаривать. На мили вокруг меня не будет слышно. Я стану излучать молчание, как темная звезда, сияющая в промежутках между звуками и разговором.

— Ты не учитываешь политику, — агрессивно возразил гость. — Политика строится на шуме. Не знаю, как под чем другим, а под этим подпишутся все партии.

Александр вскрикнул:

— Они меня кусают!

— Кто тебя кусает? — Ланарк, шатнувшись, склонился над коляской.

— Мои зубы.

Ланарк сунул палец в крохотный рот и нащупал краешек кости, прорезавшийся через десну. Он произнес неуверенно:

— Быстро же мы старимся в этом мире.

— Запомни одну важную вещь, — говорил гость, — ты высосал бутылку до самого доньшка. Я не жалуюсь. Я знаю, где достать другую, но за нее нужно выложить пару долларов. По доллару с носа. Идет?

— Простите, У меня нет денег.

— Что здесь происходит? — В отсек с сердитым видом вошла Рима.

— У Сэнди режутся зубки, — отозвался Ланарк.

— Уже ухожу, хозяйка, — заверил гость и ушел.

Рима переменяла Александру подгузник, угрюмо бросив:

— Тебе ничего нельзя доверить.

— Но я его покормил. Я присматривал за ним.

— Ха!

Ланарк следил за ней, лежа в кровати. Он уже протрезвел, и в груди снова закололо, но все же он чувствовал благодарность и облегчение. Помолчав, он спросил:

— Тебе понравились танцы?

— Танцы?

— Ты говорила, что пойдешь танцевать вместе с Фрэнки.

— Да? Может быть. Но с Фрэнки я не встретила и отправилась искать жилье вместе с этим, как бишь его... С жирным воякой. Макпейком.

— Макпейком?

— Он тусовался вместе с нами в старой «Элите». Нынче на месте «Элиты» шоссе. Большой забетонированный ров, больше ничего. Они в самом деле решили поставить здесь все с ног на голову.

— Нашлись подходящие квартиры?

— Таких сотни, все красивые и с мебелью. Но у нас нет денег, так что я зря потратила время. Ты это собирался сказать?

— Нет, конечно, нет.

Она устроила Александра в коляске и приняла унылую позу, с опущенной головой и скрещенными под грудью руками. Ощувив укол нежности и желания, Ланарк шагнул к ней, простирая ладони и шепча:

— Рима улыбнулась, вскочила и затанцевала ему навстречу с простертыми руками, норовя его ущипнуть.

— О Рима, дорогая, — зачмокала она, — дорогушечка-пампушечка, душечка-лапушечка, давай самую чуточку предадимся любви-моркови...

Ланарк со смехом стал обороняться от болезненных щипков, пока они с Римой, обессиленные, не упали на кровать. Чуть помолчав, он грустно спросил:

— Я в самом деле такой?

— Боюсь, что да. Ты очень дерганый и жалкий.

Она вздохнула и стала расстегивать кофту.

— Так или иначе, если желаешь, давай хоть ненадолго предадимся любви.

Удивленно глядя на нее, Ланарк отозвался:

— Я не могу предаться любви: ты заставила меня почувствовать себя маленьким и смешным.

— Я заставила тебя чувствовать себя смешным? Правда? Вот здорово. Я просто в восторге. Это ты все время заставляешь меня чувствовать себя маленькой. Ты никогда не считался с моими чувствами, никогда. Вытащил нас из места, где были все условия, невзлюбил,

видите ли, тамошнюю пищу, и что хорошего из этого вышло? Мы питаемся тем же, чем и прежде. Ликовал, когда я родила тебе сына, и не можешь даже обеспечить его жильем. Вовсю меня используешь и убежден, что ты безупречен, во всем и всегда прав. Угрюмый зануда, без капли юмора, однако желаешь, чтобы я гладила тебя по голове и приговаривала, что ты большой и важный человек. Нет уж, прости. Осточертело.

Рима вернулась к коляске и вновь принялась за вязание.

Ланарк сел на постели, пряча лицо в ладонях.

— Это преисподняя.

— Да. Знаю.

— Мне хотелось, чтобы ты меня полюбила.

— Ты считаешь это самим собой разумеющимся, а я так не могу. Ты не знаешь, как вызвать у меня любовь. Другие это умеют, а ты нет.

Подняв взгляд, Ланарк спросил:

— Какие другие?

Рима продолжала вязать. Он встал и крикнул:

— Какие другие?

— Могу сказать, если не закатаешь истерику.

Александр выпрямился и с интересом спросил:

— Папа собирается закатить истерику?

Ланарк молча потряс головой и прошептал:

— Мне нужно уйти.

— Да, наверное, — кивнула Рима. — Поищи работу. Тебе она нужна.

На пороге он обернулся, надеясь поймать дружеский или одобрительный взгляд, но лицо Римы выражало застывшую муку, и он только кивнул на прощание.

— До свидания, папа, — небрежно попрощался Александр.

Ланарк махнул ему, чуть помедлил и вышел.

Глава 38 Большой Унтанк

Тенистый неф выглядел громадным и пустым, однако у выхода Ланарк заметил Джека, который сидел на купели. Ланарк думал ограничиться небрежным кивком на ходу, но Джек так откровенно стал его разглядывать, что он остановился и напряженным голосом спросил:

— Не скажете ли, где найти биржу труда?

— Биржи труда сейчас называются иначе: центрами занятости, — пояснил Джек, спрыгивая вниз. — Я вас отведу.

— А Ритчи-Смоллет без вас обойдется?

— Может, и нет, но я без него обойдусь. Я легко меняю работодателей.

Джек повел Ланарка через территорию собора к автобусной остановке на краю площади. Ланарк сказал:

— У меня нет денег на билет.

— Не беспокойтесь. Мелочи у меня достаточно. А что вам нужно в центре занятости?

— Получить неквалифицированную работу — делать что-нибудь полезное в точности как укажут.

— Нынче в Унтанке таких рабочих мест осталось мало. Разве что очистка. Но тут требуются молодые и здоровые.

— Как вы думаете, сколько мне лет?

— Полжизни, по крайней мере, уже прожито.

Ланарк окинул взглядом тыльную сторону своих ладоней, с выступающими венами, и пробормотал после паузы:

— По крайней мере, нет драконьей кожи.

— Что-что?

— Я не молод, но драконьей кожи у меня нет.

— А как же. Мы, чай, не в Средние века живем.

Ланарк ощутил себя жертвой внезапного несчастного случая. Он думал: «Прожито полжизни, и чего я достиг? Что свершил? Произвел на свет сына, но это в основном заслуга матери. Кому я в жизни помог? Только Риме, но ей я помог справиться с бедами, которых бы она не нажила, будь рядом кто-то другой. Все, что у меня есть, — это жена и ребенок. Я должен добыть для них жилье, безопасное удобное жилище».

Словно бы в ответ на его мысли, угол площади пересек автобус, на боку которого красовалось изображение матери с ребенком. Сверху была нанесена надпись:

— Мне нужно много денег, — сказал Ланарк. — Если я их не добуду, придется просить у службы обеспечения.

— Название поменялось. Теперь они называются службой социальной стабильности. И они выдают не деньги, они выдают три-в-одном.

— Что это такое?

— Особый вид хлеба. Он питает, успокаивает и устраняет ощущение холода — это нужно бездомным. Но сомневаюсь, что вам стоит это есть.

— Почему?

— От малой толики вреда не будет, но со временем от такого питания повреждается интеллект. Конечно, не будь этого продукта, проблема безработицы привела бы к катастрофе. Вот ваш автобус.

— Это в самом деле преисподняя.

— Есть и другие, похуже.

Автобус был расписан под кусок «Энигма де филе конгалеэ». На боку виднелась надпись: **НЫНЕ КАЖДЫЙ МОЖЕТ ВКУСИТЬ ВЫСОКОЦЕННУЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЕДУ — ЗАМОРОЖЕННУЮ ТАЙНУ, ПИЩУ ПРЕЗИДЕНТОВ.**

Джек подвел Ланарка к сиденью на верхнем этаже автобуса и вынул пачку сигарет с наклейкой ЯД.

— Хотите? — спросил он.

— Нет, спасибо. — Ланарк уставился на Джека, который разжигал белый цилиндрик, где было напечатано: **НЕ КУРИТЕ ЭТО.**

— Да, они вредны, — проговорил Джек, затягиваясь. — Вот почему совет потребовал печатать предупреждение.

— Почему же не остановят их производство?

— На них подседа половина населения. И совет получает половину выручки от продаж. Их производит «Алголагникс». Есть, конечно, и менее вредные наркотики, но, если их легализовать, они не принесут такой прибыли.

На встречном автобусе под окнами тянулась надпись:

Джек спросил:

— Когда вы поинтересовались, обойдется ли без меня Ритчи-Смоллет, вы ведь хотели съязвить?

— Простите.

— Ничего. Да, он от меня зависит, старина Смоллет. И Сладден тоже. К кому попало я на работу не нанимаюсь. Вот тот болван тоже был в свое время моим боссом.

Джек указал на изодранный плакат, которым был закрыт угол разрушенного жилого дома. За столом с телефонами сидел человек, лицо его выражало дружелюбие. Надпись снизу гласила:

— Таллентайр был очень большой шишкой, после того как отменили проект Кью — тридцать девять. Некоторое время он даже был провостом. Но Сладден в конце концов положил его на лопатки. Сладден указал, что плакаты были помещены в тех районах Унтанка, где жили безработные, да и в любом случае в Унтанке не было людей, способных основать новые фабрики. Инициатива перешла к Сладдену и Смоллету, я последовал за ней. Люблю деятельность. Вот поэтому я сейчас с вами.

— Почему же вы со мной?

— Вы ведь не тот, за кого себя выдаете? Я согласен с Гау. Вы что-то вроде агента или следователя. Если бы вы работали на Озенфанта и имели паспорт совета, к чему тогда вопросы об очистке и социальной стабильности?

— Я не работаю на Озенфанта. И какая мне может быть польза от паспорта совета?

— Вы можете получить очень высокооплачиваемую работу.

— Как раз это мне и нужно! — встрепенулся Ланарк. — Как ее получить? Как раз это мне и нужно!

— Попросите в центре занятости, чтобы вас занесли в реестр профессионалов, — хмуро бросил Джек.

Он выглядел разочарованным.

Приободрившись, Ланарк выглянул в окно. Автобус проезжал мимо забитых покупателями новых магазинов; в витринах, растянувшихся на целый квартал, красовались товары в ярких упаковках: еда, лекарства, пластинки, одежда. Ланарк заметил множество ресторанов с восточными названиями и всевозможные игорные заведения. В иных из них сидели за прилавками люди с пакетами и корзинками — видно, игра шла на еду. В просветах, оставшихся после сноса зданий, теснились автомобили; ограды вокруг были испещрены яркими надписями, ругательными и угрожающими: БЕШЕНЫЙ МАК УБИВАЕТ, НАМИ ПРАВЯТ МЕРЗКИЕ ПСИХИ, КРОШКИ МАЛСИ ИДУТ, но они не могли соперничать с более крупным текстом плакатов. Изображения семейной жизни, секса, еды, денег сопровождали надписи загадочнее тех, что были на заборах.

Ланарк заметил:

— В указаниях недостатка нет.

— Вам нравится реклама?

— Нет.

— Без нее город бы застыл — она оживляет деятельность. Почитайте вот это.

Джек указал на небольшой плакат в автобусном окне.

Они вышли на большой площади, хорошо знакомой Ланарку, хотя раньше здесь не было столько света и публики. Разглядывая статуи на массивных викторианских пьедесталах, он размышлял о том, что видел их еще прежде, чем узнал Риму. Площадь, как и раньше, окружали нарядные каменные здания, за исключением стеклянной стены с рядом блестящих дверей, у которой остановились Ланарк с Джеком.

Наверху чередовались широкие горизонтальные полосы, стеклянные и бетонные — и так этажей двадцать или тридцать.

Джек пояснил:

— Центр занятости.

— Большой.

— Здесь помещаются все центральные центры занятости, а также центральный центр стабильности и среды. Здесь я вас оставляю, если не возражаете.

Ланарк чувствовал, что уже переживал похожую ситуацию — вероятно, когда имел дело с Глопи. Он сказал неловко:

— Простите, что не оправдал ваших ожиданий — то есть, что я не человек действия.

Джек пожал плечами:

— Вашей вины тут нет. Хочу вам кое-что посоветовать...

Внезапно его прервал вой сирен и грохот, похожий на слабые раскаты грома. Движение транспорта на площади замерло. Пешеходы остановились, провожая взглядом быстро пронесшийся мимо открытый грузовик, полный вооруженных людей в хаки и в черных беретах. Он был на гусеничном ходу — подобные гусеницы Ланарк видел в фильмах, где они медленно катились по пересеченной местности, но здесь, на гладкой дороге, они промелькнули так быстро, что Ланарк едва успел их заметить.

— Армия! — У Джека разгорелись глаза. — Теперь-то мы увидим действие. Эй! Эй! Эй!

С криком он ринулся вдоль кромки тротуара, махая ожившему такси. Оно приблизилось, Джек вскочил внутрь. Ланарк провожал такси взглядом, пока оно не скрылось за углом, потом немного постоял на месте. На душе было гадко и беспокойно. Он думал об Алексе, Риме и солдатах. Прежде он не встречал на улицах вооруженных людей. Наконец Ланарк повернулся и вошел в здание.

Встретив у входа человека в униформе, Ланарк сказал:

— Я ищу работу.

— Где вы живете?

— В соборе.

— Собор — это пятый округ. Езжайте одиннадцатым лифтом на двадцать первый этаж.

Лифт напоминал металлический гардероб и был набит плохо одетыми людьми. Когда Ланарк выходил, у него вновь возникло чувство, что он очутился в прошлом. Перед ним было обширное неопрятное помещение, отделанное серой каучуковой плиткой; на скамьях теснилось множество людей самого разного возраста. Вдоль одной стены тянулась стойка, перегороденная на отсеки; в отсеке напротив лифта имелся стул и вывеска «Справки». Направляясь туда, Ланарк чувствовал сопротивление воздуха, похожего на прозрачное желе. Посетители сидели на скамьях в оцепенении, с отрешенными лицами, словно застыли в этом желе. Любое движение отнимало силы — но повернуть назад было бы так же утомительно. Ланарк добрался до стула, тяжело на него опустился и, не сгибая спины, задремал.

Проснулся он вроде бы от крика. Открыв глаза, он отозвался заплетающимся языком:

— Я... я не... не животное.

Старик клерк с щетинистыми бровями сказал из-за прилавка:

— Тогда вы должны быть занесены в реестр профессионалов.

— А?.. Как?

— Ступайте вниз, на третий этаж.

Ланарк вернулся к лифту и только в кабине окончательно проснулся. Он спросил себя, все ли конторы в этом здании пропитаны той же мертвящей атмосферой.

Однако на третьем этаже дела обстояли иначе. Пол был покрыт мягким зеленым ковром. Посетителей ждали удобные низкие кресла у круглых стеклянных столиков, на которых были разбросаны журналы, но воспользоваться ими было некому. Стойки тоже отсутствовали. С клиентами беседовали мужчины и женщины, чересчур элегантные для клерков, и сидели они за просторно расставленными столами, которые разделяли подставки с цветочными горшками. Администратор, молодая девушка, направила Ланарка к столу женщины чуть старше. Та подтолкнула к нему пакет с ярлыком: «ГОЛУБОЙ ЯД».

— Садитесь, пожалуйста. Вдыхаете этот яд?

— Нет, спасибо.

— Мудро с вашей стороны. Расскажите о себе.

Они немного поговорили. Женщина вытаращила глаза.

— Вы в самом деле работали с Озенфантом? Потрясающе! Расскажите, что он за человек? То есть в частной жизни.

— Чересчур много ест и плохой музыкант.

Женщина хихикнула, словно услышала нечто умное и скандальное, потом сказала:

— Я на минутку вас покину. Мне пришла в голову довольно неплохая мысль.

Вернулась она со словами:

— Нам везет... мистер Гилкрест может принять вас прямо сейчас.

Пока они лавировали между столами, женщина шепнула:

— Строго между нами: думаю, мистер Гилкрест очень хочет с вами встретиться. Также и мистер Петтигрю, хотя он, конечно, этого не выдает. Мистер Петтигрю вам непременно понравится: он такой жуткий циник.

Женщина довела Ланарка до конторы, но дальше с ним не пошла.

Ланарк вошел в контору, где стояли три стола: два рабочих и один обычный, в углу, — за ним печатала секретарша. У края ближайшего стола сидел высокий лысый мужчина и разговаривал по телефону. Он встретил Ланарка улыбкой и указал на кресло, продолжая говорить:

— Он, должно быть, страдает *folie de grandeur*.^[14]
Проводы служат буферами между нами и избирателями; им не положено что-либо делать. Но, разумеется, никому не хочется бунта.

Плотный мужчина, сидевший за задним столом, откинулся на спинку стула и стал посасывать трубку. Ланарк видел через окно подсвеченную прожекторами крышу здания на той стороне площади. Купол в одном ее конце был увенчан блестящим флюгером в форме галеона. Высокий мужчина положил трубку и произнес:

— Так-так. Меня зовут Гилкрест. Очень рад с вами познакомиться.

Они обменялись рукопожатием, и Ланарк заметил у Гилкреста на лбу отметку совета. Усевшись с Ланарком за журнальный столик, Гилкрест заговорил:

— Думаю, кофе нам не помешает. Черный или со сливками? Позаботьтесь, мисс Мейхин. Слышал, вы ищете работу, Ланарк.

— Да.

— Но какого рода — пока не знаете.

— Правильно. Меня больше интересует размер жалованья.

— Вы хотели бы работать здесь?

Ланарк обвел взглядом комнату. Секретарша возилась с кофеваркой, водруженной на шкаф для бумаг. Сидевший за другим столом мужчина с крупным печальным лицом подмигивал Ланарку, не меняя выражения. Ланарк отозвался:

— Над этим предложением стоит подумать.

— Хорошо. Вы говорили о жалованье. К сожалению, у нас это большой вопрос. Как нам выплачивать установленную сумму каждый месяц или год, если мы не умеем считать даже минуты и часы? Пока совет не придет нам давно обещанные децимальные часы, Унтанк принадлежит практически к интеркалендарной зоне. Сейчас он держится силой привычки. Не правилами, не планом, а привычкой. Как держать размер при помощи эластичной рулетки?

Ланарк нетерпеливо потрянул головой:

— Мне нужно кормить семью. Что вы можете мне предложить?

— Кредит. Наш персонал получает кредитные карты «Квантума». От них куда больше проку, чем от денег.

— Смогу я снять удобный дом для троих?

— Запросто. Можете даже купить дом. Энергия, чтобы за него уплатить, будет удержана из вашего будущего.

— Тогда я охотно стану здесь работать.

— Я должен ознакомить вас с вашими обязанностями.

— Нет необходимости. Я буду делать все, что укажут. Гилкрест с улыбкой покачал головой:

— Социальное невежество считается добродетелью только у рабочего класса. Мы, профессионалы, должны понимать, как действует организм в целом. Это наше бремя, но и наша гордость. За то нам и платят больше, чем другим.

— Ерунда! — воскликнул крепыш за другим столом. — Кто в этом здании понимает организм в целом? Вы, да я, да, возможно, старуха наверху, а все остальные забыли. Им объясняли, но они забыли.

— Петтигрю — циник, — рассмеялся Гилкрест.

— Обаятельный циник, — пробормотал Петтигрю. — Прошу это помнить. Петтигрю — циник, который всех обаял.

Секретарша водрузила на стол поднос с кофейными принадлежностями. Гилкрест отнес свою чашку к окну, сел на подоконник и произнес тоном оракула:

— Занятость. Стабильность. Среда. Три обязанности, но, если разобраться, понимаешь, что одна. Занятость обеспечивает стабильность. Стабильность позволяет улучшать среду. Улучшенная среда — условие занятости. Змея кусает свой хвост. Нет первой задачи, и нет последней. Это огромное здание — центр всех центров, башня благосостояния — стоит затем, чтобы обеспечивать полную занятость, разумную стабильность и удовлетворительную среду.

— Животные, — проговорил Петтигрю. — Мы здесь имеем дело с животными. Подонки. Отбросы. Падшие из падших.

— Петтигрю хочет сказать, что работы и жилья на всех не хватает. Естественно — как во всяком обществе со свободной конкуренцией, — безработные и бездомные, как правило, менее умны, здоровы, энергичны, чем прочие люди.

— Это орда тупых, грязных бездельников. Я знаю их, сам среди них вырос. Вы, либералы из среднего класса, любите их обхаживать, а я бы не позволил им

даже плодиться. Что нам необходимо, так это рентгеновский облучатель под турникетами на футбольных стадионах. Каждый проходящий получает дозу девятьсот рентген прямо в яички. Без всякой боли. Никто бы ничего не заподозрил, пока ему не выдадут при выходе, вместе с билетом, маленькую памятку: «Дорогой сэр, теперь вы можете трахать свою жену совершенно безопасно». Гилкрест смеялся так, что кофе выплеснулся на блюдце.

— Ты неисправим, Петтигрю! Тебя послушать, так каждый сам виноват в своих несчастьях. Но признай, что со времени закрытия нашего главного предприятия больных, сумасшедших и преступников стало больше. Это не совпадение!

— Скажи спасибо профсоюзам! Процветание создают хозяева, когда борются друг с другом, стремясь еще больше разбогатеть. Если им приходится бороться еще и с рабочими, от этого теряют все. Не удивительно, что большие группы переместили свои фабрики на континенты с дешевой рабочей силой. Я радуюсь одному: что более других пострадали завистливые лидеры, у которых ничего нет за душой. Жадность — не подарок, но зависть в сто раз хуже.

— Что ты все о политике? Будет тебе, помолчи, — мирно заметил Гилкрест. Он поставил чашку на подоконник, подсел к Ланарку и сказал спокойно: — Не обращайтесь внимания на его злой язык. Петтигрю в своем роде святой. Он помог стольким вдовам и сиротам, что и представить себе трудно.

— Оправдания излишни, — сказал Ланарк. — Я теперь понимаю, что в этом мире процветают только те, кто принадлежит к большим мощным группам. Ваша

группа имеет дело с людьми, которые лишены этого преимущества. Я желаю быть с вами, а не под вашим началом, так что объясните, чем я должен заниматься.

— Сразу берете быка за рога, — заметил Гилкрест. — Запомните, что наше дело — помогать несчастным, и мы, по мере сил, действительно им помогаем. Проблема в нехватке средств. После недавней реорганизации Большого Унтанка нам, чтобы обслуживать все возрастающее количество несчастных, существенно увеличили штат, и теперь тысячи наших высококвалифицированных сотрудников — планировщики, архитекторы, инженеры, художники, специалисты по обновлению и консервации, врачи, чья специальность кровь, пищеварительный тракт, мозги, — сидят сиднем и выпрашивают средства, чтобы начать работать.

— А я что буду делать?

— Вы сможете начать с клерка класса «Г» по работе с клиентами. Будете сидеть за столом и выслушивать жалобы. Нужно будет записывать фамилии, адреса и говорить людям, что они получат извещение по почте.

— Чего уж проще.

— Самая трудная у нас работа. Необходимо будет делать вид, что внимательно выслушиваете. Если увидите, что клиент иссякает, задайте какой-нибудь вопрос — лишь бы не умолк. Пусть говорит, пока не выдохнется, и еще дольше, если это возможно.

— И по его рассказу я должен буду написать отчет?

— Нет. Просто отметьте фамилию, адрес и скажите, чтобы ждал извещения по почте.

— Почему?

— Этого вопроса я и боялся, — вздохнул Гилкрест. — Как я уже указывал, многим мы не можем помочь из-за отсутствия средств. Среди них немало людей все еще сильных и энергичных; если такого человека разом лишит надежды, он может взбунтоваться. Надежду нужно убивать постепенно, чтобы неудачник успел внутренне с этим примириться. Мы стараемся продлевать надежду, пока не иссякли жизненные силы, которые ее питают. Только после этого человеку позволено взглянуть правде в лицо.

— Итак, задача клерка класса «Г» по работе с клиентами — тянуть время.

— Да.

Ланарк начал громко: «Я не хочу...» — но заколебался. Ему пришли на ум кредитная карта, домик в три или четыре комнаты, быть может, вблизи этого большого здания, не нужно будет и на транспорт садиться. На ланч можно будет ходить домой, где ждут Сэнди и Рима. Он закончил слабым голосом:

— Я не хочу такой работы.

— Никто не хочет. Как я уже говорил, эта работа у нас самая трудная. Но вы согласны?

Секунду помедлив, Ланарк кивнул:

— Да.

— Превосходно. Мисс Мейхин, подойдите сюда. Хочу, чтобы вы улыбнулись новому коллеге. Его зовут Ланарк.

Секретарша села напротив Ланарка и посмотрела ему в глаза. Ее красивое, как на модной картинке, личико было гладким и пустым, золотистые волосы, причесанные волосок к волоску, походили на нейлоновый парик. На мгновение ее губы раздвинулись в улыбке, и Ланарк вздрогнул, услышав, как у нее в голове что-то щелкнуло.

— Повернитесь к ней в профиль, — сказал Гилкрест.

Ланарк уставился на него и услышал еще один щелчок. Сунув два пальца в карман своей свежей белой блузки, как раз над левой грудью, мисс Мейхин вынула оттуда пластиковую полоску и протянула Ланарку. На ее конце он увидел две свои маленькие фотографии: удивленный фас и ошеломленный профиль. Остаток полоски был расчерчен тонкими голубыми линиями, вверху стояло «ЛАНАРК», а дальше шел длинный ряд цифр — примерно дюжина.

— Надежное устройство, — прокомментировал Гилкрест, хлопая по заду мисс Мейхин, которая вернулась за свой стол. — Выдает кредитные карты, готовит кофе, печатает, радуется глаз, увлекается восточными единоборствами. Продукт «Квантум-Кортексина».

Ланарк с горечью осведомился:

— А не могут ли они произвести нечто, способное выполнять обязанности клерка класса «Г» по работе с клиентами?

— А как же, могут. Был такой. Мы испытали его в одном периферийном центре стабильности, и он спровоцировал мятеж. Клиенты сочли, что он отвечает чересчур механически. Большинству свойственна поистине иррациональная вера в человека.

— Вперед, Прован, — вставил Петтигрю.

— Аминь, Петтигрю. Вперед, Прован.

— О чем вы? — спросил Ланарк.

— «Вперед» — это разговорное выражение; его употребляют, когда хотят пожелать, чтобы ожидаемое событие произошло быстрее. Мы с нетерпением ждем, пока нас переведут в Прован. Вы об этом, конечно, слышали?

— Мне сказали, я смогу туда отправиться, потому что у меня есть паспорт совета.

— Да, действительно. Из Прована мы бы управлялись с делами куда лучше. Боюсь, что строительство этого большого дорогостоящего здания было большой дорогостоящей ошибкой. Даже кондиционеры воздуха работают неважно. Однако мы отправляемся на двадцать первый этаж.

Они вышли во внешний офис и, лавируя между столами, направились к большому, комфортному лифту. Он доставил их в узкую и длинную контору, где стояло три десятка столов. За половиной печатали или говорили по телефону служащие, многие столы были пусты, у других шли оживленные разговоры. Гилкрест подвел Ланарка к одному из столов и представил:

— Это наш новый клерк по работе с клиентами.

— Слава богу! — выдохнул мужчина, который сосредоточенно складывал из какого-то бланка самолетик. — У меня сейчас побывало, один за другим, шесть животных. Теперь меня отсюда долго-долго не выманишь. — Он запустил самолетик, который быстро спланировал в дальний конец конторы. Раздались жидкие аплодисменты.

— На счастье! — воскликнул Гилкрест, тряся руку Ланарка. — Обещаю, как только мы найдем вам замену, вы получите перевод с повышением. Мы с Петтигрю ходим выпить в «Сосудистую полость». Самый простой паб, но под рукой и всегда имеется на что посмотреть. — Он подмигнул. — Так что, если позже туда заглянете, оторвемся вместе.

Он поспешно вышел. Метатель самолетиков отвел Ланарка к последней двери в длинном ряду вдоль стены. Потихоньку приоткрыл ее, выглянул в щелку и прошептал:

— Кажется, все тихо. Думаю, бояться нечего. Вы знаете, что делать?

— Да.

Ланарк вышел в один из отсеков, где по ту сторону стойки висел указатель «Справки».

Напротив сидел человек с худым моложавым лицом. Костюм на посетителе был дешевенький, но чистый, короткие волосы ерошились, глаза были закрыты — казалось, еще немного, и он завалится на бок. Ланарк взялся за ручку двери, через которую вошел, громко ею хлопнул и сел. Посетитель открыл глаза и проговорил:

— Нет-нет-нет-нет... нет-нет, вы неправильно меня поняли.

Фокусируя взгляд на Ланарке, он начал меняться в лице. В него влилась жизненная энергия. С улыбкой посетитель прошептал:

— Ланарк!

— Да, — удивленно кивнул Ланарк.

Посетитель едва не смеялся от облегчения.

— Слава создателю, это ты! — Он оперся на стойку и потряс Ланарку руку. — Не узнаешь? Конечно, я тогда был ребенком. Я Джимми Макфи. Жил у бабушки Флек. Помнишь старые дни на Ашфилд-стрит: как мы с сестрами играли в корабль у тебя на кровати? Бог мой, а ты прибавил в весе. Тогда был кожа да кости. У тебя карманы были набиты морскими ракушками и галькой, помнишь?

— Так ты тот мальчик? — Ланарк потряс головой. — Как миссис Флек? Давно с ней виделся?

— Давненько. Она сейчас редко выходит из дома. Артрит. Возраст. Но, слава создателю, это ты. Я говорил с шестью клерками, и каждый норовил отфутболить меня к другому. Проблема, видишь ли, в том, что я женат, и мы с женой живем в модульном доме. У нас двое маленьких детей, мальчик и девочка, одному шесть лет, другому — семь. Я не критикую модульные дома — я сам такие делаю, черт бы их побрал, — но теснота в них жуткая, так? Когда мы получали этот дом в жилищном департаменте, нам было сказано определенно: если я буду исправно вносить квартплату и не стану соваться куда не следует, то, когда понадобится, мы получим приличное жилье. Так вот, у нас произошел несчастный

случай. Жена снова беременна. И что нам делать? Нас четверо, и орущий младенец — в модульном доме. А когда нужно вымыться и сам знаешь что, приходится идти в общественный туалет. И что нам делать? Ланарк опустил взгляд на ручку и стопку бланков на стойке. Взял ручку и неуверенно спросил:

— Твой адрес? — Потом уронил ручку и твердо сказал: — Не говори. Бесполезно. Здесь тебе не помогут.

— Что?

— Здесь тебе не помогут. Если тебе нужен новый дом, исхитрись сам его добыть.

— Но для этого нужны деньги. Ты мне советуешь... воровать?

— Может быть. Не знаю. Но что бы ты ни предпринял, пожалуйста, будь осторожен. Полиция мне пока не попадалась, но подозреваю, они легко справляются с преступниками-одиночками. Если решишься на какую-нибудь затею, найди себе как можно больше единомышленников. Может, вам нужно организовать забастовку, но только не требуйте, чтобы вам больше платили. В деньгах ваши враги разбираются лучше вас. Требуйте конкретных вещей. Требуйте более просторных домов.

Выпучив глаза, Макфи вскричал:

— Мне? Мне организовывать?.. Нет уж, спасибо!

Он вскочил, повернулся и бросился к лифту.

— Подожди! — окликнул его Ланарк, перемахнув через стойку. — Подожди! У меня есть еще идея!

Проложив себе дорогу через густой воздух, он успел втиснуться в лифт, прежде чем закрылась дверь. В

пространстве, забитом пожилыми мужчинами и молодыми женщинами, его притиснули вплотную к Макфи.

— Слушай, Макфи, — шепнул он. — Я с семьей скоро переезжаю... ты сможешь вселиться в мою прежнюю квартиру.

— Где она?

— В соборе.

— Самозахват? К черту!

— Это вполне легально — организовано одним священнослужителем, который охотно помогает людям.

— А размер какой?

— Приблизительно шесть футов на девять. Потолок немного наклонный.

— Господи Иисусе, мой модульный дом почти такой же. А еще в нем плоская крыша и две комнаты.

— Это бы очень подошло нам, мистер! — вмещалась изможденная женщина с ребенком. — Шесть футов на девять? Нам с мужем и его братом что-то такое как раз и нужно.

— Скажи мне вот что, — задиристо потребовал Макфи. — Сколько тебе платят за работу здесь?

— Достаточно, чтобы купить собственный дом.

— А почему они тебе вообще платят?

— Думаю, они нанимают сюда хорошо образованных людей, чтобы их обеспечить. Боятся неприятностей, если у нас не будет работы.

— Охренеть! — бросил Макфи.

— Честно, мистер, мне бы очень-очень хотелось такую комнату. Как вы сказали, где она?

Дверь открылась, и все поспешили через фойе к выходу. Ланарк держался вплотную к Макфи. Когда они вышли на тротуар, мимо прогромыхали три бронемашины, полные солдат.

— Что случилось? — удивился Ланарк. — Зачем столько солдат?

— Откуда мне знать? — крикнул в ответ Макфи. — Я ни о чем понятия не имею, все, что слышу, — это новости по телевизору и чудные слухи на улице. Недавно они звонили как бешеные в соборный колокол. Откуда мне знать, что делается?

Молча они дошли до угла, где над дверью светилась вывеска. Это было пухлое красное сердце, со вставленными в него розовыми неоновыми трубками, и надпись внизу: «Сосудистая полость». Ланарк сказал:

— По крайней мере, разреши тебя угостить.

— Можешь себе позволить? — с сарказмом спросил Макфи.

Ланарк нащупал в кармане кредитную карту, кивнул и толчком распахнул дверь.

Помещение было залито тусклым красным светом, среди которого выделялись яркие пятна. Большая часть столов и стульев была отгорожена светящимися решетками, цветом и формой похожими на розовые вены и пурпурные артерии. По потолку бегали мелкие красные и белые блики от вращающегося шара, басовые пульсации музыки, монотонные и тягучие, напоминали

шаги хромого гиганта по устланной толстым ковром лестнице.

— Что это за кабак? — спросил Макфи.

Ланарк стоял и смотрел. Он бы повернулся и ушел, не будь там женщин. Вокруг было полным-полно юных лиц, смеющихся, оживленных, безразличных, а также шей, грудей, талий, ног, облаченных в одежды самого разного фасона. Ланарк в жизни не видел столько девушек одновременно. Присмотревшись, он установил, что мужчин здесь не меньше, но они сливались в однообразную массу. Все эти самоуверенные длинноволосые юноши выглядели, как думал Ланарк, на одно лицо, очень притом неприятное. Он прирос к месту, не зная, восхищаться или завидовать, но тут кто-то окликнул его из угла. Скосив глаза, Ланарк увидел Гилкрита, Петтигрю и мисс Мейхин, облокотившихся на стойку, сделанную из кусочков красного пластика.

— Слушай, — обратился он к Макфи, — вот этот высокий — мой начальник. Если кто-нибудь вообще способен тебе помочь, то это он. Во всяком случае, давай попытаемся. Подведя Макфи к бару, он сказал:

— Мистер Гилкрит, это мой старый знакомый, Джимми Макфи, я знал его ребенком. Он мой клиент, в самом деле заслуживает помощи, и...

— Ну, ну, ну, — жизнерадостно отозвался Гилкрит, — мы здесь развлекаемся, а не занимаемся делами. Что вам заказать?

— Порцию виски, как у вас, — проговорил Макфи.

— И мне то же самое.

Гилкрист сделал заказ. Макфи явно заинтересовался мисс Мейхин, которая размеренно вертела головой, одаривая всех по очереди улыбкой.

— А вы почему не пьете? — спросил он, когда она на долю секунды обратила к нему улыбающееся лицо.

— Она вообще не пьет, — угрюмо буркнул Петтигрю.

— А сама она не может ответить?

— Нет нужды.

— Вы ей муж или кто? — спросил Макфи.

Петтигрю невозмутимо осушил стаканчик виски.

— Кто вы такой?

— Производитель. Я делаю модульные дома, — уверенно отозвался Макфи, — И в одном из них живу.

— Модульные дома делают не настоящие производители. Вот мой отец был настоящим. Я уважаю настоящих производителей. Вы занимаетесь предметами роскоши.

— По-вашему, модульный дом — роскошь?

— Да. Спорю, в вашем есть цветной телевизор.

— А почему бы не быть?

— Наверняка вы пришли к нам, потому что желаете дом, в котором можно стоять во весь рост, дом с уборной внутри, с отдельными спальнями, с деревянными оконными рамами, а может, и с камином?

— А почему бы мне не иметь такой дом?

— Я скажу. Когда обитатели модульных домов получают такой дом, они скучиваются в одной комнате, а

остальные сдают в поднаем, они выдирают из стены краны, чтобы отнести в металлолом, снимают оконные рамы, изрубают двери и жгут. Тем, кто живет в модульных домах, нельзя доверить приличное жилище.

— Я не такой! Вы ничего обо мне не знаете! — крикнул Макфи.

— Я тебя раскусил с первого взгляда, — мягко проговорил Петтигрю. — Ты — гадкий маленький ублюдок.

Макфи глядел на него, сжав кулаки и шумно втягивая воздух. Плечи его раздались; он как будто сделался выше.

— Мисс Мейхин, — громко произнес Петтигрю, — задайте ему, если он станет мне угрожать.

Мисс Мейхин встала между Макфи и Петтигрю и подняла правую руку на уровень горла, держа ее строго горизонтально и отставив наружу мизинец. Улыбка ее сделалась шире и застыла. Гилкрест поспешно проговорил:

— О, в насилии нет нужды, мисс Мейхин. Просто посмотрите на него.

Ланарк услышал щелчок в голове мисс Мейхин. Лица ее он не видел, зато видел лицо Макфи. Челюсть его отвалилась, нижняя губа тряслась, руками он закрыл глаза. Гилкрест добавил спокойно:

— Уведите его, Ланарк. Этот паб не из тех, что ему подходят.

Ланарк схватил Макфи за руку и повел через толпу.

За дверью Макфи прислонился к стене, бессильно уронил руки и затрясся.

— Крохотные черные дырочки, — прошептал он. — Вместо глаз у нее стали крохотные черные дырочки.

— Видишь ли, она не настоящая женщина, — объяснил Ланарк. — Это инструмент, орудие в форме женщины.

Макфи склонился: его рвало на тротуар. Потом он сказал:

— Я пойду домой.

— Я тебя провожу.

— Лучше не надо. Я сегодня непременно кого-нибудь поколочу. У меня руки чешутся. Если попадешься под руку, то и тебе может достаться.

Он говорил слабым голосом, так что Ланарк взял его за руку и повел вначале по оживленным улицам, а потом по безлюдным. Они прошли мимо припаркованного грузовика, рядом с которым трое рабочих при помощи цемента закрепляли на канализационной решетке бетонный блок. Поблизости курил сигарету солдат с ружьем. Ланарк спросил старшего из рабочих:

— Что вы делаете?

— Цементируем сток.

— Зачем?

— Не мешайте работать, — отрезал солдат.

— Я не мешаю, но нельзя ли узнать, что происходит?

— Об этом будет объявлено. Ступайте по домам и ждите сообщения.

— Что творится с этим городом? — спросил Макфи, высвобождая руку. Они с Ланарком миновали длинную очередь перед общественным туалетом, потом целую стену из гигантских плакатов, — Сюда, — сказал Макфи, и они свернули в просвет между двумя плакатами, на большую площадку, посыпанную гравием, где рядами были припаркованы автомобили.

Остановившись перед одним из них, Макфи открыл дверцу. Ланарк распахнул дверь с другой стороны.

Переднее сиденье занимало всю ширину автомобиля. С его середины пухлая молодая женщина с худым лицом приветствовала Ланарка и Макфи словами:

— Входите. Садитесь. Закройте дверь и помолчите, вы оба. Простите за грубость. Через минуту я приготовлю чай, но мне не хочется расставаться с моим садиком.

Ланарк захлопнул дверцу и со вздохом облегчения откинулся назад. Через окна струились солнечные лучи; автомобиль, казалось, медленно продвигался сквозь гущу розовых кустов. По ветровому стеклу, боковым стеклам скользили зеленые листья и тяжелые белые цветы. Ланарк видел, как в сердцевинках роз трудились золотисто-коричневые пчелы, слышал их сонное жужжание, шелест листьев, птичий щебет вдалеке. Миссис Макфи сняла с полки баллончик и надавила на колпачок. Оттуда заструился тонкий пар, пахнувший

розами. Миссис Макфи вздохнула, закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

— Видеть не обязательно. Звуков и запаха мне вполне достаточно.

Педадь сцепления, рулевая колонка в автомобиле отсутствовали, сиденье было раскладное: из тех, что можно выдвинуть, а спинка при этом ляжет горизонтально. Стеклянная панель и штора скрывали заднее сиденье, где, вероятно, спали дети. Под ветровым стеклом находились ящики, полки, ячейки. В одной из ячеек имелось электрическое гнездо, в другой — пластмассовая емкость с краником наверху. Макфи открыл дверцу крохотного холодильничка, вынул две жестянки пива и одну протянул Ланарку.

Розовые кусты перед ветровым стеклом раздвинулись, и машина, со звуком, похожим на бульканье воды, поплыла, как яхта, по круглому озеру, которое вплотную обступали склоны холмов, с подножия до вершины одетые роскошно цветущими растениями — лишь в редких местах за этим благоуханным, богатым оттенками водопадом проглядывала зеленая листва. Озеро было очень глубоким, но настолько прозрачным, что — если отвлечься от перевернутых цветущих склонов в перевернутых небесах — ничего не стоило разглядеть мелкую жемчужную гальку на его дне. Вся картина поражала изобилием, теплом, многоцветьем и нежной безмятежностью; прослеживая взглядом богатый оттенками склон холма, от его четкой границы с водой до размытого контура вершины в безоблачной синеве, трудно было не вообразить себе изливающийся с небес поток рубинов, сапфиров, опалов и золотистых ониксов. Миссис Макфи взяла еще один баллончик, и в салоне

запахло анютиными глазками. «Сопли в сиропе!» — крикнул Макфи и яростно щелкнул переключателем.

Помещение сделалось частью салона открытого пронзительно-красного кабриолета, который несся под ослепительным солнцем по скоростной автостраде. Впереди, в знойной дымке, показались огоньки. Вблизи они превратились в группу мотоциклистов. Машина прибавила скорости, забирая в их сторону.

— Джимми! — сказала миссис Макфи. — Ты ведь знаешь, я этого не люблю.

— Ты несчастна, так?

Жена поджала губы, вынула из ящичка на приборной доске носок и иголку и принялась штопать. Глядя мимо нее, Ланарк увидел, что машина приближается к предводителю группы. На нем была кожаная одежда с черепом и фашистской символикой. Сзади сидела, обхватив его, девушка, похожая на мисс Мейхин, также в коже. И тут — вжик! — из автомобиля, с той стороны, где сидел Макфи, вылетел сверкающий дротик; его острый наконечник вонзился в тело мотоциклиста чуть ниже подмышки. С пронзительным скрежетом машина вильнула и врезалась в группу мотоциклистов. Действие снаружи вдруг замедлилось. Разевая рты в крике, мотоциклисты лениво повалились туда-сюда; некоторых подкинуло в воздух, иные упали на капот автомобиля и долго цеплялись за него в отчаянии, пока не соскользнули на шоссе. Ланарк толкнул дверцу и с облегчением увидел грязную гравиевую парковку и ряд недвижимых модульных домов.

— Закрой дверь, холодно! — проревел Макфи. Ланарк нехотя повиновался.

Среди клубов пыли все еще вращались, в подобии балетных па, тела мотоциклистов. Столкновение двух мотоциклов вызвало грандиозный взрыв, но тут на месте этой картины показались голова и плечи мужчины в ярком узорчатом галстуке. Он произнес: «Мы вынуждены прервать эту программу и передать слово провосту Сладдену, главе исполнительной власти Большого Унтанка, у которого есть чрезвычайное сообщение. Речь пойдет о серьезной угрозе здоровью всех, кто проживает в регионе Большого Унтанка, поэтому прошу граждан — в особенности имеющих детей — отнестись к сообщению предельно внимательно. Провост Сладден».

Появился Сладден, сидевший на кожаной софе под большой картой города. Держа между коленей сцепленные ладони, он, прежде чем заговорить, несколько секунд мрачно смотрел в камеру.

Сладден встал и указал на карте район, обведенный красным.

— Тут мы и есть, будьте здоровы, — заметил Макфи.

На экране появились три фразы:

— Возьми еще пива. — Макфи протянул банку. — Ты тоже, Хелен.

Она отозвалась:

— Я боюсь, Джимми.

— Боишься? Чего? В кои-то веки нам повезло. В модульных домах нет уборных. А раковина не присоединена к канализации.

— Но что мы будем делать, если нельзя будет пользоваться общественным туалетом?

— Думаю, провост предложит какой-нибудь выход, — сказал Ланарк.

Речь произвела на него большое впечатление. Он думал: «Какое счастье, что Рима и Сэнди находятся в соборе. Ритчи-Смоллет уже принял необходимые меры». Он отхлебнул из банки. Надпись на экране исчезла, и тут же снова появился Сладден.

Сладден продемонстрировал ночной горшок.

Сладден продемонстрировал черный полиэтиленовый пакет.

— Для перевозки дерьма солдатам не нужны ружья, — заметил Макфи.

— А что, если пойдет дождь? — вставил Макфи.

Сладден подошел к висевшим на стене часам — с маятником, в футляре под избушку.

— Ни хрена себе, — заметил Макфи, открывая очередную жестянку пива.

Хелен спросила:

— Может, уже хватит?

Сладден указал на гирю в форме еловой шишки.

произнес Сладден, беря в руки гирьку, —

Он отпустил гирьку. «Тик» — маятник скользнул влево, «так» — вправо. Часы росли, пока не заполнили

собой почти всю площадь экрана. Обе стрелки указывали строго вверх, на дверцу над циферблатом, которая разом распахнулась. Толстенная деревянная птичка, попеременно выскакивая и прячась, закричала: «Ку-ку! Ку-ку! Ку...» Макфи повернул выключатель, и экран сделался прозрачным. Трое, сидя в ряд, уставились сквозь него на погружившуюся в сумрак автостоянку. Снаружи слышались сирены, гудки, отдаленный звон. Хелен включила свет.

— Псих, — сказал Макфи. — Этот человек — псих.

— Нет-нет, — возразил Ланарк. — Я давно его знаю — он не псих. Как частному лицу я ему не доверяю, но, похоже, он четко ухватил политическую ситуацию. И его речь мне показалась искренней.

— Он твой приятель?

— Нет, он приятель моей жены.

Макфи склонился, сгреб Ланарка за лацканы и спросил:

— Что нам светит?

— Джимми! — крикнула Хелен.

Ланарк воскликнул:

— Что такое?

— Об этом я тебя и спрашиваю! У тебя ведь паспорт совета, так? И ты работаешь на социальную стабильность, верно? И знаешь Сладдена? Вот и скажи, что замыслила эта публика!

Притянутый им Ланарк полулежал на коленях у Хелен, ухом упираясь в ее бедро. Затопленный волной приятного тепла, он сонно проговорил:

— Мы стараемся погубить Унтанк. Некоторые из нас.

— Боже, это не новость. Мы, в мастерских, всегда это знали. «Ну ладно, — говорил я. — Черт с ним, с городом, лишь бы мои малыши уцелели». Но вы, ублюдки, похоже, на сей раз взялись за дело всерьез, так? Так ведь?

Макфи выпустил лацкан Ланарка, нацеливаясь вцепиться ему в ноздри и закрыть рот. Напротив, в нескольких дюймах, на блестящем боку чайника виднелось раздутое отражение лица Ланарка и руки Макфи. Картинка дрогнула и расплылась, и Ланарк заподозрил, что, когда она вновь появится, он будет без сознания. Боли он не чувствовал, поэтому не особенно беспокоился. Затем послышались удары и задыхающийся голос Хелен: «Отпусти, отпусти его!» Макфи ослабил хватку, удары зазвучали громче. Хелен застонала, потом крикнула: «Бегите, мистер! Оставьте нас! Оставьте!»

Нащупав ручку, Ланарк потянул ее, боком выбрался наружу и захлопнул дверцу. Помедлил немного рядом с модульным домом, который слегка раскачивался. На переднем сиденье слышался приглушенный шум, сзади — слабый детский плач. Взгляд Ланарка привлек освещенный плакат на фронтоне: атлетически сложенная пара с двумя смеющимися детишками играла на пляже в мяч. Текст сверху гласил: ДЕНЬГИ — ЭТО ВРЕМЯ. ВРЕМЯ — ЭТО ЖИЗНЬ. КУПИ СЕБЕ ЕЩЕ ЖИЗНИ У «КВАНТУМ ИНТЕРМИНЕБЛ». (ОНИ ПОЛЮБЯТ ТЕБЯ ЗА ЭТО.)

Глава 39 Развод

«Черт с ним, с городом, лишь бы мои малыши уцелели». Слова Джимми навели Ланарка на тревожные мысли о Сэнди. Ланарк бегом покинул стоянку и припустил по безлюдным улицам, пытаясь вспомнить обратный путь. Пошел теплый крупный дождь, и сточные канавы быстро переполнились. Окрестные дома были Ланарку незнакомы. Он завернул за угол, подошел к ограждению и бросил взгляд вниз, где, за несколькими уровнями автомагистрали, высилась темная башня со сверкающим шпилем собора. Ланарк облегченно вздохнул, перебрался через ограду и, скользя по мокрой траве, спустился по склону. По обочине дороги струился наискось поток воды, фута в два глубиной. Ланарк добрался вброд до сравнительно сухого места. Машин не было, кроме военного джипа, который, взметнув дугу брызг, со свистом пролетел поворот, затормозил и остановился рядом с Ланарком.

— Давай сюда! — крикнул грубый голос — И не вздумай дурить, у меня оружие.

Ланарк подошел ближе. Рядом с водителем сидел толстый мужчина в форме полковника. Толстяк спросил:

— Сколько вас здесь?

— Один.

— Так я тебе и поверил! Куда ты идешь?

— В собор.

— А что ты вторгся, куда не следует, тебе известно?

— Я просто переходил дорогу.

— Э нет! Ты переходил скоростную автостраду. Скоростные автострады предназначены исключительно для колесных транспортных средств, приводимых в движение мотором на высококачественном жидком топливе, о чем следует помнить... Бог мой, да это Ланарк! Это ты?

— Да. Ты Макпейк?

— Конечно. Садись. Тебе куда, как ты сказал?

Ланарк объяснил.

— Отвези нас туда, Камерон. — С довольным смешком Макпейк откинулся на спинку сиденья. — А я уж было решил, что мне в руки попался мятежник. Мы их высматриваем — сам понимаешь, такое время.

Джип свернул на соборную площадь. Ланарк сказал:

— Рима, наверное, говорила тебе про Александра?

Макпейк мотнул головой:

— Прости, я знаком только с одной Римой. Водилась со Сладденом в старые дни, когда существовала «Элита». Сам с ней разок переспал. Что за женщина! А я думал, она отправилась в институт в то же время, когда и ты.

— Прости, я совсем запутался.

Несчастный и взволнованный, Ланарк дождался, пока джип остановился у ворот собора. В дверях он услышал мелодию органа, внутри же застал немногих стариков и людей средних лет (я ведь тоже такой, подумал он), которые, стоя там и сям меж рядами

стульев, пели, как поток, струясь вовеки, сыновей уносит прочь, так и сны покинут веки в час, когда уходит ночь. Готовый разразиться обвинениями, он обогнул собравшихся, рванул дверцу и кинулся вверх по винтовой лестнице, мимо оконного проема, по органной галерее и вдоль отсеков чердака. Римы и Алекса нигде не было. Он влетел в кухню и уставился на Фрэнки и Джека, которые удивленно подняли глаза от карт.

— Где они?

После неловкой паузы Фрэнки отозвалась вполголоса:

— Она сказала, что оставила тебе записку.

Ланарк поспешил обратно и застал свой отсек пустым. На аккуратно застеленной кровати лежала записка.

Он медленно разделся, лег в кровать, выключил свет и тут же заснул. Через несколько часов он проснулся с ощущением, что случилось нечто ужасное и нужно рассказать об этом Риме, и тут вспомнил, о чем идет речь. Во время безотрадного бодрствования он слышал иногда, как соборный колокол отбивал часы.

Однажды пробило пять, а когда Ланарк снова проснулся, било три — свидетельство того, что регулярная отметка времени не особенно его замедлила.

Наконец Ланарк открыл глаза и увидел электрический свет. Она спокойно стояла у кровати и вынимала из комода одежду. Ланарк сказал:

— Привет.

— Я не хотела тебя будить.

— Как Сэнди?

— Ведет себя очень тихо, но, думаю, всем доволен. Просторно, есть где побегать. Кроме того, Сладден живет в безопасной зоне, так что зловония, конечно, нет.

— Здесь тоже нет зловония.

— В ближайшие двадцать четыре часа, уверена, даже ты его заметишь.

Защелкнув чемоданчик, она сказала:

— Я хотела забрать вещи еще тогда, но боялась, что ты неожиданно нагрянешь и устроишь истерику.

— Когда это я закатывал истерики? — бросил он раздраженно.

— Не помню. Конечно, отчасти это твоя беда, так ведь? Мы со Сладденом часто говорили о тебе, и он думает, что от тебя была бы очень большая польза, если бы ты умел высвободить свои эмоции.

Он лежал застывший, сцепив кулаки и зубы, чтобы не закричать. Рима поставила чемодан у изножья кровати и села на него, комкая в руках носовой платок.

— Ланарк, не хочется делать тебе больно, но я должна объяснить, почему ухожу от тебя. Ты думаешь, я

жадная и неблагодарная, предпочла Сладдена, потому что он гораздо лучший любовник, но дело не в этом. Женщину может устроить и самый неуклюжий любовник, если он в других отношениях дает ей счастье. Но ты ни на минуту не перестаешь быть серьезным. На мои обычные меняющиеся настроения ты смотришь как на пыль, легковесную и бесполезную. Ты живешь так, словно исполняешь обязанность, словно должен непрерывно анализировать свою жизнь и исправлять ее. Помнишь, когда я была беременна и сказала, что хочу девочку, ты заявил, что хочешь мальчика: пусть ребенка любит хоть один из родителей? Ты все время старался меня уравновесить, как лодку с плохой остойчивостью. Ты не добавил мне ни радости, когда я была счастлива, ни горя, когда я была несчастна, ты сделал меня самой одинокой женщиной в мире. Не то чтобы я любила Сладдена больше, чем тебя, но жизнь с ним кажется свободной и открытой. Не сомневаюсь, что и для Алекса так будет лучше. Сладден с ним играет. А ты бы только объяснял ему то одно, то другое. — Ланарк молчал. — Но нам иногда бывало хорошо вместе, так? Ты был мне другом — я не жалею, что встретила тебя.

— Когда я смогу повидать Сэнди?

— Я думала, ты скоро отправляешься в Прован?

— Нет, если Сэнди остается.

— Позвони предварительно и можешь приходить в любое время. Телефонный номер и адрес есть у Фрэнки. Нам понадобится няня.

— Скажи Сэнди, мы скоро увидимся и я буду часто его навещать. До свидания.

Рима встала, помедлила с чемоданом в руке и добавила:

— Уверена, ты был бы счастливее, если бы почаще жаловался.

— А если я стану жаловаться, ты полюбишь меня и захочешь остаться? Нет, тогда тебе будет легче меня покинуть. Так что не думай...

Он замер с открытым ртом, потому что неизбывное горе копилось в горле, пока не вырвалось наружу громким бесслезным всхлипом, похожим на икоту или на медленное тиканье деревянных часов. Влага залила его глаза и щеки. Он простер руки к Риме, она тихо проговорила: «Бедный Ланарк! Ты в самом деле страдаешь», тихо вышла и тихо закрыла за собой дверь. Наконец Ланарк перестал рыдать. Он лежал пластом, ощущая на груди свинцовый груз. В голову пришла смутная мысль напиться или расколотить мебель, но двигаться не хотелось. Свинцовый груз удерживал Ланарка на спине, пока он не заснул.

Кто-то положил Ланарку руку на плечо, и он открыл глаза с возгласом:

— Рима?

У кровати стояла Фрэнки и держала поднос с едой. Он со вздохом поблагодарил ее, и она сидела рядом, пока он ел. Она сказала:

— Я унесла твою одежду: она была ужасно грязная. Для тебя приготовлены новый костюм и белье — лежат внизу, в ризнице.

— Вот как.

— Думаю, тебе нужно побриться и подстричься. Джек раньше работал парикмахером. Попросить его, чтобы зашел?

— Нет.

— Можно Сладдену с тобой поговорить?

Ланарк смотрел на нее молча.

Фрэнки вспыхнула.

— Я имела в виду, если он захочет тебя повидать, ты не выйдешь из себя и не набросишься на него, так ведь?

— Я совершенно точно не забуду о своем достоинстве при встрече с человеком, у которого достоинства кот наплакал.

Фрэнки хихикнула.

— Хорошо. Я ему передам.

Фрэнки унесла поднос. Позднее в отсек зашел Сладден и сел на кровать со словами:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я не люблю тебя, Сладден, но от тебя зависят те единственные, кого я люблю. Скажи, чего ты хочешь.

— Да, сейчас. Рад, что ты согласился со мной увидеться, но, конечно, я в этом не сомневался. Что нас с Римой в тебе восхищает, это твой инстинктивный самоконтроль. Это качество делает тебя неоценимым.

— Скажи, чего ты хочешь, Сладден.

— В конце концов, мы разумные современные люди, а не рыцари, что сходились в поединке за любовь прекрасной дамы. Скажу так: прекрасная дама где-то

тебя подобрала, но ты оказался слишком тяжелым, поэтому тебя она бросила и взамен подобрала меня. Я легковес. Женщинам нравится меня подбирать. Но ты сделан из более солидного материала, и вот почему я здесь.

— Пожалуйста, скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты прекратил себя жалеть и вылез из кровати. Хочу, чтобы ты выполнил одну тяжелую и важную работу. Меня прислал комитет. Они просят тебя отправиться в Прован и выступить от имени Унтанка на Генеральной Ассамблее государств — членов совета.

— Шутишь! — воскликнул Ланарк, садясь. Сладден молчал. — С какой стати они обратились ко мне?

— Нам нужен кто-нибудь, кто прошел институт и знаком с кулуарами совета. Ты работал на Озенфанта. Беседовал с Монбоддо.

— С первым я рассорился, а второй мне не понравился.

— Хорошо. Будешь в Проване, встань и обличи их от нашего имени. На этот раз нам не нужно, чтобы нас представлял дипломат, мы хотим человека бестактного, который бы в точности обрисовал делегатам других государств, что здесь происходит. Используй свой нос и верни толику нашей вони к ее первоисточнику.

Ланарк принюхался. В воздухе чувствовался знакомый неприятный запах.

— Пошлите Гранта. Он разбирается в политике.

— Ему никто не доверяет. Да, он разбирается в политике, но он хочет ее изменить.

— Ритчи-Смоллета.

— А для него политика — темный лес. В каждом встречном видит честного человека с добрыми намерениями.

— Гау.

— Гау владеет долей в «Кортексине», компании, из-за которой мы попали в беду. Шумит вовсю, но только делает вид, что сражается с советом.

— А ты?

— Если я уеду из города больше чем на неделю, власть парализует. Контролировать администрацию будет некому, а среди слуг народа полно таких, кто норовит слинять при первом удобном случае. Отовсюду только и жди неприятностей, как снаружи, так и изнутри.

— Итак, меня выбрали, потому что все остальные друг другу не доверяют, — заключил Ланарк.

Пьянящее возбуждение зародилось в нем, и он нахмурился, чтобы не выдать себя. Он представил себя на трибуне или, быть может, на пьедестале; огромная аудитория внимает благоговейно его простой и немногословной, но выразительной речи об истине, справедливости и братстве. Он спросил внезапно:

— Как я доберусь до Прована?

— По воздуху.

— Но придется пересечь эту самую зону — как ее — интракалендарную? То есть...

— Интеркалендарную зону? Да.

— Я стану намного старше?

— Не исключено.

— Нет, я не согласен. Хочу остаться вблизи Сэнди. Помогать ему расти.

— Это понятно, — серьезно кивнул Сладден. — Но если ты любишь своего сына... если любишь Риму... то станешь защищать в Проване их интересы.

— Моя семья находится сейчас в безопасном районе. Они живут с тобой.

Сладден невесело улыбнулся, встал и прошелся по отсеку.

— То, что я тебе расскажу, знает, кроме меня, только один человек. Пока не прибудешь в Прован, молчи, но там поведай об этом всему миру. Опасность грозит всему региону Большого Унтанка, и это не только эпидемия брюшного тифа, хотя и она не исключена. Миссис Штцнгрм подвергла анализу образцы яда (двое пожарных, доставив их, умерли), и она говорит, яд начал просачиваться внутрь через пермский пласт. Как тебе, вероятно, известно, континенты (правда, не постоянно) плавают на сверхплотной массе из расплавленной...

— Не морочь мне голову наукой, Сладден.

— Если не ликвидировать загрязнение, нас ждут толчки и оседание земной коры.

— Нужно что-то с этим делать! — в ужасе выдохнул Ланарк.

— Да. Что с этим делать, знает институт. Необходимые машины принадлежат существу. Только совет может принудить их действовать вместе.

— Я отправлюсь, — спокойно произнес Ланарк, обращаясь в основном к самому себе. — Но перед этим я должен повидать мальчика.

— Оденься в ризнице, и я тебя к нему отвезу, — быстро подхватил Сладден. — И кстати, если не возражаешь, мы назначим тебя провостом: лордом-провостом Большого Унтанка. Это ничего не значит — я по-прежнему остаюсь главой исполнительной власти, — но вокруг тебя будут люди с титулами, и, чтобы внушить им уважение, тебе тоже не помешает титул.

Ланарк накинул на себя старое пальто, похожее на халат, сунул босые ноги в измазанные глиной полуботинки и вслед за Сладденом спустился в ризницу. В его душе соперничали щемящая любовь к Сэнди и восторженная любовь к собственной важной персоне, провосту и делегату. Ничто не мешало диалогу между этими двумя чувствами. Для Ланарка была готова теплая ванна, потом он сидел, завернутый в купальный халат, Джек брил его и стриг, а Фрэнки делала маникюр. Он надел на себя чистое новое белье, носки, рубашку, синий галстук, костюм-тройку из серого твида, отполированные до блеска черные полуботинки; затем удалился в туалет, сходил в пластмассовый горшок, вставленный в унитаз, и наслаждался сознанием, что не должен за собой убирать. Над заделанной раковиной висело зеркало; на противоположной стене находилась аптечка с зеркальной дверцей. Приоткрыв ее, Ланарк сумел разглядеть себя в профиль. Джек сбрил ему бороду и подстриг усы. Седоватые волосы, надо лбом поредевшие, за ушами топорщились копной — впечатляющая, достойная

государственного мужа прическа. Вытянув руки по швам, он спокойно произнес:

— Говоря, будто совет сделал для Унтанка все возможное, лорд Монбоддо лжет нам — или повторяет чужую ложь.

Ланарк вернулся в ризницу, и Сладден сопровождал его к длинному черному автомобилю, стоявшему перед порталом собора. Они забрались на заднее сиденье, и Сладден бросил шоферу:

— Домой, Ангус.

Пока автомобиль мчался по городу, Ланарк, занятый собой, мало что заметил, за исключением пронзительной вони, особенно над речным руслом, на великолепном новом мосту из бетона. На потрескавшемся иле там и сям валялись груды вздувшихся мешков из черного полиэтилена.

— Некуда больше их сваливать, — мрачно заметил Сладден.

— Ты говорил по телевизору, что эти пакеты не пропускают запах.

— Так и есть, но они легко рвутся.

Они приблизились к кварталу частных домов: одинаковых бунгало, маленьких и аккуратных, перед каждым небольшой садик, рядом — гараж. Машина затормозила у одного из них, с парой старомодных фонарных столбов из кованого железа перед воротами. Сладден подвел Ланарка к передней двери и стал рыться в карманах, разыскивая ключ. При мысли о том, что сейчас он увидит Риму, сердце у Ланарка отчаянно забилось. Через незанавешенное окно сбоку виднелась

освещенная гостиная, где за низким столиком у камина пили кофе четверо гостей. Одного Ланарк узнал.

— Там Гилкрест! — воскликнул он.

— Хорошо. Я его пригласил.

— Но Гилкрест на стороне совета!

— В вопросе о санитарии — нет. Тут он на нашей стороне, и нам важно выступить широким фронтом перед журналистами. Не беспокойся, он твой большой поклонник.

Они вошли в маленькую прихожую. Сладден взял с телефонного столика записку, прочел ее и нахмурился.

— Римы нет дома. Алекс наверху, в комнате, где телевизор. Наверное, ты хочешь прежде всего встретиться с ним.

— Да.

— Наверху, первая дверь направо.

Ланарк взобрался по узкой, застеленной пушистым ковром лестнице и тихонько открыл дверь. В углу маленькой комнаты стоял телевизор, перед ним — три кресла. На полу, среди пластмассового оружия, лежали два игрушечных солдата в разной форме. На столе были разбросаны игра «монополия» и рисунки на листах бумаги. На подлокотнике среднего кресла сидел Александр, гладил свернувшуюся на сиденье кошку и смотрел телевизор. Не оборачиваясь, он произнес:

— Привет, Рима, — потом обернулся и повторил:

— Привет.

— Привет, Сэнди.

Подойдя к столу, Ланарк стал рассматривать рисунки.

— Что это? — спросил он.

— Ходячий цветок, кран, который переносит через стену паука, вторжение всяких разных инопланетян. Хочешь посмотреть со мной телевизор?

— Хочу.

Александр столкнул с кресла кошку, и Ланарк сел. Александр прислонился к нему, и они стали смотреть фильм, похожий на тот, который Ланарк видел в модульном доме Макфи, только на сей раз убивали друг друга солдаты, а не автомобилисты с мотоциклистами. Александр спросил:

— Тебе нравятся фильмы про убийства?

— Нет, не нравятся.

— Это мои любимые фильмы. В них все, как в жизни, правда?

— Сэнди, я собираюсь надолго уехать из города.

— А-а.

— Я хотел бы остаться.

— Мама говорила, ты будешь часто ко мне приходить. Она не против, чтобы мы дружили.

— Знаю. Когда я ей говорил, что буду приходить часто, я не знал, что придется уехать.

— А-а.

Глаза Ланарка наполнились слезами; он поймал себя на том, что вытянул губы, готовясь взвыть. Он подумал, что для мальчика будет ужасно запомнить отца

разнюнившимся, отвернул лицо и накрепк мускулы, удерживая горе внутри. Александр повернулся к телевизору. Ланарк встал и неловко шагнул к двери:

— До свидания.

— До свидания.

— Я всегда тебя любил. И всегда буду любить.

— Хорошо. — Александр уставился в телевизор.

Ланарк вышел, сел на ступеньку лестницы и стал с силой тереть глаза руками. У подножия лестницы появился Сладден:

— Прости, но пресса торопится.

— Сладден, ты будешь как следует о нем заботиться?

Сладден поднялся к нему и сказал:

— Не беспокойся! Знаю, в молодости я немало нагулялся, но я всегда любил Риму и теперь хочу постоянства. Алексу будет хорошо со мной. Нынче я человек домашний.

Ланарк вгляделся в лицо Сладдена. Форма осталась прежней, но переменилась материя. Это было напряженное, близкое к отчаянию лицо человека, обремененного заботами. Ланарк подумал, что покойная домашняя жизнь с Римой едва ли возможна, и ему стало жалко Сладдена. Он сказал:

— Я не хочу разговаривать с журналистами.

— Не беспокойся. Главное, перед ними появиться.

Лампа с абажуром на каминной полке отбрасывала овал мягкого света на небольшую группу, собравшуюся перед огнем. На длинной кожаной софе перед камином

сидели Сладден, Гилкрест, человек со спокойным лицом и человек с лицом сорвиголова. Седая дама, которую Ланарк видел в зале капитула, устроилась в кресле, держа на коленях портфель. Ланарк затолкал свой стул подальше в тень. Сладден сказал:

— Эти два джентльмена в курсе дел. Они на нашей стороне, так что тревожиться не о чем.

Спокойный человек произнес спокойно:

— Личные подробности нас не интересуют. Мы хотим одного: назначить на нужную работу подходящего человека.

— На политическую арену выходит новая фигура, — вмешался сорвиголова. — Откуда он?

— Из Унтанка, — отозвался Сладден. — В юности мы были близкими друзьями. Прожигали молодость в одной и той же богемной компании, отмеряли жизнь кофейными ложками и пытались найти смысл существования. Я в те дни бездельничал, а Ланарк, нужно отдать ему должное, произвел на свет прекрасный образчик автобиографической прозы и социальные заметки — мне выпала честь быть их критиком.

— Нашим читателям это не нужно, — сказал сорвиголова.

— Это нам годится, — сказал спокойный. — Что произошло дальше?

— Он отправился в институт, где работал под руководством Озенфанта. Весь отдел энергетики держался на нем, все же его таланты не были оценены по достоинству, и в конечном счете он не выдержал бюрократической бессмыслицы и вернулся в Унтанк, но

прежде выразил решительный протест лорду президенту-директору.

— Здесь не помешают драматические подробности, — оживился сорвиголова. — Из-за чего именно вы поссорились с Озенфантом?

Ланарк постарался припомнить. Наконец он проговорил:

— Я с ним не ссорился. Это он поссорился со мной, из-за женщины.

— Это лучше выпустить, — заметил Сладден.

— Хорошо, — кивнул спокойный. — Он вернулся в Унтанк. И тогда?

— Я могу рассказать, что случилось тогда, — любезным тоном вмешался Гилкрест. — Он посвятил себя службе обществу, устроившись на работу в центральный центр занятости, стабильности и окружающей среды. Будучи его начальником, я вскоре осознал, что имею дело со своего рода святым. Сталкиваясь с человеческим страданием, он абсолютно не мог вынести бюрократической волокиты. Честно говоря, частенько я за ним не успевал, и именно поэтому он как раз такой лорд-провод, в каком нуждается регион. Не мыслю себе политика, более достойного представлять Большой Унтанк на предстоящей Генеральной Ассамблее.

— Хорошо! — воскликнул сорвиголова. — Не будет ли любезен провод Ланарк сказать несколько слов для печати о том, что он собирается делать на ассамблее в Проване?

Чуть поразмыслив, Ланарк смело заявил:

— Я постараюсь сказать правду.

— Нельзя ли придать этой фразе больше выразительности? — спросил сорвиголова. — Не могли бы вы произнести: пусть даже на землю обрушится потоп, но я скажу миру ПРАВДУ?

— Конечно нет! — раздраженно отозвался Ланарк. — Потоп не имеет никакого отношения к моей поездке в Прованс.

— Что бы ни произошло, мир услышит правду, — пробормотал спокойный. — Вот так мы напишем.

— Очень хорошо, джентльмены! — Сладден встал. — Наш провост отбывает. Это не официальное отбытие, наблюдать за ним не нужно. Если требуется фотография, секретарь мистера Гилкрита вам ее выдаст. Прошу прощения, жены нет дома, иначе бы она предложила вам закуски, но на телефонном столике за дверью вы найдете бутылочку хереса и полбутылки виски. Угощайтесь на здоровье. Мистер Гилкрит отвезет вас обратно в город.

Все встали.

Сладден проводил Гилкрита и журналистов к выходу. Седая дама со вздохом сказала:

— Общение с прессой — наука, мне совершенно недоступная. Фэтом портфеле, мистер Ланарк, пропуск, удостоferение личности и три отчета о положении дел ф регионе Унтанка. Софетую фам до фыступления ф Профане изучить их. Это сейсмографический отчет о флиянии загрязнений на мерофикникскую неоднородность. Это санитарный отчет о фозможности эпидемий тифа и подобных болезней. А это — социальный отчет, фключающий ф себя фсе прежние проблемы, — как ни ф одном регионе, срафнимом с нами

по размерам, у нас распространены безработица, телесные наказания в школах, алкоголизм, нехватка жилья; нигде на попечении государства не находится так много детей, не сидит в тюрьмах такое множество взрослых. Все это уже нафязло в зубах, но необходимо об этом напоминать снова и снова. Из трех отчетов только один, сейсмологический, написан языком научных терминов, так как содержит анализ образцов глубоко залегающего пермского пласта, — не исключая, что они имеют коммерческое значение. К нему я приложила словарь научных терминов, чтобы помочь вам разобраться.

— Благодарю. — Ланарк принял портфель. — Вы миссис Штцнгрм?

— Да, Ефа Штцнгрм. Есть еще один вопрос, касающийся лично вас — Она понизила голос — Пересекая интеркалендарную зону на самолете, вы, наверное, очень быстро пройдете барьер менопаузы.

— Что? — встревожился Ланарк.

— Волноваться не о чем. Вы не женщина, больших перемен не последует. Но у вас может возникнуть очень странное чувство сжатия и растяжения, о котором не стоит упоминать впоследствии. Не волнуйтесь из-за этого. Не волнуйтесь.

Из-за двери выглянул Сладден:

— Ангус установил освещение. Пойдем на летное поле.

Они выбрались из дома через заднюю дверь на кухне и пошли вдоль электрического кабеля, который

вился по тропинке среди пожухлых капустных кочерыжек.

— Помни, — внушал Сладден, — лучшая тактика — открытое обличение. Бесполезно жаловаться главам совета, если отсутствуют другие делегаты, и наоборот. Руководителей надо так устыдить, чтобы они дали конкретные обещания в присутствии всех остальных.

— Лучше бы ты поехал вместо меня, — отозвался Ланарк.

Они приблизились к разросшейся живой изгороди из бирючины; фонари освещали только нижние листья, верхние казались совсем черными. Сладден, а за ним Ланарк и миссис Штцнгрм шагнули через просвет в изгороди на летное поле. Впрочем, оно было чересчур узким, чтобы называться полем: треугольный травянистый участок на вершине холма, со всех сторон окруженного садами. На траве был постелен квадратный кусок брезента, вокруг расставлены три электрических фонаря, а посреди брезента возвышалось подобие птицы на низких кривых ножках с очень широкими лапами. Размерами она превосходила орла, но имела ту же форму и золотисто-коричневое оперение. На груди виднелась нанесенная по трафарету надпись: «U-1». На спине, меж сложенных крыльев, зияла щель шириной дюймов в восемнадцать, хотя из-за торчавших перьев она казалась уже. Насколько Ланарк мог разглядеть, внутренность была отделана голубым атласом. Он спросил:

— Это птица или машина?

— И то и другое понемногу. — Сладден взял у Ланарка портфель и закинул в отверстие.

— Как же она летает, если она внутри полая?

— Она питается жизненной энергией пассажира, — пояснила миссис Штцнгрм.

— У меня не хватит энергии, чтобы перелететь на этой штуке в другой город.

— Кредитная карта позволит самолету получать энергию из фашего будущего. Карта при фас?

— Вот она, — проговорил Сладден. — Я достал ее из его другого костюма. Ангус, стул, пожалуйста.

Шофер извлек из темноты кухонный стул и поместил его рядом с птицей; не обращая внимания на слабые протесты Ланарка, Сладден помог ему взобраться.

— Мне это совсем не нравится.

— Просто шагните внутрь, мистер Делегат.

Ланарк просунул в отверстие одну ногу, потом вторую. Пока он скользил внутрь, птица покачивалась; потом голова ее вскинулась и сделала поворот, так что перед ним оказалось острие большого загнутого клюва. «Дай ей вот это», — сказал Сладден и протянул Ланарку кредитную карту. Держа за уголок, Ланарк боязливо сунул карту в клюв, который тут же ее ухватил. Стекланные глаза загорелись желтым светом. Голова отвернулась и, склонившись, исчезла из виду. Миссис Штцнгрм сказала:

— Он не сможет лететь, пока большая часть фашего тулофища не будет фнутри. Не забудьте: чем меньше фы думаете, тем фыше скорость. Не бойтесь за сфою нарядную одежду — интерьер saniрующий: пока фы спите, он фыстират ее и прифедет ф порядок.

Гладкий и прочный атлас в чреве птицы поддерживал Ланарка в сидячем положении, однако когда он убрал внутрь руки, задняя часть опоры опускалась до тех пор, пока он не растянулся на спине и голова, как ему показалось, провалилась ниже ног, которые лежали в шее птицы. Голова выглядывала в щель между коричневыми крыльями, которые все выше и выше взметались по сторонам. Впереди он заметил крышу бунгало с желтым квадратиком окна. Там явился черный силуэт головы и плеч; если это было бунгало Сладдена, то силуэт, конечно же, принадлежал Сэнди. В один миг и этот нелепый хрупкий летательный аппарат, и назначение делегатом и провостом — все представилось ему глупейшим бегством от главной в мире реальности, и, крикнув: «Нет!» — он отчаянно рванулся наружу, но тут изогнутые аркой крылья хлестнули по воздуху, Ланарка, уподобившегося дротику, с громopodobным ревом понесло ногами вперед, в лоб ему ударил холодный ветер, и он лишился сознания.

Глава 40 Прован

Когда Ланарк проснулся, было тихо, ложе его слегка раскачивалось, как колыбель, над головой сияла полная луна. В небе виднелось несколько крупных звезд. Не выдержав блеска, он, чтобы дать глазам отдых, уставил их на темное межзвездное пространство, но и там одна за другой стали вспыхивать звезды, а затем и целые созвездия, и вот уже не осталось даже крохотного участка, где не мерцала бы серебряная галактическая пыль. Птицелет, с распростертыми крыльями, парил, слегка накренившись, меж потолком из звезд и полом из гладких облаков, простиравшимся, как и небо, от горизонта до горизонта; сквозь дымку тьмы проступала его белизна — цвет, превосходящий все прочие своей загадочной яркостью. Облачное основание поредело и прорвалось, и Ланарк решил на миг, что машина перевернулась: в просвете показалась яркая луна. Взгляд его уперся в небо, отраженное в круглом озере, и не только отраженное, но и увеличенное, ибо черная крапинка в центре нижней луны явно была не чем иным, как отражением его птицелета. Озеро, хотя и сумрачное, имело собственную окраску. Отраженную луну окружал черный ореол, а он, в свою очередь, был заключен в синее водное кольцо, испещренное звездами. Слева и справа озеро окаймляла чистая песочная отмель, такого же бледно-жемчужного цвета, что и облака; круг озера с отмелями помещался меж двух изогнутых береговых возвышенностей и потому походил на око. Ланарк увидел, что это и есть око, и испытал чувство слишком непривычное, чтобы ему нашлось наименование. Широко распахнув рот и разум, он думал об одном: виден ли он — песчинка из песчинок, проплывающих мимо, — этому

гигантскому зрачку. В попытке подумать еще о чем-нибудь он поднял взгляд, но тут же опустил — око приблизилось. Ланарк видел только звезды, отраженные в его глубине. Послышался звук, подобный отдаленному грому или ветру, дышащему прямо в ухо. «Есть... есть... есть... — твердил он, — есть... если... есть...» Ланарк знал, что половина звезд взирает на другую половину и улыбается слегка, не отличая верх от низа и не заботясь об этом. Затем, ошеломленный бесконечностью, он не столько погрузился, сколько вплыл в сон.

В следующий раз он пробудился среди бледной голубой лазури. Под ним была равнина из снежно-белых облаков; с одной стороны по ней легко скользила синяя, похожая на птицу, тень, с другой же, невысоко над горизонтом, стояло маленькое пронзительное солнце, словно бы бросавшееся, в ответ на его взгляды, золотыми проволочками. Временами он попадал в фонтан птичьих мелодий, бивший через просвет в облаках, и взглядывал мельком вниз, где на расстоянии мили или около того виднелись трава или камни, но лишь один звук сопровождал его постоянно: удары крыльев его орла-самолета, глухие в разреженном воздухе. Тело его расслабленно нежилось в тепле на плотном атласном основании. Лицо омывалось прохладным воздухом, освежающим, как вода. Впереди на горизонте высилась гора белых облаков, одинокая, как молочный кувшин на краю пустого стола. Сбоку ее пересекало как будто миниатюрное черное пятнышко в форме птицы, за которым следовала крапинка тени. Позднее, когда над ним проплывали пик и обрывы, сверкавшие на солнце сочной белизной и голубые в тени, Ланарк понял, что облачная равнина закончилась и под облачной горой находится настоящая. С острой верхушкой и гранитными

обрывами, она была самой высокой в неровном ряду, поднимавшемся среди сиреневатой вересковой пустоши. Гора объединяла в себе массивность крупной скульптуры и тончайшую фантазию деталей. Движущаяся масса в тенистой стороне долины превратилась в стадо оленей. Из озерца среди вереска вытекал, как оказалось, водопад; у берега, по колено в воде, стоял удильщик. Ланарк видел разноцветные поля с белыми фермерскими домиками вдоль берега, бухту, где на мелководье просвечивало лимонно-желтое дно и красноватые скопления водорослей, а дальше рябили на солнце борозды зыби. В волнах расходился треугольником бледно-зеленый пенный след, в вершине которого двигался длинный танкер. В орле-самолете слышались голоса, и Ланарк убрал голову с солнечного света.

Негромкий голос у пальцев ног говорил:

— ...назвать себя. Воздушные власти Прована запрашивают рейс «У-один» из Унтанка. Повторяю: прошу пассажира назвать себя. Прием.

— Я лорд-провост региона Большой Унтанк, — произнес Ланарк твердо, но радостно, — делегат Генеральной Ассамблеи государств совета.

— Пожалуйста, повтор... пожалуйста, повтор... пожалуйста, повторите. Прием.

Ланарк повторил.

— Рейсу «У-один» из Унтанка разрешается следовать, как запланировано, к Хэмпдену по лучу с ко... лучу с ко... лучу с координатами ноль поток ноль перигелий сорок три минуты девятнадцать целых ноль десятых секунды афелий как указано уби... как указано уби... как указано убирая порыв против потока двадцать

два ноль два... ноль два... ноль два... ноль два... ноль два
за небесным экватором Квебуса по международным
нерв ... народным нерв ... народным
нервно-схемно-децимально-календарно-кортексин-кванту
мым часам. Сообщение понятно? Прием.

— Для меня это полная тарабарщина.

— Следуйте как запланировано. Повторяю: как
запланировано. Повторяю: как запланировано. Конец
связи.

Что-то щелкнуло, наступила тишина. Ланарк лежал
и думал о том, как его все время вовлекают в какие-то
действия и разговаривают с ним так, словно он эти
действия запланировал. Но, быть может, сообщение
было адресовано не ему, а птицелету. Оно вполне
сходило за обращение машины к машине. Он снова
высунул голову на солнечный свет.

Он пролетал над широким извилистым устьем реки
с резко различными берегами. Справа лежали зеленые
сельскохозяйственные земли с купами деревьев и
водохранилищами, которые соединяли стремительные
протоки. Слева стояли горные хребты, высокие пики,
посеребренные снегом; в промежутках там и сям солнце
высекало золотые искры из мелких, похожих на осколки
озер. С обеих сторон Ланарк видел летние курорты с
магазинами, церковные шпили и оживленные эспланады,
шумные порты с бухтами, где теснились суда. По воде
скользили танкеры, грузовые корабли, яхты с белыми
парусами. К нему тянулось изогнутое перо дыма от
пароходика, который, громко шлепая колесом,
направлялся к довольно большому острову, где
помещались куропаточья пустошь, две рощи, три фермы,
площадка для гольфа и город, обрамлявший бухту.

Остров казался яркой игрушкой, которую Ланарк мог бы поднять со слегка волнистой, искрящейся поверхности воды, и в нем как будто пробудились воспоминания. Он подумал: «Может, у меня была когда-то сестра? И мы играли вместе на травянистой вершине этого утеса, среди желтых колючих кустов? Да, на этом утесе за наблюдательной площадкой, в день вроде этого, во время летних каникул. Похоже, мы зарыли жестянку под кустом, в кроличьей норе? В ней была монета в полкроны, серебряный шестипенсовик того же года, ювелирное украшение нашей матери и грошовый блокнотик с посланием к самим себе, выросшим. Мы обещали вырыть жестянку через двадцать пять лет? А через два дня опять зарыть, убедившись, что ее не украли? Мы были тогда детьми? И разве не был я счастлив?»

Берега сделались круче, лесистей, сблизилась, подступая вплотную к краю воды, помеченному буями и маяками. Местами встречались доки, строились или разгружались суда под стрелами кранов. Крутые берега постепенно сгладились, и Ланарк приблизился к широкой долине, широкой чаше, заполненной городом, где бежала река к скоплению шпилей, башен и высоких белых домов. Орел-самолет покинул реку и сделал широкий вираж над покатыми холмами к югу, затем к востоку, затем к северу. Внизу мелькали жилища из опрятного камня, внутренние садики, где играли дети и колыхалось на веревках белье. В городе был выходной день: через незамутненный воздух на лужайках для игры в кегли и теннисных кортах виднелись игроки. Простор, красота этой картины, ее ясность в солнечном свете не просто поражали, но и казались знакомыми. Ланарк думал: «Всю жизнь, да, всю жизнь я хотел именно этого,

хотя это место мне как будто хорошо знакомо. Не имена, с ними покончено, но места — места я узнаю. Если я жил здесь когда-то и был счастлив, как же я все это потерял? И почему возвращаюсь только сейчас?»

Временами ему слышался словно бы медленный взрыв, мягкое гроыхание в городском центре, и, переводя взгляд, он замечал крохотные птичьи контуры, двигавшиеся туда-сюда. Накрытый вдруг тенью, он поднял глаза и увидел над головой, к востоку, большого орла с обозначением Z-1 на нижней части груди, пересекавшего его курс. Ланарк понял, что его собственный летательный аппарат кружит по спирали, снижаясь над городским центром. Он скользнул над лесистым ущельем еще одной, небольшой реки; рядом раскинулся парк, где прогуливался и загорал народ. Дети на поросшем травой склоне стали махать ему платками, и он подумал: «Скоро я увижу университет». Чуть погодя снизу показались два одинаковых прямоугольника, обрамленных плоской крышей с башенками. Он подумал: «Скоро будет река с большим портовым бассейном, кранами и товарными складами», но на сей раз ошибся. Узкая речка влилась в главное русло, которое разошлось на медлительные рукава, но их окружали тропинки и деревья на подступах к гигантскому стадиону. На его дорожках шли состязания в беге и прыжках, в центре, на сочной траве, отдыхали атлеты в красочных спортивных костюмах, на заполненных трибунах волной нарастали аплодисменты. Птицелет Ланарка присоединился к еще пяти или шести, кружившим вверху. Один за другим птицелеты садились на белый брезентовый прямоугольник с рисунком в виде красных, голубых и черных колец-мишеней, расстеленный перед главной трибуной. Громкоговоритель вещал:

— ...и вот Поски, Подгорный, Палеолог и Норн выходят на последний круг; в тот же миг — бац! — опускается на мишень премьер Костоготов из Скифской Народной Республики; Норн и Палеолог оттесняют — да, оттесняют — Подгорного со второго места; они идут вровень, разрыв между ними и Поски все меньше и меньше.

Разразился гром аплодисментов.

— ...К мишени ныряет Тольтек из Тиауанако, и одновременно Поски оказывается на третьем месте, а в лидеры выходит Норн, за ним следует Палеолог, затем Поски и намного от них отставший Подгорный; а вот на мишень приземляется провост Унтанка — простите, лорд-провост Большого Унтанка, и тут же Норн, да. Норн, да, Норн из Туле рвет финишную ленточку, по пятам преследуемый Палеологом из Трапезунда и Поски из Крымской Татарии.

Орел-самолет Ланарка с глухим стуком опустился на брезент и замер, слегка раскачиваясь. Шестеро мужчин в пыльниках оттащили его на несколько ярдов в сторону, к ряду таких же машин, стоявшему около узкой и длинной платформы. Ланарк взял портфель и выбрался на платформу с помощью девушки в алой юбке и блузке, спросившей поспешно:

— Вы делегат из Унтанка?

— Да.

— Сюда, пожалуйста, вы на полминуты опоздали. Вслед за девушкой он спустился по ступенькам, пробрался мимо отдохавших атлетов, пересек гаревую дорожку, пока пустую, и нырнул в дверь под террасами главной трибуны. Привыкнув смотреть на небо, Ланарк

растерялся, когда ступил в узкий коридор с искусственным освещением. Он решил, что бы ни случилось, ничему не удивляться и сохранять позицию невозмутимого скептика. Они вышли в зал с открытыми лифтами по стенам. Девушка впустила его в один из лифтов.

— Поднимайтесь в административную галерею, там вас ждут. Багаж оставьте мне; я прослежу, чтобы его доставили в вашу комнату в делегатской деревне.

— Нет, простите, это очень важные документы.

Ланарк оглядел ряд кнопок на блестящей металлической панели и нажал ту, рядом с которой было написано «АДМИНИСТРАТИВНАЯ ГАЛЕРЕЯ». Пока лифт шел вверх, Ланарк удовлетворенно рассматривал свое отражение в гладкой панели. Он стал старше, но выглядел еще достойней, чем в туалете при ризнице. Отросшая за время путешествия аккуратная борода, седая и остроконечная, делала его похожим на капитана, щеки были гладкие и розовые, весь облик — холеный и бодрый. Дверь лифта открылась, и Уилкинс, несколько как будто не изменившийся, пожал Ланарку руку со словами:

— Провост Сладден? Я не ошибаюсь?

— Нет, Уилкинс. Меня зовут Ланарк. Мы знакомы.

Уилкинс взгляделся пристальней:

— Ланарк! Бог мой, так это вы. А что случилось со Сладденом?

— Он бьется над очень опасной санитарной проблемой. Региональный комитет Большого Унтанка предпочел, чтобы город представлял я.

Уилкинс криво улыбнулся:

— Этот человек — настоящая лиса; экологическая лиса в девятом поколении. Ну ладно, ладно. Занимайте очередь, занимайте очередь.

— Уилкинс, наша экологическая проблема грозит обернуться катастрофой. У меня в этом портфеле лежит несколько отчетов, показывающих, что вскоре начнется мор и...

— У нас сейчас светский прием, вопросы общественного здравоохранения будут обсуждаться в понедельник. Занимайте очередь и поздоровайтесь с нашими хозяевами.

— Хозяевами?

— Представитель исполнительной власти Прована и лорд и леди Монбоддо. Занимайте очередь, занимайте очередь.

Они находились в широком изогнутом коридоре, упиравшемся в двойные стеклянные двери; по нему непрерывно двигалась очередь. Ланарк заметил женщину в серебряном сари и смуглого мужчину в белой мантии, но большинство было одето в строгую форму или деловые костюмы и глядело настороженно, как важные люди, не выказывающие дружелюбия, но готовые в рамках разумного откликнуться на таковое со стороны других. Присоединиться к подобной толпе было делом несложным. У стеклянной двери громкий голос называл прибывающих:

— Сенатор Сеннахериб из Нью-Алабамы, Бриан де Буагильбер, Великий Тамплиер Лангедока и Апулии, губернатор Западной Атлантиды Воннегут...

У двери Ланарк, с удовлетворением услышав: «Лорд-провост Ланарк из Большого Унтанка», пожал руку мужчине с ввалившимися щеками, который произнес:

— Тревор Уимз из Прована. Рад, что вы смогли прибыть.

Представительная женщина в голубом твидовом платье, протягивая ему руку, спросила:

— Путешествие было приятным?

Уставясь на нее, Ланарк выдохнул:

— Катализатор.

— Зовите ее леди Монбоддо, — сказал Озенфант, стоявший рядом с нею. Он порывисто пожал Ланарку руку. — Время меняет все ярлыки, вы ведь и на своем примере в этом убедились.

Ланарка взяла за руку какая-то девушка в алой юбке и блузке и повела вниз по ступенькам.

— Привет, меня зовут Либби. Вам, наверное, нужно подкрепиться. Принести вам что-нибудь из буфета? Пате де что-нибудь? Или грудку какой-нибудь птицы? Мед и акриды?

— Озенфант был?.. Озенфант теперь?..

— Новый лорд президент-директор, вы разве не слышали? Сразу видно, что толковый, правда? Понять не могу, зачем его жена нацепила это старомодное платье. Вы, похоже, не голодны. Я тоже. Давайте взамен ударим по выпивке — ее тут море разлитое. Посидите тут минутку.

Ланарк сел на краешек длинной кожаной софы и стал растерянно осматриваться.

Он находился на последнем, самом высоком из четырех этажей, которые спускались ступеньками к стеклянной стене, смотревшей на стадион. Половина присутствующих ходили на делегатов; они тихо беседовали, сбившись в небольшие группы. Некоторое оживление вносили девушки в алом, кокетливо-проворно сновавшие среди гостей с подносами в руках, но им составляли противоположность молчаливые крепыши в черных костюмах, которые настороженно подпирали стены, сжимая в ладонях нетронутые стаканчики виски. На стеклянной столешнице у софы лежала пачка буклетов с заглавием «ПРОГРАММА АССАМБЛЕИ». Ланарк открыл один из них. Прочел воспроизведенное там письмо Тревора Уимза, в котором он от лица прованского народа приветствовал делегатов и выражал надежду, что им в Проване понравится. Их жизни и здоровью ничто не грозит, так как об этом позаботится наисовременнейшая служба безопасности, позаимствованная у группы «Квантум — Кортексин»; Красные Девушки, однако, живые люди, готовые помочь делегатам в любых затруднениях. Затем на шести страницах приводился перечень регионов, от Арморики на «А» до Ярроу на «Я». Ланарк обратил внимание на то, что делегатом Большого Унтанка был назван провост Сладден. Следующая страница начиналась с заголовка:

Затем были перечислены пресс-конференция, ланч, «время для общения и неформального лоббирования»,

соревнование овчарок, конкурс волынщиков, торжественный обед, опера Персера «Злоключения Элфина» в исполнении «Оперной труппы Эrsa», фейерверк и вечеринка. Ланарк нетерпеливо перелистнул буклет и нашел нечто не столь легкомысленное.

До того как Ланарк прочитал буклет, им владела восторженность, не имевшая определенных причин. С утра, с самого своего пробуждения в птицелете, под лучами солнца, он чувствовал, что вскоре окажется в центре важных событий, в месте, где ему предстоит произнести публичную речь, которая изменит мир. Встреча с Уилкинсом, катализатором и Озенфантом-Монбоддо не повлияла на его ожидания. Он был ошеломлен, но — что радовало — и они были

растеряны. Однако его сбила с толку программа ассамблеи. словно бы он увидел чертеж гигантской машины, которую собирался вести, и понял, что совсем не владеет техникой дела. Что значила запись: «Доклады. Прения. Голосование»? Что за «лоббирование» и почему оно совмещалось с трапезами? А прочие делегаты разбираются в этих предметах?

В галерее скопилось очень много народу, на другом конце софы обосновались двое мужчин, которые пили темное пиво из пинтовых кружек и глазели вниз, на фигурки спортсменов на освещенном солнцем поле. Один из них произнес радостно:

— Как здорово быть в Проване и все это наблюдать.

— Разве?

— О, бросьте, Один, вы не меньше других потрудились, чтобы эта ассамблея состоялась.

Второй собеседник мрачно отозвался:

— Хлеба и зрелищ. Хлеба и зрелищ. Недолгий период сносных доходов и длительные праздники, когда нас обдирают как липку, а потом — бах! Под нож. Прован обратится в очередной Большой Неназываемый Регион.

Ланарк вмешался взволнованно:

— Простите, вы недовольны состоянием этого города?

Густая шевелюра мрачного собеседника была абсолютно белой, телосложением он напоминал борца, а розоватым потрепанным лицом — боксера. Смерив Ланарка злобным взглядом, он проговорил:

— Думаю, я имею на это право. Я здесь живу.

— Тогда вы сами не знаете, как вам повезло! Я из региона, где санитарная ситуация близка к катастрофе, и блестящие условия в Проване меня просто поразили...

— Вы делегат?

— Да.

— Значит, вы прибыли только что и по воздуху.

— Да.

— Ну так не рассказывайте мне о Проване. У вас начальная стадия комплекса Гулливера.

Ланарк холодно процедил:

— Не понимаю вас.

— Первый упомянутый в письменных источниках обзор местности с воздуха — это тот случай, когда Лемюэлю Гулливеру, человеку здравомыслящему и бесхитростному, позволили встать на ноги рядом со столицей Лилипутии. Он узрел ухоженные фермы, а среди них — дома, улицы, общественные здания, где суетился маленький народец. Его поразила очевидная изобретательность и предприимчивость правителей, служащих и простых работников. Прошло два или три месяца, пока ему открылись их тупость, жадность, продажность, зависть, жестокость.

— Вечно вы, пессимисты, попадаетесь в ловушку разочарования, — весело заговорил веселый собеседник. — С одного расстояния предмет выглядит светлым. С другого — темным. Вы заменяете оптимистический вид его противоположностью и думаете, что нашли истину, но основательный

исследователь учитывает все возможные виды, как светлые, так и темные.

Мрачный оскалился:

— Поскольку едва ли не каждый предпочитает праздничную сторону, счастье, что находятся такие, кто готов взглянуть, как обстоят дела со сточными трубами.

— Простите, что задержалась. — Красная Девушка поставила на стол поднос. — Я подумала, что будет забавно попробовать гэльский кофе.

— Рад, что речь зашла о сточных трубах, — взволнованно подхватил Ланарк. — Я прибыл из Унтанка, где возникла проблема как раз со стоками. Фактически будущее целого региона ставится под угрозу — я хотел сказать, решается — на этой ассамблее, и я послан, чтобы выступить в защиту. Но программа, — (мрачный пренебрежительно махнул рукой), — ничего не говорит о том, где и когда мне выступить. Не можете ли вы что-нибудь посоветовать?

— Не стоит в первый же день браться за серьезные вопросы, — вставила Красная Девушка.

— Будущее проблемных регионов, — неспешно произнес мрачный, — обсуждается и решается обычно в одном из подкомитетов.

— В каком подкомитете? Где и когда он соберется?

— Цель этого приема — дружеское общение. — Красная Девушка выглядела расстроенной. — Не оставить ли скучные материи на потом? Их и без того будет выше головы.

— Помолчите, дорогуша, — оборвал ее мрачный, — Уилкинс знает все ходы и выходы. Спросите лучше его.

— Послушаете, — вставила Красная Девушка, — я отведу вас к Настлеру. Он знает все обо всем и собирается скоро встретиться с вами в помещении Эпилога. Он мне сам сказал.

— Кто такой Настлер?

— Наш король. В некотором роде. Но важности в нем нет нисколько, — уклончиво отвечала Красная Девушка. — Трудно объяснить.

Мрачный захохотал:

— Это джокер. От него вам толку не будет.

Ланарк открыл портфель, сунул туда программу ассамблеи и встал.

— Как я понимаю, ваша работа состоит в том, чтобы помогать мне в затруднительных случаях, — обратился он к Красной Девушке. — Я хочу поговорить лично с обоими: с Уилкинсом и с Настлером. С кем я могу встретиться в первую очередь?

— О, с Настлером, конечно. — У Красной Девушки явно отлегло от сердца. — Он инвалид, с ним кто угодно может встретиться в любое время. Но не желаете ли прежде выпить кофе?

— Нет.

Ланарк поблагодарил мрачного и вслед за Красной Девушкой двинулся в толпу.

Уимз и Монбоддо по-прежнему здоровались с новоприбывшими, однако очередь у двери сделалась явно короче. Проходя мимо, Ланарк слышал голос распорядителя:

— Премьер Мултан из Эфиопии. Председатель Фу из Ютландии. Протопресвитер Гриффит-Повис из Ярроу.

Красная Девушка вела его по внешнему коридору, пока они не уперлись в дверную панель без петель и без ручки.

— Вот дверь. Идите туда.

— А вы не пойдете?

— Если вы собираетесь говорить о политике, я лучше подожду снаружи.

Нажав на гладкую поверхность, Ланарк заметил на ней большие буквы:

ЭПИЛОГ

Текст на верхних колонтитулах ЭПИЛОГА

Ланарк вошел в комнату, по архитектуре не имевшую ничего общего со зданием, которое он только что покинул. По ту сторону дверь была рельефная и с ручкой, потолок обрамлял тонкой работы карниз с акантовым узором, имелось высокое окно-фонарь, где виднелись верхушка каштана и старый каменный дом напротив. Остаток помещения заслоняли мольберты с большими картинами, его изображавшими. В комнате, более яркой и чистой, чем реальная, каждый раз находилась высокая красивая девушка с длинными светлыми волосами; она полулежала, иногда обнаженная, иногда одетая. Та же самая девушка, правда не столь умиротворенная и аккуратная, как на портретах, стояла сейчас у двери в плотном переднике, заляпанном краской. Крохотной кисточкой она пририсовывала листики к дереву, видневшемуся за окном, но при виде Ланарка остановилась и, указав за картину, проговорила:

— Он там.

— Да-да, сюда, пожалуйста, — пригласил чей-то голос.

Ланарк зашел за мольберт и обнаружил плотного мужчину, который, опираясь на подушки, полулежал в низкой кровати. Лицо, вокруг которого топорщились завитки нечесаных волос, отличалось скульптурным

благородством черт, но впечатление портил отпечаток боязливости и даже трусости. На довольно замызганную пижамную куртку был накинут вязаный жакет, ничуть не чище; на одеяле, прикрывавшем колени, громоздились книги и бумаги; в руке незнакомец держал ручку. Потихоньку смерив Ланарка взглядом, он указал ручкой на стул:

— Садитесь, прошу вас.

— Вы здешний король?

— Король Прована — да. И Унтанка тоже. А также анфилады, именуемой институтом и советом.

— Тогда, вероятно, вы сумеете мне помочь. Я здесь...

— Да, я знаю в общих чертах, чего вы хотите, и желал бы помочь. Я бы даже предложил вам выпить, но в этой книге слишком много отравы.

— В книге?

— В этом мире, я имел в виду. Видите ли, я король, но не правитель. Я спроектировал ландшафты, населил их людьми, все еще тружусь над отдельными чудесами, но правят личности вроде Монбоддо или Сладдена.

— Почему?

Король с улыбкой прикрыл глаза:

— Затем я вас и вызвал, чтобы вы задали этот вопрос.

— Вы на него ответите?

— Не сейчас.

Ланарка переполнила злость. Он встал.

— Тогда этот разговор — пустая трата времени.

— Трата времени! — Король открыл глаза. — Вы явно не понимаете, кто я. Я назвал себя королем, но это титул чисто символический, на самом деле моя роль куда важнее. Прочтите это и поймете. Критики обвинят меня в потакании себе — пусть их^{1}.

Небрежным жестом он протянул Ланарку лежавшие на кровати листы. Их покрывали детские каракули, многие слова были вычеркнуты или, наоборот, вставлены, на что указывали стрелки. Большую часть текста составляли как будто диалоги, но внимание Ланарка привлекла фраза, написанная курсивом: *Большую часть текста составляли как будто диалоги, но внимание Ланарка привлекла фраза, написанная курсивом:* Отдавая листы назад, Ланарк спросил:

— И о чем это говорит?

— Я твой автор.

Ланарк уставился на него. Автор сказал:

— Пожалуйста, не надо делать круглые глаза. Такое уже бывало. У Воннегута в «Завтраке для чемпионов» и у Иеговы в Книгах Иова и Ионы.

— Вы претендуете на роль Бога?

— Теперь нет. Но я бывал его частью. Да, я часть той части, которая когда-то была целым. Но я испортился и был извергнут. Если я исправлюсь, мне будет позволено перед смертью вернуться домой, так что я все время погружаю клюв в свою прогнившую печень, глотаю ее и извергаю. Но она отрастает. Творение разлагается во мне. Вот сейчас я извергаю тебя и твой

мир. Эта подтирка, — он поворошил бумаги на постели, — часть процесса.

— Я не набожен, — проговорил Ланарк, — но мне не нравится, что вы смешиваете религию с выделениями. Прошлой ночью я видел часть того, о ком вы толкуете, и ничего противного в нем не было.

— Ты видел часть Бога? — воскликнул автор. — Как это случилось?

Ланарк объяснил. Автор очень разволновался.

— Повтори эти слова.

— «Есть... есть... есть...» — потом пауза и: «Есть... если... есть...»

— «Если»? — Автор сел. — Он действительно сказал «если»? Не просто ворчал все время: «Есть, есть, есть, есть, есть»?

— Мне не нравится, как вы говорите «он». То, что я видел, не принадлежало к мужскому полу. А также, наверное, и к человеческому роду. Но оно, конечно же, не ворчало. Что с вами?

Автор прикрыл рот руками — очевидно, чтобы заглушить смех, — но на глазах у него выступили слезы. Сглотнув, он произнес:

— Одно «если» на пять «есть»! Невероятная степень свободы. Но верить тебе или не верить? Я создал тебя честным, но доверять ли твоим органам чувств? На большой высоте «есть» и «если» должны звучать почти одинаково.

— Вы как будто принимаете эти слова слишком уж близко к сердцу, — фыркнул Ланарк с оттенком пренебрежения.

— Да. Ты меня не любишь, но тут уж ничего не поделаешь. Я в первую очередь человек литературы.

Проговорив это слегка в нос, автор тихонько захихикал.

Из-за края картины появилась высокая блондинка, вытирая кисть о передник. Она спросила с вызовом:

— Я закончила это дерево. Теперь мне можно уйти? Автор откинулся на подушки и отозвался ласковым голосом:

— Конечно, Марион. Уходи, когда захочешь.

— Мне нужны деньги. Я есть хочу.

— Почему же ты не пойдешь на кухню? В холодильнике, наверное, найдется холодный цыпленок, и, уверен, Пат не станет возражать, если ты сварганишь себе какую-нибудь закуску.

— Не хочу закуски, хочу пообедать с приятелем в ресторане. А потом отправиться в кино, или в паб, или, если вздумается, в парикмахерскую. Уж извините, но мне нужны деньги.

— Конечно, и ты их заработала. Сколько я тебе должен?

— Сегодня пять часов по пятьдесят пенсов — это два фунта пятьдесят. Если прибавить вчера, и позавчера, и позапозавчера, будет десять фунтов, так?

— Я не силен в арифметике, но, наверное, ты права. — Автор вынул из-под подушки монеты и

протянул девушке. — Это все, что у меня сейчас есть, — примерно два фунта. Приходи завтра, я посмотрю, не смогу ли добавить еще немного.

Девушка окинула сердитым взглядом монеты у себя в руке, потом автора. Он прыскал себе в рот лечебный аэрозоль из крохотного баллончика. Девушка резко шагнула за картину; тут же хлопнула дверь.

— Странная девица, — вздохнул автор. — Делаю все, чтобы ей помочь, но это непросто.

Ланарк сидел, подперев голову руками.

— Вы сказали, что создаете меня.

— Да.

— Тогда как со мной могут случаться вещи, о которых вы не знаете? Вы ведь удивились, когда я рассказал о том, что видел из птицелета.

— Ответ будет очень интересный: пожалуйста, не пропусти ни слова. Когда «Ланарк» будет завершен (я назвал произведение твоим именем), его объем составит приблизительно двести тысяч слов и сорок глав, и он будет разделен на книги третью, первую, вторую и четвертую.

— Почему не первую, вторую, третью и четвертую?

— Я хочу, чтобы «Ланарка» читали в одном порядке, но потом осмысливали в другом. Прием, старый как мир. К нему прибегали Гомер, Вергилий, Мильтон и Скотт Фитцджеральд^{2}. Будет также пролог перед первой книгой, интерлюдия в середине и эпилог за две или три главы до конца.

— Я думал, эпилоги помещают в самом конце.

— Обычно да, но мой для этого слишком важен. Сюжет он не развивает, однако эта комическая вставка как раз то, что требуется в данном месте повествования. Кроме того, он дает мне возможность высказать утонченные чувства, которые я едва ли могу доверить персонажам. И содержит комментарий, который сэкономит ученым годы труда. Собственно, мой эпилог так важен, что я работаю над ним уже сейчас, когда не написана добрая четверть книги. Я работаю над ним здесь, сейчас, за этим самым разговором. Однако тебе на пути к этой комнате нужно было пройти несколько глав, которые я представляю себе разве что в общих чертах, потому-то тебе и известны подробности, от меня скрытые. Конечно, я владею общим замыслом. Он был разработан несколько лет назад и не должен меняться. Ты прибыл сюда из города, находящегося в упадке, вроде Глазго, чтобы выступить в его защиту перед мировым парламентом в идеальном городе, прототипом которого является Эдинбург, Лондон или, быть может, Париж, — если удастся заполучить грант на поездку туда у Шотландского совета искусств^{3}. Скажи, когда ты приземлялся сегодня утром, ты видел Эйфелеву башню? Или Биг-Бен? Или скалу с замком?

— Нет. Прован очень похож...

— Стоп! Не рассказывай. В моих сочинениях зачастую предчувствуются события, на которых они основаны, но ни один автор на подобные предчувствия не должен полагаться.

Ланарк был так взволнован, что встал и пошел к окну, дабы разобраться в своих мыслях. Автор показался ему скользкой личностью, однако не слишком

выразительной — по причине его самодовольства и болтливости. Вернувшись к кровати, он спросил:

— Чем кончится моя история?

— Катастрофой. В рассказе о Тоу демонстрируется человек, который умирает оттого, что несостоятелен в любви. Он обрамлен рассказом о тебе, где показана цивилизация, гибнущая по той же самой причине.

— Послушайте, — сказал Ланарк, — я не лез из кожи вон, чтобы стать делегатом. Я не желал ничего, кроме чуточки солнечного света, любви, самого обычного счастья. И на каждом шагу мне мешали организации и предметы, а теперь я почти уже старик и смысл жизни для меня свелся к тому, чтобы встать перед публикой и произнести доброе слово в защиту единственного народа, который мне известен. И вы заявляете, что это слово окажется бесполезным. Так уж вы запланировали.

— Да, — энергично закивал автор. — Да, верно.

Глядя сверху на дурацки кивавшее лицо, Ланарк внезапно вообразил, что оно принадлежит жуткой кукле чревоуещателя. Он поднял сжатый кулак, но ударить не решился. Обернулся и обрушил удар на картину на мольберте — то и другое с грохотом упало. Сбил на пол другую картину, у двери, рванулся к высокому книжному шкафу в углу и резко его качнул. С верхних полок водопадом устремились книги, от их падения вся комната затряслась. Вдоль стен тянулись длинные низкие полки с книгами, папками, бутылками и тюбиками с краской. Взмахом руки Ланарк смел все это на пол, потом обернулся, тяжело дыша, и устался на кровать. Вид у автора был расстроенный, но картины и мольберты вернулись на свои места, а когда Ланарк обвел взглядом

комнату, оказалось, что книги, папки, бутылки и краски преспокойно стоят там же, где были прежде.

— Фокусник! — выкрикнул Ланарк с отвращением. — Проклятый фокусник!

— Да, — смиренно согласился фокусник. — Прошу прощения. Сядь и позволь мне объяснить, почему история должна развиваться именно так. Пока я говорю, можешь поесть — уверен, ты проголодался, — а потом скажешь, что, по-твоему, нужно подкорректировать. Сядь, пожалуйста.

Стульчик у кровати был маленький, но мягкий и удобный. Рядом появился столик с закрытыми блюдами на подносе. Ланарк чувствовал скорее усталость, чем голод, но, посидев немного, из любопытства снял крышку. Под ней оказалась миска с темно-красным супом из бычьих хвостов, так что Ланарк взял ложку и принялся за еду.

— Для начала, — сказал фокусник, — я объясню физику мира, в котором ты живешь. Все, что ты пережил и переживаешь, с первого взгляда на кафе «Элита» до металла ложки, которую ты держишь в руке, или вкуса супа у тебя во рту, сделано из одной и той же субстанции.

— Атомов, — подсказал Ланарк.

— Нет. Из оттисков. Некоторые миры сделаны из атомов, но твой — из миниатюрных значков^{4}, которые маршируют в линию, как армия насекомых, по страницам, и страницам, и страницам белой бумаги. Я сказал, что их ряды маршируют, но это метафора. Они совершенно неподвижны. Они неживые. Как же им удастся изобразить движения и шумы Бородинской

битвы, белого кита, бороздящего моря, падших ангелов в озере пламени?

— Через чтение, — нетерпеливо бросил Ланарк.

— Именно. Твое выживание как персонажа и мое как автора зависит от того, удастся ли нам заманить в наш печатный мир живого человека и удерживать его там достаточно долго, чтобы похитить энергию воображения — она и дает нам жизнь. С целью зачаровать этого незнакомца я иду на отвратительные поступки. Самые священные свои воспоминания я низвожу до банальнейших слов и фраз. Когда требуются более выразительные фразы или мысли, я ворую их у других писателей, выкручивая их так, чтобы они не отличались от моих. Но вот что хуже всего: огромный мир, данный мне при рождении, — мир атомов — служит мне мешком с лоскутками, откуда я заимствую формы и краски, дабы придать занимательности своим неоригинальным выдумкам.

— Вы словно бы жалуетесь, — сказал Ланарк. — Непонятно почему. Никто не принуждает вас работать с оттисками, а кроме того, любая работа предполагает некоторое унижение. Хотелось бы знать, почему ваши читатели в их мире должны упиваться видом того, как я, в моем мире, не могу добиться ничего хорошего.

— Потому что люди любят неудачи. Честно говоря, Ланарк, ты слишком вялый и обыкновенный персонаж, чтобы быть занятым в качестве победителя. Но не обижайся: большинство героев заканчивает тем же, чем и ты. Возьми греческую книгу про Троию. Чтобы восстановить порушенный изменой брак, два народа в течение десяти лет крушили друг друга. Герои с обеих сторон прекрасно понимали, что раздор произошел из-за

выеденного яйца, однако же длили его: по их мнению, готовность пасть на поле брани доказывает человеческое величие. Судя по всему, даже народу, пережившему эту войну, она не принесла ничего, кроме ущерба.

Есть также римская книга об Энее. Он ведет группу беженцев на поиски мирной обители и сеет по обе стороны Средиземного моря противоборство и ужасы войны. Спускается в ад, но выходит оттуда. Рассказчик этой истории неравнодушен к мирным обителям, он желает Риму успеха в войнах и правлении, дабы вся земля сделалась мирной обителью для всех и каждого, однако в заключение своей книги он описывает, как Эней в пылу битвы убивает из мести беззащитного врага.

Есть еврейская книга о Моисее. Она очень похожа на римскую об Энее, поэтому перейду-ка я к еврейской книге об Иисусе. Это бедный человек, без дома и без жены. Называет себя Сыном Божиим и всех людей зовет своими братьями. Учит, что любовь — единственное благо и что противоборства и войны во имя корысти разрушают его. Иисуса распинают, он отправляется в ад, потом на небеса, которые (как мирные земли Энея) автор не берется описывать. Иисус учил, что любовь — величайшее благо и противоборствовать во имя корысти — значит разрушать его; но если (как говорится в песне) «он умер ради нашего блага», то он тоже потерпел неудачу. Народы, ему поклонявшиеся, сделались самыми алчными на земле завоевателями.

Лишь в одной итальянской книге показан живой человек на небесах. Он попадает туда, следуя за Энеем и Иисусом, но прежде он теряет любимую женщину и дом и видит, как рушатся его политические надежды.

Есть французская книга о великанах-младенцах. Единственный их закон — ублажать себя; они только и делают, что пьют и справляют нужду, собравшись веселой семейкой из одних мужчин, которая потешается над всем, что взрослые люди называют цивилизацией. Если для них существуют женщины, то роль им отведена одна: парить мужчин в бане и чесать им спины.

Есть испанская книга о Рыцаре печального образа. Бедный старый холостяк спятил с ума, читая книги наподобие той, в какую ты стремишься попасть: где героев ждет триумф здесь и сейчас. Он покидает свой дом и сражается с крестьянами и содержателями гостиниц во имя красоты, которая никогда не встречалась здесь и сейчас, над ним смеются, его ранят. На смертном одре он приходит в себя и предостерегает друзей против вредной литературы.

Есть английская книга об Адаме и Еве. В ней описывается героический строитель империи Сатана — аморальный, ироничный, бесконечно творческий бог; бесчисленные сражения (правда, без убийств), и в центре всего находится семейная пара, их дом и сад. Они слушались лендлорда и потеряли землю, но он обещает предоставить им убежище в собственном доме, если всю жизнь будут каяться. И вновь успех остается за пределами книги. Напоследок мы видим, как герои отправляются в большой мир выращивать детей, которые — им это известно — будут убивать друг друга.

Есть немецкая книга о Фаусте, старом ученом, к которому с помощью колдовства возвращается молодость. Он влюбляется в девушку, потом бросает ее, она сходит с ума и убивает своего ребенка. Герой становится банкиром императора, похищает Елену

Троянскую и производит на свет еще одного, символического сына, который взлетает на воздух. Крадет у крестьян землю, чтобы основать собственную империю, и добывает для нее деньги, занимаясь пиратством. Он бросает все, что ему наскучит, хватается все, чего пожелает, и, умирая, воображает себя благодетелем человечества. Подобно итальянскому герою, он попадает на небеса, потому что «человек должен стремиться, а стремясь, ошибаться» и «кто вечно стремится, достоин спасенья». Как же! Кто в этой книге стремится, так это бедный дьявол, которому достается вся работа, награду же, показав ему зады, уводит хор ангелов^{5}. Автора этой книги развратила его слишком большая удачливость. Его добившийся успеха герой — из того разряда, что правит современным миром, но автор забыл показать убогую некомпетентность этих людей. Ты в такого рода успехе не нуждаешься.

С облегчением обращаюсь теперь к честной американской книге про кита. Его хочет убить некий капитан, так как во время последней на него охоты лишился части ноги, откушенной китом, когда тот спасался. Капитан отплывает в море с разношерстной командой из бродяг, которым не сидится на месте и для которых служба на корабле — лучший способ добыть себе пропитание. Это храбрые, умелые и дисциплинированные моряки; они гонятся за китом по всему свету и все вместе идут ко дну — кроме рассказчика. Он описывает, как мир существует дальше, словно бы их и не было никогда. В этой книге нет женщин и детей, за исключением черного мальчугана, которого они случайно доводят до сумасшествия.

Есть еще и русская книга про войну и мир. В ней описаны сражения, но такие, которые заставляют нас

удивляться тому, как бесшабашно, с какой решимостью люди жертвуют собой. Писатель, видишь ли, на самом деле воевал и верил отчасти в учение Христа. В книге можно найти также, — на лице фокусника выразилось восторженное изумление, — несколько вполне счастливых браков, с детьми, о которых хорошо заботятся. Но я сказал уже достаточно, чтобы стало понятно: хотя, если бы мужчины и женщины не любили друг друга и не пеклись о доме и семье, человечество бы вымерло, но героям самых известных в мире историй^{6} и то и другое решительно не дается.

— И это доказывает, — проговорил Ланарк, жуя салат, — что самые известные в мире истории по большей части представляют собой нагромождение лжи.

Фокусник вздохнул и потер себе щеку:

— Сказать, какого ты хочешь конца? Представь себе: вернувшись отсюда в большой салон, ты видишь, что солнце село и снаружи, в большом окне, вспыхивает фейерверк над садами Тюильри.

— Там спортивный стадион, — поправил Ланарк.

— Не перебивай. Прием продолжается, и неформальное лоббирование среди делегатов идет полным ходом.

— Что такое лоббирование?

— Не перебивай, пожалуйста. Ты обходишь гостей, заводя разговор о бедах Унтанка со всеми, кто согласен слушать. Твое доморощенное красноречие неожиданно имеет успех, сначала у женщин, потом и у мужчин. Многие делегаты понимают, что мультинациональные компании угрожают и их собственным странам и если быстро не принять меры, то совет и им не сможет

помочь. Таким образом, завтра, когда ты встанешь в большом зале собраний, чтобы произнести речь от имени своей страны или своего города (я еще не решил, страна это или город), под твоими словами сможет подписаться большая часть стран и городов по всему миру. Крупные корпорации, скажешь ты, опустошают землю. Игнорируя самые существенные нужды человечества, они превратили национальные богатства в оружие и отраву. Пришло время, и так далее, и так далее. Ты садишься, а в зале стоит тишина, более выразительная, чем самые бурные аплодисменты, и лорд президент-директор сам поднимается с места, чтобы тебе ответить. Он всей душой с тобой согласен. Объясняет, что главы совета уже подготовили планы, как обуздать существо, однако не решались их обнародовать, пока не заручатся поддержкой большинства. Теперь же он расскажет об этих планах. Все работы, сводящиеся к перемещению богатства, будут отменены, все работы, которые наносят ущерб или убивают людей, будут остановлены. Все прибыли перейдут к государству, сами же государства по величине не будут превышать швейцарский кантон; жалованье политика не превысит доходов сельскохозяйственного рабочего. Собственно, все заработки будут подтянуты или опущены до национального среднего уровня, а потом и международного, что позволит людям браться за ту работу, которая больше соответствует их способностям, не задумываясь об искусственном разделении профессий на престижные и унижительные. Биржевые маклеры, банкиры, бухгалтеры, застройщики, рекламщики, адвокаты, ведущие дела компаний, и детективы, если не найдут себе другого полезного занятия, сделаются школьными учителями; на одного учителя будет

приходиться максимум шесть учеников. Военно-морские и военно-воздушные силы займется снабжением детей по всему миру бесплатным продовольствием. Армии будут рыть ирригационные рвы и сажать деревья. Все человеческие экскременты будут возвращаться в землю. Не знаю, как Монбоддо предложит запустить новую систему, но могу сделать так, чтобы технические подробности потонули в буре приветствий. Как бы то ни было, блажен заставший сей рассвет; огромные денежные суммы и технические средства направляются на то, чтобы превратить Унтанк в здоровый и процветающий регион. Ты восходишь на борт своего летательного аппарата, чтобы вернуться домой, ибо теперь Унтанк для тебя стал домом. Солнце восходит тоже. Оно предшествует тебе; ты появляешься с ним вместе в полдень над городским центром. Сходишь на землю и воссоединяешься с Римой, которой успел наскучить Сладден. Счастливая развязка. Так?

Ланарк отложил нож и вилку. Он сказал вполголоса:

— Если вы дадите мне такую развязку, я буду считать вас поистине великим человеком.

— Если я дам тебе подобную развязку, я поступлю как десятки тысяч других дешевых иллюзионистов! Я буду ничуть не лучше позднего Уэллса! Хуже Гёте^{7}. Никто из тех, что имеет хоть малейшее понятие о жизни и политике, ни на минуту мне не поверит.

Ланарк молчал. Яростно почесав свою шевелюру обеими руками, фокусник проворчал:

— Понимаю твою обиду. Когда мне было шестнадцать или семнадцать, я сам желал подобной

развязки. Видишь ли, я нашел в публичной библиотеке Деннистауна монографию Тилльярда об эпосе, и там сказано, что эпические произведения создаются только в тех случаях, когда новое общество дает человеку надежду на свободу. Я решил: чем была «Энеида» для Римской империи, тем станет мой эпос для Шотландской кооперативной оптовоторговой республики, одной из многих сотен миролюбивых социалистических республик, которые возникнут (думал я), когда распадутся большие империи и корпорации. Это было в году приблизительно тысяча девятьсот пятидесятом. Ладно, вскоре я отказался от этой идеи. Лучший трюк фокусника заключается в том, чтобы показать публике движущуюся модель мира, какой он есть, с ними самими внутри, а мир не движется к большей свободе, равенству и братству. Пришлось посмотреть в лицо действительности: моя модель мира будет безнадежна. Я знал также, что она будет мелкобуржуазным порождением индустриального запада Шотландии, однако не считал это недостатком. Если ум творца подготовлен, материалы, имеющиеся под рукой, всегда подойдут.

За первые свои летние каникулы в школе искусств я написал двенадцатую главу и часть двадцать девятой главы, с безумным видением и убийством. Мой первый герой вел происхождение от меня самого. Я предпочел бы кого-нибудь менее индивидуального, но кому еще я мог заглянуть в нутро? Совершенно хладнокровно я довел беднягу Тоу до смерти, потому что, имея в основе мой характер, он был крепче и честнее меня и я его ненавидел. Кроме того, его смерть позволила мне переместить его в более разнообразное социальное окружение. Ты — Тоу, но Тоу причесанный: без невротического воображения и встроенный в мир, где ты

пребываешь^{8}. Это существенно увеличивает твою способность действовать и немного увеличивает способность любить.

На дворе сейчас, — фокусник посмотрел на свои наручные часы, зевнул и откинулся на подушки, — на дворе тысяча девятьсот семидесятый год, и, хотя работа далеко еще не закончена, я предвижу, что результат в некоторых отношениях будет разочаровывающим. В книге слишком много разговоров и священников, чересчур много астмы, разочарований, тени; не хватает сельской местности, добрых женщин, честного труда. Правда, литература не изобилует описаниями честного труда, разве что Толстой и Лоуренс изображали сенокос, Трессел — строительство дома и Арчи Хайнд — работу конторского служащего и забойщика скота. Боюсь, читатель из более здорового века сочтет мою историю б е л и б е р д о й , а п е р с о н а ж е й — гротескно-легкомысленными паразитами, как в произведениях миссис Радклифф, Толкина или Мервина Пика. Возможно, моя модель мира слишком сжата, в ней недостает моментов спокойствия, непринужденности, которые составляют существенную часть любого мира, даже исполненного забот. Может, я взялся за работу слишком юным. В те дни я думал, что свет существует, чтобы были видны предметы, пространство представляет собой всего лишь промежуток между мною и телами, которых я боялся или желал; теперь же тела кажутся станциями, откуда мы отправляемся в пространство или в сам свет. Возможно, главная задача иллюзиониста заключается в том, чтобы утомить беспокойную публику зрелищем на редкость убедительных перепалок, после чего у нее откроются глаза на простые вещи, от которых мы действительно зависим: движение тени вокруг

вращающегося в пространстве шара, гниение жизни на пути к смерти, струя любви — начало новой жизни. Может быть, я поступил бы правильнее всего, если бы написал историю, в которой прилагательные вроде «банальный» и «обыкновенный» имели бы то же значение, какое в более ранних комедиях давалось прилагательным «славный» и «божественный». Как ты думаешь?

— Я думаю, вы добиваетесь того, чтобы читатели восхищались вашим красноречием.

— Прошу прощения. Но это правда. Конечно, — с раздражением признал фокусник. — Ты бы уже должен знать, что мне приходится немножко их умасливать^{9}. Видишь ли, я тут вроде Бога Отца, ты — мой приносимый в жертву Сын, а читатель — Дух Святой, который все объединяет и всем движет. Можешь сколько угодно ненавидеть мою книгу — ты ее не покинешь, пока я не отпущу. Но если ее возненавидит читатель, он ее захлопнет и забудет; ты попросту исчезнешь, а я сделаюсь заурядным человеком. Мы не должны этого допустить. Потому-то я и пользуюсь случаем, чтобы все мы условились относительно развязки, и тогда между нами до самого конца не возникнет разногласий.

— Вы знаете, какой мне хочется развязки, но не соглашаетесь, — буркнул Ланарк. — Раз вам и читателям в этом мире принадлежит абсолютная власть, с ними и уславливайтесь. Мои желания не в счет.

— Это было бы правильно, но, к несчастью, читатель проникается твоими чувствами, а не моими, и если ты станешь уж очень бурно негодовать, то вместо

заслуженной похвалы мне достанутся порицания. К тому и этот разговор.

Прежде всего, согласимся в принципе: длинная история жизни не может иметь счастливой развязки. Да, знаю: Уильям Блейк пел на смертном одре; один из президентов Французской республики умер от разрыва сердца, когда предавался блуду на софе у себя в кабинете^{10}; в тысяча девятьсот девяностом году в Вумбиджи. Новый Южный Уэльс, пациент зубного врача был поражен молнией, после того как получил дозу веселящего газа^{11}. Когда случается подобное, можно поверить в Бога этого реального мира, но вызвать такую картину на страницу печатного издания — фокус, на который не решится ни один артист развлекательного жанра. Можно дурачить публику тысячью различных способов, однако в том, что касается наиболее важных понятий, следует держаться правдоподобия, а самой правдоподобной смертью до сих пор является отбытие с земли на «огненной колеснице муки» (как выразился Карлайл) либо, если имеется под рукой хороший доктор, погружение в сонный дурман. Но смерть страшна одиночеством, поэтому давай пощекочем читателю нервы описанием того, как ты расстаешься с жизнью не один, а в компании. Сделаем развязку событием мирового масштаба: подобные бедствия в наши дни не редкость. В самом деле, больше всего я боюсь, что человечество сгинет раньше, чем успеет насладиться моим предсказанием этого события. Рассказ будет, как у евангелиста Иоанна, метафоричен, однако суть происходящего поймет каждый. Слушай!

Покинув эту комнату, ты не сможешь завязать контакт ни с одним чиновником или комитетом, от

которого можно было бы ждать помощи. Завтра, когда ты выступишь перед ассамблеей, тебе поаплодируют, но за этим ничего не последует. Ты узнаешь, что в большей части других регионов положение такое же или еще хуже, но их лидеры все равно не готовы сотрудничать; более того, над советом тоже сгущаются тучи. Монбоддо не сможет предложить тебе ничего, кроме персонального приглашения остаться в Проване. Ты отказываешься и возвращаешься в Унтанк, где ландшафт наклонен под странным углом, часовую башню атакуют повстанцы и большая часть города охвачена пламенем. Членов комитета линчуют, Сладден бежал, ты стоишь с Римой на вершине некрополя и наблюдаешь, как по улицам, подобно теням гигантских птиц, плывут стаи ртов и пожирают по пути народ. Внезапно разражается землетрясение. Город захлестывают морские воды, низвергаются через рты в кулуары совета и института, вызывая повсюду короткие замыкания. (Звучит запутанно: я еще не продумал детали.) Как бы то ни было, прежде чем навсегда закрыть глаза, ты видишь, как статуя Джона Нокса — символ тирании разума, символ несгибаемой мужественности, которую поколеблет смерть, но не нежность, — вместе с колоннами опрокидывается в волны, а те текут себе дальше, как текли уже... очень много лет. Ну, как тебе такая развязка?

— Ни к черту. Я, конечно, не так начитан, как ты, — времени не было, — но на третьем десятке, посещая публичные библиотеки, листал научную фантастику: в доброй половине этих книг встречаются подобные сцены^{12}, обычно ближе к концу. Эти банальные картины гибели мира не доказывают ничего,

кроме умственного убожества тех, кто не способен измыслить ничего лучшего.

Фокусник приоткрыл рот, вылупил глаза и залился краской. Начав с пронзительного шепота, он очень скоро заревел во всю глотку:

— Я не пишу научную фантастику! В фантастических историях не бывает реальных людей, а мои персонажи — реальные, реальные, реальные люди! Я могу поражать своих читателей яркими головокружительными метафорами, назначение которых — сжать и ускорить действие, но это не наука, это волшебство! Волшебство! Что до банальности моей концовки, то погоди, пока в ней побываешь. Предупреждаю: мое воображение подспудно тяготеет к катастрофам; ты понятия не имеешь, каких дров наломает мой творческий дар, трудясь над такой темой, как РАЗВЯЗКА.

— Что будет с Сэнди? — холодно спросил Ланарк.

— Каким таким Сэнди?

— С моим сыном. Фокусник сделал большие глаза.

— У тебя нет сына.

— У меня есть сын Александр, родившийся в соборе.

Фокусник со смущенным видом зарылся в бумаги, лежавшие на кровати, и наконец извлек из них одну.

— Не может быть, погляди сюда. Это краткое содержание девятой или десятой главы, которую я еще не написал. Прочти ее и поймешь, что Рима никак не успела бы родить ребенка в соборе. Она слишком быстро ушла к Сладдену.

— Когда ты дойдешь до собора, — холодно проговорил Ланарк, — напишешь, как она еще быстрее произвела на свет ребенка.

Фокусник выглядел расстроенным.

— Прости. Да, вижу, развязка становится для тебя особенно горестной. Ребенок. Какого возраста?

— Не знаю. Я не успеваю за твоим временем.

Помолчав, фокусник ворчливо произнес:

— Я не могу сейчас менять основной план. Почему я должен быть добрее, чем мой век? Миллионы детей, безжалостно уничтоженных в наше столетие, это... не бей меня!

Ланарк всего лишь напряг мускулы, но фокусник соскользнул в изножье постели и натянул на голову одеяла; постепенно они опали и разгладились на матрасе. Ланарк, вздохнув, уронил голову на руки. Тихий голосок из воздуха пропищал:

— Обещай, что не будешь драться.

Ланарк презрительно фыркнул. Одеяла поднялись, обрисовывая человеческую фигуру, но фокусник не показывался. Приглушенный тряпками голос произнес:

— У меня не было нужды прибегать к этому трюку. Одна фраза — и ты стал бы самым подобострастным моим поклонником, но тогда от нас обоих отвернулся бы читатель... Хотел бы я, чтобы ты чуточку получше относился к смерти. Она хороший хранитель. Не будь ее, самые замечательные вещи превращались бы постепенно в фарс; убедишься сам, если будешь настаивать, чтобы я надолго продлил твою жизнь. Но я отказываюсь

обсуждать с тобой семейные дела. Обращайся с ними к Монбоддо. Уходи, пожалуйста.

Ланарк взял портфель и поднялся на ноги.

— Едва придя сюда, я сказал, что разговор с тобой — это пустая трата времени. Я был не прав?

Приблизившись к двери, Ланарк услышал бормотание, по-прежнему приглушенное одеялами.

— Что?

— ...Познакомиться с чернокожим по имени Мултан...

— Я слышал это имя. Где?

— ...может быть полезно. Внезапно пришло в голову. Вероятно, нет.

Ланарк обогнул картину, изображавшую каштан, открыл дверь и вышел^{13}.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЛАГИАТОВ составленный Сидни Уоркмена

(на полях страниц Эпилога)

Глава 41 Кульминация

Он вздрогнул и уставился на Либби, которая свернулась клубком, подогнув ноги, в углу между ковром и стеной и не подавала признаков сознания. Это была пухленькая, но изящная темноволосая девушка. Юбка ее словно бы сделалась короче, а блузка — шелковистой, чем прежде; нахмурившееся во сне лицо имело вид куда более ребяческий, чем одежда. Открыв глаза, она спросила: «Что?» — выпрямилась и взглянула на наручные часы. Тонем, в котором не слышалось упрека, она произнесла:

— Вы засели там так надолго. На целые часы. Мы пропустили оперу. — Она протянула руку, и Ланарк помог ей подняться. — Он вас покормил?

— Да. Я хотел бы поговорить с Уилкинсом.

— С Уилкинсом?

— Или Монбоддо. Пожалуй, в первую очередь именно с Монбоддо. Это возможно?

Сделав большие глаза, Либби отозвалась:

— Вы что же, совсем не отдыхаете? Неужели вам никогда не хочется удовольствий?

— Я здесь не для того, чтобы отдыхать.

— Простите, что спросила.

Она пошла по коридору. Ланарк поспешил следом.

— Послушайте, я прошу прощения, если был невежлив, но у меня действительно дел по горло. Да и в любом случае, с удовольствиями мне никогда не везло.

— Бедняжка.

— Я не жалуясь, — подчеркнул Ланарк. — Пусть так, у меня все же были в жизни радости.

— Когда, например?

Ланарк вспомнил день, когда родился Сэнди. Он знал, что тогда точно был счастлив, иначе не звонил бы в соборный колокол, но само ощущение счастья забыл. Прошлое внезапно показалось ему очень обширным и очень мрачным пространством. Он устало отозвался:

— Не так давно.

В холле у двери лифта Либби помедлила, обернулась к Ланарку и сказала твердо:

— Где сейчас Монбоддо и Уилкинс, я не знаю. Думаю, они явятся позже, когда начнется прием, так что я дам вам совет. Ведите игру хладнокровно. Знаю, вам это не нравится, но если взять быка за рога в первый же день, когда все друг к другу присматриваются, вас сочтут навязчивым. Настоящий, мощный лоббист переводит свои требования в наличные не раньше второго дня, в самом его начале. И вот еще что. Исполнительная власть Прована платит мне жалованье независимо от того, сопровождаю я вас или нет. Если хотите, чтобы я испарилась, скажите просто: «Испарись» — и я испарюсь. Но мы ведь можем спокойно посидеть за выпивкой, поговорить о чем-нибудь, кроме этой чертовой Генеральной Ассамблеи. От одного их языка я себя чувствую ничтожным пигмеем.

Глядя на нее, Ланарк сознавал, насколько она привлекательна. От этого ему сделалось больно. Он понимал, что, если она позволит ему поцеловать ее дерзкие губы, он не почувствует ни тепла, ни

возбуждения. Внутри себя он находил только холод, бесплодный и неблагодарный, болезненную пустоту, не способную ни давать, ни брать. Он подумал: «Больше чем наполовину я уже мертвец. Как это произошло?» Он пробормотал:

— Пожалуйста, не испаряйтесь.

Ведя его за руку на галерею, она проговорила шутливо:

— Спорю, мне известно кое-что, от чего вы испытываете удовольствие.

— Что же?

— Спорю, вам доставляет удовольствие быть известным человеком.

— Нет, что вы.

— Вы так скромны?

— Не то чтобы скромен, но известным меня тоже не назовешь.

— Думаете, стала бы я ради самого обычного делегата часами томиться под дверью Настлера?

Смутившись, Ланарк промолчал. Он указал на молчаливую толпу охранников в черных костюмах по обе стороны стеклянной двери:

— Что они здесь делают?

— Держатся поодаль, чтобы не перепугать гостей.

В почти пустой галерее пульсировала легкая ритмичная музыка. В ночном небе за окном вырастали из золотых сердцевин среди звезд огромные хризантемы, роняли лепестки с розовыми кончиками на стадион, где в ярком свете толпились на террасах и танцплощадках (по

одной в каждом конце центрального поля) крохотные фигурки. Хризантемы блекли, их пронзали алые искры, прочерчивая в небе длинный хвост из ослепительных перьев, белых и зеленых. Вдоль окна на этом этаже были свалены тут и там огромные подушки, заменявшие мебель. На следующем в одном конце имелись места для дюжины оркестрантов, хотя сейчас там находился лишь кларнетист, выдувавший шутивную мелодийку, и ударник, мягко трогавший щетками тарелки. Еще выше были расставлены четыре основательно нагруженных буфета, а на самом верху — множество пустых стульев и столиков; в каждом конце имелось по бару, вдоль одной из стоек сидели на табуретах четыре девушки. Либби подвела Ланарка к ним.

— Марта, Сольвейг, Джой и вторая Джой — сами знаете кто из Унтанка.

Марта проговорила:

— Не может быть.

Сольвейг заметила:

— У вас такой солидный вид.

Джой сказала:

— Позвольте, я положу ваш портфель за бар? Там с ним ничего не случится.

— Моя мать — ваша приятельница, по крайней мере — была, — сказала вторая Джой.

— Ее зовут Нэнси? — хмуро спросил Ланарк, отдавая портфель и садясь. — Если да, то я вас видел, когда вы были младенцем.

— Нет, ее зовут Гэй.

— Не напоминай ему о его возрасте, — вмешалась Либби. — Прояви-ка сама материнскую заботу — смешай нам пару «Белых радуг». «Белые радуги» у нее отлично получаются.

Сольвейг была самой крупной из девушек, а самой маленькой — вторая Джой. Все они были примерно одного возраста и держались непринужденно-дружелюбно. Ланарк едва ли воспринимал их по отдельности, но ему нравилось быть среди них единственным мужчиной. Либби сказала:

— Нам нужно убедить Ланарка, что он известный человек.

Все рассмеялись, и вторая Джой, отмерявшая по каплям какую-то жидкость в серебристую жестянку, протянула:

— Но он это знает. Не может не знать.

— Чем же я известен? — спросил Ланарк.

— Вы тот самый человек, который без всяких на то причин учудил такое... такое... — объяснила Марта. — Вы расколотили у Монбоддо телеэкран, когда он дирижировал струнным квартетом.

— Вы сражались с ним за драконицу и заблокировали в институте все потоки, — добавила Сольвейг.

— Вы сказали ему все, что о нем думаете, и отправились прямо из кулуаров совета в интеркалендарную зону. Пешком! — сказала Джой.

— Нам жутко не терпится увидеть, что вы устроите сегодня, — заключила вторая Джой. — Монбоддо вас как огня боится.

Ланарк принялся было объяснять, как по-настоящему обстояли дела, но уголки его рта невольно поднялись, щеки полезли в стороны и на глаза; удержаться он не мог, глупая широкая ухмылка сковала ему язык, он затряс головой и расхохотался. Вслед за ним расхохоталась Либби. Она налегла на стойку, легонько касаясь бедром его бедра. Марта сказала Ланарку:

— Либби вами пользуется, чтобы заставить своего друга ревновать.

— Ничего подобного. Ну ладно, разве что самую чуточку.

— А кто ваш друг? — улыбнулся Ланарк.

— А вот тот, в очках. Ударник. Просто чудовище. Когда у него не ладится игра, он не в ладах со всем миром.

— Пользуйтесь мной, как вам будет угодно. — Ланарк похлопал Либби по руке.

Вторая Джой протянула ему стакан с прозрачным напитком, и все напряженно смотрели, как он отхлебывал. Первый глоток был мягким и невесомым, потом сделался прохладным, со вкусом молока, зацепил нёбо, как мята, приобрел горечь джина, сгустился теплым шоколадом, обжег кислотой лимона, но в смеси со сладостью лимонада. Ланарк хлебнул снова, и язык ему омыл совершенно другой поток вкусов: на кончике ощущалась черная смородина, в середине к ней примешивался приятный оттенок детской микстуры от кашля, в горло явственно лился мясной соус, а слабое послевкусие напомнило копченые устрицы.

— Вкус какой-то невнятный, — сказал Ланарк.

— Вам не понравилось?

— Нет, что вы, очень вкусно.

Все засмеялись, словно бы он удачно сострил. Сольвейг спросила:

— Потанцуете со мной, когда музыка заиграет?

— Конечно.

— А со мной? — пропела Марта.

— Я собираюсь пригласить по разу каждую, вот только вторую Джой — два раза.

— Это почему?

— Потому что, когда я кого-то выделяю, мне кажется, что у меня есть власть.

Все снова засмеялись, и Ланарк, чувствуя себя светским острословом, сделал еще глоток. К ним приблизился низкорослый мужчина с большим носом.

— Похоже, вы тут всю веселитесь, так нельзя ли к вам присоединиться? Я Гриффит-Повис, Артур Гриффит-Повис из Ярроу. Ланарк из Унтанка, так ведь? Разминулся с вами утром, но я слышал, что вы серьезно взялись за дело. Отрадно знать, что есть человек, готовый пробить лбом стену. Слишком долго мы терпели. Надеюсь, завтра ваш голос прозвучит громко и ясно?

Галерея наполнялась немолодой публикой — судя по всему, делегатами и женами делегатов, а также людьми от тридцати до сорока — видимо, секретарями и журналистами. Добавилось и девушек в красном, хотя теперь мало кто из них был в полной униформе. Сбивались группы, но самая большая собралась вокруг

Ланарка. Подошел Один, человек с сердитым розовым лицом, и спросил:

— Ну что, был прок от встречи с его королевским высочеством?

— Никакого. По его словам, он вовсе не король, а всего лишь фокусник.

— Молодым людям, наверное, нелегко разобраться в современном мире, — начал Повис, отечески похлопывая по руке Марту. — То один человек носит несколько разных имен, то разные люди называются одинаково. Возьмите Монбоддо. Всем нам известны по меньшей мере два Монбоддо, а следующим, похоже, будет женщина. А возьмите меня! В прошлом году я был архидруидом Камелота и Кэдбери. А в этом, под давлением экуменистов, а также из-за раздела на области, я протопресвитер Ярроу, но ведь я тот же человек и выполняю ту же работу.

Один шепнул:

— Приближается враг.

Вошли пятеро чернокожих мужчин, разного роста, двое в деловых костюмах, двое в военной униформе и один, самый высокий, в восточном халате и феске. Марта передернула плечами:

— Терпеть не могу эту черную компанию: не пьют ничего крепче лимонада.

— А мне они нравятся, — решительно заявила Либби, — По мне, так они очаровашки. И сенатор Сеннахериб глушит виски квартами.

— Чего я на дух не переношу, это как дерет нос треклятый Мултан, — фыркнул Один. — Мы, конечно,

дурные люди: продавали в рабство и пороли его предков, но это еще не значит, что он так уж хорош.

— Это Мултан? — спросил Ланарк. Чернокожие спустились на этаж и остановились у одного из буфетов. — Извините, я на минутку. — Ланарк быстро пробрался через другие группы гостей, сбежал на три или четыре ступени вниз и приблизился к компании чернокожих. — Простите, — обратился он к высокому человеку в феске, — не вы ли Мултан из Эфиопии?

— Вот генерал Мултан. — Высокий указал на низкорослого мужчину в военной форме.

— Можно с вами поговорить, генерал Мултан? — произнес Ланарк. — Я слышал, вы... мы с вами могли бы друг другу помочь.

Мултан смерил Ланарка взглядом, выразившим вежливую насмешку.

— Кто вам это сказал, приятель?

— Настлер.

— Понятия не имею, кто это. И чем, по его мнению, мы можем быть друг другу полезны?

— Он не говорил, но мой собственный регион — Большой Унтанк — столкнулся с проблемой... ладно, проблем у нас выше головы. Куда ни кинь. У вас тоже?

— Конечно. Наши равнины испорчены скотом, буш одичал, богатства недр присвоены иностранцами, совет посылает нам самолеты, танки и бульдозеры, и все наши доходы достаются «Алголагниксу» и «Волстату» — как плата за горючее и запасные части. Да уж, проблемы у нас имеются.

— Вот оно что.

— От вашей породы я помощи не ожидаю, приятель, но готов внимательно выслушать все, что вы скажете.

Держа в одной руке тарелку со сладкой кукурузой и кусочками мяса, Мултан аккуратно ел другой рукой и не спускал взгляда с Ланарка; громкие звуки оркестра ничем не заглушались, потому что все, кто стоял поблизости, умолкли и ушли в слух, а издали доносилось только приглушенное бормотание. Ланарк залился краской.

Мултан спросил:

— Если вам нечего сказать, зачем вы приросли к месту?

— Растерялся, — произнес Ланарк вполголоса. — Я начал этот разговор и не знаю, как его закончить.

— Тогда позвольте, я вас выручу. Иди сюда, Омфала. — К ним приблизилась чернокожая женщина, высокая и элегантная. — Омфала, этому делегату необходимо побеседовать с белой женщиной.

— Я черная. Такая же черная, как ты, — отозвалась женщина отчетливым гулким голосом.

— Ясное дело, но голос у тебя белый. — Мултан пошел прочь.

Ланарк и женщина смотрели друг на друга. Наконец Ланарк спросил:

— Не хотите ли потанцевать?

— Нет, — отрезала женщина и последовала за Мултаном.

Внезапно, на ноте смеха, все разговоры громко зазвучали вновь. Ланарк обернулся, краснея, и увидел двух Джой, которые откровенно смеялись ему в лицо. Они сказали: «Бедный Ланарк!» и «Почему он покинул друзей, которые его любят?» Подхватив Ланарка под руки, они повели его вниз по ступенькам, к краю танцплощадки, где собрались Один, Повис, остальные девушки, а также несколько новоприбывших. Его приветствовали так сердечно, что ему ничего не стоило снова заулыбаться.

— Я бы сразу вам сказал, что обращаться к этому ублюдку — пустая затея, — проговорил Один. — Берите сигару.

— Но ведь было интересно? — возразила Либби. — Все ожидали чего-то грандиозного. Сама не знаю чего.

— Открытия нового межконтинентального виадука, наверное, — пошутил Повис — Ожидали, что на поверхности океана развернут ковер братства, где все человеческие расы смогут сойтись и слиться воедино и куда им, вместе с утренним молоком, сбросят на парашюте Утопию, так?

— Мои поздравления! Это был красивый поступок, — воскликнул Уилкинс, пожимая Ланарку руку. — Отпор ничего не значит. Важно одно: вы честно и открыто перебросили мяч на их половину и они об этом знают. Девушки, кто-нибудь из вас обязан принести этому человеку выпивку.

— Уилкинс, мне нужно с вами поговорить, — сказал Ланарк.

— Да, и чем скорее, тем лучше. Мы должны обсудить некоторые неожиданные события. Не

позавтракать ли нам завтра вместе с утра пораньше в делегатской деревне?

— Конечно да.

— Вас не затруднит рано подняться?

— Ничуть.

— Хорошо. Тогда я звякну вам в комнату без нескольких минут семь.

— Пожалуйста, сэр, — просительно протянула Сольвейг, — когда же я получу обещанный танец? Ну пожалуйста!

— Одну секундочку, дорогуша. Сперва допью, — добродушно откликнулся Ланарк.

Допивая вторую «Белую радугу», он глядел на звездное поле небес, где расцветали ракеты, окрашивая запрокинутые лица на стадионе в пурпурный, белый, оранжевый, золотисто-зеленый цвета. Ланарк опирался на перила, ограждавшие край перекрытия (внизу был виден самый нижний и узкий этаж), и различал в окне еще и свое отражение, темное, но четкое, — центральную персону компании, которая непринужденно расположилась в воздухе, под сполохами фейерверка и над толпой. Кивнув публике на нижнем этаже, он подумал: «Завтра мне предстоит защищать вас всех». Он поднес к губам сигару, обернулся и внимательно осмотрел галерею. Его группа оставалась самой многочисленной, хотя Уилкинс удалился и прохаживался теперь среди других гостей. Ланарк заметил даже, как он помедлил, чтобы обменяться словом-другим с Мултаном. Ланарк думал беззлобно: «За этим парнем нужен глаз да глаз; он лиса, первостатейная экологическая лиса... Лиса? Экологическая? Первостатейная? Обычно я

размышляю другими словами, но здесь они вроде бы уместны. Да, завтра я буду говорить с Уилкинсом. Предстоит нелегкий торг, но компромисс недопустим. Никаких компромиссов! Я буду играть азартно, хладнокровно, нечестно — все зависит от него. Превращу в наличные любой пункт моих требований, и тогда... но никаких компромиссов! Если какой-нибудь регион нужно кинуть крокодилам, то это будет не Унтанк; тут я не уступлю. Монбоддо меня боится: оно и понятно. Плевать на чины — кто смел, тот их и съел! Форы нет ни у кого, играют все на равных! Все лошади подпоены, дорога как стекло... что это я говорю не своими словами? От этой сигары пьянеешь. Хорошо, что заметил: вынимай ее, будь спокоен, пей коктейль... Знаю, почему он называется "Белая радуга". Он прозрачный как стекло, но на языке образует спектр вкусов — ярчайшую палитру (самую попугайную). Не совсем то. По многоцветью он сравним с перламутром, что таит в себе раковина на дне морском. Поэзия. Не сказать ли об этом второй Джой? Это она смешала коктейль; вот там она стоит, эдакая умненькая маленькая очаровашка... Мне всегда нравились высокие женщины, но... вот бы положить ладони промеж ее маленьких...»

— Рад встрече, сэр, — произнес тихий лысый человек в очках без оправы, пожимая Ланарку руку. — Кодак, Тимон Кодак из Южной Атлантиды. одному богу известно, почему меня выбрали делегатом. Мое истинное призвание — научные исследования, для «Алголагникса». И все же это заманчиво — побывать на других континентах. Семья моей матери родом из Унтанка.

Кивая, Ланарк думал: «Она улыбается мне в точности как Либби. Я думал, Либби нацелилась меня

соблазнить, но у нее есть друг. У всех привлекательных и здоровых девушек имеются друзья — привлекательные и здоровые юноши. Говорят, юным девушкам нравятся мужчины постарше, но мне такие не попадались».

— У вас там есть замечательная женщина, — сказал Кодак.

Ланарк уставился на него. Кодак пояснил:

— Эта маленькая пожилая профессорша. Как же ее имя? Штцнгрм. Что за доклад она послала совету! Знаете, предварительный доклад о загрязнении в пермском пласте. Мы в «Алголагниксе» просто подскочили, когда узнали. Да, нам есть откуда черпать информацию.

Ланарк улыбался, кивал и прихлебывал коктейль. Он думал: «Ну можно ли смотреть на нее и удерживаться от улыбки? В ее лице столько веселья и ума, миг — и она удивленно подняла брови, еще миг — с интересом прищурила глаза. Я буду улыбаться, но потихоньку. Первенство должно быть за публикой, а не за исполнителем. Пусть толпа чувствует, что он их замечает, оценивает, одобряет, но с позиции силы». Кодак говорил:

— Конечно, в первую очередь нас интересует ее заключительный доклад, где обозначена локализация. Как я понимаю, завтра вы увидите с Уилкинсом. Он человек весьма и весьма неглупый — лучший ум в совете. Мы в «Алголагниксе» его очень уважаем. До сих пор мы всегда опережали его на шаг-другой, но это стоило немалых усилий. Кстати, у нас в «Алголагниксе» многие считают, что совет обошелся с Унтанком безобразно. Никого не удивило, что вы со Сладденом склоняетесь к независимой политике. Вам нужно больше

власти! Сугубо неофициально: в группах «Тунк — Квидатив» и «Квантум — Кортексин», как мне известно, тоже склоняются к этому мнению. Но, наверное, они уже говорили вам об этом?

Серьезно кивая, Ланарк думал: «Если бы она знала, что я испытываю при виде ее лица, такого юного, такого живого; как я завидую шву ее джинсов, ведь он проходит по ее животу, по маленькому холмику между бедер и через... и вверх... и меж... и позади... если бы она знала, как мало во мне качеств лидера, я бы в два счета ей наскучил. Я должен улыбнуться ей так же, как улыбаюсь этому лысому в ответ на его намеки: понимающей улыбкой, которая говорит, что мне известно больше, чем думают они, судя по тому, что им известно».

— Эй! — хихикнул Кодак. — Заметили вот тот цветочек, что не сводит с вас глаз? Держу пари, она бы понеслась с места в карьер. Да, я уверен, Уилкинс спит и видит, как бы заполучить этот ваш заключительный доклад. Если знает о его существовании. А знает ли?

Ланарк уставился на него. Кодак рассмеялся и сказал, потрепав Ланарка по плечу:

— Наконец вопрос в лоб, да? Прошу прощения, власть и промышленность хотя и переплетены, но не настолько. Пока нет. Мы поддерживаем друг друга, потому что порядок — неба основной закон, но помните Костагуану? Помните, как от нее откололась Западная республика? Без нашей поддержки этого бы не произошло. Конечно, мы тогда еще не назывались «Алголагниксом»; это были времена старой Корпорации материальных интересов. Ух ты, они были настоящей бандой разбойников! Их минералом было серебро, а оно не то что другие минералы, улавливаете?

Горько улыбаясь, Ланарк думал: «Все, что я испытываю, глядя на нее, — это холодная мука — мука оттого, что жизнь едва теплится в моем толстопузом теле лысеющего старика. Однако лидер и должен быть больше чем наполовину мертвецом. Людям нужен твердокаменный монумент, чтобы ему поклоняться, а не слабый человек, подобный им самим. Сладден поступил мудро, послав меня. Я человек несгибаемый».

— У вас пустой стакан, — заметил Кодак и взял стакан Ланарка. — Попрошу кого-нибудь из девушек его наполнить; да мне и самому не худо будет выпить.

— Не будьте обманщиком, Ланарк. — Перед ним стояла, улыбаясь, вторая Джой. — Вы обещали мне два танца, помните? Хоть один-то мы можем станцевать?

Не дожидаясь ответа, вторая Джой повлекла его к танцующим.

Горечь отхлынула от его сердца. Тугой браслет ее пальцев вокруг его запястья давал легкость и свободу. Рассмеявшись, Ланарк обнял ее за талию.

— Так Гэй — ваша мать? А рана у нее на ладони зажила?

— Разве у нее была рана? Она мне не говорила.

— Что она сейчас подделывает?

— Она журналист. Не будем о ней; наверняка с вас хватит и меня.

Сначала вести ее оказалось трудно: музыка была настолько быстрой и отрывистой, что прочие пары танцевали, не касаясь друг друга. Ланарк танцевал под самые медленные звуки из всех, что раздавались в комнате, где главной составляющей шума были голоса

беседующих. Сливаясь воедино, они напоминали разговор водопада с озером, оркестр же при этом походил на возбужденный хор насекомых. Прочие танцоры сталкивались с Ланарком, но потом разошлись по краям площадки и стояли там, подбадривая и аплодируя. Не сразу, инструмент за инструментом, оркестр смолк, и вторая Джой, резко вырвавшись, убежала в толпу. Среди взрывов смеха Ланарк последовал за нею, к своей группе, и обнаружил, что она горячо говорит что-то остальным девушкам. Она обернулась и спросила:

— Это ведь был почти что инцест? — Ланарк ответил удивленным взглядом. — Вы ведь мой отец, так?

— Нет-нет! Это Сладден. Наверное.

— Сладден? Мать ничего мне не рассказывает. Кто такой Сладден? Он преуспевающий человек? Красивый или нет?

Ланарк мягко отозвался:

— Сладден очень даже преуспевающий человек, и женщины находят его очень привлекательным. По крайней мере, находили. Но сегодня мне не хочется о нем вспоминать.

Ланарк печально отвернулся и обвел взглядом переполненную гостями галерею, где возобновились танцы. На незнакомых лицах он видел такие знакомые признаки озабоченности, храбрости, счастья, покорности судьбе, надежды или провала, что ему показалось, будто все эти люди — его старые друзья, хотя среди них не было и двух похожих. Каждый словно бы воплощал в себе целый мир, с собственным возрастом, климатом и природой. Один был свеж и бодр, как пружина, другой

напоминал знойное плодородное лето. В ком-то виделась осень, мягкая или бурная, в ком-то — трагическое бесплодие и стужа. Кто-то стоял рядом с Ланарком, и в ее обществе он мог мирно любоваться этими мирами, не желая ни завоевать их, ни ступить на их землю. Со вздохом она произнесла: «Тебе бы не помешало быть осмотрительней»; он обернулся и узнал леди Монбоддо. Лицо ее казалось моложе, чем то, что осталось в памяти Ланарка; в нем читались серьезность и одиночество. Грудь увеличилась; длинное, до пола, платье из жесткой материи с рисунком из львов и единорогов делало женщину похожей на колонну. Ланарк выдохнул обрадованно:

— Катализатор!

— Это была моя работа, а не имя. Думаю, тебе, Ланарк, пора в постель.

— Если с тобой, то я не прочь, — сказал Ланарк, обвивая рукой ее талию.

Она свела брови, словно его лицо было страницей, которую она старалась прочитать. Ланарк неуклюже убрал руку.

— Прости, если жадничаю, но этим девчушкам я как будто не особенно нравлюсь. А с тобой мы в свое время едва не сделались добрыми друзьями.

— Да. Мы могли бы заняться вдвоем всем, что бы нам вздумалось. Но ты сбежал к драконихе.

— Не зря! — взволнованно возразил Ланарк. — Она вскоре сделалась человеком, и теперь у нас сын. Он для своего возраста очень рослый и здоровый, вроде бы и умный тоже; и вырастет, наверное, неплохим человеком.

Леди Монбоддо все так же всматривалась в его лицо, словно читая в нем. Ланарк отвел глаза и неловко добавил:

— Не беспокойся за меня. Я не пьян, если ты этого боишься.

Когда он повернул голову, леди Монбоддо рядом не было, а на ее месте стояла Марта, протягивая ему стакан.

— Этот коктейль смешала я. Не особенно вкусный, зато крепкий. Пожалуйста, сэр, скоро ли моя очередь с вами танцевать?

— Почему вы, девушки, все время заменяете одна другую? — капризно протянул Ланарк. — Не хватает времени как следует познакомиться.

— Мы думаем, лучше провести время с кучей новых друзей, чем с одним-двумя старыми.

— И когда же вы меня покинете?

— Может, я и останусь. На весь вечер. — Марта смотрела на него без улыбки.

— Может! — скептически повторил Ланарк и выпил.

Вначале вкус показался до тошноты сладким, а потом таким жутко горьким, что Ланарк поспешил проглотить напиток. Откуда-то доносился голос Повиса:

— ...Хочет, чтобы совет запретил производство обуви: мол, непосредственный контакт с телом матери-земли дает нам физическое и душевное здоровье. По его словам, войны и преступления в последнее время участились из-за наборных резиновых подметок: они изолируют нас от хтонических потоков и подвергают воздействию лунных. Прежде я бы, конечно, посмеялся,

но современная наука нередко оправдывает то, что мы считали суеверием. Похоже, ежи действительно сосут коров...

Ланарк растянулся на подушках в самом нижнем этаже. Кто-то снял с него туфли, и пальцы его ног бережно скользили по мягким частям чьего-то одетого в шелк тела. Щекой он прижимался к чьей-то щеке, ладони уютно покоились меж покрытых тканью бедер, чья-то рука ласкала его шею. Шумы галереи и оркестра были приглушены расстоянием, но непосредственно над головой раздавались два громких голоса.

— Приятно посмотреть, как женщины стараются заодно, чтобы мужчина почувствовал себя известным человеком.

— Чушь собачья. Они делают из него пьяницу.

— Думаю, он прибыл из региона, где нередко половой акт становится возможен только при помраченном сознании.

— И так же нередко невозможен.

— Что за противные голоса, — произнес Ланарк.

Вокруг зашептались, его бережно подняли и повели. Где-то хлопнула дверь, все шумы прекратились. Он громко сказал:

— Я иду... по коридору.

Кто-то шепнул:

— Открой глаза.

— Нет. На ощупь ты рядом, а глаза скажут, что между нами есть расстояние.

Закрылась еще одна дверь, Ланарк под шепот скользнул вниз, как падающий лист, и почувствовал, что его раздевают. Кто-то прошептал: «Смотри!» — и он, ненадолго разлепив веки, успел разглядеть тонкогубый улыбающийся ротик в зарослях темных волос. Нежно и печально он посетил вновь холмы и долины знакомого пейзажа, его конечности скользили боком по сладкому изобилию с удивительно твердыми кончиками, пальцы тонули в складках влажной раны, где открывался ход в болотистую пещеру, а там расцветали, как фиалки в темноте, тихие стоны. Тянуло сыростью, а иногда и фекальным душком. Потеряв дорогу, Ланарк лежал на спине, ощущая, что он тоже пейзаж, плоский и скучный пейзаж, окружающий башню, которая тянется к хмурому, низкому небу. В темноте наверху какие-то люди то слезали с его башни, то взбирались на нее и раскачивались, ритмично вздыхая и вскрикивая. Он надеялся, что они получают удовольствие, и, радуясь их обществу, не скупился на поцелуи и ласки, чтобы это доказать; потом все перевернулось, он сделался хмурым, низким небом и вжимал свою башню в простертую внизу землю, но в нем росло ощущение неудачи, так как он знал, что башня может стоять часами, но до выстрела дело не дойдет. Кто-то прошептал:

— Не хочешь ли отдать себя?

— Не могу. Половина моей силы заблокирована страхом и ненавистью.

— Почему?

— Не помню.

— Как бы ты хотел это показать?

— Я хотел бы... Не могу сказать. Тебе станет противно.

— Признайся нам.

— Я бы хотел... Не расскажу. Ты станешь смеяться.

— Рискни.

— Я хотел бы, чтобы ты ненавидела меня и боялась, но не могла убежать. Чтоб была пленницей в путях, чтобы беспомощно ждала взмаха моей плетки, прикосновения раскаленного клейма. А когда ужас достигнет кульминации, в тебя входит не орудие пытки — вхожу я, нагой... ах! Тебя охватит... вос... торг. Тогда.

Земля и опора расплавились; окруженный визжащим желеобразным мясом, он пихал, кусал, хрюкал и стискивал, уподобясь плотоядному поросенку с пальцами. Позднее он, чувствуя себя опустошенным, вновь покоился на лоне доброты, нежно внедряясь в плавные расселины, покачиваясь и легонько скользя по глади, купаясь в мягкости. Он охватывал чью-то талию, пенис его ютился меж двух гладких холмиков, он был наполнен добрым нигде.

Он стоял по колени в холодном быстром ручейке, который с бульканьем катился по большим скругленным камням — черным, серым и пятнистым, желто-серым, как овес. Поднимая камни, он осторожно бросал их на берег, где, в ярде или двух выше по течению, Александр, лет десяти, очень загорелый, в красных трусах, строил из них плотину. Шею Ланарку напекло, ноги ломило от холода, спина и плечи болели — все указывало на то, что работа шла уже довольно долго. Он вытащил особенно большой и мокрый черный валун, швырнул его на вересковую подстилку, выбрался на берег и, тяжело дыша,

растянулся рядом с камнем на спине. Он закрыл глаза, и картина глубокой голубизны сменилась теплым темно-красным цветом, проникавшим сквозь веки. Слышался плеск воды и стук камней. Александр сказал:

— Вода все равно просачивается.

— Заделай дыры мхом и галькой.

— Знаешь, я не верю в Бога, — произнес Александр.

Украдкой на него взглянув, Ланарк увидел, что он выдирает комья земли из берегового уступа.

— Разве? — спросил Ланарк.

— Бога нет. Мне сказал дедушка.

— Который? У всех есть по два.

— Тот, который воевал за Францию в первой войне. Дай мне побольше этого мха.

Не садясь, Ланарк набрал в обе ладони мох с влажной мшистой подушки поблизости, рванул и лениво кинул Александру. Тот сказал:

— Первая война была, наверное, самой интересной, даром что тогда не было Гитлера и атомной бомбы. По большей части она велась на одном и том же месте, и солдат было убито больше, чем во вторую войну.

— Войны интересны только тем, что показывают, какими мы бываем глупыми.

— Хоть сто раз это тверди, — добродушно отозвался Александр, — я все равно думаю по-своему. Ну ладно, дедушка вот говорит, что Бога нет. Его придумали люди.

— Люди придумали еще и автомобиль, и теперь автомобили существуют.

— Все это просто слова... Давай погуляем? Если хочешь, я покажу тебе Риму.

Ланарк вздохнул:

— Хорошо, Сэнди.

Пока Александр выбирался из ручья, Ланарк поднялся на ноги. Одежда их лежала на плоском камне, и, прежде чем ее надеть, пришлось стряхнуть маленьких красных муравьев. Александр сказал:

— Конечно, мое настоящее имя Александр.

— А как тебя называет Рима?

— Алексом, но настоящее мое имя Александр.

— Постараюсь запомнить.

— Хорошо.

Вдоль ручья они спустились до того места, где он исчезал во впадине среди вереска. Ланарк проследил его низвержение по красноватой скале в озерцо, в начале глубокой и узкой долины, густо заросшей кустарником и деревьями, в основном березами, рябиной и молодыми дубками. На траве у озерца лежала, полускрытая корнями упавшей рябины, парочка. Женщина, казалось, спала, и Ланарк сосредоточил внимание на мужчине, который читал газету.

— Это не Сладден, — сказал он.

— Нет, это Кирквуд. Со Сладденом мы сейчас не видимся.

— Отчего?

— Он стал чересчур послушным.

— А Кирквуд не такой?

— Пока нет.

— Сэнди, по-твоему, Рима будет рада меня увидеть?

Александр бросил неуверенный взгляд на долину, а потом указал в другую сторону:

— Поднимешься со мной на вот тот холм?

— Да. Хорошо.

Они повернулись и двинулись по склону холма к далекой зеленой вершине. На верхушке первого откоса Александр прилег отдохнуть, то же повторилось на середине второго. Вскоре он через каждые одну-две минуты стал устраивать себе двухминутный отдых. Ланарк раздраженно заметил:

— Тебе не требуется так часто отдыхать.

— Я сам знаю, сколько мне отдыхать.

— Солнце скоро закатится, Сэнди. Кроме того, мне скучно так часто присаживаться.

— А мне скучно все время идти.

— Хорошо, я буду подниматься медленно и размеренно, а ты, если хочешь, можешь меня догонять.

Ланарк встал.

— Ага! — громко захныкал Александр. — Хочешь быть всегда правым, да? Ни в какую не отступишься, да? Непременно должен все испортить, да?

Ланарк не вытерпел, приблизил свое лицо к лицу Александра и прошипел:

— Терпеть не можешь загородные прогулки, да?

— Разве я все время ревел и хныкал? Да если бы я не любил гулять за городом, стал бы я молчать?

— Вставай.

— Нет. Ты меня ударишь.

— Ничего подобного. Вставай.

Александр с беспокойным видом встал. Ланарк подошел к нему сзади, подхватил его под мышки и с большим усилием посадил себе на плечи. Слегка пошатываясь, он побрел через посадки крохотных елей. Через минуту Александр проговорил:

— Теперь можешь спустить меня на землю.

Ланарк продолжал брести вверх по склону.

— Я сказал, теперь можешь спустить меня на землю. Я пойду сам.

— Нет... пока не пройдем... эти деревья.

Вначале ноша показалась такой тяжелой, что Ланарк решился всего на десять шагов, потом одолел еще десять, еще и подумал радостно: «Так, по десять шагов, я мог бы нести его без конца». Но на дальнем краю посадки он спустил Александра на землю, тот поспешил вперед, а Ланарк устроился на вереске отдыхать. Немного погодя он отправился следом и догнал сына на гребне, где вереск и жесткая бурая трава уступали место торфяному ковру. За гребнем шло углубление, а дальше виднелась крутая коническая вершина. Александр спросил:

— Видишь ту белую штукювину на верхушке?

— Да.

- Это треугольный пункт.
- Триангуляционный пункт.
- Верно, триангуляционный пункт. Пошли.

Александр двинулся прямо к вершине. Ланарк окликнул его:

— Стой, Сэнди, это трудный путь. Отправимся-ка по той тропе, справа.

— Прямая дорога самая короткая, я ведь вижу.

— Но и самая крутая. А тропа нигде не ныряет, усилий потребуется гораздо меньше.

— Ну и ступай туда сам.

— Пойду и доберусь до вершины раньше тебя. Эту тропу протоптали разумные люди, которые понимали, какой путь быстрее.

— Ну и ступай туда сам, — повторил Александр и сломя голову помчался во впадину.

Ланарк не спеша отправился по тропе. Воздух был свеж, солнце пригревало. Он думал, как хорошо погулять в отпуск. Тишину нарушало только отдаленное «уип! уип!» какой-то болотной птицы, голубизну небес — лишь едва заметное белое пятнышко на вершине холма. Слева, во впадине, он замечал иногда, как карабкается на хребет Александр, и думал снисходительно: «Дурачок, но ладно, пусть учится на опыте». Он погрузился в печальные раздумья о том, как Александр живет с Римой, но тут тропа превратилась в ряд ступеней, протоптанных на торфяной круче, с песчаными следами подошв. Отсюда вершина представлялась большим зеленым куполом, и, присмотревшись, Ланарк обнаружил замечательное зрелище. Слева на кривом склоне маячил

силуэт человеческой фигурки, которая проворно карабкалась вверх. Радостно вздохнув. Ланарк остановился и перевел взгляд на голубое небо. «Спасибо!» — произнес он и на мгновение различил тень человека, который лежал в постели среди бумаг и что-то царапал. Ланарк улыбнулся. «Нет, старина Настлер, я благодарю не тебя, а создателя земли, которая всех нас взрастила. О тебе, мистер Причина, я никогда особенно не задумывался, потому что ты этого не стоишь, и вообще, по мне, твой мир скорее сносный, чем хороший. Но вот, не обращая внимания на мои советы и на удобную тропу, Сэнди самостоятельно карабкается к вершине, освещенный солнцем; ему дана радость видеть с высоты огромный земной шар, дарованный тобой, и за это я теперь тебя люблю. Я до того доволен, что не забочусь о том, когда этому удовольствию придет конец. Мне все равно, какие глупости и провалы, какая смерть маячит на горизонте. Пусть твой мир обратится в черное ничто, все же он существовал не зря, если Сэнди однажды наслаждался здесь солнечным светом. Я не говорю от имени человечества. Если у самого бедного и сиротливого создания во вселенной есть причины тебя проклинать, то все, что в тебе имеется высокого и достойного, пойдет к черту. Да! К черту тебя, к черту, к черту — столько раз, сколько существует несчастных в созданной тобою вселенной. Но я не из несчастных. Это лучший миг в моей жизни. Говоря исключительно как частное лицо, я дарую тебе допуск в Царствие Небесное, дарую раз и навсегда».

У самой вершины косогора Ланарк запыхался. Дерновый ковер тут и там был разорван невысокими выступами скалы. На одном из них стоял бетонный триангуляционный пилон, к которому прислонил спину

Александр. По виду он словно бы мирно отдыхал на софе у себя дома. Сначала он как будто не замечал Ланарка, но потом приглашающим жестом похлопал по поверхности скалы, а когда Ланарк сел рядом, прильнул к нему, и они долгое время вместе любовались пейзажем. Хотя они смотрели с высокой точки, море едва виднелось на горизонте темной полоской. Перед ними простирались обширные низкие холмы, используемые как пастбище, за защитными лесополосами лежали в долинах наполовину сжатые хлебные поля. Напротив Ланарка с Александром, у подножия крутого склона, виднелся город с красными крышами, кривыми улочками и небольшим старинным дворцом. Из стен выступали круглые башни с коническими шпилями; обнесенный оградой сад вокруг дворца был открыт для публики. Среди ярких красок кустов и цветочных клумб двигалось множество фигурок; стоянка за стеной была забита машинами. Александр проговорил:

- Неплохо бы туда спуститься.
- Да.
- Только мама будет волноваться.
- Да, нужно возвращаться.

Они посидели еще немного и, когда солнце достигло нижней половины небосклона, встали и спустились на вересковую пустошь тропой, которая вела вокруг озерца. Навстречу им поднимались по тропе двое мужчин с густыми усами, один из них нес винтовку. Человек с винтовкой спросил: «Не пристрелить ли мне делегата?», второй рассмеялся: «Нет-нет, мы не должны убивать наших делегатов».

Чуть погодя Александр заметил:

— От некоторых шуточек у меня мороз подирает по коже.

— Прости.

— Тут ничего не поделаешь. Ты и вправду делегат?

Ланарку льстило, что его узнали, но он твердо отозвался:

— Сейчас нет. У меня отпуск.

С одной стороны берег озерца был, как в бассейне, укреплен насыпью, и на ней лежала мертвая чайка с расprostертыми крыльями. Александр всматривался, словно замороженный, и Ланарк поднял чайку. Они оглядели желтый клюв с малиновым пятном под кончиком, гладкую серую спину и снежно-белую, без пятен, грудку.

— Не похоронить ли нам ее? — спросил Александр.

— Без инструментов это будет трудно. Но можно соорудить для нее пирамиду из камней.

Они собрали на берегу голыши и нагромодили на тельце в блестящих гладкоокрашенных перьях. Александр спросил:

— Что с ней будет дальше?

— Истлеет, и ее съедят насекомые. Тут кишмя кишат красные муравьи, так что скоро от нее останется один скелет. Интересная штука — скелеты.

— Не вернуться ли за ним завтра?

— Нет, понадобится, наверное, несколько недель.

— Тогда прочти молитву.

— Ты говорил, что не веришь в Бога.

— Не верю, но молитву прочитать нужно. Сложи вот так руки и закрой глаза.

Они встали по сторонам высокой, до колен, пирамиды, и Ланарк закрыл глаза.

— Начни с «Господи Боже».

— Господи Боже, — произнес Ланарк, — мы скорбим по этой умершей чайке, тем более что она на вид молодая и здоровая (разве что мертвая). Даруй жизнь многим молодым чайкам, чтобы они наслаждались быстрым полетом и свежим воздухом, не доставшимися этой; и даруй нам всем столько счастья и мужества, чтобы мы, умирая, не почувствовали себя обманутыми; а еще...

Он помедлил. Голос шепнул: «Скажи аминь».

— Аминь.

Что-то холодное кольнуло его в щеку. Он открыл глаза: по темному небу стремительно неслись клочья облаков. Он был один, и у его ног лежали только разбросанные камни и среди них старые кости и перья. «Сэнди?» — позвал он и огляделся. Ничто на вересковой пустоши не говорило о присутствии людей. На западе таяли в облаках два-три закатных луча. Вереск полосовал дождь со снегом; ветер швырнул в лицо Ланарку капли и снежную крупу.

— Сэнди! — Ланарк пустился бежать. — Сэнди! Сэнди! Александр!

Ноги Ланарка утонули в вереске, он споткнулся и упал во тьму. Что-то душило его, он сопротивлялся, но потом понял, что это одеяла, и сел.

Он находился в квадратной комнате с бетонным полом и стенами, отделанными плиткой, как в общественном туалете. Комната казалась большой — вероятно, потому, что в ней не было ничего, кроме унитаза в углу, без стульчака и без ручки, чтобы спускать воду. Ланарк лежал в противоположном углу, на небольшом помосте, покрытом красным линолеумом. Дверь была металлическая, и Ланарк знал, что она заперта. Голова болела, немытое тело чесалось; Ланарк не сомневался: произошло что-то ужасное. Он подобрал одеяла и, покусывая сустав большого пальца, попытался думать. Чувствовал он в первую очередь грязь, беспорядок и утрату. Что-то или кого-то он потерял: секретный документ, родственников или самоуважение. Прошлое представлялось путаницей не связанных между собой воспоминаний, подобных куче старых фотографий. Чтобы их рассортировать, он принялся вспоминать свою жизнь с самого начала.

Сперва он был ребенком, потом школьником, потом умерла его мать. Он стал студентом, попытался заниматься живописью, тяжело заболел. Некоторое время он околачивался по кафе, далее устроился работать в институт. Спутался там с женщиной, потерял работу, поселился в каком-то плохо управляемом месте, где родился его сын. Женщина и ребенок от него ушли, и по не очень понятной причине он был послан с какой-то миссией на какую-то ассамблею. Вначале это было трудно, потом легко, потому что он внезапно оказался известным человеком с важными бумагами в портфеле. Его любили женщины. Ему был дарован неожиданный отпуск с Сэнди, затем что-то холодное кольнуло его в щеку...

Мысли его отпрянули от этого воспоминания, как пальцы от раскаленного металла, но он вернул их обратно, и постепенно в его мозгу возникли недавние, более гнетущие картины.

Глава 42 Катастрофа

По темному небу стремительно неслись облака. Не видя ничего, кроме немногих скал, разбросанных там и сям, старых костей и кучки перьев под ногами, он огляделся и позвал: «Сэнди?» — но на вересковой пустоши не было больше никого, а на западе таяли в облаках два-три закатных луча. Он пустился бежать по вереску с криком «Александр!», споткнулся и упал во тьму. Что-то душило его, он боролся, потом понял, что это стеганое пуховое одеяло, откинул его и сел.

Он лежал в постели в темной комнате, чувствуя головную боль и невыносимую утрату. Что привели его сюда друзья, он не сомневался, но кто они были? Куда они ушли? Он нащупал выключатель ночника и щелкнул им. Комната оказалась дортуаром, где у каждой стены стояло по две кровати, между ними — туалетные столики с дамской косметикой. На стенах висели цветные постеры с певцами и лозунги вроде такого: ЕСЛИ ВЫ ПАРАНОИК, ЭТО ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ПРОТИВ ВАС НЕ ПЛЕТЕТСЯ ЗАГОВОР. Его одежда была разбросана по полу. Он застонал, потер себе виски, встал и быстро оделся. Сомнений не было: недавно произошло что-то очень хорошее. Это приключение не было любовью, но оставило его готовым для любви. Восторг раскрыл его, подготовил для кого-то, кого здесь не было. Его мучила невозможность обнять кого-то и шептать ласковые слова, ощущая ответные объятия и слыша слова любви. Он вышел из комнаты и поспешил по коридору туда, где слышались за дверью музыка и голоса. Ланарк толкнул дверь и остановился, мигая на ярком свете. Голоса

стихли, потом кто-то выкрикнул: «Смотрите! Он возвращается!» — и загремел раскатистый смех.

Народу в галерее было меньше, чем в прошлый раз. Гости по преимуществу лежали на подушках в нижнем этаже, и Ланарк спешил мимо них, поглядывая направо и налево. Ему вспомнился тонкогубый улыбающийся ротик в просвете темных волос, и он, заметив чей-то смеющийся рот и темные волосы, крикнул:

— Это ты? Ты была со мной?

— Когда?

— В спальне?

— Нет-нет, не я! Может быть, Хельга? Женщина, которая танцует вот там?

Ланарк бросился на танцплощадку с криком:

— Ты Хельга? Ты была со мной в спальне?

— Сэр, — произнес Тимон Кодак, танцевавший с женщиной, — эта леди — моя супруга.

Смех доносился со всех сторон, хотя на площадке танцевала лишь одна пара и играл только один саксофонист. Прочие оркестранты сидели вместе с девушками на разбросанных там и сям подушках, и внезапно Ланарк очень отчетливо увидел Либби. Она прижималась к ударнику, мужчине средних лет в роговых очках. Ее изящно-пухлое юное тело льнуло к нему, дрожа мелкой дрожью, плечо она норовила втиснуть ему под мышку, грудью касалась его бока. Ланарк поспешил к ней:

— Либби, пожалуйста, это была... это были вы?

— Не-ет! — протянула она с гримасой отвращения. — Нет, конечно.

— Все это ускользает от меня, — всхлипнул Ланарк, закрывая глаза. — Ускользает в прошлое, дальше и дальше. Так было замечательно, а теперь обратилось в издевку.

Кто-то схватил его за локоть, и чей-то голос произнес:

— Возьмите себя в руки.

— Не бросайте. — Ланарк открыл глаза.

Перед ним стоял худой моложавый человечек, стриженный ежиком, в черном свитере, слаксах и парусиновых туфлях. Человечек сказал:

— На вас все смотрят. Я знаю, что вам нужно. Идемте со мной.

Ланарк покорно последовал за ним на верхний этаж, где было совершенно пусто.

— Кто вы? — спросил он.

— Подумайте немного.

В голосе слышались знакомые ноты. Присмотревшись, Ланарк различил небольшие, но глубокие морщинки в уголках глаз и рта, выдававшие, что это гладкое, бледное, ироничное лицо принадлежало человеку отнюдь не молодому.

— Глопи? Не может быть.

— Почему не может?

— Глопи, вы переменились. К лучшему.

— Не могу сказать то же самое о вас.

— Глопи, я одинок. Потерян и одинок.

— Я помогу вам. Посидите здесь.

Ланарк сел за столик. Глопи отошел к ближайшему бару и вернулся с высоким стаканом.

— Вот. «Радуга», — сказал он.

Отпив, Ланарк отозвался:

— Я думал, Глопи, вы работаете лифтом.

— Не годится надолго застревать на одном месте. Чего вы хотите? Секса, так?

— Нет-нет, не совсем, чего-нибудь спокойней и обычной.

Глопи насупился и забарабанил пальцами по столешнице.

— Нужно сформулировать яснее. Подумайте. Мужчина или женщина? Возраст? Позиция?

— Мне хотелось бы женщину давно знакомую, которой я нравился прежде и нравлюсь теперь. Чтобы она приняла меня в свои объятия запросто, мимоходом, словно ей это ничего не стоит. Вначале я покажусь ей холодным и бесчувственным, ведь я так долго жил один, но пусть ее это не отпугнет. Мы спокойно проспим бок о бок всю ночь, потом я перестану ее бояться, к утру приду в боевое состояние и разбужу ее, она меня приласкает, и мы займемся любовью без нервов и суеты. Целый день мы проведем в постели: еда, чтение, блаженные объятия, когда вздумается — любовь, и не будем друг другу докучать.

— Понятно. Требуется типаж матери.

— Нет! — взревел Ланарк. — Не нужен мне типаж матери, типаж сестры, типаж женщины, я хочу женщину, привлекательную женщину, которая любит меня больше всех на свете, но при этом не допекает!

— Вероятно, я смогу вас с такой свести. Так что хватит кричать. Я принесу вам еще коктейль, и мы посетим ваши комнаты в Олимпии. Привлекательные девушки на любой вкус — в Олимпии.

— Мои комнаты? Олимпия?

— Олимпия — это делегатская деревня. Разве вам не говорили?

— Вы сводник, Глопи? — Ланарк принялся за второй коктейль.

— Да. Один из лучших в нашем деле. В такие времена, как это, наши услуги идут нарасхват.

— Какие такие времена, Глопи?

— Вы что, не читаете глянцевого журнала? Не смотрите ток-шоу? Мы живем в эпоху крушения общественных ценностей. В век отчуждения, когда все разобщены. Старые мораль и нормы поведения отмирают, новые еще не пришли им на смену. В результате мужчины и женщины не могут поговорить о том, чего друг от друга хотят. В традиционном обществе, использующем язык цветов, как на Таити, девушка, к примеру, носит за ухом розовый гибискус, что означает: у меня есть хороший поклонник, но я не прочь занять и второго. И юношам все становится понятно, так? У европейской аристократии был другой, усложненный сексуальный язык: веера, табакерки, монокли. А в наши дни такого языка нет, и многие доходят до того, что публикуют объявления в газетах. Видели, конечно!

«Бухгалтер, сорок три года, обеспеченный, но лысеющий, хобби — астрономия, хочет познакомиться, чтобы завязать длительные отношения, с одноногой девушкой, привлекательной, не обязательно умной, согласной его шлепать». Это никуда не годится. Чересчур много места остается для случайностей. Обществу нужен я, разумный и достойный доверия посредник, с обширными связями и доступом к хорошему компьютеру группы «Тунк — Квидатив — Кортексин».

— Собственно гвя, Глоп, — робко начал Ланарк, — иной раз я бываю... бываю...

— Да?

— Бываю... в воображении... садистом.

— Да?

— Безобидным садистом. Т-только в воображении. И вот, что касается возможных извращенных шалостей, будет не лишним, если соответствующая дама, кроме прочих перечисленных требований, а они самые важные — заметьте, те другие, которые я перечислил, самые важные... так что же?

— Извращенные шалости.

— Хорошо. Я бы хотел, чтобы она не была в воображении мазхисткой, я ведь собираюсь ее в воображении не ублажать, а мучить.

— Да. Это бы все испортило.

— Так вот, мне требуется садистка, но слабее меня.

— Да, задача трудная, но проверну. Пошли.

Ведя за собой Ланарка, Глопи обрулил дюжину охранников из «Квантума — Кортексина», стоявших

снаружи у входа в галерею, и открыл дверь рядом с лифтами. Они вышли на мощеную тропу между лужайкой и деревьями, увешанными китайскими фонариками. Ланарк заметил:

— Я думал, Глоп, мы находимся очень высоко.

— Только изнутри. Стадион, знаете ли, построен в бассейне старого порта. Там внизу река, нудила.

Они миновали пристань, где плавно покачивались прогулочные катера, и приблизились к ровному зеркалу воды, с фонарями вдоль дальнего берега. Ланарк остановился и театральным жестом указал на растянутое отражение фонарей на темной водной поверхности.

— Глоп! — воскликнул он. — Стихи. Слушай. Представь себе, что это не фонари, а звезды, ладно? Дальше так. Гладь озера в сумерках как обнаженный клинок...

— Это река, нудила, и скоро рассвет.

— Непребивай. Ты не критик, Глоп, ты камергер, как Манро. Знаешь Манро, нет? Индивидум, который провожает человека из камеры в камеру. Слушай. Гладь озера в сумерках как обнаженный клинок, звезды как копья в твоей засели груди. Фарфор. Меня в свое время дразнили за солидность, Глоп. Скучный, солидный молчун — это обо мне. Но что таится в этой груди, Глоп? Хр-рупкий фарфор! — Ланарк стукнул себя кулаком в грудь. Не рассчитав силу удара, он закашлялся.

— Держись за меня, нудила, — предложил Глопи.

Ланарк оперся на него, и они двинулись к пешеходному мостику, однопролетному, белому и изящному, который вел к структуре из стеклянных кубов

и украшенных фонариками деревьев на противоположном берегу.

— Олимпия, — сказал Глопи.

— Мило. — В середине моста Ланарк снова остановился. — Ничего не попишешь, мне приспичило пописать.

Он проделал это в просвет между стойками ограждения и был разочарован, что струя мочи низверглась в реку на расстоянии всего лишь в два фута.

— Когда я был худющим мальчишкой, — крикнул он, — игравшим в бирюльки, я пускал арку футов в тринадцать! Теперь я седобородый старый хрыч с пивным животом и не могу переписать собственное отражение. Писать. Звучание и смысл похожи. Редкое слово.

— Полиция, — пробормотал Глопи.

— Нет, Глопи, ты не прав. Тут звучание расходится со смыслом. Слишком похоже на политес или лицо.

Глопи припустил по уклону моста к деревне. Достигнув берега, он на ходу повернул голову и прокричал:

— Все в порядке, господа полисмены! Просто извращенная шалость.

Ланарк увидел, что к нему направляются двое полицейских. Застегнув молнию на брюках, он поспешил за Глопи. Когда он приблизился к берегу, полисмены ступили на мост, преграждая ему дорогу. Они были в черных костюмах. Один протянул руку и глухим голосом произнес:

— Пройдемте.

— Не могу, вы мне загородили путь.

— Попрошу ваш паспорт.

— У меня его нет. А если есть, то он в портфеле, а портфель я где-то оставил. Разве мне нужен паспорт? Я делегат. Для меня здесь приготовлены комнаты, прошу, позвольте мне пройти.

— Назовите себя.

— Провост Ланарк из Большого Унтанка.

— Провоста Ланарка из Большого Унтанка не существует.

Ланарк заметил, что глаза и рот полицейского были закрыты, а голос исходил от аккуратно сложенного белого платка в нагрудном кармане. Глаза и рот его напарника, смотревшего на Ланарка, были широко открыты. Между зубов у него торчало металлическое кольцо с черным центром. Когда сзади раздался голос обычного полицейского, Ланарк испытал облегчение.

— Что здесь происходит?

— Провоста Ланарка из Большого Унтанка не существует, — повторил охранник.

— Существует! — огрызнулся Ланарк. — Знаю, в программе указан Сладден как делегат Унтанка, но это неправильно, в последнюю минуту произошла неожиданная замена. Делегат я!

— Предъявите удостоверение личности.

— Как я могу, не имея портфеля? Где Глопи? Он может за меня поручиться, он очень важный сводник, вы только что его пропустили. Или Уилкинс, пошлите за

Уилкинсом. Или Монбоддо! Да, спросите этого чертова лорда Монбоддо, он меня знает лучше всех.

Собственный голос казался ему резким и неубедительным. В кармане охранника словно бы звучала останавливающаяся пластинка: «Подлежащее проверке владение фальшивыми документами».

— Что, черт возьми, это значит?

— Это значит, Джимми, что будет лучше, если ты спокойненько пройдешь с нами.

Ощувив на плече ладонь полисмена, Ланарк слабо выговорил:

— Меня зовут Ланарк.

— Пусть это тебя не волнует, Джимми.

Охранник отступил. Полицейский толкнул Ланарка вперед, в сторону и вниз, на плавучую пристань.

— Вы собираетесь доставить меня в депутатскую деревню? — спросил Ланарк.

Толчками они загнали его на палубу катера, потом вниз, в кабину. Он спросил:

— А как насчет Настлера? Он ваш король, так ведь? Уж он-то меня знает.

Полицейские толкнули его на скамью и сами сели напротив. Ощувив, что катер поплыл. Ланарк вдруг страшно устал, и ему пришлось сосредоточиться на том, чтобы не упасть.

Потом он увидел доски еще одной плавучей пристани и мощеную дорожку, которая тянулась и тянулась, далее — две-три каменные ступеньки, половик и несколько плотно пригнанных одна к другой резиновых

плиток. Ему разрешили опереться на ровную поверхность. Кто-то спросил:

— Имя?

— Ланарк.

— Имя или фамилия?

— И то и другое.

— Вы хотите сказать, что вас зовут Ланарк Ланарк?

— Если вам угодно. То есть: да да да да да.

— Возраст?

— Непременный. То есть неопределенный. Пожилой. Кто-то вздохнул и спросил:

— Адрес?

— Собор Унтанка. Нет, Л-лимпия. Олимпия. Послышалось бормотание. Ланарк уловил слова «мост», «охрана» и «шесть пятьдесят». От этого он разом пробудился. Напротив, по ту сторону стойки, сидел седоусый полицейский сержант и писал в толстой книге. Комната была заставлена столами, две женщины-полицейских печатали на машинках, на стене висел в рамке очень большой черный номер: 6.94. Раздался щелчок, и номер изменился: 6.95. Ланарк сообразил, что в десятичных часах час состоит из ста минут, облизал губы и постарался говорить быстро и внятно.

— Сержант, это очень срочно! В моих комнатах в делегатской деревне сейчас, наверное, звонит телефон по очень важному делу; нельзя ли переключить звонок сюда? Это Уилкинс, секретарь Монбоддо. Простите, я напился и вел себя как идиот, но, если мне не удастся

сейчас с ним поговорить, с множеством людей может произойти настоящая беда!

Сержант окинул его недрогнувшим взглядом. Умоляюще протянув к нему руки, Ланарк заметил, что они грязные. Жилетка его была расстегнута, костюм измят. Комнату наполняла вонь, и Ланарк заметил с содроганием, что исходит она от бурого засохшего пятна у него на штанине. Он произнес:

— Знаю, вид у меня мерзкий, но политикам иногда изменяет мудрость! Пожалуйста! Прошу не за себя, а за народ, который я представляю. Соедините меня с Уилкинсом!

Сержант вздохнул. Вынув из-под стойки программу ассамблеи, он начал изучать последнюю страницу, заполненную мелкой печатью.

— Уилкинс — это фамилия или имя?

— Думаю, фамилия. Разве это имеет значение?

— Который? — спросил сержант и подтолкнул программу через стойку.

Список, озаглавленный «ПЕРСОНАЛ СОВЕТА», занимал десять страниц. На первых четырех Ланарку попались Уилкинс Стейпл-Стюарт, исполнительный секретарь по внутренним и внешним контактам, Пелей Уилкинс, исполняющий обязанности прокуратора по окружающей среде и занятости, и Уэндел К. Уилкинс, старший советник по передаче энергии населения.

— Послушайте! — воскликнул Ланарк, — Я буду обзванивать всех Уилкинсов в списке, пока не доберусь... нет! Нет, я позвоню Монбоддо и спрошу у него полное

имя; он-то знает, кто я такой, в отличие от его треклятых роботов. Жаль, час еще очень ранний, но...

Ланарк вновь заколебался, поскольку в голосе его снова появились неуверенные ноты и сержант медленно покачивал головой.

— Позвольте мне доказать, что я это я, — взмолился Ланарк. — Мой портфель остался в комнате Настлера на стадионе... нет, я отдал его Джой, Красной Девушке, дежурной в административной галерее; она по моей просьбе спрятала его под стойку бара мне он нужен там полно чрезвычайно важных документов пожалуйста это очень важно...

Сержант, записывая что-то в большую книгу, произнес:

— Ладно, парни.

Ощувив на своих плечах крепкие ладони, Ланарк завопит:

— Но в чем меня обвиняют? Я никому не делал плохого, не докучал, не оскорблял. В чем меня обвиняют?

— Вы писали, — сказал державший его полицейский.

— Все люди пишут!

— Я поручаю вас, — сержант продолжал что-то заносить в книгу, — Объединенным (Консолидированным) силам правопорядка; что вам требуется, так это долгий основательный отдых.

Когда Ланарка уводили, он поймал себя на том, что во весь рот зевает. От чужих рук на плечах ему, на удивление, сделалось уютно. Его ведь далеко не в

первый раз толкают вперед сильные люди, убежденные в его порочности? Ощущение это походило не столько на сон, сколько на детство.

Его отвели в узкую тесную комнатку, где вдоль стен стояли как будто койки, на которых громоздились сложенные одеяла. Он тут же забрался на самую лучшую и улегся, но полицейские засмеялись: «Нет, нет, Джимми!»

Ланарк спустился на пол, ему сунули в руки два одеяла и повели его в соседнюю комнату. Дверь за ним захлопнули и заперли. Закутавшись в одеяла, он прилег на помост в углу и заснул.

Теперь он не спал и был бесконечно несчастен. Он вскочил на ноги и заходил кругами по полу, выкрикивая:

— О! Какой же я был дрянью, идиотом, сволочью, идиотом, дебилем дебилем дебилем дебилем — идиотом из идиотов! И как раз тогда, когда вообразил себя значительным человеком — особым, блестящим, не чета другим! Как это случилось? Я собирался найти Уилкинса и поговорить с ним как разумные люди, но женщины стали добиваться, чтобы я почувствовал себя известным человеком. Они хотели меня погубить? Нет-нет, обращаясь со мной как с шишкой, они и сами чувствовали себя нерядовыми людьми, но все это время прошло без всякой пользы. Я напился, да, накачался «Белыми радугами», но в первую очередь был опьянен тщеславием; нет большего идиотизма, чем вообразить себя важной персоной. Собеседники пытались что-то до меня донести, но я все пропускал мимо ушей. На что намекал Кодак? Важное ископаемое сырье, специальные доклады, власти ни о чем не знают — похоже на гнусную аферу, но нужно было внимательно послушать. И...

Катализатор... почему я не спросил ее имя? Хотела меня предостеречь, а я решил, что она меня домогается. Да уж! Алчность и кретинизм. Забыть доклады! Потерять доклады, не успев их даже прочитать, позволить себя соблазнить кому-то, кого я даже не запомнил (правда, это было чудесно). И как получилось, что я ковырялся в той речушке вместе с Сэнди? Что это было, как не бесполезный кусочек счастья, данный, чтобы я сильнее ощутил свое падение? (Правда, это было замечательно.) Ох, Сэнди, что за папаша тебе достался? Бросил тебя на произвол судьбы и заделался, курам на смех, вонючим похотливым козлом!

Он замолк и уставился на нечто, чего прежде не замечал: рядом с помостом стояли три кружки холодного чая и три картонные тарелки с булочками, внутри которых виднелись холодные жареные сосиски. Ланарк схватил булочки и, умываясь слезами, проглотил их.

— Три кружки, три тарелки, три раза приносили еду; я проторчал здесь весь день, первый день ассамблеи прошел без меня... Когда меня выпустят? Меня прельстила фальшивая любовь, потому что я никогда не знал настоящей, даже с Римой. Почему? Я был ей верен не потому, что любил, а потому, что хотел любви; она права, что бросила меня, и заперли меня здесь правильно, я еще не такого заслуживаю... Но кто будет защищать интересы Унтанка?.. Кто поднимет голос против подержанного второразрядного творца, который считает, что для человечества нет лучшего финала, чем убогое, дурацкое бедствие? О, пусть бы земля разверзлась у меня под ногами!..

Заметив, что, бичуя себя, испытывает удовольствие, он вскочил на ноги и крепко приложился

головой к двери, но повторять это не стал: слишком было больно. Потом он обратил внимание на то, что кто-то еще кричит и колотится в дверь. На уровне глаз в двери имелась прорезь, похожая на щель для писем. Выглянув, он увидел напротив другую дверь, тоже с прорезью. Оттуда донесся голос:

— Джимми, у тебя есть сигареты?

— Я не курю. Не знаете ли, который час?

— Меня сюда привели в два часа ночи, но это было уже давно. За что тебя замели?

— Писал с моста.

— Полиция, — горько заметил собеседник, — это куча ублюдков. Поищи, может, есть сигаретка?

— Нет, я не курю. А тебя за что взяли?

— Отколошматил одного типа в подворотне и обозвал полицию кучей ублюдков. Слушай, они не имеют права так с нами обращаться. Давай стучать и требовать, чтобы дали сигарет.

— Я не курю. — Ланарк отвернулся.

Больше всего Ланарка теперь беспокоило, что он грязный. В унитаз внезапно хлынула вода, и Ланарк его осмотрел. По виду и запаху вода была чистой. Ланарк разделся, смочил краешек одеяла и старательно обтерся. Потом задрапировался в сухое одеяло, как в тогу, несколько раз прополоскал в унитазе белье и повесил его на ободок сушиться. Ногтями он отскреб со штанины корку рвоты и протер пятно мокрым одеялом. Вид мятой одежды был ему невыносим. Пить очень хотелось, но он смог осушить лишь одну кружку с холодным чаем. Разложив брюки на помосте, он начал с усилием,

маленькими кругами, разглаживать их при помощи донышка кружки. Занимался он этим долго, не получая заметного результата, но все равно делать больше было нечего. Дверь открылась, вошел полисмен с кружкой и картонной тарелкой с булочками.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Глажу брюки.

Полисмен собрал остальные кружки и тарелки. Ланарк спросил:

— Простите, не знаете ли, когда меня выпустят?

— Это зависит от мирового судьи.

— А когда я его увижу?

Полисмен вышел, хлопнув дверью. Ланарк ел булочки, пил горячий чай и думал: «На ассамблее уже пошел второй день работы». Он снова начал гладить. Когда он останавливался, на душе делалось так паршиво и безотрадно, что он кусал себе руки — спокойно, без надрыва, просто чтобы иметь предлог вскрикнуть. Ланч принес другой полисмен. Ланарк спросил:

— Когда я увижусь с мировым судьей?

— Суд будет заседать завтра утром.

— Не можете ли вы забрать мое белье и повесить где-нибудь, чтобы высохло?

Громко рассмеявшись, полисмен вышел. Ланарк поел, попил и стал ходить кругами, повесив на одну руку трусы, а на другую нижнюю рубашку. Он думал: «Наверное, на ассамблее сейчас обсуждается мировой порядок». В нем росла ненависть: к ассамблее, к полицейским, ко всем, кто не находился с ним в камере.

Он решил, когда окажется на свободе, непременно описать крыльцо полицейского участка, или разбить окно, или поджечь автомобиль. Он еще несколько раз кусал себе руки, потом взялся за глаженье брюк и сушку белья и занимался этим еще долго после вечернего чая и булочек. Он был слишком взволнован, чтобы лечь, и потому облачился в еще немного влажное белье, с помощью одеяла навел блеск на туфли и устроился ждать завтрака и судебного заседания. Он думал угрюмо: «Может, я еще успею на дебаты по загрязнению».

Проснулся он с головной болью, снова чувствуя себя грязным. Около помоста стояли три кружки холодного чая и три тарелки с булочками. Он подумал: «Моя жизнь движется по кругу. Неужели мне суждено вечно возвращаться в ту же точку?» Больше он не казался себе мерзавцем, только никому не нужным ничтожеством. Новый полицейский открыл дверь и сказал:

— На выход. Пошевеливайтесь. На выход.

Ланарк отозвался слабым голосом:

— Я бы побыл тут еще немного.

— На выход, давайте. У нас здесь не гостиница.

Его отвели в контору. За стойкой находился другой сержант, а перед ним стояла старая женщина в джинсах и меховой курточке. Личико у нее было остренькое и неприятное, жидкие, травленные перекисью волосы топорщились на макушке небрежным пучком, между прядями виднелась кожа. Женщина сказала:

— Привет, Ланарк.

Сержант вмешался:

- Благодарите эту леди: она внесла за вас залог.
- Почему его не вызвали утром в мировой суд?
- Суд перегружен делами.
- Мне так не показалось. Пойдем, Ланарк.

Голос у нее был резкий, скрипучий. Ланарк последовал за нею на крыльцо полицейского участка, где ему пришлось зажмуриться: янтарное вечернее солнце ярко искрилось в реке за оживленным шоссе. Остановившись, он сказал:

— Простите, я не знаю, кто вы.

Женщина стянула с себя меховую перчатку и странным беспомощным жестом протянула ему руку, ладонью вверх. Одна из линий, очень глубокая, напоминала шрам.

— Гэй! — воскликнул Ланарк с бесконечной печалью: при их последней встрече она была хоть и больной, однако же молодой и привлекательной.

Тряхнув головой, он взгляделся в ее худое старое лицо и понял, что она испытывает те же чувства по отношению к нему. Гэй натянула перчатку и взяла Ланарка под руку.

— Пойдем, старина, — сказала она спокойно. — Мы можем лучше провести время, чем стоять здесь и горевать, что постарели. Вот там моя машина.

Пока они шли к машине, Гэй внезапно возмутилась:

— Дело нечистое! Все знали, что ты исчез два дня назад; все перемалывали слухи, но никто не почесался что-нибудь сделать. Дважды в день я обзванивала все полицейские участки в Прованском регионе, но никто

якобы о тебе слыхом не слыхивал, и только час назад в прибрежном участке признались, что один из их арестантов, быть может, и есть ты. Час назад! Когда зачитаны все доклады подкомитетов, прошло голосование и с улыбкой сделаны все заявления для прессы. Ты не знал, что я журналистка? Пишу для одного из этих злобных листков, какие, по мнению порядочных людей, следовало бы запретить; из тех, что публикуют гадкие истории о богатых, знаменитых, уважаемых гражданах.

Гэй открыла дверцу автомобиля. Ланарк уселся рядом, и она включила зажигание.

— Куда мы едем?

— На банкет. Успеем к заключительным речам.

— Я не хочу на банкет. Не хочу видеть других делегатов, не хочу, чтобы они хоть слово обо мне услышали.

— Ты деморализован. Это пройдет. Моя дочь — маленькая примороженная пигмейка. Если бы она лучше за тобой смотрела, этого бы не случилось. Как ты думаешь, кто это устроил?

— Я никого не виню, кроме себя.

Гэй почти весело рассмеялась:

— Отличная причина, чтобы позволить ублюдкам плясать на твоих костях... Ты в самом деле не догадываешься, кто заманил тебя в ловушку?

— Глопи?

— Сладден.

Ланарк поднял глаза. Гэй, нахмурившись, продолжала:

— Вероятно, Монбоддо тоже приложил руку — хотя нет, не думаю. Большой шеф предпочитает не знать некоторые подробности. Скорее Уилкинс или Уимз, но только им со Сладденом в хитрости не тягаться. Вместо того чтобы расчленить Унтанк для совета, мой чертов экс-муженек выдал его «Кортексину» от носа до хвоста.

— Сладден?

— Сладден, Гау и все прочие забавники. Кроме Гранта. Грант возражал. Он мог бы что-нибудь организовать.

— Не понимаю тебя, — тоскливо проговорил Ланарк. — Сладден послал меня сюда, чтобы я выступил против уничтожения Унтанка. Он будет уничтожен?

— Да, но не так, как планировалось сначала. Совет и группы существа собирались использовать его как дешевый ресурс человеческой энергии, но теперь они от этого воздержатся, пока не высосут до конца лакомые соки, обнаруженные твоей приятельницей миссис Штцнгрм.

— А как же загрязнения?

— «Кортексин» с ними разберется. По крайней мере на время.

— Так Унтанк в безопасности?

— Конечно, нет. Куски Унтанка вновь сделались ценной собственностью, но только для немногих людей и на короткое время. Сладден продал ваши ресурсы организации, имеющей корни по всему миру, — ею руководит некая клика во имя интересов еще одной

клики. Это не назовешь безопасностью. Почему, думаешь, тебя послали делегатом?

— Сладден сказал, что я лучше всех для этого подхожу.

— Ха! Ты ни уха ни рыла не смыслишь в политике. Не знаешь даже, что означает слово «лоббировать». Сладден назначил делегатом тебя, потому что ты лучше всех, с полной гарантией, должен был провалить дело. И пока вокруг тебя бушевали страсти и плелись заговоры, пока принимались резолюции о мировом порядке, энергии, загрязнениях, Сладден и «Кортексин» делали с Унтанком как раз то, что задумали. Ты, Ланарк, звезд с неба не хватаешь.

— С недавнего времени я начал это замечать, — чуть помедлив, подтвердил Ланарк.

— Прости, старина, ты в этом не виноват. Как бы то ни было, мое дело — тебя разозлить.

— Зачем?

— Хочу, чтобы ты поднял бучу на банкете.

— Зачем? Я не стану, но зачем тебе это нужно?

— Потому что это была самая гладенькая, благовоспитанная, послушная ассамблея в истории. Делегаты обходились друг с другом так бережно, как с неразорвавшимися бомбами. Все грязные сделки и корыстные затеи разрабатывались в секретных комитетах, без посторонних глаз, без жалоб, без гласности. Нам нужен кто-нибудь, кто бы высказал этим ублюдкам правду в лицо.

— О том же просил меня и Сладден.

— У него свои причины, у меня — свои.

— Да. Он политик, ты журналистка, и оба вы мне не нравитесь. Мне не нравится никто, кроме моего сына, и я боюсь, что больше его не увижу. Поэтому мне на все плевать.

Автомобиль двигался по тихой улице. Внезапно Гэй остановила его у огромной кирпичной стены и обняла руль. Она сказала спокойно:

— Это ужасно. Во времена старой «Элиты» ты был человеком по-своему независимым, с определившимися взглядами. Я немножко перед тобой робела. Завидовала тебе. Я тогда была слабой и робкой, только и умела, что повторять слова того, кто ни в грош меня не ставил. Теперь я потеряла красоту, но нажила толику ума и уверенности в себе, а ты скис, из тебя можно вить веревки. Работа Рима?

— Пожалуйста, не говори так.

Гэй вздохнула:

— Куда мы отправимся?

— Не знаю.

— Ты мой пассажир. Куда тебя везти?

— Никуда.

— Ну ладно. — Гэй потянулась к заднему сиденью. — Вот твой портфель. Его где-то нашла моя дочь. Там ничего нет, кроме научного словаря и вот этого паспорта с твоим именем. — Она сунула Ланарку в нагрудный карман длинную пластмассовую полоску. — Выходи.

Он вышел и остановился на обочине, пытаясь утешиться тем, что вновь осязает привычную гладкую ручку портфеля. Он ожидал, что машина отъедет, но Гэй тоже вышла. Она взяла его под руку и повела к двойной двери — единственной отверстию, нарушавшему однообразие стены. «Что это за место?» — спросил Ланарк, но Гэй, тихонько что-то мурлыкая про себя, нажала кнопку колокольчика. Внезапно обе створки открылись внутрь, и Ланарк с испугом увидел двух не открывавших рта охранников. Они заговорили одновременно резкими голосами, источник которых находился на груди рубашки:

— Паспорт, пожалуйста.

— Видите, он в карманчике, — объявила Гэй.

— Назовите себя.

— Он делегат Унтанка, немного опоздавший, а я от прессы.

— Делегат может войти. Пресса не допускается без красной карточки. Пресса не допускается без красной карточки. Делегат может войти.

Охранники расступились, оставляя в середине узкий проход. Гэй сказала:

— Ладно, до свидания, Ланарк. Жаль, не смогу тебя поддержать в нужный момент. Но если сумеешь сымпровизировать что-нибудь стоящее, старина, я, конечно же, об этом услышу.

Она отвернулась и пошла прочь.

— Делегат может войти. Или нет, — забубнил охранник. — Делегат может войти. Или нет. Прошу подтверждения намерений продвижением или

отступлением. Запрашиваю подтверждения намерений. Требую подтверждения намерений. Категорически требую подтверждения намерений.

Ланарк стоял неподвижно и размышлял.

— Подумайте как следует! — продолжал охранник. — При отсутствии подтверждения намерений делегат понижается в статусе вплоть до недопущения. Подумайте как следует! При отс под нам дел пон в стат впло до недо подум, вплодоне доподум, вплодоне доподум.

Больше идти было некуда, и Ланарк, содрогнувшись, шагнул в узкий проход между охранниками.

Глава 43 Объяснение

Под высокой крышей, которую поддерживали железные балки, лежал бетонный пол, в пыли и пятнах голубинового помета. От двери вела голубая ковровая дорожка, дальний конец которой терялся в тени. Ланарк шагал по ней, пока не наткнулся на такую же дорожку, под прямым углом с первой. Он обогнул небольшой фонтанчик, где булькала вода, падавшая в стеклянную чашу, и тут до него донесся гул голосов. Перед дверью в круглую палатку стояла дюжина охранников. Ланарк двинулся вперед, протягивая паспорт и громко возвещая: «Делегат Унтанка!»

В толпе мужчин в черном появилась девушка в красной рубашке и джинсах, с недовольной гримасой на лице.

— Вот уж не ожидала увидеть здесь вас, Ланарк. Я хочу сказать, все уже кончилось. Даже еда.

Это была Либби. Ланарк пробормотал, что явился ради речей.

— Зачем? Это скука смертная, а у вас такой вид, словно вы неделю не умывались. Чего ради вам слушать речи?

Он ответил долгим взглядом. Либби вздохнула:

— Входите, но придется поторопиться.

Вслед за Либби Ланарк прошел в дверь. Шум здесь стоял такой, что хотелось заткнуть уши. Либби вела его по проходу между внутренней стеной палатки и рядом официантов, выносивших подносы с пустыми тарелками.

Он скользил взглядом по спинам гостей, сидевших за круглым столом. Указав на пустой стул, Либби сказала:

— Это был ваш.

Ланарк тихохонько уселся. Ближайший сосед вылупился на него и со словами «Боже мой, привидение!» захихикал. Это был Один.

— Как же я рад вас видеть, — проговорил Повис, другой его сосед. — Что случилось? Мы ужасно из-за вас переволновались.

Круглое белое кольцо стола занимало большую часть палатки. Перед каждым стулом стояли бокал и табличка с именем и титулом гостя, надписью наружу. Внутри кольца сновали с бутылками Красные Девушки, наполняя бокалы. Ланарк рассказал о своих приключениях.

— Хорошо еще, что этим обошлось, — заметил Повис — Кое-кто нашептывал, будто вас то ли застрелила, то ли увела куда-то охрана. Мы-то, конечно, этому не поверили. Иначе бы стали жаловаться.

— Эти слухи сослужили ассамблее хорошую службу, — весело вставил Один. — Во время больших дебатов по энергетике трусливые горлопаны сидели как воды в рот набрав. Чертовы идиоты!

— Знаете, — вздохнул Повис, — не стану отрицать, я и сам порядком перепугался. Эти охранники — жуткие субъекты, и никто не знает, какие им даны указания. Да, в последние несколько дней все дела улаживались легко как никогда, так что ваша моча не пропала даром. Правда, загрязнять их реку было поступком опрометчивым. Они в ней души не чают.

Вдоль стола прошла, наполняя бокалы, Сольвейг. В надежде, что она его не заметит, Ланарк уставился в скатерть. Раздался звук, похожий на мягкое покашливание гиганта, затем голос, прошедший через высококачественный усилитель, произнес:

— Леди и джентльмены, вам будет приятно услышать, что после трехдневного отсутствия к нам возвратился один из наиболее популярных делегатов. Остроумный, почтенный, не всегда блюдуший трезвость лорд провост Ланарк из Большого Унтанка занял наконец свое место.

У Ланарка отвалилась челюсть. В наступившей мертвой тишине, чудилось ему, нарастал мощный гул голосов. Его пронзало и давило множество взглядов: насмешливых, тяжелых, презрительных, любопытных — в этом он не сомневался.

— Налейте ему выпить! — раздался чей-то вопль.

Он всхлипнул и уронил голову на скатерть. Гул поднялся вновь, но на сей раз обмен репликами преобладал над смехом. Ланарк услышал шепот Одина: «Это было уже лишнее» и Повиса: «Не нужно им было сыпать соль на раны».

Снова кашлянув, голос произнес:

— Милорды, леди и джентльмены, прошу тишины. Слово предоставляется сэру Тревору Уимзу, рыцарю Золотой Улитки, члену Тайного совета Далриады, президенту Большого Прованского Бассейна и Конфедерации Внешнего Эrsa.

Раздались аплодисменты, затем Ланарк услышал голос Уимза.

— Я нахожусь в странном положении. Слева от меня сидит двадцать девятый лорд Монбоддо. В свое время он занимался многообразной деятельностью: был музыкантом, целителем, специалистом по драконам, противником децимальных часов, *enfant terrible*^[15] старого проекта экспансии, *stupor mundi*^[16] института и дебатов в совете. Я знал его во всех этих ролях и каждый раз оказывался его оппонентом. Безрассудный, неистовый, буйный интеллектуал — вот как я отзывался о нем в те дни. Всем памяты печальные обстоятельства, сопровождавшие отставку его предшественника. Не стану говорить о том, что я подумал, услышав имя нового Монбоддо. Если бы я высказался слишком откровенно, наша превосходная охрана от «Квантума — Кортексина» была бы обязана, по распоряжению Особых властей (Консолидации), увести меня и запереть на очень долгое время в очень тесной камере. Собственно, я пришел в ужас. Когда мы, представители исполнительной власти Прована, вообразили себе, как будем устраивать Генеральную Ассамблею под председательством ужасного Озенфанта, нас охватило глубокое уныние. Но что же получилось? — После паузы Уимз продолжил с горячностью: — Леди и джентльмены, плавное течение нынешней ассамблеи, последовательность ее хода, пронизательность высказанных идей не имеют себе равных! Причин этому немало, но уверен, что будущие историки припишут этот успех главным образом такту, терпимости и уму моего соседа слева. И пусть он не качает головой! Если он бунтарь, то побольше бы нам таких бунтарей. В самом деле, я проголосовал бы даже за революцию, если во главе ее встанет двадцать девятый лорд Монбоддо! Раздалось несколько громких смешков.

Мало-помалу Ланарк выпрямил спину. В центре круга было пусто. Далеко справа стоял Уимз, а рядом с ним — лорд и леди Монбоддо. Перед ним на скатерти находилась низенькая подставка с розами, среди которых торчали микрофоны. У всех гостей по эту сторону круга был бело-розовый цвет лица. По ту сторону сидели гости желто- или коричневолицые, а прямо напротив Монбоддо — пять членов черной группировки. Несколько смуглых делегатов, не слушая речи, тихо переговаривались. Уимз говорил:

— ...Будет, боюсь, недоступно моему пониманию, а с тем, что я пойму, мне, вероятно, будет трудно согласиться. Но, поскольку за эти три дня он чего только от нас не наслышался, справедливость требует, чтобы ему тоже было дано слово. Итак, лорд Монбоддо, прошу вас охарактеризовать вкратце работу совета. Тогдашнюю, Теперешнюю и Будущую.

Под аплодисменты Уимз сел. Монбоддо, с полузакрытыми глазами, улыбался в стол. Поднявшись на ноги, он оперся одной рукой о стол, другую спрятал в карман и склонил с улыбкой чуть набок голову. Выждал, пока стихнут аплодисменты, перешептывания, кашель и шарканье ног. В наступившей тишине его фигура, в позе небрежной, но неподвижной, приобретала все большую мощь и величие, и большой круг гостей сделался похож на ряд резных статуй. Ланарк поразился тому, как тихо ведет себя такое обширное собрание. Тишина давила, словно хрустальный пузырь, заполнивший верхнюю часть палатки и упершийся ему в макушку; Ланарк мог бы в любой миг разрядить атмосферу, просто-напросто выкрикнув ругательство, но он прикусил себе губу, чтобы удержаться. Монбоддо заговорил:

Многие засмеялись, и громче всех Уимз.

— Ерунда! — жизнерадостно выкрикнул Уимз.

— Чушь собачья, Монбоддо! Сам знаешь! — выкрикнул кто-то из сидевших по ту сторону круга от Ланарка.

В рядах чернокожих делегатов раздался смех. Ухмыльнувшись в их сторону, Монбоддо продолжал:

— Слушайте, слушайте! — внезапно выкрикнул Уимз; там и сям прозвучали аплодисменты.

— Черт его дери, — пробормотал Один. — Разглагольствует уже десять минут и только сейчас дошел до сути.

— А меня эти долгие туманные речи успокаивают, — заметил Повис — Словно бы снова оказался в школе.

— Набирает скорость, — прошептал Повис — Десятком фраз покрыл дюжину цивилизаций.

— Бледные и бело-розовые братья, — задумчиво пробормотал Один. — Бледные и бело-розовые.

— Не думаю, что черные и коричневые испытали особенный восторг, — вставил Повис — Вы как, Ланарк?

Сильный спокойный голос Монбоддо гудел с одуряющей монотонностью ветра.

Монбоддо взглянул на Уимза, который встал и произнес торжественно:

— Несомненно, сейчас самое время вспомнить мертвых. Едва ли найдется страна, где в нашем веке люди не умирали бы за дело, которое считали справедливым. Предлагаю всем делегатам присоединиться ко мне и почтить двухминутным молчанием память друзей, родных и соотечественников, пострадавших ради того, чтобы мы стали такими, какие мы есть.

— Мерзкий фарс, — пробормотал Один, подталкивая Ланарка под локоть, чтобы он встал.

— Скоро это кончится, — шепнул Повис, подхватывая Ланарка с другой стороны.

Весь большой круг постепенно поднялся на ноги, исключая черную группировку, которая упрямо осталась сидеть. Ненадолго воцарилась тишина, потом снаружи

прозвучала отдаленная труба и все, перешептываясь, сели.

— В чем смысл этой речи? — проговорил Один. — Для приверженцев Всеобщего Процветания она слишком марксистская, а для марксистов чересчур благостная.

— Старается всем угодить, — буркнул Повис.

— Для этого требуются расплывчатые банальности. Он под стать всей этой немчуре: умничает себе во вред.

— Я думал, он из Лангедока, — заметил Повис.

Уимз вновь захлопал в ладоши, но Монбоддо, перекрикивая аплодисменты, продолжал страстную речь.

Речь Монбоддо загипнотизировала Ланарка. Он слушал с открытым ртом, кивая в паузах. Фразы, которые удавалось понять, говорили как будто о том, что все неизбежно, а потому правильно. Однако в теле ощущалось все большее неудобство; голова гудела; когда же Монбоддо заговорил о «высокой новой площадке, плавающей в космосе», Ланарку послышался другой голос, который рявкнул с недоверием: «Этот человек спятил!»

И все же он вздрогнул, когда обнаружил, что встает и во все горло выкрикивает; «ПРОПРОПРОПРОПРОПРО!» Повис с Одним схватили его за запястья, но он высвободился и взревел:

— ПРОСТИТЕ, ПРОСТИТЕ, но лорд Монбоддо лгал, утверждая, будто все делегаты пришли к соглашению после открытых, честных дебатов! Или же повторяет чью-то ложь.

Наступила тишина. Ланарк видел устремленный на него ничего не выражавший взгляд Монбоддо. Уимз, поднявшись на ноги, спокойно произнес:

— Как хозяин на этом собрании извиняюсь перед лордом Монбоддо и другими делегатами за... за истерическую вспышку провоста Ланарка. Он известен неумением владеть собой в цивилизованном обществе. Требую, кроме того, чтобы провост Ланарк взял свои слова обратно.

— Мне жаль, что я их произнес, но лорд Монбоддо намеренно или по незнанию сказал нам неправду. Я мочился с моста, но меня не имели права запирать, не дав защитить интересы Унтанка! Разрушение Унтанка идет негласно, мы теряем рабочие места и дома, мы начали ненавидеть друг друга, опасность грозит меровикникской неоднородности...

Его оглушил смех вперемешку с разноголосым гамом. От ряда стоявших за Уимзом мужчин в черном отделились двое и двинулись к нему. Ноги у него задрожали, пришлось сесть. Слева слышались выкрики, призывавшие к молчанию. Наступила тишина. Мултан из Эфиопии, встав, улыбнулся Монбоддо, и тот кивнул:

— Пожалуйста, говорите.

Оглядев стол, Мултан произнес:

— Делегат от Унтанка утверждает, что на этой ассамблее не было свободных и открытых дебатов. Для черной группировки это не новость. А для остальных? — Хмыкнув, он пожал плечами. — Каждому известно: всем этим шоу заправляют три-четыре больших мальчика. Но остальные не жалуются, чего ради? Что проку от слов? Вот когда мы организуемся в большую компанию, наши жалобы будут услышаны. Так что этот Ланарк выступил глупее некуда. Но говорит он правду. А мы, по эту сторону стола, наблюдаем, что произойдет. И смеемся: нам ведь нет дела до того, как вы друг с другом цапаетесь. Но присматриваемся все же внимательно.

Он сел. Монбоддо со вздохом почесал голову. Наконец он произнес:

— Прежде я отвечу делегату от Эфиопии. С поразительной скромностью он признался, что он и его друзья не готовы еще участвовать в работе совета, но не исключают этого в будущем, когда появится возможность. Очень хорошая новость; пусть этот день наступит скорее. Случай с делегатом от Унтанка не столь ясен. Как я понял, полиция задержала его при обстоятельствах, когда о его высоком ранге невозможно было догадаться. Он пропустил наши дебаты, но что я могу сделать? Через один десятичный час я покидаю Прован. Могу предложить делегату от Унтанка коротко побеседовать с ним лично. Обещаю: все, что он скажет, будет внесено в протокол ассамблеи, для всеобщего ознакомления. Больше ничего предложить не могу. Этого достаточно?

Ланарк почувствовал на себе взгляды собравшихся и захотел вновь спрятать лицо. Оглянувшись, вздрогнул

при виде двоих в черном. Один из них наклонил голову и подмигнул. Это был Уилкинс. Монбоддо громко добавил:

— Если вы желаете побеседовать, мои секретари отведут вас в подходящее место. Если нет, вопрос следует закрыть. Отвечайте, пожалуйста, времени у нас немного.

Ланарк кивнул. Встал и, чувствуя себя старым и побежденным, вышел из палатки. Справа и слева его сопровождали секретари.

Глава 44 Конец

Пока они пересекали обширное, плохо освещенное помещение, Уилкинс весело произнес:

— Ну и потеха, здорово вы потрясли за жабры старину М.

Второй секретарь заметил:

— Эти интеллектуалы быстро выдыхаются.

— Ланарк известен уже долгое, долгое время. Думаю, он заслужил фамилию из трех слогов — как по-твоему?

— Безусловно. Двухсложная фамилия — это тоже неплохо, я вот зовусь Аксбридж, но Ланарк заслуживает чего-нибудь более сладкозвучного. Блэрдарди, к примеру.

— Рутерглен, Гарскаден, — подхватил Уилкинс.

— Гарганнок, Гарманнок, Оченшаггли.

— Оченшаггли из четырех слогов, — поправил Уилкинс.

Они прошли через узкую дверцу, взобрались по грязной лестнице, пересекли тесное конторское помещение и попали в другое, чуть больше. Освещалось оно неоновой трубкой, стены были заставлены шкафами для документов, которые кое-где громоздились один на другом. В углу стоял металлический рабочий стол. Ланарк не особенно удивился, увидев за ним Монбоддо, терпеливо сцепившего руки на жилетке над животом.

— Билокация, — пояснил он. — Если бы я не раздваивался, ничего бы не успевал. Садитесь.

Уилкинс придвинул к столу деревянный стул с прямой спинкой, и Ланарк сел.

— Уилкинс, Аксбридж, на выход. За нами будет записывать мисс Оно, — распорядился Монбоддо.

В промежутке между двумя шкафами Ланарк заметил девицу, в точности похожую на мисс Мейхин. Уилкинс с Аксбриджем вышли. Монбоддо со стулом откинулся назад и, вздохнув, устремил взгляд в потолок.

— Наконец-то происходит встреча Рядового Человека с Сильным Мира Сего. Разве что вы не совсем рядовой человек, а я не совсем сильный. Мы ничего не можем изменить — вы и я. И все же говорите. Говорите.

— Я здесь, чтобы защищать интересы народа Унтанка.

— Да. Вы желаете сказать, что им не хватает рабочих мест, домов, социальных служб, и потому среди них множатся тупость, жестокость, болезни и преступления. Знаю. Таких мест в мире немало, а вскоре станет еще больше. Власти мало что способны изменить.

— Однако властям под силу запускать в космос крупные объекты!

— Да. Это приносит выгоду.

— Кому? Почему не использовать богатство, чтобы помочь людям здесь и сейчас?

— Это возможно, однако, помогая людям, мы берем у них больше, чем даем. Увеличивая оазис, мы одновременно увеличиваем и пустыню. Это наука о времени и хозяйстве. Кое-кто называет ее экономикой.

— Вы хотите сказать, что людям не хватает порядочности и умения быть добрыми друг к другу?

— Во все нет! И порядочность, и доброта у людей всегда имелись. В маленьких изолированных сообществах они даже были нормой жизни. Но, как ни печально, человеческая натура такова, что большие группы можно организовать только с целью противостояния.

— Вы лжец! — воскликнул Ланарк. — Нет у нас никакой природы. Страна не строится инстинктами, как улей, из человеческих кирпичиков; страна — это произведение искусства, подобно кораблю, ковру или саду. Формы ее могут быть самыми разными. Бесконечное повторение бездарной старой формы, с бедностью и войной, объясняется не порочной природой человека, а дурными привычками. Алчные люди, всем этим пользующиеся, ссылаются на особенности человеческой природы.

— Ваш поток красноречия приятен для слуха, — Озенфант едва заметно зевнул, — но несколько не способен повлиять на человеческое поведение. Кстати, с вашей стороны было не слишком умно передать слово Мултану. Он не враг совета, а его слабый член, строящий заговоры, чтобы набраться силы. Если ему это удастся, перед ним встанет та же цель, что передо мной: избегать всяческих неприятностей. Единственными его врагами станут такие люди, как вы, — наивные младенцы.

— Я не младенец.

— Младенец. Глухота к разумным доводам, пренебрежение приличиями и достоинством, беспредельный инстинктивный эгоизм, укоренившийся настолько, что вы его даже не замечаете, — все это

делает вас самым близким подобием взрослого дитяти, какие мне до сих пор встречались. Теперь, чтобы поквитаться, можете обругать меня как угодно. Никто не узнает. Мисс Оно не слышит ничего, что не относится к делам совета.

Ланарк заявил холодно:

— Вы добиваетесь, чтобы я вышел из себя.

— Правда, — кивнул Монбоддо. — Но только чтобы положить конец этому бесполезному спору. Заблуждение, в которое вы впали, — старейшее в политике. Вы вообразили, будто стоит поговорить с руководителем — и мир изменится. Но руководитель является следствием перемен, а не их причиной. Я не могу даровать процветание людям, от которых нет проку моим богатым покровителям.

Ланарк оперся руками о колени и погрузил лицо в ладони. Потом сказал:

— Судьба большинства людей меня не заботит. Все мы, кто старше восемнадцати, подверглись порче и заслуживаем того, что с нами происходит. Но если ваша философия ведет к тому, что цивилизация не может существовать иначе как повреждая умы и сердца детей, тогда... и философия ваша, и цивилизация — ложные и разрушат сами себя.

— Возможно, — зевнул Монбоддо, — но, думаю, если постараемся, на наш век их хватит. Что вы записали, мисс Оно? Расскажите, пожалуйста.

Секретарша раздвинула губы, и оттуда полилась монотонная речь:

Рот мисс Оно со щелчком закрылся. Монбоддо хлопнул себя по лбу:

— Криптонит! Совсем забыл о месторождении криптонита. Вставьте его в протокол, мисс Оно, это позволит нам завершить его на оптимистической ноте.

Мисс Оно снова открыла рот:

Председатель Монбоддо высказал мнение, что трудности в этом спектре не приведут к таким катастрофическим социальным последствиям, каких опасается провост Ланарк, поскольку разработка «Кортексином» минеральных запасов Унтанка сулит процветание всем его жителям.

Встав и заломив руки, Ланарк вскричал:

— Я пустое место! Зачем только меня сюда понесло; никому от этого не было проку: ни Сэнди, ни Риме и никому другому. Мне нужно домой.

— Домой? — Монбоддо поднял брови.

— В Унтанк. Там плохо, но, по крайней мере, беды лежат на поверхности, а не прикрыты позолотой лжи, как здесь.

— Вы суровы. Но я вам помогу. Откройте запасной выход, мисс Оно.

Перед столом лежал серый шерстяной коврик. Мисс Оно опустилась на колени и сдвинула его в сторону, обнажив серую стальную плиту, утопленную в линолеуме. Сунув большой и указательный пальцы в отверстие в центре плиты, она легко ее подняла, при том

что в диаметре плита была добрых два фута, а толщиной четыре дюйма.

— Путь домой, — пояснил Монбоддо. — Загляните. Узнаете внутренность знакомого летательного аппарата.

Он встал и, засунув руки в карманы, прислонился к краю стола. Ланарк согнулся и долго вглядывался в круглую дыру. Внутри была полость, устланная голубым шелком. Монбоддо сказал:

— Вы мне не доверяете. Но полезете внутрь, так как вы слишком бесшабашны, чтобы медлить. Я угадал?

— Нет, — вздохнул Ланарк. — Я полезу внутрь, так как слишком устал, чтобы тянуть резину.

Он ступил в полость, сел и вытянул ноги. Внутренность аппарата удлинилась и сузилась, приспособляясь к нему. Ланарк лег и уставился на кремовый круг потолка, обрамленный чернотой. «Bon voyage»^[17], — раздался шепот Монбоддо, и на круг потолка стала напоззать круглая черная тень, в конце концов затмившая его с негромким лязгом. Полость, куда улегся Ланарк, начала падать.

Долгое стремительное пикирование завершилось вибрирующим толчком. За ним последовало новое падение. Сдавленно вскрикнув, он понял, что вновь спускается по гигантскому пищеводу. Крохотный офис, большой круглый стол, Прован, Большой Унтанк, Александр, собор, Рима, Зона, кулуары совета, институт были крохотной передышкой от ужаса бесконечного падения. Монбоддо заманил его обратно в пищевод. Ланарк вскрикнул от ненависти. Описался от страха. Стал извиваться, высунул голову наружу, в летящий молочный туман. Он нырял на машине-птице. Страх изменился.

Ланарк был мозгом этой птицы, старой, не совсем исправной птицы. Каждый порыв ветра вырывал у птицы перья, нужные для приземления, а земля была далеко внизу. Он продолжал падать, насколько хватало смелости, потом перешел на полет, с каждым хлопком истончая свои крылья, от которых отлетало, подобно дротику, перо за пером. Оголенные грудь и бока мерзли во время падения. Туман редел, воздух чернел, внизу лежала черная карта города, где улицы были намечены светящимися точками. Части этой карты пылали. Большой красный цветок из пламени потянул его к себе, вниз. Ланарк увидел стеклянную башню в огне, площадь со статуями, какие-то механизмы, кипящее море голов; услышал грохот и рев сирен; попытался выровнять полет и рухнул боком, ломая крылья, через искры, жар и удушливый дым; навстречу ему качнулась большая туманная колонна, промазала и замахнулась вновь, как молоток, и на этот раз его сбила.

Пробудился он в постели, тело под бинтами саднило, из руки торчала трубка. Он лежал, то и дело задремывая, и ни о чем не думал. Ему показалось, что он вернулся в институт, но в палате были окна, где виднелась темнота, и кровати стояли в каком-нибудь футе одна от другой. Все пациенты были глубокие старики. Те, кто был на ногах, убирали палату и ухаживали за остальными, потому что немногочисленный персонал со всеми обязанностями не справлялся. Ланарка удивило странное устройство освещения. Круглые стеклянные абажуры висели на тонких прутках, параллельных друг другу, но скошенных к углу помещения. Когда медсестра отсоединила от его руки трубку и сменила повязку, он спросил:

- Что, больницу перекосило?
- Ага, наконец-то вы заговорили.
- Больницу перекосило?
- Это были бы еще шуточки.

Еда состояла преимущественно из бобов, и это ему нравилось, только он никак не мог вспомнить почему. Доктор был тороплив, худ, небрит, одет в грязный халат. Он спросил:

- У вас есть друзья, папаша?
- Прежде были.
- Как их найти?
- Они проводили время в соборе и около.
- Так вы принадлежите к компании Смоллета?
- Я был знаком с Ритчи-Смоллетом, да. А также со Сладденом.

— Об этом лучше помалкивать, Сладдена теперь совсем не жалуют. Но мы узнаем, сможет ли Смоллет вас забрать. Отсюда придется всех эвакуировать, ожидается новый толчок. Как ваша фамилия?

- Ланарк.
- Обычная в этих местах. Был когда-то провост Ланарк. Ничего хорошего не сделал.

Ланарк заснул и проснулся от крика. Его заливал липкий пот. В палате было очень жарко и почти пусто; лишь на одной кровати, в дальнем углу, сидела старая женщина и плача приговаривала: «Они не могут оставить нас здесь, где же справедливость!» Вошел какой-то военный, осторожно огляделся, избегая смотреть на

старуху, и через лабиринт пустых кроватей пробрался к Ланарку. Он был высокий, с угрюмым красивым лицом, слегка мальчишеским; оружия при нем как будто не имелось. Знаков различия не было, за исключением значка на берете: рука с глазом в ладони. Он остановился, глядя на Ланарка, сел на краешек постели, чуть помедлил и наконец произнес:

— Привет, папа.

— Сэнди? — прошептал Ланарк, улыбнулся и тронул сына за рукав. Он был очень счастлив.

— Нам нужно отсюда выбираться, — сказал военный. — Фундамент дал трещину.

Он открыл прикроватный шкафчик, вынул оттуда брюки, куртку и ботинки и помог Ланарку одеться.

— Зря ты не держал с нами связь.

— Я не знал как.

— Написал бы или позвонил.

— Времени вроде бы не было. И все же, Сэнди, я не сделал ничего хорошего. Ничего не изменил.

— А как же. Мир меняют к лучшему люди, которые заняты обычной работой и не дают себя запугать. Никто не уговорит хозяев делиться с производителями, если сами производители не пошевелятся.

— Я никогда не разбирался в политике. Как ты живешь, Сэнди?

— Собираю информацию для перегонщиков и ремонтников.

— Что это за работа?

— Нам нужно спешить, папа. Ты можешь встать?

Ланарк встал, хотя колени у него тряслись. Старуха на кровати в углу заняла:

— Сынок, не поможешь ли ты и мне, а, сынок?

— Ждите здесь! Помощь идет! — яростно рявкнул Александр.

Он закинул правую руку Ланарка себе на плечо, обхватил его за талию и, ругаясь сквозь зубы, поволок к двери. Им пришлось взбираться по уклону. Крики и вопли становились все громче.

Александр, остановившись, сказал:

— Послушай, ты всегда был по-своему сентиментальным человеком, так что, когда отсюда выйдешь, закрой-ка глаза. Не нужно тебе видеть несчастье, которому мы не в силах помочь.

— Как скажешь, сынок. — Ланарк опустил веки.

Касание руки Александра давало ему такое счастье и уверенность, что он потихоньку захихикал.

Ведомый Александром, он сошел по нескольким лестницам (вокруг не умолкали крики), попал в помещение, где чьи-то пальцы цеплялись за его лодыжки, и наконец, хотя прохладнее не стало, понял, судя по хору голосов и топоту бегущих ног, что очутился на улице. Он открыл глаза. Зрелище заставило его пошатнуться, и, стараясь восстановить равновесие, Ланарк зашатался еще больше. Александр поддержал его со словами: «Спокойно, папа». Большая неплотная толпа, по преимуществу дети под присмотром женщин, скользя и спотыкаясь, стремилась вниз по склону холма, к широко открытым воротам. Но склоном этим была

городская площадь. Картину, зажатую между двумя рядами скособоченных зданий, освещали с обеих сторон фонари на наклонных столбах; наклоненный шпиль соседнего собора свидетельствовал о том, что вся местность стала похожа на приподнятую с одного края доску.

— Что случилось? — вскричал Ланарк.

— Оседание грунта, — объяснил Александр, неся его сквозь толпу. — Вскоре ожидается новое, еще сильнее. Нужно спешить.

Касаясь ступнями земли, Ланарк каждый раз ощущал дрожание, похожее на электрический разряд. Это как будто придало его ногам силы. Он задвигался проворнее, хихикая и повторяя: «А мне это нравится».

— Господи Иисусе, — пробормотал Александр.

— Я говорю как древний старик, Сэнди? Я не старик. Эти ворота ведут на кладбище, к некрополю?

— Вдали от зданий не так опасно.

— Мне это кладбище хорошо знакомо, Синди. Твоей матери тоже. Я мог бы много чего о нем рассказать. К примеру, под мостом, куда мы движемся, протекал когда-то приток городской реки.

— Помолчи, папа, и переставляй поживее ноги.

На слабо освещенном кладбище народ припадал к травянистым участкам или разбредался по множеству узеньких тропинок. С вершины холма вещал громкоговоритель, призывая держаться подальше от высоких монументов. Александр сказал:

— Рима, должно быть, наверху; ты сможешь подняться?

— Да, да! — возбужденно закивал Ланарк. — Да, нам всем нужно взобраться на вершину, скоро начнется наводнение, гигантский-прегигантский потоп.

— Не говори глупости, папа.

— Это не глупости. Кто-то рассказывал мне, что все кончится потопом; он нисколько не колебался. Да, нужно забраться как можно выше, хотя бы ничего не пропустим.

Пока они карабкались по крутой тропинке, Ланарк ощущал все большую бодрость и веселье. Он даже попробовал продвигаться прыжками.

— Ты женат, Сэнди?

— Осторожно, папа. Мне бы хотелось, чтобы ты называл меня полным именем. Нет, не женат. Но у меня есть дочь, если это тебя утешит.

— Конечно, утешит! Конечно! Она тоже там, на холме?

— Нет, слава богу, она в более надежном месте. Слышишь выстрелы?

В отдалении прозвучал треск.

— Тоже мне, выбрали время для перестрелки! — Голос Ланарка сорвался от негодования.

— Корквантильная Галактика пытается ликвидировать свой завод в Унтанке, но Производители, Перевозчики и Ремонтники присоединились к Управлению обороны, которое поддержало выступивших против нее Единоприсягателей, так что охвостье совета послало сюда Коккигруэсов.

— Ничего не понял. Кто такие Коккигруэсы?

— В свое время объясню.

Внизу, в городе, горели здания. Глянцевые стены в квартале башен отбрасывали мерцающие отсветы на кучку людей между монументами и вершиной. Ланарк видел их неясно, потому что на глазах у него выступили слезы. Ему пришло в голову, что Рима теперь уже старуха, и эта мысль причинила ему неожиданную боль. «Нужно посидеть», — пробормотал он и опустился на край гранитной плиты. Ягодицы задержались от вибрации. В глаза ему бросилась ближайшая группа из мужчин с нарукавными повязками; они склонились над старомодным радиоприемником. Стоявшая рядом с ними полная женщина в черном платье махнула Александру, подошла и положила руки на плечи Ланарку. Удивленный, он поднял взгляд на ее лицо, с большими глазами, длинным носом и прямой линией маленького, по-детски серьезного рта. Оно было слегка усталым, в блестящих гладких волосах мерцала кое-где седина, но все же это было в точности то же лицо, которое он впервые увидел в кафе «Элита».

— Неужели ты — Рима?

Она отозвалась со смехом:

— Не узнавать меня — твоя давняя привычка. Ты постарел, Ланарк, но я тебя узнала сразу.

Ланарк улыбнулся:

— Ты растолстела.

— Она беременна, — буркнул Александр. — В ее-то возрасте.

— Мой возраст тебе не известен, — резко бросила Рима и добавила: — Прости, Ланарк, что не могу познакомить тебя с Хорэсом: он отказывается с тобой встречаться. Временами он ведет себя как полный идиот.

— Кто такой Хорэс?

Александр угрюмо вставил:

— Тот, кто не хочет с тобой встречаться. Чертов радиооператор к тому же.

Ланарк встал. Вибрация почвы перешла в сильные, едва ли не слышные биения, и Рима напряженным голосом попросила:

— Не говори гадостей, Алекс, мне страшно.

Биения прекратились. В безмерной неподвижности горячий воздух обжигал кожу. Ланарк почувствовал такую тяжесть, что рухнул на колени, потом такую легкость, что взлетел в воздух. Приземлился он не там, где рассчитывал. Он лежал, прислушиваясь к грохоту и крикам, разглядывая склонившуюся к нему освещенную верхушку обелиска и ожидая, что она обломится или упадет целиком. Снова тяжесть, и снова легкость, но на этот раз от земли оторвался только затылок, а затем со стуком шлепнулся обратно, отчего Ланарка слегка оглушило. Вновь он увидел обелиск стоящим абсолютно прямо и сияющим ослепительным блеском.

— Пожалуйста, скажите, что происходит, — попросила Рима.

Она лежала на земле, свернувшись калачиком и прикрыв глаза руками. Все остальные тоже лежали на земле, за исключением Александра, который стоял на

коленях у радиоприемника и с серьезным видом крутил ручки.

— Земля вернулась в горизонтальное положение, — ответил Ланарк, поднимаясь на ноги, — и по ней распространяется огонь.

— Это ужасно?

— Это прекрасно. И всеохватно. Тебе стоит взглянуть.

За горевшим зданием тянулась широкая полоса ярко-красного света, куда вторгались клубы пыли от рухнувших и рушившихся крыш. Другого освещения не было.

— Сперва огонь, потом воды! — возликовал Ланарк. — Что ж, у меня была интересная жизнь.

— Как всегда, думает только о себе! — взвизгнула Рима.

— Тише, я пытаюсь связаться с Управлением обороны! — бросил Александр.

— Оборонять уже нечего, я слышу шум воды, — отозвался Ланарк.

Отдаленный шум ветра сопровождался слабыми криками. Хромая, Ланарк пробрался между двумя монументами к краю косогора, уцепился за ветку боярышника и жадно уставился вниз.

Воздух освежило холодное дуновение. Шум нарастал, вздымался волнами, булькал; по нижней дороге между некрополем и собором заструилась белая пена, за ней — рябь и стремительные волны, над которыми с жалобными криками носились, камнем падая вниз, чайки. Мысленным взором он проследил поток

обратно, к реке, откуда он вытекал, полноводной реке, разливавшейся как океан. Щеки Ланарка коснулось что-то, колеблемое ветром: черная ветка с острыми почками, розовыми и серо-зелеными. Краски вокруг как будто сделались светлее, хотя зарево над крышами потухло, сменившись бледным серебром с нежно-розовыми прожилками. Горизонт был отмечен длинной серебряной полосой. Размытые очертания крыш на его фоне приобрели четкость. Разрушенных зданий оказалось меньше, чем ожидал Ланарк. Тусклое скопление облаков за ними обратилось яркими холмами, покатыми, а вовсе не обступившими город стеной; к отдаленным вересковым вершинам устремлялись, сменяя друг друга, полосы пашни и леса, разделенные жемчужно-серыми опушками. Ветер разорвал мрак над головой, и он сделался тучами, меж которых проглядывала голубизна. Оглядевшись, Ланарк увидел выкатывавшийся из-за лаврового деревца золотой шар солнца, мерцание света, пляску воздуха среди подвижных листьев. Опьяненный пространством, он поворачивался то туда, то сюда, напряженно следя с широко открытым ртом, как свет создавал краски, облака, расстояния и плотные предметы, которые можно тронуть рукой. Среди этой игры света горящие здания представлялись мелкими очажками огня, которые скоро потухнут. Разве что с легким разочарованием он наблюдал, как поток утекает обратно по уклону дороги.

Сзади к нему подошла Рима и произнесла насмешливо:

— Опять попал пальцем в небо.

Кивнув, Ланарк спросил со вздохом:

— Рима, ты когда-нибудь меня любила?

Она рассмеялась, обняла его и поцеловала в щеку:

— Конечно, даже когда ты на каждом шагу надомной издевался. Опять стреляют.

Они немного постояли, прислушиваясь к щелканью и треску. Рима проговорила:

— Алекса вызвало Управление обороны. Дело очень срочное, но он пообещал, что вернется к тебе, как только сможет. Оставайся здесь и не беспокойся, если придется долго ждать.

— Хорошо.

— Прости, что не могу взять тебя с собой, но Хорэс временами ведет себя как полный идиот. С чего бы такому молодому человеку ревновать меня к тебе?

— Не знаю.

Она рассмеялась, чмокнула Ланарку в щеку и ушла.

Немного погодя он вернулся, прихрамывая, на площадку между монументами и снова сел на краешек гранитной плиты. Он устал и продрог, но ничего не имел против того, чтобы ждать. Вокруг никого не было, но вскоре послышался скрип гравия. К Ланарку приближался некто в черно-белых одеждах, держа в руках камергерский жезл с серебряным набалдашником. Ланарку не удавалось опознать лицо под париком: иногда ему вспоминался Манро, иногда Глопи. Он спросил:

— Манро? Глопи?

— Совершенно верно, сэр. — Фигура склонилась в почтительном поклоне. — Вам дарована необычная милость, отчего, собственно, мы сюда и посланы.

— Кто вас послал? — раздраженно бросил Ланарк. — Институт или совет? Ни к тому, ни к другому я не питаю симпатии.

— Наука и власть в настоящее время ликвидируются. Я представляю Министерство земли.

— Сплошная чехарда названий. Но я на это давно плюю. Не трудитесь объяснять.

Пришедший снова поклонился:

— Завтра в семь минут пополудни вы умрете.

Слова эти совсем заглушил пронзительный крик чайки над головой, но Ланарк превосходно их понял. Казалось, он помнил или ожидал их всю жизнь — как падение матери в тесном коридоре, как руку полицейского у себя на плече. Уши его наполнил гул, похожий на гомон испуганной толпы. Он шепнул:

— Смерть — это не милость.

— Милость — знать когда.

— Но я... я припоминаю как будто, что прошел через несколько смертей.

— Это были репетиции. После следующей смерти ничего от вашей личности не останется.

— Будет больно?

— Не особенно. Уже сейчас вы не чувствуете свою левую руку, не можете ею пошевелить. Через секунду чувствительность вернется, но завтра в пять минут первого то же произойдет со всем телом. На две минуты сохранятся зрение и мысли, но двигаться и говорить вы не сможете. Это время будет самое тяжелое. Когда оно кончится, вы будете мертвы.

От жалости к себе и досады Ланарк нахмурился. Почтительным тоном камергер спросил:

— У вас есть жалобы?

— У меня в жизни недостаточно было любви. Надо бы больше.

— Все на это жалуются. Вы могли бы обжаловать смертный приговор, если бы у вас было более полезное дело.

— Если это намек, что мне нужно пуститься в новые приключения, то спасибо, не хочу. Но что сделается с моим сыном, со всем миром, когда меня не будет?

Камергер пожал плечами и развел руками.

— Ладно, ступайте, ступайте, — сказал Ланарк уже любезней. — Можете передать земле, что я предпочел бы не столь обычный конец — быть убитым молнией, к примеру. Но готов встретить смерть такой, какая назначена.

Камергер исчез. Ланарк забыл о нем, подпер ладонями подбородок и долго следил за проплывавшими облаками. Он слегка волновался — обыкновенный старый человек, но ему было радостно видеть в небе свет.

РИСОВАТЬ КАРТЫ Я НАЧАЛ ЕЩЕ МАЛЫШОМ: ОБОЗНАЧАЛ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ, ЛАГЕРЬ ВРАГА И ОПЛОТ ЛЮБВИ. Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО ВРЕМЯ МЕНЯЕТ ПРОСТРАНСТВО СУШИ. СОБЫТИЯ ПАДАЮТ, КАК СНЕГ, ПОГРЕБАЯ ПОД СОБОЮ ВЕХИ, И УРОВЕНЬ ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ РАСТЕТ ПОДОБНО СУГРОБУ.

ТЕПЕРЬ Я ВЗРОСЛЫЙ. КАРТЫ МОИ УСТАРЕЛИ.

Я НАКРЫТ ЗЕМЛЕЙ.

НЕ ШЕВЕЛЬНУТЬСЯ. ПОРА УХОДИТЬ.

ДО СВИДАНИЯ.

Приложение. Как вырастал «Ланарк»

Здравствуйтесь еще раз. В 1981 году, когда «Ланарк» был опубликован издательством «Канонгейт», мне было 45 лет, и я надеялся, что после моей смерти книгу ждет слава. Лондонский издатель сказал, что в США «Ланарк» может стать культовой книгой, в Британии же ожидается меньший успех. Однако с 1981 года он постоянно переиздается, и мне часто приходится отвечать на следующие вопросы.

ВОПРОС. Расскажите о своей биографии.

ОТВЕТ. Если под биографией вы понимаете окружение: первые двадцать пять лет были прожиты в Риддри, благоустроенном восточном районе Глазго, где преобладают муниципальные дома с отделанными камнем фасадами и сдвоенные виллы. Среди наших соседей были медсестра, почтальон, типограф и торговец табачными изделиями, так что я сделался отчасти снобом. Я не сомневался, что Британией владеют и управляют по преимуществу жители Риддри — похожие на моего отца, знакомого с помощником муниципального секретаря (тоже из Риддри) и другими шишками, которым он ни в чем не уступал. Если под биографией вы понимаете семью: мои родные были люди работающие, начитанные и очень трезвые. Мой английский дедушка работал в Нортхемптоне мастером на обувной фабрике и вынужден был переселиться на север, так как работодатели внесли его в черный список как профсоюзного активиста. Мой шотландский дедушка был кузнецом на заводе и церковным старостой. Отец воевал

на Первой мировой, после чего сделался агностиком и социалистом. Получил ранение в живот, что обеспечило ему небольшую пенсию от правительства, занимался машинной резкой картона на фабрике, которая пережила депрессию тридцатых годов, и в 1931 году женился на Эми Флеминг, служащей универсального магазина в Глазго. Она была хорошей домохозяйкой и дельной матерью, любила музыку и пела в хоре «Орфей» в Глазго. Отец на досуге увлекался пешим туризмом и альпинизмом, работал на общественных началах секретарем Кемпинг-клуба Великобритании и Ассоциации молодежных турбаз Шотландии. Мама, с тех пор как вышла замуж, не могла уже предаваться стольким хобби; как я теперь понимаю, ей хотелось от жизни большего, но она редко жаловалась. Таким образом, они были типичной супружеской парой. У меня была младшая сестра, которую я изводил; пока мы не разъехались, между нами постоянно шла война. Теперь она стала одним из моих лучших друзей.

ВОПРОС. Какое у вас было детство?

ОТВЕТ. За исключением тех дней, когда меня донимала астма или экзема, вполне безоблачное, однако частенько скучное. Родителям мечталось, чтобы я учился в университете. Им, видите ли, хотелось, чтобы я занимался умственным трудом, потому что таким людям легче сохранить работу во время промышленного спада. Чтобы поступить в университет, нужно было сдать экзамены по латыни и математике — оба предмета я терпеть не мог. Половина моих школьных лет прошла за занятиями, такими же неприятными для мозга, как жевание опилок для зубов. К этому, разумеется, добавлялась домашняя работа. Желая облегчить мне бремя учебы, отец брал меня на велосипедные прогулки

и в горы, но я не любил таскаться за ним хвостом и предпочитал бежать в мир комиксов, фильмов и книг — книг прежде всего. В Риддри была хорошая библиотека. Меня тянуло ко всякой эскапистской дряни, но, когда она была исчерпана, ничего не оставалось, как взяться за хорошую литературу: мифы и легенды, путешествия, биографии, историю. Хорошо укомплектованная публичная библиотека представлялась мне верхом демократического социализма. Наличие ее в таком затхлом месте, как Риддри, доказывало, что мир в основном неплохо организован. Понимаю, что завел речь о моей жизни с одиннадцати лет и далее, после Второй мировой войны. В военные годы, с эвакуацией в 1939-м на ферму в Очтерардер (впечатления от этого использованы мною в «Прологе оракула»), в шахтерский городок Стоунхаус в Ланаркшире (материал использован в моем втором романе, «1982, Жанин») и в Уэзерби в Йоркшире, жизнь моя не была подчинена целиком и полностью шотландской системе образования, всецело поддерживаемой моими родителями, а стало быть, я вовсе не страдал от скуки.

ВОПРОС. Когда вы обнаружили в себе художественные наклонности?

ОТВЕТ. Об этом я не думал. Как все дети, получившие в руки карандаши, я начал рисовать, и никто не велел мне бросить это занятие. В школе меня даже поощряли. И мои родители (как многие родители в те дни) ожидали, что их отпрыск усвоит какой-нибудь светский талант: будет на домашних сборищах петь или декламировать стихи. Я декламировал никуда не годные вирши А. А. Милна. Обнаружилось, что я и сам могу писать стихи не хуже, а даже лучше — ведь они были мои. Мой отец печатал на машинке и мои стихи, и

незрелые рассказы, которые я посылал в журналы для детей и на радиоконкурсы. В одиннадцать лет я выступил на детском часе шотландской Би-би-си с четырехминутным чтением собственных сочинений. Но то, что я когда-нибудь напишу историю, которую напечатают в книге, пришло мне в голову раньше: лет в восемь или девять. Это наполнило меня опьяняющим, радостным ощущением силы.

ВОПРОС. Что вы рисовали в детстве?

ОТВЕТ. Космические корабли, монстров, карты воображаемых планет и царств, антураж романтических и военных приключений, о которых рассказывал сестре, когда мы вместе шли в школу. В критическом возрасте между семью и одиннадцатью годами у меня еще не было других слушателей, на которых я мог бы по-настоящему рассчитывать. Если вы читали «Ланарк», то заметите, конечно, как связана книга 1 — начальная половина раздела, посвященного Тоу, — с моим собственным детством. Но там не показано, как помогали и сочувствовали мне мама, папа и сестра. Я принимал это как само собой разумеющееся — следуя их примеру. Когда же я использовал свои детские воспоминания в этой книге, из памяти выплыли только ссоры: они выглядели ярче, чем само собой разумеющаяся поддержка родных.

ВОПРОС. Когда и почему вам захотелось написать историю своей жизни?

ОТВЕТ. Разве не каждый из нас мечтает стать героем или героиней? Уверен, это приходит в голову всем детям — вероятно, когда они выходят из пеленок и обнаруживают, что единственная власть над миром, которой они располагают, — это власть воображения.

Книги содержали в себе миры, которыми я мог, грезя наяву, владеть и управлять. В книжном шкафу в родительской спальне на средней полке стояли полные собрания пьес Бернарда Шоу и Генрика Ибсена, рядом с «Французской революцией» Карлейля, эссе Маколея, «Историей рабочего класса Шотландии» и «Нашими знатными родами» Тома Джонсона, томом Философской библиотеки под названием «Человечество выигрывает от неверия», антологией атеистических выдержек «Поднимите головы», большим сине-серым томом с золотым тиснением на корешке: «Чудо жизни». В последнем содержались эссе: «Рассвет жизни», «Что означает эволюция», «Жизнь, которая исчезла», «Эволюция, похожая на тиканье часов», «Животное царство», «Растительное царство», «Родовое древо человека», «Расы человечества», «Человеческая машина за работой», «Психология через века», «Открыватели тайн жизни». Из 476 (исключая указатель) страниц половина была заполнена черно-белыми фотографиями и схемами. На средней полке имелись также «Квинтэссенция ибсенизма» Шоу и «Приключения черной девушки в поисках Бога» — наверное, это было первое сочинение для взрослых, с которым меня познакомили, хотя как это было, я не помню. Вспоминаю, как с удовольствием и волнением поглощал его лет в четырнадцать-пятнадцать, но спустя годы отец рассказывал, что читал его для меня вслух, когда я был совсем крохой — лет, наверное, четырех. Через странствования черной девушки в африканском буше история рассказывает об эволюции человеческой веры. Обращенная в христианство английским миссионером, она пускается на поиски Бога, ибо не сомневается, что его можно найти на земле; на разных полянах она

встречает богов Моисея, Иова и Исаяи, затем Экклезиаста-проповедника, Иисуса, Магомета, основателей христианских сект, экспедицию ученых рационалистов, скептика Вольтера, социалиста Джорджа Бернарда Шоу, который учит ее, что Бога искать не нужно, на него нужно работать, то есть как можно умнее, не думая о выгоде, заботиться о том участке мира, который достался тебе во власть.

Мораль этой истории достигает вершин человеческой мудрости, но тогда она была мне не по уму. По словам отца, я все время спрашивал: «А следующий бог будет настоящий боженька?» Несомненно, мне бы хотелось, чтобы черная девушка встретила наконец универсального творца, такого, как мой отец: огромных, правда, размеров, но так же живо ощущающего мою значимость. Радуюсь, что он не научил меня в это верить: ведь пришлось бы отучаться. Однако моя первая встреча с этой книгой состоялась в предыстории, которую я забыл или выбросил из памяти; позднее к ней вернулся. Книга была красивая, с обложкой, украшенной четкими черными гравюрами на дереве, с титульным листом и текстом в духе Эрика Джилла. Форма, как и содержание, представляла собой убедительную смесь приземленного и экзотического.

Все это помешалось на средней полке книжного шкафа в нашей спальне в Риддри. Верхняя полка была загромождена оранжево-красными корешками томов Левого книжного клуба, четыре пятых из них составляли труды Ленина на английском: плотный текст, начисто лишенный иллюстраций и диалогов. Нижнюю полку точно так же заполняла энциклопедия Хармсуорта, потому что книжный шкаф был приобретен вместе с энциклопедией у издателя газеты «Дейли рекорд», где

впервые сообщалось о ее выходе. Там было много картинок, в основном черно-белых фотографий, но каждый раздел алфавита предварялся сложным карандашным рисунком: густонаселенный пейзаж, где фигура на троне, представлявшая, например, Античную историю, была окружена Архитектурными ордерами, Астрономическим телескопом, видами Австралии и Антарктики с Амундсенем, Армадиллом и Агути, роющимися в земле под Акацией. Я думал, что в этих томах объясняется все, что существует или существовало на свете, а также содержатся биографии всех сколько-нибудь заметных людей. Шесть слогов названия «Эн-ци-кло-пе-ди-я» словно бы аккумулировали в себе все эти толстые коричневые книги, которые, в свою очередь, аккумулировали в себе всю вселенную, так что, произнося их, я словно бы преисполнялся могущества, подкрепленного удовольствием, которое испытывали при этом мои родители. Но четыре цветные таблицы с флагами всех государств и геральдическими щитами давали мне беспримесное, чисто чувственное наслаждение. Меня зачаровывали четкие прямо- и косоугольники — внутри их голубой, красный, желтый, зеленый, черный и белый цвета образовывали узор, с живостью и ясностью которого могли поспорить разве что рождественские украшения.

Здоровые дети развивают свое воображение совместными играми. Я не был здоровым ребенком. Мое воображение развивали главным образом одинокие фантазии, основанные на фильмах, картинах и книгах. Оттуда я черпал иногда ощущение, что моя жизнь будет исполнена чудес, внушенное нередко сексуальными эпизодами в книгах, причем не всегда лучшими. Я чувствовал это, когда читал в «1984», как Уинстон в

коридоре Министерства правды помогает споткнувшейся девушке, которую ненавидит, а затем обнаруживает подsunутую ею записку со словами: «Я тебя люблю»; или как Дэвид Копперфильд набирается храбрости сделать предложение Агнес и слышит в ответ, что она всегда его любила. Также в «Пер Гюнте», когда матушка Осе и невеста Сольвейг спасают его от Большого Бойга — звонят в церковные колокола, и огромное облако, охватившее Пер Гюнта, рассеивается со словами: «Он для нас слишком силен — за ним стоят женщины». Я чувствовал это и в кульминационном эпизоде «Портрета художника в юности», когда Стивен Дедал видит юную босоногую девушку, которая гребет на мелководье; она отзывается на его восхищенный взгляд, и он, с выразительным «О боже!», поворачивается и идет к закату, зная, что станет художником, то есть жрецом самого высокого разряда. И в «Из первых рук» Джойса Кэри: Галли Джимсона, получившего смертельную рану при уничтожении его стенной росписи, уносят в госпиталь, а он смеется, зная, что работал над своим лучшим произведением до самого конца. Роман Джойса Кэри привел меня к книгам У. Блейка; Галли Джимсон постоянно его цитирует. В Митчелловской библиотеке в Глазго имелись факсимиле и оригиналы — и стихи, и рисунки, и проза Блейка, удивительно верные и красивые, понравились мне тогда и нравятся сейчас.

Изящная непринужденность нагих фигур ощущалась как освобождение. Освобождением веяло и от слегка извращенных фигур Обри Бердсли, в замысловатых одеждах. Если это звучит слишком высокопарно, признаюсь, что лет в двенадцать-тринадцать ужасно увлекался яркими американскими комиксами, которые впервые появились в

Британии в конце сороковых годов. Их женские персонажи — Чудо-Женщина, Шина Королева Джунглей и другие — телосложением и лицами походили на шикарных кинозвезд того времени, но одеты были куда откровенней; а поскольку изображение нормального секса подпадало под запрет тогдашней американской морали, заменой служили приключения, в ходе которых героинь пленяли или обращали в рабство. В таких фантазиях я, при моей сексуальной робости, как раз и нуждался.

ВОПРОС. Вы обильно информируете о прочитанных книгах; не свидетельствует ли это о полном отсутствии интереса к жизни вокруг?

ОТВЕТ. Не интереса, а ожидания. Если вы решили, что у меня вовсе не было друзей, значит, я ввел вас в заблуждение. Приятелей у меня было несколько; главный из них тот, кого я в романе назвал Коултером. Вдвоем мы совершали прогулки, беседуя на ходу, иногда ездили на велосипедах. Однако я не мог участвовать в играх, которые он любил (носиться сломя голову, смотреть футбольные матчи), а также проводить вечера в «Деннистаун-палэ». Рассказы о его похождениях в обществе зачаровывали меня не меньше, чем прочитанные книги. Мое умение общаться сводилось к беседам тет-а-тет и выступлениям в школьном литературно-дискуссионном клубе — навыкам Адольфа Гитлера. Мне хотелось в чем-нибудь участвовать, хотелось, чтобы меня с нетерпением ждали, радовались моему приходу — особенно привлекательные девушки. Но ничего подобного в моей жизни не случилось до 1952 года, когда я, через несколько месяцев после смерти матери, поступил в Школу искусств в Глазго. Все это я описал в «Ланарке» — так, как запомнил. Память — это

процесс редактирования: одни эпизоды раздуваются, другие стираются, события выстраиваются в более стройном порядке, хотя никто этого за собой не замечает. Я вот не замечаю.

ВОПРОС. Итак, насколько автобиографичен «Ланарк»?

ОТВЕТ. Первая половина раздела, посвященного Тоу, очень похожа на мою жизнь до семнадцати с половиной лет, хотя, как я объяснял, гораздо более трагична. Также существовал и хостел для рабочих военного завода, которым управлял мой отец приблизительно с 1941 по 1944 год, — в Уэзерби, Йоркшир. Я переместил его в горы на запад Шотландии, чтобы сохранить некоторое национальное единство и внести намек на кальвинистское прошлое Шотландии, хотя священник церкви независимого меньшинства — чисто вымышленный персонаж. Подобного я никогда не встречал. Вторая половина книги о Тоу правдива в том, что касается друзей, которых я завел в художественной школе, и отчасти отношений с ее персоналом, поскольку, будучи там, я заполнял тетрадь записями для своего «Портрета художника в юности, проведенной в Глазго». Но, в отличие от портрета, нарисованного Джеймсом Джойсом, своему художнику я готовил трагический конец.

ВОПРОС. Почему?

ОТВЕТ. В Шотландии 1950-х годов молодой художник, занимайся он станковой живописью или монументальным искусством, не мог заработать себе на жизнь. Почти все учащиеся художественной школы пошли в преподаватели, за исключением немногих, подавшихся в промышленность или рекламу, а также в

домашнее хозяйство. Полагаю, сам я выжил бы благодаря какому-нибудь подобному компромиссу, но Тоу я не собирался такого позволять. Оттого-то я и наделил его большей суровостью и прямолинейностью. Его неспособность нравиться женщинам и сексуальная неудовлетворенность также должны были подтолкнуть его к безумию. Кстати, эпизод с проституткой полностью вымышлен. Как мне подумалось, нечто подобное, вероятно, произошло бы, если бы я связался с проституткой. Потому я и не связывался. В 1954 году я настолько поверил в историю о Тоу, что не пошел, как большинство студентов художественной школы, на летние заработки, а получил у отца разрешение остаться дома и писать. Наскоро заполнив тетради идеями и описаниями, я уверился, что на окончание романа уйдет два с половиной месяца. К концу этого срока я написал нынешнюю 12-ю главу, «Война начинается», и галлюцинаторный эпизод, заключающий 29-ю главу — «Выход». Я обнаружил, что склоняюсь не к стремительному взволнованному голосу дневника, а к голосу спокойному и нейтральному, какому читатель поверит. Читаю я совершенно другим голосом. И чтобы не отступать от своего замысла, пришлось все время пересматривать написанное.

ВОПРОС. Откуда взялся «Ланарк»?

ОТВЕТ. Из Франца Кафки. К тому времени я успел прочитать «Процесс», «Замок» и «Америку», а также предисловие Эдвина Мьюира с объяснением, что эти книги являются не чем иным, как современным вариантом «Пути паломника». Города в них очень напоминали Глазго 1950-х, старинный промышленный центр с тяжелым от дыма серым небом; часто оно покоилось, как крышка, на северных и южных грядках

холмов, не давая ночью видеть звезды. Я воображал себе приезжего, который, наведя справки, убеждается постепенно, что попал в ад. Я делал заметки для этой книги. Описывал, как приезжий прибывает в темный город на поезде, где он единственный пассажир. Но роман о Тоу необходимо закончить, думал я.

Однажды я обнаружил в деннистаунской публичной библиотеке «Английский эпос, его историю и предысторию» Тилльярда; описывать ее детально не стану, но вот урок, который я извлек из нее. Эпический жанр включает в себя как поэзию, так и прозу и может объединять в себе все другие жанры, будучи убедительным сообщением о том, как ведут себя люди в обычных или необычных обстоятельствах дома, в политике, в легенде, в сказке. Если уж братья за перо, решил я, то только ради эпоса, и подкрепили этот вывод воспоминания о том, какое удовольствие я получал от произведений смешанного жанра: детских рождественских спектаклей, фильма «Волшебник страны Оз», сказок Андерсена, «Пальмового пьяняря» Амоса Тутуолы, «Признаний оправданного грешника» Хогга, «Пер Гюнта» Ибсена, «Детей воды» Кингсли. «Фауста» Гёте, «Моби Дика», «Приключений черной девушки в поисках Бога» Шоу, классических мифов и отдельных библейских книг. Все они содержали смесь событий повседневных и сверхъестественных.

Я планировал поместить свое путешествие через ад в середину «Портрета художника из Глазго в полной расстройств юности». Пусть в какой-нибудь главе, до того как Тоу сойдет с ума, его пригласят в пьяную компанию, где он встретит пожилого джентльмена — такого же, как он, но старше на три-четыре десятка лет, и пусть тот расскажет ему странную фантастическую

историю, занимательную саму по себе. Только когда читатели дойдут до конца Тоу, им станет понятно, что вставной рассказ является ее продолжением. Конструкция книги рисовалась мне как подмости, возведенные для строительства большого замка, часть башен (то есть глав) которого уже завершены или близки к завершению. Едва ли не все, что происходило в моей жизни, пока в романе не была поставлена последняя точка, давало мне строительный материал, который я накапливал в тетрадях, чтобы пустить на сооружение оставшихся башен и стен.

Например, в главах с 7-й по 11-ю описывается институт, то есть область ада, где дьяволами служат квалифицированные специалисты, представители современного среднего класса. Источником послужил как опыт других писателей, так и мой собственный. Архитектура института происходит от империи селенитов в «Первых людях на Луне» и от Лондона XXI века в романе «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, но большей частью от ада в «Пагубной фиесте» Уиндема Льюиса. Это была часть трилогии «Век человеческий», позднее опубликованной в виде романов, но последние две книги вначале появились как пьесы для третьей программы Би-би-си — она несколько раз выходила в эфир году в 1955-м. Я слышал эту передачу, когда лежал в больнице Стобхилл, что дало материал для главы 26, «Хаос», где описываются впечатления пациента. Меня отправили туда с диагнозом «астматический стаз» (согласно нашему домашнему доктору), по причине, как мне кажется, ссоры с одной очень милой девушкой, которая любила меня всего лишь как друга, мне же хотелось сделать ее (1) своей любимой и (2 — разумеется, позднее) женой. В главах об институте я

описываю это с позиции очень низкоквалифицированного врача, а атмосферу и детали заимствую из разных источников: ада Уиндема Льюиса, стоуиллской больницы, лондонской подземки и лондонского телевизионного центра Би-би-си. С последним я познакомился в середине и конце 1960-х, когда там ставились мои пьесы или я получал заказы. Но главы с 7-й по 11-ю были написаны в 1969–1970 годах; к тому времени история Ланарка уже разрослась больше истории Тоу, и я решил поместить вторую внутри первой.

Большая перемена произошла в связи с моей женитьбой (в 1961-м) и рождением ребенка (сентябрь 1963-го). Моя странная и несчастная из-за неудовлетворенных желаний юность перестала быть наиболее значительной частью моей жизни. Позднейшие труды, которые я делил со множеством других людей, приобрели теперь не меньшую важность.

ВОПРОС. Вы хотите сказать, что фантастические, гротескные события книг 3 и 4 тоже автобиографичны? Как такое возможно? Ланарк становится лордом-провостом Унтанка, но вы ведь не играли никакой роли в политической жизни Глазго.

ОТВЕТ. Знаю, но опыт позволил мне делать обобщения. Писатель, чья пьеса выбрана для постановки на телевидении, очень схож с политиком, назначенным на важный пост, поскольку произнес речь, апеллирующую к широко распространенным чувствам. Он обнаруживает затем, что зависит от толпы режиссеров, продюсеров, сценаристов и техников, которые видят в нем калифа на час — он может быть полезен для их работы, только если не станет оспаривать их взгляд на пьесу. Автору того, что было некогда

сценарием, вероятно, будет приятен успех его продукта, в случае же неудачи автора наверняка станут ругать, однако ему вполне может прийти в голову, что его роль в этом деле не менее, а то и более успешно сыграл бы кто-нибудь, мыслящий не столь глубоко или совсем по-другому. Телевизионное производство дало мне полное представление о политике.

ВОПРОС. В каком порядке вы заканчивали отдельные части книги?

ОТВЕТ. Книга первая, в ее настоящем виде, была окончена до рождения моего сына. Мы с женой жили за счет социального обеспечения, поэтому я послал завершённую часть в литературное агентство Спенсера и Кертиса Брауна; по моему мнению, она была достаточно хороша, чтобы опубликовать ее отдельно, хотя лучше было бы, конечно, осуществить свой более крупный замысел. Однако мистер Кертис Браун отверг книгу, и таким образом она получила то завершение, которое было задумано первоначально. К середине 1970-х годов я закончил третью книгу и присоединил ее к первой при помощи Пролога оракула. К тому времени у меня появился хороший агент, которому нравилась моя книга, — дама из Лондона по имени Франсес Хед. Она показала рукопись трем лондонским издателям, которые стали меня уговаривать, чтобы я разделил Тоу с Ланарком и сделал из них две разные книги. По их словам, печатать такую большую книгу никому не известного, ранее не публиковавшегося романиста было бы слишком рискованным, разорительным предприятием. Однако мой первый брак благополучно распался, и деньги мне уже были не нужны — теперь я жаждал славы, поэтому отказался.

Книги вторая и четвертая писались параллельно: закончив главу из одной, я, все более ощущая, что качусь теперь под горку, переходил к главе из другой. В 1975–1976 годах я повсюду носил с собой рукописи и где только с ними не работал. Вспоминаю, как пробудился однажды в гостиной у моей приятельницы Анджелы Маллеин (накануне там была вечеринка, и меня, по обычной шотландской причине, свалил сон) и тут же взялся за работу: утро было спокойное, другие простертые на полу тела не шевелились. Теперь я на такое не способен. Тогда я был молодым человеком — лет сорока или около того.

На исходе июля 1976 года вся книга была закончена, отпечатана на машинке и отослана по почте в «Квортет Лтд» — единственное лондонское издательство, которое Франсес Хед сумела ею заинтересовать. Увы, Франсес скончалась уже от рака легких. «Квортет букс» тоже ответило отказом и по привычной причине: книга слишком длинна, издательство не хочет рисковать большими деньгами. Полгода я дулся, а потом отослал роман в «Канонгейт» — единственную известную мне издательскую фирму в Шотландии. Прошло пять или шесть месяцев, и наконец я получил полное энтузиазма письмо от рецензента «Канонгейт» Чарльза Уайльда, где было сказано, что, вероятно, Шотландский совет искусств возьмет на себя расходы по печати. Восемь или девять лет назад в «Скоттиш интернешнл», литературном журнале, существовавшем недолго, но весьма популярном, были напечатаны главы из книги, и таким образом север Британии оказался более готов к ее появлению, чем юг. 20 марта 1978 года я наконец заключил договор с «Канонгейт».

ВОПРОС. «Ланарк» был опубликован только через три года. Почему так нескоро?

ОТВЕТ. «Канонгейт» договорилось о совместной публикации с «Липпинкотт», старой и хорошо известной фирмой из США; но, прежде чем книгу успели напечатать, «Липпинкотт» поглотила другая известная американская фирма «Харпер энд Роу». Это вызвало задержку. Потом книгу просмотрели американские корректоры и не согласились с моей пунктуацией. Я объяснил, что при помощи пунктуации регулирую скорость чтения; некоторые отрывки нужно читать быстрее, другие медленнее, потому в первых меньше запятых. Новая задержка произошла оттого, что я восстанавливал оригинальный текст. Как бы то ни было, благодаря этим отсрочкам я успел сделать иллюстрации на титульных листах и проект суперобложки.

ВОПРОС. Вы испытали облегчение, когда наконец сбыли «Ланарка» с рук?

ОТВЕТ. Да. Не имея еще готовой книги, я воображал себе увесистый кирпич в 600 страниц, в хорошем переплете, думал, как тысяча таких кирпичей разойдется по Британии. Каждый том будет моим истинным телом с заключенной внутри душой; животное, которое друзья кликали Аласдэром Греем, являло собой пример запоздалого вторичного рождения. Мне нравилось это ощущение. Оно вселяло уверенность.

ВОПРОС. Выходит, многие годы работы над «Ланарком» не были потрачены впустую?

ОТВЕТ. Не совсем. Половину своих дней посвятить превращению своей души в типографскую краску — это странный способ жить. Поражаюсь, когда вспоминаю дневники, которые я писал в студенческие годы: как

часто я вкладывал слова в уста третьих лиц, тем самым приближая их к художественной прозе. Конечно, здоровые пантеры или утки живут куда лучше, но в качестве банкира, маклера, рекламного агента, производителя оружия или наркоторговца я причинил бы больше вреда. Есть на земле люди лучше меня, но есть и хуже, поэтому я себя не корю.

Alasdair Grey

LANARK: A LIFE IN FOUR BOOKS

1981

Примечания

1: Утопия в романе Дж. Хилтона «Потерянный горизонт». *(Здесь и далее, кроме эпилога, прим, перев.)*

2: Т. е. 172 см и 62 кг 695 г.

3: Мэр.

4: Выпущенный в 1939 г. дебютный роман Дж. Хэдли Чейза, впоследствии дважды экранизированный (в 1971 г. — Робертом Олдричем как «Банда Гриссомов»).

5: Выпущенная в 1682 г. аллегория английского проповедника-нонконформиста Джона Беньяна (1628–1688).

6: Джон Нокс (ок. 1513–1572) — шотландский религиозный реформатор, стоявший у истоков пресвитерианской церкви.

7: Хаггис — национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердце, печень, легкие), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

8: Целиком *(фр.)*.

9: Здесь и далее, помимо особо оговоренных случаев, стихи переведены Сергеем Сухаревым. *(Прим. перев.)*

10: «Чья жизнь в стремлениях прошла, того спасти мы можем». Гёте. Фауст, акт V, перевод Б. Пастернака.

11: Ин 14:2.

12: Перевод С. Маршака.

13: Псалтирь, 22:6.

14: Мания величия (*фр.*).

15: Ужасный ребенок (*фр.*).

16: Всесветный тормоз (*лат.*).

17: Счастливого пути (*фр.*).